

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

169 [1]

1884 Jan.

Per 27897 d. 72

7-109

1884

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1884 года.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1884 году, стоить въ Москвѣ безъ доставки ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на углу Большой Дмитровки и Страстнаго Бульвара.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву:

Въ государства входяція въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. 18 р.

Въ прочія мѣста а границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Редакція покорнѣйше просить гг. подписчиковъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) Гг. иногородные подписчики благоволятъ ПИСАТЬ свой адресъ ЧЕТКО, съ точнымъ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи, а также и того почтового МѢСТА куда должно адресовать журналъ, съ указаніемъ губерніи и уѣзда или станціи желѣзной дороги, присоединивъ и названіе этой дороги.

2) При перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ сообщать редакціи вмѣстѣ съ новымъ адресомъ по которому желаютъ получать журналъ и СТАРЫЙ АДРЕСЪ.

3) Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается прямо въ редакцію съ приложеніемъ УДОСТОВѢРЕНІЯ мѣстной почтовой конторы въ томъ что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторой.

4) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала тѣмъ лицамъ которыя подписались. помимо редакціи. Съ жалобами въ таковыхъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться въ то мѣсто гдѣ подписались.

5) За перемѣну адреса городского, иногороднаго и заграничнаго на иногородный или заграничный взимается 10 коп. Кроме того, при перемѣнѣ городского адреса на иногородный и заграничный взимается разница въ подписной цѣнѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1884

СЕМЬЯ ВУРДАЛАКА *

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НЕИЗВѢСТНАГО

неизданный разказъ гр. А. К. Толстаго.

1815 годъ привлекъ въ Вѣну все что было тогда самаго изящнаго въ средѣ европейскіхъ знаменитостей, блестящихъ салонныхъ умовъ и людей извѣстныхъ своими высокими политическими дарованіями. Это придавало городу необыкновенное оживленіе, яркость и веселость.

Конгрессъ приходилъ къ концу. Эмигранты-роялисты готовились переселиться въ возвращенные имъ замки, русскіе воины—вернуться къ своимъ покинутымъ очагамъ, а нѣсколько недовольныхъ Поляковъ—перенести въ Краковъ свои грезы о свободѣ подъ покровомъ той сомнительной незави-

* Разказъ этотъ, вмѣстѣ съ другимъ, *Свиданіе черезъ 300 лѣтъ* (*Le rendez-vous dans trois cents ans*), заключающимся въ той же имѣющейся у меня тетради покойнаго графа А. К. Толстаго, принадлежатъ къ эпохѣ ранней молодости нашего поэта. Они написаны по-французски, съ намереннымъ подражаніемъ нѣсколько изысканной манерѣ и архаическимъ оборотами рѣчи *conteur'*овъ Франціи XVIII вѣка. Это придаетъ имъ въ оригиналѣ своеобразную прелесть, трудно передаваемую въ переводѣ, но читатели оцѣнятъ во всякомъ случаѣ, не сомнѣваясь, самый интересъ помѣщаемаго здѣсь разказа и ту *реальность* ощущеній, если можно такъ выразиться, которую авторъ сумѣлъ ввести въ содержаніе чистаго вымысла. Фантастическій міръ производилъ съ юныхъ и до послѣднихъ лѣтъ на Толстаго неограниченное обаяніе... Въ тѣ же молодые его годы напечатанъ былъ имъ по-русски, въ маломъ количествѣ экземпляровъ и безъ имени автора, подобный же изъ области *сальпиризма* разказъ подъ загадочнымъ *Упырь*, составляющій нынѣ величайшую библиографическую рѣдкость. *Б. Маркевичъ.*

симости которая уготована была имъ тройною заботой князей Меттерниха и Гарденберга и графа Нессельроде.

Подобно тому какъ лодъ конецъ оживленнаго бала изъ общества, за мигъ предъ тѣмъ многочисленнаго и шумнаго, остается иной разъ лишь нѣсколько человекъ желающихъ еще повеселиться, нѣкоторые лица, очарованныя прелестью австрийскихъ дамъ, не слѣвши укладываться, отлагая отъѣздъ свой со дня на день.

Веселое это общество, къ которому принадлежалъ и я, собиралось раза два въ недѣлю въ замкѣ вдовствовавшей княгини Шварценбергъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, за мѣстечкомъ Гитцингъ. Изящно барскій тонъ хозяйки дома, ея граціозная любезность и тонкій умъ имѣли для гостей ея невыразимую привлекательность.

Утро наше посвящалось прогулкамъ; обѣдали мы всѣ вмѣстѣ, либо въ замкѣ, либо гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ, а по вечерамъ, сидя у не ярко пылавшаго камина, бесѣдовали и разказывали другъ другу разныя исторіи. Говорить о политикѣ было строго воспрещено. Всѣмъ она жестоко надоѣла, и разказы наши лочерпались или изъ повѣрій и преданій родной тому или другому изъ насъ страны, или изъ нашихъ личныхъ воспоминаній.

Однажды вечеромъ, когда уже всѣ кое-что поразказали и воображеніе каждаго изъ насъ находилось въ томъ напряженномъ состояніи коему такъ слободствуютъ обыкновенно полумракъ и наступающее внезапно общее молчаніе, маркизь д'Юрфе, старый эмигрантъ, котораго мы всѣ очень любили за его почти юношескую веселость и остроуміе, воспользовался этою наставшею минутой молчанія и заговорилъ:

— Разказы ваши, господа, сказаль онъ, — весьма необыкновенны, конечно, но мнѣ сдается что въ нихъ нѣтъ главнаго: именно, вашего личнаго въ нихъ участія. Я не знаю, видѣль ли изъ васъ кто самъ, собственными глазами, тѣ сверхъестественныя явленія о которыхъ только-что сообщалось намъ и можетъ ли онъ подтвердить ихъ своимъ честнымъ словомъ?

Мы должны были согласиться что никто изъ насъ сдѣлать это не могъ, и старикъ продолжалъ, оправдывая свое жабо:

— Что до меня, господа, то я знаю одинъ лишь случай въ этомъ родѣ, но случай этотъ такъ страненъ, страшенъ и главное достовѣренъ что его одного достаточно чтобы навести ужасъ на воображеніе самаго недовѣрчиваго человека. Я къ несчастію самъ былъ тутъ и свидѣтелемъ, и действую-

щимъ лицомъ, и хотя я обыкновенно не люблю о немъ вспоминать, но на сей разъ охотно разкажу вамъ этотъ случай если только дадутъ мнѣ на это дозволеніе прелестныя дамы наши.

Согласіе немедленно послѣдовало общее. Нѣсколько пугливыхъ взоровъ обратились, правду сказать, по направленію къ свѣтящимся четырехугольникамъ которые начинала выводить луна на гладкомъ паркетѣ покоя гдѣ мы находились, но вскорѣ маленькій кружокъ нашъ сдвинулся потѣснѣе, и всѣ замолкли въ ожиданіи повѣсти маркиза. Онъ вынулъ изъ золотой табатерки щепотку табаку, медленно потянулъ ее и началъ такъ:

— Прежде всего, mesdames, я попрошу у васъ извиненія если въ теченіе моего разказа мнѣ случится говорить о своихъ сердечныхъ дѣлахъ чаще нежели прилично это человѣку моихъ лѣтъ. Но упоминать о нихъ я долженъ для большей ясности моего разказа. Впрочемъ, старости простительно иногда забываться, и никто кромѣ васъ не будетъ въ томъ виновать, mesdames, если въ вашемъ кругу я воображу себя на мигъ олять молодымъ человѣкомъ. Итакъ, скажу вамъ безъ дальнѣйшихъ оговорокъ что въ 1769 году я былъ страстно влюбленъ въ хорошенькую герцогиню де-Грамонъ. Эта страсть, которую я въ ту пору почиталъ неизмѣнно глубокою, не давала мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью, а герцогиня, какъ большинство хорошенькихъ женщинъ, своимъ кокетствомъ удаивала мои мученія, такъ что наконецъ въ минуту досады я рѣшился испросить и получилъ дипломатическое порученіе къ Молдавскому господарю, у котораго шли тогда переговоры съ Версальскимъ кабинетомъ о дѣлахъ имѣвшихъ въ ту пору для Франціи нѣкоторую важность. Наканунѣ моего отъѣзда я отправился къ герцогинѣ. Она приняла меня уже не такъ насмѣшливо какъ прежде и заговорила съ нѣкоторымъ волненіемъ:

— Д'Юрфе, вы поступаете безумно. Но я васъ знаю, и знаю что вы никогда не измѣните разъ принятому вами рѣшенію. Итакъ, я васъ прошу лишь объ одномъ: примите этотъ маленький крестъ какъ знакъ моей искренней дружбы и носите его до вашего возвращенія сюда. Это семейная святыня наша, которую всѣ мы высоко цѣнимъ.

Съ галантностью, пожалуй даже неумѣстною въ эту минуту, я поцѣловалъ не семейную святыню, а прелестную ручку подававшую мнѣ ее, и надѣлъ на шею вотъ этотъ крестъ котораго уже не снималъ съ тѣхъ поръ.

Не стану утомлять васъ, mesdames, ни подробностями моего путешествія, ни наблюденіями своими надъ Венграми и Сербами, этимъ бѣднымъ, но храбрымъ и честнымъ народомъ, который, несмотря на все свое порабощеніе Турками, не забылъ ни своего достоинства, ни своей прежней независимости. Достаточно если скажу вамъ что выучась какъ-то по-польски въ пору одного моего довольно продолжительнаго пребыванія въ Варшавѣ, я скоро справился и съ сербскимъ языкомъ, такъ какъ эти два нарѣчія, какъ и русское съ чешскимъ, составляютъ лишь вѣтви одного и того же языка называемаго славянскимъ.

Я разумѣлъ такимъ образомъ уже достаточно по-сербски чтобы меня понимали, когда однажды очутился въ одной деревушкѣ, названіе которой для васъ безразлично. Я нашелъ хозяевъ дома въ которомъ остановился въ какомъ-то смятеніи, показавшемся мнѣ тѣмъ болѣе страннымъ что это было въ воскресенье, день когда Сербы предаются различнымъ удовольствіямъ — пляскамъ, стрѣльбѣ въ цѣль, борьбѣ и т. п. Приписавъ настроеніе моихъ хозяевъ какому-нибудь только что случившемуся несчастію, я уже собрался было покинуть ихъ, когда ко мнѣ подошелъ человѣкъ лѣтъ тридцати, высокій ростомъ, внушительнаго вида, и взялъ меня за руку...

— Войди, войди, чужеземецъ, сказалъ онъ, — не лугайся нашей грусти; ты поймешь ее когда узнаешь отчего она происходитъ.

И онъ разказалъ мнѣ что его престарѣлый отецъ, по имени Горша, человѣкъ безпокойнаго и буйнаго нрава, поднялся однажды утромъ съ постели и, снявъ со стѣны длинную турецкую винтовку, „Дѣти“, сказалъ онъ своимъ двоимъ сыновьямъ, Георгію и Петру, „я ухожу въ горы къ храбрецамъ которые гоняются за собакой Алибекомъ (такъ звали одного турецкаго разбойника, разорявшаго въ то время окрестность). Ждите меня десять дней; если же я въ десятый день не вернусь, отслужите по мнѣ панихиду, потому что, значитъ, я буду убитъ. Если же, прибавилъ старый Горша, принимая серьезный видъ, если (чего васъ Боже избави) я приду по истеченіи означенныхъ десяти дней, ради спасенія вашего не влускайте меня къ себѣ. Приказываю вамъ тогда забыть что я отецъ вамъ и прозвать меня основнымъ коломъ, что бы я ни говорилъ и что бы ни дѣлалъ; потому тогда вернувшійся будетъ уже не я, а проклятый *гурдалакъ*, пришедшій за тѣмъ чтобы высосать кровь вашу.“

Кстати будет сказать вамъ, mesdames, что *вурдалаки*— „вампиры“ славянскихъ народовъ—не что иное по мѣстному мнѣнію какъ тѣла умершихъ, выходящія изъ могилъ чтобы высосать кровь живыхъ. Вообще ихъ обычай тѣ же что и у вампировъ другихъ странъ, но есть у нихъ, кромѣ того, особенность дѣлающая ихъ еще болѣе опасными. *Вурдалаки*, mesdames, высасываютъ предпочтительно кровь своихъ ближайшихъ родныхъ и лучшихъ друзей которые, умерши, въ свою очередь превращаются въ вампировъ, такъ что, говорятъ, въ Босніи и Герцеговинѣ есть цѣлыя деревни, жители коихъ—вурдалаки.

Аббатъ Августинъ Кольмэ въ своемъ любопытномъ сочиненіи о привидѣніяхъ приводитъ страшные тому примѣры. Германскіе императоры назначали много разъ цѣлыя коммиссіи для разслѣдованія случаевъ вампиризма. Вели слѣдствія, вырывали изъ земли трупы которые оказывались налитыми кровью, ихъ сжигали на площадяхъ, предварительно пронзивъ имъ сердце. Свидѣтельства должностныхъ лицъ присутствовавшихъ при этихъ казняхъ утверждаютъ что они слышали какъ трупы стонали, когда палачъ вонзалъ имъ въ сердце колю. Сохранились формальныя, клятвенныя показанія этихъ лицъ, скрѣпленныя подписью ихъ и печатью.

Принимая это во вниманіе, вамъ не трудно будетъ, mesdames, понять какое дѣйствіе произвели слова Горши на его сыновей. Оба кинулись къ его ногамъ, умоляя пустить ихъ за него въ горы, но онъ вмѣсто всякаго отвѣта повернулъ имъ спину и удалился затаивъ прилѣвъ какой-то старой влчешской лѣсни. Въ тотъ день когда я пріѣхалъ въ ихъ деревню кончался срокъ назначенный Горшей, и мнѣ теперь не трудно было объяснить себѣ тревогу его дѣтей.

Это была хорошая и честная семья. Георгій, старшій изъ сыновей, съ мужественными и правильными чертами лица, казался человѣкомъ рѣшительнымъ и серьезнымъ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ двоихъ дѣтей. У брата его, Петра, красиваго восемнадцатилѣтняго юноши, въ выраженіи лица было болѣе мягкости чѣмъ отваги; онъ былъ повидимому любимцемъ своей меньшей сестры Зденки, которую можно было по истинѣ назвать типомъ славянской красоты. Кромѣ этой неоспоримой во всѣхъ отношеніяхъ красоты, меня сразу поразило въ ней какое-то отдаленное сходство съ герцогиней де-Грамонъ: въ особенности какая-то характерная черточка на лбу, которую я встрѣтилъ въ жизни только у

этихъ двухъ особъ; эта черточка, пожалуй, сразу могла и не понравиться, но становилась неотразимо обаятельною когда къ ней подглядываешься...

Былъ ли я тогда ужъ черезчуръ молодъ, или это сходство соединенное съ оригинальнымъ и наивнымъ умомъ Зденки было въ самомъ дѣлѣ такъ неотразимо, но только я, не поговоривъ съ нею и двухъ минутъ, уже чувствовалъ къ ней такую симпатію которая угрожала превратиться въ чувство болѣе нѣжное, еслибъ я продлилъ свое пребываніе въ этой деревушкѣ.

Мы всѣ сѣдѣли за столомъ, на которомъ былъ поставленъ творогъ и кринка съ молокомъ. Зденка прядла, ея невѣстка готовила ужинать дѣтямъ игравшимъ тутъ же въ лескѣ. Петръ съ кажущеюся безлечностью посвистывалъ чиста *ятаганъ*, длинный турецкій ножъ. Георгій, облокотясь о столъ и подперевъ руками голову, не сводилъ глазъ съ большой дороги, не говоря ни слова.

Я же, смущенный общимъ тоскливымъ настроеніемъ, смотрѣлъ невесело на вечернія облака окаймлявшія золотистую глубь неба и на монастырь высившійся изъ-за недалежнаго сосноваго лѣса.

Этотъ монастырь, какъ я узналъ потомъ, когда-то славилась своею чудотворною иконою Божіей Матери, которую, по преданію, ангелы привесли и повѣсили на вѣтвяхъ дуба. Но въ началѣ прошлаго столѣтія, Турки вторглись въ страну, передумали монаховъ и разорили обитель. Оставались однѣ стѣны да часовня, гдѣ служилъ какой-то отшельникъ; онъ же показывалъ путешественникамъ развалины и давалъ пріютъ богомольцамъ ходившимъ на поклоненіе отъ одной святыни къ другой и любившимъ оставаться въ монастырѣ *Божіей Матери подъ дубомъ*. Какъ сказано, все это узналъ я въ послѣдствіи, такъ какъ въ тотъ вечеръ голова моя была занята уже отнюдь не археологіей Сербіи. Какъ часто случается когда дашь волю воображенію, я весь углубился въ воспоминанія о прежнихъ дняхъ, о прекрасной порѣ моего дѣтства, о моей милой Франціи которую я покинулъ для отдаленнаго и дикаго края.

Думалъ я и о герцогинѣ де-Грамонъ и, чего грѣха таить, думалъ и о нѣкоторыхъ другихъ современницахъ нашихъ бабушекъ, mesdames, образы которыхъ какъ-то помимо воли стучались въ двери моего сердца вслѣдъ за образомъ прелестной герцогини.

Вскорѣ я забылъ и о своихъ хозяевахъ, и объ ихъ тревогахъ. Вдругъ Георгій прервалъ молчаніе.

— Жена, сказалъ онъ,—въ которомъ часу *старикъ* ушелъ?

— Въ восемь часовъ, отвѣчала жена;—я слышала какъ удалили тогда въ монастырскій колоколь.

— Хорошо, продолжалъ Георгій,—телерь стало-быть не болѣе половины восьмага.

И онъ замолкъ, снова вперивъ взоръ на большую дорогу уходившую въ лѣсъ.

Я забылъ вамъ сказать, mesdames, что когда Сербы подозрѣваютъ кого-нибудь въ вампиризмѣ, они избѣгаютъ называть его по имени или прямо упоминать о немъ, потому что такимъ образомъ его вызываютъ изъ могилы. Поэтому съ нѣкоторыхъ лоръ Георгій, говоря объ отцѣ, не называлъ его иначе какъ *старикъ*.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе; вдругъ одинъ изъ мальчиковъ сказалъ Зденкѣ, дергая ее за передникъ:

— Тетя, когда же дѣдушка вернется домой?

Георгій отвѣчалъ на этотъ неумѣстный вопросъ пощечиной. Ребенокъ заплакалъ, а маленькій его братъ сказалъ съ удивленнымъ и испуганнымъ видомъ:

— Зачѣмъ ты, батя, запрещаешь говорить намъ о дѣдушкѣ?

Другая пощечина заставила его умолкнуть. Дѣти разревѣлись, а семья принялась креститься. Въ эту минуту часы въ монастырѣ медленно пробили восемь. Только что раздался лервый ударъ часовъ, какъ мы увидѣли выходившую изъ лѣса и приближавшуюся къ намъ человѣческую фигуру.

— Это онъ! слава Богу! воскликнули разомъ Зденка, Петръ и его невѣстка.

— Сохрани насъ Боже, торжественно сказалъ Георгій,—какъ узнать, миновали или нѣтъ назначенные имъ десять дней?

Всѣ въ ужасѣ на него взглянули. Между тѣмъ человѣческая фигура подходила все ближе. То былъ высокій старикъ съ сѣдыми усами, съ блѣднымъ и строгимъ лицомъ, съ трудомъ тащившійся съ помощью палки. По мѣрѣ того какъ онъ приближался, Георгій становился все мрачнѣе. Подойдя къ намъ, новоприбывшій остановился и обвелъ свою семью взоромъ который, казалось, ничего не видѣлъ,—до того были тусклы и впалы его глаза.

— Ну, сказалъ онъ глухимъ голосомъ,—что же никто не встанетъ встрѣчать меня? Что значить это молчаніе? Не видите вы развѣ что я раненъ?

Дѣйствительно, лѣвый бокъ у старика былъ весь въ крови.

— Поддержи же отца, сказалъ я Георгію,—а ты, Эденка, дай ему чего-нибудь подкрѣплиться, иначе онъ сейчасъ лишится силъ!

— Отецъ, сказалъ Георгій подходя къ Горшѣ,—покажи мнѣ свою рану, я въ нихъ толкъ знаю и перевяжу тебѣ ее...

Онъ только-что собрался скинуть съ него верхнюю одежду какъ старикъ грубо оттолкнулъ его и схватился за бокъ обѣими руками.

— Оставь, неуклюжій, сказалъ онъ,—ты мнѣ только больнѣ сдѣлалъ.

— Стало-быть ты въ сердце раненъ! воскликнулъ весь блѣдный Георгій;—снимай, снимай платье, нужно это, слышишь, нужно!

Старикъ всталъ и выпрямился во весь ростъ.

— Берегись, сказалъ онъ глухо,—только тронь меня, я тебя прокляну!

Петръ сталъ между Георгіемъ и отцомъ.

— Оставь его, ты видишь онъ страдаетъ.

— Не перечь ему, сказала жена,—ты знаешь, онъ этого никогда не терпѣлъ.

Въ эту минуту мы увидали возвращавшееся домой стадо, шедшее по направленію къ дому въ цѣломъ облакѣ пыли. Не узнала ли собака сопровождавшая стадо своего стараго хозяина, или что другое повлияло на нее, но лишь только замѣтила она Горшу, она остановилась, оцѣтенилась и зарычала вся дрожа, точно видѣла что-либо необыкновенное.

— Что съ этимъ псомъ? сказалъ старикъ, все болѣе и болѣе хмурясь,—что все это значить? Что я чужимъ сталъ въ своей семьѣ? Десять дней въ горахъ развѣ такъ меня измѣнили что собственныя мои собаки не узнаютъ меня?

— Слышишь? сказалъ Георгій женѣ.

— Что, Георгій?

— Онъ самъ сказалъ что десять дней миновали.

— Да нѣтъ же, вѣдь онъ пришелъ въ назначенный срокъ.

— Ладно, ладно; знаю я что нужно дѣлать!

— А проклятый песъ все еще воетъ... Застрѣлить его! воскликнулъ Горша.—Слышите?

Георгій не пошевелился, а Петръ, со слезами на глазахъ, всталъ, поднялъ отцовскую винтовку и выстрѣлилъ въ собаку которая покатила въ пыли.

— Это любимца моя была, сказалъ онъ шепотомъ; — не знаю зачѣмъ потребовалось отцу чтобъ ее убили.

— Затѣмъ что она этого стоила, отвѣчалъ Горша.— Но свѣжо стало; я хочу подъ крышу.

Пока все это происходило, Зденка приготовила старику напитокъ состоявшій изъ водки вскипяченной съ грушами, медомъ и изюмомъ, но старикъ съ отвращеніемъ оттолкнулъ его отъ себя. То же самое отвращеніе обнаружилъ онъ и къ бараньему боку съ рисомъ, который поставилъ предъ нимъ Георгій, и ушелъ сидѣть въ уголъ, бормоча какія-то непонятныя слова.

Сосновыя дрова пылали подъ очагомъ и освѣщали своимъ дрожащимъ блескомъ лицо старика, которое было такъ блѣдно и изнурено что не будь этого освѣщенія—могло бы показаться лицомъ мертвеца. Зденка подошла и сѣла рядомъ съ нимъ.

— Отецъ, сказала она,—ты ничего не ѣшь и отдохнуть не хочешь; разкажи же намъ что-нибудь о подвигахъ своихъ въ горахъ.

Говоря это дѣвушка знала что затрогиваетъ самую чувствительную струну старика, такъ какъ онъ любилъ поговорить о битвахъ и стычкахъ съ Турками. И точно, улыбка мелькнула на его блѣдныхъ губахъ, но глаза остались безучастными, и онъ отвѣчалъ, глядя рукой прекрасныя бѣлокурые волосы дочери:

— Хорошо, Зденка, я разкажу тебѣ чтѣ видѣлъ въ горахъ, только не теперь, не сегодня: я усталъ. Одно скажу тебѣ, Алибека нѣтъ въ живыхъ, и погибъ онъ отъ руки твоего отца. Если же кто въ этомъ сомнѣвается, продолжалъ старикъ, окинувъ взоромъ семью,—то вотъ доказательство!

И онъ, раздернувъ верхъ мѣшка висѣвшаго у него за спиной, вынулъ оттуда окровавленную голову, которой впрочемъ не уступало и его собственное лицо въ мертвенной синеватости. Мы съ ужасомъ отъ нея отвернулись, но Горша, отдавъ ее Петру, сказалъ:—На, прикрѣпи ее надъ дверью нашего дома; пусть всякій прохожій знаетъ что Алибекъ убитъ и дороги очищены отъ злодѣевъ, если не считать султанскихъ янычаръ!

Петръ повиновался съ отвращеніемъ.

— Теперь мнѣ все памято, сказалъ онъ;—бѣдная собака рычала потому что почувала мертвое тѣло!

— Да, она почувала мертвое тѣло, мрачно подтвердилъ Георгій который незамѣтно вышелъ между тѣмъ и вернулся теперь держа что-то въ рукѣ, что онъ поставилъ въ уголь; мнѣ показалось что это былъ колъ.

— Георгій, сказала ему вполголоса жена,—неужели ты хочешь..

— Братъ, вмѣшалась сестра, — что у тебя на умѣ!.. Нѣтъ, нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь, не правда ли?..

— Оставьте меня, отвѣчалъ Георгій,—самъ я знаю что дѣлать и ничего лишняго не сдѣлаю.

Между тѣмъ уже наступила ночь, и семья отправилась спать въ ту часть дома, которая отдѣлялась отъ моей комнаты тонкою перегородкой. Признаюсь, все что я видѣлъ въ тотъ вечеръ сильно подѣйствовало на мое воображеніе. Я задулъ свой свѣтильникъ. Мѣсяцъ глядѣлъ прямо въ низкое окно моей комнаты, близехонько отъ моей кровати и кидалъ на полъ и на стѣну голубоватые отсвѣты, почти такъ же какъ вотъ здѣсь въ настоящую минуту, mesdames. Мнѣ хотѣлось спать, но я не могъ. Я приписалъ это лунному свѣту и сталъ искать чего-нибудь чѣмъ бы завѣсить окно, но ничего не нашель; а между тѣмъ за перегородкой слышались мнѣ голоса. Я сталъ прислушиваться.

— Ложись, жена, говорилъ Георгій,—и ты, Петръ, да и ты, Зденка. Не тревожьтесь ни о чемъ, я самъ посижу вмѣсто васъ.

— Но, Георгій, отвѣчала жена,—скорѣе же мнѣ бы не ложиться; ты всю прошлую ночь работалъ и вѣрно усталъ. Да къ тому же мнѣ присмотрѣть надо за старшимъ мальчикомъ. Ты знаешь что онъ со вчерашняго дня недужится!

— Будь покойна и ложись; я посижу за васъ обоихъ.

— Братецъ, сказала Зденка своимъ тихимъ и ласковымъ голосомъ,—кажется, совсѣмъ никому не нужно сидѣть: отецъ спитъ и посмотри какой у него спокойный видъ.

— Ни жена, ни ты, никто изъ васъ ничего не смыслить! отвѣчалъ Георгій тономъ не допускавшимъ никакихъ возраженій;—говорю вамъ, ложитесь и оставьте меня на сторожѣ.

За этимъ воцарилось глубочайшее молчаніе. Скоро и я почувствовалъ какъ вѣки мои отяжелѣли и сонъ оковалъ меня.

И вотъ, вижу я, дверь въ мою комнату тихо отворяется и входитъ старикъ Горша. Но я скорѣе догадываюсь объ его

присутствіи чѣмъ вижу его, потому что въ той комнатѣ, откуда онъ вышелъ, темно. Мнѣ чудится что онъ своими угасшими глазами ищетъ угадать мои мысли и слѣдить за моимъ движеніемъ. Вотъ онъ движетъ одною ногою, вотъ поднимаетъ другую. Затѣмъ съ величайшею осторожностью, неслышными шагами, онъ подходитъ ко мнѣ. Еще мгновение, онъ дѣлаетъ прыжокъ, и вотъ онъ подлѣ моей кровати... Я испытывалъ невыразимый ужасъ, но какая-то непобѣдимая сила дѣлала меня недвижимымъ. Старикъ нагнулся надо мной и приблизилъ свое блѣдное лицо къ моему такъ близко что я чувствовалъ его могильное дыханіе. Я сдѣлалъ тогда неестественное усиліе и проснулся обаявая холоднымъ лѣтомъ... Въ комнатѣ никого не было; но взглянувъ въ окно я различилъ старика Горшу, который съ той стороны прильнулъ лицомъ къ стеклу и не спускалъ съ меня своихъ страшныхъ глазъ. У меня достало силы не закричать и оказалось настолькоъ присутствія духа что я не вскочилъ съ постели, будто и не видалъ ничего. Между тѣмъ, повидимому, старикъ приходилъ только за тѣмъ чтобъ удостовѣриться спяли ли я, и не имѣлъ намѣренія войти; пристально посмотрѣвъ на меня, онъ отошелъ прочь отъ окна, и я слышалъ какъ онъ принялся ходить въ сосѣдней комнатѣ. Георгій заснулъ и храпѣлъ такъ что чуть стѣны не дрожали. Въ это время закашлялъ ребенокъ, и я услышалъ голосъ Горши:

— Ты не спишь, мальчуганъ? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, дѣдушка, отвѣчалъ ребенокъ,—и мнѣ бы очень хотѣлось съ тобой поговорить.

— А, поговорить хочешь... о чемъ же станемъ мы говорить?

— Мнѣ бы хотѣлось чтобы ты разказалъ мнѣ какъ ты воевалъ съ Турками, потому и я бы охотно пошелъ съ ними подраться.

— Я подумалъ объ этомъ, дитятко, и принесъ маленькій ятаганъ который дамъ тебѣ завтра.

— Ахъ, дѣдушка, дай лучше сейчасъ, ты вѣдь не спишь.

— Отчего, мальчуганъ, ты со мной днемъ не говорилъ?

— Оттого что отецъ запретилъ.

— Онъ остороженъ, твой отецъ. Такъ тебѣ хочется ятаганчикъ получить?

— Очень хочется, только не здѣсь, потому отецъ можетъ проснуться.

— Гдѣ же?

— А выйдемъ отсюда, дѣдушка, на улицу, потихонечку, чтобы никто не слышалъ.

Мнѣ посыпалось будто Горша глухо засмѣялся, а мальчикъ принялся вставать.

Я не вѣрилъ въ вампировъ, но кошмаръ выдержанный мной сейчасъ подѣйствовалъ на мои нервы и, не желая упрекать себя потомъ въ чѣмъ бы то ни было, я вссталъ и ударилъ кулакомъ въ перегородку. Ударъ мой былъ такъ силенъ что могъ бы, казалось, разбудить и семерыхъ спящихъ арабской сказки, но въ семьѣ никто не проснулся.

Я кинулся къ двери, рѣшась спасти ребенка, но нашелъ ее залертою снаружи, а замокъ не уступилъ моимъ усиліямъ. Пока я старался выломать дверь, я увидалъ въ окно старика проходившаго мимо съ ребенкомъ на рукахъ.

— Вставайте, вставайте! кричалъ я изо всѣхъ силъ, потрясая перегородку ударами кулаковъ. Тогда только Георгій проснулся.

— Гдѣ старикъ? спросилъ онъ.

— Ступай скорѣе, кричалъ я,—онъ унесъ вашего ребенка.

Однимъ ударомъ ноги Георгій вышибъ дверь которая, какъ и моя, оказалась залертою снаружи, и бросился бѣжать по направленію къ дѣсу. Я насилу разбудилъ Петра, его невѣстку и Зденку. Мы собрались предъ домомъ, и чрезъ нѣсколько минутъ ожиданія увидали возвращавшагося Георгія съ мальчикомъ на рукахъ. Онъ нашелъ его безъ чувствъ на большой дорогѣ, но мальчикъ скоро пришелъ въ себя и не казался больнѣе прежняго. На вопросы онъ отвѣчалъ что дѣдушка ему ничего не сдѣлалъ, что они вышли вмѣстѣ чтобы лучше поговорить, но только что очутились на воздухѣ, мальчикъ лишился чувствъ самъ не помнитъ какъ. А Горша исчезъ.

Остальную часть ночи мы, конечно, уже провели безъ сна.

На слѣдующее утро я узналъ что по рѣкѣ которая пересѣкала большую дорогу въ четверти мили отъ деревни шелъ ледъ, что бываетъ здѣсь осенью и весной. Переправа стала невозможною на нѣсколько дней, и мнѣ нечего было и думать объ отъѣздѣ. Впрочемъ, еслибъ я и могъ уѣхать, то все-таки любопытство, да и другое чувство при этомъ удерживали меня. Чѣмъ болѣе я видѣлъ Зденку, тѣмъ болѣе чувствовалъ къ ней влеченіе. Я, mesdames, не изъ тѣхъ людей которые вѣрятъ во внезапную и непреодолимую страсть, столь часто встрѣчаемую

въ романахъ; но думаю что бываютъ случаи когда любовь развивается быстрее нежели обыкновенно. Оригинальная красота Эденки, ея странное сходство съ герцогиней де-Грамонъ, отъ которой я бѣжалъ изъ Парижа и которую теперь находилъ тутъ, въ живописномъ костюмѣ, говорящую на чуждомъ, звучномъ языкѣ, это характерная черточка на лбу, изъ-за которой я двадцать разъ хотѣлъ лишить себя жизни,— все это, соединенное съ особенностію моего положенія и всѣмъ тѣмъ чудеснымъ, среди чего очутился я, теперь способствовало развитію въ душѣ моей такого чувства которое при другихъ обстоятельствахъ сказалось бы лишь вскользь и слегка.

Въ теченіе дня я услышалъ какъ Эденка говорила меньшему брату:

— Что ты обо всемъ этомъ думаешь, Петро? Неужели и ты подозреваешь отца?

— Я не смѣю его подозревать, тѣмъ болѣе что мальчикъ говоритъ что онъ ему не сдѣлалъ никакого вреда. А если онъ и исчезъ такъ внезапно, то ты вѣдь знаешь что и ранѣе этого онъ всегда такъ дѣлалъ и никогда никому не отдавалъ отчета въ своихъ отлучкахъ.

— Знаю, отвѣчала Эденка, — а потому нужно спасти его: ты вѣдь знаешь Георгія...

— Знаю, знаю. Говорить съ нимъ бесполезно; а вотъ мы спрячемъ колъ его, а за другимъ онъ не пойдетъ; по сю сторону горъ вѣдь ни одной осины не найти.

— Да, да, спрячемъ колъ, но только не скажемъ объ этомъ дѣтямъ; они проболтались бы при Георгіи.

— Осторожно надо, конечно, сказалъ Петръ, и они разошлись.

Наступила ночь; о старикѣ Горшѣ не было ни слуху, ни духу. Я, какъ наканунѣ, лежалъ у себя на кровати, и луна полнымъ свѣтомъ заливала комнату. Когда сонъ уже началъ лутать мои мысли, я вдругъ какъ бы инстинктивно почувствовалъ близость старика. Я открылъ глаза и увидалъ его блѣдное лицо прильнувшее къ окну. На сей разъ я хотѣлъ встать, но это оказалось невозможнымъ: члены мои были точно парализованы. Пристально посматрѣвъ на меня, старикъ отошелъ отъ окна, и я слышалъ какъ онъ обошелъ вокругъ дома и постучался въ окно комнаты гдѣ спали Георгій съ женой. Ребенокъ зашевелился и простоналъ во снѣ. На

нѣсколько времени все затихло, потомъ снова раздался стукъ въ окошко. Ребенокъ снова застоналъ и проснулся.

— Это ты, дѣдушка? проговорилъ онъ.

— Я, отвѣчалъ глухой голосъ;—я принесъ тебѣ ятаганчикъ.

— Да я не смѣю уйти, отецъ запретилъ!

— Тебѣ и не зачѣмъ уходить изъ дому, открой мнѣ только окошко и поцѣлуй меня!

Ребенокъ всталъ, и я услышалъ какъ отворилось окно. Тогда, собравъ всѣ свои силы, я соскочилъ съ постели и сталъ колотить въ перегородку. Георгій тотчасъ же проснулся и всталъ. Я услышалъ какъ онъ ругнулся; жена его громко вскрикнула, а чрезъ мигъ весь домъ стоялъ кругомъ обомлѣвшаго ребенка... Горша исчезъ какъ наканунѣ. Съ трудомъ привели мы мальчика въ чувство, но онъ былъ очень слабъ и еле дышалъ. Бѣдняжка не зналъ причины своего обморока. Мать и Зденка приписывали его страху ребенка что его застали въ запрещенномъ разговорѣ съ дѣдушкой. Я ничего не говорилъ. Когда малютка успокоился, всѣ кромѣ Георгія снова улеглись.

На зарѣ я услышалъ что Георгій будитъ жену, потомъ они стали шептаться; къ нимъ присоединилась Зденка, и я различалъ ясно что женщины плакали.

Ребенокъ умеръ. Прохожу молчаніемъ отчаяніе семьи. Между тѣмъ никто не приписывалъ его смерти старику Горшѣ. По крайней мѣрѣ открыто этого никто не говорилъ.

Георгій молчалъ, но выраженіе его лица, всегда пасмурное, было теперь страшно. Старикъ не показывался дня два. Въ ночь на третью сутки (когда похоронили малютку) мнѣ показалось что кто-то бродитъ вокругъ дома и точно кто-то зоветъ по имени оставшагося въ живыхъ мальчика. Мнѣ показалось даже что на мгновеніе старикъ Горша заглянулъ въ мое окошко, но я не могъ дать себѣ отчета, было ли это на самомъ дѣлѣ, или мнѣ только представилось, такъ какъ въ ту ночь луна была задернута тучами. Я все-таки счелъ нужнымъ сообщить объ этомъ Георгію. Тотъ сталъ допытываться у ребенка, который отвѣчалъ что дѣйствительно слышалъ какъ его звалъ дѣдушка и что онъ видѣлъ его въ окно. Георгій строго-на-строго приказалъ сыну разбудить себя какъ только старикъ появится вновь...

Всѣ эти обстоятельства нисколько не мѣшали развиваться чувству нѣжности моею къ Зденкѣ.

Днемъ я не могъ говорить съ ней наединѣ. Когда наступила ночь, мысль о близкомъ отъѣздѣ болѣзненно завывала во мнѣ. Комната Эденки была отдѣлена отъ моей стѣнами, которыя съ одной стороны вели на улицу, а съ другой во дворъ. Хозяева мои уже улеглись, когда мнѣ пришла мысль пойти побродить по деревнѣ чтобы нѣсколько разсѣяться. Выйдя въ стѣну, я увидалъ что дверь въ комнату Эденки была пріотворена.

Я невольно остановился.

Знакомый шорохъ платья заставилъ забиться мое сердце. Вслѣдъ за этимъ до меня донеслась налѣгаемая въ полголоса лѣсня. Это было прощанье со своею красавицей одного сербскаго краля, отправлявшагося на войну.

„О мой юный тополь“, говорилъ старый краля, „я ухожу на войну и ты забудешь меня.“

„Деревья растущія у подножія горы стройны и гибки, но стройнѣе и гибче твой юный станъ. Красныя ягоды рябины что колышетъ вѣтеръ, но уста твои алѣе рябиновыхъ ягодъ! А самъ я что старый дубъ безъ листьевъ и борода моя бѣлѣе чѣмъ лѣсна Дуная! И ты забудешь меня, сердце мое, и умру я съ тоски, потому не посмѣетъ ворогъ убить стараго краля.“

И отвѣчала красавица: „Клянусь остаться тебѣ вѣрною и не забыть тебя во вѣкъ. Если нарушу я клятву, то приди по смерти своей и высочи изъ сердца моего кровь.“

И сказалъ старый краля: „Аминь!“ И ушелъ онъ на войну. И красавица его скоро забыла!..“

Тутъ Эденка замолкла, точно боялась кончать лѣсню. Я уже болѣе не сдерживалъ себя. Этотъ нѣжный выразительный голосъ былъ положительно голосъ герцогини де-Грамонъ... Забывъ все на свѣтѣ, я толкнулъ дверь и вошелъ. Эденка только-что сняла съ себя что-то въ родѣ казакина, что носятъ тамъ женщины. Одна шитая золотомъ и краснымъ шелкомъ рубашка и лестрая юбка стянута у талии облекали теперь ея стройные члены. Ея прекрасныя бѣлокурыя косы были расплетены, и въ этой полуодеждѣ еще обаятельнѣе рисовалась предо мною ея красота. Не разсердясь повидимому на меня за мое внезапное вторженіе, она однако смутилась и слегка покраснѣла.

— Ахъ, зачѣмъ ты пришелъ, заговорила она, — и что полагаютъ обо мнѣ если застанутъ насъ вмѣстѣ?

— Эденка, жизнь моя, будь покойна, сказалъ я ей, — все крутомо спитъ, только одинъ кузвечикъ въ травѣ, да стрекоза въ воздухѣ могутъ услышать то что нужно мнѣ сказать тебѣ.

— Уйди, уйди, милый, увидить насъ братъ—я погибла!

— Эденка, я не уйду отсюда до тѣхъ поръ пока ты не общаешь мнѣ любить меня всегда какъ обѣщала своему краю красавица въ твоей лѣснѣ. Я скоро уѣзжаю, Эденка; кто знаетъ, когда мы снова увидимъ другъ друга? Эденка, я люблю тебя больше души своей, больше спасенія моего... Жизнь и кровь моя—твоя... Неужели ты не дашь мнѣ и часа времени?

— Многое можетъ случиться въ теченіе часа, задумчиво отвѣтила Эденка, но оставила свою руку въ моей; — ты не знаешь моего брата, продолжала она, вздрагивая, — у меня есть предчувствіе что онъ придетъ.

— Успокойся, Эденка моя, сказалъ я ей,—братъ твой усталъ отъ бессонныхъ ночей, его убаюкалъ вѣтеръ что шелеститъ въ деревьяхъ; глубоко его сонъ, длинна наша ночь, и я прошу у тебя только часа.. А потомъ прости и можеть-быть навсегда.

— О нѣтъ, нѣтъ, не навсегда! живо заговорила Эденка и отшатнулась отъ меня, будто испугавшись своего голоса.

— О Эденка, воскликнулъ я,—тебя одну я вижу, тебя лишь слышу, я болѣе не воденъ въ себѣ, я послушенъ какой-то высшей власти, прости мнѣ, Эденка!

И какъ безумный я прижалъ ее къ сердцу.

— Нѣтъ, ты не другъ мнѣ, сказала она, вырываясь изъ моихъ рукъ и забилась въ глубь комнаты. Не знаю что отвѣчала я ей въ эту минуту, такъ какъ самъ испугался вдругъ своей смѣлости, не потому чтобъ она въ подобныхъ случаяхъ не помогала мнѣ, а потому что, несмотря на увлеченіе страсти, я повиновался неотразимому чувству уваженія къ невинности Эденки.

Правда, я попытался было начать какія-то медовыя любезности, которыя имѣли вообще успѣхъ у красавицъ тогдашняго времени, но скороѣ самъ устыдился ихъ и умолкъ, видя что молодая дѣвушка въ простотѣ своей и не догадывалась даже о томъ смыслѣ этихъ рѣчей который вамъ, mesdames, вижу по вашимъ улыбкамъ, понятенъ съ полусаова.

Итакъ, я стоялъ предъ нею, не вная что дѣлать, какъ вдругъ она вздрогнула и устремила въ окно испуганный взоръ.

Я сидѣлъ за направленіемъ ея глазъ и ясно увидалъ стараго Горшу, смотрѣвшаго на насъ въ окошко.

Въ ту же минуту я почувствовалъ какъ тяжелая рука олу-стидлась мнѣ на плечо.

Я обернулся. То былъ Георгій.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ онъ меня.

Смущенный этимъ внезапнымъ обращеніемъ, я указалъ ему на его отца, который все еще стоялъ у окна и исчезъ лишь только Георгій его замѣтилъ.

— Я услышалъ старика и пришелъ предупредить сестру твою, сказалъ я.

Георгій посмотрѣлъ на меня такъ, будто хотѣлъ проникнуть взглядомъ до самой глубины моей души. Затѣмъ взявъ меня за руку, онъ привелъ меня въ мою комнату и вышелъ не сказавъ ни слова.

На слѣдующій день семья сидѣла предъ дверью дома, за столомъ уставленнымъ молочною пищею.

— Гдѣ мальчижъ? спросилъ Георгій.

— На дворѣ, отвѣчала мать;—онъ играетъ въ свою любимую игру, воображаетъ что дерется съ Турками.

Только-что выговорила она это, мы, къ нашему крайнему изумленію, увидали огромную фигуру стараго Горши, медленнаго шедшаго къ намъ изъ лѣсу, точь-въ-точь какъ это было въ день моего пріѣзда. •

— Милости просимъ, батюшка, промовила еле слышно его невѣстка.

— Милости просимъ, батюшка, повторили тихо Зденка и Петръ.

— Батюшка, сказалъ Георгій твердымъ голосомъ, но весь измѣнившись въ лицѣ,—мы ждемъ тебя чтобы ты прочелъ молитву!

Старикъ отвернулся, сдвинувъ брови.

— Сію же минуту читай молитву, повторилъ Георгій,—да перекрестись, или.... клянусь Св. Георгіемъ...

Зденка и ея невѣстка нагнулись къ старику умолая его прочесть молитву.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, отвѣчалъ тотъ;— онъ не смѣетъ мнѣ приказывать, а если будетъ настаивать на своемъ, я прокляну его!

Георгій всталъ и бросился въ домъ. Онъ вскорѣ вернулся съ бѣшенствомъ во взглядѣ.

— Гдѣ колъ? закричалъ онь,—куда вы дѣли колъ?

Зденка и Петръ переглянулись.

— Труль! сказалъ тогда Георгій старику,—что ты едѣлаалъ съ моимъ старшимъ сыномъ? Отдай мнѣ сына, труль!

Такъ говоря онь становился все бѣднѣе, и глаза его разгорались лопытемъ.

Старикъ смотрѣлъ на него недобримъ взглядомъ и не шевелился.

— Да гдѣ же этотъ колъ, колъ гдѣ? воскликнулъ Георгій.— Пусть на голову того кто его спряталъ обрушатся всѣ несчастія которыя насъ ждутъ.

Въ эту минуту раздался веселый смѣхъ меньшаго мальчика, и онь выѣхалъ къ намъ верхомъ на огромномъ колу, который волочилъ за собой, крича такъ какъ кричатъ Сербы вступая въ бой съ непріателемъ.

При этомъ появленіи Георгій вспыхнулъ весь, выхватилъ у ребенка колъ и бросился на отца. Тотъ испустилъ какой-то ревъ и кинулся бѣжать по направленію къ лѣсу съ такою быстротой что по его годамъ это казалось сверхъестественнымъ.

Георгій гнался за нимъ черезъ поле, и они вскорѣ исчезли у насъ изъ виду.

Солнце уже зашло когда Георгій вернулся домой, бѣдный какъ смерть, со взъерошенными волосами. Онь сѣлъ къ огню, и мнѣ показалося что зубы у него стучали. Никто не осмѣлился его разспрашивать. Когда наступилъ часъ когда семья обыкновенно расходилась, онь, казалось, вполнѣ овладѣлъ своею прежнею энергіей; отозвавъ меня въ сторону, онь сказалъ мнѣ самымъ непринужденнымъ тономъ:

— Дорогой гость, я былъ на рѣкѣ, она очистилась ото льда, проѣздъ есть, и ничто не задерживаетъ тебя здѣсь болѣе. Тебѣ нѣтъ надобности прощаться съ моею семьей, прибавилъ онь взглянувъ на Зденку.— Она тебѣ моими устами желаетъ всякаго благополучія и надѣется что и ты о насъ сохранишь доброе воспоминаніе. Завтра чѣмъ свѣтъ ты найдешь лошадь свою осѣданною и проводника готоваго пуститься съ тобой въ луть. Прощай, вспоминай иногда своихъ хозяевъ и прости имъ если твоя жизнь у нихъ не была такою спокойною какъ бы ты желалъ.

Жесткія черты Георгія въ эту минуту казались почти дружелюбными. Онь проводилъ меня въ мою комнату и легалъ

мнѣ руку въ послѣдній разъ. Потомъ снова вздрогнулъ, и снова зубы его застучали точно отъ холоду.

Оставшись одинъ, я и не подумалъ лечиться, какъ вы себѣ легко можете представить. Разныя мысли тѣснились въ моей головѣ. Я уже нѣсколько разъ въ жизни любилъ. Я испытывалъ припадки и нѣжности, и досады, и ревности, но никогда еще, даже во время разлуки съ герцогиней де-Грамонъ, я не ощущалъ такой тоски какая въ настоящую минуту сжимала мнѣ сердце. Еще солнце не взошло какъ я уже облекся въ свое дорожное платье и думалъ сдѣлать послѣднюю попытку увидаться со Эденкой, но Георгій уже ждалъ меня въ сѣняхъ. Всякая возможность свиданія съ ней исчезла.

Я вскочилъ на лошадь и далъ ей шпоры. Я обѣщалъ себѣ на возвратномъ пути изъ Яссы завернуть въ эту деревню, и эта надежда, хотя и отдаленная, мало-по-малу развѣяла мои грустные мысли. Я уже съ удовольствіемъ думалъ о своемъ возвращеніи, и разыгравшееся воображеніе заранѣе рисовало мнѣ сладостныя подробности, какъ вдругъ неожиданное движеніе моей лошади чуть не выбило меня изъ сѣдла. Ковъ сталъ, вытянулъ переднія ноги и фыркнулъ какъ бы чуя близкую опасность. Я внимательно оглядѣлся во все стороны и увидѣлъ шагахъ во ста отъ насъ волка рывшагося въ землѣ. Замѣтивъ насъ, онъ бросился бѣжать. Я вонзилъ шпоры въ бока моего скакуна и заставилъ его двинуться съ мѣста. Я увидалъ тогда на томъ мѣстѣ гдѣ рылся волкъ свѣже вырытую яму. Кромѣ того, мнѣ показалось что тамъ на нѣсколько вершковъ надъ землею торчалъ колъ. Впрочемъ я этого за вѣрное не утверждаю, такъ какъ очень быстро проѣхалъ мимо этого мѣста.

Здѣсь маркизъ остановился и взялъ щепотку табаку.

— Какъ, и все? спросили дамы.

— Увы, не все! отвѣчалъ д'Юрфе.—То что мнѣ теперь придется вамъ разказывать, мнѣ очень тяжело вспоминать, и я дорого бы далъ чтобъ освободить себя отъ этого воспоминанія. Дѣла по которымъ я прибылъ въ Яссы задержали меня тамъ долѣе нежели я предполагалъ. Для приведенія ихъ къ концу требовалось полгода. Какъ вамъ сказать? Печальная истина, но тѣмъ не менѣе все-таки истина что на свѣтѣ нѣтъ прочныхъ чувствъ. Услѣхъ моихъ переговоровъ, одобренія получаемыя мной отъ Версальскаго кабинета, словомъ, политика, эта противная политика, надѣлавшая намъ столько

жалость, и за это послѣднее время не преминула ослабить въ моемъ сердцѣ воспоминанія о Звенкѣ. Къ тому же, прибавьте что супруга господаря Молдавскаго, красавица и въ совершенствѣ владѣвшая нашимъ языкомъ, стала видимо отличать меня изъ среды другихъ молодыхъ иностранцевъ находившихся въ то время въ Яссахъ. Воспитанный въ правилахъ французской любезности, съ гальскою кровью въ жилахъ, я не могъ конечно отвѣчать неблагодарностью на лестные для меня знаки вниманія красавицы, и въ видахъ интересовъ Франціи, которой имѣлъ честь быть представителемъ при ея супругѣ, постарался усердно доказать насколько почиталъ пріятнѣйшимъ для себя долгомъ ловиноваться желаніямъ его прекрасной подруги. Настоящія выгоды моего отечества я всегда разумѣлъ, mesdames, какъ вы видите...

Отозванный на родину, я возвращался тою же дорогою которою вѣхалъ въ Яссы.

Я болѣе не думалъ ни о Зденкѣ, ни объ ея семьѣ, когда однажды вѣдучи полемъ услышалъ гдѣ-то колоколь прозвонившій восемь разъ. Звукъ его показался мнѣ какъ бы знакомымъ, и мой проводникъ сказалъ мнѣ что звонятъ въ ближайей обители. Я спросилъ какъ она называется, и узналъ что то былъ монастырь *Божіей Матери подъ дубомъ*. Я немедленно припширилъ лошадь, и вскорѣ очутился у монастырскихъ вратъ. Отшельникъ впустилъ насъ и указалъ помѣщеніе для пріѣзжихъ, но око было биткомъ набито богомольцами, и я спросилъ нельзя ли найти ночлежъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ.

— Да и не одинъ найдетса, отвѣчалъ тяжело вздыхая отшельникъ; — благодаря проклятому Горнѣ, тамъ много лустыхъ домовъ стало.

— Что это значить? Развѣ старый Горша еще живъ?

— Нѣтъ, онъ-то должнымъ порядкомъ лежитъ въ сырой землѣ пронзенный коломъ въ сердце... Но онъ высосалъ кровь внуку, маленькому сыну Георгія. Мальчикъ пришелъ однажды ночью плача и говоря что ему холодно и просилъ чтобъ его впустили. Дура мать, несмотря на то что сама его хоронила, не имѣла духа отправить его снова на кладбище и впустила его. Онъ тогда бросился на нее и засосалъ ее до смерти. Когда ее схоронили, она въ свою очередь пришла за кровью своего меньшаго сына, потомъ высосала кровь у мужа и у деверя. Всѣхъ постигла одна участь.

— А Зденка? спросилъ я трепетно.

— Ну, эта помѣшалась съ горя, бѣдняжка! Лучше и не говорить о ней...

Отвѣтъ старика былъ загадоченъ, но у меня не стало духа спрашивать далѣе.

— Вампиризмъ заразителенъ, продолжалъ отшельникъ;— много семей въ деревнѣ страдаютъ имъ, много семей вымерло до послѣдняго члена, и если хочешь послушаться меня, останься на ночь въ монастырѣ; если тебя въ деревнѣ и не съѣдятъ вурдалаки, такъ все же натерпишься столько страху что голова твоя посѣдетъ какъ луна прежде чѣмъ услѣю я прозвонить къ заутрени. Я хоть и бѣднѣйшій монахъ, продолжалъ онъ,—но щедроты путешественниковъ даютъ мнѣ возможность заботиться о всѣхъ ихъ нуждахъ. Есть у меня отличный творогъ и такой изюмъ что у тебя отъ одного вида его слюнки потекутъ; найдется и нѣсколько бутылокъ токайскаго, которое не уступитъ и тому что подается за столомъ его святѣйшества патріарха...

Мнѣ показалось что въ эту минуту говорилъ скорѣе трактирщикъ чѣмъ отшельникъ, что онъ нарочно разказалъ мнѣ обо всѣхъ этихъ ужасахъ чтобы вызвать меня къ подражанію въ щедротахъ тѣмъ странникамъ которые давали святому челоуку возможность заботиться объ ихъ нуждахъ. Да и притомъ слово *страхъ* произвело на меня всегда то же дѣйствіе какъ на боеваго коня звукъ трубы. Мнѣ бы самого себя стало стыдно еслибъ я тотчасъ затѣмъ не собрался въ путь. Мой проводникъ дрожа попросилъ позволенія остаться въ монастырѣ, на что я охотно согласился.

Я употребилъ около получаса чтобы добраться до деревни, которую нашелъ пустою. Нигдѣ ни огонька, ни лѣсни. Молча проѣхавъ я мимо всѣхъ этихъ домовъ, по большей части мнѣ знакомыхъ, и достигъ наконецъ избы Георгія. Было ли то романтическимъ чувствомъ или просто юношескою смѣлостью, только я рѣшился ночевать здѣсь.

Я слѣзъ съ лошади и постучался у воротъ. Отвѣта не было. Я толкнулъ ворота, они растворились визжа петлями, и я вошелъ на дворъ. Привязавъ подъ какимъ-то навѣсомъ моего коня, не разсѣдывая его, самъ я направился къ дому. Ни одна дверь не была залерта, а между тѣмъ въ домѣ, казалось, никто не жилъ. Комната Зденки имѣла видъ покинутой только наканунѣ. Нѣсколько платьевъ валялись еще на постели. Кое-какія золотыя

вещицы подаренныя мною, и между прочими небольшою эмалевымъ крестикъ куланный мною въ Пештѣ, блестя ли на столѣ при свѣтѣ луны. Сердце во мнѣ невольно сжалось, несмотря на то что любовь давно миновала... Я вздохнулъ, завернулъ покрѣлку въ плащъ свой и улегся на кровати. Меня вскорѣ одолѣлъ сонъ. Не помню подробностей, но знаю что привидѣлась мнѣ тутъ Зденка, прелестная, наивная и любящая какъ тогда, прежде. Я укорялъ себя, глядя на нее, за эгоизмъ свой и велостоянство. „Какъ же это могъ я, спрашивалъ я себя, забыть эту милую дѣвочку которая такъ любила меня?“ Мысль о ней вскорѣ смѣшалась съ воспоминаніемъ о герцогинѣ де-Грамонъ, и въ этихъ двухъ образахъ я уже видѣлъ одну и ту же особу. Я кинулся къ ногамъ Зденки и умолялъ ее о прощеніи. Все существо мое, вся душа преисполнились какимъ-то невыразимымъ ощущеніемъ грусти и счастья... Такъ снилось мнѣ, какъ вдругъ я наполовину проснулся отъ какого-то пріятнаго звука, подобнаго шелесту колосьевъ колеблемыхъ вѣтромъ. Мнѣ почудился говоръ этихъ колосьевъ и лѣвіе птицъ, къ которымъ какъ бы примѣшивался отдаленный шумъ падающихъ водъ и тихій шелеть древесныхъ листьевъ. Затѣмъ показалось мнѣ что всѣ эти звуки сливались воедино—въ шуршанье женскаго платья—и на этой мысли я остановился. Открывъ глаза, я увидалъ у своей кровати Зденку. Луна свѣтила такъ ясно что я хорошо могъ различать мельчайшія подробности этихъ дорогахъ мнѣ когда-то чертъ, но всю прелесть которыхъ я какъ бы понималъ только сейчасъ во снѣ. Мнѣ показалось что Зденка еще похорошѣла и развилась. На ней былъ тотъ же небрежный нарядъ, какъ въ тотъ разъ когда я видѣлъ ее одну: простая рубашка шитая золотомъ и шелкомъ и юбка станутая у талии.

— Зденка, воскликнулъ я, быстро подымаясь на моемъ ложѣ,—Зденка, ты ли это?

— Да, это я, отвѣчала она тихимъ и грустнымъ голосомъ,—да, это твоя Зденка, которую забылъ ты. Ахъ, зачѣмъ не вернулся ты раньше? Все теперь кончено; тебѣ нужно уѣзжать сейчасъ, еще мгновение—и ты пропалъ! Прощай, другъ мой, прощай навсегда!

— Зденка, сказалъ я,—ты перенесла много горя, мнѣ говорили; любесѣдуй со мною, тебѣ легче будетъ!

— О, другъ мой, не вѣрь всему что тебѣ про насъ говорятъ, но увѣжай, увѣжай скорѣе, не то погибнешь, безвозвратно погибнешь!..

— Но, Зденка, что же угрожаетъ мнѣ? Неужели ты мнѣ не дашь и часу, одного часу, поговорить съ тобой?

Зденка вздрогнула и вдругъ словно вся перемѣнилась.

— Хорошо, сказала она,—часъ, одинъ часъ, не правда ли, какъ тогда когда я глѣла глѣсно о старомъ кралѣ и ты пришелъ ко мнѣ въ комнату... Ты этого хочешь? Хорошо, даю тебѣ этотъ часъ... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, вскрикнула она вдругъ опять, сломаться,—уходи, уходи!.. Бѣги скорѣе, увѣжай, говорю тебѣ!.. Бѣги пока еще можешь.

Дикая энергія одушевляла ея черты.

Мнѣ непонятна была причина заставлявшая ея говорить такъ, но она была такъ хороша что я рѣшилъ остаться помимо ея воли. Уступивъ, наконецъ, моимъ просьбамъ, она сѣла подлѣ меня, заговорила о прошломъ и призналась что полюбила меня съ перваго взгляда... И по мѣрѣ того какъ говорила она, мнѣ все яснѣе сказывалась какая-то странная перемѣна совершившаяся въ ней. Это была уже не та, знакомая мнѣ прежде, сдержанная, застѣнчивая, вѣчно краснѣющая дѣвушка. Въ движеніяхъ ея, въ блескѣ глазъ было что-то нескромное, не дѣвически смѣлое и вызывающее..

„Неужели возможно“, говорилъ я самъ себѣ, „что Зденка не была тою чистою и невинною дѣвушкой какою казалась она мнѣ полгода тому назадъ? Неужели она надѣвала только личину, изъ боязни брата? Неужели меня одурачила ея заемная скромность? Но тогда зачѣмъ же заставлятъ было меня увѣжать? Или это какое-нибудь утонченное кокетство? А я-то воображалъ что знаю ея!.. А впрочемъ, не все ли равно! Если Зденка не Діана, какъ я воображалъ, такъ все же она можетъ быть сравнена съ другою богиней, не менѣе прелестною, а я со своей стороны предпочитаю конечно участь Адониса участи Актеона.“

Если эта классическая фраза сказанная мной самому себѣ кажется вамъ теперь не къ мѣсту, mesdames, то потрудитесь вспомнить что я имѣю удовольствіе разказывать вамъ случай происходившій въ 1769 году. Мифологія была тогда въ духѣ времени, а я не имѣлъ претензіи опережать свой вѣкъ. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, и еще очень недавно революція, уничтоживъ воспоминанія язычества въ одно время съ

христіанскою религіею, возвела на ихъ мѣсто новое божество—*Разумъ*. Культъ этого божества никогда не былъ моимъ когда я находился въ женскомъ обществѣ, а въ то время о которомъ я говорю я тѣмъ менѣе былъ расположенъ приносить ему жертвы. Я безъ стѣсненія предавалъ чувству которое влекло меня къ Зденкѣ и радостно отвѣчалъ на ея заигрыванія... Въ сладостномъ забытіи прошло нѣсколько времени, въ теченіе коего я, забавляясь между прочимъ примѣриваніемъ на Зденкѣ то одной, то другой изъ найденныхъ мной на ея столѣ драгоценныхъ вещицъ, вздумалъ надѣть ей на шею эмалевый крестикъ о которомъ я имѣлъ уже случай упомянуть. Едва поднялъ я его надъ нею, Зденка отскочила вздрогнувъ.

— Довольно дурачества, милый, сказала она, — брось эти побрякушки и поговоримъ о тебѣ и о твоихъ намѣреніяхъ!

Смущеніе Зденки заставило меня невольно задуматься. Разглядывая ее пристальнѣе, я замѣтилъ что у нея на шеѣ не было, какъ прежде, тѣхъ образковъ и ладонокъ которые Сербы носятъ обыкновенно съ самаго ранняго дѣтства и до смерти.

— Зденка, сказалъ я, — гдѣ же всѣ образки которые носила ты на шеѣ?

— Потеряла, отвѣчала она нетерпѣливо и тотчасъ же перемѣнила разговоръ.

Во мнѣ заняло вдругъ какое-то смутное предчувствіе недоброго. Я собрался ѣхать. Зденка остановила меня.

— Какъ, сказала она, — ты просилъ у меня часа времени и увѣжаешь едва проведя со мной нѣсколько минутъ?

— Зденка, отвѣтилъ я, — ты была права уговаривая меня ѣхать; я слышу шумъ и боюсь чтобы насъ не увидали съ тобой!

— Будь покоенъ, другъ мой, все спитъ кругомъ, и только кузнечикъ въ травѣ да стрекоза въ воздухѣ могутъ услышать что я хочу сказать тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Зденка, я долженъ ѣхать...

— Постой, постой, заговорила Зденка, — я люблю тебя больше души своей, больше своего спасенія; ты сказалъ мнѣ что жизнь твоя и кровь—мои...

— Но братъ твой, Зденка... я предчувствую, онъ придетъ!

— Успокойся, сердце мое, братъ мой слить убаюканный вѣтромъ что шелеститъ въ деревьяхъ; глубоко его сонъ, длинна эта ночь, и я у тебя прошу только часа!

Говоря это, Эденка была такъ хороша что безотчетный страхъ волновавшій меня сталъ уступать желанію остаться съ нею. Какая-то смѣсь боязни и невыразимой нѣги наполнила все существо мое. По мѣрѣ того какъ воля моя ослабѣвала, Эденка дѣлалась все нѣжнѣе, такъ что я рѣшилась уступить, но быть однако насторожѣ. Но, увы! какъ я уже сказалъ, я бывалъ всегда благоразумнѣе только наполювиу, и когда Эденка, замѣтивъ мою сдержанность, предложила мнѣ согрѣться отъ ночнаго холода нѣсколькими глотками добраго вина прибрѣтеннаго ею, говорила она, у отшельника, я согласился съ лоспѣшностью заставившею ее улыбнуться. Вино произвело свое дѣйствіе. На второмъ стаканѣ, впечатлѣніе произведенное на меня эпизодомъ съ крестикомъ и образками совершенно изгладилось. Эденка въ своемъ небрежномъ нарядѣ, съ полурасплетенными бѣлокурыми волосами, въ блестящихъ при свѣтѣ луны залястьяхъ, показалась мнѣ неотразимо прекрасною. Я болѣе не сдерживалъ себя и заключилъ ее въ свои объятія...

Тогда, *mesdames*, произошло одно изъ тѣхъ таинственныхъ указаній, объясненія коимъ я никогда найти не могъ, но въ которыхъ опытъ заставилъ меня наконецъ повѣрить, хотя до тѣхъ поръ я далеко не былъ расположенъ допустить ихъ.

Я такъ сильно обнялъ Эденку что вслѣдствіе этого движенія одна изъ оконечностей креста, видѣннаго вами и надѣтаго на меня предъ отъѣздомъ моимъ изъ Парижа герцогиней де-Грамонъ, вонзилась мнѣ въ грудь. Боль которую я испыталъ при этомъ была точно лучъ свѣта озарившій меня внезапно. Я глянулъ на Эденку — и увидалъ что надъ ея чертами, все еще прекрасными, витала смерть, что глаза ея ничево не видѣли и что улыбка ея была лишь судорогой агоніи на лицѣ мертвеца. Въ то же самое время я ощутилъ въ комнатѣ острый запахъ непритвореннаго склепа. Ужасная истина открылась мнѣ во всемъ безобразіи своемъ, и я слишкомъ поздно припомнилъ предостереженія отшельника. Я лопаясь въ какомъ находился отчаянномъ положеніи и почувствовалъ что все зависѣло отъ моей смѣлости и присутствія духа. Я отвернулся отъ Эденки чтобы не дать ей замѣтить того что вѣроятно выражалось на лицѣ моемъ. Взглядъ мой невольно обратился къ окну, и я увидалъ страшнаго Горшу, оліявашагося на окровавленный колъ и смотрѣвшаго на меня взглядомъ гieny. Въ другомъ окнѣ стоялъ Георгій, въ эту минуту ужасно походившій на отца. Оба они, каза-

лось, слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ и было ясно что они бросятся на меня при малѣйшей попыткѣ бѣжать. Я сдѣлалъ поэтому видъ что не замѣтилъ ихъ, и имѣлъ на столько силы воли что продолжалъ все такъ же ласкать Зденку, будто ничего не случилось, но въ то же время только и думалъ какъ бы мнѣ спастись. Я видѣлъ что Горста и Георгій переглядываются со Зденкой и начинаютъ терять терпѣніе. И тутъ же во дворѣ послышались мнѣ женскій голосъ и плачъ дѣтей, но такіе ужасные что ихъ можно было скорѣе принять за вытье дикихъ кошекъ.

„Пора убираться, сказалъ я самъ себѣ,—и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше!“

И обратясь къ Зденкѣ, я заговорилъ съ ней настолько громко чтобы страшные родственники ея могли слышать:

— Я усталъ, милая моя, мнѣ бы хотѣлось лечь и поспать нѣсколько часовъ, но надо прежде накормить мою лошадь. Прошу тебя, не уходи и подожди меня здѣсь.

Я приложилъ губы къ ея похолодѣвшимъ и блѣдымъ устамъ и вышелъ. Лошадь свою нашелъ я всю въ лѣнѣ и рвущуюся изъ-подъ навѣса. Ржаніе, которымъ она встрѣтила меня, обдало меня холодомъ, такъ какъ я боялся какъ бы оно меня не выдало. Но вурдалаки, слышавшіе конечно разговоръ мой со Зденкой, не трогались съ мѣста. Тогда я, удостовѣрившись что ворота не заперты, быстро вскочилъ въ сѣдло и вонзилъ сразу шпоры въ бока моего скакуна. Выскакавъ изъ воротъ, я успѣлъ только замѣтить что толпа собравшаяся вокругъ дома и стоявшая прильнувъ лицами къ стекламъ была весьма многочисленна. Полагаю что мой внезапный выѣздъ озадачилъ ихъ, такъ какъ въ первыя минуты затѣмъ я въ молчаніи ночи различалъ только однообразный толотъ несшагося подо мной коня.

Я уже готовъ былъ поздравить себя съ благополучнымъ концомъ этой исторіи, какъ вдругъ услышалъ за собой шумъ подобный вою урагана въ горахъ. Тысячи голосовъ стонали, ревѣли и точно слорили другъ съ другомъ. Потомъ вдругъ все смолкло, и раздался какъ бы мѣрный гулъ и толотъ нѣсколькихъ бѣгущихъ лѣхотинцевъ.

Я подгонялъ шпорами коня моего до крови. Жилы мои чуть не разрывались отъ пожиравшаго меня лихорадочнаго огня, и между тѣмъ какъ всѣ усилія мои направлены были къ тому чтобы сохранить еще нѣкоторое присутствіе духа, я услышалъ позади себя голосъ взывавшій ко мнѣ:

— Погоди, погоди, милый! Я люблю тебя больше души своей, больше своего славения! Постои, постои, твоя кровь—моя!

Въ то же время холодное дыханіе коснулось моихъ ушей и Зденка прыгнула на круль моей лошади.

— Сердце мое, душа моя! говорила она мнѣ:—я только тебя вижу, только тебя хочу; я не властна надъ собой, я повинуюсь высшей власти; прости меня, милый, прости меня!..

И, обвивъ меня руками, она старалась опрокинуть меня и укусить за горло. Страшная борьба завязалась между нами. Долго защищался я съ трудомъ, но наконецъ напрягъ всѣ силы, схватилъ Зденку одною рукой за поясъ, а другою за косы и, приподнявшись на стременахъ, швырнулъ ее на землю.

Тотчасъ затѣмъ силы оставили меня, и я впалъ въ бредъ. Тысячи безумныхъ и страшныхъ образовъ преслѣдовали меня, угрожая мнѣ. Сначала Георгій и братъ его Петръ все бѣжали по краямъ дороги и старались перерѣзать мнѣ путь. Имъ это не удавалось, и я радовался уже этому, когда обернувшись увидѣлъ стараго Горшу который, опираясь на свой коль, дѣлалъ при помощи его неимовѣрные прыжки, подобно Тирольцамъ лерекидывающимся черезъ обрывы. Но и Горша остался позади. Тогда невѣстка его, волочившая за собой двоихъ дѣтей, подкинула ему одного изъ нихъ, котораго онъ и поймалъ на острие кола. Орудья имъ какъ пращей, онъ изъ всѣхъ силъ пустилъ ребенкомъ въ меня. Я избѣгъ удара, но дѣтенышъ со свирѣлою цѣлкостью бульдога такъ и вцѣпился въ шею моей лошади, и мнѣ еле-еле удалось оторвать и скинуть его. Горша кинулъ въ меня другимъ ребенкомъ, но этотъ свалился подъ колыта лошади, и она раздавила его... Не знаю что было далѣе, но когда я очнулся—было уже свѣтло и я лежалъ на краю дороги, а рядомъ со мною издыхала моя лошадь.

Такъ кончилось, mesdames, это мое любовное похождение которое должно было, казалось бы, навсегда отбить у меня охоту искать новыхъ. Изъ остающихся въ живыхъ бабушекъ вашихъ нѣкоторыя могли бы сообщить вамъ насколько въ дѣйствительности сталъ я съ теченіемъ времени больше благоразумнымъ.

Какъ бы ни было, но я и теперь еще содрагаюсь при мысли что попадись я во власть моихъ враговъ—я бы въ свою очередь сталъ вампиромъ; но Провидѣніе не допустило до этого, и я, mesdames, не только не жажду вашей крови, но готовъ за васъ и всю свою отдать до послѣдней капли.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ*

ОЧЕРКИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ЭПОХА НАЦИОНАЛЬНАГО СОБРАНІЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Революціонныя свобода и равенство. Клубы
и печать.

I.

На праздникъ 14 іюля прошлаго года, въ день памяти взятія Бастиліи, въ Парижѣ между прочимъ происходило открытіе новаго монумента, колоссальной статуи Республіки. У подножія статуи помѣщены три аллегорическія фигуры: одна со свѣточемъ въ рукахъ, другая ласкающая дѣтей и третья несущая вивеллиръ. Легко догадаться что послѣдняя изображаетъ собой *равенство*. Труднѣе понять почему свѣточъ знаменуетъ свободу, ласка оказываемая дѣтямъ *братство*. Это впрочемъ весьма согласно со степенью ясности революціоннаго пониманія этихъ трехъ идей, выставленныхъ революціей на ея знамени. Братство было пристегнуто позже. „Братства“ не было въ первоначальномъ девизѣ революціи, какъ онъ выраженъ въ *Объявленіи правъ* и въ конституціи 1791 года. Оно не упоминается и въ конституціи 1793 года. Яснаго смысла съ нимъ не соединялось. Но свобода и равенство, равенство и свобода выставлялись

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 7 и 12 1882 и №№ 2 и 5 1883 года.

всюду и на всѣ лады. Революціонная роль этихъ двухъ „началь“ была однако далеко не одинакова. Равенство въ смыслѣ общественной нивелировки, прошедшей какъ коса по всему выдающемуся, можетъ по справедливости назваться девизомъ революціи. Противореволюціонный журналъ *Actes des Apôtres*, усердно пользовавшійся орудіемъ насмѣшки, рекомендовалъ Национальному Собранію выдать декретъ который предписалъ бы что „съ 14 іюля будущаго года день будетъ равенъ ночи на всемъ протяженіи земнаго шара“ и „отъ полюса до полюса будетъ одинаковая умѣренная температура“. (*Mém. de Rivarol*, 352. Paris, 1824). Насильственное обращеніе монархическаго, крайне сословнаго строя въ демократическій увѣнчалось значительнымъ успѣхомъ. Высшіе классы не только были лишены политическаго преобладанія, но вынуждены бѣжать и скрываться, разсѣяны, истреблены. Складъ жизни измѣнился. Суетная пестрота блестящей дореволюціонной столицы въ два года смѣнилась сѣрымъ покровомъ революціоннаго Парижа! Уменьшалось число жителей, и по статистикѣ 1791 года изъ 600 тысячъ оставшихся было болѣе 120 тысячъ бѣдняковъ (*Merc. de France*, 1791, № X, 77). Прошло немного еще времени—и столица модъ представила собой одинъ громадный кабакъ съ его отвратительными ужасами и безумнымъ ольваніемъ; съ казнями на площадяхъ и маскарадными процессіями пьяныхъ бабъ и мушкетъ одѣтыхъ въ церковную утварь и дефилирующихъ предъ лицомъ правительствующаго конвента, при его рукоприкладствіяхъ, послѣ подачи прошенія о сборѣ на „святую гильотину“. (D'Héricault, *La Révol. de thermidor*, Paris, 1876, 611.) „Я не узналъ Парижа“, пишетъ объ этой эпохѣ французскій романистъ начала нынѣшняго столѣтія, Пюго Лебрѣнъ, влагая слова въ уста главнаго дѣйствующаго лица своего повѣствованія (Pigault Lebrun, *L'Enfant du carnaval*, II, 239. Paris 1815). „Не видно болѣе экипажей, не видно позолоты; нѣтъ торговли, нѣтъ веселья. Мастерскія лусты, опустѣли и отели; дворы заросли крапивою и релейникомъ; безпокойство во всѣхъ взорахъ, уныніе во всѣхъ сердцахъ. Герцоги бродятъ по улицамъ въ карманъшюлкахъ, герцогини въ шерстяныхъ платьяхъ, биржевики (*agioteurs*) катаются въ *виски*. Моего лортнаго я нашелъ ремонтнымъ инспекторомъ (*inspecteur de remontes*), моего парикмахера поставщикомъ на армію, моего пивовара генераломъ, а мясника законодателемъ. Вся Франція играла

въ барыниѣ туалетъ (à la toilette de madame). Всюду я читалъ большими литерами начертанныя слова: „равенство или смерть“, и никто не хотѣлъ быть равнымъ съ сосѣдомъ. На дверяхъ всяческихъ конторъ была надпись: „ici on se tutoie, fermez la porte s'il vous plait“ (здѣсь разговоръ на ты; затворяйте, сдѣлайте милость, дверь).“

Отъ ежедневной проповѣди равенства политическаго не далеко было и до проповѣди равенства имущественнаго. Передовые органы печати уже начали было ее „съ благородною дерзостію“, avec une noble hardiesse, какъ славить самого себя популярнѣйшій изъ революціонныхъ журналовъ эпохи *. Но почва оказалась не довольно еще вспаханною для социалистской идеи, и идея эта мелькнула не встрѣтивъ сочувствія. Переворотъ, сопровождавшійся разореніемъ имущества аристократовъ, продажею громаднаго количества земель духовенства, обращенныхъ въ государственную собственность, напротивъ, въ сильнѣйшей степени возбуждалъ инстинкты собственности,—претерпѣвшей громадное перемѣщеніе изъ однихъ рукъ въ другія,—приобрѣтенія и хищенія. Собственность провозглашена неприкосновенною, наименована естественнымъ правомъ, какъ свобода и равенство, не только въ конституціи 1791 года, но и въ конституціи 1793 года. Тѣмъ не менѣе, идею дѣлажа, какъ логическое послѣдствіе начала равенства, можно встрѣтить съ первыхъ лѣтъ революціи. Въ концѣ января 1791 года появилась въ *Révol. de Paris* статья озаглавленная „Des pauvres et des riches“ (№ LXXXII, 169), начинавшаяся словами: „Революцію сдѣлали бѣдняки, но сдѣлали не въ свою пользу, ибо послѣ 14 іюля остались почти тѣмъ же чѣмъ были до 14 іюля 1789 года... Истинный другъ человѣчества долженъ воспользоваться этою превозшедшею надеждою революціей дабы сокрушить мало-по-малу высокую бронзовую стѣну раздѣляющую бѣднаго отъ богатаго... Пусть тѣ кто владѣютъ почти всѣмъ и тѣ кто не имѣютъ почти ничего обратятся къ посредничеству тѣхъ кто владѣютъ ни многимъ, ни малымъ. Ихъ третейскій судъ не можетъ быть залодозрѣнъ. Есть классъ гражданъ стоящихъ между бога-

* *Journal des Révolutions de Paris* devenu un monument cher aux honnêtes gens par la bonté des principes qu'il a toujours professés avec une noble hardiesse“. (*Révolutions de Paris*, 1791, № XCVI, 250, отвѣтъ Лагарпу).

тыми и бѣдными (интеллигентное разночинство само себя предлагающее!), въ которомъ сосредоточены всѣ знанія наукой развитаго разума (*toutes les lumières de la raison cultivée*). Эти мирные люди подготовили революцію. Это они собрали угли на главѣ виновныхъ. Пришла минута приблизить пламя, и взрывъ совершился. Пусть эти скромные люди, столь долго хранившіе въ тиши своихъ очаговъ священныи огонь естественной философіи, выйдутъ нынѣ разомъ изъ своихъ убѣжищъ и образуютъ изъ себя легіонъ столь же страшный злонамѣреннымъ какъ легіонъ тираноубійцъ вооруженныхъ кинжалами *. И тогда какъ сіи послѣдніе прокрадутся во дворцы деслотовъ, подъ шатры вождей противореволюціонной арміи и даже въ будуары заговорщицъ, наши „филантропы“ пусть раздѣлятся по соглашенію на два отряда чтобы придти къ одной цѣли разными дорогами. Первый отрядъ направится къ богатымъ. Ему предстоитъ быть-можетъ труднѣйшая задача: убѣдить богатыхъ что ихъ собственный интересъ требуетъ предотвратить, рѣшившись на пожертвованія, аграрный законъ, о которомъ уже поговариваютъ.“ Отрядъ направленный къ бѣднымъ долженъ былъ прежде всего предостеречь ихъ отъ свѣтей закидываемыхъ аристократами подъ видомъ благотворительности. Надо замѣтить что статья писана въ эпоху когда образовавшійся клубъ монархистовъ, ставившій своею цѣлью примирить революцію съ монархіей, оказывалъ благотворенія въ большихъ размѣрахъ. Это обстоятельство, повидимому, и вызвало приводимое нами произведеніе одного изъ членовъ бойкой своры молодыхъ писакъ, которую ловкій издатель *Révolut. de Paris* завелъ при своемъ журналѣ по смерти Лустало, перегорѣвшаго въ лихорадкѣ-журнальнаго возбужденія. Брошенный социалистскій брандеръ встрѣтилъ сильнѣйшее опроверженіе со стороны Лагарла, хотя и ухаживавшаго за революціей. „Нелѣзная идея равенства имуществъ можетъ войти только въ голову сумашедшаго, писалъ Лагарль въ *Mercur de France...* Я не знаю что это за „филантролъ“ говорящій такимъ образомъ, скрывая свое имя. Но я, называя себя, объявляю ему что на мои глаза и на глаза каждаго

* Идея такого общества убійцъ изъ разночинныхъ обладателей *des lumières de la raison cultivée* выдвигалась въ то время революціонными журналами.

кто не отказался еще отъ всякаго подобія здраваго смысла, отъ всякой тѣни справедливости, онъ смертельный врагъ отечества, свободы, законовъ, всякаго общественнаго и государственнаго порядка... *Поговариваютъ объ аграрномъ законѣ?* Да кто же это логовариваютъ? Какой бѣшеный безумецъ заводилъ объ этомъ рѣчь?" Вотъ какъ была встрѣчена социалистская идея на первыхъ порахъ ея появленія въ эпоху революціи. Лагарль былъ правъ: объ аграрномъ законѣ и рѣчи не было. Упоминаніе будто о немъ „логовариваютъ“ было простымъ приемомъ журнальной пропаганды помощью выдумки,—тогда еще довольно оригинальнымъ, потомъ ставшимъ весьма обычнымъ.

II.

Въ разрушительной идеѣ равенства нѣтъ по крайней мѣрѣ тѣхъ недоразумѣній и того обмана какими преисполнено другое начало—революционная свобода. Между тѣмъ что подразумѣвалось и славилось подъ этимъ именемъ въ революціонную эпоху и точнымъ значеніемъ понятія свободы не много общаго. Въ исторіи цивилизованныхъ государствъ, эпоха когда количество свободы въ точномъ смыслѣ слова было наименьшимъ, есть безъ сомнѣнія эпоха французской революціи во дни ея окончательной побѣды, во дни конвента и террора. Побѣду революціи требовалось понимать, какъ бы ни душило ея ярмо, какъ побѣду свободы, подъ страхомъ смерти въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія. Да и предъ тѣмъ прельстительное слово произносилось уже неискренно, болѣе какъ украшеніе рѣчи или какъ нѣкоторое обѣщаніе, исполненіе котораго требуется заслужить суровымъ воспитаніемъ революціонныхъ добродѣтелей. Малле-дю-Панъ оставилъ яркое изображеніе угнетеннаго состоянія страны въ началѣ 1794 года, когда терроръ былъ еще въ разгарѣ (Mallet du Pan, *Mém.* II, 14, „De l'état politique etc. de la France le 1 février 1794“). „Издали, говоритъ онъ, нельзя составить себѣ настоящаго понятія о крайнемъ подчиненіи и террорѣ, порожденныхъ новою организаціей тиранинн. Ни единый человекъ не смѣетъ сослаться на какой-нибудь законъ, на какое-нибудь право, принципъ, владѣніе. Казни столь же часты въ провинціяхъ какъ въ Парижѣ, въ селеніяхъ какъ въ городахъ. Ни одно слово, ни одинъ шагъ, ни одно положеніе

не ускользають отъ арміи донощиковъ, одушевленныхъ, ревнованіемъ превзойти одинъ другаго въ жестокосердіи. Въ послѣдній мѣсяцъ одинъ восьмидесятилѣтній зажиточный крестьянинъ, видя нѣсколькихъ молодыхъ людей послѣдняго набора направляемыхъ въ Эльзась, воскликнулъ: „бѣдные дѣти, это телата которыхъ везутъ на бойню“. Въ тотъ же вечеръ онъ былъ арестованъ, а чрезъ восемь дней казненъ. Можно бы привести тысячу подобныхъ примѣровъ“. (Валлонъ въ сочиненіи своемъ о революціонномъ трибуналѣ приводитъ, по документамъ, множество случаевъ казни за неосторожное слово произнесенное гдѣ-нибудь въ минуту раздраженія или въ пьяномъ видѣ.) „Революционная власть не церемонится съ „мнѣніемъ“ и не боится нарушать начала провозглашенныя революціей. Департаментскіе комиссары приняли формы, приемы, языкъ пашей. Они катаются въ коляскахъ шестерикомъ, съ конвоемъ стражи, обѣдаютъ за льянымъ столомъ на тридцать кувертовъ, при звукахъ музыки, окруженные толпой лизоблюдовъ, публичныхъ женщинъ, преторианцевъ; говорятъ всегда тономъ повелѣнія и энтузіазма и наводятъ ужасъ на народъ. * Тотъ же духъ, тѣ же формы, въ соотвѣтственной пропорціи отлчаются и исполнителей ихъ вѣдѣій. Словомъ, прежде представители власти всячески старались выказывать по отношенію къ народу тонъ равенства, смиренія, почтенія; приказывая, казались повинующимся. Теперь говорятъ какъ повелители, малѣйшее непослушаніе есть преступленіе непрощаемое... Нельзя болѣе ни говорить, ни писать. Пале-Рояль, старое мѣсто свиданія революціонеровъ, нынѣ представляетъ собой совершенную лустыню: очистили и садъ, и дома, и даже кофейни. Не позволяютъ собираться малѣйшей группѣ. Къ ночи каждый

* Въ другомъ мѣстѣ Малле дю-Панъ приводитъ такой характеристическій разказъ. Колмо д'Эрбуа, членъ Комитета государственнаго блага, творилъ судъ и расправу въ качествѣ правительственнаго комиссара въ одной изъ провинцій. Во время роскошнаго пира докладываютъ что судья настойчиво проситъ аудіенціи. Допускають. Приблизившись къ потревоженному амфитріону, судья говоритъ ему на ухо: „молодой человекъ котораго арестовали оказывается невиновнымъ, нѣтъ ни малѣйшихъ уликъ“.—„Я приказалъ, грозю возражаетъ комиссаръ,—наказать этого человека, онъ долженъ быть казненъ до конца дня. Если цащить невиновныхъ, слшскомъ много ускользало бы виновныхъ“. Арестованный былъ казненъ.

уходить къ себѣ. Это называютъ: уложить въ постель свою свободу (*aller coucher sa liberté*). Всѣ лавки закрываются ранѣе восьми часовъ вечера. Все опасно: и соединеніе, и уединеніе, невнятный разговоръ, всякое частное дѣло, всякая перелиска. Каждый участокъ въ городѣ имѣетъ свой наблюдательный комитетъ. Ускользнувъ отъ него, попадаешься агентамъ городской общины, или комитета государственнаго блага, вырастающимъ изъ земли. Всѣ кто могли сохранить какое-нибудь вліяніе по состоянію, прежнему значенію, заслугамъ, даже такимъ которыя оказаны революціи; всякій чье имя могло бы вызвать обращеніе къ нему недовольныхъ, дать имъ какую-нибудь надежду—арестуются, изгоняются, умерщвляются. Въ тюрьмахъ и мѣстахъ заключенія Парижа такихъ лицъ до 18.000.“

И возстаніе, прибавляетъ Малле-дю-Панъ, стало невозможнымъ. Народъ совершенно обезоруженъ. „Ружья не осталось ни въ городахъ, ни въ селахъ“. Легкость съ какою совершилось обезоруженіе, по замѣчанію Малле, еще болѣе удивительна чѣмъ легкость съ какою произошло вооруженіе въ июль 1789 года. Вотъ, напримѣръ, какъ произошло обезоруженіе Бордо. Послѣ паденія жирондистовъ бордосскіе недовольные куражились; хотѣли идти на Парижъ, громко ругали Конвентъ. Въ октябрѣ 1793 года были посланы въ Бордо четыре комиссара. За ними слѣдовало 1.800 человекъ революціонной сводочи изъ крестьянъ и разбойниковъ: Было объявлено чтобы храбрецы бордосской національной гвардіи вышли баталіономъ изъ Бордо и построились у воротъ города. „Всѣ знали что за комиссарами слѣдовали палачи, тюремщики и всякіе бандиты. Тѣмъ не менѣе 12.000 національ-гардовъ повиновались. Комиссарамъ былъ поднесенъ вѣнокъ. Тальянъ, глава комитета, сказалъ громкую рѣчь и приказалъ отряду своихъ бандитовъ сорвать съ позолоченнаго баталіона украшавшія ихъ мундиръ дубовыя вѣтки, эполеты, кокарды“. Приказаніе было исполнено безъ сопротивленія. Затѣмъ изданъ приказъ, подъ страхомъ смертной казни сложить въ продолженіе 36 часовъ все какое есть въ городѣ оружіе на гласисѣ мѣстной крѣпости. Повиновались; и сто тысячъ жителей покорно сложили 30.000 ружей и массу шлягъ, листовъ; принесли даже перочинные ножи. Узнали повинованіе отъ котораго было отвыкли. Подчинились непрерывнымъ рекрутскимъ наборамъ, отдали и деньги. Финансы пополнялись героическими средствами. Изъ всѣхъ церквей отобраны

всѣ сколько-нибудь цѣнныя металлическія вещи. Имѣнія эмигрантовъ конфискованы. Во многихъ мѣстностяхъ прямо производили реквизицію всѣхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей. Наложили огромныя контрибуціи на возмущившіеся города Лионъ, Бордо, Страсбургъ, Марсель. Въ Лионѣ прибѣгли къ обману. Обнадежили успокоеніемъ, а какъ только началась торговля, открылись лавки, вынулсь вещи которыя были скрыты—все было захвачено. Наложень былъ налогъ на доходъ—и не платить не осмѣливались.

Комитетъ государственнаго блага, съ неограниченною властію правившій страной, показалъ что коллективный самодержецъ провозглашенный революціей можетъ въ деспотизмѣ и тиранніи превзойти всякаго единоличнаго властителя. Когда на смѣну разрушаемой наличной власти призывался желанный коллективный самодержецъ въ неувидимомъ и неопредѣленномъ образѣ *нации*—былъ періодъ анархіи. Она смѣнялась ужасающимъ деспотизмомъ когда въ эпоху Конвента власть сосредоточилась въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ и коллективный самодержецъ явился въ чудовищномъ образѣ терзаемаго страхомъ тирана о нѣсколькихъ головахъ, проявляющаго энергію отчаянія. Одна часть его не довѣряетъ другой. Впередѣ не видѣлось ничего кромѣ гибели. Еще когда терроръ не достигъ высшей точки, когда Робеспьеръ и Дантонъ дѣйствовали вмѣстѣ, они оба говорили (по разказу Малле-дю-Пана) одной дамѣ собиравшейся оставить Францію: „бѣгите, бѣгите скорѣе. Какъ хотѣли бы мы послѣдовать за вами! Скоро мы всѣ перерѣжемся (ne tarderons pas à nous entre-égorges) и Франція обратится въ арену громадной рѣзни.“

При такихъ условіяхъ какая можетъ быть рѣчь о свободѣ? Свободы, очевидно, не было и признака въ эпоху Конвента. Но въ періодъ изучаемый нами слово свобода было еще постоянно на устахъ, и революція чествовалась какъ даровавшая это благо странѣ. „Утромъ 12 іюля 1789, читаемъ въ *Révol. de Paris* (№LXXVI, 1790; т. VI, 559), мы еще были рабами. Вечеромъ 14 іюля мы ими уже не были. Чувство свободы разомъ проснулось во всѣхъ душахъ. Мы всѣ поднялись въ тотъ же часъ, общимъ усиліемъ разбили наши цѣли и ремедля обломками ихъ лоразили нашихъ спящихъ тирановъ, которые наканунѣ еще ложились въ постель въ жестокомъ упованіи силой заставить насъ протянуть шею подъ дозорнѣйшее ярмо. Въ то же время мы возобладали всею полнотою

власти отнятой было у насъ постепенно. При видѣ національнаго знамени развѣвающагося на стѣнахъ Бастилии, завоеванной въ теченіе трехъ часовъ, виновные принцы (princes coupables) обращаются въ бѣгство, ихъ наемные герои слѣдуютъ за ними; весьма небольшое число измѣнниковъ несутъ заслуженную казнь отъ народнаго суда. Темницы открываются чтобы не закрываться болѣе (?) и возвращаютъ свои жертвы. Скипетръ склонился предъ народною свѣкой, и французская нація, ставъ на ноги во всемъ своемъ величествѣ, сама себя облагаетъ налогами, сама себя судитъ, сама собой устраивается и самодержавно повелѣваетъ своими управляющими (ses agents) которыхъ слишкомъ долго чтла какъ своихъ повелителей.“ Вотъ какъ рекомендуетъ почитать завоеванную свободу революціонная газета. Очевидно дѣло идетъ не о свободѣ, а о власти вырванной изъ однихъ рукъ и имѣющей быть переданною въ другія. Но въ чьи? Рабы, разказывается, перебили обломками цѣпей и перевязали своихъ спящихъ господъ, затѣмъ засѣли на ихъ мѣста и заставили себя служить. Всѣ стали повелителями. Одинъ остался повинующійся—правительство. Оно должно работать, заботиться обо всемъ, отвѣчать за все, а мы—нація, его критику, даемъ приказы, увольняемъ его, въ случаѣ если оно не годится. Пока не разрушены еще были правительственныя формы, управленіе могло кое-какъ держаться старыми законами: надъ правительствомъ можно было тѣшиться сколько угодно, на него, возлагая отвѣтственность и не принимая ея на себя. Но когда старое зданіе рухнуло, правительственная задача перешла въ руки разрушителей,—наступило кровавое владычество торжествующей революціонной путачевщины. Тутъ завершился переходъ власти; а до того времени мы видимъ только процессъ ея вырванія, съ ликованіями по поводу каждаго новаго отторженія. Это періодъ безвластія, анархіи. Свобода состояла исключительно въ безнаказанности. Ни на что нѣтъ запрета. Возглашается повиновеніе закону, но всѣ наличные законы отвергаются; новыхъ нѣтъ, исполненіе выдаваемыхъ ничѣмъ не ограждено. Чему же повиноваться? При безнаказанности каждому приходится дѣйствовать на свой страхъ, верхъ беретъ оказывающійся сильнѣйшимъ. Безнаказанность движеній революціоннаго характера—вотъ что разумѣлось подъ словомъ свобода.

Какъ ни безумна была кровавая тиранія Комитета государственнаго блага,—то обстоятельство что въ странѣ обнаружилась неограниченная государственная власть и страхъ вызвалъ повиновеніе имѣло огромныя послѣдствія. Это дало возможность двинуть оборванные, плохо вооруженныя толпы умирать за Францію, разлагавшему организму коей грозило иностранное нашествіе. Пробудился свойственный французской націи инстинктъ воинственный и вѣсть патриотическій. „Солдаты армій, говоритъ Малле-дю-Панъ, указывая что Франція подъ дикимъ владычествомъ Конвента хранить въ себѣ еще большія силы,—не роялисты, не республиканцы, а Французы.“ Въ результатъ „философской“ революціи, имѣвшей покорять умы и сердца человѣчества, явилась грозная военная сила, естественно вызвавшая военную диктатуру, завоеваніями удивившую міръ.

Наиболѣе приближенное въ политическомъ мірѣ положеніе Франціи—когда съ ней перестали считаться въ международныхъ сношеніяхъ—было въ эпоху когда ея представители, которымъ нельзя отказать въ блескѣ ума, талантовъ, краснорѣчія, сочиняли государственную конституцію на образецъ всему человѣчеству, но на крушеніе историческаго строя своей страны. Едва полгода прошло со времени революціоннаго взрыва—и Боркъ въ засѣданіи англійской палаты общинъ 9 февраля 1790 года счелъ себя въ правѣ дать міру слѣдующую картину состоянія Франціи. „На картѣ Европы, сказалъ онъ, которую я только-что обозрѣлъ, замѣчаю огромный проломъ, громадную пустоту, прежде занятую Франціей, нынѣ ставшую призракомъ.

Caput nil timendum et
Corpus inutile.

Одинъ почтенный членъ очень хорошо выразился что легко было разрушать и очень трудно возсоздавать. Франція испытаетъ это, и пока она будетъ подыматься изъ развалинъ, она не будетъ въ состояніи внушать намъ никакого страха... Послѣ того какъ я имѣлъ честь послѣдній разъ говорить предъ вами, Франція все опрокинула—законы, религію, обычаи, государственный порядокъ. Неразумные зодчіе! Развѣ не знали они что силы тяжести достаточно чтобы спустить внизъ огромные грузы; но что требуются большія машины, долгій и тяжкій трудъ чтобъ ихъ олять поднять. Кровавая,

звѣрская и тиранническая демократія все испровергла предъ собою. Свершила дѣянія дикаго варварства. Я вижу тамъ армію безъ генераловъ; офицеры командуютъ съ веревкой на шеѣ; всякая дисциплина исчезла, важнѣйшія совѣщанія законодательнаго корпуса безнаказанно подвергаются насиліямъ. Своевольная толпа кровью отмѣчаетъ свои шаги и поселяетъ ужасъ даже въ нѣдрахъ Собранія. Религію обращаютъ въ атеизмъ. *Аристократъ* есть военный ключъ; произнося его испровергаютъ все, сжигаютъ хартіи, дома, собственность. Преслѣдуютъ повидимому одну цѣль—все подвести къ одному уровню; навсегда отдѣлать повиновеніе закону отъ охраны закономъ, солдата вывести изъ повиновенія офицеру, сына изъ повиновенія отцу, подданнаго изъ повиновенія государю... Въ теченіе менѣе вѣка мы видимъ ихъ въ двухъ крайностяхъ: то приниженныхъ подъ деспотизмомъ Людовика XIV, то согбенныхъ подъ тиранніей своевольства.“

III.

Возвратимся къ вопросу о свободѣ въ революціонную эпоху. Разсмотримъ ее, во первыхъ, какъ свободу религіозную, во вторыхъ, какъ свободу политическую, и именно какъ свободу сходокъ, собраній и печати.

Большинство Собранія состояло изъ людей равнодушныхъ къ религіи, значительная доля была прямо враждебна католицизму и вообще къ христіанству, литая ненависть переданную энциклопедистами. Искренно вѣрующихъ было немного даже между духовенствомъ. Собраніе провозгласило полную свободу вѣроисповѣданій, и когда отъ времени до времени возникали вопросы о какихъ-либо правахъ иновѣрцевъ, разрѣшало такіе вопросы въ ихъ пользу. Но отношеніе къ господствующей церкви было иное, это было отношеніе борьбы и разрушенія.

Замѣтимъ по этому поводу что ни въ чемъ такъ рѣзко не выразилась фальшь основнаго начала, во имя котораго дѣлалась революція, какъ въ отношеніяхъ ея къ религіи и монархіи. Провозглашалось, какъ основное и новое начало, что законъ есть воля большинства, что народъ есть самодержецъ и воля „націи“ есть державное, для всѣхъ обязательное повелѣніе. Но при томъ глубокомъ проникновеніи вліянія духовенства

во всё отправленія народной жизни громаднаго большинства страны, какое было въ дореволюціонной Франціи, не могло быть никакого сомнѣнія что еслибы въ самомъ дѣлѣ сообразоваться съ волей большинства, то декреты Собранія относительно духовенства нельзя было бы разсматривать иначе какъ самое рѣзкое нарушеніе народной воли. Нація, понимаемая въ смыслѣ народныхъ массъ, была еще глубоко католическою, какъ была и глубоко монархическою. Это не помѣшало ей *и тѣмъ*, похѣривъ церковные каноны, отказаться отъ Рима и папы, завести выборы вмѣсто правильнаго рукоположенія, обратитъ священниковъ въ государственныхъ чиновниковъ; какъ, съ другой стороны, не помѣшало сокрушить монархію, провозгласить республику, возведя короля на эшафотъ. Дѣло было значить не въ волѣ большинства, и мнимое ей поклоненіе было только приѣмомъ обмана и прельщенія. Еписколъ Навсіійскій попробовалъ въ апрѣлѣ 1790 года сказать что въ дѣлѣ такой важности какъ законы о духовествѣ надо спросить провинціи, „гдѣ пребываетъ нація“ (*où réside la nation*), но на слова его не обратили ни малѣйшаго вниманія (*Mercure de Fr. 1790, Avril, 367 стр.*). Истинное дѣйствующее начало было значить то же какъ и въ ненавистномъ прежнемъ строѣ, противъ котораго поднялось возстаніе: велѣнія власти и повинующаяся имъ масса. Обманъ требовался чтобы скрывать грубую незаконность велѣній меньшинства захватившаго власть. Разладъ между дѣйствительнымъ чувствомъ массъ и тѣмъ что предписывалось имъ велѣніями самозванныхъ распорядителей судебъ страны,—далеко вышедшихъ за предѣлы своихъ полномочій и устами Мирабо заявившихъ свои права на захватъ власти такъ какъ „спасли отечество“,—сказался мятежемъ противъ мятежа. Но властвовавшій мятежъ дѣйствовалъ противъ своихъ противниковъ не такъ какъ дѣйствовало противъ него самого законное правительство, и подавлялъ ихъ безпощадною рукою.

Въ области религиозныхъ отношеній, какъ выше сказано, мы встрѣчаемся въ революціонный періодъ не съ явленіями свободы вѣрованій, а съ явленіями борьбы и преслѣдованія по отношенію къ католическому духовенству. Свобода въ религиозномъ отношеніи была свободой оскорбленія и осмѣянія вѣрованій большинства. Когда въ маѣ 1790, архіеписколъ города Э (Aix) сказалъ въ Собраніи объ установленіяхъ церкви: „никакая человѣческая власть не въ правѣ

ихъ касаться“, слова эти были встрѣчены громкимъ смѣхомъ, éclat de rire, какъ отмѣчено въ *Mercurii* (1790, № XXIII, 53).

Постановленія объ отнятїи огромныхъ имѣній какими владело духовенство и обращеніе ихъ въ государственную собственность, съ цѣлю продажи въ частныя руки для поправленія финансовъ, не встрѣтили съ его стороны энергическаго сопротивленія. Духовенство не могло по этому вопросу встрѣтить поддержки въ народной массѣ. Плательщики видѣли въ новыхъ мѣрахъ облегченіе, прїобрѣтатели усматривали выгоду; паденіе благотворенія могло обнаружиться только съ теченіемъ времени. Сопротивленіе обнаружилось, когда Собраніе, не задумываясь, коснулось положенія духовенства и самой католической церкви въ государствѣ. Собраніе сочло себя въ правѣ измѣнить дѣйствующія церковныя постановленія, не прибѣгая къ собору, не сносясь съ главой католической церкви, а прямымъ государственнымъ распоряженіемъ. Такое коренное измѣненіе въ положенїи церкви на практикѣ оказалось не столь легкимъ какъ представлялось равнодушному къ религіозной сторонѣ дѣла большинству. Противникъ оказался сильнѣе чѣмъ ожидали. Противникъ этотъ былъ религіозное чувство еще неугасшее въ массахъ, пораженное, оскорбленное принятыми мѣрами. Законодатели предприняли организовать церковь по образцу мѣстнаго управленія и въ связи съ нимъ и положить въ основу церковной организаціи то же начало какое было имъ положено въ основу полицейской, административной и вообще всякой государственной организаціи. Это начало—выборъ. Равенство какъ насильственная нивелировка и выборъ какъ единственный источникъ власти и исключительный способъ ея врученія (то-есть въ громадномъ большинствѣ случаевъ интрига)—вотъ истинные принципы 1789 года, обнаружившіеся не въ отвлеченностяхъ и фразѣ, а въ практическомъ дѣлѣ революціоннаго логома. Свобода же была не иное что какъ свобода интриги направленной къ исторженію власти изъ рукъ тѣхъ у кого она въ данную минуту находится—для передачи жадно ждущимъ преемникамъ.

Новыя постановленія относительно организаціи духовенства, были намѣчены съ обычною революціоннымъ постановленіямъ математическою простотой. Въ каждомъ департаментѣ, на какіе только что раздѣлили Францію, полагается еписколъ; при немъ мѣстный духовный совѣтъ, родъ консисторїи. Съ помощію этого совѣта еписколъ творитъ духовный

судъ въ своей епархіи, илц, какъ сказано въ постановленіяхъ, безъ согласія совѣта не можетъ предпринять никакого акта судебного свойства касательно управленія епархіи,—ne peut faire aucun acte de juridiction en ce qui concerne le gouvernement du diocèse. Епископъ выбирается пожизненно изъ мѣстныхъ священниковъ, служившихъ не мѣнѣе пятнадцати лѣтъ въ епархіи, тѣми самыми избирателями которые выбираютъ депутатовъ въ Собраніе. Выборъ при очистившейся вакансіи происходитъ во храмѣ въ одно изъ воскресеній, послѣ обѣдни, на которой должны присутствовать всѣ избиратели. Прямо не сказано даже чтобъ избиратели были непременно католики. Это, по видимому подразумевалось въ постановленіи о присутствіи при обѣднѣ. Но по буквѣ закона могли, какъ потомъ и указывалось, участвовать всѣ, хотя бы некрещеные Евреи. Выбранный епископъ отъ одного изъ старшихъ епископовъ (наименованныхъ митрополитами — évêque métropolitain) получалъ „institution canonique“. Посвящающій не въ правѣ былъ требовать никакого обѣта кромѣ заявленія что избранный исповѣдуетъ римскую апостольскую католическую вѣру. Еслибы посвящающій отказалъ, избранный имѣетъ право апеллировать (не сказано куда). Затѣмъ епископъ принимаетъ гражданскую присягу „быть вѣрнымъ наци, закону, королю и всею мощію поддерживать конституцію установленную Национальнымъ Собраніемъ и принятую королемъ.“ Никакого утвержденія отъ папы новый епископъ не получаетъ, но (§ 19) онъ „долженъ написать къ папѣ какъ видимому главѣ всемірной церкви. (église universelle), во свидѣтельство единства вѣры и общенія какое обязанъ съ нимъ имѣть (en témoignage de l'unité de foi et de la communion qu'il doit entretenir avec lui)“. Священники подобнымъ порядкомъ выбираются изъ викаріевъ (назначаемыхъ епископомъ съ его совѣтомъ) уѣздными избирателями; получаютъ institution canonique отъ епископа, въ случаѣ неутвержденія могутъ апеллировать къ гражданской власти; приносятъ гражданскую присягу. Священникъ отказавшійся дать гражданскую присягу лишался прихода и положеннаго содержанія. Таковы постановленія закона 12 іюля 1790 года, поведшія къ безчисленнымъ послѣдствіямъ. Священники раздѣлились на присягнувшихъ и отказавшихся присягать (prêtres assermentés et non assermentés). Не присягнувшіе отвергались гражданской властію, но вѣру-

ющими одни признавались за истинныхъ ластырей. Раздѣленіе внесло религиозную распрю и безпокойство въ нѣдра каждаго прихода, каждаго семейства. Мѣры вызвали проклятіе милліоновъ, съ нимъ не могла примириться совѣсть короля, какъ ни былъ онъ уступчивъ. Массами впервые почувствовалось ярмо революціоннаго насилія, дотолѣ направлявшагося единственно къ сбрасыванію всякихъ тяготъ. Борьба съ католицизмомъ оказалась не столь легкою какъ съ аристократіей и монархіей. Духовенство, такъ легко предавшее свѣтское государство на революціонный разгромъ, обнаружило великую силу въ защитѣ того всемірнаго государства въ государствахъ правитель котораго находится въ Римѣ.

Духовенство не давало присяги не потому чтобъ отказывало въ повиновеніи правительству, но чтобы не санкціонировать весь законъ, противный церковнымъ установленіямъ. Папа издалъ весной 1791 года посланіе, въ которомъ объявилъ всѣ выборы во епископы и священники, сдѣланные на основаніи закона 12 іюля, незаконными и не имѣющими силы и воспретилъ выбраннымъ подѣ страхомъ отлученія совершать таинства. Появляно какой соблазнъ должно было вносить это въ сердца вѣрующихъ католиковъ, вынужденныхъ свѣтскою властью признавать священниковъ и епископовъ отлученныхъ папой. Революціонеры отвѣтили кощунственной выходкой. „Въ среду 4 мая (1791), на другой день по полученіи папскаго посланія, читаемъ въ *Révolutions de Paris* (т. VIII, 186), одно патріотическое общество заказало маннекенъ изображавшій папу и привнесло его въ Пале-Рояль. Одинъ изъ членовъ прочелъ обвинительный актъ, въ коемъ обнаружилъ преступныя намѣренія Іосифа-Анжело Браски, Пія VI (Joseph-Ange Braschi, Pie VI) и заключилъ тѣмъ что маннекенъ этого папу изображающій долженъ быть сожженъ и пепелъ развѣянъ по вѣтру, по предварительномъ, впрочемъ, снятіи креста и кольца“. Это и было исполнено при рукоплесканіяхъ зрителей. Такъ какъ посланіе было скрѣплено аббатомъ Рою (Rouou), то тутъ же была сожжена связка его сочиненій, „предварительно пропитанная грязью“. Къ одному изъ слѣдующихъ нумеровъ *Révol. de Paris* приложена гравюра изображающая сожженіе.

Каковы были нѣкоторые изъ епископовъ назначенныхъ по выбору, можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Въ *Монитеръ* 1791 года, № 234, читаемъ что муниципалитъ города Байё

(Вауецъ) жаловался Національному Собранію на новоизбраннаго епископа департамента Кальвадосъ, Клода Фоме. Явившись на лавсту, епископъ этотъ немедленно сталъ во главѣ мѣстнаго якобинскаго клуба, и предсѣдая въ его собраніяхъ, дотола весьма спокойныхъ, обратилъ ихъ въ бурныя засѣданія. „Онъ не хочетъ, жалуются мѣстныя власти, никакого правительства. Національное Собраніе установило монархическую конституцію: монархія ему ненавистна“. Онъ проповѣдуетъ возстаніе. Предложилъ сбить статую Лудовика XIV въ Канѣ. Въ пастырскихъ посланіяхъ своихъ „тщательно внушаетъ народу что въ немъ, народѣ, вся сила, и распространяется въ декламацияхъ противъ всякой власти“. Многіе чиновники обличаемые имъ бѣжали; да и всѣ администраторы хотятъ бросить свои мѣста.

IV.

Дѣло не ограничивалось оскорбленіями совѣсти вѣрующихъ. Чувались насилія. Въ *Rév. de Paris* (VIII, 377) читаемъ:

„Въ четвергъ 2 іюня (1791) многіе не принявшіе присяги священники собрались въ большомъ числѣ въ церкви бывшей театинцевъ (*des ci-devant Théatins*) по случаю праздника Вознесенія. Значительное число ханжей (*de dévotes*) слушали обѣдню. Слухъ объ этой церемоніи распространился. Народъ собрался у церкви, заставилъ отворить двери. Войти въ минуту когда многія изъ неофитокъ (?) приобщались. Нѣкоторые принимали причастіе даже два, три раза сряду (?). Процедура длилась съ четырехъ часовъ утра. Зрители, возмущенные подобными безобразіями (*indignés de pareils abus*), ждали однако до конца обѣдни прежде чѣмъ разразиться; но когда произнесено было *ite missa est*, алтарь и всѣ принадлежности были испровергнуты, стулья и скамейки переломаны и лавства разогнана. Національ-гарды, увѣдомленные немножко поздно, для благочестиваго кружка, явились когда экспедиція уже кончилась. Вечеромъ, согласно постановленію департамента, парижскій меръ въ сопровожденіи отряда гардовъ, съ такъ-называемымъ ихъ генераломъ во главѣ, явился благочестиво охранять вечернее пѣснолѣвіе въ этой церкви и успокоить бѣдныхъ преслѣдуемыхъ. Народъ, видя въ этомъ вызовъ,

вновь собрался и тогда какъ администрація, по своимъ правиламъ, покровительствовала нашимъ схизматикамъ (!), толпы вѣвъ стоявшія сорвали и сожгли вывѣщенные объявленія. Все впрочемъ прошло безъ столкновенія и смуты. Скажемъ даже что національ-гарды вели себя хорошо“. (Не потому ли что, какъ писали въ *l'Orateur du peuple*, дверь отперъ какой-то офицеръ національной гвардіи? *Buch. et Roux*, X, 217.)

Мы привели описаніе дикаго нападешія на мирно молившихся женщинъ согласно революціонной газетѣ старавшейся, лояльно, смягчать краски. Газета, по обычаю, беретъ мятежъ подъ свою защиту. Какая разница, разсуждаетъ она, въ поведеніи народа относительно „непокорныхъ“ католиковъ и относительно протестантовъ! Протестантамъ „народъ“ де покровительствуетъ, присутствуетъ при ихъ богослуженіи, присоединяетъ свои молитвы къ ихъ молитвамъ и даже проливаетъ слезы. „Протестантскій проповѣдникъ, г. Марронъ, въ воскресенье произнесъ патріотическую рѣчь исторгнувшую слезы радости изъ всѣхъ глазъ“. Это ли нетерпимость? спрашиваетъ газета. Народъ „согласенъ терпѣть всѣ религіи, но онъ не хочетъ двухъ римско-католическихъ вѣръ: и одной, думаетъ онъ, довольно!“ Какъ однако согласить ничѣмъ не вызванныя нападешія на мирно молящихся съ объявленною свободой совѣсти и исповѣданія? „Свобода, поясняетъ газета, состоитъ въ томъ чтобы дѣлать то что не вредитъ другому. Но эти собранія *срѣдять* (?) народу. Религіозныя вѣрованія свободны лишь настолько насколько ихъ оказательство не нарушаетъ общественнаго порядка (Объявл. правъ, ст. 10). Но настоящій случай именно таковъ какъ указывается въ законѣ. Онъ очевидно нарушаетъ общественный порядокъ“. Такимъ образомъ оказывается что въ буйствѣ толпы ворвавшейся въ закрытое убѣжище виноваты не буйствующіе, а тѣ которые къ буйству со своей стороны никакого повода не подавали. Пусть эти „добрые пастыри“, насмѣхается далѣе газета, „если ихъ намѣренія дѣйствительно мирны, отрясутъ прахъ отъ ногъ и выйдутъ изъ непризнающаго ихъ города, говоря: горе тебѣ Виѳсаида, горе тебѣ Капернаумъ! Но пусть этимъ и ограничатся: иначе упорство будетъ имъ гибелью“. Оно, гибелью и оказалось.

Еще прежде безчинства 2 іюня, „въ воскресенье, 17 апрѣля (*Révol de Paris*, VIII, 59), патріоты съ утра собрались предъ аристократическимъ синедріономъ (церковь б. театинцевъ) и

чтобы спасительнымъ предупреденіемъ остановить замышляемое зло, прибили надъ главнымъ входомъ лучокъ розогъ и подъ нимъ объявленіе: „*кѣ сепднїю набожнымъ аристократкамъ, чистительное лѣкарство раздаваемое даромъ.*“ Нѣкто по имени Дофини, надзиратель надъ парижскою грязью (*inspecteur des boues de Paris*) затѣялъ сорвать объявленіе и розги. Ихъ возстановили, сдѣлавъ ему приличное внушеніе за нагаость. Это былъ часъ когда караулъ шелъ на смѣну къ королю. Проходившій отрядъ былъ остановленъ г. Балъи, потребовавшимъ чтобы солдаты сорвали то что народъ только что возстановилъ. Какой-то музыкантъ изъ отряда исполнилъ порученіе. Но послѣ отъезда г. Балъи все было возстановлено съ прибавленіемъ на объявленіи словъ: *снятое по велнїю г. Балъи, возстановлено по велнїю граждаданъ.* Такъ шапка свободы (*le bonnet de liberté*) восторжествовала надъ муниципальнымъ шарфомъ.

Въ юнѣ 1791 епископъ Парижскій приобщалъ дѣтей каедральнаго прихода (*paroisse métropolitaine*). Въмѣсто того,—восхищается *Révolutions de Paris*,—чтобы по старому обычаю „водить ихъ по церквамъ, читать огеми“, онъ повелъ ихъ въ долговую тюрьму освобождать заключенныхъ (не прибавлено многихъ ли освободили). На другой день приобщенные приняли во храмъ гражданскую присягу при большомъ стеченіи народа (*Rév. de Paris, VIII, 512*). 16 юня вечеромъ тѣ же дѣти были представлены въ Собраніе. Наканунѣ ихъ вѣдали въ клубъ Якобинцевъ, гдѣ въ уста дѣтской депутаціи была вложена прѣвѣтственная рѣчь, въ которой юный ораторъ говорилъ между прочимъ: „свѣту вашей философіи католическая Франція обязана счастіемъ признавать брата во Французѣ другаго исповѣданія. Несмотря на мятежныя усилія тѣхъ кто заинтересованы въ увѣковѣченіи заблужденій, вы вывели на свѣтъ возвышенную истину, которую столько разъ тщетно повторялъ Вольтеръ подъ королевскимъ деспотизмомъ: добродѣтель людей не въ ихъ вѣрованїяхъ.“

Заимствуемъ изъ сборника *Buchez et Roux*, съ нѣкоторыми сокращенїями, описаніе сцены появленія дѣтской депутаціи въ Собраніи. (X, 107.)

Трельяръ (замѣщавшій президента). Депутація дѣтей каедральнаго прихода города Парижа, сопровождаемая отрядомъ ветерановъ и литомцами парижской національной гвардіи, допущена къ рѣшеткѣ собранія.

Ораторъ депутаціи. Только-что выйдя изъ рукъ религіи, мы послѣднили къ вамъ принести дань религіознаго патриотизма, коимъ исполнена наша душа. Какую признательность должна возбуждать въ насъ эта дивная революція! Мы только-что выходили изъ того счастливаго возраста который не знаетъ ни отлчій, ни лочестей, ни богатства; брошенные въ міръ мы осуждены были на позоръ рабства и могли возвышаться лишь усиліями низости. Но вы смѣнили тѣхъ гордыхъ и злыхъ людей чье честолюбіе придумывало всяческія средства унижить совершеннѣйшее изъ созданій божества. Мы свободны, мы можемъ быть добродѣтельными! Хвала вамъ, отцы отечества, создатели свободы! Предъ лицомъ неба и земли и предъ вами, мудрые и бессмертные законодатели, клянемся нашею святою религіей проповѣдующею гуманность, равенство, терпимость, клянемся сими безстрашными ветеранами, кои поведутъ насъ къ побѣдѣ, въ присутствіи сихъ питомцевъ, „надежды отечества“, кои предварили насъ на пути патриотизма (*многократныя рукоплесканія съ лѣвой стороны*), клянемся быть вѣрными націи, закону, королю. (*Всѣ дѣти допущенныя къ рѣшеткѣ кричатъ: клянемся.*)

Президентъ (*отвѣчаетъ*). Наступилъ наконецъ день когда долгъ воспитывать добрыхъ гражданъ лочитается изъ числа важнѣйшихъ, день когда первый урокъ юности есть урокъ повиновенія законнымъ властямъ. Худители религіи, будьте свидѣтелями ея дѣла!.. Юные граждане, никогда не забывайте того что произнесли вы сегодня. Гуманность, равенство, терпимость, покорность властямъ законнымъ, вотъ истинный духъ религіи... Вы заслуживаете раздѣлять славу основателей свободы, ибо вы готовы пролить свою кровь за нее. Собрание приглашаетъ васъ къ присутствію при засѣданіи (*vous accorde les honneurs de la séance*). (*Лѣвая сторона аплодируетъ, требуетъ напечатанія рѣчи дѣтей и отвѣта президента.*)

Г. Фоллевиль. Всѣмъ извѣстно что дѣтская церемонія которой мы только-что были свидѣтелями... (*На лѣвой сторонѣ ропотъ, требуютъ перехода къ очереднымъ дѣламъ.*) Я читалъ что въ знаменитомъ клубѣ, который я безконечно уважаю, была релетиція ліесы разыгранной предъ нами. Для большаго сходства, вмѣсто печатанія рѣчи президента этого собранія, предлагаю чтобы было постановлено напечатать рѣчь президента Якобинскаго клуба. (*Волненіе во всѣхъ частяхъ залы, многіе члены лѣвой требуютъ слова; правая слѣпается.*)

Аббатъ Мори. Противлюсь предложенію г. Фоллевиля. Онъ употребилъ выраженіе съ которымъ я несогласенъ. Ce n'est point une cérémonie enfantine dont nous venons d'être les témoins; c'est une cérémonie puérile. (Оставляемъ въ подлинникъ выраженіе заключающее въ себѣ игру словъ). (*Слѣдъ справа продолжается.*)

Г. Ш а б р у. Не знаю поражаетъ ли Собраніе, какъ поражаетъ меня тонъ наглости вотъ уже нѣсколько дней... (*Рукопледскаяя сльва; пятьдесятъ членовъ правой стороны стремятся въ средину залы и грозятъ жестами лъвой стороне.*)

Г. В е р т а м о н ъ (во время шума произноситъ ругательства). Ah, c'est que ce j.... f... là qui...

Послѣ шумнаго перерыва рѣшено наконецъ заключить пренія.

Г. Ф у к о. Прошу поставить предварительный вопросъ (question préalable) относительно печатанія рѣчей. То что мы видѣли есть плодъ интриги. Печально что соблазняютъ дѣтей. Мнѣ хорошо извѣстно какъ все произошло. Ихъ смутили въ день ихъ перваго причащенія! (*Доуженія негодования на лъвой стороне.*) Для чести Собранія прошу не завосить случившагося въ протоколъ. Въдь это кощунство. (*Общее возстаніе лъвой прерываетъ Фуко. Рѣшено печатать.*)

Издатель *Collect. parlem.* прибавляетъ что еписколъ и особенно его викарій, возившій дѣтей по Парижу 13, 14 и 15 юня, получили деньги за устроеную комедію.

V.

Перейдемъ къ свободѣ политической, какъ она выражалась въ правѣ сходокъ и петицій и въ свободной печати.

О правѣ гражданъ свободно собираться для обсуждения политическихъ и государственныхъ вопросовъ не упоминается въ Объявленіи правъ чловѣка и гражданина. * Занятые

* Въ текстѣ конституціи 3 сентября 1791 года право сходокъ и собраній выражено въ первомъ отдѣлѣ (озаглавленномъ „dispositions fondamentales garanties par la constitution“), гдѣ говорится что конституціей гарантируется: „свобода собираться мирно и безъ оружія, соблюдая требованіе законовъ полицейскихъ (la liberté aux citoyens de s'assembler paisiblement et sans armes, en satisfaisant aux lois de police); а также свобода подавать петиціи конституціоннымъ властямъ, подписавья отдѣльными лицамъ (la liberté d'adresser aux autorités constituées des pétitions signées individuellement)“. Ограничительное постановленіе о личномъ, а не коллективномъ характерѣ петицій, воспрецавшее подавать ихъ, какъ многократно дѣлалось, отъ цѣлыхъ корпорацій, участковъ и особенно клубовъ, введено было закономъ 18 мая 1791, состоявшимся по предложенію Шалепье, отъ имени Комитета конституціи. Въ томъ же законѣ указывается чтобы собранія по участкамъ и общинамъ созывались для обсуждения только „предметовъ“

политическою „метафизикою“, какъ тогда не рѣдко принято было выражаться, составители Объявленія оставляли въ великой неопредѣленности всѣ сколько-нибудь практическіе вопросы. Право сборищъ и петицій, очевидно, подразумѣвалось. На практикѣ собранія гражданъ по участкамъ не только об-суждали всяческіе вопросы, но и выдавали обязательныя постановленія. Но это были собранія официальныя назначенныя для выборовъ и, во имя свободы, немедленно вышедшія изъ предѣловъ своего полномочія. Частныя собранія въ родѣ англійскихъ митинговъ, для выраженія сужденія по какому-нибудь вопросу, съ цѣлью дѣйствовать давленіемъ общественнаго мнѣнія, оказались не въ характерѣ Французовъ и не привились на французской почвѣ. Всякое собраніе здѣсь стремилось обратиться въ постоянное, организованное учрежденіе, властное и дѣйствующее не силою аргументовъ, а давленіемъ интриги и, когда представится случай, мятежомъ. Такія собранія не замедлили явиться, надѣлали хлопотъ близорукимъ революціоннымъ законодателямъ и правителямъ и быстро возросли, въ видѣ сѣти якобинскихъ клубовъ, до значенія громадной, господствующей силы, подавлявшей, во имя свободы, всѣ другія силы.

По перевѣздѣ Собранія и Двора въ Парижъ, послѣ событій 5 октября 1789 года, въ Якобинскомъ подворьѣ (*maison des Jacobins*) на улицѣ Сентъ-Оноре стали происходить частныя собранія депутатовъ-патріотовъ или *бюшетиговъ* (*engagés*), какъ ихъ тогда именовали въ противореволюціонныхъ кружкахъ. Депутаты собирались, какъ увѣряетъ революціонная газета (*Rév. de Paris*, 1790, № XXVIII, 11), затѣмъ чтобъ они могли мирно „заготовлять мнѣнія, не будучи смущаемы возгласами подкупленныхъ ораторовъ, неприличными выходками пьяныхъ и дикими угрозами буйныхъ забіякъ“. Нелестное изображеніе это относится, повидимому, къ засѣданіямъ Националь-

муниципальнаго интереса“ и съ соблюденіемъ всѣхъ требуемыхъ формальностей, и устанавливаются правила относительно вывѣшыванія объявленій. Указывается что для объявленій официальныхъ должны быть отведены особыя мѣста, частныя же объявленія могутъ дѣлаться только отъ отдѣльныхъ лицъ съ подписью, отнюдь не отъ имени обществъ или клубовъ и отнюдь не въ формѣ постановленій. За нарушеніе закона назначенъ штрафъ налагаемый полицейскою властію (*par voie de police*). Всѣ эти предписанія однако остались на бумагѣ. Якобинскій клубъ не обратилъ на нихъ вниманія.

наго Собранія. Можно сильно однако усомниться въ справедливости утвержденія будто описанныя выходы служили къ смущенію „патріотовъ“. Бывали, правда, сцены презрительной брани и буйныхъ угрозъ со стороны „аристократовъ“, но что значили онѣ въ сравненіи съ гамомъ „патріотовъ“ и шумомъ давленія трибунъ, когда поддерживались революціонныя предложенія? Собраніе на Якобинскомъ подворьѣ было зерномъ могущественнаго клуба Якобинцевъ, именовавшихъ себя Обществомъ друзей конституціи (*Société des amis de la constitution*). Депутаты противной стороны возымѣли было въ свою очередь мысль устроить въ своемъ лагерѣ подобныя собранія. Исторія этихъ неудачныхъ попытокъ организовать, на почвѣ провозглашенной свободы, партію порядка, остановить работу разрушенія и водворить государственнй миръ помощью уступокъ и соглашеній, весьма поучительна.

Въ декабрѣ 1789 года значительное число членовъ духовенства, дворянства и третьяго сословія сошлись на подворьѣ Августинцевъ (*aux Grand Augustins*), дабы посудить о современномъ состояніи дѣлъ и средствахъ къ восстановленію порядка и спокойствія въ государствѣ. Но восстановленіе порядка очевидно могло произойти только съ восстановленіемъ власти. Всякое другое средство было иллюзіей. А въ какомъ положеніи была власть, раздѣленная между униженнымъ правительствомъ, между Собраніемъ которое провозглашало себя властнымъ, но не управляло событіями, а увлекалось ихъ потокомъ неизвѣстно куда, между Думой, городскими участками, уличною толпой? Былъ быть-можетъ единственный человекъ который могъ бы дать событіямъ другой ходъ есаибы въ его руки было отдано то что оставалось еще силы у правительства (оставалось еще не мало). То былъ Мирабо. Онъ искалъ сближенія съ Дворомъ, желая быть министромъ; имѣлъ планъ дѣйствія. „Если вы имѣете, говорилъ онъ графу Ламарку (*Mém. de Malouet*, II, 27) средство дѣйствовать на короля и королеву, убѣдите ихъ что Франція и они погибнутъ если королевская фамилія останется въ Парижѣ. Я занятъ планомъ какъ ихъ отсюда вывести“. Близорукій Неккеръ отклонилъ предложеніе Мирабо, а Собраніе, провѣдавшее о существованіи переговоровъ, постановило по предложенію Ланжюине (*Lanjuinais, député de la sénéchaussée de Rennes*) что делу не можетъ поминать никакихъ мѣстъ отъ Двора.

Малуэ, такъ какъ она оставляла честолюбію одинъ выходъ— въ демагогію“.

При отсутствіи всякой способности къ дѣйствию въ правительствѣ, противореволюціонная партія въ Собраніи оказалась предоставленною самой себѣ. Больше ста депутатовъ послѣ октябрьскихъ событій удалились изъ Собранія; между оставшимися многіе вовсе уклонялись отъ участія въ преніяхъ; другіе, смотря на ходъ революціи, почти радовались его быстротѣ, въ надеждѣ что накопленіемъ несправедливостей и несправедливостей революція сама себѣ сломишь голову, и неминуемо послѣдуетъ возвращеніе къ старому порядку. Чистые аристократы, какъ ихъ называли, не могли идти ни на какіе компромиссы; духовенство было въ тревогѣ за собственную участь. Все такимъ образомъ шло въ разбродъ. Но и эти разрозненные элементы, еслибы могли сгруппироваться вокругъ одного центра, еще составили бы значительную силу. Этимъ центромъ могло быть только правительство, но оно, повторяю, отсутствовало. Потребность соединиться, организовать въ партію была. Она и привела къ попыткѣ образовать клубъ безпристрастныхъ, club des Impartiaux, объ исторіи которой лучше всего узнаемъ изъ мемуаровъ Малуэ, игравшаго главную роль въ неудавшейся затѣѣ.

Собравшіеся въ зданіи des Grand Augustins члены правой стороны дабы порѣшить вопросъ о томъ что слѣдуетъ предпринять выбрали лятнадцать комиссаровъ. Малуэ, отсутствовавшій въ собраніи, былъ въ числѣ выбранныхъ, но отказался отъ роли комиссара и предложилъ собственный планъ. Чтобъ уразумѣть этотъ планъ надлежитъ помнить что Малуэ былъ типомъ „умѣреннаго“ и былъ способенъ предаваться иллюзіи относительно исполнимости самыхъ искусственныхъ комбинацій. Онъ полагалъ что „единственнымъ средствомъ спасенія государства, какое тогда оставалось, было въ искреннемъ соединеніи всѣхъ или большинства депутатовъ“. Но, замѣчаетъ онъ, „еслибы во главѣ коалиціи увидали членовъ духовенства и дворянства, считаемыхъ противниками народнической партіи, то не замедлили бы расслухить что наши планы и усилія направлены противъ конституціи, противъ свободы и интересовъ народа“. Какъ же поступить? По мнѣнію Малуэ, надлежало начать манифестомъ съ изложеніемъ принциповъ, который могъ бы стать центромъ коалиціи. Это изложеніе, составившее 15 параграфовъ, должно было

удалить мысль о противленіи революціи въ достигнутыхъ ею результатахъ. Оно содержало въ себѣ заявленіе искренняго подчиненія конституціи и вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе неотложной, на почвѣ конституціи, необходимости возстановить миръ и порядокъ. „Соблюденіе конституціи, говорилось въ § 4, и сохраненіе свободы существенно зависятъ отъ исполненія законовъ. Исполненіе же законовъ гарантируется только помощью двѣтельной власти, охраняющей всѣ права. Надеждитъ потому послѣштитъ возвратитъ королю полноту пользованія высшею властью, согласно торжественно выраженному желанію націи и монархическому началу признанному и освященному конституціей“. Далѣе указывалось что при допущеніи полной свободы вѣрованій, „религія католическая должна одна, въ качествѣ религіи національной, пользоваться правомъ торжественности государственнаго вѣроисповѣданія (*solemnité du culte public*)“; за церквями необходимо сохранить пользованіе земельною собственностію. Не трудно догадаться что этотъ проектъ мирнаго трактата съ революціей не могъ удовлетворитъ ни друзей ея, ни противниковъ. Ни тѣ, ни другіе въ сущности не вѣрили въ прочность составленной конституціи. „Народническая партія, свидѣтельствуеъ самъ Малуэ, смотрѣла на Французское правительство какъ на вещь которую предстоитъ создать, а не реформировать. Большинство дворянства и духовенства не могло привыкнуть видѣть въ декретахъ Собранія изданныхъ до того дня что-нибудь окончательное; оно находило ихъ чудовищными, да и надо сказать были нѣкоторые въ этомъ родѣ.“ Податливый король, впрочемъ, вполне одобрилъ программу безпристрастныхъ. Это передавала Малуэ, тогда еще не бывшему въ прямыхъ сношеніяхъ съ Лудовикомъ XVI, принцесса Аделаида. Въ Лафайетѣ, соединявшемъ исканіе популярности съ преданностію королю и служеніемъ свободѣ, дамѣ сердца этого рыцаря революціи, планъ Малуэ не встрѣтилъ живой поддержки. Были переговоры между „безпристрастными“, съ одной стороны, и Лафайетомъ, герцогами Ларошфуко и Лянкуромъ, съ другой. Лафайетъ и его товарищи соглашались съ необходимостію возстановить порядокъ и для этого поддерживать полномочіе королевской власти, но уклончиво указывали что главою о королевской власти надлежитъ завѣчать зданіе конституціи. Это было равносильно отклоненію плана. Ларошфуко въ письмѣ

въ редакцію *Mercur de France* (10 марта 1790) объясняетъ впрочемъ это отклоненіе тѣмъ что предложеніе „безпристрастныхъ“ не заключало въ себѣ ничего опредѣленнаго и не предлагало никакого плана практическихъ дѣйствій.

VI.

Въ мемуарахъ Малуэ есть мѣсто свидѣтельствующее въ какой иллюзіи онъ находился, стремясь соединить несоединимое и надѣясь достигъ умиренія путемъ уступокъ и сдѣлки съ революціей. Онъ дѣлаетъ весьма мѣткое замѣчаніе. „Я болѣе чѣмъ когда-либо сомнѣваюсь (II, 38), говоритъ онъ, чтобы Французы могли выдержать бури свободы и чтобы могли устоять противъ лорчи растлѣнія столь свойственной представительному правленію (qu'ils résistent à la trop facile corruption d'un gouvernement représentatif). Сомнѣваюсь основываясь на обстоятельстве которое не было довольно замѣчено, но которое произвело на меня глубокое впечатлѣніе еще со времени уѣздныхъ собраній (assemblées des bailliages) и открытія собранія государственныхъ сословій. Обстоятельство это—малое число собственниковъ достаточныхъ и независимыхъ которые могли бы *безъ жалованья* занимать государственныя должности. Говорю: безъ жалованья, ибо это единственное условіе по которому можно узнать независимаго человѣка. * Какъ скоро выборная должность соединяется съ жалованьемъ, избранное лицо нуждающееся въ такомъ вознагражденіи по необходимости должно подчиняться предрасудкамъ и страстямъ тѣхъ кто могутъ повысить его въ должностяхъ или удержать на занимаемомъ мѣстѣ. Съ другой стороны, когда преобладаетъ кредитъ Двора, Двору особенно легко подчинить себѣ людей недостаточныхъ. Вообще господствующая власть, какая бы ни была, имѣетъ въ своемъ распоряженіи людей нуждающихся въ наживѣ или къ ней стремящихся (qui ont besoin ou envie de faire fortune). Это самый вѣрный философскій и политическій принципъ. Уже того способа какимъ составилось народное представи-

* Трудно не согласиться съ замѣчаніемъ что еслибы во Франціи предложили „патріотамъ“ сдѣлать революцію на свой счетъ, революціи не было бы. Все дѣло въ государственныхъ средствахъ направленных на революціонныя цѣли.

тельство было потому достаточно чтобъ его испортить и разрушить свободу, еслибы въ новой системѣ даже не было другихъ комбинацій столь же пагубныхъ. Да и независимо отъ этого соображенія, я думаю что если взвѣсить выгоды и невыгоды представительнаго правленія для обширной націи, то найдутся вѣскіе мотивы предпочтенія монархіи умѣряемой правами и основными законами. Какъ частное лицо я бы считалъ себя болѣе огражденнымъ подъ такимъ правительствомъ чѣмъ среди того что нынѣ осмѣиваются называть свободною страной. "Трудно понять какъ можно было при такихъ убѣжденіяхъ идти на компромиссъ съ революціей и добросовѣстно принимать конституцію основанную на иныхъ совѣтѣхъ началахъ. Малюзъ тѣмъ не менѣе совершенно искренно считалъ это возможнымъ. Выказавъ свои убѣжденія, онъ продолжаетъ: „Но представитель народа получившій специальное порученіе обезпечить ему свободную конституцію не можетъ ни подъ какимъ предлогомъ не говорю уже вызывать установленіе неограниченнаго правленія, но даже принять такое“. Онъ обязанъ слѣдовательно, по ученію Малюзъ, побѣдить себя. Но и этого насилуванія самого себя недостаточно. Отъ идеальнаго депутата требуется еще вѣчто большее. Вопреки тѣмъ которые съ разныхъ концовъ твердили: никакой середины, никакихъ уступокъ быть не можетъ, Малюзъ говоритъ: „я же съ самаго начала революціи всегда думалъ что мой долгъ какъ депутата—съ твердостью противиться явно дурному, какими бы опасностями это ни грозило и сколь бы ни были усилія безплодны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ убѣжденъ что надлежитъ уступать власти общественнаго мнѣнія во всемъ что представляло надежду, хотя бы невѣрную, на что-нибудь доброе (ce qui présentait l'espoir même incertain de quelque bien)". Мириться съ тѣмъ что признаемъ вреднымъ и уступать тому изъ чего, увѣрены, толку не будетъ, — вотъ удивительное правило политической мудрости рекомендуемое Малюзъ, согласное съ его уступчивымъ, примирительнымъ характеромъ и которому онъ слѣдовалъ вполне добросовѣстно. Но было великою иллюзіей считать возможнымъ сгруппировать людей помощію такой искусственной комбинаціи идей. Несчастіе Франціи 1789 года было въ томъ что она, обладая множествомъ людей образованныхъ, способныхъ къ тонкостямъ пониманія, владѣющихъ литературною формою и къ ней чувствительныхъ, съ познаніями разнообразными (съ боль-

шимъ невѣдѣніемъ впрочемъ всего нефранцузскаго), не имѣла людей съ истиннымъ государственнымъ смысломъ. Немногіе не страдали политическимъ недомыслиемъ и легкомыслиемъ. Эти немногіе не играли видной роли. Ничтожное правительство ихъ и замѣтить не умѣло, какъ не сумѣло привлечь Мирабо и воспользоваться его услугами.

VII.

Клубъ безпристрастныхъ не осуществился. Но попытка къ соглашенію и умиротворенію не осталась безъ нѣкотораго вліянія. Внушенію идей партіи безпристрастныхъ приписывали шагъ сдѣланный королемъ 4 февраля 1790 года, когда онъ, безъ сдѣланнаго заранѣе извѣщенія, явился въ Собраніе, свидѣтельствуя о своей преданности новой конституціи и призывая всѣхъ содѣйствовать общими силами возстановленію мира и порядка въ странѣ. Великодушное движеніе произвело дѣйствіе, отозвавшееся въ празднествахъ федераціи, но скоро парализованное революціоннымъ настроеніемъ.

Какъ принята была попытка „безпристрастныхъ“ въ революціонномъ лагерѣ, объ этомъ можно судить по статьямъ *Révolutions de Paris*. „Безпристрастнымъ“ посвящены двѣ статьи. Одна трактуетъ о письмѣ къ друзьямъ мира (*Lettre aux amis de la paix*) опубликованномъ 2 января, другая о пятнадцати параграфахъ въ которыхъ сформулировано ученіе безпристрастныхъ. Письмо, какъ видно изъ статей *Révolutions de Paris*, появилось прежде чѣмъ были опубликованы параграфы, хотя, какъ явствуетъ изъ мемуаровъ Малуэ, составлено оно было позже параграфовъ. Въ письмѣ говорилось между прочимъ: „друзья мира, покажите честнымъ людямъ ваши принципы, ваши условія и скажите имъ: вотъ въ чемъ миръ, вотъ въ чемъ справедливость и истина. Соединитесь подъ этимъ знаменемъ!“ „Честные люди! восклицаетъ на это революціонная газета (*Révolution de Paris*, № XXX, 16), не слушайте, это ложь, лукавство, лицемеріе. Уступаютъ на время силѣ національной воли. Смотрите: требуется сохранить корпоративное устройство духовенства. Это затѣмъ чтобъ оно возродилось изъ пепла и вновь стало олотомъ деспотизма. А еще говорятъ что не желаютъ воскресенія сословій! Хотятъ сласти обломки феодализма, затѣваютъ надѣть ошейникъ писателямъ, съ

низкимъ лицемѣриемъ изливаютъ ядъ клеветы на депутатовъ-патріотовъ. По виду оставляютъ аристократическую систему, но это съ цѣлью чтобъ она тѣмъ вѣрнѣе восторжествовала! Граждане! не поддадимся этимъ вѣроломнымъ прельщеніямъ. Революцію не надо дѣлать наполовину. Если останется хоть одна голова гидры аристократіи, она тотчасъ воспроизведетъ всѣ остальные. Останемся при нашихъ великодушныхъ рѣшеніяхъ и мы восторжествуемъ надъ *малуэтизмомъ*, какъ восторжествовали надъ *аристократіей*“. А Малуэ находился въ иллюзіи что заявленіе примирительныхъ началъ примется съ тою же искренностію какъ имъ дѣлалось, и честные люди потекутъ подъ знамена мира и справедливости!

„Мы только-что получили извѣстіе, продолжаетъ революціонная газета, которое должно исполнить радостію всѣхъ патріотовъ. Подворье Августинцевъ гдѣ держали свои совѣты аристократы находится въ участкѣ Сенъ-Жерменскаго аббатства, отличавшемся во время революціи честностію принциповъ и своею бдительностію. Участокъ этотъ полагаетъ что такъ какъ собраніе въ подворьѣ Августинцевъ не имѣетъ законнаго характера (?), то должно разсматриваться какъ сходбище которое надлежитъ разсѣять въ случаѣ если сошедшеся и заговоръ творящіе аристократы не допустятъ четырехъ комиссаровъ, которые наблюдали бы за тѣмъ что происходитъ въ собраніи. Ничто не можетъ быть болѣе разумно и болѣе согласно съ началами (?) какъ эта предосторожность. Если намѣренія аристократовъ чисты, то эти четыре комиссара доставятъ имъ только удовольствіе. Но буде затѣваютъ они посѣять раздѣленіе въ Национальномъ Собраніи, то должностныя лица коимъ поручено полицейское наблюденіе обязаны ихъ разсѣять“. Вотъ и свобода собранія мирныхъ гражданъ для обсужденія государственныхъ вопросовъ! Если собраніе не имѣетъ революціоннаго характера, то-есть не подкалывается подъ монархію, признанную конституціей, то требуется чтобы, во имя конечно свободы, оно было разогнано полиціей.

Послѣ неудачи клуба безпристрастныхъ, къ лѣту 1790 года образовался другой клубъ, подъ наименованіемъ клуба 1789 года. Его основатели были умѣренные революціонеры. Его цѣль была затмить клубъ Якобинцевъ возраставшій въ силѣ. Многіе члены клуба Якобинцевъ дѣйствительно перешли въ новый клубъ. „Онъ пышно, описываетъ революціонная газета

(*Révol. de Paris*, V, 21), расположилась въ Пале-Рояль, въ великолѣпномъ помѣщеніи, съ шумомъ и трескомъ способными привлечь и поразить толпу. Клубъ старательно выставялъ что имѣеть ту же цѣль какъ и клубъ Якобинцевъ — политическія пренія; но прибавилъ другія приманки и развлечения — хорошіе обѣды, на которые былъ сдѣланъ расчетъ. Провинціальныя депутаты, по словамъ газеты, принимались въ качествѣ посѣтителей и ничего не вносили, но пользовались обѣдомъ, стоявшимъ, по ея увѣренію, дуцдоръ съ персоны и приманившимъ будто бы болѣе сотни депутатовъ. „Хотѣлъ бы я знать, прибавляетъ авторъ статьи, имена этой сотни обжоръ сманенныхъ обѣдомъ. Я бы обличилъ ихъ предъ ихъ департаментами. Не могутъ они развѣ жить восемнадцатую франками не компрометтируя своихъ мнѣній за обѣдъ? Для людей желающихъ обсуждать политическія вопросы не имѣетъ значенія сдѣлать въ залѣ нанятой за тысячу дуцдоровъ. Для нихъ конечно удобнѣе быть въ мѣстѣ спокойномъ и удивленномъ. Но для министерскихъ видовъ чрезвычайно важно чтобы публика посѣщающая Пале-Рояль видѣла въ окнахъ клуба Лафайета, Балли, Мирабо, Шалелье, на которыхъ она привыкла смотрѣть, и будетъ еще смотрѣть нѣсколько мѣсяцевъ, какъ на своихъ защитниковъ. Требовалось, дабы сбить съ толку общественное мнѣніе и заставить его принимать рѣшенія продиктованныя этому клубу Дворомъ, сдѣлать такъ чтобы неразсуждающей толпѣ казалось будто клубъ этотъ не иное что какъ тотъ же Якобинскій клубъ, только очищенный отъ мнимыхъ заговорщиковъ, о которыхъ распускаютъ будто они враги монархіи и приверженцы республики... Если эта министерская нора не будетъ разорена патріотами, то придетъ день когда Дворъ найдетъ тамъ волю депутатовъ для будущаго законодательнаго корпуса, который въ слѣдующихъ законодательныхъ сессіяхъ продастъ ему на наличныя и общественную и частную свободу. Нѣтъ! война, вѣчная война съ низкими рабами Двора, съ честолюбцами и фальшивыми патріотами!“ Разорять впрочемъ не пришлось. Клубъ составленный изъ слишкомъ разнородныхъ элементовъ распался самъ собой.

Осенью 1790 года была послѣдняя попытка образовать клубъ на монархической основѣ. Новый клубъ былъ возобновленіемъ клуба безпристрастныхъ и именовался клубомъ друзей монархической конституціи (*club des amis de la constitution*

monarchique, въ отличіе отъ Якобинцевъ именовавшихъ свое общество club des amis de la constitution безъ прибавленія слова монархическіи). Революціонная печать отвеслась къ попыткѣ съ крайнею враждебностію. „Это подогрѣтый клубъ 89 года, писали въ *Rév. de Paris* (VI, 581) ...Гіероглифъ общества—вѣсы въ равновѣсіи: на одной чашкѣ шалка свободы, то-есть нація, на другой корона Франціи, то-есть король.“ Газета называетъ это политическою ересью. „Значить одинъ равенъ двадцати милліонамъ? спрашиваетъ она и поучаетъ: „нація самодержавна, король явтъ; нація даетъ и отмѣняетъ законы, король не можетъ дѣлать ни того, ни другаго; нація можетъ отмѣнить королевскую власть, король не можетъ отмѣнить націю“.

Газета описываетъ, со своей точки зрѣнія, дѣйствія клуба. „Они прежде всего разослали въ восемьдесятъ три департамента манифестъ въ формѣ объявленія (prospectus), въ которомъ выставляють себя защитниками покинутыхъ, по ихъ словамъ, принциповъ умирающей монархіи. Объявляютъ войну обществу Якобинцевъ, которыхъ патриоты всегда будутъ считать истинными друзьями монархической конституціи такой какъ она установлена Національнымъ Собраніемъ, а не такой какою хотятъ ее понимать монархисты. Если они дѣйствительные друзья французской конституціи, то почему же не соединяются они съ Якобинцами?“ Другое преступленіе клуба, по указанію газеты, въ томъ что члены его; „подобно миссіонерамъ всяческихъ сектъ, стараются чинить соблазнъ ничтожными благотвореніями, пышно раздаваемыми. Они имѣють эмиссаровъ въ 48 участкахъ Парижа; этимъ эмиссарамъ поручено войти въ соглашеніе съ полицейскимъ комиссаромъ, чтобы раздавать ежедѣльно 100 фунтовъ хлѣба бѣднымъ каждаго участка, по су за фунтъ. Участки увидѣли западню, поняли опасность продажи хлѣба по одному су у однихъ булочниковъ, тогда какъ другіе продаютъ по два су. Они отвергли обидную щедрость монархистовъ.“ (*Rév. de Paris*, VI, 629).

Въ началѣ Общество друзей монархической конституціи имѣло было успѣхъ. „Оно уже насчитывало (*Merc. de Fr.*, 1791, VII, 143) 300 членовъ; большое число гражданъ имѣло въ виду къ нему присоединиться. Клубъ не выставлялъ другаго принципа кромѣ лежащаго въ основѣ конституціи, согласно коей правленіе во Франціи объявлено монархиче-

скимъ. "Чтобъ оставаться строго на законной почвѣ, управление общества сообщило объ его учрежденіи меру Парижа и командующему національной гвардіей. Но въ революціонномъ лагерѣ тотчасъ забили тревогу. По сигналу писакъ (*scriblers*, какъ выражается *Merc. de Fr.*) Пале-Рояль взволновался; стали толковать что общество должно быть разогнано силой. Опасаясь волненій, Балль отъ имени парижскаго муниципалитета выдалъ полицейскій приказъ о закрытіи клуба. Революціонныя газеты, увѣренныя что толла еще лучше разгонитъ общество чѣмъ приказъ муниципалитета и опасаясь не послужило бы это прецедентомъ къ закрытію якобинскихъ клубовъ, забили тревогу о муниципальной тирании (*tyrannie municipale*, какъ озаглавлена статейка *Rév. de Paris*, въ которой увѣряется что закрытіе это есть „парадъ условленный между членами клуба и лицами стоящими во главѣ администраціи“). Къ поджигающимъ наладкамъ журналистовъ присоединилось возбужденіе шедшее изъ самого Собранія. Въ засѣданіи 25 января 1791 года Барнавъ, выступивъ противъ клуба монархистовъ (*Moniteur*), сказалъ:

Зорко надлежитъ смотрѣть отъ края до края королевства за мятежною кучкой жалвующею о своихъ привилегіяхъ и утѣснительныхъ правахъ (рукоплексканія лѣвой заглушаютъ крики правой)... При каждомъ великомъ декретѣ Собранія стараются злоупотреблять названіемъ вещей священнѣйшихъ для людей. Не призывалось ли, когда вы выдавали законы противъ тирании, имя *монархіи* столь дорогое всѣмъ Французамъ (сильнѣйшее волненіе на правой сторонѣ, рукоплексканія съ лѣвой)? Не призывалось ли слово *собственность* всякій разъ когда вы выдавали декреты противъ злоупотребленій обращавшихъ въ ничто государственное достояніе, дабы изъ обломковъ его создать частныя состоянія? (Рукоплексканія.) Нынѣ мятежная кучка взываетъ къ монархической конституціи и подъ этою дукавою эгидой стремится породить раздѣленіе, привлечь гражданъ въ западню, давая народу *отравленный злѣвъ*. (Правая приходитъ въ сильное волненіе. Мурине, Малуэ и другіе добиваются чтобъ ихъ выслушали, но не могутъ этого достигъ.) Здѣсь не мѣсто говорить о томъ что касается этого коварнаго, вѣроломнаго, возмутительнаго общества. (Волненіе и крики на правой сторонѣ усиливаются; лѣвая отвѣчаетъ рукоплексканіями. Всякій разъ какъ Мурине, Малуэ и другіе члены хотятъ говорить, рукоплексканія усиливаются. Малуэ встаетъ съ мѣста и направляется къ трибунѣ; говоритъ обращаясь къ Барнаву, сильно жестакулируя.)

Шарль Ламетъ. Призовите къ порядку интенданта Малуэ.

Барнавь. Еще не пришла минута говорить вамъ объ этомъ обществѣ. Нѣтъ сомнѣнїя что официальные лица бдящїя за общественнымъ спокойствїемъ примуть предосторожности имъ требуемыя.... (Многіе голоса справа: „это не на очереди — ступайте къ Якобинцамъ.“) Нѣтъ сомнѣнїя, сыскной комитетъ (comité de recherches) скоро донесетъ Собранїю объ этихъ мятежныхъ дѣйствїяхъ, объ этой раздачѣ хлѣба, по половинной цѣнѣ, съ цѣлью внести смуту въ народъ....

Малуэ, Мурино такъ и не добились слова. „Вы призываете ярость народа на наши головы, восклицалъ Малуэ, — дайте же мнѣ отвѣтить на обвиненїя“. Усилїя были тщетны. Собранїе постановило перейти къ очереднымъ дѣламъ. Зажигательное слово произвело дѣйствїе. Черезъ день Якобинскїй клубъ далъ клятву исключить изъ своей среды всѣхъ кто будутъ признаны принадлежащими къ новому обществу и, кромѣ того, чрезъ своихъ членовъ, предложилъ участкамъ чтобъ изъ числа національ-гардовъ были немедленно исключены тѣ кто будутъ признаны монархистами (qui seront reconnus pour être monarchistes; *Rev. de P.*, VII, 115). Собранїя друзей монархической конституціи сдѣлались невозможными. Общество прекратило свое существованїе. Да и такъ оно едва его влачило. Общихъ собранїй было только два: „первое, говоритъ Малуэ (II, 56), на которое посылались доносы и угрозы въ журналахъ, какъ на противо-революціонное, и второе оскорбительно разогнанное чернью“.

Вотъ какова была свобода собранїй въ эпоху когда на словахъ свобода провозглашалась во всѣхъ формахъ и видахъ!

VIII.

Судьба монархическаго клуба обнаружила всю тщету надежды бороться съ революціей на почвѣ политической свободы. Надо было имѣть значительную дозу наивности чтобы не видѣть что свобода революціонерами понималась исключительно какъ безпрепятственность революціонной пролетарїады, съ искорененїемъ всего ей противящагося. Разныя прекрасныя слова въ адвокатскихъ устахъ революціонеровъ были не иное что какъ орудїа адвокатскаго обмана. Мы только-что привели отрывокъ рѣчи Барнава. Тутъ есть и монархїя дорогая для всякаго Француза, и священнѣйшїя

для людей вещи, и неприкосновенность собственности. По-слушать—истинные монархисты сидятъ на лѣвой сторонѣ, а люди дѣйствительно искренно и честно преданные монархіи — мятежники, святатели междуусобія.

Люди провинительные, какъ на примѣръ Монлозье, хорошо понимали что не на почвѣ убѣжденій и аргументовъ можно бороться съ революціей и остановить крушеніе. Требовалось дѣйствіе. Но откуда могло оно придти? Королевское правительство было въ самомъ униженномъ состояніи и внушало презрѣніе, къ сожалѣнію, заслуженное.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится любопытная рукопись эпохи революціи. Рукопись эта принадлежала нѣкогда одной изъ варшавскихъ библіотекъ и оттуда перешла въ Публичную. Это длинный рядъ писемъ начинающій съ 1777 года и до 1792 года, съ перерывомъ нѣсколькихъ лѣтъ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Неизвѣстный авторъ, — Французъ возвращающійся въ вышемъ кругѣ и, можно думать, въ дипломатической средѣ, — сообщаетъ другому неизвѣстному лицу, вѣроятно высокопоставленному, о томъ что дѣлается и въ особенности что говорится въ Парижѣ. Это нѣчто въ родѣ корреспонденціи Гримма и Метра, но болѣе политическаго и интимно придворнаго характера. Большаго историческаго значенія письма эти не имѣютъ, но они весьма интересны для характеристики настроеній минуты. Любопытныя письма эти, съ разрѣшенія и при содѣйствіи начальства Библіотеки, изданы въ 1876 году французскимъ историкомъ Лескюромъ (Lescure), въ двухъ большихъ томахъ, подъ заглавіемъ *Correspondance secrète inédite*. Г. Лескюръ дѣлаетъ нѣкоторыя догадки кто бы могъ быть авторомъ писемъ, и приписываетъ ихъ двумъ лицамъ изъ числа второстепенныхъ писателей эпохи, но догадки эти трудно не признавать совершенно произвольными. Кто бы ни былъ авторъ писемъ, они заслуживаютъ вниманія. Приведемъ нѣсколько характерныхъ отрывковъ касательно эпохи когда происходила попытка клуба монархистовъ. Король въ концѣ 1790 года вынужденъ былъ перемѣнить нѣсколькихъ министровъ и выбрать новыхъ изъ неаристократической среды, въ расчетъ что такіе будутъ популярнѣе. Что говорили въ городѣ по этому поводу? Вотъ что читаемъ въ письмахъ.

Парижъ, 26 ноября 1790 года. Вотъ мало извѣстная причина отставки хранителя печатей, упорствовавшаго вопреки воли народа и желанію короля остаться въ министерствѣ. Въ послѣднюю пятницу, около одиннадцати съ половиной часовъ вечера, король, ложась въ постель, слышитъ шумъ. Зоветь караульнаго офицера и спрашиваетъ что это значитъ. Офицеръ что-то бормочетъ. Король встаетъ и въ плафрокѣ, сопровождаемый капитаномъ стражи, котораго позовалъ, направляется къ комнатамъ королевы. Королева, заслышавъ шаги, бросилась къ двери и загородила проходъ. Но король оттолкнулъ ее и, несмотря на сопротивленіе, вошелъ, энергически ругая эти ночныя собранія. Самымъ положительнымъ образомъ высказываетъ свою волю собранной компаніи, которая состояла изъ Клермонтскаго епископа, аббата Мори, Казалеса и хранителя печатей. Пускаетъ въ ходъ свой обычный лексиконъ, обращаясь къ хранителю печатей въ томъ же тонѣ какъ къ женѣ; и говоритъ что еще будетъ съ нимъ имѣть объясненіе. На другой день онъ просилъ Лафайета указать ему лицо на должность хранителя печатей. Лафайетъ назвалъ своего протеже дю-Поръ дю-Тертра, адвоката мало извѣстнаго до революціи. Король назначилъ его хранителемъ печатей, говоря: „ну ужъ если народъ и теперь будетъ недоволенъ, не знаю что же еще надо сдѣлать.“ Въ вѣдѣхъ добраго короля недостаетъ впрочемъ еще одного шила—поступить въ Якобинскій клубъ. Тогда аристократы, уже называющіе его демократомъ, кончатъ тѣмъ что будутъ именовать бѣшеннымъ (engagé). Госпожа хранительница печатей съ ума сошла отъ возвышенія ея мужа, такъ что когда знакомыя дамы приходять къ ней поздравить, она начинаетъ хохотать и говорить только три слова: „ахъ, какое счастье!“ Разказываютъ еще что когда г. дю-Поръ дю-Тертра получилъ первое извѣстіе о своемъ назначеніи у него былъ его водовозъ, который сходя сказалъ: „il peut garder les seaux de roi, mais il ne gardera pas les miens, ils seraient bientôt à vau-l'eau.“ Когда въ первое время революціи г. дю-Тертръ началъ быть замѣтнымъ, его жена разъ поссорилась съ женой саложника своего мужа, требовавшею улаты за нѣсколько паръ башмаковъ, и назвала ее саложницей. Та отвѣчала съ гнѣвомъ: „жена саложника стѣбитъ жены лакея“. Должна бы сказать сына лакея, ибо дю-Тертръ сынъ нѣкаго дю-Тертра по прованію Севъ-Луи, лакея гжи д'Этиоль, побочной дочери Людовика XV. Жена же этого дю-Тертра была при гардеробѣ дѣвицы Этиоль. Но что за дѣло до рожденія если онъ обладаетъ дѣйствительнымъ достоинствомъ. Революція сломала гербъ Монморанси, она можетъ возвысить сына лакея.

Парижъ, 3 декабря 1790 года. Замѣчено что новый военный министръ живетъ въ меблированныхъ комнатахъ и до назначенія не имѣлъ даже лакея. Его фамилія де-Бегъ (de Begue). Сестра его замужемъ за нѣкимъ Бономъ, адвокатомъ бывшаго парламента. Этого Бона братъ маркиза де-

Фавреса пресѣдовалъ по какому-то уголовному дѣлу. Назначеніе такихъ лебейскихъ министровъ доставляетъ большое удовольствіе народу. Но нѣкоторые насмѣшники утверждаютъ что это маленькіе голодные астреба посаженные въ курятникъ чтобы раздобыть. Утверждаютъ также что новое министерство простая замаска, которою король хочетъ приманить народъ. Утверждаютъ также что ссора короля съ королевой по-русски простая комедія, что король посвященъ въ тайну контръ-революціи и что онъ бываетъ добрымъ патриотомъ только когда боится, королева ни въ какое время патриоткой не бываетъ.

Парижъ, 1 ноября 1791....Марать, этотъ неистовый писака, котораго зажигательное перо не знаетъ никакой сдержки, осмѣлился написать королю письмо въ которомъ называетъ его или тупымъ автоматомъ, или вѣроломнымъ заговорщикомъ. На Рождествѣ одинъ членъ Якобинскаго клуба сдѣлалъ публичное предложеніе чтобъ отнять не было болѣе короля. Или уже если непремѣнно хотите, прибавилъ онъ, то назначьте его на два года, и если хоть однимъ днемъ останется долѣе, предайте его смерти. Предложеніе удостоилось одобренія и рукоплесканій.

14 января 1791. Есть признаки заставляющіе думать объ обращеніи королевы, причиною говорятъ самъ Леопольдъ. Король вѣритъ этому болѣе чѣмъ кто-либо. Онъ теперь очень веселъ и блаженъ какъ король. На этихъ дняхъ онъ отвѣтилъ на какое-то аристократическое замѣчаніе, нагѣвая: „я демократъ, я демократъ!“

19 января 1791. Аристократы поняли наконецъ, но ужъ поздно, вліяніе литераторовъ на народъ. Они не только поддерживаютъ писателей своей партіи, но стараются подкупить нѣкоторыхъ журналистовъ-патриотовъ и повидимому успѣваютъ въ этомъ. Марата, Камиля Демулена, Фрерона подозреваютъ въ продажности. Монархическій клубъ оплатилъ цѣлый номеръ *Ami du peuple*, направленный исключительно противъ клуба Якобинцевъ и оправдывающій воскресеніе монархическаго клуба. *L'Orateur du peuple* также объявилъ себя его защитникомъ, а сыскной комитетъ далъ приказъ арестовать Марата и Фрерона.

Все это, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ, но арко характеризующія положеніе дѣлъ.

Несмотря на все униженіе королевской власти, Мирабо считалъ еще возможнымъ остановить ходъ революціи, и его плану, предполагая энергическое исполненіе, едва ли можно отказать въ исполнимости. Дворъ уразумѣлъ наконецъ важность поддержки Мирабо и вступилъ съ нимъ въ сношенія, подробности коихъ переданы въ мемуарахъ Малуэ, на глазахъ и при участіи котораго они велись. Мирабо подучилъ

значительныя суммы, и была готова расписка въ два милліона ливровъ, которые Мирабо долженъ былъ получить по исполненіи плана. Онъ получалъ деньги, но въ сущности оставался вѣренъ себѣ и не продалъ убѣжденій, такъ какъ искренно былъ монархистомъ. Онъ скорѣе продавалъ себя за популярность, когда дѣйствовалъ въ ущербъ правъ и достоинства короля. Мирабо представилъ королю любознательный мемуаръ, къ сожалѣнію потерянный для исторіи, но о содержаніи котораго даетъ нѣкоторое понятіе Малуэ. „Въ первой части мемуара, говоритъ Малуэ, меня поразила въ особенности строгость съ какою Мирабо отнесся ко всѣмъ партіямъ кромѣ нашей (умѣренной), которую обвинялъ лишь въ неумѣлости. Дворъ, духовенство, дворянство, народническая партія предавы были атакованы. Интриги, ложныя начата, преступленія и преступники были изображены, безъ спеціальнаго обозначенія, самыми сильными красками. Онъ далъ волю своему рѣзкому краснорѣчію, говоря объ этомъ чудовищномъ накопленіи глупостей, преступленій, безпорядковъ, которое представилъ въ ужасающей картинѣ... Онъ настаивалъ въ особенности на глупости, суетности, невѣжествѣ всѣхъ классовъ націи и ея представителей, которые конечно не отдали бы ему столько почестей по смерти еслибы знали какъ трактовалъ онъ ихъ и вкупѣ и въ отдѣльности.“ Малуэ имѣлъ совѣщаніе съ Мирабо и высказалъ какой ужасъ внушаетъ ему деморализація партій, отсутствіе дисциплины въ арміи, господство самой негодной сволочи въ народныхъ собраніяхъ, несогласія въ палатѣ. „Я высказалъ это Мирабо, пишетъ Малуэ. Бесѣда наша длилась съ десяти часовъ вечера до двухъ часовъ утра. Мирабо глядѣлъ страшно утомленнымъ. Въ немъ уже былъ зародышъ болѣзни отъ которой онъ умеръ. Глаза его горѣли и налитые кровью выходили изъ орбитъ; онъ былъ ужасенъ, но никогда я не видалъ въ немъ столько энергіи и столько краснорѣчія. „Не-„чего, сказалъ онъ мнѣ, высчитывать неудобства. Если нахо-„дите ихъ въ моемъ планѣ, сдѣлайте лучше, но дѣлайте ско-„рѣе. Мы не можемъ такъ жить долѣе. Погибнемъ отъ исто-„щенія или отъ насильственной смерти. Чѣмъ сильнѣе со-„знаете вы существующее зло, тѣмъ необходимѣе его исцѣ-„леніе. Вы сомнѣваетесь въ предлагаемыхъ средствахъ. Позо-„вите же того кто, при такой же доброй волѣ какъ моя, былъ „бы въ лучшемъ чѣмъ я положеніи чтобы дѣйствовать. Вся „здоровая часть народа и даже часть сволочи на моей сторонѣ.

„Пусть подозреваютъ меня, обвиняютъ что я продался
 „Двору—не бѣда! Никто не повѣритъ чтобъ я продалъ свобо-
 „ду моей страны, чтобы готовилъ ей цѣли. Я скажу имъ, да,
 „скажу: вы видѣли меня въ рядахъ вашихъ бьющимся противъ
 „тираннiи; я бьюсь противъ нея и теперь; но законная власть,
 „конституціонная монархiя, охранительная власть монарха—
 „я всегда сохранялъ за собою право и обязанность ихъ защи-
 „щать. Не забудьте что я одинъ въ этой патриотической ордѣ
 „(dans cette horde patriotique) которой могу такъ говорить, не
 „дѣлая поворота (volte-face). Я никогда не раздѣлялъ ни ихъ
 „романа, ни ихъ метафизики, ни ихъ бесполезныхъ преступ-
 „ленiй.“ Его голосъ гремѣлъ какъ съ трибуны, жесты были
 оживлены; обилiе и вѣрность идей порадовали и меня. Я
 сбросилъ предубѣжденiе, и раздѣляя его волненiе, хвалилъ
 его проекты, его мужество, преувеличивалъ средства. Но ко-
 нецъ моей рѣчи-разсердилъ его. „Да, сказалъ я, вы лучше чѣмъ
 „кто-либо можете поправить зло которое дѣлали.“—„Нѣтъ“
 отвѣтилъ онъ поднимая голову, „я не дѣлалъ вольнаго зла.
 „Я подчинялся игу обстоятельствъ въ которыхъ былъ постав-
 „ленъ не по своей волѣ. Великое содѣланное зло есть общее
 „дѣло, за исключенiемъ преступленiй, въ которыхъ виновны
 „нѣкоторые. Вы умеренные: вы не были таковыми достаточно
 „чтобъ осѣнить меня; вы, министры, шага не дѣлавшіе, кото-
 „рый не былъ бы ошибкой; и ты, глупое Собранiе, не знав-
 „шее ни что говоришь, ни что дѣлаешь—вотъ творцы зла“.
 (*Mém. de Malouet, II, 109*),

Замѣчательное осужденiе революціи въ устахъ одного изъ
 главныхъ ея двигателей! Рѣчь была искренняя. Достаточно
 со вниманiемъ прослѣдить всю дѣятельность Мирабо чтобъ убѣ-
 диться въ этомъ. По проишъ судьбы, ему отъ убѣжденiя при-
 шлось говорить за деньги Двора, а по расчету съ народною
 трибуны.

Планъ Мирабо состоялъ въ слѣдующемъ. Распуститъ На-
 ціональное Собранiе, возбудивъ предварительно адреса изъ
 провинцій, въ которыхъ бы высказывалось требованiе распу-
 щенiя. Мирабо былъ увѣренъ что при тогдашнемъ обще-
 ственномъ настроенiи возбудить такіе адреса было легко.
 Въ подобныхъ дѣлахъ Мирабо былъ вполнѣ компетентенъ. За-
 тѣмъ произвести выборы новыхъ депутатовъ, позаботившись
 чтобы въ число ихъ попали наиболее разумные люди въ
 столицѣ и въ провинціяхъ. Заняться вновь составленiемъ

конституціи, принявъ въ основаніе что Национальное Собраніе должно состоять изъ двухъ палатъ, король пользоваться абсолютнымъ veto и правомъ распускать Собраніе и что проекты законовъ могутъ быть предлагаемы или правительствомъ или Собраніемъ; каубы уничтожить, муниципалитеты и національ-гардовъ подчинить непосредственно королю, пользующемуся державно и во всей ширинѣ исполнительною властью; допустить въ Собраніе исключительно собственниковъ безъ жалованья. Въ главныххъ чертахъ это было устройство правленія по образцу англійской конституціи.

Плану Мирабо не суждено было осуществиться. Смерть настигла его 2 апрѣля 1791 года *. Могъ ли удался его отважный

* Смерть Мирабо обнаружила степень популярности какою онъ еще пользовался. Вслѣдствіе этой популярности, а также въ силу развившейся въ эпоху революціи страсти къ процессіямъ и всякимъ уличнымъ оказательствамъ и демонстраціямъ, были устроены пышные похороны. Национальное Собраніе рѣшило обратитъ церковь Св. Женевьевы въ усыпальницу великихъ людей сѣ эпохи „французской свободы“ и немедленно перенести туда тѣло Мирабо. Распоряженіе похоронами принадлежало, сколько можно замѣтить, городской администраціи. Но распоряжался кто хотѣлъ. Въ день смерти кучка молодыхъ патриотовъ вышла изъ Пале-Рояля и отправилась по театрамъ запретить на этотъ день спектакли (*Rév. de Paris*, VII, 644). Улица Шоссе д'Антенъ тотчасъ переименована; съ воскресенья (3 апрѣля) была прибита доска съ надписью: „улица Мирабо, патриота умершаго 2 апрѣля“. Въ воскресенье и понедѣльникъ и вплоть до похоронъ на обоихъ концахъ улицы Мирабо можно было видѣть группы мужчинъ, женщинъ, дѣтей обратившихся лицомъ къ человѣку стоявшему на возвышеніи у угольнаго дома. Это говорились надгробныя рѣчи; принаровленные къ помятому аудиторіи. Царствовала почти религиозная тишина, и горе неосторожному кучеру который не замедлялъ бы шагъ своихъ лошадей, проѣзжая мимо группы! Произносились рѣчи и на площадяхъ; часъ выноса назначенъ былъ къ вечеру, но уже съ трехъ часовъ путь шествѣ начался народомъ. Народъ самъ взялъ на себя полицейскую часть, и распорядительность его могла служить урокомъ городскимъ властямъ. Похоронная процессія тянулась на протяженіи лье, и требовалась часть времени чтобъ она вся прошла предъ глазами. Въ процессіи участвовало множество войска и національ-гардовъ; за музыкой слѣдовало духовенство, затѣмъ гробъ, сердце покойнаго въ урнѣ прикрытой графскою короной (*Rév. de Paris* съ негодованіемъ облачаетъ это обстоятельство); гробъ окружали гражданае-солдаты участка гдѣ жилъ Мирабо и баталіоны старцевъ и дѣтей“. Далѣе траурныя провозкаты, между

замыселъ? Кто знаетъ? Говоря объ злохъ водвенія предше-
ствовавшей революціонному взрыву 14 іюля 1789 года, писа-
тель Ривароль (*Mém. Paris, 1824, стр. 78*) замѣчаетъ: „Всѣ
согласны что еслибы король сѣлъ на лошадь и явился предъ
арміей, она осталась бы вѣрна и Парижъ былъ бы спокойенъ.
Но не подумали ни о чемъ. Потомство не повѣритъ тому что
дѣлало правительство и чего оно не дѣлало. Этръ былъ какой-
то концертъ глулостей въ королевскомъ совѣтѣ.“ Положеніе
дѣлъ въ эпоху когда Мирабо дѣлалъ свои предложенія было
уже иное. Но многіе признаки свидѣтельствуютъ что обще-
ственное настроеніе въ неотравленной части націи могло еще
быть, при энергическомъ и искусномъ образѣ дѣйствій,
привлечено на сторону правительственной власти.

IX.

Возвратимся къ клубамъ. Мы рассказали объ участи клуба
монархистскаго. Иная судьба была клуба Якобинскаго и его
безчисленныхъ развѣтвленій по Франціи. Не свобода поли-
тического обсужденія была ихъ цѣлью, а политическое гос-
подство. Ихъ несложною задачей было революціонное разру-
шеніе во всѣхъ видахъ; ихъ орудія дѣйствія—выборная
всяческая интрига, злостное натравливаніе, не стѣсняющееся
въ средствахъ, истребленіе всего что могло съ ними сопер-
ничать и подстроенный мятежъ. Были деньги, не малою
долей изъ кармана герцога Орлеанскаго. Упорно утверж-
далось что было и англійское золото. Особенно большихъ
средствъ впрочемъ не требовалось. Что ихъ и не было, о

которыми были министры и Національное Собраніе почти въ полномъ
составѣ предшествующемъ президентомъ. „Герцога Орлеанскаго при-
ѣзжавшаго рукоплесканіями, но двоюродный братъ Булье (маркиза
Булье усмирившаго возстаніе въ Нанси,—то-есть Лафайетъ, къ ко-
торому уже не благоволила революціонная печать) оботелся безъ
нихъ: правда, онъ былъ не на бѣлой лошади и въ шляпѣ“ (Ла-
файетъ появлялся обыкновенно на бѣлой лошади и раскланивался
съ народомъ). Слѣдовали, по описанію *Rév. de Paris*, какое-то брат-
ское общество (*société fraternelle*) раздѣляемое на два отряда—му-
щины и женщины въ бѣломъ съ черными лентами; и какое-то об-
щество немущихъ друзей конституціи (*société des indigens, amis de
la constitution*).

томъ свидѣтельствуютъ частыя объявленія отъ разныхъ отдѣловъ клуба что нефракцірованныя письма и посылки не принимаются, кромѣ какъ отъ *société-mère* въ Парижѣ. Главную составную часть якобинскихъ обществъ составляли тѣ кого Мирабо называлъ сволочью (*capaille*) и кто стали потомъ могущественнымъ голоштанствомъ (*sans-culottes*). Эпоха Національнаго Собранія была эпохой постепеннаго роста Якобинскаго клуба съ его развѣтвленіями. Эпоха его господства началась позже, со времени втораго, низкопробнаго собранія (Законодательнаго).

Якобинскія общества, сдѣлавшіяся потомъ главнымъ врагомъ Національнаго Собранія, возрасли подъ его покровительствомъ. Когда возникали эти общества съ ихъ интригами и насиліемъ, они во многихъ мѣстахъ возбудили негодованіе и сопротивленіе спокойной и болѣе трезвой части гражданъ. Во многихъ городахъ мѣстные муниципалитеты явились выразителями неудовольствія жителей и слали жалобы въ Собраніе, прося оградить ихъ отъ непрошеныхъ политическихъ руководителей. Но жалобы эти оставались безъ послѣдствій, и „патріоты“ Собранія ссылались на свободу общественныхъ собраній.

Граждане Безансона осенью 1790 года дважды обращались къ мѣстному городскому управленію, прося освободить ихъ отъ клуба Друзей Конституціи. „Какъ, говорятъ они между прочимъ въ своемъ прошеніи, согласить режимъ свободы съ существованіемъ корпораціи въ которой экзальтированныя головы, опыляясь фантастическими идеями, замѣняютъ краснорѣчіе декламаторствомъ, энергію яростью, земскій миръ мятежомъ? Не значить ли это возвращать обманутой народъ къ царству инквизиціи и ставить гражданъ подъ гнетъ деспотизма, тѣмъ болѣе возмутительнаго что агенты его укрыты неувѣстностію. Друзья конституціи! Наименованіе прекрасное, конечно. Но слова не имѣютъ болѣе магической силы, разумные люди ищутъ дѣла. Развѣ слова: *свобода*, *патріотизмъ* не служатъ предлогомъ насилій и преступленій? Не подъ названіемъ ли *друзей народа* Маратъ и его сотоварищи произвели своими возмутительными писаніями эту массу безпорядковъ осквернившихъ города? Не въ подобныхъ ли обществахъ источникъ бѣдствій Нима и Нанси? Не подобныя ли общества послѣдовательно возбуждали и останавливали волненія въ Брестѣ? Не изъ подобныхъ ли обществъ вышли Лионскіе безпорядки?

Лионъ имѣлъ слабость дать образоваться среди его двадцати четырьмя клубамъ; ихъ взаимныя столкновенія ускоряютъ гибель гражданъ. Неужели Безавононь долженъ остаться глухъ къ этимъ примѣрамъ и въ свою очередь явить глазамъ мятущейся Франціи новое кровавое зрѣлище? Эти общества суть не иное что какъ очаги возмутительныхъ писаній, обманывающихъ народъ и вовлекающихъ гражданъ въ бѣдствія, какія влекутъ за собою неловиновеніе законамъ и своеволие. Эти общества суть школы интриги и происковъ. Въ нихъ люди у которыхъ самолюбіе замѣняетъ заслугу и талантъ, располагаютъ заранѣе всѣми мѣстами въ странѣ, скромно дѣлятъ ихъ между собою, все во благо конституціи, друзьями которой они себя именуютъ. По заговору раздѣлываютъ по деревнямъ, смазывая народъ лицемѣрнымъ шарлатанствомъ; по заговору являютя въ общественныя собранія, всяческими прельщеніями устраивая такъ чтобы голоса честныхъ людей подавались въ пользу того кого намѣтила интрига.... Подобныя общества суть истинныя трибуналы инквизиціи. Тутъ раздолье личнымъ ненависти и счетамъ и все подъ маской общественнаго служенія. Честные люди отдаются на жертву гнуснѣйшей клеветѣ и поражаются безъ защиты. Сосѣдъ возстаетъ на сосѣда, братъ на брата, сынъ на отца. Отмиѣчаются жертвы для блуждающихъ мятежей, кои суть неизбежное послѣдствіе подобныхъ обществъ... Честнымъ администраторамъ претитъ ихъ положеніе, и они покидаютъ свои должности; достаточные люди бѣгутъ, ища спокойствія котораго здѣсь нѣтъ; кто можетъ, слѣшится укрыться въ деревняхъ.“ (*Mercure de Fr.* 1791, № I, 65).

Въ Лионѣ (*Merc. de Fr.*, 1791. № I, 68) „общество друзей конституціи захватило всѣ выборы въ свои руки, такъ что законное избирательное собраніе обратилось въ пустую формальность. Одинъ журналистъ, считающій такую систему согласною съ независимостію мнѣній, недавно повѣдалъ публикѣ что въ Лионѣ нынѣ 28 патріотическихъ клубовъ, образующихъ какъ бы 28 отдѣленій. Коммиссары ихъ образуютъ центральный клубъ. Выборы производятся во всѣхъ отдѣльныхъ клубахъ. Центральный клубъ получаетъ и считаетъ голоса. Результатъ рѣшаетъ судьбу выборовъ. И это зовется желаніемъ народа, большинствомъ, волей націи! Помощію такихъ-то приемовъ, достойныхъ тиранскаго заговора, эти друзья конституціи и свободы управляютъ страной, диктуютъ выборы и раздаютъ мѣста своимъ заправителямъ“.

Въ засѣданіи 21 августа 1791 года была заслушана въ Национальномъ Собраніи жалоба управленія департамента Устьевъ Роны на дѣйствія Общества друзей конституціи въ Марсель. Въ декабрѣ 1790 года священникъ мѣстечка Вето (Vetaux) и пятьдесятъ человѣкъ мѣстныхъ жителей жаловались управленію что меръ мѣстечка и вѣкто г. Бертенъ силою завладѣли помѣщеніемъ священника для устройства клуба. Управленіе выдало жалобѣ и возстановило нарушенное право собственности. Виновные уступили, но затянули злобу и чрезъ семь мѣсяцевъ, когда представился случай, нажаловались на управленіе окрышшему въ этотъ промежутокъ Якобиному клубу. Клубъ, какъ власть имѣющій, составилъ на имя управленія грозное посланіе и отрядилъ съ нимъ двухъ своихъ членовъ. „Общественное мнѣніе, сказано было между прочимъ въ посланіи, давно уже очень недовольно вами.... Сознайте свои заблужденія. Посылаемъ къ вамъ гг. Ребекки и Вантури. Они лично изложатъ вамъ наши намѣренія. Если не удовлетворите нашимъ требованіямъ, то олубакуемъ наше къ вамъ обращеніе во всеобщее свидѣніе и пригласимъ гражданъ собрать воедино все что есть противъ васъ. Послѣдуетъ примѣрное наказаніе. Имѣяй уши слышать да слышитъ. Qui aures habet, audiat.“ Когда выслушана была Собраніемъ жалоба управленія, министръ юстиціи далъ поясненіе со своей стороны. „Еслибы, сказалъ онъ, въ обладаніи правительства были средства противъ подобныхъ злоупотребленій, я не сталъ бы говорить о нихъ въ Собраніи. Но въ виду того что всѣ власти затруднены, связаны въ своихъ движеніяхъ, суды и администрація лишены мужества, унижены, залуганы, благодаря именно духу обнаруживаемому нѣкоторыми изъ этихъ обществъ,—необходимо привлечь на подобные факты вниманіе Собранія. Надо же чтобы наконецъ шла правительственная машина вывѣ когда конституція завершена; надо чтобы суды могли судить, администрація могла управлять. Но это невозможно, пока ассоціаціи частныхъ лицъ (associations d'individus), кои не могутъ и не должны представлять собою ничего кромѣ силы мнѣнія,—безконечно полезной (?)—будутъ возводить себя въ политическія организованныя корпораціи, являющіяся не только надзирателями и цензорами по отношенію къ судьямъ и администраторамъ, но и ихъ начальниками и господами.“ Министръ указывалъ что на его глазахъ „по настоянію

Общества друзей конституціи высшій національный судъ (*haute cour nationale*) отвѣлъ на судищѣ два мѣста, посреди судей, для двухъ депутатовъ Общества, присланныхъ наблюдать за дѣйствіями судей“. Министръ внутреннихъ дѣлъ, со своей стороны, подтвердилъ что „общества эти не только не признають власти административныхъ учрежденій, но противятся имъ, поставляютъ прелатства исполненію ихъ предписаній, возбуждаютъ противъ нихъ волненія“. Министръ присвокупилъ что имѣеть множество жалобъ въ этомъ смыслѣ. Бывали случаи что Якобинцы силой отнимали изъ судовъ бумаги и уничтожали дѣла дѣлопроизводства.

Парижское общество Якобинцевъ, *société-génére*, имѣло отдѣленія во множествѣ городовъ, развѣтвленіями покрывало всю Францію. Всѣ эти отдѣлы сносились, переписывались, пересылались между собой.

Въ началѣ лѣта 1791 года попробовалъ было образоваться въ Бордо клубъ монархическаго характера. Немедленно сдѣлался предметомъ грубой клеветы и былъ разогнанъ. Управленіемъ департамента „выдана была прокламація, воспрепятствующая на будущее время собираться какому-либо обществу кромѣ Общества друзей конституціи (то-есть Якобинцевъ)“ (*Rev. de Paris*, VIII, 441.)

Наконецъ Собраніе нашлось вынужденнымъ что-нибудь предпринять въ виду беззаконнаго самовластія клубовъ. Въ конституціонномъ комитетѣ, въ послѣдніе дни существованія Собранія, обсуждался вопросъ о принятіи какихъ-либо мѣръ къ обузданію скандальнаго своевольства „друзей конституціи“. 29 сентября 1791 года Шалелье представилъ свой докладъ (*Moniteur*, № 275, dimanche 2 octobre 1791). Съ оговорками и осторожностію приступаетъ онъ къ описанію уже могущественнаго учрежденія. „Мы будемъ говорить, читаемъ въ докладѣ, объ обществахъ порожденныхъ энтузіазмомъ свободы и въ дни бурь оказывавшихъ благотворное дѣйствіе, соединяя умы, образуя центры мнѣнія, указывая противившемуся меньшинству какъ громадно большинство желающее уничтоженія злоупотребленій, разрушенія предразсудковъ и установленія правъ человѣка... Но народная общестава эти получили родъ политическаго существованія какого не должны имѣть. Пока дилась революція, такой порядокъ вещей былъ болѣе полезенъ чѣмъ вреденъ. Когда нація мѣняетъ форму своего правленія, каждый граж-

даже есть официальное лицо (*magistrat*), всё совѣщаются и должны совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ. Все что подвигаетъ, укрѣпляетъ, ускоряетъ революцію должно быть лущено въ ходъ. Требуется поддерживать и даже усиливать броженіе, дабы революція, не оставляя болѣе о себѣ сомнѣнія, испытывала наименѣе препятствій и пришла скорѣе къ концу. Но,—продолжаетъ авторъ такой оригинальной теоріи мятежа придуманной на случай,—когда революція кончилась (!), конституція государства завершена, всё государственныя власти получили свои полномочія, тогда для блага самой этой конституціи требуется чтобы все пришло въ порядокъ, и ни что не затрудняло дѣйствія установленныхъ властей. Общества друзей конституціи въ большинствѣ состоятъ изъ достойныхъ уваженія гражданъ, истинныхъ друзей отечества, ревностныхъ защитниковъ конституціи. Они легко поймутъ насъ когда мы скажемъ имъ что если революція иногда заставляла ихъ выходить за предѣлы внутренней ихъ дѣятельности, то установившаяся конституція воспрещаетъ это; что они не могутъ образовывать развѣтвленія, имѣть родъ столицы, если не хотятъ улгодобиться уничтоженными корпораціямъ и даже явить собою, простираясь по всей Франціи, нѣчто болѣе опасное чѣмъ прежнія корпораціи. Они легко поймутъ что всё эти соглашенія, эта политическая переписка ведутъ къ пагубнымъ результатамъ; что этимъ устанавливается родъ привилегіи патріотизма, поражающей обвиненія противъ всѣхъ не принадлежащихъ къ сектѣ и ненависть противъ обществъ не входящихъ въ сѣть; что адресы подъ коллективными именами, присутствіе при церемоніяхъ, свидѣтельства и рекомендаціи выдаваемые протектируемымъ, похвалы и порицанія раздаваемые гражданамъ—все это нарушенія конституціи и способы захватываемые дурными людьми въ свои руки; что журналы преній, наложенныя трибуны, залы для приѣма просителей—все это противно конституціи. Они ясно поймутъ что совершаютъ преступления когда стремятся захватить вліяніе на судебныя и административныя дѣла; что даже революціей нельзя извинить эти повелѣнія даваемые должностнымъ лицамъ — явиться дать отчетъ въ ихъ дѣйствіяхъ, эти насильственныя дѣйствія съ цѣлью уничтожить дѣла начатыя противъ какихъ-либо мнимыхъ патріотовъ, эти мѣста отводимыя въ судахъ депутатамъ клубовъ чтобы наблюдать за уголовнымъ дѣлопроиз-

водствомъ, этихъ комиссаровъ съ порученіями, каковыя могутъ быть даваемы только установленными властями и только должностнымъ лицамъ“. Такова замѣчательная картина деятельности клубовъ, составленная съ желаніемъ смягчить краски, чтобы не раздражить могущественную уже силу. „Петиціи подъ коллективными именами воспрещены, а ихъ подають самому Собранію; вывѣшиваютъ на улицахъ, ими замучиваютъ административныя учрежденія и должностныхъ лицъ.“ Вину численныихъ беззаконій докладчикъ складываетъ на „нѣсколькихъ людей вводящихъ большинство въ заблужденіе... людей которые стараются клеветать на установленныя власти и унижать ихъ и захватываютъ въ свои руки Общества, чтобы помощію ихъ приобрести роль въ государственномъ управленіи и явиться произвольными цензорами, бурливыми худителями и можетъ-быть деспотами должностныхъ лицъ.“

Докладчику отвѣчалъ Робеспьеръ, который въ правѣ былъ принять на свой счетъ то что говорилъ Шалелье о заправителяхъ общества. Робеспьеръ доказывалъ, конечно, что собранія невооруженныхъ гражданъ не противны конституціи и что существованіе клубовъ вполнѣ законно. Затѣмъ, по своему обычаю, перешелъ въ личное нападеніе, прозрачными намеками старался поразить Шалелье. Все это, говорилъ онъ, „идеть отъ нѣкоторыхъ лицъ приобрѣтшихъ было слишкомъ большое вліяніе на общественное мнѣніе, нынѣ ихъ отвергающее... Развѣ уже такое большое несчастіе, среди нынѣшнихъ обстоятельствъ, что общественное мнѣніе, общественный духъ развиваются насчетъ репутаціи нѣкоторыхъ лицъ, которыя послуживъ съ виду дѣлу отечества измѣнили ему тѣмъ съ большею дерзостію“.

Революціонная печать въ свою очередь напала на Шалелье и на Собраніе. Фактовъ отрицать было нельзя, о фактахъ молчали; чинилось личное нападеніе. Въ *Revol. de Paris* (X, 25) читаемъ: „Думали мы что уже нечего болѣе сказать о позорныхъ подвигахъ ознаменовавшихъ послѣдніе дни Национальнаго Собранія, но донесеніе Шалелье о клубахъ и декретъ затѣмъ послѣдовавшій слишкомъ обращаютъ на себя вниманіе чтобы умолчать о нихъ. Ясно что донесеніе есть плодъ отчаянія фѣльянскаго раскола которому не удалось отбить у якобинцевъ ихъ многочисленныя развѣтвленія. Собраніе имѣло безстыдство велѣть напечатать докладъ Шалелье“.

Декретъ, о которомъ упоминается, былъ робкою попыткой бороться съ якобинцами, оставшеюся безо всякихъ послѣдствій. Новое собраніе составилось изъ лакеевъ революціи (члены Национальнаго Собранія не могли быть избираемы въ Законодательное) бывшихъ покорными слугами могущественнаго Якобинскаго клуба.

Декретомъ 29 сентября постановлено было: „Если какое-либо общество позволитъ себѣ звать къ отвѣту должностныхъ лицъ или простыхъ гражданъ, или будетъ ставить препятствіе какой-либо законной власти въ исполненіи обязанности, то предсѣдатель при преніяхъ и тѣ кто какимъ-либо образомъ содѣйствовали исполненію рѣшенія исключаются на два года изъ гражданскаго списка (*tableau civique*) и въ продолженіе этого срока не могутъ занимать никакой государственной должности“ (*absence fonction publique*). Въ случаѣ подачи петиціи подъ коллективнымъ именемъ, представившіе таковую, а также предсѣдатели собранія въ коемъ она составлялась и члены согласившіеся принять участіе въ депутаціи для ея представленія, подвергаются тому же наказанію на срокъ шести мѣсяцевъ.

Приведенные факты достаточно свидѣтельствуютъ какъ подъ сѣнью Национальнаго Собранія организовалась новая политическая сила, грубая, невѣжественная, нахально разрушительная, которая таузилась надъ Собраніемъ съ его конституціей и скоро стала первенствующею силой въ странѣ. Начался Якобинскій періодъ, который Тэнъ наименовалъ злохой политической бѣдой горячки.

X.

Отъ свободы собраній перейдемъ къ свободѣ печати.

Для сужденія о значеніи и характерѣ политической печати въ первую эпоху революціи, лучшимъ матеріаломъ можетъ служить ежедневная газета *Révolution de Paris*, народившаяся вмѣстѣ съ революціей. Первый номеръ газеты вышелъ 17 юля 1789 года. Она скоро сдѣлалась распространѣннѣйшимъ изъ революціонныхъ изданій. Газета, выходившая брошюрами страницъ въ 50, ведена была весьма искусно. Первые номера обратили на себя вниманіе подробнымъ изложеніемъ революціонныхъ событій изо дня въ день.

Затѣмъ прибавились революціонныя разсужденія, въ родѣ вышнихъ передовыхъ статей, бойкія, исполненныя нападкѣй, лоддерживавшія состояніе раздраженія и тѣмъ явно лодпадавшія въ товѣ революціонныхъ читателей, служба преобладающему направленію,—отчасти его угадывая, отчасти возбуждая. Газета не имѣла ни рѣзкости лютка Марата, ни однообразія изданія Камилла Демулена, *Révolutions de France et de Brabant*, державшагося почти исключительно трудами самого издателя. Авторъ *Исторіи печати*, Гатвѣнъ (Hatin), называетъ даже *Révolutions de Paris* безпристрастною газетою, вѣроятно потому что ея бойкія революціонныя проповѣди имѣють видѣ не личныхъ нападкѣй, а разсужденій опирающихся на аргументы и идущихъ отъ убѣжденія. Въ библіотекѣ Московскаго Университета есть прекрасно сохранившійся полный экземпляръ *Révolutions de Paris*, принадлежавшій некогда библіотекарю герцога Пявтьевра (на перелетѣ помѣчено: à l'abbé Pascal, bibliothécaire de S. A. S. Monseigneur le duc de Penthièvre). Экземпляръ перелететь съ большою тщательностью, со всѣми объявленіями, съ гравюрами интересными по содержанію, хотя грубо исполненными, изображавшими разныя событія революціи, съ картами новыхъ департаментовъ, замѣнявшими гравюры въ нѣкоторыхъ нумерахъ. Къ первому тому, въ началѣ какъ аллигать, присоединены *Lettres à Mr. le comte B. sur la révolution arrivée en 1789 sous le règne de Louis XVI*, очеркъ въ 96 страницъ. „О министрахъ и другихъ чиновныхъ лицахъ, кои хищеніями своими и злоупотребленіемъ власти вызвали сію незабвенную революцію“. Аббатъ Паскаль въ помѣткѣ, ссылаясь на *Actes des apôtres* № 112, приписываетъ *Письма* журналисту Лустало „который продалъ Прюдому (издателю *Révol. de Paris*) свой умъ за тысячу ливровъ въ мѣсяцъ“. Полное заглавіе *Парижскихъ Революцій* таково: *Révolutions de Paris, dédiées à la nation et au district des Petits Augustins, publiées par le sieur Prudhomme à l'époque du 12 juillet 1789, avec gravures et cartes des départements du royaume*. Эпиграфъ: „Les grands ne nous paraissent grands que parceque nous sommes à genoux... Levons nous.“ Первые нумера *Революцій* были изданы при сотрудничествѣ третьестепеннаго литератора Турнона, и № 1 подписанъ: Prudhomme, Tournon, rue Jacob, Faubourg Saint-Germain. Имя Турнона исчезаетъ уже со втораго нумера, въ слѣдующихъ начинается участіе Лустало (всѣ статьи газеты

впрочемъ безъ подписи). Съ появленіемъ № 7 вышло въ свѣтъ новое изданіе, родъ контрафакціи, озаглавленное *Supplément aux Révolutions de Paris*, par les rédacteurs des premiers numéros, того же вѣшняго вида какъ и *Револуціи*. Экземпляръ *Supplément* № VII въ коллекціи Московскаго Университета переплетенъ вмѣстѣ съ номерами газеты. Очевидно между Прюдомомъ и Турнономъ произошла ссора. Въ № VIII *Револуціи* помѣщено объявленіе предупреждающее публику о контрафакціи и заявляющее что между двумя изданіями нѣтъ ничего общаго. „Надѣмся, заключаетъ Прюдомъ, что продолженіе благосклонности публики вознаградитъ насъ за послѣдствія этого подлога.“ Со своей стороны Турнонъ выдалъ объявленіе (оно присоединено, въ университетскомъ экземплярѣ, въ № XVIII *Револуціи*) такого содержанія: „Такъ какъ именуемый Прюдомъ (le sieur Prudhomme), живущій въ улицѣ Іакова, № 28, и у котораго первоначально помѣщалась контора изданія озаглавленнаго *Révolutions de Paris* позволялъ себѣ, безъ вѣдома автора, помѣщать въ ономъ изданіи бранныя выходки и дерскія заявленія, противныя общественному порядку, и въ надеждѣ присвоить себѣ изданіе въ ущербъ истинному владѣльцу, сфабриковалъ послѣдніе номера съ помощью кокого-то неизвѣстнаго лица“, то авторъ предупреждаетъ публику что отнынѣ *Револуціи*, начиная со 2 ноября, „будутъ раздаваться (seront distribuées) у книгопродавца Фулье, на набережной Августинцевъ, а не у Прюдома въ улицѣ Іакова.“ Дѣло доходило до думскаго полицейскаго комитета. Комитетъ постановилъ такое рѣшеніе (*Hatin*, VI, 397): „Комитетъ полиціи, вслѣдствіе возникшаго спора между гг. Турнономъ и Прюдомомъ, объявляетъ что Прюдомъ какъ глава предпріятія (chef de l'entreprise) журнала озаглавленнаго *Révolutions de Paris* можетъ продолжать сіе изданіе; что г. Турнонъ, какъ изобрѣтатель (inventeur) и авторъ сочиненія, можетъ со своей стороны продолжать, буде желаетъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, подобное же изданіе, такъ какъ ни тотъ, ни другой не имѣютъ какой-либо исключительной отъносительно его привилегіи, и имена авторовъ полагаютъ достаточное различіе между двумя сочиненіями.“ Подписали: аббатъ Фоше, Манюель, Торильонъ, Иснаръ де-Бонвиль (Isnard de Bonneuil), де-ла-Бастидъ, Дюлюкъ. Прюдомъ въ № XVIII напечаталъ первую половину рѣшенія, присоединивъ нѣсколько словъ, такъ что рѣшеніе получило такую форму: „Комитетъ

поллиціи, вслѣдствіе возникшаго спора между гг. Прюдомъ и Турнономъ, объявляетъ что г. Прюдомъ, какъ глава предпріятія журнала возглавленнаго *Revolutions de Paris*, можетъ продолжать это изданіе и *есть собственникъ подписки* и пр...“ Въ слѣдующихъ нумерахъ повторяется то же объявленіе, но къ имени Турнонъ сдѣлана ремарка: „Этотъ человекъ (се particulier), членъ якобы многихъ академій, въ обилии распространяетъ бранныя выходки, именуя себя авторомъ настоящаго сочиненія. Глубокое невѣжество его достаточное для меня оправданіе“. Въ № XXII имя Tournon замѣнено буквою Т., очевидно съ дѣлюю чтобы не рекламировать имя Турнона. Въ № XXV исключена и буква Т.; осталось только признаніе полицейскимъ комитетомъ Прюдома собственникомъ *Revolutions*. Турнонъ въ свою очередь отзывался о Прюдомѣ (*Hatin*, VI) что это „бумажный торговецъ (marchand papetier) не знающій даже орфографіи“.

Управлявшій предъ революціей дѣлами печати въ Парижѣ Мессе (Maisse) сдѣлалъ такой отзывъ о Прюдомѣ, какъ книгопродавецъ: „онъ имѣетъ въ обычаѣ продавать что только есть самаго предосудительнаго“. Книгопродавецъ оказался однако ловкимъ издателемъ и умѣлъ сдѣлать изъ *Revolutions* первенствующую, по распространенности, революціонную газету. Чутко избравъ девизомъ что революція должна безостановочно идти впередъ, Прюдомъ обнаружилъ большое искусство находить бойкія лерья на служеніе пропагандѣ. Устранивъ Турнона, онъ открылъ Лустало, которому *Revolutions* и обяваны первыми успѣхами. Турнонъ оказался неподходящимъ по умѣренности и отсутствію бойкости. Онъ обѣщаль комитету „не помѣщать статей способныхъ огорчить (aigrier) добрыхъ гражданъ, а также поджигательныхъ разсужденій и дерзкихъ обличеній“. Но именно поджигательныя разсужденія и дерзкія обличенія и требовались на рынкѣ. Пріемы журнальнаго шарлатанства ловкій издатель довелъ до высокой степени. Онъ заявляетъ, на примѣръ, въ началѣ № XIII, въ объявленіи отъ издателя, что онъ врагъ проспектусовъ (prospectus) и объявленій и только желаетъ „пожертвованіями и стараніями своими доказать согражданамъ что единственнымъ средствомъ выразить имъ свою признательность онъ считаетъ беззавѣтное служеніе обществу“.

Повтореніе этого объявленія въ рядѣ нумеровъ дѣлаетъ его не очень далекимъ отъ рекламы,

врагомъ которой рекомендовалъ себя Прюдомъ. На оберткѣ № XXIV появилось новое объявленіе Прюдома, „единственнаго собственника *Журнала Парижскихъ Революцій*“. Объявленіе такъ характеристично что его стоить привести влодѣ.

„Несмотря, говоритъ Прюдомъ, на всѣ происки моихъ жесточенко меня преслѣдующихъ враговъ, я чувствую что успѣхъ болѣе чѣмъ когда-либо возбуждаетъ меня къ дѣйствию. Голосъ общества относительно послѣднихъ моихъ нумеровъ возлагаетъ на меня обязанность войти въ подробности, сообщеніемъ коихъ я медля до сей минуты, дабы не прерывать своего служенія. Перенесемъ воспоминаніемъ къ роковой влохѣ 12 іюля. Неистовыя усилія министерскаго деспотизма заглушить драгоценныя ростки нашей нарождающейся свободы оказались тщетны. Бастилія обращена въ пепель (*réduite en cendres*), министры выгнаны, и патриотизмъ Парижанъ торжествуетъ надъ всѣми препятствіями. Припомните это, и легко поймете мотивы должествовавшіе побудить меня передать оныя моимъ согражданамъ (*les motifs qui durent m'engager à les transmettre à mes concitoyens*). Съ той минуты я возымѣлъ мысль о журналѣ революцій. Конечно это было предпріятіе во многихъ отношеніяхъ опасное. Я долженъ былъ всего бояться отъ агентовъ исполнительной власти. Но это было послѣднее соображеніе представившее моему уму. Любовь къ отчизнѣ и къ истинѣ, коей долженъ былъ проникнуть каждый Французъ, придала мнѣ силы. Я пожертвовалъ моимъ состояніемъ и плодомъ первыхъ моихъ трудовъ и не прибѣгая къ этимъ обманчивымъ и соблазнительнымъ проспектамъ,* выдалъ первые нумера подъ покровомъ націи и участка коему посвящалъ изданіе. Благосклонный пріемъ побудилъ меня къ продолженію изданія. Твердый въ рѣшеніи говорить правду, могъ ли я думать что патриотизмъ мой возбудитъ противъ меня столько враговъ. Не только подкупили мнимыхъ академикомъ объявить себя авторами и собственниками *Революцій*, но, кромѣ того, выпустили объявленія обзывающія журналъ мой поджигательнымъ. Если съ энергіей обличать умвожающіеся заговоры, коихъ мы должны

* Извѣстно что prospectusъ есть не иное что какъ сладобѣе которое шарлатанъ старается сбыть, обманывая публицу громкими фразами; бальзамъ тѣмъ не менѣе не имѣетъ дѣйствія. Я остерегся потому объявлять пышнымъ тономъ что журналъ мой будетъ редактировать тотъ или другой членъ Французской Академіи, ибо, думалъ я, можно выразаться съ силой и живостью и не будучи академикомъ. Объявляю что въ моемъ журналѣ не принимаетъ участія ни одинъ членъ Академіи, ни одинъ профессоръ литературы въ Лицеѣ (намекъ на Мармонтеля и Лагарпа), не такъ какъ объявляетъ г. Панкукъ въ своемъ *Mercurii* отъ субботы 7 текущаго мѣсяца (декабрь 1787).
Прилѣчаніе Прюдома.

бы быть жертвами; если разрушать плавы ночныхъ совѣщаній, оглашая ихъ, значить быть новымъ Эростратомъ (Erostrate), я согласенъ быть поджигателемъ. Словомъ, нѣтъ средства къ какому не прибѣгали чтобы меня погубить. Но я хранилъ молчаніе. Честь требуетъ чтобы я прервалъ его нынѣ не для оправданія, но дабы раскрыть происки моихъ враговъ. Четыре мѣсяца преслѣдуемый нападеніями бѣшеной аристократіи, непрерывно подвергая жизнь свою опасности, я долженъ былъ вооружиться мужествомъ дабы не ластъ подъ напоромъ моихъ многочисленныхъ враговъ. Любовь къ отечеству и правда, руководившія мною и имѣющія впредь руководить, возбудили противъ меня ненависть враговъ порядка и общественного блага. Множество анонимныхъ писемъ требовали чтобы я оставилъ изданіе *Революцій*, ибо *de тѣло идетъ о моей жизни*, если буду упорствовать въ его продолженіи. Я презрѣлъ угрозы и продолжалъ обличать предъ моими согражданами ужасные планы замышлявшіеся противъ столицы. Умолчалъ ли я имена заговорщиковъ? Нѣтъ, я начерталъ ихъ съ мужествомъ историка-философа, чуждаго всякимъ соображеніямъ интереса, суетности и денегъ (*à toutes les considérations de l'intérêt, de vanité et de fortune*). То что я долженъ былъ сдѣлать и—горжусь—сдѣлалъ для столицы, слышу предложить провинціямъ. Съ увѣренностью буду всегда печатать ихъ жалобы, особенно идущія со стороны угнетаемыхъ противъ всякаго рода оскорбленій, коихъ они могутъ быть жертвами. Только желаю чтобы жалобы эти были съ подписью, въ твердомъ убѣжденіи что онѣ будутъ продиктованы соображеніями общаго интереса. Нынѣ, когда аристократія преспокойно (*à son aise*) подкупаетъ мнѣ противника чтобы обезславить меня, отнять у меня уваженіе, на которое я мною себя приобрѣтшимъ неоспоримое право; когда клевета точитъ свои кинжалы, готовить свои яды, я емь апостолъ свободы и всегда имъ останусь. Съ радостью готовъ сдѣлаться ея мученикомъ лишь бы въ послѣднюю минуту унести надежду на близкое возрожденіе моего отечества“.

Излишне говорить что драгоценнымъ днѣмъ Прюдома не грозило ни малѣйшей опасности. Опасность эта была отнюдь не болѣе той какая въ наши дни грозила редактору *Русскаго Курьера* со стороны желѣзнодорожниковъ. Подкупленный аристократами противникъ, мнимый академикъ,—очевидно, тотъ же Турнонь, вмѣстѣ съ которымъ Прюдомъ началъ изданіе, предпочтя затѣмъ прибѣгнуть къ болѣе бойкому перу молодого Лустало. Объявленіе повторялось въ слѣдующихъ пяти нумерахъ съ присоединеніемъ въ началѣ нѣсколькихъ строкъ о картахъ новыхъ департаментовъ, которыя редакція вознамѣрилась прилагать къ нумерамъ изданія, что

поведеть де къ значительнымъ издержкамъ, „безъ увеличенія цѣны для подлищиковъ“ и должно служить новымъ доказательствомъ что единственная цѣль издателя есть „содѣйствовать всѣми средствами общественному благу“. Потомъ послѣдовалъ перерывъ до № XXIII (20—27 февраля 1790), гдѣ издатель счелъ нужнымъ четыре мѣсяца преслѣдованій и опасностей замѣнить шестью. Въ слѣдующемъ № XXXIV найдено приличнымъ послѣднія семь строкъ, о кинжалахъ, ядѣ и мученичествѣ, выкинуть. Но за то въ № XXXVII читаемъ новое курioзное объявленіе „врага рекламы“: „Когда свобода печати разрушила непереходимую преграду предъ которою останавливались до толѣ всѣ усилія разума, всѣ предпріятія свободы противъ деспотизма и тирании предразсудковъ, я основалъ типографію посвященную истинѣ и патриотизму. Не разъ, дерзну сознаться, имѣлъ я нужду въ храбрости,—скажу въ неустрашимости, чтобы противостоять кликамъ клеветы и тайнымъ проускамъ враговъ революціи“. Храбрость, не трудно догадаться, состояла въ коммерческомъ рискѣ, оказавшемся удачнымъ. Объявленіе гласитъ о предпринимаемомъ изданіи исторіи Франціи, и въ слѣдующемъ № XXXVIII переставлено съ обертки въ текстъ газеты. „*Histoire de France impartiale, en 12 volumes in 8°, de 500 pages, papier fin, caractères de Firmin Didot*“. Въ № XLII, на томъ мѣстѣ гдѣ помѣщалось патриотическое объявленіе Прюдома, находимъ рекламу о желудочной жидкости г. Рея (*Mémoire abrégé des vertus et effets du stomachique liquide du sieur Rey*). И эта реклама, помѣщенная конечно за деньги, не обошлась безъ политики, хотя и не совсемъ въ духѣ *Революцій*. Она начинается такъ: „Весьма желательно, дорогіе соотечественники, чтобы уничтоженіе привилегій и свобода печати имѣли границы. Наши мудрые законодатели займутся конечно этимъ предметомъ, какъ только дозволитъ время. Нѣтъ ничего необходимѣе для безопасности людей какъ исключить изъ общества это огромное количество эмпириковъ причиняющихъ великія несчастія. Но надлежитъ облегчать путь людямъ кои, не будучи руководимы прельщеніемъ выгоды, уже давно, предложили публикѣ средства дѣйствительность которыхъ не оставляетъ сомнѣнія“ и т. д.

Журнальная изворотливость Прюдома въ полномъ блескѣ обнаружилась въ тѣ трудныя для журнала минуты когда умеръ въ сентябрѣ 1790 года главный его писатель Лустало. Надо было

найти новыя перья, которыя продолжали бы журналъ въ томъ доставившемъ ему успѣхъ. Это удалось Прюдому. Именно въ это время сталъ онъ давать въ каждомъ номерѣ цѣлый рядъ статей съ задирабельнаго свойства, стараясь дерзостью и требовательностью тона возмѣстить недостатки литературной формы. Интересна статья отъ имени издателя по случаю смерти Лустало. Въ самыхъ, конечно, пышныхъ выраженіяхъ говорится о потерѣ друга и великаго патріота. Но умыселъ просвѣчиваетъ иной. Въ преувеличенномъ изліяніи скорби, средѣ фальшивыхъ нотъ слышится одна нефальшивая—опасеніе не уменьшилась бы подписка. Рѣчь идетъ о Лустало, но издатель говоритъ исключительно о себѣ. И это подъ тѣмъ предлогомъ что похвальное слово патріоту должно де быть иначе составлено чѣмъ похвальныя слова королямъ, „посвящавшіяся исключительно восхваленію отошедшаго въ вѣчность и забывавшія о народѣ и людяхъ прославившихъ царствованіе.“ *Парижскія. Революціи*, продолжалъ Прюдомъ, „были гимназіей (gymnase) гдѣ Лустало достойно сражался противъ враговъ общественнаго блага. Но я имѣю благородную гордость наименовать здѣсь и себя. Мои ми руками, съ патріотическою дерзостію, построены были стѣны этой гимназіи, воздвигнуты были охранительный олотъ, свободы моего отечества. Тогда какъ Лустало внутри безъ устали готовилъ стрѣлы, дабы поражать нечестивыхъ, я одинъ показывался внѣ зданія; мое имя обозначалось на его стѣнахъ, я былъ единственнымъ талисманомъ заклинавшимъ, мужественно встрѣчавшимъ и отгонявшимъ бури. Надлежитъ ли сказать что участь сихъ стѣнъ связана неразрывно съ преждевременною потерей моего несчастнаго друга, что онѣ рушатся дабы служить ему гробницею? Со смертію патріота потухаетъ ли свѣточъ патріотизма? Лустало есть доказательство что я умѣлъ распознавать солдатъ свободы и выбирать собратовъ по оружію. Я живъ еще и облекаюсь въ трауръ. Пересталъ ли я быть прежнимъ?.. О Лустало! смерть твоя не породитъ недоувѣрія къ изданію, которое ты помогалъ мнѣ украшать“. Прюдомъ старается далѣе доказать что онъ сумѣетъ найти преемниковъ Лустало. „Я дамъ тебѣ, о Лустало, преемниковъ достойныхъ тебя, преемниковъ которыхъ не буду искать на этихъ фабрикахъ куреній и благоуханій, коими такъ гордилась прежде литературная республика! Не буду

искать тебѣ преемниковъ между литераторами коихъ не видно нынѣ на колыбеляхъ предъ отечествомъ потому только что журнуръ королей, священниковъ и великихъ міра сего сталъ нынѣ слишкомъ коротокъ, дабы рабскій ротъ могъ цѣловать его на полу дворцевъ. Преемниковъ тебѣ возьму изъ людей гений коихъ закалился какъ сталь подъ молотомъ деспотизма; кои знали Сеяновъ лишь по ихъ несправедливостямъ, великихъ міра по ихъ небреженію, народъ по его слезамъ, а потребность писать по чувству человечности; людей кои народились со свободой Франціи и нашли академическія титула свои начертанными на ступеняхъ алтаря федераціи“. Весь этотъ лышный наборъ словъ обозначалъ что ловкій книгопродавецъ сумѣетъ въ рядахъ журнальной молодежи „народившейся вмѣстѣ со свободой Франціи“ найти бойкія перья способныя замѣнить Лустало. Литературныя качества писаній новоиспеченныхъ журналистовъ не могли быть высоки. Прюдомъ предупреждаетъ: „оставимъ ладающимъ націямъ обезцвѣчиваться подъ блестящимъ лакомъ слога... Да удалится навсегда отъ литературы эта аристократія ума, смертельная для успѣха знаній, пагубная для народовъ“.

Демократія ума скоро показала себя. Поджигательный характеръ сдѣлался преобладающимъ. Въ началѣ декабря 1790 года появилась, между прочимъ, статейка о „тиранубійцахъ“ (tyrannicides). Рекомендовалось составить легионъ молодыхъ людей которые бы взяли свое миссіей убивать иностранныхъ государей, враговъ революціи. „Ставъ образцомъ для удивленной Европы, сказано въ статейкѣ (*Rév. de Paris*, VI, 447), сдѣлаемся ея освободителями, изведемъ изъ нѣдръ своихъ отрядъ молодыхъ героев-тиранубійцевъ, кои сдѣлая законнымъ инструкціямъ, разсѣвались бы по нашимъ границамъ и пошли бы на встрѣчу мутителей рода человеческого, готовые обрушиться на нихъ... Римъ по протяженіи многихъ вѣковъ произвелъ только троихъ людей этого закала: Сцевола и двухъ Брутовъ“. Нѣкоторымъ подписчикамъ показалось что газета хватала уже черезъ край. Помѣщается объясненіе что нѣтъ де ничего общаго между цареубійцами (régicides), какихъ выпускали иезуиты, и предполагаемыми тиранубійцами. Чтобы поправить впечатлѣніе, Прюдомъ пользуется случаемъ высказать „sa profession de foi politique et littéraire“ и рекламировать кстаці газету. „Въ толлѣ

журналовъ, говоритъ онъ, есть одинъ коего издатель постоянно не желалъ имѣть ничего общаго съ другими! Особенность, по словамъ Прюдома, состояла въ томъ что журналъ его никогда не отступалъ отъ строгости принциповъ, выражая ихъ иногда въ рѣзкой формѣ подобно тѣмъ непреклоннымъ друзьямъ кои всегда говорятъ правду, хотя бы съ опасностію не понравиться и даже утратить дружбу... Пока будутъ свободные люди, на землѣ, хотя бы составляли они крайнее меньшинство человѣческаго рода, издатель *Револуцій* тѣмъ не менѣе будетъ продолжать свою почтенную задачу (sa tâche honorable); у него болѣе на сердцѣ хорошее качество принциповъ чѣмъ количество подлищиковъ. Въ послѣднемъ заявленіи позволено сильно усомниться. Истинный принципъ не стѣснявшася въ похвалахъ себѣ издателя былъ именно успѣхъ подписки и розничной продажи. Служеніе этому принципу увѣнчалось для него удачей. Когда журналисты сами являлись издателями, дѣло обыкновенно успѣха не имѣло. Камилъ Демуленъ, издававшій *Révolutions de France et de Brabant* на свой страхъ, не былъ въ состояніи довести до конца седьмой триместръ своего журнала, истративъ что имѣлъ.

Демуленъ помѣстилъ въ *Револуціяхъ* Прюдома объявленіе къ своимъ подписчикамъ, гдѣ говоритъ: „Неисправность почты, моя неопытность и недостатокъ досуга чтобы вести журналъ сдѣлали изданіе его столь для меня обременительнымъ что бывшее имущество мое исчезло въ рукахъ типографика, гравера и перелетчицъ. И несмотря на флорины Пруссіи, гинеи Англіи и дукаты Голландіи, которые получалъ я чтобы злословить бѣдную лошадь (Лафайета), я шелъ столь же быстро какъ Лудовикъ XVI къ несостоятельности и потерѣ избирательнаго права“. (№ XCI *Révolutions de Paris* отъ 20—27 августа 1791 года). Демуленъ вошелъ въ сдѣлку съ Прюдомомъ, обязавшимся доставлять свой журналъ взаменъ недодаваемыхъ нумеровъ *Револуцій Франціи и Брабанта*. „Хотя цѣна моего журнала, прибавляетъ Прюдомъ, на 30 су, въ три мѣсяца, превышаетъ цѣну журнала Демулена, надѣюсь разница эта не лишитъ меня продолженія подписки со стороны его абонентовъ“. Вслѣдъ за объявленіемъ помѣщено довольно длинное письмо Демулена къ Прюдому, въ которомъ Демуленъ жалуется что по прекращеніи имъ изданія были кѣмъ-то выданы два подложные номера *Révo-*

lutions de France et de Brabant, одинъ съ обозначеніемъ *ci-devant* par Camille Demoulin, причѣмъ слово *ci-devant* было отпечатано самымъ мелкимъ шрифтомъ, а другой безъ церемоніи подъ именемъ К. Демулена. „Что дѣлать? спрашиваетъ Демулень. Начать процессъ?.. Обереги меня Богъ приближаться къ судамъ.. Счастливъ патриотъ который не повѣшеть (*trop heureux le patriote qui n'est pas pendu*).“ Въ виду матеріальнаго неуспѣха, объясняющагося издательскою неумѣlostію остроумнаго, но безшабашнаго журналиста, Демулень рѣшилъ совсѣмъ прекратить журнальную дѣятельность. „Я не видѣлъ Бога, какъ пророкъ, пишетъ онъ. Богъ не сказалъ мнѣ: дуешь на этихъ мертвецовъ, *insufla super infectos istos*; не завѣрялъ меня что дыханіе мое оживитъ ихъ и что по голосу моему кости пойдутъ. Зачѣмъ же буду я періодически трубить въ рогъ и дуять на парижскіе трупы? Я вышелъ потому изъ этого обиталища мертвецовъ, изъ толпы безчисленнаго народа безъ глазъ и ушей. Я сказалъ: прощай, на неопредѣленное время этому городу лавочниковъ и буржевинокъ, ротозѣевъ и рабовъ, злолетчиковъ (*épauletiers*) и шпіоновъ, попрошайекъ казеннаго жалованья (*de mendians de la liste civile*), шулеровъ, мѣняль, женщинъ и декретовъ. Я бѣжалъ домой отъ этого Национальнаго Собранія, которое такъ прославлялъ, которое нѣкогда было достойно удивленія вселенной и благословенія вѣковъ, но которое нынѣ обратилось въ семь комитетовъ (или, лучше сказать, въ семь язвъ египетскихъ) и въ притоны еще болѣе срамныя чѣмъ тѣ какіе посѣщали его Шалелье и Боме. На защиту себя оно призвало теперь изъ-за морей прожорливѣйшаго брошюрщика, наиболѣе олозоревнаго во всей Европѣ, нѣкогда Моранда, котораго одно имя возбуждаетъ такое представленіе какъ тѣлѣга наполненная всяческими нечистотами и пакостями рода человѣческаго“.

Болѣе искусный въ издательскихъ дѣлахъ Прюдомъ съ большою выгодой продолжалъ изданіе *Револуцій* до эпохи Робеспьеровскаго террора, когда счелъ полезнѣе его прекратить.

Отъ издателя перейдемъ къ журналистамъ.

VIII.

Мемуары Бриссо, изданные его сыномъ въ 1830 году (*Mémoires de Brissot, membre de l'assemblée législative et de la convention nationale, publiés par son fils, avec des notes par Montgôl. Paris. 1830*), даютъ довольно обильный материалъ какъ для того чтобъ ознакомиться съ типомъ журналиста наканунѣ революціи и первыхъ ея дней, такъ и для общей характеристики кружковъ молодежи изъ которыхъ вышли Робеспьеръ, Дантонъ, Демуленъ и другіе революціонные дѣятели. Бриссо родился въ Шартрѣ въ 1754 году (былъ савоювательно ровесникъ Людовика XVI). Отецъ его былъ трактирщикъ обремененный большою семьей; Бриссо былъ его тринадцатый ребенокъ. Когда ему минуло девять лѣтъ, мать возымѣла честолюбивую мысль отдать его и братьевъ въ мѣстный коллежъ. Отецъ колебался, говоря: „они будутъ презирать меня“. Но мать настояла. Въ эту эпоху значительно уже было развито стремленіе въ низшихъ классахъ выводить дѣтей, путемъ ученія въ коллежахъ, въ „благородные“, если сказать по нашему, или въ ряды духовенства. На это указывалъ, между прочимъ, de la Chalotais (procureur général du roi au parlement de Bretagne) въ своемъ извѣстномъ *Essai sur l'éducation nationale*, 1763 годъ. „Никогда еще, лишетъ онъ (стр. 25), не было столько учащихся. Земледѣльцы (laboueurs), ремесленники посылаютъ дѣтей въ коллежи маленькихъ городовъ, гдѣ жизнь дешева. Послѣ плохаго ученья, изъ котораго они выносятъ только презрѣніе къ занятіямъ своихъ отцовъ, они бросаются въ монастыри, въ духовное званіе или въ должности по судебному вѣдомству (offices de justice) и часто становятся членами вредными для общества“. Шартрскій коллежъ, какъ и всѣ школы того времени, былъ въ рукахъ духовенства. Но это уже не была крѣпкая школа предшлаго вѣка. Внутреннее развитіе юнаго Бриссо шло путемъ весьма обыкновеннымъ въ то время. Въ началѣ онъ былъ искренно вѣрующимъ, но скоро напелся товарищъ, разрушившій юныя вѣрованія, вѣкто Гильяръ (Guillard), пріобрѣвшій потомъ извѣстность какъ авторъ оперныхъ либретто. „Однажды, говоритъ Бриссо (I, 49), Гильяръ отвесилъ съ проницательнымъ поздравленіемъ и съ высока

къ моему обыкновенію приобщаться. Я возразилъ какъ добрый католикъ. Но насмѣшки эти возбудили мой умъ. Скоро чтеніе раскрыло мнѣ глаза“. Книги „раскрывшія глаза“ Бриссо были главнымъ образомъ сочиненія Дидро и Руссо. „*La profession de foi du Vicaire Savoyard*“ Руссо было первое сочиненіе благодаря которому спала повязка съ моихъ глазъ“, разказываетъ Бриссо. Перемена не скрылась отъ любящаго глаза его набожной старшей сестры. „Сколько разъ, говоритъ Бриссо, въ тайныхъ бесѣдахъ нашихъ отаралась она отвлечь меня отъ философіи. Ахъ, еслибы священники походили на мою дорогую достойную уваженія сестру! Можетъ-быть я бы дольше остался въ религіи, которая до того времени не дѣлала меня несчастнымъ“. Виноваты или невиноваты священники, Бриссо пошелъ по пути „философіи“ вѣка и въ послѣдствіи колебался между идеями матеріалистическаго атеизма и деизма, склоняясь болѣе къ послѣднему. Бриссо разказываетъ далѣе что онъ съ ранней юности ненавидѣлъ королей и идея революціи уже носилась въ его головѣ. „Особенное впечатлѣніе, говоритъ онъ, произвела на меня исторія Карла I и Кроувеля. Я безпрерывно вспоминалъ какъ Кроувель, будучи ребенкомъ, разорвалъ портретъ короля и какъ потомъ, къ концу своего полрица, обезглавилъ его, обязанный своему гению ролью которую игралъ въ англійской революціи. Мнѣ не казалось невозможнымъ возобновить эту революцію. Но признаюсь,—и эта черта не привлечетъ мнѣ дружбы людей полагающихъ патріотизмъ въ каннибализмъ,—въ романѣ моемъ я не обезглавливалъ моего лѣтчика. Послѣ суроваго урока я изгонялъ его навсегда съ Французской земли“. Если и допустить что Бриссо перемѣщаетъ въ болѣе ранніе годы юности свои позднѣйшія чувстваванія, то нельзя во всякомъ случаѣ не замѣтить что разрушительныя вѣянія уже сильно проникли въ школу еще за двадцать лѣтъ до революціи, и мечты молодого честолюбія рано начинали уже направляться на удачу и успѣхи обуславливаемые государственными переворотами. Бриссо вышелъ изъ коллежа по шестнадцатому году, вынеса изъ школы способность къ труду: о ней свидѣтельствуютъ разнообразныя успѣшныя занятія какимъ преподавался онъ одинъ безъ учителей въ первые годы послѣдовавшіе за школьнымъ ученьемъ. Вынесъ также большое говорильное искусство, доказанное между прочимъ въ классѣ

логики четырехчасовымъ диспутомъ, который выдержалъ Бриссо на тему о врожденныхъ идеяхъ, и знаменитомъ спорѣ томистовъ и скотистовъ (*ridicules querelles des thomistes et des scotistes*, какъ выражается онъ въ мемуарахъ). Предстояло выбрать карьеру. „Что было предпринять выйдя изъ коллежа? спрашиваетъ Бриссо. Ремесло? Къ чему тогда были бы мои знанія? Коммерцію? Но ея не было въ Шартрѣ, гдѣ были только мелочные торговцы. Духовное званіе (*le petit collet*)? Сестра очень меня къ тому склоняла, но я не хотѣлъ быть сознательно шарлатаномъ. Оставалась судебная часть. Ее я и предпочелъ. Но тутъ предстояло пройти лабиринтъ судебной ябеды (*chicanes*). Пришлось послѣдовать обычаю. Я поступилъ къ прокурору, самому вѣстному въ Шартрѣ, г. Горо (*Hoгеau*).“ У прокурора былъ сынъ любившій естественныя науки. Молодые люди образовали маленькій кружокъ, родъ общества, въ которомъ дѣлались идеями и трудами. Изъ кружка вышли два члена конвента Буве и Сержанъ. (О революціонной карьерѣ послѣдняго сохранились весьма противорѣчивыя показанія. По однимъ, онъ былъ изъ числа главныхъ руководителей нападенія на Тюильри 10 августа 1792 года, участвовалъ въ разграбленіи и потомъ посланъ на рукѣ похищенный агатъ, почему его прозвали Сержанъ-агатъ. По другимъ, многіе монархисты въ разное время ему обязаны были спасеніемъ. Бриссо намекаетъ на воровство 10 августа и прибавляетъ что имя Сержана, вмѣстѣ съ именемъ Марата, позорно стоитъ „неизгладимыми буквами подъ апопеезомъ сентябрьскихъ убійствъ“.)

Въ эту злоху жизни Бриссо можно отмѣтить обстоятельство чрезвычайно характеристичное, которое самъ Бриссо объясняетъ не съ полною, очевидно, искренностію. Онъ сталъ именовать себя не просто Бриссо, а Бриссо Варвилъ (*Brissot Warville*). Хотя Бриссо говоритъ что дѣлалъ это чтобъ отличиться отъ братьевъ, но распространенному тогда въ среднѣмъ сословіи обычаю; что *Ouarville* есть имя деревни, куда онъ былъ отданъ къ кормилицѣ и гдѣ отецъ его имѣлъ не большую земельную собственность; что *Ou* онъ замѣнилъ буквою *W*, возымѣвъ фантазію придать имени англійскій оттѣнокъ, такъ какъ усердно тогда занимался англійскимъ языкомъ,—однако скорѣе должно думать что честолюбивый юноша увлекся желаніемъ дать своей фамиліи дворянскій оттѣнокъ. Эти слабость была чрезвычайно распространена

среди интеллигентнаго разночинства того времени и объявляется общественнымъ настроеніемъ эпохи. Общество за исключеніемъ духовенства дѣлилось на двѣ части: дворянство и все остальное. Дворянство, не имѣя какого-либо государственнаго значенія (оно не имѣло даже своихъ собраній), имѣло, однако, какъ титулъ огромное общественное значеніе. Оно составляло родъ касты, рѣзко отличавшей себя отъ простаго человечества. Не быть дворяниномъ, значило быть „gottinger“, разночинцемъ, изъ податнаго состоянія, елибѣ употребить нашу терминологию. Интеллигентное разночинство, то-есть люди по образованію, образу и привычкамъ жизни не отличавшіеся отъ дворянъ, но не имѣвшіе права на титулъ, было постоянно въ фальшивомъ положеніи. Они брали и костюмы и приемы дворянъ, но чувствовали себя постоянно уязвленными своимъ положеніемъ самозванства. Это вынуждало хвататься за каждую нить способную ввести въ заколдованный кругъ и вмѣстѣ съ тѣмъ колесо ненависти. „Не валоги, говорить остроумный Ривароль (*Mém. de Rivarol*, Paris, 1824, стр. 98), не lettres de cachet, не другія злоупотребленія власти, не притѣсненія интеллигентовъ, не разорительная медленность юстиціи — наиболѣе раздражали націю, а предразсудокъ дворянства. Къ нему обнаружилось наиболѣе ненависти. Кто подымалъ простой людъ въ городахъ и крестьянъ въ деревняхъ? Буржуа, литераторы, биржевики... Люди ума и люди богатства (les gens d'esprit et les gens riches) находили дворянство невыносимымъ, столь невыносимымъ что большинство кончало тѣмъ что его покупало. Но тогда начиналась новая попытка. Они были облагороженные, благородные (des anoblis, des gens nobles), но они не были дворяне (gentilshommes), ибо французскіе короли, продавая дворянство, не подумали продать также и время, всегда недостающее выскочкамъ... Винить ли дворянъ въ томъ что безуміе дворянства сдѣлалось у насъ эпидемическимъ? Можно ли ставить въ вину дворянину что весь міръ твердитъ ему что онъ дворянинъ; ставить ему въ заслугу что носить онъ имя отца; требуетъ чтобъ онъ сохранялъ старыя грамоты, ничего не дѣлая... Разночинцы болѣе дворянъ самихъ заражены болѣзью дворянства. Дворянство въ глазахъ народа есть родъ религіи, а дворяне ея жрецы. Среди буржуазіи относительно дворянства болѣе нечестивыхъ чѣмъ невѣрующихъ“. Чтобы показать что сдѣланная имъ прибавка къ имени

была самымъ обычнымъ явленіемъ Бриссо говоритъ: „Такъ мой третій братъ назывался Тиваръ (Thivard), мой сородичъ и несчастный другъ Петіонъ—Вильявъ (Villeneuve); сотня членовъ изъ средняго сословія въ Национальномъ Собраніи носили двойныя имена, столь же мало какъ и мы претендуя на дворянскій титулъ. Но это можетъ-быть выставать когда-нибудь какъ доказательство моего аристократизма. Да что говорю! Роялизма. Забавно будетъ видѣть себя призываемымъ къ суду республиканцемъ Давтономъ, который два года тому назадъ звалъ себя Д'Антономъ (D'Anton), и республиканцемъ Робеспьеромъ, который въ ту же эпоху прислалъ къ Камиль Демулену письмо, подписанное: *de Robespierre*“. Эпизодъ съ этимъ письмомъ настолько интересенъ что стоить быть разказаннымъ. Когда состоялся декретъ 22 мая 1791 года о правѣ войны и мира, еще умалшившій королевскую власть, сформулованный Мирабо, но который крайніе члены собранія, какъ Робеспьеръ, находили недостаточнымъ, К. Демулень писалъ въ своемъ журналѣ: „Въ субботу, 22 мая, маленькій дофинъ аплодировалъ декрету Мирабо со смысломъ превышающимъ его возрастъ. Народъ аплодировалъ со своей стороны и провожалъ съ триумфомъ Барнава, Петіона, Ламетта, д'Эгальфона, Дюпора и всѣхъ знаменитыхъ якобинцевъ. Народъ воображалъ что одержалъ великую побѣду, а депутаты имѣли слабость поддерживать его въ этой ошибкѣ которая была имъ на пользу. Робеспьеръ былъ болѣе откровененъ. Онъ сказалъ окружавшей толгѣ, огулавшей его хлопаньемъ: „Э, господа, съ чѣмъ вы себя поздравляете; декретъ скверный, прескверный. Предоставьте этой мартышкѣ бить въ ладошки у окошка (дѣло было въ Тюльрійскомъ саду подъ окнами дворца); онъ лучше насъ знаетъ что дѣлаетъ“. Надо сказать что К. Демулень выдумалъ эти слова и вложилъ ихъ безъ церемоніи въ уста своего бывшего школьнаго товарища. Робеспьеръ обезлокопался разказомъ и прислалъ Демулену письмо, въ которомъ приводя текстуально сказанное журналистомъ, прибавилъ: „Я долженъ, милостивый государь, указать ошибку въ какую вы впали въ приведенномъ мной вашемъ разказѣ, касающемся меня. Я высказалъ въ Национальномъ Собраніи мое мнѣніе о принципѣ и послѣдствіяхъ декрета касательно правъ мира и войны; но этимъ и ограничился. Я не говорилъ въ Тюльрійскомъ саду словъ

которыя вы привели. Я даже вовсе ничего не говорилъ толпѣ гражданъ собравшихся на моемъ пути, когда я проходилъ садомъ. Считаю обязанностію опровергнуть приведенный фактъ: 1) потому что онъ ложень; 2) потому что, сколь бы я ни былъ расположенъ держаться въ Собраніи характера откровенности, какая должна отличать представителей націи, я знаю однакоже что имъ приличествуетъ извѣстная сдержанность. Надѣюсь, милостивый государь, что вы помѣстите заявленіе мое въ вашемъ журналѣ, тѣмъ болѣе что великодушное рвеніе ваше къ дѣлу свободы не позволитъ вамъ дать дурнымъ гражданамъ хотя бы малый поводъ клеветать на энергію защитниковъ народа. *Де-Робеспьеръ.*“ Робеспьеръ, желая распространить свое письмо, копію съ него принесъ Бриссо для напечатанія и въ его журналѣ. Бриссо прежде чѣмъ печатать предупредилъ Демулена. Тотъ со своей стороны послѣдилъ привести отвѣтъ, но Бриссо предпочелъ не печатать ни того, ни другаго письма. Вотъ какъ хотѣлъ отвѣтить Демулень въ насмѣшливомъ тонѣ: „Если я помѣщаю это *errata*, мой любезный Робеспьеръ, то единственно чтобы показать твою подлость моимъ со товарищамъ журналистамъ и научить ихъ не искажать болѣе имя прославленное патріотизмомъ. Въ твоемъ письмѣ есть достоинство, сенаторская важность, оскорбляющая школьную дружбу. Ты справедливо гордишься тою члена Національнаго Собранія. Эта благородная гордость мнѣ нравится, и меня сердитъ что не всѣ чувствуютъ какъ ты свое достоинство. Но ты долженъ былъ хоть легкимъ наклоненіемъ головы привѣтствовать стараго товарища. И для чего требовать отъ меня этого опроверженія? Если я слетка (?) и измѣнилъ истину въ анекдотѣ который разказалъ, то, такъ какъ фактъ дѣлаетъ тебѣ честь и я выразилъ безъ сомнѣнія твою мысль, если не слова, ты долженъ бы, вмѣсто того чтобы сухо опровергать журналиста, сказать какъ кузина въ милой комедіи *Mort supposeé*.

Ah! monsieur, vous brodez!

Ты не изъ тѣхъ слабыхъ людей о коихъ говорить Ж. Ж. Руссо, которые не хотятъ чтобы повторяли ихъ слова и говорятъ правду лишь по домашнему и въ халатѣ, а не въ Собраніи или въ Тюильри“. Куріозно это легкомысленное отношеніе Каміля Демулена къ истинѣ въ печатномъ словѣ. Бриссо объяснялъ посланіе Робеспьера еще и тѣмъ, между прочимъ, что мѣсто гувернера дофина не было занято. Таковы были эти „титаны революціи“.

Достоинно замѣчанія что Маратъ, по свидѣтельству Бриссо (I, 360), глубоко презиралъ Робеспьера и Дантона. Съ Маратомъ Бриссо былъ еще до революціи въ очень близкихъ сношеніяхъ, даже въ дружбѣ. Въ мемуарахъ своихъ Бриссо свидѣтельствуешь что „въ теченіе всей жизни всѣ дѣйствія и писанія Марата направляло шарлатанство.“ Въ Англіи онъ утѣрялъ Бриссо что имѣеть громадную практику, въ Парижѣ торговалъ стклянками и какими-то секретными медикаментами и даже почти насильно сорвалъ съ пріятели двѣнадцать франковъ за какую-то бутылочку. „Его господствующая страсть была уничтожить репутацію знаменитыхъ людей.“ Для этого онъ прибѣгалъ къ самымъ обманнымъ средствамъ: къ фальшивымъ опытамъ, къ фальшивымъ переводамъ. Онъ взялъ своею задачей между прочимъ разрушить систему Ньютона относительно разложенія цвѣтовъ призмой и утверждалъ что можетъ приготовить такой бѣлый лучъ который не разлагается призмой. Араго разказываетъ какъ Шарль поймалъ Марата въ фальшивомъ опытѣ съ магнетизмомъ: у экспериментатора оказалась скрытая въ карманѣ намагниченная иголка. Бриссо передаетъ что Маратъ сдѣлалъ переводъ *Optique* Ньютона нарочно искаживъ различныя положенія этого сочиненія, и представилъ переводъ въ Академію Наукъ подъ именемъ своего пріятели Бозе, слабого человѣка, уступившаго его настояніямъ. Коммиссары Академіи, не прочтя внимательно, дали одобреніе научной фальсификаціи. „Всѣ движенія Марата, говоритъ Бриссо, были движеніями акробата; казалось видишь лошинея, у котораго дергають то голову, то руки. Все было разрѣзано и расшито въ его рѣчахъ и жестахъ. Ни что не выходило изъ души, все шло отъ головы, было искусственно. Маратъ не любилъ никого, не вѣрилъ ничему. Обожалъ только себя.“ Бриссо разказываетъ любопытный случай. Мѣсяца черезъ три послѣ взятія Бастиліи Маратъ сочинилъ исторію о томъ какъ онъ остановилъ будто бы драгунскаго полковника съ отрядомъ на Новомъ мостѣ (*Pont neuf*). Маратъ требовалъ чтобы Бриссо напечаталъ этотъ разказъ во *Французскомъ патриотѣ*. Бриссо уступилъ настояніямъ пріятели, но вычеркнулъ преувеличенныя похвалы Марата самому себѣ. Маратъ никогда не могъ простить ему этого. Въ напечатанной статейкѣ передавалось что въ день взятія Бастиліи отрядъ гусаръ и драгунъ направлялся въ Парижъ подъ предлогомъ соединиться съ

храбрыми его защитниками, но на дѣлѣ замышляя измѣну. Мужественный Маратъ, „известный замѣчательными трудами по предмету физики“, оставовилъ ихъ на Новомъ мосту, сказалъ рѣчь, смутилъ полковника, принудилъ отрядъ отправиться къ думѣ, откуда его выпроводили подъ конвоемъ за заставу. Въ рукописи Маратъ сравнивался съ Горациемъ Коклесомъ „подобно Марату оставовившему цѣлую армию на мосту“; говорилось что „мужественное чело Марата заставило побѣдѣть гусарь и драгунь, подобно тому какъ геній его въ области физики нѣкогда заставилъ побѣдѣть Академію“. Продѣвка не лишняя интереса. Въ добавокъ ко всему Маратъ былъ трусъ, и когда въ 1787 году Бриссо говорилъ ему что „время сокрушить деспотизмъ“, онъ отвѣчалъ что желаетъ лучше продолжать физическіе опыты чѣмъ попасть въ Бастилію. „Французскій народъ, замѣтилъ онъ, не достаточно еще созрѣлъ и не довольно мужествененъ чтобы вынести революцію.“

IX.

Тишина и одвообразіе провинціальной жизни не удовлетворяютъ молодого Бриссо. Разные планы проходятъ въ его головѣ. Знакомство съ бенедиктинцемъ, по имени домъ-Мюле (dom Mulet), и посѣщеніе обширныхъ библиотекъ ордена рождаетъ у Бриссо мысль вступить въ орденъ чтобы сдѣлаться ученымъ. Домъ-Мюле посмѣялся надъ намѣреніемъ молодого человѣка и представилъ ему картину монастырской жизни которая отвадила его отъ задуманнаго плана. Этотъ монахъ самъ, впрочемъ, былъ невѣрующій. „Я считалъ его деистомъ, пишетъ Бриссо. Таково же мнѣніе было и въ городѣ послѣ проповѣди, въ которой онъ ни разу не произнесъ имени Христа, что сильно скандализовало нашихъ богомольныхъ посѣтительницъ храма. Онъ мнѣ смѣясь говорилъ потомъ о ловкости съ какою сумѣлъ поднести такую рѣчь толлѣ ханжей.“ Мечталъ Бриссо о любви; встрѣтилъ семнадцатилѣтнюю дѣвушку, удовлетворявшую его идеамъ, но дѣвушка эта лишила себя жизни, „утомленная свѣтомъ (fatiguée du monde), глулостью однихъ, невостію другихъ, гнетомъ деспотизма царствовавшего повсюду“. Случаи самоубійства молодыхъ людей, заѣденныхъ, — сказать по нашему, —

средой, невыносимыхъ семейнаго и инаго гнета, бывали значить и въ дореволюціонной Франціи. Но Бриссо не говоритъ онъ ли „развивалъ“ эту дѣвицу. Жизнь въ Шартрѣ становилась ему невыносимою, онъ рвался въ Парижъ, на болѣе широкое поприще. Случай представился. Въ Шартрѣ прѣхалъ жениться прокуроръ парижскаго парламента, Ноло (Nolleau). Бриссо обратился къ нему съ просьбой принять его въ помощники, и чтобы дать понятіе о своемъ слогѣ и искусствѣ изложенія препроводилъ къ Ноло родъ предисловія къ трактату о кражѣ и собственности. Въ этомъ отрывкѣ Бриссо развивалъ, какъ говоритъ онъ, парадоксъ что „собственность не имѣетъ основанія въ природѣ, что въ естественномъ состояніи нѣтъ воровства и что въ этомъ состояніи людоедство не есть преступленіе“. Софистическая ловкость понравилась прокурору. Бриссо былъ принятъ и переехалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ надѣлъ шлягу и облекся въ трауръ, который тогда носили по Лудовикѣ XV. „Мнѣ сказали, пишетъ Бриссо, что безъ этого этикета нигдѣ нельзя быть принятымъ“. Скоро вступилъ Бриссо въ водоворотъ парижскаго журнальнаго, театральнаго, литературнаго міра, сошелся съ извѣстнымъ журналистомъ Ленге (Linget), участвовалъ въ журналахъ; а въ кабинетѣ прокурора дѣлалъ труды съ товарищемъ своимъ по судебнымъ занятіямъ, Робеспьеромъ. „Невѣжественный, чуждый всякой наукѣ, не способный мыслить, не любившій писать, Робеспьеръ былъ за то какъ нельзя болѣе пригоденъ къ ремеслу ябеды. Годы не измѣнили его, и не могу понять какъ подобный человекъ можетъ оказывать такое огромное и роковое вліяніе на судьбу нашей свободы“. Такъ глава жирондистовъ характеризуетъ двигателя террора. Для молодого журналиста началась двойная жизнь. Съ одной стороны, какъ принадлежащій къ литературному кругу, онъ имѣлъ доступъ въ міръ роскошной жизни съ ея золотомъ и бархатомъ, салонами, обѣдами, тонкими ужинами, закулисными происшествіями, родовымъ чванствомъ и нахальствомъ выскочекъ. Съ другой стороны, у себя дома, въ скромной квартирѣ приходилось влачить самое бѣдное существованіе, тщательно скрывая недостатки. „Бѣдность, пишетъ Бриссо (I, 212) не была еще главнымъ несчастіемъ. Приходилось завимать, и чтобы выманить что-либо у друзей—внушать кредитъ къ своимъ надеждамъ на будущее. Эта унижительная роль часто разрывала мою душу.

О, сколько разъ сожалѣлъ я что не знаю какого-нибудь ремесла которое сдѣлало бы меня достаточно независимымъ, при томъ запасѣ идей и знаній какими обладалъ. Воспоминаніе объ этой эпохѣ особенно для меня оторочительно; вижу въ ней только бѣдность, скрытую подъ вѣщиностью достатка, ослѣпныя связи, невольнительныя поступки“. Бриссо жилъ съ Гильяромъ, который былъ на содержаніи у актрисы и свелъ Бриссо съ ея пріятельницей, можно догадываться на такихъ же условіяхъ. „Нѣтъ ремесла“, пишетъ Бриссо въ завѣщаніи дѣтямъ, „какимъ начинается свои мемуары“, презрѣннѣ ремесла книжончика, de livrier, по выраженію Руссо. На вѣкъ завѣщаю дѣтямъ и внукамъ беречься отъ этой болѣзни. Хорошо говорить что нѣтъ безчестья жить своимъ перомъ. Конечно, нѣтъ. Но когда человѣкъ привыкаетъ торговать мыслію, онъ прикидывается философомъ не для того чтобы быть такъовымъ, но чтобы имѣть деньги. Такимъ образомъ увижается высокое призваніе.“ О писаніяхъ своихъ Бриссо говоритъ такъ: „Безъ сомнѣнія, я выступилъ на писательское поприще слишкомъ молодымъ. Я никогда не отдѣлывалъ моихъ сочиненій и не давалъ созрѣть моимъ идеямъ. Въ пожирившей меня страсти извергнуть деспотизмъ, я думалъ что надо наносить ударъ кстади, часто и сильно, а поводъ могъ уйти, еслибы заниматься выдѣлкой слога.“ Кроме того, прибавляетъ онъ, „часто надо было писать для того чтобы жить“. „Надо было жить“, повторяетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (*Мет.* I, 165). „Мать, къ которой я обратился, прислала мнѣ тайкомъ помощь на три, четыре мѣсяца, но нужды становились все настоятельнѣе. Мнѣ казалось что маленькія брошюры о предметахъ занимавшихъ тогда умы доставятъ мнѣ нѣсколько денегъ. Я обратился къ книгопродавцу, онъ обѣщалъ но не сдержалъ слова; продавалъ и все оставлялъ у себя.“ Одна изъ такихъ брошюръ была *О независимости адвоката*, другая называлась *Pot pourri*, „посредственная, ласковая“, по словамъ самого автора и причинившая ему не мало горя. Это былъ грязный ласквиль на жену одного прокурора. „Она была повинна въ нѣкоторомъ кокетствѣ, откровенно говорить Бриссо, но я былъ страшно виноватъ, опозоривъ ее какъ проститутку. У нея былъ литературный салонъ (bureau de bel esprit) какихъ тогда много развелось въ Парижѣ. За ея роскошнымъ столомъ обѣдали поэты, журналисты и толпа паразитовъ лавившихъ за яства и вина

наушничествомъ.“ Бриссо не говоритъ что побудило его написать пасквиль; можно догадываться что уязвленное чѣмъ-нибудь самолюбіе. Пасквиль не остался безнаказаннымъ. Состоялось предписаніе о заключеніи Бриссо въ Бастилію. Но одинъ полицейскій чиновникъ, до того времени даже неизвестный Бриссо, успѣлъ его предупредить. Бриссо временно скрылся изъ Парижа и дѣло было забыто.

Мы не имѣемъ въ виду пересказывать біографію Бриссо. Мы желали только въ собственномъ его изображеніи уловить нѣкоторыя характеристическія черты начинающаго журналиста предреволюціонной эпохи. Извѣстность писателя Бриссо приобрѣлъ сочиненіями *Теорія уголовныхъ законовъ* (1780 года, два тома) и *Уголовная библиотечка*. Вскорѣ затѣмъ онъ перенесъ свою дѣятельность въ Англію. Въ то время многіе французскіе журналисты, избѣгая цензуры, основывали за границей, въ Голландіи, въ Англіи, изданія на французскомъ языкѣ, легко проникавшія во Францію. Изданіе основанное Бриссо въ Лондонѣ не было политическимъ. Оно должно было служить органомъ общества, названнаго Лицеомъ и имѣвшаго цѣлью литературное и научное сближеніе Франціи и Англіи. И общество, и изданіе успѣха не имѣли. Когда Бриссо вернулся во Францію, его посадили въ Бастилію по подозрѣнію въ составленіи брошюры содержавшей пасквиль на королеву. Освободился благодаря покровительству герцога Орлеанскаго. При основаніи Общества Друзей Негровъ, Бриссо былъ въ числѣ главныхъ его дѣателей. Ѳздилъ въ Америку; но когда распространилась вѣсть о первыхъ событіяхъ революціи, послѣшво вернулся во Францію. Онъ основалъ журналъ *Французскій Патриотъ*, былъ виднымъ членомъ законодательнаго собранія, главою жирондистовъ и погибъ съ ними на эшафотѣ въ 1793 году.

О журналистикѣ, по выраженію Приюдома, „народившейся съ революціей“ поговоримъ особо.

Н. ЛЮБИМОВЪ.

БЛУДНЫЙ БРАТЪ

П О В Ъ С Т Ь.

Бедьше сея любви никто же имать, да кто
душу свою положить за други своя.

Юанна XV, 13.

Береги честь съ молоду — послѣ не под-
нимешь.

Гоголь.

Взглядъ этихъ глазъ былъ мягокъ и могучъ,
Но не блестялъ онъ блескомъ торопливымъ;
То былъ онъ ясенъ, какъ осенній лучъ,
То холодомъ проникнуть горделивымъ,
То чуть блистала, какъ мѣсяцъ изъ-за тучъ.

Тургеневъ.

I.

Сѣвскіе гусары всегда считались однимъ изъ лучшихъ полковъ нашей арміи. Славныя боевыя воспоминанія Наполеоновскихъ войнъ они освѣжали не разъ, встрѣчаясь со врагомъ и за Дунаемъ, и въ Крыму. Но у полка не одни только блестящія военныя преданія. Онъ бережно хранилъ свой мундиръ и въ мирное время. Его офицеры всегда гордились тѣмъ что у нихъ живъ товарищескій духъ, и въ кругу ихъ никогда не терпятся сомнительные члены. Про исторію у Сѣвскихъ гусаръ никогда не было слышно, а если онъ и случались, то сору изъ избы не выносилъ никто. Немудрено что любой губернской городъ былъ радъ видѣть ихъ у себя.

Немудрено тоже что Сѣвскіе гусары очень неохотно принимали къ себѣ въ полкъ юныхъ гвардейцевъ, которымъ не совсѣмъ добровольно приходилось свой мундиръ промѣнять на армейскій.

Но и у нихъ бывали исключенія. Осенью 187* года—полкъ стоялъ тогда въ одномъ изъ южныхъ губернскихъ городовъ—къ нимъ былъ переведенъ молодой гвардейскій поручикъ Петръ Васильевичъ Бороздинъ. И какъ ни добивались офицеры у своего полковника чтобы тотъ не соглашался принять новаго товарища, полковой командиръ остался на этотъ разъ непреклоненъ. Всѣмъ кто ни заговаривалъ съ нимъ о Бороздинѣ, онъ прямо и рѣшительно объявлялъ что о немъ ему все извѣстно до малѣйшихъ подробностей и что не принять его въ полкъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Подробностей этихъ, впрочемъ, онъ никому не сообщалъ, и прошлое молодого офицера, осталось для его новыхъ товарищей совершенно загадочнымъ. Полковникъ вообще былъ человѣкъ не словоохотливый; держалъ онъ себя съ подчиненными холодно, слегка высокомерно, и любовью ихъ, разумѣется, не пользовался. Родомъ онъ былъ изъ остзейскихъ Нѣмцевъ, и хотя происходилъ изъ очень небогатаго семейства бароновъ фонъ-Шварценфельдъ, хотя командовать Сѣвскими гусарами было всякому лестно, въ обращеніи его съ офицерами была какая-то почти отталкивающая сдержанность. Въ короткихъ отношеніяхъ онъ находился только съ однимъ полковымъ адъютантомъ, поручикомъ Новокрещенскимъ; да съ нимъ и трудно было не сойтись любому начальнику: для Новокрещенскаго угождать всякому, угождать въ особенности начальству — было первою и послѣднею заповѣдью. Его и прозвали за то, конечно за глаза, чиновникомъ въ мундирѣ. Ему, какъ своему наперснику, баронъ и поручилъ постараться о томъ чтобы съ Бороздинымъ не произошло въ полку никакихъ столкновеній.

Когда однако на слѣдующій день пріѣхавшій съ утреннимъ поѣздомъ Бороздинъ явился къ полковнику, тотъ принялъ его до крайности сухо. Онъ прочелъ молодому человѣку цѣлую нотацию о томъ что никому изъ офицеровъ не дозволяется, даже внѣ службы, уклоняться отъ строгой дисциплины, всегда, съ утра до вечера, какъ онъ выразился, обязательной для военнаго.

— Служить такъ служить, между прочимъ сказалъ онъ, нисколько однако не возвышая голоса; этого баронъ не дѣлалъ почти никогда. — Вы не должны забывать что носите мундиръ. Въ цывыхъ полкахъ можетъ-быть дѣлаются исключенія для господъ гвардейцевъ—я ихъ не допускаю.

Глаза молодого человѣка на мигъ вспыхнули, но онъ тотчасъ опустилъ ихъ не возразивъ ни слова. На высококъ, бѣломъ лбу полковника, придававшимъ его лицу что-то каменное, показалась красноватая борозда похожая на кровавый рубецъ. Она почему-то всегда появлялась на немъ въ минуты гнѣва или даже просто когда барону доводилось прибѣгать къ начальническимъ внушеніямъ.

— Не скрою отъ васъ, господинъ Бороздинъ, закончилъ полковникъ,—что вы особенно мнѣ поручены и бывшимъ начальникомъ, и батюшкой вашимъ; котораго я имѣю удовольствіе знать. Надѣюсь, вы не дадите мнѣ повода сожалѣть что вы къ намъ поступили.

Проговоривъ это, полковникъ чуть замѣтно встряхнулъ правымъ плечомъ, и зашевелившійся фаггель-адъютантскій аксельбантъ какъ бы подтвердилъ его неласковыя слова. Бороздинъ опять вспыхнулъ и морщина на мигъ показалась между его густыми черными бровями. Замѣтно было что онъ сдерживался съ трудомъ.

Петя занялъ маленькую квартирку, всего въ двѣ комнатки съ крошечною передней, въ одноэтажномъ домикѣ; почти на самомъ краю города. Хозяйка, старая мѣщанка вдова, стала извиняться за плохое убранство квартиры; мебель въ самомъ дѣлѣ была совсѣмъ ужь неказистая, да и чистота обоевъ оставляла желать многого, но все-таки она запросила съ молодого человѣка по тридцати рублей въ мѣсяцъ, утѣряя что дешевле ужь никакъ нельзя. Бороздинъ согласился безпрекословно, а насчетъ мебели сказалъ что пока устроится какъ-нибудь, а потомъ и прикупить что будетъ нужно. „Едва ли много мнѣ случится принимать гостей“, прибавилъ онъ вполголоса и словно конфузясь. Не много времени и труда онъ потратилъ на устройство своего жилья, и закупокъ не сдѣлалъ никакихъ. Средства у него были, какъ видно, небольшія, и онъ казался совершенно равнодушнымъ къ своей обстановкѣ; только на столикѣ предъ окномъ въ его спальнѣ появился серебряный несессеръ, единственный признакъ роскоши, да надъ кроватью были повѣшены три фото-

графическіе портрета довольно большихъ размѣровъ. Одинъ изображалъ не молодого уже, плотнаго господина въ генеральской формѣ, при орденахъ, очевидно старавшагося придать своей осанкѣ что-то внушительное, когда онъ стоялъ предъ аппаратомъ фотографа; но это ему, также очевидно, не удалось, ибо лицо его и вся фигура не выражали ничего кромѣ смѣси налускнутой важности съ ядымымъ добродушіемъ. Другой портретъ не безъ нѣкоторой лести передавалъ величавыя черты дамы уже не первой молодости, черты которыя были бы очень красивы еслибъ ихъ не портили слегка орлиный изгибъ носа и надменный складъ верхней губы. Такой же точно носъ и такая же надменная губа были и у молодого человѣка изображеннаго на послѣднемъ портретѣ, но у него они не портили замѣчательной красоты немного продолговатаго, изящнаго лица. Это были родители Пети, отставной генераль-лейтенантъ Бороздинъ съ супругой Зинаидой Всеволодовной, урожденной княжной Тургайской, и старшій его братъ Всеволодъ.

Были у Пети Бороздина и цѣны воспоминанія покинутой имъ жизни, но ихъ онъ берегъ про себя и на показъ выставлять какъ будто боялся. Вообще онъ точно стыдился чего-то, или память о чемъ-то тяжеломъ, гнетущемъ услѣла уже лечь на его молодую жизнь, только онъ видимо избѣгалъ знакомствъ, не показывался въ обществѣ, а въ провинціи это не такъ легко, и очень скоро прослылъ дикаремъ и гордецомъ, хотя не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Богъ вѣсть чѣмъ въ провинціальномъ городѣ навлечешь на себя обвиненіе въ гордости. Бѣдный малый не подозрѣвалъ даже какъ сильно его пріѣздъ возбудилъ любопытство прекрасной половины мѣстнаго общества. Его представляли себѣ героемъ какого-то таинственнаго романческаго приключенія, въ которомъ главную роль, разумѣется, играла женщина. Дамы и въ нашъ положительный вѣкъ сохранили затаенную склонность къ романizmu, а въ провинціальномъ женскомъ сердцѣ онъ свилъ себѣ долговѣчное гнѣздо. Не мудрено что въ средѣ мѣстныхъ дамъ про молодого человѣка ходили самыя невѣроятныя слухи. Ихъ праздное воображеніе заранѣе рисовало себѣ обаятельный образъ жертвы печальной, можетъ-быть трагической исторіи. Словомъ, ему готовился самый радушный пріемъ. Но бѣдный Пета, увы! разочаровалъ эти ожиданія. Правда, онъ былъ высокаго роста, съ большими черными глазами и цѣлою колюй черныхъ

курчавыхъ волосъ; но въ его плотной и мощной осянкѣ, въ здоровомъ румянномъ лицѣ самое свисходительное женское око не могло отыскать слѣдовъ интересныхъ, хоть и разрушительныхъ страстей. Совсѣмъ ужь не жертвой глѣблѣ онъ; да и не было въ немъ той блестящей щеголеватости столичнаго повѣсы, которой мѣстныя дамы въ правѣ были ожидать отъ гвардейскаго офицера. Въ добавокъ, при встрѣчѣ съ женщинами, а это уже казалось совсѣмъ непростительнымъ, онъ видимо робѣлъ и какъ будто отъ нихъ сторонился. Раза два его видѣли въ Дворянскомъ Собраніи, сперва въ концертѣ, потомъ на балу. Супруга губернатора, которой онъ былъ представленъ барономъ Шварцфельдомъ, обошла съ нимъ и ласково, и горделиво, и представила его двумъ, тремъ наиболѣе чиновнымъ дамамъ. И что жь? Онъ даже не умѣлъ поддержать разговора; въ отвѣтъ на обращенный къ нему взглядъ глаза его застѣнчиво потухали и краска заливала его полныя щеки. Онъ вальсировалъ даже плохо. „Нѣтъ“, такой былъ общій приговоръ, „мѣтвый покоритель женскихъ сердець—князь Наровчатовъ, единственный титулованный офицеръ въ полку и первый городской франтъ—куда какъ заткнетъ за поясъ этого столичнаго гвардейца!“ А когда узнали что Пета поселился въ бѣдной квартиркѣ на краю города, когда полковой адъютантъ Новокрещенскій разказалъ всѣмъ дамамъ на ушко что Бороздина перевелъ къ нимъ въ полкъ вовсе не изъ-за дуэли, а за надѣланные имъ долги, что онъ такъ себѣ добрый малый, но умомъ очень не далекъ, дамы въ одинъ голосъ порѣшили что Пета какой-то чурбанъ, котораго и принимать у себя не стоить. И въ самомъ дѣлѣ, осень прошла, Новый Годъ былъ не за горами, а Пета все еще былъ совсѣмъ чужимъ среди губернскаго общества. Съ товарищами онъ тоже не сошелся. Въ полку къ нему съ самаго начала относились недружелюбно. Его переводъ, да еще чиномъ выше, затягивалъ производство; да и кто могъ знать какія, пожалуй неблаговидныя, причины побудили его выйти изъ гвардіи. А самому Петѣ неказанно претилъ весь складъ его новыхъ товарищей. У нихъ все, такъ ему казалось, было скроено на мелкій ладъ. Они умѣренно кутили, умѣренно веселились, ласково ухаживали за женщинами. И шалости ихъ, и страсти, и самыя надежды на будущее, которыя въ молодые годы принимаютъ такіе альпійскіе размѣры, все это не шло далѣе какой-то тѣсной рамки мелочнаго разгуда

и мелочнаго честолюбія. Повышеніе въ чинахъ, командованіе эскадрономъ, а главное денежная женитьба, вотъ чѣмъ замыкались виды на будущее, даже у самыхъ юныхъ. Словомъ, у этихъ молодыхъ людей легко остывающій русскій пылъ будто подернулся нѣмецкою аккуратностью. Правда и то что войны давно не было и не предвидѣлось въ близкомъ будущемъ. А долговременный миръ, особенно въ провинціальной гауши, замѣтно приближаетъ военную отвагу. Отъ Севастополя въ полку уцѣлѣлъ одинъ только офицеръ, сѣдой подполковникъ Невехоцкій. Съ нимъ однимъ только Петя и сошелся. „Чего мы здѣсь киснемъ, право, часто говаривалъ онъ ему,—экая жизнь! Стоить развѣ мундиръ носить для того только чтобы пылъ глотать на этихъ глупыхъ ученьяхъ! Войну бы намъ какую-нибудь поскорѣе, а то право лучше въ Ташкентъ ударить чтобы не совсѣмъ здѣсь обабиться.“

Такія рѣчи у Пети обыкновенно вырывались послѣ долгаго молчанія, когда ему случалось заходить къ Невехоцкому, и сѣдой подполковникъ послѣ вѣды накидывалъ халатъ и мирно принимался за длинный старый чубукъ. Въ отвѣтъ на это Невехоцкій бывало засмѣется, поиграетъ пальцами и пуститъ особенно густое облако дыму, а потомъ ужъ примется журить молодого человѣка. „Служба—всегда служба, какая ни на есть. А съ товарищами надо жить потоварищески. Вотъ чтó, любезный мой!“ Но въ сущности онъ при этомъ сочувствовалъ Петѣ. Ему, поманившему Балаклаву, не по вкусу приходились слухомъ ужъ мирное настроеніе и черезчуръ щелетильная аккуратность молодыхъ товарищей.

„Экіе херувимчики, бормоталъ онъ себѣ въ усы, глядя на офицерскую вѣду,—только для паркета и годятся; а кабы въ атаку ихъ пустить, да хорошенько...“ Невехоцкій даже мысленно не договаривалъ. За то и полюбился ему Пета Бороздинъ что не походилъ онъ на остальныхъ. „Ну ужъ не вамъ чета, сказалъ онъ разъ Новокрепченскому, когда тотъ насмѣшливо, хотя очень сдержанно выразился при немъ о Петѣ,—по канцелярской части можетъ-быть вамъ и уступить, но за то какимъ онъ на лошади молодцомъ! Да и силаща какая! Вчера при мнѣ подкову разогнулъ. Ей Богу! А какъ стрѣляетъ! Видѣли? Это поважнѣе будетъ чѣмъ съ дамами плясать да начальству наушничать.“

То ли обстоятельство что Петѣ и подкову разогнуть было ни почему, и глазъ у него былъ вѣрный, или постарался за

него Невеходкій, только настроеніе въ полку скоро переменялось. Насмѣшливые отъѣмы о Петѣ, о бѣдности его и о совѣсѣхъ ужъ не столичныхъ манерахъ теперь замолкали. Установилось о немъ то не особенно лестное мнѣніе какое Новокрещенскій передавалъ мѣстнымъ дамамъ. Его признали за добраго малаго, съ которымъ ужиться не мудрено, но задѣвать котораго все-таки опасно. Мало-по-малу имъ перестали заниматься. Забыли даже про толки объ его загадочномъ прошломъ. Правда и то что первое время Петя казался тише воды: ни съ кѣмъ онъ не заводилъ споровъ и держалъ себя словно красная дѣвица. Раза два только въ разговорѣ ему случилось всплыть, и при этомъ лицо его вдругъ багровѣло, и глубокая зловѣщая борозда показывалась между его бровями. Невеходкому однако случалось иногда заставить молодого человѣка въ какомъ-то тупомъ отчаяніи. Когда на него находилъ этотъ стихъ, онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ у себя дома не двигаясь съ мѣста.

— Чѣмъ съ вами, Бороздинъ? заботливо спрашивалъ его Невеходкій;—что вы это сидите сидите? Развѣ можно на себя такую хандру напускать?

Петя обыкновенно невнятно и нетерпѣливо что-то бормоталъ въ отвѣтъ, покусывая свои черные усы. Но случилось разъ и такъ что онъ не выдержалъ и разразился бурнымъ потокомъ несвязныхъ гнѣвныхъ словъ.

— Эхъ, Андрей Андреевичъ, пулю бы себѣ въ лобъ пустилъ, вотъ что!.. вырвалось у него на повторенные разспросы старика.

— Въ двадцать четыре года! Стыдитесь! Кабы мнѣ себѣ вернуть ваши лѣта, не по вашему бы я зажилъ. А вѣдь тоже, подите, не легкое у меня было житье.

— Да на что мнѣ молодость-то? Я вѣдь какъ персть одинъ. И влереда ничего, и прошлаго не чѣмъ хорошимъ вспомнить.

Въ первый разъ Петя разговорился. Его охватила неудержимая потребность высказаться. Молодость не въ силахъ долго хранить свои воспоминанія взаперти. Только—странное дѣло!—какъ скоро онъ разговорился про свою прошлую жизнь, раздраженіе мигомъ уляло, и горячее, почти вѣжное чувство къ оставленнымъ роднымъ сказалось въ его несвязныхъ, какъ будто застѣнчивыхъ рѣчахъ. Ему и хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь воспоминаніями, и какъ будто онъ ихъ въ то же время стыдился.

— Такъ что жь, возразилъ Невехоцкій,—чѣмъ же вы одни на свѣтѣ колы у васъ въ Петербургѣ отецъ съ матерью, да и братъ тоже, и вы къ нимъ такъ привязаны?

— А знаете ли, горько отвѣтилъ молодой человекъ,—что здѣсь за эти два мѣсяца я не получилъ отсюда ни строчки?

— А вы къ нимъ писали?

— Еще бы, сколько разъ! Три телеграммы посылалъ. На послѣднюю, правда, отвѣтили что не зачѣмъ безлокоиться и все здорово. Мнѣ бы и этого довольно; чаще бы телеграфировалъ, да что дѣлать, денегъ не достаетъ.

— Хороша же ваша семейка, нечего сказать!

Петя застудился за семью, хоть и видно было что много онъ не доказываетъ и больно ему касаться отношеній къ роднымъ. Невехоцкій попробовалъ было настаивать и узнать причину размолвки молодого человека съ семьей—старикъ былъ плохой дипломатъ и тактомъ не отличался—но онъ опять наткнулся на упорное молчаніе Пети.

— Я жаловаться на нихъ права не имѣю, проговорилъ онъ только едва внятнымъ голосомъ.—Я предъ ними виноватъ.

Случалось, однако, что офицеры бывали гдѣ-нибудь въ сборѣ когда приходила почта и одному Петѣ не приносила ничего, и молодой человекъ не въ силахъ былъ тогда скрыть отъ прочихъ тяжелой грусти и горькаго стыда отъ того явнаго оскорбительнаго отлученія которымъ одишь онъ былъ отбѣченъ среди товарищей. Разъ впрочемъ—человекъ десять собралось въ этотъ день въ офицерскомъ клубѣ—къ нему пришло наконецъ письмо.

Узнавъ красивый, четкій почеркъ брата, онъ радостно схватилъ это письмо и принялся читать. Но радость тотчасъ потухла въ его глазахъ, и не то гнѣвомъ, не то стыдомъ зарумянилось его лицо. Письмо было не длинное, и дочитавъ, Петя скомкалъ его и бросилъ на столъ, но почта тотчасъ живо всталъ, схватилъ измятый клочекъ бумаги и швырнулъ его въ пылавшій каминъ.

Вотъ что писалъ Всеволодъ Бороздинъ:

„Любезный другъ! Пишу къ тебѣ по порученію матушки. Она удивляется твоей странной настойчивости. Неужели ты думаешь что послѣ того что случилось она захочетъ съ тобой быть въ перепискѣ? Отцу ты приписываешь своими частыми письмами одно безлокоитво. Онъ и безъ того страдаетъ отъ своей подагры. Тебя просятъ объ одномъ лишь—не напоми-

нать о себѣ и сдѣлать такъ чтобы никакіе слухи, разумвется дурные, про тебя сюда не доходили. То что ты пишешь о своемъ поведеніи очень хорошо. Дай Богъ чтобы такъ продолжалось.

„Конечно, все это слова матушки. Я, ты знаешь, всегда тебя любилъ и нисколько на тебя не сержусь. Я бы радъ тебѣ оказывать услугу, особенно въ денежномъ отношеніи, но на этотъ счетъ нечего тебѣ надѣяться. Матушка наотрѣвъ отказалась увеличить твое содержаніе. Она говоритъ что 1.200 рублей въ годъ въ армейскомъ полку — заглаза. Мнѣ тоже кажется что на это жить можно. Посылаю тебѣ однако изъ своихъ денегъ въ особомъ конвертѣ сто рублей, больше не могу. Любящій тебя братъ В. Бороздинъ.“

— Любящій! подумалъ про себя Петя.—Хороша любовь! И развѣ я у нихъ просилъ денегъ? Справаюсь какъ-нибудь и такъ, но просить не стану ни за что. И зачѣмъ они меня этимъ оскорбляютъ?

Но Петѣ тотчасъ показалось что онъ несправедливъ къ брату, что тотъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ ему услужить; и сквозь горькое оскорбленное чувство опять стала просвѣчивать въ немъ теплая любовь въ далекой семьѣ и вознаніе своей вины предъ нею.

II.

Январь былъ на исходѣ. Ясный, слегка морозный день стоялъ надъ городомъ, и солнце, играя блестками снѣжной пыли поднятой вѣтромъ, грѣло съ голубаго неба почти весенними лучами. Петя Бороздинъ, возвращаясь съ ученія домой, шелъ по одной изъ главныхъ улицъ, какъ вдругъ его окликнулъ господинъ въ мѣховомъ пальто и въ мерлушковой шапкѣ, проѣзжавшій мимо въ саняхъ.

— Петя! Вотъ не ждалъ, не гадалъ! Стой, братъ! крикнулъ онъ извожнику, схвативъ его за кушакъ, и быстро выскочилъ изъ саней.—А ты, Павлукъ, подожди, я сейчасъ, сказалъ онъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ очень еще молодому человѣку съ едва пробивавшимся лущкомъ надъ губой.

Петя обернулся удивленный. Мысли его были далеко; и не веселыя это были мысли, уносившія его совсѣмъ не въ тотъ кругъ воспоминаній къ которому принадлежалъ неожиданно встрѣтившійся съ нимъ товарищъ.

— Здравствуй, Перхуровъ, сказалъ онъ, протягивая руку подходящему пріятелю.—Ты здѣсь какими судьбами?

— По дѣламъ, батенька, какъ это ни странно. Для нашего брата, впрочемъ, когда заводятся дѣла, значить дѣло плохо, неудачно сострилъ онъ, мухо и тускло засмѣявшись. Голосъ у него былъ хриплый и неровный, какой бываетъ даже въ очень молодые годы у людей сильно и рано кутившихъ.—У меня въ сихъ благословенныхъ мѣстахъ имѣньице есть; не очень, знаешь, обширное, а такъ себѣ: тысячи двѣ десятныя будетъ...

— Что же, хозяйничать вздумалъ?

Петя недовѣрчиво, почти брезгливо окинулъ взглядомъ усталое, слегка измятое лицо Перхурова, съ жидкою, недавней отпущенною бородой и тусклыми, изрѣдка однако вспыхивавшими глазами. Лицо это было очень еще молодо, но кое-гдѣ, подъ важными вѣками, по немъ уже сѣткой пробѣгали чуть замѣтныя морщинки, и все оно поблекло, точно съжилось какъ листъ захваченный морозомъ.

Перхуровъ уловилъ этотъ взглядъ.

— Что, братъ? спросилъ онъ насмѣшливо:—находишь должно-быть что поистрепался я немножко? А насчетъ хозяйства—вотъ оно въ двухъ словахъ: пріѣхалъ я имѣніе въ здѣшнемъ банкѣ закладывать. Кто жь изъ нашихъ въ январѣ въ такую гаушь поѣдетъ коли не за этимъ? Такое хозяйство намъ по плечу.

— Такъ ты не надолго?

— А чортъ знаетъ! какъ придется. У меня здѣсь родня водится. Я и теперь вонъ съ троюроднымъ братомъ—ты его не знаешь? Павликъ Княжичъ, сынъ здѣшняго предводителя? Онъ къ вамъ въ юнкера поступаетъ.

Петя покачалъ головой.

— Я васъ сейчасъ познакомлю: онъ готовился въ университетъ, да убоюлся премудрости; захотѣлось въ гусары. Я его конечно въ семъ благомъ намѣреніи поддерживалъ. Только отецъ его Максимъ Богдановичъ деньгамъ счетъ знаетъ и говоритъ: „Шалишь, братъ, коли на военную службу хочешь, ступай въ армію, въ нашъ городъ, а то въ гвардію я за тобой не услѣжу. Больно дорого обойдется“. Ну, мнѣ и было поручено сего лтенца сюда доставить. А славный онъ малый, хотъ и жидокъ немножко для кавалериста. Павлику! крикнулъ Перхуровъ молодому человѣку, все еще терпѣливо

сидѣвшему въ саяхъ,—иди сюда и расплатись съ цыпочкомъ. Мы кстати, обратился онъ снова къ Петѣ,—второемъ сейчасъ позавтракаемъ: у меня глотка совсѣмъ пересохла.

Петя сталъ было отказываться.

— Ну, ну, вотъ вздумалъ! Въ кои-то вѣки олять свидѣльсь, а ты не хочешь меня лотоварищески встрѣтить. Шалашъ!

И обѣими руками онъ обнялъ Петю. Это были замѣчательно сильныя руки, хотя ростомъ Перхуровъ не отличался, и съ перваго взгляда вся его фигура скорѣе казалась дряблою.

Павликъ Княжичъ подошелъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ мало походилъ на будущаго кавалериста. До крайности худощавый, съ блѣднымъ, почти прозрачнымъ лицомъ и несложившимися полудѣтскими чертами, онъ совсѣмъ казался не годился для походной и даже для лагерной жизни. И въ голосѣ его все еще не рѣдко слышались высокія, дѣтскія ноты. Неизвѣстно почему блѣдный худощавый мальчикъ съ нервнѣйшими угловатыми движеніями и мягкой, почти застѣнчивою улыбочкой сильно понравился Петѣ. Должно-быть въ его пользу подкулали замѣчательно искренніе и глубокіе сѣрые глаза,—почти женскіе глаза, столько было въ нихъ мягкости. И въ самомъ дѣлѣ, молодой Княжичъ сильно походилъ на мать, рано умершую въ чахоткѣ.

— Ты стало-быть семейства моего дяди совсѣмъ еще не знаешь? удивленно спросилъ Перхуровъ, когда обнаружилось что Петя не бывалъ въ домѣ Княжича.—Я тебя познакомя, непременно познакомя. Славный человекъ мой дядя, хоть и скупенекъ. Что, Павликъ, скупенекъ палаша?

И Перхуровъ прищурился, слегка уцилинувъ троюроднаго брата выше доктя.

Павликъ ничего не отвѣтилъ, только покраснѣлъ немного. Они пошли второемъ по направленію къ площади гдѣ была лучшая изъ мѣстныхъ гостиниць.

— Да ты здѣсь должно-быть затворникомъ живешь, продолжалъ болтать Перхуровъ,—коли даже съ Максимомъ Богдановичемъ не знакомъ? И ничего ты про себя не рассказываешь. Какъ ты сюда попалъ, какъ живетъ, цволь все выкладывать по порядку.

— Да въ томъ-то и дѣло что рассказывать нечего, сумрачно отвѣтилъ Петя, который въ этотъ день какъ-то особенно мрачно смотрѣлъ на жизнь.—Приѣхалъ я сюда, конечно, не по своей волѣ, а живетъ здѣсь сносно...

— То-есть въ сущности скверно? Эхъ, братъ, совсѣмъ ты раскисъ!

И Перхуровъ съ недоумѣніемъ оглянулъ Петю.—Тебя встряхнуть надо, а то лѣсенью поростешь и самъ не радъ будешь.

А у самого Пети между тѣмъ воскресали мало-по-малу забытыя воспоминанія. Отъ Перхурова вѣяло инымъ, покинутымъ міромъ, и такъ же какъ одно слово произнесенное на лету знакомымъ голосомъ можетъ возсоздать въ памяти цѣлую, давно порванную жизнь, встрѣча съ Перхуровымъ вызвала предъ воображеніемъ Пети длинную цѣль милыхъ и ненавистныхъ, отвратительныхъ, но ласкающихъ образовъ.

Михаилъ Валерьяновичъ или, какъ всѣ его называли, Мишка Перхуровъ былъ рылый, безшабашный кутила стараго закала, какіе въ наши дни встрѣчаются уже не очень часто. Отъ роду ему было всего двадцать семь лѣтъ, но прожилъ онъ столько и денегъ, и ощущеній что инымъ хватало бы на нѣсколько жизней. Воспитывался онъ дома, или вѣрнѣе не воспитывался, а только учился, такъ какъ воспитаніемъ отнюдь нельзя было назвать капризную, иногда грубую, иногда свисходительную ферулу Француза-гувернера, неуча и гулаки, которому родители Перхурова сочли за благо поручить нравственное развитіе своего единственнаго сына. Мальчикъ былъ не лишень способностей, и быстро, неправильными скачками усвоивалъ себѣ учебные предметы, но еще быстрѣе переиначивалъ отъ своего воспитателя ту смѣсь самодовольнаго цинизма съ грубоватымъ лоскомъ, которыми пропитана была его нахальная душенка. Перхуровъ недурно выдержалъ университетскій экзамень, но уже со втораго курса перешелъ юнкеромъ въ полкъ, и съ этой поры не задавалъ себѣ уже никакихъ цѣлей въ жизни кромѣ кутежа на распашку, на всѣхъ парахъ своей дышащей избыткомъ молодости. Физическая сила и здравый смыслъ уцѣлѣли въ немъ однако среди безшабашнаго кутежа. Не уцѣлѣло одно только—состояніе, быстро таившее послѣ ранней смерти родителей. Съ Петей Бороздинымъ онъ сошелся ближе чѣмъ со всѣми прочими товарищами; дружба эта сохранилась и по выходѣ Перхурова изъ полка, когда онъ, сильно запутавъ свои дѣла, рѣшилъ наконецъ что пора одуматься. „Пожилъ, ну и будеть“, говаривалъ онъ себѣ. Онъ охотно—какъ Русскіе это часто дѣлають—подшучивалъ надъ собой, но производилъ это безъ озлобленія и желчи. Онъ не сомнѣвался въ томъ

что толку изъ него не выйдетъ никакого и смотрѣлъ на свое будущее съ той тулою покорностью съ какою морякъ, потерпѣвшій крушеніе, отдается волѣ на удѣлявшей лодкѣ.

— Я съ твоимъ братомъ видѣлся, сказалъ онъ Петѣ, поднимаясь съ нимъ по широкой деревянной лѣтницѣ, гдѣ лощенныя доски и войлочный коверъ носили неизбежныя сабды русской трактирной гравы.—Вотъ въ гору-то идти! Не намъ чета! Этого не свихнется!

И въ этой похвалѣ какъ будто слышалось что-то похожее на презрѣніе.

— Пробовалъ его на твой счетъ разспросить, да ничего не узналъ. Гладокъ онъ такъ что каждый вопросъ отъ него будто откакиваетъ. Дипломатъ настоящій!

Петя и на этотъ разъ ничего не отвѣчалъ, только глаза его заморгали и губы усиленно сжались.

— Я здѣсь остановился, ты знаешь, продолжалъ Мущка Перхуровъ, брезгливо оглядываясь на широкій корридоръ и на красныя отороченныя лица двухъ слугъ откуда-то выскочившихъ имъ на встрѣчу въ заселенныхъ фракахъ.— Не важно тутъ, да въ нашемъ жидовскомъ городѣ лучше не отыщешь. Эй, братъ, окликнулъ онъ одного изъ слугъ,—въ моемъ номерѣ завтракать подать на троихъ! Да чтобы хорошо было!

— Помилуйте-съ, ваше сіятельство, ослабилса слуга, — у насъ все преотличное-съ.

Перхуровъ, разбранивъ порядкомъ гостиницу, заказалъ таки три очень затѣливыя блюда.—Да, я и забылъ, кликнулъ онъ слугамъ:—шампанскаго три бутылки!

Часъ спустя, трое молодыхъ людей доканчивали завтракъ въ обширной комнатѣ Перхурова, наполненной запахомъ табачнаго дыма и рылитаго вина. Разговаривалъ больше хозяинъ, видимо довольный нежданною встрѣчей съ пріятелемъ.

— Полно унывать, Петя! уговаривалъ онъ товарища:—эка бѣда что годъ, другой придется въ этой жидовской глуши прожить. И здѣсь стариной тряхнуть можемъ. Благо я тутъ на цѣлую недѣлю поселился.

— Нѣтъ, братъ. Мнѣ не до старины.

У Пети вдругъ все лицо залилось яркою краской:—я вѣдь пропащій человекъ, совсемъ пропащій!... Ты еще не знаешь... Мнѣ старымъ друзьямъ стыдно на глаза показаться, вотъ что. Я отлѣтый.

Павелъ Княжичъ уставилъ на него удивленный, мракій взглядъ: онъ не понималъ, какъ это дышавшій здоровьемъ молодой малый говорилъ о себѣ какъ объ отцѣгномъ.

— Что жь ты... элитемию на себя наложилъ? засмѣялся Перхуровъ. — Полю, не дури. Я вѣдь тоже, привалясь, гаупотей надѣвалъ порядкомъ и почти все состояніе слусталъ, да видишь—не унываю. Можетъ я безпутный человекъ; ово, конечно, такъ, только я думаю всего безпутнѣе о прошломъ жалѣть.

— Что жь, Мишка! положи руку на сердце, есть вамъ съ тобою про что хорошее вспомнить? Весело ужь такъ было, что ли?

Перхуровъ вздохнулъ.

— Пожалуй что и не очень, сказалъ онъ тихо. — Только когда пошелъ по дорожкѣ — нечего ужь оглядываться. А было кое-что и хорошаго, особливо въ началѣ, какъ бывало на всю волюшку раскутиться; точно вся жизнь, какъ тройка, несется во весь духъ.

И воспоминаніа недалекаго прошлаго вахлынули одно за другимъ. Они заразили и Петю, все сильнѣе дразня его воображеніе. У обоихъ пріятелей все ярче загорались глаза. Они еще болѣе пьянѣли отъ этихъ воспоминаній чѣмъ отъ вылитаго вина. А у молодаго Княжича такъ и искрилось, такъ и лѣвилось въ головѣ.

— Такъ что жь, братъ, тряхнуть намъ стариной что ли? чокаясь съ Петей и вставая, провозгласилъ Перхуровъ: — Если ты хочешь по старому на всю волюшку положить, изволь. Я тебѣ такую компанію здѣсь лодыщу что на весь городъ протрезвонимъ. Я съ тѣхъ поръ какъ третьяго дня пріѣхалъ успѣвалъ ужь кое-съ-къмъ перезнакомиться. Лихіе ребята у васъ тутъ есть! Только ужь не зыщи: компанія не первый сортъ.

Перхуровъ позвонилъ.

— Есть у васъ тутъ кто-нибудь въ залѣ? спросилъ онъ у вошедшаго слуги.

— Какъ же-съ! Господинъ Карасевичъ съ купцомъ Полунинымъ на билліардѣ занимаются.

— А, вотъ эти подождутъ. Зови ихъ сюда! Скажи чтобъ они партію свою дурацкую бросили, что Михаилъ Валерьяновичъ Перхуровъ ихъ спрашиваетъ. Самышшь?

Слуга исчезъ. Минуты черезъ двѣ за дверью послышались крупные тяжелые шаги, и на порогѣ появились Карасевичъ и Полуинъ, а за ними еще третій посетитель, необыкновенно рослый дѣтина въ длинномъ сюртукѣ, съ удивительно дѣтскимъ, глуло-улыбавшимся безбородымъ лицомъ.

— Вамъ угодно было меня видѣть, Михаилъ Валерьяновичъ? съ большимъ достоинствомъ прозвучалъ хриловатый басъ, владѣлецъ котораго молодцовато расшаркался и протянулъ свою неособенно выхоленную руку Перхурову, не вставшему на встрѣчу вошедшимъ. — Самъ-третей на вашъ зовъ явился: позволилъ себѣ къ вамъ пріятеля сюда привести.

И онъ лѣвою рукой указалъ на дѣтину, продолжавшаго улыбаться. — Честъ имѣю рекомендовать: Аггей Алодлоновичъ Кудряшовъ, молодой человѣкъ, можно сказать, достойнѣйшій.

Перхуровъ легкимъ движеніемъ головы выразилъ свое полное равнодушіе къ достойнѣйшему молодому человѣку, который счелъ долгомъ осклабиться во весь свой широкій ротъ. Затѣмъ перезнакомилъ Бороздина и Княжича съ вошедшими.

Мишка Перхуровъ не былъ разборчивъ на знакомство. Отставной ротмистръ Карасевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ много слытавшихъ людей которые почти до гроба толкутся около молодежи, иногда вынося отъ нея далеко не знаки уваженія къ своимъ сѣдинамъ, но за то и пользуясь зачастую невольною данью платимую неопытностью. А Карасевичъ испыталъ очень многое, въ томъ числѣ несравненно больше дурнаго. Онъ зналъ большой толкъ въ лошадахъ, заломъ осушалъ бутылку хотя бы сквернаго вина, былъ отчасти скандалистъ, отчасти шулеръ и, несмотря на видимое нахаальство, въ глубинѣ души совершенный трусъ. Впрочемъ, его необыкновенно длинные усы, которые онъ часто гладилъ, и красныя морщинистыя щеки придавали ему видъ напускной молодцоватости; и должно-быть не со всѣмъ глулымъ былъ онъ человѣкъ, такъ какъ будучи выгнанъ изъ локка и пользуясь скверною репутаціей, онъ умѣлъ кое-какъ уцѣлиться за порядочное общество и поддерживалъ въ немъ съ грѣхомъ пополамъ свое положеніе. Его спутникъ и постоянная его жертва на билліардѣ, сильно напوماженный жасминомъ Левъ Артамоновичъ Полуинъ, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ, былъ однимъ изъ тѣхъ куле-

ческихъ сынковъ которыхъ услѣла по-своему вылощить трактирная цивилизація. Онъ равно ускользнулъ изъ-подъ тяжелой руки „татеньки“, и благополучно скоронивъ главу фирмы „Полуинныхъ“, бойко спускалъ въ разныхъ увеселительныхъ мѣстахъ родные капиталы. Впрочемъ, онъ не былъ лишень природнаго ума, а приобретенный опытъ, да унаслѣдованная купеческая жилка мало-по-малу умѣрали въ немъ пылъ юношеской расточительности.

— Ну-съ, Викторъ Андреевичъ, сказалъ Перхуровъ, исключительно обращаясь къ Карасевичу,—мы васъ сюда призывали чтобы воспользоваться вашимъ знаніемъ здѣшнихъ нравовъ и обычаевъ. Научите насъ, какъ денекъ весело провести. На этотъ счетъ вы, я знаю, спеціалистъ.

Карасевичъ, видя что его не приглашаютъ съѣсть, съ грохотомъ помѣстился на порожнемъ стулѣ и потянулся къ недопитой еще бутылкѣ шампанскаго.

— Позвольте отвѣдать? развязно спросилъ онъ у Перхурова.

— Да что, господа, заговорилъ въ свою очередь Полуинъ,—вина, я вижу, не много остается. Мы тоже на компанію поставить можемъ. Кудряшовъ! окликнулъ онъ дѣтину, все еще стоявшаго у двери,—прикажи, братецъ, еще лодюжины бутылочекъ принести, да живѣ!

— Нѣтъ, ужъ увольте, господинъ Полуинъ, довольно презрительно остановилъ его Перхуровъ.—Здѣсь не трактиръ, а моя комната.

— Какъ вамъ угодно будетъ, недовольнымъ тономъ, тоже усаживаясь за столъ, выразилъ Полуинъ.—Слышишь, Кудряшовъ? Не надо. Господа нашимъ угощеніемъ брезгаютъ.

— Водочки не желаете ли? предложилъ ему Перхуровъ.

— Нѣтъ-съ, благодаримъ. Мы къ этому прохладительному склонности не имѣемъ. Такъ чѣмъ же мы, господа, вамъ можемъ быть полезны?

— Да нельзя ли куда-нибудь за городъ прокатиться? спросилъ Перхуровъ.—Денекъ больно хорошій. Только едва ли у васъ тройки найдутся.

— Какъ-же-съ, какъ-же-съ! все устроить можно, самолично отвѣтилъ Карасевичъ.—Время отлично проведемъ. Ты, я думаю, тоже не прочь, Левъ Артамоновичъ? обратился онъ къ Полуину.

— Мы совершенно къ услугамъ компани, нѣсколько обижено вставляя тотъ.— Дѣла у насъ особеннаго нѣтъ никакого-сь, а увеселительныя заведенія здѣсь не хуже Москвы-сь: и Цыгане есть, и арфистки — можно сказать первый сортъ. Если прикажете, чрезъ полчаса все будетъ. Ямщикъ у меня есть знакомый съ такою тройкой что и въ Петербургѣ вѣдемъ едва ли отыщется.

Чрезъ полчаса у подъезда гостиницы весело звенѣли бубенчики, и лихой ямщикъ, подбоченясь на козлахъ, перекидываясь шутками и бранью съ кучкой извозчиковъ; а пристяжныя, громко фыркая, нетерпѣливо рыли свѣгъ передними ногами. Кудряшовъ, заявившій о своихъ кучерскихъ способностяхъ, занялъ мѣсто ямщика, и подобравъ вожжи, какъ то особенно умно и убѣдительно въ то же время гикнулъ на тройку. Ямщикъ усѣлся радомъ на облучкѣ, равнодушно позѣвывая. Лошади разомъ дрогнули и съ мѣста тронулись ровною, легкою рысью; точно лодка, скользя по ухабамъ, какъ по замерзшимъ волнамъ, сани помесались за городъ. Вѣда становилась все быстрее. Пристяжныя перешли въ галопъ, беззвучно поднимая свѣгъ по дорогѣ, словно овѣ и не ударили копытами о землю. Точно духомъ, шута и играя, свѣжій вѣтеръ обдавалъ путниковъ бѣгущею бѣлою пылью. Исчезли дома; послѣдняя соломенная крыша пригородной Слободы скрылась за пригоркомъ, и яркое бѣлое море съ голубоватыми отливами раскинулось безконечною далью. День ужъ склонялся къ вечеру, и рѣзкое январское солнце, косо ложась своими лучами на свѣжнюю скатерть, странно чертило по ней, точно складки, длинныя, блѣдныя тѣни; а морозный вѣтеръ такъ и щипалъ лицо, но ужъ не съ гнѣвною размахистостью первыхъ морозныхъ дней, а почти съ лаской, точно весенняя вѣга заранѣе слышалась въ немъ и таяло отъ нея его суровое дыханье. Когда чувствуешь на лицѣ эту живую струю прощальныхъ морозовъ и скачешь во весь духъ по безконечной свѣжной дорогѣ, точно и не знаешь куда она ведетъ,—да и не зачѣмъ это знать, такъ хорошо нестись къ невѣдомой цѣли—жизнь какъ то бодрѣе стучитъ въ груди и струится по жиламъ: и ее тоже тянетъ все болѣе въ ширь; ей тоже хочется безпредѣльнаго пространства и быстрога пути къ невѣдомой цѣли; вся она какъ бы поднимается тономъ выше, и среди бѣлизны

свѣжыхъ полей все кажется бѣже и чище, и въ самый разгулъ вливается свѣжая, очистительная струя.

Петя вспоминалъ свои ранніе годы, свои первыя полуреспублическія забавы, которымъ не дала еще загрязниться петровутая свѣжесть молодости. На него лхнуло старинной и точно: смыло тяжелыя воспоминанія въ которыхъ столько было стыда и грязи, и вся его телерешная обетановка, самое то дрянное общество съ которымъ онъ теперь сошелся, будто перестали для него существовать, точно ихъ обѣлала петровутая чистота свѣжной равнины и золотили яркіе лучи вечерняго солнца. Но вотъ показались деревья. Еще нѣсколько минутъ, и тройка подкатила къ низенькому крыльцу одностаянаго неказистаго строения. Петя словно очнулся: онъ забылъ куда и зачѣмъ они поѣхали. Еще нѣсколько мгновеній, и вмѣсто свѣжаго воздуха ихъ окружаетъ тяжелая духота загороднаго трактира, наполненная вѣдкимъ запахомъ кухни, дыма и табаку и тѣмъ несмываемымъ осадкомъ что оставляетъ за собою на слѣдующіе дни остывшіи угаръ ночныхъ пирушекъ. Все это тоже давно знакомое, давно оплошанное и надѣвшее; и здѣсь оно какъ будто еще пошлѣе и отвратительнѣе чѣмъ прежде. Но Петя нѣкогда уже повѣрять впечатлѣнія. Мутная волна знакомаго разгула охватила его, и онъ отдался ей, точно закрывая глаза, какъ это иногда дѣлають бросающіеся въ море. Да ему и казалось можетъ-быть что съ него были сняты давившія его узкія рамки одинокой жизни въ чужомъ городѣ, что кровь его снова молодо забилась и какая-то искристая лѣна залила его мозгъ; а въ такія минуты не бываешь разборчивъ на ощущенія.

Прошло уже нѣсколько часовъ. Свѣчи давно горѣли на столахъ. На лицахъ было какое-то тупое возбужденіе. Цыгане вало пролѣтали въ послѣдній разъ, и лѣживо звучали струны гитары, по которымъ иногда какъ бы дрожью пробѣгалъ аккордъ. Утомленное пресыщеніе стояло въ самомъ воздухѣ душевной комнаты. Голоса охрипли, глаза мутно глядѣли. Свѣтъ мѣсяца слабо проникалъ сквозь опущенныя занавѣси, будто онъ стыдился посылать свои чистые лучи въ загрязненную комнату. На сорномъ полу валялись окурки лаяпирокъ наряду съ осколками двухъ-трехъ разбитыхъ стакановъ. И на осумнувшихъ лицахъ, и на залачканной скатерти, на которой среди остатковъ ужина стояли опорожненныя бутылки, и въ самомъ воздухѣ чувствовался какой-то

тажелый утопаемый беспорядокъ. Лизъ Полунавъ съ рождаемыми, хоть и тусклыми глазами подумелъ на лоншенномъ диванѣ, лѣживо, почти неохотно обнимая какую-то нарумявленную женщину. Карасевичъ все еще усердно подпихивалъ молодого Княжича. Бѣдный Павликъ все еще бодрался изъ самолюбія, хоть у него немилосердно болѣла голова, и непривычная для него обстановка вызывала въ немъ съ трудомъ подавляемое чувство омерзѣнія. Молодець Кудряшовъ куда-то исчезъ. Петя сидѣлъ въ углу, облокотясь на столъ, и сквозь полузакрытыя вѣки съ тупымъ отвращеніемъ глядѣлъ на безобразную изванку потухшаго веселья. Одному только Перхурову не измѣнили нервы, и равнодушно, безъ удовольствія, но и безъ гадливости онъ оплохотно сидѣлъ, небольшими глотками доливая стаканъ вина. Вдругъ Петя оставилъ свой отуманенный взглядъ на молодомъ Княжичѣ, и его поразила мертвенная блѣдность болѣзненно удлинившагося лица, на которомъ странно игралъ среди тускнѣвшаго пламени свѣчь голубоватый лучъ мѣсяца.

— Павликъ, сказалъ онъ подходя и дотрогиваясь до плеча молодого человѣка,—полно, перестань лить: тебѣ нездорово.

— Будущему гусару-то нездорово? съ хриплымъ смѣхомъ отозвался Карасевичъ.

— Оставь меня! Чтò мнѣ сдѣлается? вспыхнувъ воскликнулъ молодой Княжичъ, тронутый живо замѣчаніемъ Карасевича, хотя онъ бы радъ былъ отдѣлаться отъ своего непрошеннаго ментора въ великомъ искусствѣ молодецки напиваться.

— Не дури! настаивалъ Петя:—кого ты удивить хочешь? На тебѣ лица нѣтъ. Стыдно вамъ, Карасевичъ! Оставьте его въ покоѣ.

Карасевичъ что-то пробормоталъ на счетъ молокососовъ, которые старшихъ учить хотять; но Петя этого не расслышалъ. Юноша тоже хотѣлъ протестовать во имя своей будущей гусарской отваги, но Петя напрямикъ объявилъ что онъ не допуститъ этого безобразія, что нельзя же бѣднаго мальчика подпихивать до полусмерти, и выхватилъ изъ рукъ Княжича лонный стаканъ шампанскаго, только-что налитый предъ тѣмъ Карасевичемъ.

— Вдемъ, Перхуровъ! Пора. Точно становится.

— Пожалуй что и давно пора, лѣживо потянувшись, отвѣчалъ Перхуровъ и, не обращая ровно никакого вниманія на

оставшихъ, приказалъ подавать тройку. Хватились Кудрашова. Дѣтина былъ отысканъ въ соседней комнатѣ на полу, подъ столомъ, гдѣ онъ покоился во свѣ невинности. Его богатырскую мощь подкосила-таки очищенная. Онъ настоялъ однако на томъ чтобъ ему снова дали править. Сперва все шло отлично. Но вдругъ свѣжій воздухъ должно-быть разомъ ольявилъ Кудрашова, вожжи у него выпали изъ рукъ, и рослый молодецъ соскочивъ съ козелъ бухнулся на бѣлую, свѣжнюю скатерть.

— Ящичекъ, бери вожжи, каккнулъ Полуничъ.—Пусть онъ себѣ валяется тутъ, подбирать не станемъ. Небось — не замерзеть.

Тройка понеслась далѣе. Теперь и тѣни веселья ни у кого не осталось; былъ только на душѣ какой-то осадокъ тупаго, гнетущаго воспоминанія. Въ мертвомъ молчаніи доѣхали до города, среди безмолвія свѣжней равнины, и еще болѣе застывшее казалась она подъ холоднымъ блескомъ мѣсяца, который одинъ только бодрствовалъ, тихо плывя по черному небу, среди полнаго, гробоваго затишья.

III.

Жизнь Пети Боровадина рѣзко измѣнилась. Какъ ни претили ему люди съ которыми свелъ его Перхуровъ, онъ втянулся въ ихъ общество, какъ втягиваетъ трясина охотника неосторожно ступившаго въ нее ногой. Петю охватило какое-то самозабвеніе. Онъ на все махнулъ рукой и, очертя голову, окунулся въ ту грязь и тину отъ которыхъ сперва его отдавало чувствомъ гадливости. Мало-по-малу онъ пересталъ ощущать ихъ отвратительное прикосновеніе. Его тянуло внизъ, какъ лудовая гиря, чувстве стыда за свое прошлое и сознаніе того что не годится онъ для иной жизни и для иного, лучшаго общества. Онъ и не боролся съ этимъ сознаніемъ. Съ каждымъ днемъ ему все необходимѣе становилось то мутное ольявленіе которому онъ отдавался. Небольшія его деньги быстро таяли, и его даже не смущало ужъ то что Полуничъ, замѣтно польщенный сближеніемъ съ нимъ, сталъ довольно охотно расплачиваться за всѣхъ, хотъ и вымещалъ иногда свою щедрость на товарищахъ довольно прозрачными намеками. Но Петя и не примѣчалъ этихъ намековъ. Какое-

то нравственное отупѣніе охватало его. Въ полку знали о его новыхъ знакомствахъ и сторонились отъ него съ официальной безразличностью. Полковникъ ему раза два замѣтилъ что офицеру Сѣвскаго полка не годится въ такой компаніи проводить ночи напролетъ. Невеходкій ему чаще, но мягко и подружески, тоже выговаривалъ. Сперва Петя слушалъ его съ тупымъ равнодушіемъ, потомъ началъ запальчиво отвѣчать старику, и Невеходкій пересталъ къ нему заходить. Даже Перхуровъ, котораго два задержали въ губернскомъ городѣ, принялся ему давать залоздалые совѣты.

— Пойми же, Петя, говаривалъ онъ ему, — съ такимъ народомъ можно кутить разъ, другой: къ намъ ихъ грязь не прилипнетъ; но дружить съ ними, это, воля твоя, совсѣмъ иное дѣло: просто неприлично.

— Эхъ, Мишка! Чего тутъ толковать! Говорилъ я тебѣ: пропаций а человекъ. Туда мнѣ и дорога! Самъ знаю, какова эта компанія... Да не ты ли впрочемъ меня съ ними познакомилъ?

— Познакомилъ — да; но за то и отсталъ. Сунься теперь ко мнѣ этотъ Карасевичъ съ Полушинымъ! А у тебя они теперь друзья закадычные. Ну, да не мнѣ тебя учить: не гожусь я въ учителя. Только вотъ въ чемъ бѣда: бѣднаго Павлика они тоже втянули. Пропадетъ у нихъ мальчикъ, совсѣмъ пропадетъ! А это наша вина...

— Да я его отговариваю, сколько могу, сумрачно отвѣтилъ Петя.—Что съ нимъ подѣлаешь? Вбилъ онъ себѣ въ голову что въ кутежѣ съ этимъ народомъ есть какое-то молодечество...

И въ самомъ дѣлѣ Петя старался какъ могъ оградить Павлика отъ растлѣвающей среды въ которую онъ помогъ его втолкнуть. Мальчикъ ему нравился, и Петю мучило сознаніе какой-то отвѣтственности за тотъ физическій и нравственный вредъ который могло ему причинить злостное общество Карасевича съ братьей. И Павликъ къ нему тоже привязался. Ни тотъ, ни другой не могъ бы сказать что ихъ тянуло другъ къ другу. Павлику въ полку очень обрадовались. Онъ былъ единственный сынъ одного изъ самыхъ богатыхъ и видныхъ людей въ губерніи, и несмотря на то что ему было всего восемнадцать лѣтъ и что онъ носилъ юнкерскій мундиръ, офицеры не скрываясь за нимъ ухаживали. Можетъ-быть самое это ухаживанье отталкивало юношу отъ нихъ и заставляло его искать сближенія съ тѣмъ самымъ полко-

вымъ товарищемъ который у прочихъ былъ на дурномъ счету. И никого изъ офицеровъ Павликъ такъ усердно не зазывалъ въ домъ отца какъ Петю Бороздина. А Петя упорно отказывался знакомиться съ семействомъ Княжича. Теперь особенно, когда прежняя буйная жизнь снова увлекла его, да еще въ добавокъ въ зачумленный міръ, Петя еще болѣе дичился, и войти въ домашнюю среду, гдѣ онъ встрѣтитъ не такихъ женщинъ съ которыми онъ видѣлся въ обществѣ Полунина, ему казалось чѣмъ-то совсѣмъ непозволительнымъ, почти недостойнымъ. Онъ зналъ что у Павлика есть сестра годомъ его старше, которую называли красавицей и о которой мечтали честолюбивые молодые люди ищущіе богатыхъ невѣстъ. Дѣвушка эта—онъ мелькомъ встрѣтилъ ее раза два на улицѣ—казалась ему существомъ высшимъ, недосягаемымъ для него. Петю такъ поразила лучистая кротость свѣтившаяся въ карихъ глазахъ Вѣруси Княжичъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ гордая чистота ея задумчиваго лба и правильныхъ дугъ ея бровей, что онъ относился къ ней съ чувствомъ какого-то боязливаго поклоненія. Быть у нея въ домѣ, говорить съ этою дѣвушкой запросто, онъ считалъ для себя почему-то совершенно невозможнымъ. Въ прежніе годы въ Петербургѣ, когда ему случалось знакомиться съ молодыми дѣвушками, онъ относился къ нимъ съ какимъ-то лугливымъ равнодушіемъ, мало замѣчая ихъ и не добиваясь сближенія съ ними. Теперь было уже не то: Петя думалъ что самъ онъ спустился гораздо ниже, а Вѣрусю Княжичъ зато являлась ему какъ дѣвушка совершенно отличная отъ тѣхъ съ которыми онъ прежде встрѣчался урывками. Ея лицо, быть-можетъ одно изъ всѣхъ лицъ подобныхъ ей дѣвушекъ, отразилось въ его воображеніи; но потому именно что она настолько лучше и выше остальныхъ, онъ думать не смѣлъ о знакомствѣ съ нею. И Петя уклонялся ото всѣхъ приглашеній молодого Княжича. Его за то онъ полюбилъ горячо. Въ молодые годы часто случаются такіа безпричинныя сближенія. Кто знаетъ, однако, можетъ-быть образъ его сестры мерещился Петѣ иногда въ мягкомъ взглядѣ сѣрыхъ близоручихъ глазъ Павлика, такъ непохожихъ на глубокіе ясные глаза Вѣруси.

Одно въ особенности безлокоило Петю: молодой Княжичъ сталъ вести крупную игру. Разумѣется, онъ проигрывалъ и вслѣдствіе того все болѣе зарывался. Отецъ мальчика не

отличался щедростью къ сыну, и своихъ денегъ у Павлика было не много; а признаться отцу въ проигрышъ онъ не смѣлъ. Но Карасевичъ зато охотно предлагалъ ему свои добрыя услуги для облегченія уплаты карточныхъ долговъ, и темневскій ростовщикъ изъ Евреевъ охотно осуждалъ ему деньги по пяти процентовъ въ мѣсяцъ. Сперва это были не крупныя суммы—Карасевичъ велъ свое дѣло осторожно—и доставлялись онъ съ полною готовностью единственному наследнику богатаго отца. Но искушеніе дѣйствовало все сильнѣе. Доступность кредита и въ то же время желаніе отыграться и страхъ предъ отцомъ все болѣе влутывали Павлика въ долги. Еврейчикъ сталъ мало-по-малу находить затрудненія, и съ пяти процентовъ перешелъ къ десяти; вмѣстѣ съ тѣмъ росли постепенно и проигрыши. Повторялись эти проигрыши съ такимъ постоянствомъ что Петю взяло сомнѣніе: не ведетъ ли Карасевичъ игру навѣрняка. Въ кружкѣ его къ тому же появились двѣ совсѣмъ ужъ загадочныя личности: одинъ восточный уроженецъ, нѣкто Назаръ Назаровичъ Хевсуровъ, человѣкъ неопредѣленныхъ занятій, съ блестящимъ брилліантовымъ перстнемъ и не менѣе блестящими пряткими глазками; да еще одинъ старикъ съ длинною бѣдою бородой и удивительно почтеннымъ видомъ, сильно напоминавшимъ библейскихъ патриарховъ. Можетъ-быть онъ и былъ библейскаго происхожденія, хотя имя его Илья Рафаиловичъ Печенѣговъ и не обличало родства съ двѣнадцатью колѣнами. Господа эти неизмѣнно участвовали въ азартной игрѣ, за которую чуть ли не каждую ночь почтенная компанія усаживалась то въ квартирѣ Полунина или Карасевича, то въ одномъ изъ городскихъ трактировъ, а оба представителя загадочныхъ національностей относились къ Павлику съ какою-то поразительною нѣжностью, трогательно оплакивая его несчастіе. Пета сталъ присматривать за Карасевичемъ. Самъ онъ не игралъ никогда. Одинъ видъ карточного стола вызывалъ въ немъ какое-то омерзительное и въ то же время тревожное чувство. А между тѣмъ онъ почти не отрывался отъ играющихъ. Онъ хорошо зналъ продѣлки цыгъ игроковъ: за свою опытность онъ платился дорогою цѣной. Разъ, въ самый разгаръ Масляницы, все общество, въ которомъ Пета не переставалъ участвовать, хотя въ немъ все сильнѣе накопала презрительная ненависть къ этому обществу, собралось въ десятомъ часу вечера у Полунина. Карасевичъ съ Павликомъ и съ двумя

уроженцами дальнихъ странъ усѣлись за партію макао. Петя Бороздинъ помѣстился за угломъ стола возлѣ своего молодого пріятеля. Хозяинъ не игралъ. Полуиниъ не любилъ карты, предпочитая болѣе вѣрные барыши коммерціи. Онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатамъ, изрѣдка подходя къ карточному столу.

Очередь держать банкъ была за Карасевичемъ. Крупныя ставки противъ него дѣлалъ одинъ Павлицъ. Прочіе играли только для виду, благоразумно устраниаясь послѣ небольшого проиграннаго куша. За то Павлицъ лихорадочно возвышалъ ставки. Карасевичъ уже шесть разъ сдавалъ, и счастье ему не измѣняло. Лицо его однако не выражало сколькоугодно торжества. Можетъ-быть его нѣсколько смущалъ устремленный на него пристальный взглядъ Пети; только руки его замѣтно дрожали и губы судорожно сжимались. Петя уговаривалъ молодого человѣка не упрорствовать, но Павлицъ залапчиво отвѣчалъ ему съ какимъ-то отчаяніемъ, записывая на зеленомъ сукнѣ все болѣе крупныя цифры.

— Идутъ двѣ тысячи, хриплымъ голосомъ закричалъ онъ послѣ шестой сдачи, и мѣлокъ раскрошился въ его рукѣ— такъ сильно надавилъ онъ имъ грязное сукно стола.

— Брось, Павлицъ! Ты съ ума сошелъ! весь покраснѣвъ отъ волненія, сказалъ вполголоса Петя Бороздинъ.

— Отстань! Я знаю что дѣлаю, нетерпѣливо возразилъ Павлицъ.—Ну-съ, идетъ что ли? почти вскрикнулъ онъ, обративъ въ сторону Карасевича свое блѣдное тонкое лицо.

На этотъ разъ Карасевичъ почему-то самъ не обнаружилъ желанія продолжать игру.

— Я передаю банкъ, произнесъ онъ тихо и мѣрно.

— Нѣтъ-съ, позвольте! Вы должны мнѣ дать отыгратъся, вслыхнулъ Павлицъ.

— Вы и безъ того въ сильномъ проигрышѣ, съ проницательскою мягкостью настаивалъ Карасевичъ.—Я гораздо васъ старше и долженъ васъ удержать, коли вы сами....

— Пожалуста безъ совѣтовъ! перебилъ его Павлицъ.

Карасевичъ положилъ талію на столъ и съ достоинствомъ возразилъ:—А позвольте узнать, Павелъ Максимовичъ, чѣмъ заллатите вы въ случаѣ новаго проигрыша?

Павлицъ не помнилъ себя отъ гнѣва и уже не былъ въ состояніи взвѣшивать слова.—Это не ваше дѣло, почти закричалъ онъ надерваннымъ голосомъ:—довольно кажется

моихъ денегъ перешло! къ вамъ, чтобы вы мнѣ дали хоть на этотъ разъ отыграться.

Странное дѣло! При всемъ достоинствѣ и уваженіи къ себѣ, которыми отличался Карасевичъ, онъ не почувствовалъ себя оскорбленнымъ, только пальцами правой руки онъ проводилъ по краямъ таліи, съ легкимъ трескомъ щелкая картами. Петя сообразилъ что Карасевичъ должно-быть имѣть свои причины отказывать Павлику.

— Нахожу страннымъ что вы не соглашаетесь, Викторъ Андреевичъ, съ явною враждебностью замѣтилъ онъ.—Вы кажется не рискуете проиграться сегодня.

Карасевичъ продолжалъ лихо щелкать колодой.—Когда вы, господа, непременно того хотите, сказалъ онъ, встрахивая плечами,—извольте, а пожалуй согласенъ.

Онъ принялся сдавать. Уроженецъ Востока и библейскій патріархъ отъ картъ отказался. Княжичъ взволнованно заглянулъ въ свою и показалъ ее Петѣ. Карта эта была двойка. Карасевичъ съ улыбкой на губахъ спросилъ у Павлика, желаетъ ли онъ другую? Вторая двойка, на этотъ разъ открытая, легла рядомъ съ первой. Секунды двѣ Павликъ недоумѣвалъ что ему сдѣлать. По лицу Карасевича пробѣжало тревожное выраженіе. Павликъ хотѣлъ уже прикупить третью карту, какъ Петя Бороздивъ, подмѣтивъ это выраженіе, остановилъ его.

— Не бери, не надо, сказалъ онъ пріятелю вполголоса.

Густыя брови Карасевича сдвинулись; онъ не сумѣлъ даже скрыть, до какой степени его поразилъ отказъ Павлика. Длинные его усы задрожали надъ губой, а рука, державшая талію, затряслась.

— Вы больше не хотите картъ? спросилъ онъ удивленнымъ, едва не оборвавшимся голосомъ.

— Нѣтъ, съ усиленіемъ проговорилъ Павликъ.

Патріархъ и Хевсуровъ переглянулись, какъ переглядываются сообщники не посвященные во всѣ тайны заговора. Дрожащими пальцами Карасевичъ откинулъ верхнюю карту колоды и бережно положилъ ее на столъ. Карта оказалась девяткой. Потомъ онъ перевернулъ ту которая лежала ближе къ нему—это была фигура. Девятнадцать, сказалъ онъ нетвердымъ голосомъ. Я снова выигралъ... мнѣ право совѣстно...

Пальцы его между тѣмъ не отнимались отъ вскрытой девятки, какъ бы желая защитить ее. У Павлика вырвалось неясное, отчаянное восклицаніе...

— Позвольте, господа, сказалъ Петя, все время не слухавшій глазъ съ Карасевича:—я долженъ попросить Виктора Андреевича показать намъ поближе вотъ эту девяточку, которую онъ не выпускаетъ изъ руки.

— Чего тутъ показывать? Вы ее и безъ того видите, полу-гвавно, полупштуливо возразилъ Карасевичъ.

Петя не сдерживался болѣе: онъ всталъ и схватилъ Карасевича за руку.—Я требую чтобы вы ее показали, потому что подъ нею лежатъ друтая. Я видѣлъ, какъ вы разомъ вскрыли двѣ карты.

На лицахъ двухъ клеветовъ Карасевича выразилась тулой ужасъ. Молодой Княжичъ, не появшій въ чемъ дѣло, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Петю. Хозяинъ дома, подошедшій къ столу, попробовалъ вмѣшаться.

— Что вы это говорите, господина Бороздинъ?..

— Это ни на что не похоже, съ оскорбленнымъ достоинствомъ произнесъ Карасевичъ, видимо пріободрившійся отъ этого заступничества.

— Я говорю, отчеканилъ Петя,—что вы намѣренно вскрыли двѣ карты, потому что на самомъ дѣлѣ вы проиграли. Да показывайте же! Всѣ сейчасъ убѣдятся кто изъ насъ правъ.

На секунду всѣ какъ бы оцѣлѣвали. Петя, выведенный изъ себя, грубо оттолкнулъ руку Карасевича: девятка соскользнула съ мѣста, подъ нею оказался тузъ.

— Негодай! воскликнулъ Петя;—у васъ двадцать, а не девятнадцать очковъ.

Карасевичу телерь уже не зачѣмъ было прикидываться оскорбленною невинностью.

— Вы мнѣ за это отплатите, бѣшено воскликнулъ онъ вскакивая съ мѣста.—Вы оба!.. И какъ могли вы себѣ позволить, обратился онъ уже къ одному Петѣ,—давать Павлу Максимовичу совѣты? Это противъ всѣхъ правилъ игры.

— Противъ шулеровъ все позволено, спокойно возразилъ Петя. Въ голосѣ его слышалось уже одно только презрѣніе.

Хевсуровъ и патріархъ тоже встали и старались какъ бы съежиться. „Мы тутъ не причемъ; къ намъ это не относится“, словно говорили ихъ оторопѣлыя лица. Одинъ Полунавъ еще разъ захотѣлъ вступитья.

— Такія выраженія! въ моемъ домѣ! Вы забываетесь, строго произнесъ онъ.

Карасевичъ успѣлъ однако вернуть себѣ утраченное самообладаніе, и что-то похожее на злорадную улыбку показалось на его телестыхъ губахъ.

— Не виѣшивайся, милый мой, сказалъ онъ подружески, взявъ за локоть Полунина:—я и безъ тебя справляюсь съ этими господами. Съ вами, Бороздинъ, мы разчитается поспѣ. Но прежде всего мнѣ бы хотѣлось знать какъ смотритъ на свои обязательства ко мнѣ господинъ Княжичъ?

Послѣднія слова, обращенныя къ Павлику, Карасевичъ произнесъ уже совершенно нахально.

— Мои обязательства? вставая отвѣтилъ молодой человекъ.—Теперь, я думаю, довольно ясно...

Онъ посмотрѣлъ на Петю какъ бы ища совѣта.

— Совершенно ясно, перебилъ его Карасевичъ.—Я согласенъ считать послѣднюю сдачу недействительною; а затѣмъ я предоставляю вамъ на выборъ: либо заплатить мнѣ двѣ тысячи, потому что, понимаете, я болѣе играть съ вами не желаю, либо...

Но у Павлика тоже должно терпѣніе.

— Вы мнѣ ставите условія! воскликнулъ онъ.—Вы ждете отъ меня уплаты! Да вы съ ума сошли! И говорите еще что играть больше не намѣрены! Да какой же порядочный человекъ съ вами-то играть будетъ?

— Павликъ, что съ нимъ толковать? вмѣшался Петя.— Пойдемъ, намъ здѣсь дѣлать нечего.

— Нѣтъ-съ, позвольте; всего одну секунду, уже съ полною увѣренностью произнесъ Карасевичъ.—Вы стало-быть, Павелъ Максимовичъ, заплатить не желаете?

— Нѣтъ; потому что васъ считаю...

— А чортъ ли мнѣ въ томъ за кого вы меня считаете. Должно-быть ужъ очень хорошо васъ батюшка воспиталъ что карточныхъ долговъ вы не признаете. А въ иномъ удовлетвореніи по крайней мѣрѣ, я думаю, вы мнѣ не откажете?

— Какого вамъ еще удовлетворенія надо?

Карасевичъ присакился и проговорилъ съ большимъ достоинствомъ:

— Да того какое всякій порядочный человекъ долженъ дать за нанесенное оскорбленіе.

— Онъ васъ ничѣмъ не оскорбилъ, послѣдшне вмѣшался Петя.

— Я считаю себя оскорбленнымъ отказомъ господина Княжича заллатить. Или можетъ-быть господинъ Княжичъ слышкомъ еще молодъ чтобъ отвѣчать за свои дѣйствія?

Все восемнадцатилѣтнее самолюбіе Павлука въ немъ теперь закипѣло.

— Я докажу вамъ что я не мальчикъ, закричалъ онъ,—я..

— Вы стало-быть принимаете мой вызовъ? спокойно продолжалъ Карасевичъ.—Или вы можетъ-быть храбры на словахъ только?

— Я самъ васъ вызываю! совсѣмъ уже погеройски закричалъ Павлукъ.

Карасевичъ ему поклонился съ торжественною насмѣшливостью.

— Когда же вамъ будетъ угодно? спросилъ онъ.

— Павлукъ, да ты бредишь что ли? въ свою очередь воскликнулъ Петя.—Тебѣ съ нимъ драться? съ этимъ мерзавцемъ?

— И до васъ очередь дойдетъ, не безпокойтесь, совсѣмъ уже расхрабрился Карасевичъ.—А теперь я имѣю дѣло съ господиномъ Княжичемъ. Такъ какъ же-съ, Павелъ Максимовичъ? обратилась онъ уже къ юношѣ.—Когда же намъ сойтись, такъ-сказать, на полѣ брани? Я думаю, денегъ намъ обождать, хотъ бы для приисканія секундантовъ.

У Пети новая мысль вдругъ блеснула въ головѣ, и мигомъ сложилась въ рѣшеніе.

— Нѣтъ ужъ, господа, объявилъ онъ,—коли драться такъ сегодня же, сейчасъ. Откладывать нечего. А секундантомъ Княжича буду я, если онъ пожелаетъ, конечно.

— Еще бы! Спасибо, Петя, спасибо! возбужденнымъ голосомъ воскликнулъ юноша.

Карасевича повидимому не обрадовала эта близость развязки, и Петя Бороздинъ тотчасъ подмѣтилъ этотъ отгѣнокъ на его лицѣ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, господа, принимаясь крутить усы лѣвою рукой, не совсѣмъ рѣшительно произнесъ Карасевичъ.—Только все это совсѣмъ не согласно съ настоящими правилами дуэли.

— Ну, правила къ чорту! воскликнулъ Петя, совершенно убѣжденный теперь что онъ нашелъ средство избавить Павлука отъ опасности неравнаго боя съ Карасевичемъ.—Я, какъ секундантъ Княжича, сейчасъ порѣшу съ вами всѣ условія поединка. А вы ужъ тамъ приискивайте кого угодно въ

секунданты. Княжичу, разумѣется, незачѣмъ присутствовать при нашихъ переговорахъ. Поѣзжай ко мнѣ, Павликъ, скажешь оны юношѣ;—черезъ часъ я возвращусь съ отвѣтомъ.

Павликъ горячо пожалъ ему руку.

— Повторяю, это совершенно противно вѣснмъ правиламъ, все еще протестовалъ Карасевичъ. Но его не поддерживалъ никто, даже Полуининъ; а оба его загадочные клеветы давно улизнули, незамѣченные среди переломовъ.

— Какія же будутъ ваши условія? спросилъ Карасевичъ, когда дверь затворилась за Павликомъ.

Петя нѣсколько секундъ прождалъ, не отвѣчая, пока молодой Княжичъ вышелъ изъ квартиры Полунина.

— А вотъ какія, рѣзко воскликнулъ онъ тогда, во весь ростъ выправившись предъ Карасевичемъ:—а этой душой не долущу! Понимаете? Не долущу!

Карасевичъ невольно отступилъ предъ нимъ на нѣсколько шаговъ; онъ былъ такъ изумленъ этимъ неожиданнымъ поворотомъ дѣла что не нашелъ отвѣта.

— А! вы думали, продолжалъ Петя,—что я вамъ позволю убить или искалѣчить этого ребенка? Нѣтъ, ужъ коли вы драться непремѣнно хотите, такъ будете драться со мной, а не съ нимъ.

— Нѣтъ, ужъ позвольте.

Карасевичъ принужденно разсмѣялся.—Господинъ Княжичъ принялъ мой вызовъ и баста. Будь чтó будетъ. .

— Какъ будто вы ужъ такъ рветесь своей любовью подъ дуло подставляять. Я вотъ всячески въ глаза васъ бранилъ, а со мной что-то вамъ не охота стрѣляться. Да и съ Павликомъ, я думаю, коли бы вамъ предложили заплатить эти деньги что вы украсть собирались, вы бы не особенно настаивали на дуэли. Не изъ-за того ли вы ее и оттянуть хотѣли чтобы Максимъ Богдановичъ про нее узналъ и со своимъ кошелекомъ явился на выручку единственнаго сына?

Полуининъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на своего пріятеля. Хотя самъ онъ былъ не высокаго мнѣнія о Карасевичѣ, но за труса онъ его не считалъ. А теперь этотъ бахвалъ и бреттеръ въ его присутствіи свосилъ дерскія слова Пети и какъ будто даже отступалъ передъ угрозой поединка съ нимъ.

— Карасевичъ, да коли на то пошло, оскорбилъ тебя по настоящему господинъ Бороздинъ, а вовсе не Павелъ Максимовичъ, олять вмѣшался въ объясненія Полуининъ.

— Ужь это мое дѣло, мой любезный, отвѣчалъ тотъ.—А съ вами, обратился онъ къ Петѣ,—мы разчитаемся послѣ.

— Такъ я васъ заставляю драться коли вы трусите, закричалъ на него Петя, все ближе подступая къ нему.—Много вамъ чести, коли правду сказать, да нечего дѣлать: самъ виноватъ что съ такимъ народомъ связался.

Сильною рукой онъ схватилъ Карасевича за плечо и такъ его тряхнулъ что тотъ закачался.—Слышите ли? Заставлю! А коли все-таки не захотите—стоить мнѣ кому слѣдуетъ заявить о вашихъ карточныхъ продѣлкахъ и придется вамъ познакомиться съ казенною квартирой и съ арестантскимъ столомъ.

Подѣйствовала ли на Карасевича эта угроза или затѣлась въ немъ слабая искра самолюбія, только онъ вдругъ перемѣнилъ рѣшеніе.

— Ну, такъ и быть, воскликнулъ онъ весь зеленый отъ злости.—Давайте драться. Только знайте: я вѣдь стрѣляю навѣрняка.

— Наконецъ-то рѣшились! Только мѣшкать ужъ нечего, воля ваша. Сегодня же на разсвѣтѣ за городомъ. Вы знаете, вѣѣво отъ большой дороги, на третьей верстѣ есть рощица за оврагомъ почти надъ рѣкой. Тамъ я васъ буду ждать съ Перхуровымъ въ семь. Вамъ цѣлыхъ пять часовъ остается чтобъ отдохнуть и приискать секундантовъ.

Карасевичъ уже не возражалъ, и круто оборвавъ разговоръ, Петя Боровдинъ лоторолился уйти, не простившись даже съ хозяиномъ. Подумивъ ужъ слишкомъ явно привалъ сторону Карасевича.

Нехорошо было на душѣ у Пети когда онъ очутился на улицѣ, ярко залитой косыми холодными лучами мѣсяца. Онъ не сожалѣлъ о своемъ поступкѣ: заслонить собою Павлука, едва умѣвшаго держать въ рукѣ листодегъ, казалось ему до такой степени естественнымъ что онъ на этотъ счетъ ни минуты не колебался. Онъ не задумывался и надъ исходомъ дуэли, хотъ и зналъ хорошо что Карасевичъ слыветъ за отличнаго стрѣлка. Ему претило сознаніе того что столько времени провелъ онъ съ людьми представшими теперь предъ его глазами въ такомъ безобразномъ свѣтѣ. Ему до тошноты было противно воспоминаніе объ этихъ людяхъ и о самой причинѣ разрыва съ ними, какъ будто и его тоже забрызгала ихъ нравственная грязь.

IV.

Петя засталъ Перхурова уже въ постели. Недовольный тѣмъ что его разбудили, Перхуровъ сперва принялся брюзжать и съ просонья даже не разобралъ хорошенько чего хотѣлъ отъ него товарищъ. Да и Петя не торопилась своимъ разказомъ, и Перхурову неоднократно приходилось какъ бы понукать его скорѣе сообщить развязку. Петя немного стыдился предстоявшей дуэли: ему было словно въ тягость просить у Перхурова услуги на какую онъ разчитывалъ. Но по мѣрѣ того какъ дѣло выяснялось, вниманіе Перхурова все росло, слитшіеся глаза широко раскрылись и, соскочивъ съ кровати, онъ живо спросилъ у пріятеля:

— Ты съ нимъ дерешься стало-быть? И тебѣ не стыдно ставить себя на одну доску съ этимъ мерзавцемъ? Я, понимаешь, не говорю про оласность, хотя она есть, и очень большая: этотъ Карасевичъ стрѣляетъ превосходно.

— Да нельзя же было отдать ему въ жертву Павлика.

— Э, братъ! Кто про это говорить? Надо было ко мнѣ съѣздить: я бы ему показалъ виды... А то жизнь ставить на карту ради такого голубчика!... Съ шулерамъ развѣ дерутся? Ну да что толковать!.. Теперь поздно. Разумѣется, я буду твоимъ секундантомъ, хоть мнѣ это очень и очень неприятно.

Брови у Перхурова сдвинулись, и его блѣдное, истощенное лицо казалось теперь еще болѣе исхудалымъ, словно поношеннымъ.

— Ну, а какія же условія дуэли? продолжалъ спрашивать Перхуровъ.

— Да никакихъ. Мы опредѣлили только, гдѣ и когда сойдемся.

Петя теперь только спохватился что про условія говорево не было.

— Скверно, братъ, скверно! озабоченнымъ тономъ сказалъ Перхуровъ.—Тѣмъ болѣе что Карасевичъ, хотя вызвалъ его собственно ты, можетъ, пожалуй, считать себя оскорбленною стороной и предъявлять намъ разныя требованія. Ну, да я берусь все это устроить. Это ужъ мое дѣло.

Перхуровъ сталъ быстро одѣваться. Предстоявшая ему роль секунданга какъ будто его преобразила; онъ принялъ

сосредоточенный дѣловой тонъ; во всѣхъ движеніяхъ его замѣтна была какая-то неторопливая озабоченность.

— Ну, а теперь послушайся моего совѣта, закончилъ Перхуровъ:—прилягь до утра. Я тебя разбуду когда придетъ время. Въ этихъ случаяхъ первое дѣло—дервы; коли они тебя слушаются и рука не дрожить—никакой врагъ тебѣ не страшенъ.

Петя послушно растянулся на диванѣ, но заснуть онъ не могъ; онъ видѣлъ какъ Перхуровъ принялся что-то писать и затѣмъ вышелъ изъ комнаты: Съ добрый часъ онъ не возвращался. Петя слокойно лежалъ съ открытыми глазами, и при слабомъ мерцаніи единственной зажженной свѣчи въ большой комнатѣ смутные образы носились предъ нимъ. Воображеніе упорно его увосило далеко назадъ, къ первымъ днямъ его юности, и странное дѣло: какою-то задумчивою, мягкою грустью вѣяло отъ этихъ давно прошедшихъ дней. Въ обычное время Петя думалъ что ему нечѣмъ хорошимъ помянуть свою юность, а теперь воспоминаніе о ней ему стало вдругъ такъ дорого, словно оно озолотило цѣлую его жизнь и вызвало въ немъ болѣзненное чувство скорби по этой жизни, точно самого его уже не было въ живыхъ и ему приходило сожалѣть о самомъ себѣ...

— Чтò жь, не слышь? сказалъ ему вернувшійся Перхуровъ.

— Ты куда уходилъ? не отвѣчая ему въ свою очередь спросилъ Петя.

— Да такъ; надо было на счетъ доктора распорядиться... все какъ-то лучше.

Перхуровъ усѣлся и закурилъ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Слышенъ былъ слабый бой карманныхъ часовъ на столѣ.

— Ты хорошо это сдѣлалъ... на счетъ доктора, снова сказалъ Петя.—Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, чортъ знаетъ чѣмъ это кончится.

— Ну, не дури; не разстраивай себя. Ничѣмъ это не кончится. Подстрѣлимъ мы этого...

Онъ хотѣлъ сказать „мерзавца“, но удержался: будущій противникъ становился для него почти достойнымъ уваженія.

— Подстрѣлимъ мы его хоть куда-нибудь въ ногу. Смотри, не цѣль ему въ грудь или въ голову: такихъ людей убивать совѣстно.

— Да посмотримъ еще, кто кого убьетъ, невнятнымъ голосомъ отозвался Петя.

Опять наступило молчаніе. Предъ глазами Пети снова затолпились неясные образы. Онъ вглядывался въ нихъ все болѣе и, казалось, узнавалъ ихъ. Да, это была его мать; она глядѣла ему прямо въ глаза съ какимъ-то укоромъ; а тамъ, дальше, точно стыдясь, стоитъ другая, молоденькая женщина и улыбается ему. Онъ узнаетъ дѣвушку, которую онъ когда-то, еще не такъ давно любилъ горячо. Это была совершенно простая, необразованная дѣвушка... и вдругъ она какъ-то преобразилась: мелкія, смѣющіяся ласковыя черты приняли чистый, строгій обликъ Вѣрси Княжичъ...

— Петя, вставай!.. пора!.. раздался надъ его ухомъ голосъ Перхурова.—Я тебѣ кофе спросилъ: надо выпить чего-нибудь теплаго; не хорошо когда руки забнутъ на утреннемъ холодкѣ.

Молодые люди живо и молча выпили кофе. Въ углу комнаты, не обращая на нихъ вниманія, сидѣлъ сторбленный сухой человѣкъ съ усталымъ равнодушнымъ видомъ. Это былъ докторъ. На колѣнахъ у него лежалъ деревянный ящикъ съ инструментами; почти такого же размѣра ящикъ былъ въ рукахъ у Перхурова, когда они сходили съ лѣстницы.

— Вотъ видите, докторъ, принялся онъ шутить,—похожи обѣ эти штучки одна на другую, а ваша предназначена то поправить что надѣлаетъ моя. Подите, отличайте послѣ этого вредное отъ полезнаго.

Но сядя въ извозничью коляску, Перхуровъ опять принялъ свой сдержанный, почти суровый видъ и бережно уложилъ возлѣ себя ящикъ съ пистолетами. Дорогой они не разговаривали. Блѣдный разсвѣтъ разстился надъ городомъ, постепенно отвоевывая у ночи ея область. Слабый, но сырой вѣтерокъ обдавалъ влажнымъ пронизывающимъ холодомъ ранняго весенняго утра; низкія туманныя облака тянулись по небу и какъ бы сливали его въ одну сыроватую мглу съ медленно исчезающими сумерками города. Снѣгъ уже стаялъ давно, но липкая грязь еще стояла на улицахъ, и солнце какъ будто не успѣло еще убрать по весеннему стѣны домовъ и сгладить съ нихъ все еще замѣтные слѣды недавно минувшей зимы.

— А что Павликъ? все еще тебя ждетъ? спросилъ Перхуровъ, когда они проѣзжали мимо дома гдѣ была квартира Пети.

— Нѣтъ; я завернулъ къ себѣ, выходя отъ Полунина, и увѣрилъ Павлика что дѣло улажено и Карасевичъ взялъ свой

вызовъ назадъ. Онъ сперва кляпался, такъ ужь твердо въ немъ засѣло убѣжденіе что драться ему надо непременно, однако мало-по-малу а его разубѣдилъ и успокоилъ. Теперь онъ у себя дома и, конечно, очень доволенъ собою за выкачанную имъ храбрость.

Перхуровъ только молча кивнулъ головой. Они выѣхали за городъ, спустились въ оврагъ и шагомъ стали подыматься по крутому склону. Впереди сѣва видѣлся оголенный дѣсокъ, а дальше, за обрывомъ яркимъ пятномъ, освѣщеннымъ восходящимъ солнцемъ, блестѣла поверхность недалекой рѣки. Облака все еще тянулись надъ головой; но огненный солнечный шаръ теперь широко заливалъ красными лучами, какъ бы скользящими по землѣ, и сырыя черныя поля, и сѣрый откосъ оврага, и темныя стволы утрюмыхъ, обнаженныхъ дубовъ. Все это точно вынырнуло изъ мглы, и точно стыдавшимъ румянцемъ покрылась голая земля, только-что просыпавшаяся отъ зимняго холоднаго сна. Кое-гдѣ въ расщелинахъ оврага бѣлѣлъ не совсѣмъ еще ставшій снѣгъ. Лужи стояли на дорогѣ, отражая въ своей черноземной грязи яркое пламя зари. Страннымъ казалась эта роскошь лучей и тепла, какъ-то со стороны падавшая на оголенную, словно продротшую и все еще мертвую природу.

Экипажъ своротилъ съ дороги, и скриля, и подпрыгивая, медленно полolzъ къ рошѣ. Извожикъ туло поглядѣлъ на господъ, когда ему приказали туда своротить.

— На самой опушкѣ изволите стать? махнувъ кнутомъ, спросилъ онъ,—а то, воля ваша, по дѣсу ѣхать никакой возможности нѣтъ: колдобины однѣ.

Хоть онъ можетъ-быть и подозрѣвалъ зачѣмъ господамъ вздумалось въ такой ранній часъ отправиться за городъ, да еще съ докторомъ и захватить съ собою подозрительный ящикъ, но все это повидимому оставило его совсѣмъ равнодушнымъ, ничуть не возбуждая въ немъ любознательныхъ догадокъ.

Какая-то долготолная бричка, запряженная парой, уже стояла на самой опушкѣ: Карасевичъ успѣлъ опередить своихъ противниковъ. Едва Перхуровъ и Петя вышли изъ экипажа, они увидѣли его идущимъ къ нимъ навстрѣчу въ солровожденіи какого-то господина, котораго онъ тутъ же отреккомендовалъ какъ своего секунданта. Это былъ нѣкто господинъ Швальковскій, уволенный отъ службы частнымъ приставъ, теперь занимавшійся адвокатурой. Перхуровъ на него

посмотрѣлъ съ такимъ же явнымъ отвращеніемъ съ какимъ въ плохой гостиницѣ принимаются за очевидно скверныя блюда, но затѣмъ съ усилевою вѣжливостью вступилъ съ нимъ въ обязательный разговоръ. Карасевичъ и Петя стали въ сторонѣ поодаль другъ отъ друга. Объясненіе секундатовъ продолжалось долго, и Петю начало разбирать нетерпѣніе. Господинъ Швальковскій не хотѣлъ и слышать о барьерѣ, потому что, какъ онъ утверждалъ, „тутъ никакого вѣрнаго прицѣла не бываетъ, и шальная пуля самаго плохаго стрѣлка при этомъ васъ на мѣстѣ уложить можетъ“.

„Хотѣлъ бы я знать“, подумалъ Перхуровъ, „что ты въ этомъ смыслишь?“ Но на всѣ его возраженія Швальковскій остался непоколебимъ, утверждая что Карасевичъ, какъ обиженный, имѣетъ право ставить свои условія.

— Пятнадцать шаговъ разстоянія и по выстрѣлу съ каждой стороны по третьему сигналу—что можетъ быть лучше этого? настаивалъ онъ. Его сумѣлъ какъ слѣдуетъ вышколить Карасевичъ.

— Мнѣ все равно на чемъ бы вы ни порѣшили, сказалъ Петя, отозвавъ Перхурова въ сторону.—Я на все согласенъ, только ради Бога начнемъ скорѣе!

Рѣдко стоящіе дубы багровѣли отъ косыхъ лучей солнца, точно ихъ кровью забрызгало, а надъ ними все мрачнѣе нависали медленно сдвигавшіяся тучи.

— Стань по крайней мѣрѣ такъ чтобы не глядѣть на солнце, сказалъ Перхуровъ своему другу, какъ-то безучастно взявшему изъ его рукъ пистолеть.

Мѣсто выбирали долго. Наконецъ отыскалась небольшая поляна, хоть сколько-нибудь заслоненная отъ солнца рядомъ старыхъ деревьевъ. Отсчитали пятнадцать шаговъ. Противники стали другъ противъ друга. Петя безсознательно принялся разглядывать пистолеть, точно его поразило что-то особенное въ устройствѣ этого пистолета. Потомъ онъ такъ же безсознательно взвелъ курокъ и прищурился, какъ будто съ тѣмъ чтобы цѣлить въ противника; на самомъ же дѣлѣ его глазъ почему-то остановился на прошлогоднемъ осиновомъ листѣ, кулавшемся въ маленькой лужѣ. Какъ разъ туда, проскользнувъ между двумя могучими стволами, упалъ яркій лучъ, и вода въ лужѣ весело отражала его, и эта одна блестящая точка на безцвѣтномъ коврѣ полусгнившаго прошлогодняго мха приковывала вниманіе Пети. Вдругъ все это какъ

будто спало и исчезло въ сѣрой мглѣ невеселаго утра. Тучи опустились ниже, солнечный шаръ укрылся за ними, потухла багряная полоса, и съ земли словно были стерты упавшія на нее яркія краски, и среди начавшагося сѣроватаго дня и лѣсъ, и поля вокругъ глядѣли уныло и тускло. У Пети вдругъ ознобъ пробѣжалъ по спинѣ; онъ какъ будто телерь только понялъ зачѣмъ онъ тутъ стоитъ, а предъ нимъ этотъ человѣкъ, который дѣлаетъ какое-то странное движеніе рукой и пристально всматривается въ него. Петѣ стало жутко и неловко. Ему почудилось что его поставили на скольскій обрывъ скалы и сейчасъ что-то ударитъ въ него, и онъ непременно свалится въ проласть. У него закружилась голова; на мигъ онъ даже глаза зажмурилъ. „Зачѣмъ этотъ человѣкъ такъ пристально глядитъ на меня?“ пронеслось у него въ головѣ, когда онъ снова открылъ ихъ и увидалъ неподвижную фигуру Карасевича. Ему казалось что очень ужъ долго онъ стоитъ такъ, и онъ одинъ только съ Карасевичемъ остаются на мѣстѣ, а вокругъ нихъ все движется быстрее и быстрее. Онъ переставилъ ногу. „Господи! неужели я боюсь!“ съ какимъ-то ужасомъ предъ чувствомъ страха спросилъ онъ себя. „Да, я трусь! совершенный трусъ!“ рѣшилъ онъ тотъ часъ, и при этой мысли ознобъ вторично пробѣжалъ у него по спинѣ. Онъ явственно услышалъ телерь какъ Перхуровъ далъ первый знакъ, и короткое слово „разъ!“ неестественнымъ гуломъ пронеслось въ его ухахъ. „Нѣтъ, нѣтъ, я не трусь“, ободрилъ онъ самого себя, привимааясь дѣлать и почувствовалъ будто между нимъ и остальнымъ міромъ что-то вдругъ оборвалось. „Два!“ произнесъ Перхуровъ. Петя дѣлался въ правую ногу Карасевича, а между тѣмъ въ мысляхъ его родился совершенно недѣльный вопросъ: „Куда дѣвалась эта свѣтлая лужа которую я только-что видѣлъ?“ Но Петя не успѣлъ разрѣшить его. Раздался выстрѣлъ,—раздался за четверть секунды предъ тѣмъ какъ Перхуровъ сказалъ „три!“

„Что же это такое?“ удивленно спросилъ у себя Петя и палецъ его не успѣлъ еще надавить собачку когда самъ онъ ужъ не зналъ что вокругъ его творится, и красная волна нахлынула на его мозгъ и застала ему зрѣніе.

— Это убійство! за это вы на каторгу пойдете!... закричалъ Перхуровъ на Карасевича, подбѣгая къ упавшему товарищу.

— Ей Богу, палецъ у меня совсѣмъ неволью... нервное возбужденіе... сталъ извиняться Карасевичъ.

Перхуровъ олустился на козлыи возаъ неподвижнаго товарища. Докторъ уже послѣднѣо разстегивалъ его венгерку. Пуля Карасевича лопала въ грудь между третьимъ и четвертымъ ребромъ.

— Что, смертельная рана? спросилъ Перхуровъ у доктора.

— Дышетъ пока, отлѣчалъ тотъ. — Нельзя еще знать, повреждено ли легкое.

Въ тотъ же день Карасевичъ благоразумно исчезъ, уклоняясь отъ судебныхъ послѣдствій своего излишняго нервнаго возбужденія.

V.

Десять дней спустя послѣ того какъ въ одно пасмурное мартовское утро Петю Бороздина тяжело раненаго внесли на рукахъ въ его скромную квартирку, жизнь молодаго челоѣтика все еще находилась въ опасности. Пулю, правда, успѣли вынуть, она миновала легкя и скользла по ребрамъ засѣла въ спину, но тяжелаго воспаления Петя все-таки не избѣжалъ. Бредъ почти не прекращался, и сознаніе приходило только урывками.

Павликъ Княжичъ иногда по нѣсколькx разъ въ день заходилъ къ больному и цѣлые часы просиживалъ у его кровати. Онъ терзалъ себя упреками за то что изъ-за него пострадалъ товарищъ и что онъ не можетъ даже отомстить: Павликъ не переставалъ мечтать о дуэли съ Карасевичемъ, какъ будто молодая совѣсть его неотступно требовала этого доказательства еще не испытанной храбрости.

Въ полку сперва безъ особаго сочувствія относились къ судьбѣ Пети. Все находили что произошла какая-то грязная исторія изъ-за карты, а полковникъ громко объявлялъ что Петю надо будетъ выключить изъ полка. Но когда подробности дѣла разъяснились, и Перхуровъ, до этого времени не вдавшійся съ офицерами, вылилъ съ ними въ честь раненаго друга съ полдюжины брудершафтовъ, настроеніе легионась: рѣшили что Бороздинъ велъ себя какъ молодець и что Перхуровъ самый преданный малый, въ томъ особомъ смыслѣ какой придаетса этому выраженію среди военной молодежи. Нельзя сказать однако чтобы кровавая развязка дуэли особенно повысила общее мнѣніе насчетъ бѣднаго Пети. Втайнѣ многіе находили что Пета, конечно, посту-

пилъ очень благородно, но довольно глупо; что вся эта исторія не что иное какъ въ чужомъ пиру похмѣлье. Думалъ такъ и въ городѣ, и въ полку потому можетъ-быть что за собой не сознавали ни способности, ни охоты рисковать жизнью за другаго. Люди, дѣлвствое дѣло, особенно строга къ тѣмъ порокамъ которые за ними не водятся, но за то довольно холодны къ проявленію великодушія на которое они не способны. До Пети, разумѣется, не доходили извѣстія о многочисленныхъ толкахъ про его исторію. Въ тѣ немногіе часы когда сознаніе къ нему возвращалось онъ узнавалъ только что весь полкъ, въ томъ числѣ и самъ баронъ, у него перебивали, хотя къ нему докторъ не допускалъ никого кромѣ Павлика и старика Невехоцкаго. Онъ узналъ также отъ Перхурова что дѣло его по общему согласію замысли и что за исчезновеніемъ Карасевича судебнаго разбирательства не будетъ. Перхуровъ, какъ огня боявшійся всякаго знакомства съ судомъ, очень этому радовался. „Меня по крайней мѣрѣ, думалъ онъ про себя, въ этомъ проклятомъ городѣ не задержатъ. Какъ скоро минуетъ опасность для Пети, я уѣду къ себѣ въ деревню.“ Думалъ такъ Перхуровъ, однако, не совсѣмъ искренно, задерживала его въ городѣ не одна боязнь пріятеля, а также соображеніе иного рода, про которое онъ ни предъ кѣмъ не заикался.

Петя слушалъ эти добрыя вѣсти почти равнодушно. Смерть къ нему подступила такъ близко что мелкія дѣла жизни для него какъ будто обезцѣнились. Онъ не замѣчалъ и того что комната его стала уютнѣе, что откуда-то появилась въ ней удобная мебель. Онъ не задавалъ себѣ вопросовъ и о томъ кто платитъ за бережный уходъ за нимъ во время болѣзни. Петя видѣлъ какъ отъ его кровати почти не отходить сидѣлка изъ больницы, и благодарно подчинялася ея мягкой, ласковой заботливости. Да онъ и не спрашивалъ кто всѣмъ этимъ распоряжался и кому онъ всѣмъ этимъ обязанъ.

А позаботился объ этомъ не кто иной какъ отецъ Павлика, Максимъ Богдановичъ. Разчетливый дѣловой человекъ— а дѣловитость была въ самой крови Максима Богдановича— никогда не скулится когда надо было себя показать, и умѣлъ цѣнить оказанныя ему услуги. Строгий до суровости къ сыну, котораго онъ считалъ совершенно пустымъ малымъ, онъ былъ тѣмъ не менѣе вѣжно привязанъ къ Павлику и не переставалъ видѣть въ немъ безотвѣтнаго и слабого ребенка,

гбчно нуждавшася въ поддержкѣ, почти въ состраданіи. Къ ближнимъ Павлука съ Петей Бороздинымъ Максимъ Богдановичъ сперва относился очень неблагоклонно, но когда произошло столкновение съ Карасевичемъ, онъ сумѣлъ оцѣнить поступокъ молодого человека и почувствовалъ себя глубоко обязаннымъ предъ нимъ: Максимъ Богдановичъ любилъ хвастаться тѣмъ что за всю свою жизнь ни предъ кѣмъ не оставался въ долгу. Онъ принималъ живое участіе въ судьбѣ Пети: постарался о томъ чтобы дѣла его не дошло до суда, и узнавъ объ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ сдѣлалъ что могъ дабы облегчить его тяжелое положеніе. Происходило это вовсе не отъ особой мягкости сердца: кромѣ своихъ дѣтей Максимъ Богдановичъ едва ли къ кому-либо ощущалъ сколько-нибудь теплое чувство. Но въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ онъ держался строгого признанія взаимныхъ обязанностей и принималъ къ нимъ какой-то бухгалтерскій расчетъ, въ которомъ точно сводился балансъ прихода съ расходомъ. Правда, онъ часто былъ склоненъ преувеличивать собственные заслуги, но зато никогда не таготился чувствомъ благодарности; а любилъ, напротивъ, провозглашать его во всеуслышаніе. Признательность его Петѣ Бороздину не была, впрочемъ, свободна и отъ нѣкотораго расчета: онъ зналъ что Петя родной братъ Всеволода Бороздина, а Всеволодъ былъ въ свою очередь ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ того государственнаго человека въ которомъ Кляжичъ, по своимъ дѣламъ, всего болѣе нуждался. Въ городѣ ходили слухи что Михаилъ Владиміровичъ Чистопольскій (такъ звали сановника у котораго служилъ Всеволодъ) въ теченіе наступавшей весны собирается посѣтить губернію гдѣ Кляжичъ былъ предводителемъ. Съ этою поѣздкой Максимъ Богдановичъ, у котораго были крупныя дѣла по желѣзному и свекло-сахарному производству, связывалъ надежды на великія и богатыя милости; а для осуществленія этихъ надеждъ Всеволодъ могъ оказать ему полезное содѣйствіе. Максимъ Богдановичъ вовсе не смущался тѣмъ что заботясь о Петѣ онъ имѣлъ въ виду задобрить его старшаго, вліятельнаго брата. Есть люди которымъ очень пріятно когда ихъ личныя выгоды такъ прекрасно совпадаютъ съ безкорыстными влеченіями сердца.

На десятый день болѣзни Пети докторъ наконецъ убѣдился что опасный кризисъ миновалъ. У Павлука отлегло на душѣ.

Онъ, дослѣдшая радостною вѣстью подѣлиться съ родными. Максимъ Богдановичъ тотчасъ объявилъ сыну что какъ скоро Петѣ станетъ легче, онъ самъ поѣдетъ къ нему, заявить о своей благодарности и занять молодого человѣка къ себѣ въ домъ. „Надо его у насъ приласкать“, сказалъ онъ при этомъ сыну и дочери. Девятнадцатилѣтняя Вѣруся ничѣмъ не выражала нетерпѣнія познакомиться съ Петей. То что думала и чувствовала молодая дѣвушка, рѣдко у нея выказывалось наружу. Но она можетъ-быть еще болѣе Павлука сознавала тяжесть того неоплатнаго нравственнаго долга какой создается чужимъ добровольнымъ самопожертвованіемъ. Ея молодую гордость словно даже приближало это сознаніе; ей было жутко и больно отъ того что семья ея и она сама обязаны спасеніемъ дорогаго единственнаго брата совершенно чужому человѣку, и что спасеніе это куплено почти цѣной жизни. Но чувство это Вѣруся хранила про себя.

Не мало изумился Петя когда два четыре послѣ того какъ онъ съ кровати пересѣлъ на кресло къ нему явился неожиданный гость—самъ Максимъ Богдановичъ.

Старикъ Княжичъ казался замѣчательно бодрымъ на видѣ для своихъ пятидесяти трехъ лѣтъ. Высокій и полный, онъ держался молодцовато, ходилъ всегда выпрямившись, крупной, ровною походкой, и его бѣлокурые волосы, съ едва замѣтною сѣдиной, все еще густо спадали съ большого выуклаго лба; носъ у него былъ прямой, съ едва вздернутымъ кончикомъ; густыя брови отбѣняли углубленные голубовато-сѣрые глаза; свѣтлые усы мягко волокнились надъ мясистыми, твердо сложенными губами; словомъ, въ красивыхъ, хоть и въ крупныхъ чертахъ его лица было что-то прямое или по крайней мѣрѣ что-то не имѣвшее нужды скрываться. Такое впечатлѣніе энергической, немного рѣзкой прямоты Максимъ Богдановичъ всегда производилъ съ перваго взгляда, и его можно было бы считать за совершенно нехитраго, добродушнаго человѣка, еслибы тому не противорѣчилъ прыткій, иногда лукавый взглядъ его зоркихъ глазъ.

— Сидите, сидите! уже издали заговорилъ Максимъ Богдановичъ, увидавъ что Петя хочетъ подняться къ нему на встрѣчу.—Большому не до церемоній.

Онъ быстрыми шагами подошелъ къ молодому человѣку и, обнявъ его, два раза поцѣловалъ:

— Самолично захотѣлъ вамъ отрекомендоваться.

Петя, немного сконфуженный, вздумалъ было его благодарить, но Княжичъ тотчасъ оставилъ его, съ чувствомъ заявляя что самъ онъ и вся его семья вѣрно будутъ помянуть услугу такъ великодушно и такъ благородно оказанную имъ.

Вѣдь вы спасли моего бѣднаго мальчика, ей Богу, спасли! воскликнулъ онъ. — Гдѣ ему съ этимъ бретѣромъ тягаться! Не сдобровать бы Павлику...

Петя захотѣлъ было уклониться отъ выраженій его признательности, увѣряя что на его мѣстѣ каждый хорошій товарищъ поступилъ бы какъ онъ.

— Тѣмъ болѣе, добавилъ Петя, — что вѣдь самъ я, такъ сказать, ввелъ Павлика въ искушеніе...

Княжичъ добродушно покачалъ головой.

— Положимъ что я журилъ васъ сначала, и безпутнаго моего племянника — тоже... Признаюсь, я совсѣмъ не радъ былъ видѣть моего Павлика въ этой компаніи... Ну, да теперь все кончено. Этого урока ему на цѣлую жизнь хватитъ. А насчетъ того что вы говорите будто всякій на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы такъ же, позвольте ужъ съ вами не соглашаться... Въ мое время, конечно, товарищескій духъ еще былъ въ молодежи, а теперь всякій о себѣ только думаетъ: больно осторожны да расчетливы стали молодые люди.

Максимъ Богдановичъ долго еще говорилъ на эту тему, посылая Петю громкими похвалами. У молодого человека тепло стало на сердцѣ отъ душевныхъ словъ Княжича: его на этотъ счетъ жизнь не избаловала. Онъ охотно довѣрялся искренности Максима Богдановича.

— Ну, а когда вы совсѣмъ выздоровѣете, закончилъ Княжичъ, — теперь я думаю не долго ужъ этого дожидаться — милости просимъ къ намъ совсѣмъ запросто. Грѣшно вамъ все прятаться отъ людей! Надо васъ съ обществомъ познакомиться... и повеселиться вамъ не мѣшаетъ въ этомъ кругу чѣмъ тотъ гдѣ вы до сихъ поръ время проводили. У насъ, я думаю, вамъ будетъ не скучно. А мы васъ, какъ роднаго принимать станемъ...

Петѣ ужъ очевидно нельзя было отказаться отъ радушнаго приглашенія Княжича.

— Пожалуста только безъ церемоній, запросто, повторилъ Максимъ Богдановичъ уходя, и еще разъ обнялъ Петю на прощанье.

На порогѣ Княжичъ встрѣтился съ двумя офицерами: теперь къ Петѣ часто заходила полковые товарищи. Это были адъютантъ Новокрещенскій и князь Наровчатовъ, самый очаровательный молодой человекъ въ городѣ, какъ увѣряли дамы,—а дамы на этотъ счетъ знаютъ толкъ, даже въ провинціи. Повидимому у Пети теперь завелась самая отличная отношенія къ товарищамъ. Когда однако оба офицера, истощивъ небольшой запасъ предметовъ разговора, простились съ Петей и вышли, Новокрещенскій казался не особенно въ духѣ и, качая головой, замѣтилъ Наровчатову:

— А знаешь что я тебѣ скажу, милый мой? На ловѣрку-то оказывается что Бороздинъ, котораго мы всѣ за простака считали, гораздо насъ умнѣе и ловчѣе выходитъ.

— Вотъ какъ? удивленно отвѣтилъ изящный князекъ, не отличавшійся сообразительностью.

— Да разумѣется. Замѣтилъ ты, какая мебель теперь отличная у Бороздина? Что жь, ты думаешь на свои средства онъ ее завелъ? У него въ карманѣ, извѣстное дѣло, грошъ съ алтыномъ... Родители-то его не больно раскошеливаются, даромъ что Бороздины изъ хорошей фамиліи... А доктору кто платилъ? Все, ловѣрь моему слову, Максимъ Богдановичъ. А это развѣ ничего не значитъ что самъ онъ сюда пожаловалъ? Развѣ Максимъ Богдановичъ молодымъ людямъ такую честь оказываетъ?

— Да что жь изъ этого? Понятно, онъ за сына ему благодаренъ...

— А вотъ что, любезный мой. Петья нашъ, хоть умомъ и не далеко, сумѣлъ-таки разчитать что ему не безвыгодно изъ-за Павлика свою шкуру подѣ выстрѣлъ подставить. Авось, подумалъ, кривая вывезетъ... Ну, и вывезла, какъ видишь... А теперь онъ свой человекъ у Княжича. Да съ такими козырями въ рукѣ пожалуй и о дочкѣ Максима Богдановича помышлять станетъ. Кто жь не знаетъ что она первая невѣста въ городѣ? Вотъ и убьетъ бобра нашъ Петья.

Новокрещенскій самъ часто помышлялъ о Вѣрусь, но до сихъ поръ его старательныя ухаживанья встрѣчали у молодой дѣвушки самый холодный приемъ; она даже какъ будто не примѣчала ихъ вовсе.

— Гдѣ ему! самодовольно возразилъ Наровчатовъ.—Вотъ, кабы я за нею вздумалъ приударить...

— Попробуй счастья, советую тебя, беззвучно разсмѣялся въ отвѣтъ Новокрещенскій.— Въ самомъ дѣлѣ, кому же какъ не тебѣ!

Юный князекъ сталъ охорашиваться, услыжавъ это.

— А я, чортъ возьми, до сихъ поръ объ этомъ и не думалъ. Правда, въ мои годы еще рано жениться, да невѣста ужъ больно завидная! Мнѣ прямо въ масть... А она тоже, я думаю, княгиней же прочь сдѣлается..

Новокрещенскій скользялъ по немъ съ ея презрительнымъ взглядомъ. Какъ ни изященъ былъ молодой князекъ и хотя говорилъ онъ по-французски почти безошибочно, Новокрещенскій былъ слишкомъ не высокаго мѣрѣя объ его умственныхъ способностяхъ чтобы бояться такого соперника. А не мѣшало на всякій случай заручиться лишнимъ союзникомъ противъ возможнаго успѣха Пети. И Новокрещенскій рѣшилъ про себя что не мѣшаетъ держать ухо востро, и съ этого же дня, не теряя времени, сталъ, вездѣ гдѣ только могъ, незамѣтно подрывать ту недавно возникшую популярность которою Пета сталъ пользоваться въ городѣ.

VI.

Въ домѣ Княжичей много толковали о Петрѣ Бороздинѣ. Павликъ съ самаго начала своего знакомства съ нимъ отзывался о своемъ пріятелѣ съ тою юношескою восторженностью какую въ восемнадцать лѣтъ всегда вызываетъ заражающаяся дружба. Вторилъ ему и Перхуровъ, но вторилъ тономъ ниже—сдержанно и какъ будто насмѣшливо, такъ что его похвалы отзывались чѣмъ-то въ родѣ пренебреженія. Такъ оно всегда и бываетъ когда о томъ же предметѣ двое людей говорить не съ одинаковою теплотой. Максимъ Богдановичъ, слушая сына, добродушно посмѣивался.

Со времени исторіи, героемъ которой сдѣлался Пета, старый Княжичъ въ присутствіи домашнихъ тоже сталъ выражаться на его счетъ съ самымъ задушевнымъ сочувствіемъ.

Вѣруся, сидя за книгой или за работой,—она почти никогда не оставалась незнаятою,—молча внимала этимъ похвадамъ и на лицѣ ея, спокойномъ, почти холодномъ, ничего не выразилось.

— Ты увидишь, Вѣруся, говорилъ ей разъ Павликъ недѣли двѣ спустя послѣ того какъ его отецъ былъ у Пети,—ты увидишь что это за славный малый. Онъ тебѣ непремѣнно полюбится: такой онъ прямой и честный. Это съ перваго взгляда по его глазамъ видно. Я такъ радъ что онъ будетъ къ намъ ходить!

Вѣруся подняла на брата свои большіе бархатные глаза и тотчасъ опять ихъ опустила на шитье. Въ этихъ глазахъ, при всей ихъ кротости, не было и слѣда того робкаго безпокойства которое чувствовалось въ близорукомъ взглядѣ Павлика. Они умѣли пристально и глубоко всматриваться, и всякій на кого падали ихъ прямые лучи, тотчасъ понималъ что изъ робости имъ не опуститься ни предъ кѣмъ.

— Вы, кузина, словно не рады предстоящему знакомству съ Бороздинымъ, вставилъ Перхуровъ, по обыкновенію завернувшій въ это утро къ дядюшкѣ: онъ все еще не собрался къ себѣ въ деревню.

Вѣруся медленно сложила работу.

— Я ничего такого кажется не сказала вамъ, начала она.

Замѣчательно ровно звучали мягкія ноты ея голоса, которая словно жемчугъ нанизывались одна на другую. Рѣдко такой голосъ бываетъ у очень молодыхъ дѣвушекъ: ни безпокойства, ни смущенія, ни торопливости въ немъ не было никогда. Не было въ немъ и вкрадчиваго лукавства цыныхъ задорно-прелестныхъ женскихъ голосовъ; ровною волной, какъ классическая музыкальная фраза, лелѣялъ онъ очарованный слухъ.

— Въ томъ-то и дѣло, перебилъ ее Перхуровъ,—что вы ничего не сказали. Это плохой знакъ для бѣднаго Пети.

Вѣруся чуть замѣтно покачала плечами.

— Я не имѣю привычки, сказала она,—судить о людяхъ которыхъ не знаю.

— А я вамъ вотъ что доложу, моя прелестная кузина...

И Перхуровъ принялъ развязный тонъ, хотя онъ, ужъ во все не робкій по природѣ, предъ Вѣрусей почему-то робѣлъ, самъ того не подозревая:—барышни, насколько я ихъ знаю, совсѣмъ не умѣютъ безпристрастно и равнодушно относиться даже къ чужимъ людямъ; а когда онѣ притворяются безпристрастными, это значитъ только что онѣ не хотятъ сознаться въ своей антипатіи къ кому-нибудь.

Легкая улыбка показалась на мигъ на красивыхъ губахъ молодой дѣвушки.

— Какой вы провинительный, Миша! промолвила она скрестивъ руки на колѣняхъ; она всегда такъ дѣлала когда ей приходилось сидѣть безъ работы.

— Да, да, скрытничайте сколько угодно, а бѣдному Петѣ нечего разчитывать на благосклонный приемъ: не вамъ онъ чета, моя неприступная кухня.

— Во первыхъ, серьезно, почти строго возразила она,—я никогда не скрытничаю. Неужели вы этого еще не замѣтили? Вотъ тормахъ, зачѣмъ это вы, говоря про вашего друга, всегда выражаетесь о немъ съ какимъ-то состраданіемъ? Точно онъ обиженный, слабый какой-то...

— Да, Вѣруся права! воскликнулъ Павликъ:—есть у тебя что-то въ родѣ презрѣнія къ Петѣ. А, кажется, онъ этого не заслуживаетъ...

— Петю я отъ души люблю, разсмѣялся Перхуровъ, которому было однако не по себѣ,—только я вѣдь знаю что Вѣрусю не могутъ нравиться такіе люди. И не одинъ вѣдь Петя я тоже у нея въ немилости. Она и меня считаетъ совершенно погибшимъ, лишнимъ человѣкомъ, отъ котораго проку не можетъ быть никакого.

— Вы—другое дѣло, тихо, почти неохотно сказала Вѣра.

— Вотъ видите, признается, принужденно улыбнулся Перхуровъ.—Говорите прямо, не бойтесь: я вѣдь не обидчивъ. Вѣдь я въ самомъ дѣлѣ ненужный, никому ненужный...

Вѣра посмотрѣла на своего троюроднаго брата, и чуть замѣтное презрѣніе сказалось въ ея немного сдвинувшихся бровяхъ и слабомъ дрожаніи ея сжавшихся тонкихъ ноздрей.

— Вы ненужный, выговорила она,—потому что не хотите ничего сдѣлать изъ своей жизни, а могли бы: стоило бы только принятъ. И всего хуже то что вы это отлично знаете и сами надъ собой смѣетесь, точно любуетесь на себя, а шагу не сдѣлаете чтобы...

Она остановилась.

— Лучше себя вести? Вотъ что вы хотѣли сказать? Слабыо за наставленіе, кухня. Конечно, вамъ жизнь какую я веду должна чѣмъ-то ужаснымъ казаться. Вы на небесныхъ высотахъ живете, среди розовыхъ облачковъ какихъ-то... А мы съ Петей...

— Я господина Бороздина знаю только по наслышкѣ, перебила его молодая дѣвушка.—Но если все то правда что говорить о немъ братъ и вы тоже, то онъ на васъ не похожъ,

Миша. Братъ для него совсѣмъ чужой, а онъ не задумался за Павлака вступиться, за что едва не доплатился жизнью...

— А, вотъ вы кака! одобряете значить даже...

— Я одобряю одно только, и говоря это Вѣра встала, — умѣнье жертвовать собой для другаго и не хвалиться этимъ, какъ иные хвалятся тѣмъ что весь вѣкъ ничего не дѣлають.

— Ну, ну, кузина, помиримся.

Перхуровъ былъ сильно озадаченъ словами Вѣры. — Я и не зналъ что вы такъ свисходительны къ нашимъ... шалоостямъ.

Она опять пожала плечами и направилась къ двери.

— До свиданія, кузина.

Онъ схватился за шляпу. — А завтра я вамъ непременно привезу Петю. Онъ теперь совсѣмъ ужъ на ногахъ. Полюбитесь на нашего героя...

— До свиданія, проговорила Вѣруса и не протянувъ троюродному брату руки вышла изъ комнаты.

Перхуровъ въ недоумѣннн подергалъ свои жидкіе усы.

— А вѣдь какой королевой глядитъ твоя сестрица! обратился онъ къ Павлаку, слуха вѣскодько секундъ.

— Точно мраморная дѣлается, какъ скоро ей что не понравится. А подъ этимъ мраморомъ... ой-ой!.. Только больно мудро оно, не разберешь...

И въ самомъ дѣлѣ странная дѣвушка была Вѣруса Княжичъ. Лишившись матери когда ей только что минуло шесть лѣтъ, она выросла безъ опоры и руководства, какъ вольное лѣсное деревцо. Окружали ее, правда, и любовью и присмотромъ, отецъ былъ отъ нея безъ памяти и берегъ какъ сокровище, но вліаніемъ на нее похвастаться не могъ никто. Отцу не хватало на то времени, да можетъ-быть и умѣнія, а няньки и гувернантки, будто занимавшіяся ея воспитаніемъ, не впускали ей ничего кромѣ полнаго равнодушія. Баловали ее всѣ въ домѣ начиная съ отца, а приставленныя къ ней разнообразныя иностранки ее даже слегка лобазивались. Она принимала это баловство словно не замѣчая его, а въ сущности такъ къ нему привыкла что жить на полной волѣ, не зная себѣ отказа ни въ чемъ стало для нея необходимою. Это полное отсутствіе подчиненія кому-либо не сдѣлало ее однако своеправною. Вѣруса съ самаго ранняго дѣтства держала себя скромно и молчаливо, но подъ этою скромностью таилась гордая и твердая воля, не способная преклониться ни предъ кѣмъ.

Не замѣчали этого потому только что дѣвочкѣ не представлялось случая ее выказать: слишкомъ ужь все въ домѣ ей подчинялось. Однажды только, когда ей было всего двѣнадцать лѣтъ, ей случилось вступить въ открытый споръ съ отцомъ. Играя весной въ саду городского дома, она сквозь рѣшетку свела знакомство съ бѣдною дѣвочкой, двумя годами ея старше, дочѣрью вдовы-мѣщанки жившей неподалеку отъ дома Бняжича. Вѣруся давно замѣтила эту дѣвочку, ходившую мимо сада въ городское училище. Разъ она увидѣла ее всю въ слезахъ присѣвшую на каменный выступъ рѣшетки. Блѣдное, тонкое лицо дѣвочки съ безлокойнымъ выраженіемъ большихъ черныхъ глазъ давно заинтересовало Вѣрусю. Она вступила съ ней въ разговоръ и узнала что мать ее прибила и выгнала изъ дому за то что она не хотѣла идти въ работницы къ швеѣ. Развитая не по лѣтамъ, Катя, такъ звали дѣвочку, при этомъ сообщила Вѣрусѣ разныя двусмысленныя подробности, въ которыхъ та ничего не поняла. Въ разказѣ Кати она поняла одно только: надо было помочь смуглой дѣвочкѣ, сразу полюбившейся ей, надо было вырвать Катю изъ рукъ матери, которая вѣсто школы—Катя увѣрила ее въ своей страстной любви къ ученію—хочетъ насильно отдать дочь какой-то швеѣ. Вѣруся завала ее къ себѣ въ садъ и проговорила съ ней битые два часа, а потомъ любѣжала къ отцу и напрямикъ объявила ему что Катю надо взять къ нимъ въ домъ, что она это рѣшила, и онъ непременно долженъ все это устроить. Максима Богдановича поразила непривычная страстность Вѣрусю: никогда онъ не видалъ ее такою. Всѣ его увѣщанія не привели ни къ чему, и конечно ужь не англійская миссъ, въ то время состоявшая при Вѣрусѣ, могла убѣдить ее своими хладнокровными доводами о явной невозможности принять въ домъ чужую, совсѣмъ невоспитанную дѣвочку. Вѣруся то умоляла отца, то съ непонятнымъ въ ея годы недѣтскимъ негодованіемъ укоряла его въ безсердечіи и сумѣла-таки настоять на своемъ. Катю помѣстили рядомъ съ ея комнатою, одѣли ее какъ барышню и дали ей хорошихъ учителей. Все это не обошлось безъ крупнаго разговора съ матерью дѣвочки, притворившейся будто ни за что не согласится на разлуку съ дочкой, хотя все-таки согласилась получивъ въ утѣшеніе радужную бумажку. Сперва все пошло какъ нельзя лучше. Катя училась хорошо, возбуждая пылкое соревнованіе въ своей новой подругѣ, держала себя чинно

даже не по дѣтамъ и развѣ тѣмъ только поражаема всѣхъ въ домѣ что елишкомъ ужь была несообщительна и молчалива. Это впрочемъ приписывалось тяжелымъ впечатлѣнiямъ грустнаго дѣтства.

Такъ прошло болѣе года. Катѣ минуло пятнадцать лѣтъ. Она теперь ходила учиться въ гимназiю: Максимъ Богдановичъ разчитывалъ что, не раздѣлая съ подругой учебы, Вѣруса мало-по-малу отъ нея отвыкнетъ. Вышло однако иначе. Вѣруса попрежнему горячо любила Катю, не замѣчая что почти съ каждымъ днемъ все сильнѣе давало себя чувствовать различiе въ возрастѣ. Катя была почти уже взрослая дѣвушка: она развилась быстро и физически, и умственно, и совѣмъ ужь не подѣтски глядѣла ея сверкавшiе угольками цыганскiе глаза. Изъ гимназiи она какъ будто выносила совершенно новыя понятiя, все болѣе отчуждавшiя ее отъ дома гдѣ ее воспитали; ими она не дѣлилась съ Вѣрой, какъ ни старалась та проникнуть въ заманчивый мiръ куда уходила отъ нея опередившая ее подруга. Катя стала даже раздражительна и обидчива, чего съ ней прежде не бывало; она съ явною завистью смотрѣла теперь на богатую подругу, хотя Вѣруса охотно отдавала ей почти всѣ тѣ маленькiя драгоценности какими ее дарили съ самаго ранняго дѣтства. Максимъ Богдановичъ легко могъ бы примѣтить что съ его воспитанницей что-то не лады, да примѣчать ему было некогда. За Катей не присматривалъ никто. Англiйская миссъ презрительно отъ нея сторонилась, боясь унизить свое британское достоинство участiемъ въ судьбѣ этой полудикой уличной дѣвочки. Старая няня, давно превратившаяся въ ключницу, правда, не разъ доносила Англичанкѣ что видѣла Катю на улицѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ провожавшимъ ее изъ гимназiи: „Алтекаршка должно-быть какой-то“, съ явнымъ пренебреженiемъ отзывалась о немъ няня. Но Англичанка выслушивала эти доносы равнодушно, почти довольная тѣмъ что оправдывается ея дурное мнѣнiе о Катѣ. А Максима Богдановича безлокоить не смѣли. Развязка наступила для всѣхъ неожиданно. Въ одно весеннее утро Катя по обыкновенiю ушла въ гимназiю и больше не возвращалась. Въ домѣ переполошились; бѣглянку стали разыскивать по городу, а Вѣруса съ замиранiемъ сердца ожидала извѣстiй о ней, твѣрдо вѣря что Катю постигло несчастiе. Розыски не повели ни къ чему; а дня два спустя хватились что

куда-то исчезли золотыя серьги Вѣрсуи, браслетъ недавно подаренный ей отцомъ и дорогое ожерелье ея покойной матери, тоже хранившееся у нея въ комнатѣ. Тутъ у прислуги развязался языкъ; боясь отвѣтственности, всѣ въ домѣ обвинили бѣглянку, а няня рассказала про замѣченнаго съ нею аптекаря. „Онъ ее, батюшка, и надумалъ“, объявила она Максиму Богдановичу, „ужь не безъ этого. Всѣ они—известное дѣло, хахачи эти—мазурики первѣйше: съ дѣтства красть приучены“. Англчанка оумрачко и величаво добавила что ея это нисколько не удивляетъ и что люди рижскіе принимать въ свѣй домъ уличныхъ дѣвчонокъ должны быть готовы на худшее. Максимъ Богдановичъ не на шутку вспылалъ: онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ что такъ долго держалъ у себя воровку и грозился поднять на ноги всю полицію. Вѣрсуя, блѣдная какъ полотно, измученная стыдомъ за чужую вину, умоляла его бросить розыски. Не Катю ей было жаль, а своего поруганнаго чувства привязанности. Предположенія няни подтвердились: Ката въ самомъ дѣлѣ поддавалась наставленіямъ увлекшаго ее юноши, въ которомъ она видѣла прежде всего избавителя отъ таготившей ее зависимости. Она возненавидѣла домъ гдѣ ее воспитали и бросилась на шею первому встрѣчному, вообразивъ что его полюбила. Она не постыдилась даже уйти изъ этого дома какъ воровка: такъ по крайней мѣрѣ она шла къ любимому человѣку не съ пустыми руками. А что значили похищенные ею дорогія бездѣлушки для такихъ богатыхъ людей? Судьба Кати скоро разъяснилась. Молодой малый увезъ Катю въ недалекій уѣздный городъ и тамъ завелъ себѣ небольшую торговлю. Максимъ Богдановичъ, уступая просьбамъ дочери, махнулъ на него рукой. А съ Вѣрсуей произошло нѣчто странное. Ея молодое сердце точно морозомъ побито; въ него запаало, какъ капля яду, то недовѣріе къ людямъ какое медленно приноситъ съ собой тяжелый жизненный опытъ. Она попрежнему охотно и старательно помогала нуждающимся не одною милостыней, но дѣлала она это съ какимъ-то сухимъ, едва не презрительнымъ чувствомъ, точно отъ людей которымъ она дѣлала добро и нечего было ожидать чего-либо кромѣ низкихъ лобужденій и полной неблагодарности. „Это въ порядкѣ вещей“, думалось пятнадцатилѣтней дѣвчкѣ разочарованной не по дѣтамъ. А сердце у нея такъ и выло отъ этого жесткаго чувства;

оно бессознательно такъ и просилось любить. Ей хотѣлось сперва это чувство цѣлкомъ отдать семьѣ. Но какъ ни старалась она себя увѣрить что горячо любить отца и брата, Максимъ Богдановичъ возбуждалъ въ ней какое-то непонятное для нея самой отчужденіе. Въ вѣжности съ его стороны недостатка не было, но одною лаской видно подкупить ее было нельзя. Слишкомъ ужъ большое мѣсто въ жизни Максима Богдановича занимали деньги, и всякій разъ когда сердце молодой дѣвушки было готово открыться предъ нимъ съ довѣрчивою любовью, ее какъ холодомъ обдавало отъ вѣчно повторявшихся заботъ все о новыхъ дѣлахъ и новыхъ разчетахъ. Къ брату Вѣруся питала особое, почти материнское чувство, точно она не на годъ только была его старше. Въ этомъ чувствѣ было еще болѣе состраданія чѣмъ равноправной любви: такимъ Павлукъ всегда ей казался болѣзненнымъ и слабымъ, а ее душа могла отдаться только существу болѣе сильному чѣмъ она сама. Да она и не задавала себѣ вопросовъ объ этомъ. Она только чего-то ждала бессознательно и, какъ цвѣтокъ въ холодное утро, не развертывалась.

Ей минуло восемнадцать лѣтъ, и Максимъ Богдановичъ, у котораго была родня въ Москвѣ, повезъ ее туда и сдалъ на руки не очень богатой, но очень сановитой теткѣ, къ которой вся Москва ѣздила на поклонъ и которой все прощалось: и несносныя москѣ въ ея гостиной, и азбалмошныя выходки, и даже старомодныя челцы. Вѣрусю неугомонная старуха возила по всѣмъ стогнамъ бѣлокаменной и дала ей вдоволь насмотрѣться на московскую размахистую добродушную праздность. Предъ глазами молодой дѣвушки мелькали разноцвѣтными освѣщенныя залы и пестрая толпа въ этихъ залахъ. И всю зиму она оставалась для Вѣруси безразличною толпою, изъ которой не выдѣлилось ни одно лицо которое бы ее поразило. Въ услѣхъ у нея недостатка не было. Все превращалось въ улыбку при ея входѣ въ бальную залу: не даромъ она считалась богатою невѣстой. Комплименты жужжали у нея въ ухахъ, а ей казалось что она съ самаго начала зимы видитъ все ту же улыбку и слышитъ все тѣ же слова. „Зачѣмъ это они, думалось ей, когда она вспоминала про своихъ непрощенныхъ поклонниковъ, слишкомъ ужъ похожихъ друга на друга,—зачѣмъ это они съ какимъ-то усиліемъ говорятъ со мною и точно не знаютъ о чемъ завести рѣчь, будто обязан-

ность несутъ"? Ихъ приторныя искательныя лица, ихъ выдошенные, словно наизусть выученныя рѣчи вызывали въ ней невеселую насмѣшку. Непомыслимое въ ея годы чувство утомленія вынесла молодая дѣвушка изъ московскаго свѣта, и когда отецъ пріѣхалъ за ней къ Пасхѣ, она съ радостью вернулась къ давно знакомой провинціальной обстановкѣ, гдѣ все-таки ей какъ-то легче дышалось среди простой, незатѣливой жизни. И тамъ была равнодушная, томящая пустота, но по крайней мѣрѣ не было ни и принужденія. Лѣто въ деревенской тиши ее маняло. У Бняжича была, верстахъ въ десяти отъ города, обширная усадьба, недавно имъ купленная. Тамъ его семья проводила лѣто, а самъ онъ, неусидчивый по природѣ, туда заѣзжалъ отдыхать отъ дѣлъ. Вѣрсия не любила этого мѣста. Жить въ чужомъ домѣ, недавно перешедшемъ къ ея отцу, ей казалось чѣмъ-то общиннымъ; точно и самый этотъ домъ, и старики-деревья въ саду хмурились на нее какъ на самозванку. Но въ этомъ году въ первый разъ весна заговорила ей невѣдомымъ до того волшебнымъ языкомъ, и садъ на берегу рѣки, и сочные, пахучіе дуга какъ будто въ первый разъ одѣлись для нея въ весеннее убранство. Ей хотѣлось насладиться тѣхъ не совсѣмъ внятныхъ, но сладкихъ рѣчей какія хоть разъ въ жизни каждой дѣвушкѣ напелтываетъ разцвѣтающая природа. Но туманная мечтательность не могла долго удовлетворить Вѣрсию: ей хотѣлось внятныхъ, опредѣленныхъ чувствъ. Садъ скоро отцвѣлъ, и лѣтнее солнце разогнало налетѣвшія на нее грезы. Снова овладѣло ею тоскливое, хоть и спокойное чувство. За чѣмъ живетъ она и чего ждать впереди? Этотъ вопросъ навязчиво теперь преслѣдовалъ ее, и безцвѣтною, и пустою казалась ей черезчуръ спокойная и привольная жизнь. На слѣдующую зиму она уже не захотѣла ѣхать въ Москву. Здѣсь, въ губернскомъ городѣ, гдѣ протекло ея дѣтство, думалось ей, проще и ровнѣе живетъ. Она воображала что этого-то ей и нужно, не сознавая даже что она все больше уходитъ въ себя отъ окружавшихъ ее людей, что какое-то равнодушное, даже презрительное состраданіе къ ихъ мелочнымъ интересамъ все сильнѣе овладѣваетъ ею. Обыкновенно такъ случается съ людьми уже долго потерявшими, когда длинныя однообразныя годы научили ихъ ужъ не глядѣть впередъ къ несбыточной цѣли, а затихнуть въ безотрадномъ спокойствіи.

Съ Вѣрусей это случилось почему-то уже на девятнадцатомъ году. Можетъ-быть она черезчуръ много читала, и воспримчивый умъ ея, не находя отголоска въ семьѣ, слишкомъ уходилъ во внутренній, призрачный міръ, только она словно выросла надъ окружавшею ее средой; а на высотѣ всегда бываетъ и холодно, и одиноко. Подругъ у нея не было. Въ удовольствіяхъ губернской зимы она принимала лишь равнодушное участіе. У тѣхъ кто пробовалъ вступать на путь къ будущей женитьбѣ, а въ желающихъ недостатка не было, она скоро отнимала надежду леденящею свисходительностью въ обращеніи. „Только-то“? спрашивала она часто у себя, когда оставалась одна въ своей комнатѣ, гдѣ ночью просиживала иногда цѣлые часы, горько задумываясь надъ своею жизнью. Чего ей собственно хотѣлось, она не сумѣла бы сказать. Порой на нее находили совсѣмъ не женскія мечты, грезились ей видныя дѣятельныя роли. Она заслушивалась какихъ-то слышныхъ ей одной голосовъ, словно она гдѣ-то на высотѣ, и ея имя произносится съ благодарнымъ поклономъ... И вдругъ она опомнится, насмѣшливо откинетъ праздную игру воображенія и неслыханно жалкимъ покажется ей тотъ провинціальныи мірокъ гдѣ первое мѣсто принадлежитъ ея отцу, а этотъ отецъ и самъ-то не идетъ далѣе заботы о своемъ обогащеніи. „Деньги, и все деньги!.. Неужели лучшаго и нѣтъ ничего? Неужели нѣтъ человѣка для котораго можно было бы забыть все — и себя и свои грезы, и подчинить свое будущее его мощной и въ то же время благородной волѣ?“

(Продолженіе будетъ.)

К. ОРЛОВСКИЙ.

ЗАКАВКАЗЬЕ ВЪ ТОРГОВОМЪ ОТНОШЕНІИ

Въ іюль мѣсяцѣ настоящаго года я получилъ предложеніе отъ Т. С. Морозова побывать въ Закавказскомъ краѣ съ цѣлью ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ тамошнихъ торговыхъ дѣлъ.

По пріѣздѣ на Кавказъ, я старался главнымъ образомъ присмотрѣться къ торговой дѣятельности въ ея мѣстныхъ центрахъ, а потому съ особымъ вниманіемъ изучалъ положеніе торговыхъ дѣлъ въ Батумѣ, Тифлисѣ, Баку и Эривани. Представляю краткій отчетъ о собранныхъ мною матеріалахъ и общемъ впечатлѣніи вынесенномъ мною изъ моей поѣздки.

Опредѣлить количество товаровъ необходимыхъ для внутреннего потребленія въ Закавказскомъ краѣ точною цифрою довольно трудно, но пользуясь статистическими данными помѣщенными въ *Обзорахъ внешней торговли*, а также трудами знатока Закавказскаго края, почтеннаго Н. А. Шаврова, можно составить приблизительно вѣрное представленіе о размѣрахъ товарнаго сбыта въ краѣ.

Ввозъ иностранныхъ товаровъ въ Закавказскій край съ 1873 года по 1881 годъ можетъ быть опредѣленъ среднею цифрою около 8 милл. рублей въ годъ. Ввозъ изъ Россіи каботажемъ по *Черному Морю*, простиравшійся въ 1873 году до 5 милл. руб. (4.992.296 руб.), въ 1881 году дошелъ уже до 16 милл. руб. (15.835.133 рублей). Статистическихъ данныхъ о привозѣ

каспійскимъ каботажемъ и Военно-Грузинскою дорогою мнѣ не удалось собрать.

Изъ всеподданнѣйшаго отчета тифлискаго губернатора, помѣщеннаго въ извлеченіи въ *Кавказскомъ Календарѣ* за прошлый годъ, видно что въ 1881 году Коммерческій Банкъ и Общество Взаимнаго Кредита перевели на русскіе и другіе рынки 27 милл. руб., да на почтѣ въ Тифлисъ принято для отправки въ Россію 10 милл. руб. и за границу свыше 420 тыс. руб. Слѣдовательно всего въ 1881 году уплачено Кавказомъ свыше 37.420.000 руб.

Принимая во вниманіе что многіе торговые дома на Кавказѣ имѣютъ съ заграничными домами текущіе счета, по которымъ платежи производятъ не деньгами, а товаромъ; да еще, что кавказскіе кулцы значительную часть своихъ долговъ уплачиваютъ лично на Нижегородской ярмаркѣ, въ Москвѣ и другихъ русскихъ городахъ, нельзя не придти къ убѣжденію что размѣръ потребляемыхъ Закавказьемъ товаровъ долженъ значительно превышать приведенную цифру 37.420.000 руб.

Закавказье занимаетъ пространство почти въ 213.000 квадр. верстъ (212.909) * при населеніи въ 3.700.000 душъ (3.697.275), то-есть около 17 человекъ на квадр. версту.

Если въ настоящее время, при малолюдности и естественныхъ богатствахъ почти нетронутыхъ еще разработкой, Кавказъ является потребителемъ привозныхъ товаровъ, смѣло можно сказать, на сумму много выше 40 милл. руб., то въ будущемъ съ развитіемъ и благоустроеніемъ края, онъ можетъ получить для русской промышленности и торговли несравненно болѣе важное значеніе.

Отсюда понятна зависть съ какою смотритъ иностранная промышленность на этотъ уголокъ Россіи.

Для западно-европейской промышленности отъѣзна закавказскаго транзита была громовымъ ударомъ: устранена та легкость съ какою проникала въ Закавказскій край контрабанда. Отсюда понятно почему въ настоящее время со стороны нѣкоторыхъ торговцевъ ведется не мало интригъ съ цѣлью доказать что закрытіе транзита будто бы вредно для края. Прискорбнѣе всего было убѣдиться что нѣкоторыя лица занимающія административное положеніе усвоили взгляды

* *Кавказскій Календарь* 1882 года, стр. 323.

Кружка капиталистовъ заинтересованныхъ въ существованіи транзита.

Статистическія данныя: а) по привозу транзитныхъ товаровъ изъ Европы, б) по привозу европейскихъ товаровъ въ Закавказье и в) по привозу изъ Россіи каботажемъ по Черному Морю, представляетъ торговое дѣло въ недавнемъ прошломъ въ такомъ видѣ:

	Европейскій привозъ транзитомъ черезъ Закавказье.	Привозъ европейскихъ товаровъ въ Закавказье.	Привозъ изъ Россіи каботажемъ по Черному Морю.
Въ 1873 году было на	2.643.164 руб.	7.826.790 руб.	4.992.296 руб.
" 1874 " " "	3.692.053 "	8.163.852 "	7.426.282 "
" 1875 " " "	3.486.247 "	8.096.141 "	7.908.421 "
" 1876 " " "	3.898.446 "	8.310.546 "	10.262.478 "
" 1877 " " "	1.651.215 "	4.025.164 "	1.520.221 "
" 1878 " " "	2.073.643 "	7.645.035 "	15.066.968 "
" 1879 " " "	4.664.074 "	8.640.388 "	16.262.436 "
" 1880 " " "	4.574.599 "	7.783.701 "	21.708.543 "
" 1881 " " "	7.772.000 "	7.953.421 "	15.835.133 "

Не говоря уже о товарахъ доставленныхъ изъ Россіи въ Закавказскій край по Военно-Грузинской дорогѣ и чрезъ Астрахань по Каспійскому морю, достаточно вышеприведенныхъ данныхъ чтобы видѣть преобладающее значеніе русской торговли не только предъ транзитомъ, но и предъ всѣмъ ввозомъ иностранныхъ товаровъ.

Въ транзитѣ заинтересованы исключительно нѣсколько богатыхъ торговыхъ фирмъ, состоящихъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ иностранными торговыми домами, и затѣмъ коммиссіонеры иностранныхъ домовъ проживающіе въ Тифлисѣ.

І. Т и ф л и с ъ.

Тифлисъ, избранный центромъ администраціи, сдѣлался вслѣдствіе того и центромъ торговой дѣятельности; но въ настоящее время положеніе дѣлъ начинаетъ уже измѣняться. Тифлисъ испытываетъ сильный застой въ торговлѣ вслѣдствіе многихъ причинъ. Вотъ главныя изъ нихъ:

1) Съ умиротвореніемъ края, правительство не находитъ болѣе нужнымъ содержать въ Закавказскомъ краѣ значительныя военныя силы; вслѣдствіе же сокращенія ихъ,

лица занимавшіяся поставками къ армію почти потеряли почву для своей дѣятельности. Особенно это отозвалось на Тифлисѣ, гдѣ во время пребыванія Великаго Князя Намѣтника было сосредоточено много войска.

2) Отъѣздъ Его Императорскаго Высочества и вмѣстѣ отъѣздъ блестящей свиты составлявшей дворъ Великаго Князя тоже повліялъ на тифлисскую торговлю цѣнными предметами.

3) Батумское порто-франко даетъ возможность частнымъ лицамъ провозить контрабандой много предметовъ, что непосредственно отзывается на внутренней торговлѣ Кавказа вообще и Тифлиса въ особенности.

4) Въ прежнее время Тифлисѣ производилъ большую оптовую торговлю всякими товарами со всеми внутренними городами Закавказья; въ послѣднее же время, благодаря улучшенію путей сообщенія, даже мелкіе торговцы стали входить въ непосредственныя торговыя сдѣлки съ русскими фабрикантами.

5) Время послѣдней Русско-Турецкой войны было самымъ блестящимъ для торговли Закавказья; такъ, напримѣръ, маленькая колониальная лавочка Тифлискаго Общества Бережливости, едва дѣлавшая прежде ежегодный оборотъ до 30 тыс. рублей, быстро развила свою дѣятельность до оборота во 107 $\frac{1}{2}$ тысячъ рублей, давая отъ 12 до 16% дивиденда. Наплывъ денегъ на Кавказъ во время войны и прибыльность занятія торговлей увеличили массу торговцевъ, которые теперь, конкурируя, подрываютъ другъ друга.

Въ настоящее время число торговцевъ уменьшается; много большихъ магазиновъ уже закрыто; число объявленныхъ купеческихъ капиталовъ, доходившее въ 1880 году до 1.062, въ истекшемъ году, по словамъ старшины купеческой управы Е. А. Давыдова, уменьшилось до 800.

Принявъ за основаніе справочную книгу о лицахъ получившихъ въ 1880 году купеческія свидѣтельства, можно составить вѣрное представленіе о торговой дѣятельности Тифлиса. Изученіе этой книги дало слѣдующіе выводы:

а) Купцовъ 1й гильдіи было 49, изъ нихъ 19 занимались исключительно подрядами, 7—мануфактурною торговлей и транзитомъ, 6—спеціально транзитомъ, 4—торговали колониальными товарами, 3—баккиры, 2 торговали сахаромъ, 2—шерстью и 7 разнымъ товаромъ.

б) Купцовъ 2й гильдіи 1.003. Изъ нихъ: 180 мануфактурныхъ торговцевъ, 117—галантерейныхъ, 72—бакалейныхъ и

колоніальныхъ, 62 торговца виномъ, 35 подрядчиковъ, 27 табачныхъ фабрикантовъ и торговцевъ, 26 торговцевъ желѣзомъ и металлическими вещами, 26 сукномъ, 20—сахаромъ и чаемъ. Занятія остальныхъ распадаются на многіе отдѣлы, о которыхъ распространяться не представляетъ интереса.

Иногороднаго купечества торгующаго въ Тифлисѣ по первой гильдіи было около 16% (8 чел.), а иностраннаго около 4% (2 чел.) Во второй гильдіи: иногородныхъ 114 и иностранныхъ 81, что въ общемъ числѣ купцовъ второй гильдіи составляетъ около 11½% иногородныхъ и 8% иностранныхъ.

Въ Тифлисѣ имѣеть своихъ представителей иностранная промышленность почти всѣхъ странъ. Такъ Персія имѣеть тамъ 28 купцовъ, Франція—2 купцовъ первой гильдіи и 15 второй; Германія и Пруссія—21, Турція—7, Австрія—6, Англія—2, Швейцарія, Виртембергъ и Америка по одному.

Только русскіе торгово-промышленные интересы поручены въ Тифлисѣ Армянамъ, такъ какъ фирмы Полова и Перлова съ китайскимъ чаемъ и еврейская фирма Альшвангъ съ австро-германскими товарами не могутъ же считаться представителями русской фабрично-заводской промышленности.

При такомъ ненормальномъ положеніи дѣлъ, преобладаніе русскаго товара въ Тифлисѣ и вообще на Кавказѣ можно объяснить единственно широкимъ кредитомъ который оказывается кавказскимъ торговцамъ*. О ходѣ ихъ торговли знаютъ у насъ только по слухамъ, а иногда и вовсе не знаютъ и кредитуютъ ихъ на рискъ.

Для опредѣленія количества русскіхъ товаровъ поступающихъ въ Тифлисъ нѣтъ данныхъ; что же касается иностранныхъ товаровъ, то изъ вѣдомости Тифлисской таможни видно что привозъ европейскихъ товаровъ въ Тифлисъ въ 1880, 1881 и 1882 годахъ колебался около 1½ милл. рублей, постепенно уменьшаясь. Ввозъ же азіатскихъ товаровъ, хотя и незначительный, возрастаетъ довольно быстро: такъ въ 1880 году было привезено на 14 тыс. рублей, въ 1881 году на 70½ тыс. руб. и въ 1882 году на 102½ тыс. рублей.

Какъ свидѣтельствуютъ привезенные мною образцы персидскихъ и турецкихъ товаровъ, единственное достоинство ихъ

* Въ 1880 году Коммерческой Банкъ, Общество Взаимнаго Кредита и отдѣленіе Государственнаго Банка въ Тифлисѣ учли векселей на 15.482.000 руб. (*Кавказск. Календарь* за 1882, стр. 235).

заключается въ томъ что они удовлетворяютъ вкусамъ мѣстнаго населенія; но цѣна ихъ не соотвѣтствуетъ ихъ качеству. Возрастающій привозъ мануфактурныхъ издѣлій изъ Персїи и Турціи, имѣющихъ промышленность лишь въ кустарномъ видѣ, и то въ бѣдственномъ состояніи, объясняется ввозомъ туда европейскихъ товаровъ поддѣльныхъ подъ азіатскіе; при ввозѣ же въ Закавказье, эти европейскіе товары очищаются пошлиной по специальному низкому тарифу (5% съ цѣны).

Этотъ способъ привоза европейскихъ издѣлій подъ видомъ азіатскихъ практикуется, повидимому, и на западной русской границѣ: начальникъ Петербургскаго таможеннаго округа, г. Львовскій, при своемъ отъѣздѣ отъ 27 сентября 1883 года, препроводилъ въ Тифлисскую таможену образцы англійской бязи и ситцевъ для опредѣленія точно ли этотъ товаръ азіатскаго происхожденія, подъ каковымъ наименованіемъ онъ представленъ для очистки пошлиной въ одну изъ подвѣдомыхъ г. Львовскому таможенъ. Мусульманскіе торговцы вызванные для экспертизы Тифлисскою таможеней по поводу этого случая дали категорическій отвѣтъ что товаръ не азіатскаго происхожденія и не мало дивились тому что кто-нибудь могъ въ этомъ сомнѣваться. Но можно съ увѣренностью сказать что поддѣльно-азіатскій товаръ былъ бы признанъ тѣми же экспертами за действительно азіатскій еслибы дѣло касалось привоза не въ Петербургскую таможену, но въ одну изъ пограничныхъ таможенъ Закавказскаго края: личные расчеты поминали бы сказать правду.

Но и не прибѣгая къ такому способу выдаванія европейскихъ товаровъ за азіатскіе, нѣкоторые закавказскіе торговцы находятъ возможнымъ производить въ большихъ размѣрахъ торговлю прямо контрабанднымъ товаромъ, въ чемъ я убѣдился въ Эривани, гдѣ контрабандная торговля производится даже оптомъ.

Обстоятельство это не безызвѣстно и начальству, но накрыть контрабандныхъ торговцевъ довольно трудно. Зимой прошлаго года начальникъ Бакинскаго таможеннаго округа, г. Лебедевъ, рѣшилъ произвести выемку въ Эривани, но пока шли объ этомъ разсужденія и переписка, въ Эривани уже было извѣстно о предполагаемой выемкѣ. Когда, наконецъ, назначенъ былъ день отъѣзда г. Лебедева, Эриванцы, еще за двѣ недѣли извѣщенные письменно, получили телеграмму такого

содержанія: „Будетъ ребенокъ, крестите его“. Въ результатъ оказалось что во всѣхъ лавкахъ обширнаго эриванскаго базара собрали лишь ничтожное количество несчастныхъ доскутковъ, которые и конфискованы, какъ контрабанды, для продажи съ публичнаго торга. Очевидцы разказывали что эта аукціонная продажа производилась на городской площади, въ присутствіи г. Лебедева, положеніе котораго при этомъ было, конечно, не завидное: никто не хотѣлъ покушать конфискованнаго товара, со всѣхъ сторонъ сыпалась острота и предложенія несообразно дешевыхъ цѣвъ, ниже оцѣнки. Разказываютъ будто дѣло этимъ не кончилось, будто неудачная, не по винѣ г. Лебедева, выемка повлекла для него за собой служебныя непріятности, и что кѣмъ-то изъ вліятельныхъ лицъ было будто бы высказано что выемки въ городахъ на будущее время не должны быть производимы, такъ какъ бесполезны и только возбуждаютъ неудовольствія мѣстнаго населенія, а слѣдуетъ де на будущее время ограничиться единственно болѣе внимательнымъ надзоромъ за пограничною чертою.

Невозможность ограничиться надзоромъ единственно на пограничной чертѣ, въ виду не приведенной еще въ должный порядокъ пограничной стражи, побудила, однако, начальника Тифлискаго таможеннаго округа г. Зыкова устроить внутрѣнный кордонъ чтобъ оградить Тифлисъ отъ контрабанды проходящей со стороны Ахалцыха. Для исполненія кордонной службы командированы на линію желѣзной дороги 28 человекъ таможенной стражи (изъ ихъ числа во время моего проѣзда шестнадцать числились больными). Проѣзжая по желѣзной дорогѣ можно было видѣть на нѣкоторыхъ станціяхъ таможеннаго стражника расказывающаго по платформѣ и, конечно, не могущаго видѣть и знать что везется въ вагонахъ, а на станціи Михайловской, которая считается главнымъ пунктомъ гдѣ прорывается контрабанда, кромѣ стражника можно было видѣть и отряднаго офицера. Одинъ изъ служащихъ на Закавказской желѣзной дорогѣ, наилучше освѣдомленный, по своему служебному положенію, съ товарнымъ ло ней движеніемъ, разказывалъ мнѣ какъ фактъ что весной въ этомъ году съ маленькой станціи Нотанеби, находящейся близъ берега Чернаго Моря среди болотъ и лѣсовъ, неоднократно были отправляемы съ большою скоростью мануфактурныя издѣлія партіями по 75 пудовъ, и что въ недавнемъ прошломъ станція Самтреди отправляла чай цѣлыми вагонами.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, принимаются мѣры для устройства пограничной стражи въ Закавказьѣ. Между прочимъ, въ минувшемъ августѣ прибыли туда Балашская и Вержболовская таможенные бригады для занятія пограничнаго кордона на персидской границѣ въ Бакинской губерніи. Прибывъ на мѣсто безъ оружія и амуниціи, таможенные солдаты, къ сожалѣнію, какъ мыъ передавали, не нашли на границѣ никакихъ построекъ гдѣ бы можно было пріютиться. 20 октября, во время посѣщенія мною Тифлисской таможни, я слышалъ разговоръ о пріѣздѣ въ Тифлисъ съ границы командира новоустроенной бакинской таможенной бригады чтобы принять изъ таможни ружья для стражи.

Вообще слышны были свѣтованія на отсутствіе инструкцій по дѣлу новой организаціи таможенной стражи въ Закавказьѣ, чѣмъ только и объясняется такой фактъ что, напримѣръ, въ Черноморской бригадѣ, сравнительно давно уже организованной, въ мое пребываніе за Кавказомъ не были еще устроены помѣщенія гдѣ бы солдаты могли укрываться отъ непогоды. Когда я былъ въ Батумѣ, изъ 160 человекъ нижнихъ чиновъ въ строю было только 40 человекъ, а остальные были большы лихорадкой. Еще съ весны проектировалась постройка барачковъ для солдатъ, но дѣло затянулось и до сентября мѣсяца ограничивалось только сложною перепиской, которая неизвѣстно когда кончится.

При такомъ положеніи дѣлъ трудно ожидать чтобы въ настоящее время пограничная стража могла сдерживать контрабанду проходящую какъ изъ Батума, такъ и съ турецко-персидской границы.

Главнѣйшіе предметы контрабанды—мануфактурныя издѣлія, чай и спиртные напитки.

Въ Тифлисѣ сосредоточены наиболѣе крупныя капиталы закавказскихъ кулцовъ, которые, составяя слабую торговую корпорацію, захватили въ свои руки почти всю торговлю и вѣншаю и внутреннюю.

Вѣншная торговля Закавказья развивается довольно быстро; особенно отлукъ за границу. Вотъ сколько было отпущено товаровъ по официальнымъ свѣдѣніямъ:

	За границу.	Въ русскіе Черном. порты.	Всего пудовъ.	На сумму.
Въ 1878 году....	1.420.700 п.	283.153 п.	1.703.853	6.255.459 р.
" 1879 " ...	1.460.893 "	480.875 "	1.941.768	6.558.236 "
" 1880 " ...	962.488 "	310.484 "	1.272.972	7.917.903 "
" 1881 " ...	2.303.335 "	336.397 "	2.639.732	7.819.183 "

Главный предметъ вывоза изъ Закавказья составляетъ зерновой хлѣбъ, преимущественно кукуруза, вывозъ коей въ 1881 году достигъ до 2.184.940 пуд., затѣмъ слѣдуетъ шелкъ, котораго вывезено въ 1881 году до 70 тыс. пуд. (69.741), и шерсть, вывозъ которой въ нѣвые годы превышалъ 200 тыс. пудовъ (въ 1880 году—220.090 пуд., а въ 1881 году—139.892 п.).

II. Торговля шелкомъ.

Изъ отчета Закавказской желѣзной дороги за 1882 годъ видно что на станцію Ново-Сенаки доставлено для отправки шелку, коконовъ и фризонъ (шелковыхъ отбросовъ) 216 п., то-есть уѣзды Зугдидскій, Сенакскій, Озургетскій и часть Кутаисскаго даги для вывоза 216 пуд. шелка въ разномъ видѣ.

Для шелка (то-есть всѣхъ продуктовъ шелководства) другихъ мѣстностей Кавказа складочнымъ мѣстомъ служитъ Тифлисъ, откуда и было отправлено шелка 52.624 пуд. частью на промежуточныя станціи, но большею частью въ Потю. Въ 1882 году въ Потю поступило съ желѣзной дороги 52.824 пуд.

17 октября прошлаго года было въ Тифлисъ общее собраніе членовъ Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства, которое почтили своимъ присутствіемъ министръ Государственныхъ Имуществъ, главноначальствующій Кавказскимъ краемъ, высокопреосвященный ексзархъ Грузіи, членъ Совѣта Государственныхъ Имуществъ И. П. Архиловъ и много другихъ лицъ. На этомъ засѣданіи былъ прочитанъ Н. Н. Шавровымъ интересный рефератъ о современномъ состояніи шелководства, и я позволяю себѣ взять нѣсколько цифровыхъ данныхъ и фактовъ изъ его реферата.

Изъ сдѣланнаго г. Шавровымъ очерка шелководства видно что въ настоящее время въ Закавказьѣ шелководствомъ занимаются: въ *Елисаветпольской губерніи* въ уѣздахъ Нухинскомъ, Арешскомъ, Елисаветпольскомъ, Шушинскомъ, Джебраильскомъ, Джеванширскомъ и Зангезурскомъ; въ *Бакинской губерніи* въ уѣздахъ Кубинскомъ, Гокчайскомъ, Джебватскомъ и Шемахинскомъ; въ *Дриванской губерніи* въ уѣздѣ Нахичеванскомъ; наконецъ, въ округѣ Закатальскомъ, въ Кахетіи, Имеретіи, Мингреліи и Гуріи. Размѣры которыхъ достигаетъ производство коконовъ и шелка до сихъ поръ точно не опредѣлены, но во всякомъ случаѣ значительны.

Такъ въ 1881 году изъ Закавказья чрезъ Поту вывезено 71 тысяча пудовъ коконовъ, шелку и охолопьевъ, на сумму болѣе $4\frac{1}{2}$ милл. рублей. Шелкъ изъ Поти отправляется главнымъ образомъ въ Марсель, гдѣ, впрочемъ, по своему качеству, занимаетъ послѣднее мѣсто.

Добавлю что изъ моихъ личныхъ разспросовъ шелководовъ гг. Терегулова и Лоресе, а равно многихъ торговцевъ, положеніе дѣла выяснилось мнѣ въ слѣдующемъ видѣ: Марсель покупаетъ почти исключительно коконы и фризоны и лишь очень малое количество размотаннаго шелка. Дешевая оцѣнка кавказскаго шелка происходитъ отъ дурной сортировки коконовъ. Тщательно сортированныя коконы имѣютъ одинаковую цѣну съ французскими и итальянскими, но для такой сортировки необходимо покупать коконы сырыми, что на практикѣ не представило бы затрудненія еслибы кто захотѣлъ заняться этимъ дѣломъ. Размотка шелка на Кавказѣ очень неудовлетворительна, потому что шелкомотальни вырабатывающихъ шелкъ высокаго качества немного. Болѣе всего разматывается шелкъ ручнымъ способомъ и низкаго качества, на цѣну отъ 120 до 300 руб. за пудъ, и этотъ шелкъ идетъ въ Россію.

Имѣя въ виду брошюру стариннаго шелководы Н. А. Никитина о выгодахъ которыя можетъ принести устройство шелкомотальни въ Москвѣ, я собралъ довольно обширную коллекцію коконовъ, и еслибъ этотъ вопросъ обратилъ на себя серьезное вниманіе, я могъ бы представить отдѣльный докладъ о практическихъ условіяхъ необходимыхъ, по моему мнѣнію, для начала дѣла.

III. Торговля шерстью и шерстяными тканями.

Мусульмане, которыхъ въ Закавказь почти $1\frac{3}{4}$ миллиона душъ (1.712.229), составляютъ большинство сельскаго населенія въ краѣ. Это населеніе, ведя, по мѣстнымъ условіямъ, полуосѣдлый, полукочевой образъ жизни, считаетъ выгоднымъ разведеніе овецъ, а потому на Тифлисскій рынокъ поступаетъ изрядное количество шерсти, которая затѣмъ перепродается за границу.

Въ прошломъ году отправлено было изъ Тифлиса шерсти 193.367 пуд. и изъ Гори 3.352 пуд.

Армяне находятъ расчетъ отправлять грязную шерсть чрезъ Константинополь въ Англію, но устройство шерстомойни въ Тифлисъ и отправка шерсти мытой и лакованной принесла бы несравненно большую пользу. Насколько выгодно такое предпріятіе предоставляю судить лицамъ специально знакомымъ съ этимъ предметомъ.

Перехожу къ шерстянымъ тканямъ продаваемымъ въ Закавказьѣ.

Наибольшее количество шерстяныхъ тканей (какъ-то: сукно, драпъ, фланель, платки, пледы, одъяла, шерстяныя и полушерстяныя матеріи для платьевъ) получаютъ въ Закавказьѣ изъ Лодзи, куда мѣстные торговцы по нѣскольку разъ въ годъ лично отправляются за покулками. Если въ настоящее время шерстяныя ткани нашихъ центральныхъ фабрикъ еще имѣютъ сбытъ въ Закавказьѣ, то единственно благодаря лучшему качеству и сравнительно болѣе долгосрочному кредиту который оказывается фабрикантами центральныхъ мѣстностей, тогда какъ у лодзинскихъ фабрикантовъ положенный срокъ кредита не болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Собранные мною образцы иностранныхъ суконъ представляютъ коллекцію любимыхъ цвѣтовъ мусульманскаго населенія въ Закавказскомъ краѣ.

Лодзинскіе товары хорошо извѣстны въ Москвѣ, а потому я счелъ излишнимъ собирать образцы, взявъ единственно одинъ образецъ релса фабрики Борухъ на 95 к. за аршинъ

IV. Хлопокъ.

Хлопчатникъ, по мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, можетъ быть разводимъ съ большимъ успѣхомъ и на Черноморскомъ побережьѣ, и въ губерніяхъ Елисаветпольской, Кутаисской, Тифлисской, Бакинской и Эриванской; но въ настоящее время онъ разводится только въ Эриванской губерніи, гдѣ средній сборъ хлопка достигаетъ до 100 тысячъ пудовъ, и въ Кутаисской, гдѣ его получаютъ до 2.000 пудовъ; въ остальныхъ же мѣстностяхъ разведеніемъ хлопка почти совсѣмъ не занимаются, или занимаются въ крайне ограниченныя размѣрахъ для домашнихъ надобностей.

Главная причина почему разведеніе хлопчатника сосредоточено почти исключительно въ Эриванской губерніи лежитъ

въ экономическихъ условіяхъ мѣстности, именно въ довольно густомъ осѣдомомъ населеніи, чего не представляютъ другія мѣстности имѣющія население полукочевое, или находяція въ другихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства (напримѣръ въ воздѣлываніи кукурузы, овцеводствѣ и шелководствѣ) болѣе выгодный или болѣе легкій предметъ занятій.

Получаемый съ Кавказа хлопокъ почти исключительно идетъ на внутренніе русскіе рынки. По рѣдкости населенія пока еще трудно ожидать увеличенія въ большихъ размѣрахъ количества производимаго Кавказомъ хлопка; улучшеніе же качества хлопка влоднѣ возможно, и если вмѣстѣ съ улучшеніемъ качества хлопка поднимется и цѣна на оный, то выгода отъ разведенія побудитъ заняться имъ большее число сельскихъ хозяевъ.

Относительно разведенія хлопка замѣчены были мною слѣдующія слабыя стороны:

1) Мѣстные жители разводятъ туземный хлопокъ рядомъ съ американскимъ, вслѣдствіе чего происходитъ скорое перерожденіе американскихъ сѣменъ.

2) Мѣстный хлопокъ (Кавказа) смѣшивается съ американскимъ сортомъ, что роняетъ качество товара.

3) Очистка хлопка отъ сѣменъ производится часто очень дурно, хорошихъ машинъ для очистки купить крестьянскому люду негдѣ, такъ какъ такихъ машинъ въ складахъ на Кавказѣ не имѣется. Богатые торговцы хлопкомъ имѣютъ машины выписанныя изъ-за границы, покупаютъ хлопокъ по деревнямъ не очищенный и очищаютъ сами, но такихъ торговцевъ очень немного; остальные торговцы скулаютъ хлопокъ очищенный самими крестьянами, причемъ со стороны покупателей часто сильно практикуется обвѣсъ и недобросовѣстная браковка, въ видахъ скидки съ договорной цѣны. Производя строгую браковку при покупкѣ, торговцы сами смѣшиваютъ хлопокъ и, мало того, въ хорешій американскій сортъ прибавляютъ хлопокъ низкаго качества изъ другихъ лартій и въ такомъ видѣ прессуютъ для продажи.

Привожу цифровыя данныя для расчетовъ выгоды хлопкаго производства:

Обработка земли, окучиваніе, поливка и уборъ хлопка обходятся отъ 30 до 50 руб. съ десятины. Сѣмьць для посѣва требуется около трехъ пудовъ на десятину. Средній урожай на поливныхъ земляхъ отъ 15 до 18 пудовъ очищеннаго

хлопка, причемъ получается еще 35—40 пудовъ зерень хлопчатника.

Цѣны очищеннаго хлопка на Эриванскомъ рынкѣ 11 сентября были: за американскій хлопокъ 2 руб. и 1 руб. 90 коп. за батманъ, то-есть 6 руб. 50 к. и 6 руб. 20 коп. Мѣстнаго хлопка (Караказа), когда я былъ въ Эривани, еще не было въ продажѣ, такъ какъ онъ поступаетъ на рынокъ въ началѣ ноября; цѣна на него постоянно дешевле колѣбекъ на 20 на батманъ или 65 коп. на пудъ.

Накладные расходы слѣдующіе: укупорка на 6 пудовъ за равентухъ и веревку 3 руб., складочныхъ 15 коп., рабочимъ 15 к., за машину для прессованія 15 к., провозъ отъ Эривани до Акстафы 40—50 к. за пудъ или отъ 2 руб. 40 к. до 3 руб. за кипу въ 6 пудовъ. Провозъ отъ Акстафы до Москвы 85 коп. за пудъ или 5 руб. 10 к. за кипу. Всего же расходовъ на кипу въ 6 пудовъ отъ 10 р. 95 к. до 11 руб. 55 к. или отъ 1 р. 82 к. до 2 р. на пудъ.

Увеличенію производства на Кавказѣ хлопка и улучшенію его качества могло бы, думаю, помочь слѣдующее:

1) Правильная организація покулки хлопка непосредственно отъ производителей—первоначально на Эриванскомъ рынкѣ, а въ послѣдствіи, по мѣрѣ развитія хлопкового производства, и въ другихъ мѣстахъ.

2) Безплатная на первое время раздача сѣменъ хлопчатника агентами русскихъ купцовъ прямо на руки крестьянамъ-производителямъ, преимущественно раздача сѣменъ въ видѣ преміи при окончательномъ разчетѣ за купленный хлопокъ. Очень было бы полезно изданіе на татарскомъ языкѣ краткаго руководства о разведеніи хлопка и о способахъ его усовершенствованной обработки, съ распространеніемъ такихъ руководствъ безплатно одновременно съ раздачей сѣменъ.

3) Устройство въ Эривани въ казенномъ Сердарскомъ Саду образцовой плантаціи для воздѣлыванія хлопка подъ управленіемъ опытнаго агронома. Бесѣдка сада могла бы быть обращена въ маленькій музей, въ которомъ были бы собраны усовершенствованныя орудія и машины по производству хлопка съ описаніемъ на татарскомъ же языкѣ. Организація выписки машинъ и продажа ихъ въ рассрочку была бы также практичѣски полезною мѣрой.

4) На обязанности агронома, кромѣ завѣдыванія плантаціей Сердарскаго Сада, должна бы лежать обязанность способствовать развитію и улучшенію производства хлопка въ Закавказьѣ, для чего онъ могъ бы дѣломъ, предъ посѣвомъ и предъ уборкой хлопка, объѣзжать мѣста гдѣ разводится хлопчатникъ, осматривать плантацію, давать совѣты хозяевамъ и оказывать имъ возможное содѣйствіе по приобрѣтенію усовершенствованныхъ машинъ, лагуговъ и прочихъ орудій производства. Представляемые агрономомъ ежегодные отчеты объ увеличеніи пространствъ отводимыхъ подъ хлопковыя плантаціи, размѣровъ урожая и объ улучшеніи всего дѣла послужать доказательствомъ что прогонныя деньги на разѣзды агронома издержаны не малрасно.

V. Эривань.

Эривань, какъ центральный рынокъ по продажѣ хлопка и по развитію торговой дѣятельности охватывающей довольно обширный районъ, заслуживаетъ особаго вниманія.

По свѣдѣніямъ за 1880 годъ, число жителей въ Эривани простиралось до 12¹/₂ тысячъ душъ обоого пола, изъ которыхъ Татаръ 6.293, Армянъ 5.975, Русскихъ 155 и Грузинъ 26 человекъ.

Всѣхъ мануфактурныхъ торговцевъ въ Эривани 135, изъ нихъ 69 Татаръ и 66 Армянъ.

Привожу изъ сдѣланнаго г. Зелинскимъ описанія Эривани слѣдующія подробности объ Эриванскомъ рынкѣ.

„Торговый рынокъ состоитъ изъ 984 разныхъ лавокъ и промышленныхъ заведеній, 20 постоялыхъ дворовъ, 8 амбаровъ и 32 базарныхъ конюшенъ. Лавки и промышленныя заведенія расположены или по сторонамъ крытыхъ галлерей, или вокругъ небольшихъ площадей, носящихъ названіе каравансараявъ, но всѣ эти заведенія преимущественно сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, по примѣру персидскихъ рынковъ. Къ базару принадлежитъ также въсовая площадь, усыпанная мелкими лавченками. По вѣдшему своему виду эриванскій базаръ похожъ вообще на азиатскіе рынки. Четыреугольные каравансарай, кругомъ которыхъ расположены мелкія комнаты съ выдвинутыми вверхъ и внизъ дверцами; крытыя темныя галлерей, подъ названіемъ „чарсы“, съ небольшими магазинами или мастерскими ремесленниковъ; передвижныя лавченки или, вѣрнѣе, ящички, въ которыхъ днемъ сидятъ фруктошники на площади и въ которыхъ

по вечерамъ запирають свой товаръ; конюшни, постоянные дворы—вотъ и весь эриванскій базаръ. Нѣтъ у торговцевъ ни приходо-расходныхъ книгъ, ни порядка: у продающаго москательные товары найдется и фарфоровая посуда, и даже горшокъ съ масломъ, а у продавца глиняной посуды можно найти и ковры, и папасы, и веревки, и разные сѣмена и пр.

„Въ системѣ торговли въ городѣ Эривани господствуетъ неподвижность: торговцы, за рѣдкими исключеніями, не измѣняютъ ни состава, ни количества своего товара, ни характера своихъ торговыхъ операцій сравнительно съ прежнимъ временемъ, а мастеровые продолжаютъ работать тѣмъ же примитивнымъ способомъ какъ работали ихъ предки. Между всѣми видами торговли здѣсь больше всего развита торговля краснымъ товаромъ и галантерейными вещами или, какъ здѣсь называютъ, кулеческимъ товаромъ. Продавцы этого товара нѣсколько уже измѣнили образъ своей торговли, въ особенности Армяне: они уже не сядятъ на коврахъ предъ разложеннымъ товаромъ, подобно Персамъ и Татарамъ; вмѣсто узенькихъ тѣсныхъ лавокъ у нихъ стали уже появляться приличные магазины съ прилавками обитыми клеенкой, съ затѣливыми вывѣсками и пр.

„Здѣшніе кулцы большею частью привозятъ товаръ изъ Тифлиса и Москвы. Въ послѣднее время начали ѣздить за товаромъ въ Варшаву и Вѣну. Въ 1878 году ввезено было въ Эривань товару болѣе чѣмъ на 600.000 руб., что объясняется накопленіемъ денегъ вслѣдствіе послѣдней войны. Вообще же среднимъ числомъ здѣшніе кулцы привозятъ ежегодно болѣе чѣмъ на 250.000 р.

„Предметъ вывозной торговли составляютъ главнымъ образомъ хлопчатая бумага и сарацинская крупа. Первой вывозятъ ежегодно приблизительно на 700.000 рублей (около 95.000 пудовъ), а второй на 300.000 руб. (150.000 пудовъ).“

Приведенная г. Зелинскимъ цифра ввоза въ Эривань товаровъ (250.000 руб.) значительно меньше дѣйствительной. Такъ напримѣръ, одни братья Априковы въ трехъ лавкахъ продаютъ болѣе чѣмъ на 300.000 р. мануфактурнаго товара, а кромѣ Априковыхъ есть много богатыхъ и сильныхъ торговцевъ, такъ напримѣръ И. Л. Казаровъ, Каспаръ Каспаровъ, Миръ Багиръ, Абдулъ-Аліевъ, Агаджа Меликовъ, Захаръ Кеорковъ и др., у которыхъ торговля поставлена довольно широко и обороты, судя по количеству получаемыхъ кулчъ товара, довольно значительны.

Вообще можно полагать что Эривань для своего района требуетъ не менѣе какъ на 800.000 руб. одного мануфактурнаго товара, значительная часть коего получается контрабандой изъ Персіи.

Эривань, служа центромъ для продажи мѣстныхъ сельскихъ произведеній, не испытываетъ торговаго кризиса подобно Тифлису, и въ прошломъ году, благодаря обильному урожаю хлопка, разчитывала на очень хорошій ходъ торговли.

VI. Баку.

Совершенно въ иномъ положеніи находится въ настоящее время мануфактурная торговля въ Баку. Здѣсь полный кризисъ.

Въ Баку числятся 15.105 жителей обоаго пола. Промышленныхъ и торговыхъ заведеній 2.493, въ томъ числѣ лавокъ 1.506, и наибольшій процентъ ихъ выладеаетъ, такъ же какъ въ Тифлисъ и Эривана, на долю мануфактурныхъ, колоніальныхъ и галантерейныхъ. Мануфактурныхъ лавокъ 174, колоніальныхъ и галантерейныхъ 113.

Бакинскій мануфактурно-торговый кризисъ возникъ въ послѣднее время вслѣдствіе устройства нефтепроводовъ и наливныхъ судовъ для перевозки нефти.

Устройство нефтепроводовъ изъ Балахановъ въ Черный Городокъ уничтожило извозный промыселъ и отняло у мѣстнаго населенія заработка болѣе чѣмъ на миллионъ рублей. Въ 1882 году перегнано по нефтепроводамъ 53.000.000 пудовъ нефти, которая въ прежнее время перевозилась на лошадяхъ. Болѣе 14.000 вощиковъ нефти должны были оставить этотъ промыселъ и разойтись по деревнямъ.

Съ тѣхъ поръ какъ нефть и фотогенъ стали перевозиться наливомъ, совершенно упалъ и бондарный промыселъ... и до 10.000 бондарей выѣхало изъ Баку.

Такимъ образомъ, мѣстные торговцы лишились болѣе чѣмъ двадцатичетырехтысячнаго пришлаго населенія, которое, зарабатывая хорошія деньги, было щедро на покупки.

Въ настоящее время торговли нѣтъ, а между тѣмъ взаимная конкуренція огромная. Нѣкоторые торговцы послѣдшили объявить себя несостоятельными, другіе распродаютъ товаръ дешевле стоимости. Изъ числа мѣстныхъ солидныхъ мануфактурныхъ торговцевъ могу назвать только двухъ братьевъ Григорія и Юсіфа Тумаевыхъ. Большая часть остальныхъ торговцы пришлые въ Баку, привлеченные туда сильнымъ спросомъ на товаръ при большомъ наливѣ рабочаго люда на бакинскіе нефтяные промыслы.

Нефтяной промыселъ, оказывающій столь сильное вліяніе на положеніе бакинскаго мануфактурнаго рынка, игралъ и играетъ главную роль въ развитіи благосостоянія города Баку, а потому считаю необходимымъ въ краткихъ чертахъ изложить историческій ходъ и настоящее положеніе этого дѣла.

Первый фотогеновый заводъ устроенъ былъ въ Сураханахъ Закаспійскимъ Торговымъ Товариществомъ въ 1859 году. Въ первое десятилѣтіе дѣло подвигалось очень медленно. Такъ въ 1869 году въ окрестностяхъ Баку было только 45 заводовъ, и отпускъ изъ Бакинскаго порта дошелъ лишь до 200.000 пудовъ, въ 1870 году до 300.000 пудовъ, въ 1871 году до 380.000 пудовъ и въ 1872 году до 400.000 пудовъ.

Въ 1872 году откупъ былъ отмѣненъ и замѣненъ акцизомъ на фотогенъ. Благотворность этой мѣры не замедлила обнаружиться.

	Было добыто сырой нефти.	Переработано на фотогенъ.
Въ 1873 году	3.400.000 пуд.	852.800 пуд.
„ 1874 „	5.000.000 „	1.336.675 „
„ 1875 „	5.809.000 „	1.990.041 „
„ 1876 „	11.000.000 „	3.235.233 „
„ 1877 „	15.000.000 „	4.594.766 „

Правильное, прогрессивное развитіе нефтянаго дѣла было, не знаю по какимъ соображеніямъ, нарушено снятіемъ акциза. Правда, добыча нефти увеличилась въ громаднѣхъ размѣрахъ: такъ уже въ мартѣ 1879 года, по свидѣтельству технолога Гулишамбарова, въ Балаханахъ и Сабунчахъ было 10 нефтяныхъ фонтановъ способныхъ выбрасывать въ сутки по 50 тыс. пудовъ или всѣ вмѣстѣ до полумилліона пудовъ въ сутки. Но нефтяная промышленность не остановилась на этомъ, буреніе новыхъ колодцевъ продолжалось и продолжается до сихъ поръ. Въ настоящее время у одного г. Нобея 9 нефтяныхъ фонтановъ, которые, какъ мнѣ сообщали на мѣстѣ, могутъ давать до 4¹/₂ милл. пудовъ нефти въ сутки. Небольшая Балаханско-Сабунчанская площадь почти сплошь изрыта нефтяными колодцами (буровыми скважинами). Громадные фонтаны не только не доставляютъ пользы, но разоряютъ своихъ хозяевъ, такъ какъ выбрасываютъ громадныя массы песку, которымъ засылаются соседнія постройки, вслѣдствіе чего возникаютъ судебные процессы; на поверхности земли образуются новыя озера нефти,

и требуется много рукъ для прорытія канавъ чтобы предохранить сосѣднія постройки отъ нефтянаго затопленія. При такомъ положеніи дѣла, многіе (говорю о небогатыхъ) хозяева фонтановъ считаютъ за благодѣяніе если сосѣди примутъ отъ нихъ нефть по $\frac{1}{2}$ коп. за пудъ. Таково положеніе нефтепромышленниковъ.

Развилось и фотогеновое производство; но имѣя сбытъ почти единственно на внутренніе русскіе рынки, оно переполнило ихъ, что повело къ неизбежному паденію цѣвъ. Цѣна на фотогенъ въ настоящее время упала въ Баку до 15 к. за пудъ, но и по этой цѣвѣ сбытъ труденъ, такъ какъ Закавказская желѣзная дорога до сихъ поръ не обладаетъ достаточною провозоспособностью. Въ 1882 году перевезено ею около 500 тыс. пудовъ, да и то фотогена почти исключительно принадлежащаго Товариществу Палашковскаго и Буаге, которые, какъ строители желѣзной дороги, пользуются до сихъ поръ исключительною монополіей, въ ущербъ мелкимъ отправителямъ.

Въ годъ снятія акциза съ фотогена, то-есть въ 1877 году, было добыто сырой нефти 15 милл. пудовъ. Въ 1882 году даже невозможно опредѣлить количество непродуцируемо выброшенной фонтанами нефти, образовавшей цѣлыя озера, но по даннымъ желѣзной дороги нефтянаго участка и нефтепроводныхъ обществъ извѣстно что въ Черный Городокъ было доставлено изъ Балаханъ 52.979.954 пудовъ. Кроме того, на Биби-Эйбатъ у братьевъ Саркисовыхъ и Зубалова добыто около $2\frac{1}{2}$ милл. пудовъ, такъ что количество произведенно добытой нефти на всей Бакинскои площади было около $55\frac{1}{2}$ милл. пуд., то-есть въ пять лѣтъ добыча сырой нефти увеличилась почти въ четыре раза. При этомъ надо замѣтить что владѣльцы фонтановъ и буровыхъ скважинъ могутъ въ случаѣ спроса удовлетворить требованія четверо большія.

Въ 1877 году было вывезено фотогену до $4\frac{1}{2}$ милл. пудовъ.

Въ 1882 году, по свѣдѣніямъ Бакинскои таможи и Закавказскои желѣзной дороги, было вывезено:

Керосину.....	13.392.707 пуд.	} въ томъ числѣ 500.000 пуд. чрезъ Багумъ и 96.765 пуд. въ Персію въ томъ числѣ въ Персію 27.763 п.
Сырой нефти.....	1.199.722 „	
Нефтяныхъ остатковъ	19.439.888 „	въ томъ числѣ въ Персію 22.156 п.
Смазочныхъ маселъ	425.139 „	
<hr/>		
Всего вывезено 34.457.456 пуд.		

то-есть вывозъ увеличился противъ 1877 года почти въ 8 разъ.

Нормальная потребность въ фотогенѣ на внутреннихъ русскихъ рынкахъ определяется нефтепромышленниками въ настоящее время въ 12 милл. пудовъ, и производительная сила всѣхъ заводовъ превышаетъ 20 милл. пудовъ ежегоднаго производства. Всѣхъ фотогеновыхъ заводовъ 230, изъ нихъ 198 въ Баку; но въ дѣйствиіи только 135.

Заводъ гг. Нобеля и К^о вырабатываетъ около 7 милл. пудовъ, то-есть больше половины потребности всѣхъ внутреннихъ русскихъ рынковъ. Заводы Бакинскаго Нефтянаго Общества и гг. Федорова и Павлова вырабатываютъ болѣе 3 милл. пудовъ. Заводы гг. Тагіева и Саркисова, г. Мирзоева, гг. Дембо и Коганъ—болѣе 2 милл. пудовъ. Такъ что эти шесть заводовъ могли бы удовлетворить потребности всѣхъ русскихъ рынковъ.

На общемъ собраніи нефтепромышленниковъ бывшемъ 15 минувшаго сентября, при обсужденіи вопроса о способахъ устраненія нефтянаго кризиса, представитель фирмы Нобель и К^о, г. Полетика, предложилъ установить съ общаго согласія обязательную продажную цѣну на фотогенъ, возвысивъ ее на 20 к. въ пудѣ, другими словами, обложить всѣхъ потребителей фотогена прямымъ налогомъ въ 2 милл. 400 тысячъ рублей въ пользу крупныхъ бакинскихъ заводчиковъ. Налогъ этотъ раздѣлился бы сообразно тому кто сколько въ прошломъ году вывезъ керосину (фотогену). А керосину было вывезено:

Нобелемъ и К ^о	4.505.578 пуд.
Бакинскимъ Нефтянымъ Обществомъ...	1.021.475 "
Федоровымъ и Павловымъ	1.041.226 "
Тагіевымъ и Саркисовымъ.....	661.214 "
Мирзоевымъ.....	329.881 "
Дембо и Коганъ.....	752.504 "
Всѣми остальными фирмами	1.351.767 "

Такъ какъ львиная доля налога придуманнаго г. Полетикой досталась бы г. Нобелю и пяти крупнымъ заводчикамъ, то проектъ этотъ вызвалъ дѣлую бурю среди мелкихъ заводчиковъ и, какъ позволительно надѣяться, едва ли осуществится.

Хроническій кризисъ нефтянаго и керосиноваго дѣла не можетъ окончиться частнымъ соглашеніемъ заинтересованныхъ лицъ. Тутъ, какъ я убѣдился, нужны правительственныя мѣры. Хотя нефтяныя земли и проданы въ частныя

руки, тѣмъ не менѣе нефтяныя залежи представляютъ цѣнное государственное достояніе, и водвореніе правильной эксплуатаціи должно составлять одну изъ важныхъ государственныхъ задачъ.

Добыча нефти необходимо должна быть строго регулирована на научныхъ началахъ, непродуманное разливаніе нефти должно быть устранено, а также должны быть устранены и безобразно-халатное обращеніе съ огнемъ въ районѣ буровыхъ скважинъ, и сожиганіе нефтяныхъ остатковъ. Было бы полезно обязать всѣ заводы вырабатывать керосинъ одного качества, согласно опредѣленнымъ условіямъ заграничнаго рынка, на который и направить дѣятельность бакинскихъ заводчиковъ, обложивъ керосинъ акцизомъ, съ возвратомъ этого акциза при вывозѣ за границу и въ то же время съ возвышеніемъ пошлины (въ размѣрѣ акциза) на американскій керосинъ ввозимый въ Россію.

По моему мнѣнію, мѣры эти оказали бы благотворное вліяніе на дѣло, какъ въ смыслѣ государственномъ, такъ и въ частныхъ интересахъ бакинскихъ нефтепромышленниковъ и заводчиковъ.

Баку, какъ портовой городъ, играетъ важную роль въ сношеніяхъ нашихъ внутреннихъ рынковъ съ Закавказскимъ краемъ и Персіей. Въ 1882 году, по таможеннымъ свѣдѣніямъ, прибыло въ Бакинскій портъ 4040 судовъ, съ грузомъ на сумму около 2 милліоновъ руб. (1.854.948 руб. 26 коп.) и отошло изъ Баку, тоже по таможеннымъ свѣдѣніямъ, 3.838 судовъ съ грузомъ цѣнностью слишкомъ на 2 милліона рублей (2.014.469 руб.). Въ томъ числѣ вывезено въ Персію: русскихъ мануфактурныхъ издѣлій $14\frac{1}{2}$ тысячъ пудовъ, на сумму около 800.000 руб. (788.416 руб.), краснаго товара 667 пуд. на 11 тыс. руб., бази 316 пуд. на 10 тыс. руб., свѣчъ стеариновыхъ $3\frac{1}{2}$ тыс. пуд. на $32\frac{1}{2}$ тыс. руб. и т. д. *

Транзитомъ изъ Европы въ Персію было провезено въ 1881 году 320.978 пуд., на сумму 7.772.000 руб. Въ 1882 году транзитъ въ Персію увеличился на 25 тыс. пуд., а именно увеличился провозъ сахару на 15 тыс. пуд. и мануфактурныхъ издѣлій на 10 тыс. пуд. Всего транзитомъ въ 1882 году

* Приведенныя цифры вывоза въ Персію русскихъ издѣлій представляютъ обороты закавказскихъ купцовъ, но не торговыхъ сношеній Россіи съ Персіей.

прошло 346.176 пуд., на сумму приблизительно около 8.400.000 рублей.

Транзитомъ изъ Персіи въ Европу провезено было въ 1881 году 41 $\frac{1}{2}$ тыс. пуд. на сумму 1.359.000 руб. Въ 1882 году, вслѣдствіе усиленнаго вывоза шерсти (на 28 тыс. пуд.), транзитъ изъ Персіи дошелъ до 67 $\frac{1}{2}$ тыс. пуд. (67.631 пуд.) на сумму приблизительно до 1 $\frac{1}{2}$ милл. руб.

Ввозъ европейскихъ товаровъ въ Баку довольно ограниченъ, но тѣмъ не менѣе ввезено въ прошломъ году на сумму около 11 тыс. руб. (10.991 руб. 10 коп.). Въ числѣ этихъ товаровъ по количеству первое мѣсто принадлежитъ числу бумагъ, которой ввезено 25 пуд., затѣмъ бумажныхъ турецкихъ тканей 6 пуд., стекляруу и буеъ 5 пуд. и пунцоваго ситцу 4 $\frac{1}{2}$ пуда.

Ввозъ азіятскаго товара въ Закавказье чрезъ Баку опредѣляется слѣдующими цифрами: шелковаго товара около 80 тыс. руб. (79.930 руб. 20 коп.); шерстянаго товара около 64 $\frac{1}{2}$ тыс. руб. (64.469 руб. 80 коп.); хлопчато-бумажнаго товара 75 тыс. руб. (75.129 руб.).

Въ хлопчато-бумажномъ товарѣ первое мѣсто по количеству принадлежитъ персидской бѣлой бязи, которой ввезено около 52 $\frac{1}{2}$ тыс. штукъ (52.428 шт.), по таможенной оцѣнкѣ на сумму около 32 тыс. руб. (31.969 руб. 60 коп.); затѣмъ выбойки ввезено 31.125 шт., настольниковъ 6 тыс. штукъ.

Англійскіе ситцы, значительное количество копъ получается въ темныхъ рядахъ контрабандой чрезъ Персію, также играютъ нѣкоторую роль; центральный складъ контрабанды для бакинскаго района, какъ говорятъ, устроенъ близъ Астары, на персидской границѣ.

VII. Поты и Батумъ.

Изъ черноморскихъ портовъ Закавказскаго края первенствующая роль принадлежитъ Поты и Батуму.

Благодаря разницѣ разстояній отъ Чернаго Моря до Тифлиса, которое на 37 верстѣ въ пользу Поты, провозъ чрезъ Поты по желѣзной дорогѣ обходится дешевле на 3,72 коп. по I классу, на 2,48 коп. по II и на 1,88 по III классу. Чрезъ Поты производится и, можно предполагать, будетъ производиться большая часть отпускнуой торговли, а именно: отправки

хлѣбныхъ грузовъ, марганца, каменнаго угля, нефти, рыбы, шерсти, кожъ и вообще всѣхъ малоцѣнныхъ предметовъ, для которыхъ и часть колѣйки прабавленная къ тарифу за перевозку по желѣзной дорогѣ и составляетъ уже большой разчетъ.

Такихъ грузовъ въ 1881 году было отправлено черезъ Поту 2.303.335 пуд., на сумму свыше 6 милл. рублей.

При общемъ ввозѣ иностранныхъ товаровъ въ Закавказскій край въ 1881 году на сумму около 8 милл. руб., а по вѣсу около 3.633.000 пуд., черезъ Поту прошло на 2.615.000 руб., а по вѣсу 1.406.000 пуд. Изъ Россіи въ томъ же году поступило черезъ Поту товаровъ на 15.836.000 руб.

Съ окончаніемъ постройки искусственнаго порта въ Поту, постройки давно начатой, но до сихъ поръ еще не увѣнчаншейся успѣхомъ, коммерческое первенство несомнѣнно укрѣпилось бы за Поту, и Батумъ, который предположено обратить во второклассный военный портъ, получалъ бы тогда только цѣнные коммерческіе грузы, такъ-какъ, въ случаѣ занятія морскимъ вѣдомствомъ значительной части бухты, въ Батумѣ не осталось бы удобствъ для каботажныхъ судовъ съ громоздкими и малоцѣнными грузами. Уже и теперь, какъ извѣстно, основанная г. Родоконяки компанія Закавказскаго пароходства встрѣтила затрудненія въ отводѣ мѣста для устройства складовъ близъ бухты, причемъ отказъ былъ мотивированъ необходимостью сбереженія земли для нуждъ морскаго вѣдомства.

Опредѣлить точно количество и качество иностранныхъ товаровъ поступающихъ въ Батумъ невозможно вслѣдствіе установившагося въ Батумской таможнѣ порядка относительно иностранныхъ грузовъ. Порядокъ такой: иностранный пароходъ или парусное судно, по прибытіи въ Батумскій портъ, представляетъ въ таможню грузовой списокъ (манифестъ) и шкиперскія показанія (декларацию). Таможня отмѣчаетъ у себя пришло ли судно съ балластомъ или съ товаромъ и затѣмъ количество датовъ, для взиманія датоваго сбора. По истеченіи года всѣ грузовые списки и шкиперскія показанія отсылаются Батумскою таможней въ Тифлисскую казенную палату, въ архивъ которой эти документы и хранятся. Впрочемъ, изъ этихъ документовъ можно было бы опредѣлить только родъ товаровъ и количество мѣстъ, но вѣсъ въ нихъ не показанъ.

Нельзя не пожалѣть что дальнѣйшая дѣятельность таможенъ относительно иностранныхъ грузовъ ограничивается только взятіемъ расписки съ товарополучателей въ томъ что въ числѣ товаровъ нѣтъ запрещенныхъ къ привозу въ Россію, а затѣмъ, приложивъ печать къ коносаменту, таможня предоставляетъ товарополучателю принимать грузъ съ иностраннаго судна безъ участія таможенныхъ чиновъ.

Содержаніе коносаментовъ, изъ котораго можно было бы видѣть точно качество и количество привезеннаго иностраннаго товара, таможей не записывается, а равно и досмотръ товара не производится; послѣднее мнѣ объяснили тѣмъ что до сихъ поръ не возбуждалось подозрѣнія чтобы въ числѣ привезенныхъ грузовъ могли быть запрещенные.

При отсутствіи данныхъ о количествѣ иностранныхъ товаровъ поступившихъ въ Батумъ, пришлось ограничиться изученіемъ движенія торговыхъ судовъ пришедшихъ какъ изъ Россіи, такъ и изъ-за границы съ товаромъ.

По свѣдѣніямъ Батумской таможи, въ 1882 году прибыло съ товаромъ въ Батумскій портъ каботажнымъ плаваніемъ 286 паровыхъ и 24 парусныхъ судна, вмѣстимостью всего около 69½ тысячъ тастовъ (69.494,00 тастовъ). Товару доставлено на 2.673.206 руб. 40 коп.

Изъ заграничныхъ портовъ прибыло съ товаромъ въ Батумъ 137 паровыхъ и 37 парусныхъ судовъ, вмѣстимостью 69.232½ тастовъ. Изъ-за границы идутъ болѣе цѣнные грузы чѣмъ изъ Россіи, но если даже допустить цѣнность иностранныхъ товаровъ равную цѣнности русскимъ, и въ такомъ случаѣ иностранныхъ товаровъ должно поступить отсюда не на меньшую сумму, то-есть не менѣе какъ 2.700.000 руб., а между тѣмъ таможенный доходъ только 32.218 руб. 40 коп.!

Мнѣ пришлось слышать много разказовъ про контрабанду, которую, по словамъ мѣстныхъ жителей, можно раздѣлить на розничную и оптовую, а контрабандистовъ на случайныхъ и постоянныхъ.

По соединеніи Батума рельсовымъ путемъ съ Тифлисомъ, большая часть пассажировъ направилась чрезъ Батумъ, гдѣ большинство проѣзжающихъ считаютъ долгомъ купить что-нибудь, разчитывая приобрести разныя вещи въ порто-франко дешевле, и, разумѣется, купленное везется контрабандой. Окрестное населеніе, волей-неволей покупающее все въ Батумѣ, при выходѣ за черту порто-франко также старается

избѣгнуть налетажа таможенныхъ пошлинъ. Противъ этихъ-то случайныхъ контрабандистовъ и мелочной контрабанды направлены всѣ силы батумскаго таможеннаго надзора. Въ 1882 году было сдѣлано 133 конфискаціи, причемъ только пять конфискаціи были по стоимости болѣе 100 руб., большая же часть всѣхъ остальныхъ были отъ 20 и до 3 рублей каждая.

Въ иныхъ условіяхъ, какъ говорятъ, находится дѣятельность постоянныхъ, оптовыхъ контрабандистовъ, которые пользуются значеніемъ и влияніемъ и въ затруднительныхъ случаяхъ умѣютъ и имѣютъ возможность давать дѣламъ желаемое направленіе. Часть крупной контрабанды идетъ моремъ и заявляется въ таможенъ товаромъ вывозимымъ за границу. По такому заявленію было вывезено изъ Батума однихъ мануфактурныхъ издѣлій въ 1881 году 1.711 пудовъ и въ 1882 году 1.525 пудовъ.

По сухопутной границѣ контрабанда главнымъ образомъ направляется на Озургеты, Ахалцыхъ и Артавинъ. Охрана пограничной черты неудовлетворительна. Между прочимъ мнѣ разказывали случай бывшій нынѣшнимъ дѣломъ: шестнадцать подводъ съ чугунными трубами для батумскаго водопровода прошли днемъ чрезъ черту порто-франко, и пограничная стража ихъ не замѣтила.

Въ лавкахъ батумскихъ торговцевъ я нашелъ иностранныя издѣлія поддѣланныя подъ фирмы русскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ; какъ образцы, мною приобрѣтены лунсовые ситцы поддѣланные подъ фирму Троицко-Александровской мануфактуры Барановыхъ и марсельскія стеариновыя свѣчи поддѣланныя подъ фирму Крестовниковыхъ.

Еслибы производился досмотръ иностранныхъ товаровъ поступающихъ въ Батумъ, то вѣроятно прекратился бы привозъ изъ Марселя свѣчъ „Крестовниковыхъ“, а изъ Швейцаріи ситцевъ Барановыхъ и, что главное, — Батумъ былъ бы гарантированъ отъ поступления въ него запрещенныхъ къ привозу грузовъ, которое теперь вполне возможно. Введеніе отчетности о качествахъ и количествахъ поступившихъ въ Батумъ иностранныхъ товаровъ, которая вполне возможна по коносаментамъ и судовымъ документамъ, имѣло бы послѣдствіемъ усиленіе дѣятельности таможеннаго надзора и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе таможеннаго дохода.

VIII. Общее положеніе края.

Общій выводъ къ которому я пришелъ, внимательно всматриваясь въ настоящее положеніе Закавказья, заключается въ глубокомъ убѣжденіи что этотъ богатѣйшій, по своимъ естественнымъ богатствамъ, край поставленъ въ чрезвычайно невыгодныя экономическія условія вслѣдствіе того что вся производительность края эксплуатируется Армянами, захватившими въ свои руки почти всю торговлю и стремящимися въ настоящее время присвоить себѣ и политическое преобладаніе въ край, стараясь занимать тамъ административныя посты, а между тѣмъ едва ли можно разчитывать чтобы они въ должной мѣрѣ служили національнымъ русскимъ интересамъ.

Это вынесенное мною изъ побѣдки въ Закавказье убѣжденіе сложилось изъ многихъ фактовъ, передавать которые я нахожу неудобнымъ. Не придавая особаго значенія моему личному взгляду, считаю необходимымъ привести свидѣтельство лицъ постоянно живущихъ въ Закавказьѣ, а равно и то что говоритъ стоустая молва, не ради того чтобы на этой молвѣ основать какіе-либо выводы, но потому что прислушиваться къ людскому говору бываетъ иногда практически полезно.

Приведу прежде всего отзывъ С. П. Зелинскаго, котораго нельзя заподозрить во враждебныхъ отношеніяхъ къ Армянамъ, такъ какъ онъ, будучи самъ полуармянскаго происхожденія и занимаясь изученіемъ экономическаго положенія Закавказскаго края, выказываетъ въ своихъ статьяхъ не только полное безпристрастіе, но скорѣе открытое расположеніе къ Армянамъ. Въ описаніи Нахичеванскаго, Ордубадскаго и Даралагезскаго уѣздовъ Эриванской губерніи, говоря о качествахъ Армянъ, г. Зелинскій характеризуетъ ихъ такъ: „Жизнь среди чужихъ народовъ измѣнила почти всѣ особенности характера Армянъ, ослабила воинственный духъ ихъ, развила въ нихъ скрытность, хитрость, страсть къ наживѣ, которая сдѣлалась единственнѣмъ средствомъ для безопаснаго существованія“ (*Сборникъ статей о Кавказѣ*. Томъ VII, стр. 241).

Большинство армянскаго населенія въ Закавказскомъ крайѣ пришлое изъ Персіи и Турціи. Сельское армянское населеніе

сохранило много хорошихъ качествъ, но этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать въ той же мѣрѣ о городскомъ населеніи. Разумѣется есть исключенія, но говорится о массѣ.

Въ Закавказьѣ въ рукахъ Армянь сосредоточены всѣ крупныя капиталы, нажитыя почти исключительно посредствомъ поставокъ и подрядовъ на интендантство. Молва приписываетъ происхожденіе цѣлыхъ капиталовъ злостнымъ банкротствамъ, сбыту контрабанды и даже сбыту фальшивыхъ денегъ, но на голословной молвѣ нельзя основывать серьезныхъ сужденій.

Говорятъ что пришлымъ Армянамъ чужды интересы страны въ которой они поселились, деньги для нихъ составляютъ главное, и для пріобрѣтенія денегъ они не всегда останавливаются на выборѣ средствъ. Разъ скопивъ капиталъ, Армянинъ уже боится пустить его въ оборотъ въ какомъ-либо новомъ предпріятіи, а помѣщаетъ его или въ городской недвижной собственности или, накупивъ процентныхъ бумагъ, открываетъ банкирскую контору и занимается дисконтомъ. Занимаясь внѣшнею торговлею, Армянинъ часто не можетъ устоять отъ соблазна подмѣшать товаръ низкаго качества къ дорогому товару и тѣмъ подрываетъ спросъ и цѣну за границей, а въ то же время, прижимая сельское населеніе чрезъ своихъ агентовъ-скупщиковъ, не даетъ развиваться благосостоянію края, прелятствуетъ даже населенію удовлетворять свои насущныя потребности. Армянинъ-скупщикъ для Закавказья то же что Еврей-шукеръ въ западныхъ губерніяхъ, разница лишь въ томъ что обобранный шукеремъ крестьянинъ проливаетъ послѣднее, а обобранный Армяниномъ Татаринъ дѣлается разбойникомъ.

Все населеніе Закавказскаго края простирается до 3.697.275 душъ, изъ которыхъ Армянь только 682.518 душъ; но составляя ядро городского населенія и имѣя въ рукахъ своихъ всю торговлю, даже, скажу болѣе, всю экономическую судьбу края, Армяне ревниво охраняютъ занятую ими позицію, стараясь по возможности закрѣпить настоящее положеніе вещей, и зависть ихъ къ услугѣ какого-либо предпріятія (не армянскаго) доходить иногда до смѣшнаго.

Такое положеніе дѣлъ, невыгодное для будущности Закавказскаго края, невыгодно, съ другой стороны, и для русскаго торгово-промышленнаго міра.

Армянское кулечество, служа посредникомъ по продажѣ русскихъ товаровъ въ Закавказьѣ, старается покупать на

внутреннихъ русскихъ рынкахъ товары низкаго качества, стремясь единственно купить дешево и въ долгосрочный кредитъ. Вслѣдствіе же дурнаго качества русскихъ товаровъ въ Закавказьѣ, у лицъ стоящихъ во главѣ кавказской администраціи сложилось убѣжденіе что хорошаго русскаго товара или нѣтъ, или очень мало: отсюда прямой переходъ къ мысли что контрабанда вполнѣ естественное явленіе.

При изученіи современнаго состоянія торговли въ Закавказскомъ краѣ, меня постоянно занимала мысль какими средствами можно было бы установить болѣе правильное отношеніе нашихъ внутреннихъ рынковъ къ Закавказью. Я обращался съ этимъ вопросомъ ко многимъ лицамъ живущимъ постоянно на Кавказѣ и на чистосердечность отвѣта которыхъ я надѣялся. Предъ моимъ отвѣдомъ я рѣшился обратиться съ такимъ же вопросомъ къ князю Дондукову-Корсакову. 15 минувшаго октября я имѣлъ честь представиться главноначальствующему, и въ первыхъ же словахъ его сіятельство изволилъ высказать мнѣ, какъ московскому купцу, слѣдующее:

„Вы выхлопотали закрытіе транзита, и благодаря вамъ, правительство должно ежегодно приплачивать 400 тысячъ желѣзной дорогѣ, да содержаніе таможенной стражи обойдется въ 800 тыс., а рынки все равно завалены контрабандой.“

Я отвѣчалъ что имѣлъ несчастіе удостовѣриться въ обиліи контрабанды въ Баку и Эривани и разказалъ извѣстную мнѣ изъ частныхъ источниковъ исторію выемки произведенной въ Эривани г. Лебедевымъ. Видя не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе произведенное моимъ разказомъ, я ступевалъ его, указавъ на встрѣченныя мною факты гдѣ русскія мануфактурныя издѣлія оказывались и лучше, и дешевле иностранныхъ провезенныхъ контрабандой.

„Еслибы наше кулечество вело болѣе честно свое дѣло, то нечего было бы о транзитѣ и толковать. Я въ прошломъ году видѣлъ русскій товаръ который продаютъ въ Персіи—вѣдь это гадость!“ отвѣтилъ мнѣ князь.

Доложивъ его сіятельству что по собраннымъ мною фактическимъ даннымъ наше кулечество почти не состоитъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ ни съ Закавказьемъ, ни съ Персіей и поставивъ на видъ печальный результатъ такого положенія дѣла, я просидѣлъ указать какими средствами наше кулечество могло бы выйти изъ настоящаго положенія.

„Если вы действительно желаете серьезно работать, ска- залъ мнѣ князь, то вамъ необходимо открыть склады въ Тифлисъ и Рештѣ, первый для всего Закавказскаго района, второй для Персiи.“

Дѣйствительно, необходимо чтобы русская промышлен- ность, ради собственной пользы и пользы государствен- ной, вышла изъ своего нынѣшняго пассивнаго положенiя и вступила бы въ непосредственныя сношенiя съ кавказ- скимъ населенiемъ, которое тогда получало бы товары по своимъ потребностямъ, а не тѣ которые армянское ку- печество найдетъ разчетъ купить подешевле на Нижегородской ярмаркѣ.

Что достигнуть этого возможно, доказательствомъ служатъ привезенные мною съ Кавказа образцы ситцевъ фабрикъ Зубкова и Полушина, которые, вполнѣ отвѣчая мѣстному вкусу, дешевле даже англійскихъ ситцевъ привезенныхъ на Кавказъ контрабандой. Ситецъ Зубкова и Полушина стоить 16 коп., а англійскiй ситецъ одинаковой доброты стоить въ Эривани 18 коп., и даже въ Батумѣ иностранный ситецъ на 16 копѣекъ значительно худшаго качества.

То что возможно для фабрикантовъ Зубкова и Полушина возможно и для другихъ фабрикантовъ; нужна только энер- гiя, сопряженная можетъ-быть на первое время съ нѣкото- рымъ денежнымъ ущербомъ (вслѣдствiе приспособленiя ма- шинъ и рабочихъ). Но эта денежная потеря ничего не зна- чить если въ результатѣ получится возможность вытѣснить изъ Закавказья иностранные мануфактурные товары право- зимые контрабандой. Тогда для русской промышленности не страшно было бы еслибы даже, паче чаянiя, на Кавказѣ явился чиновникъ разсуждающiй подобно тому господину изре- ченiя котораго были напечатаны въ № 1 *Руси* (стр. 13). Вотъ что было сказано въ *Руси*: „Одинъ изъ чиновныхъ господъ недавно прибывшихъ въ Сѣверную Пальмиру, какъ разказы- ваютъ, производитъ теперь тамъ не малую сенсацию, напри- мѣръ, такими сужденiями произносимыми съ развязностью Хлестаковскою: „Вотъ въ Москвѣ думаютъ что много сдѣ- лано запрещенiемъ транзита; я бы распорядился не-свой- ски: просто пропускать бы контрабанду, это лучше всякаго транзита““ ...

Хотя на сообщенное въ газетѣ *Русь* нельзя смотрѣть паче какъ на пикантный анекдотъ, ибо трудно допустить

чтобы русскій подданный, а тѣмъ болѣе чиновникъ, не только думалъ, но публично говорилъ что служи онъ на Кавказѣ, то пропускать бы контрабанду, другими словами, парализовалъ бы Высочайшій указъ о закрытіи транзита. Полади говорившій всѣ эти легкомысленныя слова на коронную службу на Кавказѣ, онъ конечно на дѣлѣ поступилъ бы не иначе какъ вполне согласно съ долгомъ присяги.

Русское купечество, конечно, не забыло какого труда стоило ему дѣло отстаиванія существенныхъ торговыхъ интересовъ требовавшихъ закрытія транзита, какія тяжелыя минуты тревогъ и волненій приходилось переживать ему въ періодъ обсуждения вопроса о немъ, до тѣхъ поръ пока дни коронаціонныхъ торжествъ ознаменовались, на ряду съ другими монаршими милостями, избавленіемъ и отъ разорительнаго для русской промышленности закавказскаго транзита. Тѣмъ необходимѣе теперь тому же купечеству сдѣлать все возможное, все что въ его силахъ и средствахъ, дабы окончательно укрѣпить за собой закавказскій рынокъ.

IX. Заключеніе.

Много разъ русская промышленность, и въ лицѣ отдѣльныхъ предпринимателей, и цѣлыми компаніями, пробовала завязать торговые сношенія съ Закавказьемъ, но каждый разъ предприниматели должны были прекращать свою дѣятельность: такъ фабрикантъ Посылинъ, открывшій торговлю въ Тифлисѣ, прекратилъ ее черезъ пять лѣтъ, фирма Лелешкинъ, Рогожинъ и К^о проторговала три года, фирма Четверикова и Гуцова—пять лѣтъ. Не долгое время продолжалась дѣятельность и Закавказскаго Товарищества. До сихъ поръ существуютъ: въ Тифлисѣ Караванъ-Сарай Арцуни, гдѣ при князѣ Воронцовѣ погибло дело русской торговли, а въ Нухѣ фабричныя постройки, стоившія большихъ денегъ фирмѣ Алексеева и Воронина и проданныя за безцѣнокъ г. Мирзоеву.

Войти въ непосредственныя сношенія съ мѣстными жителями Закавказья при настоящемъ положеніи края дѣло еще болѣе сложное чѣмъ прежде, а потому необходима большая осторожность дабы избѣгать ошибокъ прежнихъ предпринимателей.

Вотъ что, напริมѣръ, разказываетъ Н. А. Шавровъ про Закавказское Товарищество:

„Одинъ изъ самыхъ крупныхъ и талантливыхъ тогдашнихъ откупщиковъ В. А. Кокоревъ организовалъ дѣлами два торгово-промышленныя предпріятія: Общество обработчи животныхъ продуктовъ и Товарищество Закавказской Торговли съ Персіей. Оба эти предпріятія, несмотря на разумныя свои задачи, вслѣдствіе младенческаго управленія дѣлами погибли безвременно, поглотивъ значительныя капиталы. Мы помнимъ появленіе въ городѣ Тифлисѣ штатскаго генерала Т., распоряжавшагося судьбами Закавказскаго Товарищества, выдумавшаго посольство въ Персію для пріобрѣтенія расположенія къ Товариществу и путешествовавшаго по Тифлису въ коляскѣ, сопровождаемой нукерами, что, конечно, тотчасъ же было воспрещено ему, такъ какъ со свитой по Тифлису вѣдаль только одинъ намѣстникъ. Несообразность посольства и громадныя расходы для внушенія уваженія къ кредиту и могуществу компаніи есть еще самая малая изъ всѣхъ ошибокъ; главная же заключалась въ томъ что начиная торговлю съ Персіей, никто не зналъ чѣмъ надо торговать, и потому выписали не тѣ товары какіе нужны для Персіянъ, а которые дешевле въ Россіи. Товары эти были самаго низкаго качества и не только не могли конкурировать съ англійскими товарами въ Персію, но возбуждали въ Персіангахъ изумленіе и вопросы на что такіе товары могли бы пригодиться. Тѣмъ не менѣе въ Баку на берегу моря было сажавено громадное мѣсто для постройки дома директора и складовъ компаніи. Въ 1860 году, когда случай привелъ меня въ Баку, я видѣлъ эти обширныя затѣи. Только два магазина были заняты: одинъ кирпичемъ отъ построекъ, другой ничтожнымъ количествомъ стекляннаго и скобянаго товара не стоящаго перевозки, а тѣмъ болѣе отправки за границу для конкуренціи съ англійскими произведеніями“.*

Причины побудившія другихъ предпринимателей прекратить дѣятельность имѣютъ много общаго съ вышешриведеннымъ разказомъ про Закавказское Товарищество, а именно: составивъ обширную программу дѣятельности съ дорого стоящею администраціей, предприниматели не могли найти лицъ которыя хорошо знали бы всѣ особенности мѣстныхъ условій и могли бы поставить дѣло торговли на твердую почву; кромѣ того, предприниматели, находясь вдали

* О причинахъ современнаго финансоваго и экономическаго состоянія Россіи и о средствахъ улучшенія послѣдняго. Николая Шаврова (стр. 7).

отъ дѣла, дѣлали распоряженія неудобныя къ исполненію, или присылали товары неудобныя для продажи: все это еще болѣе затрудняло служащихъ. Между служащими или шли постоянныя интриги и писались доносы другъ на друга, или, покрывая одинъ другаго, они меньше всего заботились объ интересахъ своихъ довѣрителей. При перемѣнѣ главныхъ лицъ администраціи происходила немедленная ломка всего что было сдѣлано раньше, все устраивалось на новый ладъ и все также неудачно.

По свидѣніямъ *Новаго Времени*, недавно разсматривался въ Министерствѣ Финансовъ и получилъ одобреніе проектъ Торгово-Промышленнаго Товарищества, цѣль котораго будетъ заключаться въ содѣйствіи русской торговлѣ и мѣстнымъ промысламъ въ Закаспійскомъ краѣ и въ Закавказьѣ; это товарищество намѣрено будущею весною открыть свои дѣйствія.

Въ торговомъ мірѣ въ Закавказьѣ мнѣ не пришлось слышать ничего о возникновеніи подобнаго товарищества. Искренно желаю полнаго успѣха этому предпріятію; но по личному моему убѣжденію, трудно будетъ ему исполнить все имъ задуманное: все это хорошо только на бумагѣ. По словамъ газеты, чего-чего нѣтъ въ программѣ этого товарищества: и развитіе желѣзныхъ дорогъ и пароходства, и устройство улучшенныхъ путей сообщенія, и учрежденіе складочныхъ пунктовъ для русскихъ мануфактурныхъ товаровъ и для продуктовъ мѣстнаго производства, и собраніе свидѣній объ условіяхъ торговли и положеніи рынковъ на этихъ отдаленныхъ окраинахъ. Жаль что газета не сообщила, не просить ли новое товарищество субсидій отъ правительства въ видѣ денегъ или отвода казенныхъ земель и лѣсовъ...

Сложное дѣло развитія русской торговли въ Закавказьѣ можетъ требовать соединенія многихъ торговыхъ силъ, но чѣмъ проще программа, тѣмъ легче ее исполнить, и простая, несложная программа всего необходимѣе для перваго времени.

Вопросъ о развитіи русской торговли въ Закавказьѣ можетъ быть поставленъ очень просто:

Населеніе Закавказскаго края, простирающееся почти до 3.700.000 душъ, требуетъ какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для торговыхъ сношеній съ сосѣдними землями.

товаровъ на сумму свыше 40 милліоновъ рублей, изъ которыхъ иностраннаго товара поступаетъ на сумму около 8 милл. руб., русскаго товара на сумму свыше 30 милл. руб., и на неопредѣленную сумму ввозится контрабанда. Иностранная промышленность или имѣетъ въ Закавказьѣ своихъ представителей и комиссіонеровъ, или работаетъ чрезъ константинопольскихъ Армянъ, находящихся въ тѣсной связи съ Армянами въ Закавказьѣ.

Русскія издѣлія покупаются закавказскими торговцами лично на внутреннихъ рынкахъ, причемъ покупатели руководятся желаніемъ купить подешевле и на болѣе продолжительный срокъ.

При такихъ условіяхъ мелкіе торговцы и все мѣстное населеніе поставлено въ необходимость покупать то что для нихъ привезено или выписано богатыми торговцами.

Устраненіе подобнаго обстоятельства возможно для центральной промышленности путемъ устройства складовъ; но при устройствѣ постоянныхъ складовъ, постоянное нахожденіе въ нихъ товаровъ, въ качествѣ мертвaго капитала, а равно и содержаніе необходимой администраціи, ляжетъ самымъ большимъ накладнымъ расходомъ на цѣнность товара. Поэтому, полагаю, самымъ лучшимъ и удобнымъ средствомъ было бы учрежденіе въ Закавказьѣ ярмарокъ, тѣмъ болѣе что ярмарки не составляютъ чего-нибудь новаго для Закавказскаго края, гдѣ есть нѣсколько мѣстныхъ ярмарокъ съ довольно значительными оборотами.

При учрежденіи ярмарокъ, мѣстные склады съ русскими товарами образовались бы сами собой изъ товаровъ непроданныхъ за время ярмарки и оставленныхъ на комиссію.

Ярмарки привлекли бы къ себѣ массу торговцевъ изъ центральныхъ мѣстностей какъ для продажи издѣлій внутреннихъ рынковъ, такъ равно и для покупки продуктовъ Закавказья, что немедленно оказало бы благотворное вліяніе на край, больше чѣмъ даже нѣсколько крупныхъ предпріятій основанныхъ на монопольныхъ началахъ.

Самымъ удобнымъ мѣстомъ для устройства ярмарки въ Закавказьѣ представляется, по моему мнѣнію, городъ Баку, который, находясь близъ персидской границы и при удобныхъ путяхъ сообщенія—моремъ—и съ Закаспійскимъ краемъ и съ Сѣвернымъ Кавказомъ (чрезъ Петровскъ), въ то же

время, благодаря Закавказской желѣзной дорогѣ, можетъ стянуть къ себѣ на время ярмарки продукты мѣстныхъ издѣлій всего Закавказья, а равно и привлечь значительное количество покупателей.

Если время ярмарки будетъ назначено какъ только откроется навигація на Волгѣ отъ Царицына, то-есть въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцѣ, то закаспійскіе, закавказскіе и персидскіе торговцы мѣстными продуктами, продавъ товаръ въ Баку, услѣуютъ вторично пріѣхать съ новымъ товаромъ на Нижегородскую ярмарку, такъ что Нижегородская ярмарка отнюдь не пострадаетъ отъ устройства ярмарки въ Баку, а между тѣмъ наша торговля получитъ большое развитіе, и Бакинская ярмарка не замедлитъ обнаружить благотворное вліяніе на Закаспійскій край и Закавказье вслѣдствіе усиленнаго сбыта мѣстныхъ издѣлій и продуктовъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ высказать мою глубокую признательность нашему послу въ Константинополь, Александру Ивановичу Нелидову, за живое участіе и содѣйствіе оказанное мнѣ при исполненіи взятой мною на себя задачи.

По возвращеніи изъ Болгаріи (куда я ѣздилъ въ числѣ членовъ экспедиціи по изученію торговли въ Болгаріи), составленъ былъ мною параллельный сводъ болгарскихъ тарифовъ, который и былъ мною представленъ въ Россійское Императорское Посольство въ Константинополь, въ надеждѣ что трудъ мой можетъ быть полезенъ для справокъ при заключеніи новаго торговаго договора между Россіей и Турціей. Мой посланный трудъ, дѣйствительно, былъ признанъ полезнымъ и, вызванный затѣмъ А. И. Нелидовымъ высказать мои соображенія относительно мѣръ которыя могли бы содѣйствовать развитію нашихъ торговыхъ сношеній съ Турціей, я составилъ и препроводилъ въ Константинополь проектъ о торговыхъ агентахъ.

Такимъ путемъ, совершенно случайно, сложились мои сношенія съ Россійскимъ Императорскимъ Посольствомъ въ Константинополь.

Выѣхавъ изъ Москвы въ Закавказье, въ совершенно невѣдомый для меня край, не имѣя ни officialнаго положенія, ни рекомендательныхъ писемъ, ни знакомыхъ въ Закавказьѣ, я не надѣялся на успѣхъ моего предпріятія. Находясь въ

затруднительномъ положеніи и помня съ признательностью о благосклонномъ приѣмѣ встрѣченномъ мною въ Императорскомъ Посольствѣ въ Константинополѣ, я рѣшился обратиться за содѣйствіемъ къ А. И. Неллидову, и въ отвѣтъ на мою просьбу получила отъ него при письмѣ открытый листъ, благодаря которому мнѣ удалось собрать много данныхъ недоступныхъ частному путешественнику.

Въ Закавказьѣ я встрѣтилъ полное сочувствіе во всѣхъ Русскихъ, а также въ татарскомъ и грузинскомъ населеніи; но Армяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ относились ко мнѣ сдержанно, подозрительно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мнѣ большаго труда стоило купить образцы товаровъ.

Искренно желалъ бы я высказать нѣсколькимъ лицамъ живущимъ въ Закавказьѣ мою глубокую признательность за общенныя свѣдѣнія, за содѣйствіе, за направленіе моея дѣятельности, за поправки моихъ ошибокъ при изученіи, за полученныя мною книги и брошюры, но я не знаю насколько я имѣю право, не нарушивъ скромности, назвать ихъ поименно.

А. МАКАРОВЪ.

Москва.

10 января 1884 года.

НАЙДЕНЫШЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

(Продолженіе историческаго романа „ПУГАЧЕВЦЫ“).

Посвящаю жънѣ моей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.*

I.

— Снѣгъ!.. Зима... Что ты, зима, дашь мнѣ? шелталъ Аися, блѣдный и увялый, сидя въ своей каморкѣ у окна и глядя задумчиво на дворъ, гдѣ кружились и тихо ладали будто нехотя мелкія снѣжинки. Вся окрестность уже съ утра покрывалась бѣлымъ слоемъ перваго снѣга. Ярко серебристая ледя, ровная и ступеневая отдѣльные предметы, будто обезличивая окрестность, все сливала въ общую, однообразно-бѣлую картину. Будто въ саванѣ могильный окутывался весь видимый міръ, помертвѣлый, безрелетный, нѣмой....

— Зима... Три смертоубійства со снѣгомъ здѣсь напророчены! шелнулъ снова Аися и прибавилъ тоскливо улыбаясь:— Давай Богъ... Изъ трехъ убитыхъ авось-то одинъ ты будешь, Данило Родивовичъ!

* См. *Русскій Вѣстникъ*, 1883 года, №№ 10, 11 и 12.

И Аися разсмѣялся раздражительно, даже отчасти болѣзненно ехиднымъ смѣхомъ.

Онъ отошелъ отъ окна и понурившись сталъ тихо двигаться изъ угла въ уголъ своей маленькой горницы.

— Злодѣй или лиходѣй? медленно заговорилъ онъ про себя.— Да, конечно. Это недобрыйя мысли и къ недобрымъ дѣламъ меня доведутъ. Но повиненъ ли я?.. Мнѣ надо взять... все взять... и то что у меня отняли, и то чѣмъ разумъ или сердце хотятъ владѣть. Я бы радъ добромъ взять, добрымъ путемъ достичь, но коли нельзя... Добрый путь легче, его всякій дуракъ знаетъ. Но онъ ничего не даетъ. А отказаться, не желать, не брать, не отнимать, удовольствоваться тѣмъ что есть у меня... да развѣ я могу? Отказаться отъ того за чѣмъ, сдается, и на свѣтъ-то родился? Что жь, я могу развѣ прожить и умереть здѣсь въ Азгарѣ нахлѣбникомъ Данилы Родивоныча, могу я отказаться мыслями отъ нея, отъ княжны Хвалынской? Откажись—и прямо тогда съ обрыва, въ Волгу! Конецъ всему...

Аися тяжело вздохнулъ и остановился среди горницы, низко опустивъ голову и скрестивъ руки на груди.

— Отдай мнѣ ее князь! Позови къ себѣ найденыша и скажи: „Аися, ты по Божьему вельнью уродился много отличенъ ото всѣхъ людей, даже многихъ знатныхъ и богачей, но по людскому вельнью ты безымянный, безродный нахлѣбникъ мой, не то хололъ, не то присмышь... Но я цѣню въ тебѣ.. что?! цѣню то что въ тебѣ есть, что ты чувствуешь въ себѣ, что я самъ, да и всѣ чувуютъ въ тебѣ!... Возьми мою дочь!.. А разныя выдумки людскія мы справимъ... бумаги дворянскія... права на то чтобы кафтанъ съ позументомъ носить, да шпагу надѣть... Пускай онъ скажетъ это... И вотъ тогда я вдругъ выхожу добрый человекъ. Зарокъ дамъ во всю жизнь, мужи не обидѣть. Не нужно, такъ зачѣмъ же? Я злодѣй вотъ... но скажи это одно слово князь и не будетъ во мнѣ злодѣйства, не будетъ зла отъ меня никому.

— Но не можетъ сего быть, не можетъ! Не бываетъ такое на свѣтѣ. Никогда не будетъ! вслухъ проговорилъ Аися. И снова зашагавъ тихо по горницѣ, онъ думалъ:

— А не можетъ само быть... само! такъ ты самъ бери. Люди живутъ вмѣстѣ, одинъ во вредъ другому... Что кто услѣбалъ, да сумѣбалъ себѣ отбить, то у него и есть. Кто всѣхъ сильнѣе, тотъ всѣхъ и правѣе... Вотъ царица русская всѣхъ

сплавѣ и воюя любила и Турокъ, и Шведовъ, и Поляковъ. Сколько земель завоевала! По Божьему ли это отымать и себѣ брать чужія земли, хоть бы Крымское ханство? Нѣтъ! А что изъ сего Россійской державѣ? Честь и слава! А народу-то въ войнахъ что перебито, что крови пролито... Это ничего. Въ войнахъ люди рѣжутся люто, убиваютъ другъ друга безъ злобы, а по-звѣрски, и за это награды, кресты и вотчины получаютъ.

— А убей такъ кого, воскликнулъ Аися,—къ воеводѣ, въ земскій судъ!.. Клеймы!.. Сибирь... Охъ, люди вы, люди... хуже звѣрей вы!.. Хуже во сто кратъ!..

И онъ снова громко разсмѣялся раздражительно, желчно.

— Къ вамъ, людямъ, Господь посылалъ Сына своего. Христосъ училъ васъ какъ жить чтобы всѣ были счастливы, чтобы всѣмъ было хорошо на свѣтѣ. Нѣтъ, вы по своему тѣнились изъ вѣка въ вѣкъ устроить общежитіе. На мѣсто Христовыхъ законовъ свои придумали и поставили. Сами ухитрились завести на свѣтѣ всякое такое отъ чего одному легче стало жить, а сотнѣ цѣлой изъ-за него одного еще мудренѣе да тяжелѣе. Да вишь, на-смѣхъ, въ этой сотнѣ урождаются и Аися! Ну и по законамъ вашего устройства вѣстимо они злодѣями зовутся. А они просто тягаться хотятъ, чья возьметъ. Вотъ князь, азгарскій вельможа, богачъ, „царекъ“, а я червякъ, тля непримѣтная... Ну, вотъ, давай потягаемся! Поглядимъ, впрямь что ли мы разные люди, не равно Богомъ на свѣтѣ созданные для равной жизни... Иль одинаковые, да только въ разное платье одѣли насъ... Давай, давай тягаться, Данило Родивонъчъ! Вонъ Астюха колдунья нагадала Шереметевской три смертоубійства въ Азгарѣ въ эту зиму. Ну и авось Богъ дастъ... Да нѣтъ, нѣтъ, не Богъ... Не ври, Аися... Ну дьяволъ что ль дастъ... коли онъ есть на свѣтѣ, устроитъ такъ что ты, князь, въ числѣ трехъ этихъ будешь. А если и я буду? Что жъ? Я-то смерти не боюсь. Мнѣ на томъ свѣтѣ хуже не будетъ. Тамъ не людскіе порядки, а Христовы, тамъ не буду я собакой. А здѣсь у людей я собака!..

Аися остановился среди горницы и тяжело вздохнулъ нѣсколько разъ.

— Фу, какъ душить, какъ душить!.. Сатана, ты что ль пришелъ душить своего поминателя...

Аися оборвалъ съ луговицъ воротъ своей рубашки и сталъ

тереть себѣ шею рукой. Лицо его поблѣднѣло еще болѣе, и глаза загорѣлись слезами.

— Покажись колы ты, улыбулся онъ злобно.— Дай глазами на себя глянуть. Много про тебя, родимый, слышалъ, звалъ и вынѣ зову, а никогда въ глаза не видалъ.

Аися снова сѣлъ у окна и облокотился на руку, тяжело переводя дыханіе.

— А отчего все это? отчего измучился? воскликнулъ онъ вдругъ,—отчего? Отъ подлости духа. Отъ слабодушія, трусости. Оттого что дрянь, такая же дрянь какъ всѣ! Будь-ка человекъ, какимъ себя считаешь да все въ мысляхъ своихъ восхваляешь, то взялъ бы давно ножъ и зарѣзалъ бы его тихо, не слышно, безъ стука на сердцѣ, безъ смуты душевной, а такъ... просто, смѣючись... вотъ какъ куръ да поросать повара рѣжутъ... Привыкаи? Да, привыкаи... Привыкаи?

Аися вдругъ поднялся съ мѣста.

— Додумался, глухой, загадку разгадал!

И помогавъ онъ прибавилъ тихо и спокойно:

— Да, привычка... Вѣстимо, навикъ... Стало-быть еси и я... Чтѣ жь, неужели изъ-за одного вѣрнаго маха по князю надо прежде на другихъ совсѣмъ безвинныхъ поучиться... Еслибы война! Пошелъ бы сейчасъ учиться. А здѣсь? Кого же? Начинай со звѣрей, а тамъ и людей... одного... двухъ. Учись!.. Охъ, умъ за разумъ заходитъ!.. Душить!..

Аися застоналъ, и бросившись на свою кровать, сталъ проводить быстро руками по лицу и головѣ.

Уже почти мѣсяцъ томился найденышъ въ своей горницѣ въ борьбѣ съ самимъ собой, какъ бы готовясь на злодѣяніе, унижая и мучая себя. Но мысль о княжнѣ, объ ея новыхъ отношеніяхъ къ нему останавливала его столько же сколько и страхъ преступныхъ дѣйствій.

— Все-таки въ ней вся сила! думалъ онъ.

А Груки онъ не понималъ теперь. Онъ видѣлъ только ясно что она не относится къ нему такъ же какъ прежде, что въ ней есть новое что-то къ нему. „Что-то“... Но чтѣ именно? Это не презрѣніе, это не ненависть... Это скорѣе страхъ, боязнь? Но развѣ она знаетъ его мысли, его тайну. Она ничего не знаетъ, она не предполагаетъ даже что онъ какъ безумецъ посмѣлъ любить ее. Мѣсяцъ тому назадъ, во время послѣдней прогулки ихъ въ лодкѣ, онъ ничего прямо не сказалъ ей о себѣ, а догадаться гордая княжна не могла.

Неужели она просто чувствует что онъ ее любитъ? А если чувствует, то какое чувство шевельнулось у нея въ отвѣтъ? Будто одинъ страхъ! Она едва отвѣчаетъ ему когда онъ подойдетъ, но не холодно и не гордо, а скорѣе робко и слѣшитъ скорѣе отойти... Отъ страха къ любви есть ли путь? Можетъ-быть.

Еслибъ Аися знала что когда-то на обрывѣ, ночью, она была въ трехъ шагахъ отъ него съ Левой и все слышала, то онъ все бы поаялъ теперь...

II.

За этотъ мѣсяць съ отъѣзда петербургскаго гостя кирасира въ Азгарѣ не случилось ничего особеннаго. Жизнь шла все также скучно и однообразно. Только три существа будто жили за всѣхъ. Жилъ жизнью полною огня и терзаема безродный Аися, но скрывая эту жизнь у себя въ горнищѣ. Жила и клякша, томясь и волнуясь и тоже скрывая свою тревогу. Жила и кроткая Нада, горюя, мучась и опасаясь ежедневно за себя и отца. Остальные Азгарцы будто не жили, а только ходили, ѣли, спали... Развѣ одинъ еще Chevalier de Pgesmes былъ исключеніемъ. Его тоже выдали часто молчаливымъ, тихо озабоченнымъ, а подчасъ и особенно грустнымъ.

Однако найденъшъ въ бурной борьбѣ съ самимъ собой все-таки не терялъ времени. Были люди которыхъ онъ уже „взвездаль“, по его выраженію, и спокойно рѣшилъ сдѣлать орудіемъ достиженія своихъ цѣлей. Онъ самъ былъ еще не готовъ „на всякое дѣло“, но за то другихъ уже направилъ и толкалъ въ бездну какъ слѣпыхъ... и безъ малѣйшаго трелета.

— Что мнѣ ихъ жалѣть, думалъ онъ,—когда меня судьба не пожалѣла, люди не жалѣютъ... Даже самъ Господь не пожалѣлъ, допустивъ безгрѣшному еще младенцу запропасть какъ былинкѣ... Хуже! Что былинкѣ земной! Она не чувствуетъ куда ее вихремъ увоситъ. А я человѣкъ! Зачѣмъ мнѣ разумъ Господь далъ, сердце твердое, помыслы буйные, желанія дерзкія... Зачѣмъ? Почему я не уродился вотъ какъ Лева? А коли все при рожденіи мнѣ дано... все что не отъ міра сего, а въ земномъ во всемъ мнѣ отказъ,—такъ я самъ возьму все... Духимъ дѣломъ, безъ жалости... Господь меня не пожалѣлъ. Такъ чего же я, человѣкъ, буду людей жалѣть? А можетъ-быть это и есть воля Его на мнѣ... Достигши, молъ, самъ всего съ тѣми талантами что я тебѣ далъ.

Прежде всего найденышу нужно было тотъ край азгарскихъ хоромъ гдѣ жила княжна очистить отъ семьи Лалтевыхъ. Останется княжна тогда на краѣ громаднаго дома, давно рѣшилъ Аиса, и день и ночь одна, вдали отъ всѣхъ... со своею лишь гаулою горничной Малашей... тогда еще неизвѣстно что будетъ!

Флигеля были полны, и Лалтевъ съ женой и дѣтьми жилъ ввизу хоромъ, чрезъ корридоръ отъ княжны. Давно уже князь все собирался надстроить одинъ флигель и перевести Лалтевыхъ. Но такъ прошло болѣе года. Изгнаніе изъ Азгара семьи князя Урсланъ-Бекова очистило бы тотчасъ цѣлое просторное помѣщеніе во флигель. Аиса уже давно сообразилъ это, и только откладывалъ свой замыселъ до поры до времени, когда нужда явится... Если онъ выбралъ семью кавказскаго князя, а не кого-либо другаго для коварнаго погубленія, то это было исключительно потому что вѣчно льющаго, уже обезумѣвшаго отъ залога князя можно было безо всякаго труда подбить на всякій неразумный поступокъ.

Аиса уже давно искусно готовилъ Урслана и постоянными выдумками, даже клеветой наускивалъ на мирнаго Киргиза. Но за послѣднюю осень отчаянная злоба кавказца какъ бы утихла немного. Дочери вліяли на него, боясь бѣды.

Аиса за этотъ мѣсяць снова взялася за дѣло усерднѣе и снова разжигалъ ненависть Урслана, но теперь за то и жену и дочерей его сумѣлъ тоже возстановить противъ Лаханова.

— Когда будетъ все совсѣмъ готово—я его слышу! думалъ Аиса про него какъ бы про борзую собаку. — А какъ перевести Лалтевыхъ во флигель, то въ пустыхъ хоромахъ далеко отъ всѣхъ... ты еще не знаешь, княжна, что можетъ быть! Смѣлость города беретъ. А вѣтъ, такъ что жь? проладать-то мнѣ заодно. Ужь лучше по твоей волѣ. Изъ-за твоего гнѣва! Пожалуйся на меня князю и ему казнить даже меня не придется, я самъ себя казню на обрывѣ... потоплю въ Волгѣ все... И пусть унесетъ она, матушка, и меня съ моею любовью, и твой гнѣвъ—въ море Каспій!.. Поминать хоть меня будешь часто... А то и пожалѣешь! А то и побѣдишься мертвѣго въ цѣлую темную ночь...

Второе что Аиса рѣшилъ сдѣлать—было заключить союзъ съ самою дѣвушкой на которой вздумалъ князь женить его. Но въ лодыжѣ этого союза онъ наиболѣе сомнѣвался. Длинна на всякій случай слѣдовало согласиться и уговориться имъ

обоимъ какъ бороться и отстоять себя. Аися вдобавокъ боялся согласія Нади. Почемъ знать! Она прямодушная дѣвушка, но князь можетъ прельстить ее большими деньгами, и она пойдетъ въ жены Аиси только для отвода глазъ.

Аися рѣшился давно переговорить обо всемъ не съ самимъ капитаномъ, а съ его дочерью. Старику, конечно, нельзя было ничего пояснять о томъ что князь надумалъ. Но объясненіе свое съ Надей, какъ второстепенное дѣло, онъ отложилъ до времени и старался покуда придумать какое-либо иное, болѣе вѣрное средство спасенія. Но какое? что?.. Аися вышелъ когда-то изъ кабинета князя съ полною рѣшимостью не даваться въ руки мучителя и всячески отстоять себя, свою свободу, свою любовь и свои грезы объ иномъ счастьи... идти „на всякое дѣло“ въ этой борьбѣ!.. Но что же придумать помимо убійства князя? Дѣйствительно, никакого выбора не было... Бѣжать изъ Азгара онъ не могъ, ибо ничего этимъ не достигалъ кромѣ разлуки съ княжной. „Похерить“ самую навязываемую ему невѣсту у него еще менѣ хватало духу. Онъ рѣшился бы на это только въ случаѣ согласія Нади на позорную сдѣлку. А пойдетъ ли она добровольно и съ легкимъ сердцемъ на этотъ позоръ—онъ еще не зналъ, а только сомнѣвался и притомъ слегка, ибо считалъ Надю крайне честною дѣвушкой. Повѣдка танцовщицы Шереметевской по сосѣдству къ одной знаменитой гадалкѣ и колдунѣ и предсказаніе ея о трехъ смертоубійствахъ въ Азгарѣ еще болѣе взволновало, но будто и ободрило суевѣрнаго Аисю...

„Видно удастся убійство. Но кого убьютъ? Кто? Зачѣмъ мнѣ, можетъ другой кто развязать дѣло ножомъ?“ И Аися долго, цѣлую недѣлю исключительно посвятивъ на то чтобы непремѣнно надумать, найти иной исходъ изъ своего отчаяннаго положенія...

„Еслибы онъ былъ вдовъ, додумался наконецъ Аися,—онъ женился бы на Осокиной. Да, этому я вѣрю! И въ его гора онъ пожалуй легко докорился бы молодой женѣ, тихой, кроткой сердечной и любящей. Осокина, сказываютъ Агаѣмовъ и Лаханевъ, живая княгиня Людмила Дмитріевна и вѣнчившимъ видомъ и нравомъ. А онъ ту жену вѣдь шибко любилъ. И теперь все поминать и жалѣть.

И Аися додумался.. Гораздо мудренѣе, но за то ему-то самому душевно легче—подбить на убійство какую-либо изъ

горничныхъ княгини, ежедневно истязуемыхъ всячески. Не прошло трехъ дней послѣ мгновенія когда эта мысль зашла въ голову Ауси, и онъ уже былъ страстно влюбленъ въ свѣтлую дѣвушку княгини, Стеню.

Дѣвушка быстро и горячо отвѣтила взаимностью на ухаживанье красиваго молодаго человѣка и полубарина.

Стеня была за полгода предъ тѣмъ привезена въ число другихъ изъ маленькаго и дальняго имѣнія князя около Москвы. Она тотчасъ попала въ дворовыя дѣвушки, а затѣмъ за красивую вѣщность въ услуженіе къ княгинѣ.

Полудикая, а за послѣдній мѣсяць выжившая, казалось, окончательно изъ ума, княгиня Софья Ивановна или Шерфе сразу особенно возненавидѣла эту „Стеньку“.

Восьмнадцатилѣтняя дѣвушка была положительно очень красива собой, съ рѣзкимъ цыганскимъ типомъ лица, даже съ дарованіемъ этого племени: она очень хорошо глѣла звучнымъ гортаннымъ голосомъ. Въ деревнѣ ея было хорошо извѣстно что она дочь конокрада-цыгана изъ Москвы. Служь этотъ дошелъ конечно съ ея пріѣздомъ и до Азгарцевъ.

Шерфе будто чуяла въ Стенькѣ что-то родственное по крови съ собой. Та же живость, огненность природы, тотъ же блескъ черныхъ глазъ и та же смуглость. Все было въ Стеньѣ—что когда-то было и въ ней самой... И Шерфе съ перваго дня поступления къ ней красивой Цыганки стала преслѣдовать молодую дѣвушку безъ устали и безплощаднѣе чѣмъ всѣхъ остальныхъ своихъ горничныхъ.

Черезъ мѣсяць по пріѣздѣ Стеньки, въ наказаніе за какой-то дустиакъ ей уже остригли по указу княгини роскошную, чуть не до земли косу... Стеня сразу измѣнилась... Изъ рѣзвой и добродушной она стала сумрачною и молчаливою, люблѣдѣла и щеки ея осунулись, горькая улыбка или, вѣрнѣе, ѣдкая гримаса не сходила съ ея губъ. Короткіе, неприглаженные и уже не сдерживаемые гребнемъ волосы Стени стали сами собой завиваться въ кудри и локоны, и Стеня стала только еще красивѣе. Къ ея южному тѣлу шла взбитая, причудливая прическа и придавала лицу какую-то отвагу, что-то такое особенное чего не было ни у одной дѣвушки изъ двора азгарской. Всѣ замѣтили что наказаніе придуманное княгиней пошло Стеньѣ не во вредъ, а въ пользу. Сама потерявшая разумъ княгиня—и та бессознательно видѣла это и озлоблялась... И бѣдная Стеня стала проходить

чуть не ежедневно всякаго рода мытарства по милости бессмысленно озлобленной княгини. Два раза уже сидѣла она по недѣлѣ въ холодномъ чуланѣ съ веревкой на шеѣ привязанной къ кольцу ввинченному въ стѣну.

Стена уже задумывалась: „что дѣлать“?.. Примириться и выносить все, не видя конца оскорбленіямъ и мученіямъ, ея огненная кровь не позволяла.

Она стала немедленно искать исхода. Что жь могла она сдѣлать? Только одно: спастись бѣгствомъ, бѣжать куда глаза глядятъ, разумѣется ближе къ родинѣ, ближе къ столицѣ, гдѣ у матери еще сохранились прежнія тайныя сношенія съ ея отцомъ и съ нѣсколькими семьями московскихъ Цыганъ. Осенью дѣвушка, отчасти одичалая отъ стыда, позора и всѣхъ терзаній ея приниженой гордости, уже рѣшилась бѣжать... И вдругъ въ эти дни тяжелыхъ думъ, одинокой тоски, тѣдкаго горя, которымъ не съ кѣмъ даже было подѣлиться, около нея появился молодой малый, красивый, умный и смѣлый, полубаринъ, то-есть приемышъ князя, котораго всѣ считали дворяниномъ. У него такіе же глаза и волосы какъ и у Стени. Онъ, въ минуты тоски и озлобленія на свою мачиху-судьбу, самъ сказываетъ что его тоже таборъ Цыганъ потерялъ на дорогѣ.

Этотъ баринъ протянулъ руку ей, хололкъ, Стенькѣ... Онъ давно безумно любитъ ее, только не рѣшался высказаться. Онъ измучился ея мученіями... Онъ готовъ на все, готовъ бѣжать изъ Азгара вмѣстѣ съ нею, бросивъ кровь который ему постыль, даровой хлѣбъ который ему горекъ.

Недолго и не робѣя слушала бѣдная, измученная дѣвушка горячія и краснорѣчивыя признанія и увѣренія Ауси. Она быть-можетъ и не страстно полюбила его, но была все-таки въ его рукахъ. Найденъшъ самъ дивилса быстротѣ своего услѣха, но онъ понималъ что одиночество и горькая доля, затерянность среди Азгарцевъ, толкнули дѣвушку быстрымъ и искреннимъ порывомъ въ его объятія.

Правда, онъ тоже первый разъ въ жизни увѣрялъ простую дѣвушку въ своей любви и не могъ знать насколько онъ увлекателенъ. Любить самому кого-либо изъ нихъ ему не пришлось, такъ какъ его сердцемъ съ юношескихъ лѣтъ овладѣла и владѣла нераздѣльно одна княжна... Лгать и обманывать какую-либо изъ нихъ ради шутки или праздности ни

разу ему не пришлось, не нужно было и не заманчиво. Онъ и въ другъ Левкѣ Самцовѣ не любилъ его сердца. Теперь понадобилось сыграть влюбленнаго, и онъ достигъ цѣли съ непонятною ему быстротою. Дѣвушка готова была отдаться тотчасъ. Но этого Аисѣ было не нужно, это не входило въ его расчеты и было даже не мыслимо. Образъ княжны обожаемой имъ стоялъ между нимъ и Цыганкою, какъ хороша и увлекательна ни была она иногда въ жгучихъ порывахъ своей племенной, полудикой, неудержимой страстности. Прежде всего рѣшено было между ними спастись и бѣжать изъ Азгара.

Да, бѣжать... Но слугить „ей“, звѣрю, извергу, нельзя. Забыть, стало-быть простить, всѣ униженія и мытарства и только уйти унося въ памяти все выстраданное и не отмщенное? Это невозможно! Воспоминаніе объ оскорбленіяхъ замучаетъ ее, отчасти и ему помѣшаетъ свято любить ее.

Такъ рѣшилъ Аися. Дѣвушка, пылкая и рѣшительная, соглашалась вполнѣ.

— Надо зарѣзать ее, но такъ конечно чтобы не былъ узнавъ и пойманъ виноватымъ, а потомъ уже уйти изъ Азгара на волю.

Такъ тоже рѣшилъ Аися и бралъ на словахъ отмщенье на себя. Но любящая дѣвушка, конечно мысленно, не соглашалась.

— Меня она мучила, мнѣ и кровь ея проливать! рѣшила про себя Стеня печально, безъ жажды мести, безъ озлобленья, но принимая какъ бы вѣдѣнье судьбы изъ устъ Аисы.

III.

Когда весь Азгаръ горячо толковалъ объ извѣстіи привезенномъ Шереметевской, то-есть о предсказаніи колдуньи, которое она всѣмъ передала, Аися и вѣрилъ гаданью и уже зналъ что будетъ убита княгиня, а князь вдовъ и можетъ жениться на Осокиной. А если онъ не женится, то Аися самъ возьмется за него самого. А третье убійство? Кто же? Кого? Это отчасти смущало найденыша.

— Хорошо если князь Урсланъ убьетъ Лаханева. А если третій битый онъ самъ Аися?

Если подговоренная Стенька, убивъ княгиню, попадется и выдастъ его со страху съ головой какъ подстрекателя, или послѣ тайнаго ловкаго убійства, обманутая имъ, со злобы и отчаянья сама сознается князю и тоже ради мести выдастъ его, или наконецъ, не выдавъ ни себя, ни его, по своей пылкой природѣ отплатитъ ему тѣмъ же ножомъ, который онъ чуть не насильно вложилъ ей въ руку?...

— Пустое! изъ этого всего я выберусь цѣль. А если нѣтъ, то опять-таки... Все равно, заодно пропадать...

Разумѣется за послѣднее время Аися осторожно, не у себя, но постоянно видался тайкомъ со Стенькой. Онъ видѣлъ ясно по ея часто печальному лицу что она не отказалась отъ мысли имъ навѣянной, отомстить. Онъ увѣрялъ ее что собирается скоро умертвить княгиню, но что теперь еще рано, надо обождать, скопить денегъ на побѣгъ. Въ случаѣ если онъ попадется, то его посадятъ въ Казанскій острогъ, говорилъ онъ, но увѣрялъ Стеню что нѣтъ ничего легче какъ бѣжать изъ острога или помочь бѣжать кому-либо другому.

— Еслибъ я тоже попала въ острогъ, ты бы меня спасъ оттуда? только разъ спросила Стеня тревожно.

— Разумѣется. Мѣсяца бы не высидѣла тамъ... Да тебѣ и не придется. За чтѣ же?

И Стеня повѣрила, какъ и во всемъ вѣрила Аисѣ.

А откладывалъ Аися преступленіе и не посылалъ бѣдную дѣвушку на убійство, выжидая и выигрывая время по двумъ причинамъ: ради того чтобъ увѣриться въ чувствахъ къ нему княжны и еще кромѣ того ради слабой надежды что князь забудетъ, броситъ свою затѣю.

За послѣднее время Аисю обрадовало что князь вдругъ чѣмъ-то занялся усиленно у себя въ кабинетъ. На столѣ его была завернута проласть иностранныхъ книгъ съ помѣтками. На полу и около кресла тоже накопилась цѣлая куча книгъ, вятыхъ изъ распертыхъ шкаловъ бібліотеки. Князь не приказалъ своему камердинеру Андрею Рѣвину пальцемъ касаться ихъ, не только прибирать. Настроеніе духа князя стало тоже иное.

Князь лицалъ... И во всемъ Азгаръ былъ только одинъ человѣкъ знавшій чѣмъ именно занятъ и чтѣ пишетъ князь. Это былъ его единственный гость, кавалеръ де-Премъ.

Часто приглашалъ князь Француза къ себѣ въ кабинетъ, преимущественно послѣ обѣда или вечеромъ, и совѣщался съ

нимъ въ томъ что Французъ долженъ былъ знать о своемъ отечествѣ и могъ передать лучше книгъ. Де-Премъ оживлялся и съ большою охотою помогалъ князю насколько могъ свѣдѣніями и указаніями. Князь Давило Родіоновичъ писалъ всеподданнѣйшую „промемерію“ государынѣ.

Это было вѣчто въ родѣ проекта или цѣлый планъ, широкій, громаднѣй, потребовавшій отъ князя не мало ума, таланта и познаній для того чтобы подобный трудъ не былъ смѣшнымъ и не заставилъ бы царицу разсмѣяться надъ политикомъ и философомъ азгарскимъ, двадцать лѣтъ просидѣвшимъ въ глуши своей вотчины.

Князь Хвалынский писалъ проектъ коалиціи европейскихъ державъ подъ главенствомъ Россіи для завоеванія Франціи, укрощенія мятежа, спасенія короля Лудовика и восстановленія его священныхъ правъ. Трудъ раздѣлялся на двѣ части совершенно различныя по содержанію.

Въ первой князь доказывалъ что „зараза французская“ если погубитъ Лудовика XVI, то обойдетъ всю Европу, всюду лобывается, какъ гуляла по Европѣ двадцать лѣтъ назадъ чума, проходя тысячи верстъ, и дошла до Москвы.

„Дѣло короля Французскаго—дѣло всѣхъ монарховъ,“ писалъ князь. „Если европейскіе государи предадутъ Лудовика, то исторія отмститъ имъ за него по очереди. Если во Франціи погибнетъ теперь монархія въ лицѣ Бурбона, то чрезъ какихъ-нибудь двадцать, тридцать лѣтъ также погибнутъ монархіи на западѣ и югѣ Европы, а затѣмъ и ближе, въ Пруссіи или въ Австріи“. „Зараза французская“, какъ чума, обойдетъ во сто лѣтъ весь міръ, кромѣ Азіи или Африки. Всюду подымется и разрушитъ все новый бичъ Божій, новый Атилла—чернь.

Во второй части князь развивалъ цѣлый планъ коалиціи державъ и вторженія соединенныхъ армій во Францію; какъ военный, какъ бывшій герой двухъ войнъ, онъ могъ и эту часть написать умно и дѣльно.

Мѣсяца назадъ князь говорилъ кирасиру изъ Петербурга что событія во Франціи столь же страшны для Россіи какъ есабъ они происходили на планетѣ Юпитерѣ, но вскорѣ послѣ того отъ новыхъ извѣстій изъ Франціи князь тоже былъ смущенъ, какъ и всѣ его современники, „французскимъ заревомъ“.

— Къ намъ теперь не перебросить, не да насъ вѣтеръ, говорилъ онъ де-Прему.— У насъ недавно была своя народная смута отъ Пугачева, была совсѣмъ на другой, на свой ладъ. Просто бѣглые да пьяные проходимцы крошили все и всѣхъ топоромъ, вышли погулять на время. И еслибы наши трусы, Нѣмцы-правители всей восточной окраины не прозѣвали, то весь бунтъ не вышелъ бы изъ предѣловъ Оренбургской округи. Но нашъ народный мятежъ былъ во имя царя, за него, а не противъ. „Живъ законный государь Петръ Федоровичъ!“ кричалъ всякій бездѣляникъ. Одинъ кричалъ обманно, а двое искренно. Но бунтъ былъ все-таки за царя. Поймите. А вотъ послѣ, современемъ! Что если съ легкой руки Франціи всюду подлый народъ захочетъ достигать власти и всюду чернь будетъ правителемъ страны. Тогда міръ вернется вѣдь къ первобытнымъ временамъ. Этакъ чрезъ сто лѣтъ люди опять одѣнутся въ звѣриныя кожи и будутъ питаться акридами и дикимъ медомъ. Excusez du peu! острилъ князь.

Разумѣется, де-Премъ соглашался во всемъ и сочувствовалъ работѣ князя, онъ даже былъ увѣренъ что записка князя Хвалынского возымѣетъ свое дѣйствіе въ Петербургѣ. Кавалеръ усердно помогалъ князю искать цитаты изъ французскихъ писателей, и при этомъ эмигрантъ невольно изумлялся начитанности русскаго вельможи. Иногда ему казалось что даже въ Версалѣ при дворѣ своего „*sal-heureux prince*“, онъ не встрѣчалъ людей настолько образованныхъ какъ этотъ „*grand seigneur, quasiment polaire*“. А этотъ богачъ, бывшій храбрый офицеръ, два раза раненый, герой Турціи, бывшій фаворитъ монархини, нынѣ добровольно сидитъ *dans ses raages aux portes de l'Asie et à deux coups de fouet de la Mer Blanche*.

За это время, поглощенный своимъ неожиданнымъ новымъ занятіемъ и работой, князь сталъ мягче-со всѣми Азгарцами, чаще шутилъ за столомъ и былъ веселѣе и добродушнѣе. Было ясно что именно праздность развивала въ немъ дикія прихоти, раздражительность и жажду гнета на все окружающее. О Надѣ Осокиной и о женитьбѣ Аиси князь вспоминалъ изрѣдка и то больше за обѣдомъ, когда и тотъ и другая были предъ нимъ налицо. Но теперь это казалось ему мелочью, и ему было не до нихъ... Чтò такое хорошенькая дѣвчонка Надя подлѣ плана спасти Европу, излагаемаго

княземъ Русской императрицы, у которой въ рукахъ всё сред-ства чтобы привести оный тотчасъ въ исполненіе?

Минутами князь иногда видѣлъ себя посломъ къ Англійскому королю или въ Австрію ко Францу II для заключенія наступательнаго союза и руководства дѣйствіями союзныхъ армій „по его плану“.

А кроткая Нада Осокина за это время все-таки жила на-сторожѣ, ожидая каждый день какого-нибудь рѣшительнаго шага со стороны князя и необходимости спастись изъ Азгара. Изрѣдка, впрочемъ, ей казалось, и она утѣшала себя что калрызъ князя пока будто прошелъ, такъ какъ уже скоро мѣсяць что она, встрѣчая его взглядъ, не видитъ болѣе въ глазахъ князя прежняго страннаго огонька, который она такъ ненавидѣла. Глаза князя теперь были „не волчьи“ для стыдливой и робкой отъ природы дѣвушки, хотя и готовой на упорную защиту себя отъ хищника.

Капитанъ Осокинъ совсѣмъ было собрался когда-то по совѣту дочери въ Казань искать мѣста, пріюта, какого-либо занятія, но затѣмъ князь вдругъ перемѣнился. Нада успокоилась, а капитанъ сталъ уже подшучивать надъ „страхами“ дочери.

Одно существо въ Азгарѣ знало, однако, вѣрно, и ждало что когда занятія князя прекратятся, работа будетъ кончена, то снова явится и возьметъ верхъ надо всѣмъ та же прихоть; это была княжна.

Груня за это время много измѣнилась, въ ней многое и многое какъ бы перегорѣло въ огнѣ ея ежечасныхъ бурныхъ чувствъ и думъ.

Много дней, иногда и бессонныхъ ночей провела она одна въ своихъ комнатахъ на концѣ дома, въ самомъ строгомъ и беспощадномъ разборѣ, обсужденіи и осужденіи отца, всего Азгара и себя самой, своихъ чувствъ.

Признаніе найденыша пріятелю Самцову ночью, на обрывѣ, которое потрясающимъ ударомъ отозвалось въ Грунѣ, запало на сердцѣ глубоко. Совладеніе этой исповѣди Ауси съ ужаснымъ замысломъ отца относительно Нади, казалось, усугубило силу удара и имѣло пагубное вліяніе на княжну.

Въ другое время она была бы только оскорблена любовью этого безроднаго приемыша въ домѣ отца. Но теперь, когда отецъ оказывается способенъ на низость... чѣмъ Ауся хуже его и хуже, ниже ея? Отецъ будто самъ вдругъ сократилъ и

уменьшилъ ту пропасть которая была между княжной Хвалынской и нахлѣбникомъ.

Да, этотъ отецъ вдругъ упалъ съ неизмѣримой высоты и низко, сразу смѣшался почти съ Азгарцами не отличаясь ничѣмъ отъ нихъ... А среди этихъ же Азгарцевъ, съ которыми пылкой умъ княжны уже сравнивалъ отца, головой выросъ одинъ Азгарецъ и сталъ сразу будто выше всѣхъ и стало-быть выше и князя-отца, и стало ближе къ ней.

Все это случилось внезапно и ужасающе просто, естественно... Было отъ чего княжнѣ мучиться цѣлые дни и ночи у себя наединѣ и тайно ото всѣхъ.

Груня даже чувствовала что она будто перерождается и становится хуже... Да, хуже, ниже!... Она спускается къ Аисѣ! Отецъ, упавъ во мнѣніи ея, будто увлекъ ее за собой туда же, въ эту среду развращенныхъ Азгарцевъ, полу-людей полу-звѣрей.

Все это были выдумки, комедіантство, бредни! говорила Груня про отца, про себя, про все что касалось прежнихъ убѣжденій ея, прежняго міровоззрѣнія, до того пагубнаго для имения матери и Нади, когда она узнала о замыслахъ отца.

Конечно, „онъ“ честиѣе, благороднѣе „всѣхъ“, думала княжна не называя найденыша по имени и замѣняя словами „они“ и „всѣ“ слово „отецъ“. Они только умѣютъ говорить о Богѣ, о добродѣтеляхъ, о дворянствѣ, о правдѣ, а поступаютъ хуже маленькихъ и темныхъ людей, хуже хололовъ своихъ. А эти хололы напротивъ урождаются иногда благороднѣе ихъ.

Груня иногда ставила себя на мѣсто своей пріятельницы съ рожденія, своей „сестры“, какъ часто звала она Надю, и отецъ становился ей вдругъ невыносимо гадокъ, отвратителемъ. Она пугалась сама этого невольнаго чувства, внезапнаго и мгновеннаго, охватывавшаго ее какъ молнія. Защищать и защитить Надю отъ отца Груня не только твердо рѣшила давно, но даже чувствовала въ себѣ достаточно силы на это. Ей казалось что святая правда ея дѣла вложила въ нее эту силу. Еслибъ отецъ пришелъ вдругъ къ ней съ ножомъ ее рѣзать, развѣ она не стала бы защищаться, развѣ она не взяла бы тоже ножа, еслибъ онъ былъ на подачу руки? А еслибы кто-нибудь пришелъ къ ней на помощь, развѣ бы она отвергла эту помощь, прогнала отъ себя этого спасителя... это было бы бессмысленно! А такой есть!...

„Помогите мнѣ помочь вамъ!“

Эти слова, когда-то сказанныя имъ въ лодкѣ, часто теперь звучатъ у нея на сердцѣ. Да, она готова принять его помощь и для Нади, и для себя... Но для себя зачѣмъ же? Въ чемъ? Спасти ее отъ гнета душевнаго одиночества! Скользкій луть по краю проласта!

Нѣтъ, надо избѣгать его! Онъ можетъ-быть и впрямь колдунъ! И думать даже не надо о немъ! часто и тщетно говорила себѣ Груня.

IV.

Съ первымъ же снѣгомъ наступила и зима.

Праздные, избалованные обиліемъ дароваго хлѣба, скукающіе отъ отсутствія нужды и заботъ, Азгарцы, за послѣднее время были заняты исключительно страшнымъ разказомъ танцовщицы, ея посвщеніемъ гадалки и ужаснымъ предсказаніемъ Астюхи. Знахарка изъ-подъ Чебоксаръ, которую всѣ считали колдуньей, была старуха лѣтъ девяноста если не болѣе, давнымъ-давно славившаяся не только въ Казанскомъ округѣ, но и въ смежныхъ съ нимъ округахъ своимъ даромъ ясновидѣнія и предвидѣнія. Всякій малый ребенокъ слышалъ сто разъ объ Астюхѣ.

Когда-то она—и это помнили еще многіе—предсказывала за полгода впередъ страшные повсемѣстные ужасы, пожары, убійства и всякія налести, то-есть Пугачевщину.

За это предсказаніе сдѣланное въ дворянскихъ домахъ города Саратова, затѣмъ въ Сызрани на базарѣ, а затѣмъ и въ домѣ казанскаго коменданта, старуху арестовали, и Астюха просидѣла двѣ недѣли въ острогѣ. А предсказаніе сбылось, и его конечно многіе заломинали, вспоминали и посябъ.

Телерь помѣщики дворяне и чиновники трехъ, четырехъ губерній не стыдились выписывать Астюху изъ Чебоксаръ, посылая за ней часто свои собственные экилажи. Многіе, разумѣется, наоборотъ, боялись старухи какъ огня и считали ее даже вѣдьмой.

Въ Азгарѣ Астюха была два раза. Лѣтъ тридцать назадъ ее выписывалъ князь Родіонъ Зосимычъ чтобъ узнать что-то такое чтѣ никому изъ тогдашняго штата не было открыто. Князь остался очень доволенъ гадалкой и подарилъ ей двадцать пять рублей. Затѣмъ лѣтъ около двадцати назадъ тотъ же

Родионъ Зосимычъ, узнавъ что Астюха появилась въ Сокольскомъ у Андрея Уздальскаго, пожелалъ ее снова видѣть и узнать что-либо о судьбѣ сына Давилы, бывшаго на войнѣ. Астюха прямо сказала что молодой князь либо былъ, либо будетъ раненъ, но останется живъ и „высоко взлетитъ, но не надолго“.

При князѣ Давилѣ Родионовичѣ лѣтъ четырнадцать назадъ старуха снова разъ появилась въ Азгарѣ, но князь, узнавъ о затѣвѣ своихъ домочадцевъ, велѣлъ Астюху прогнать метлами, а съ вызвавшей эту гадалку барыней-нахлѣбницею поступилъ по своему. Приказавъ ее залереть въ старой банѣ, гдѣ предварительно задѣлать оба окна, онъ велѣлъ на четырехъ стѣнахъ повѣсить четыре большія зеркала изъ гостиной и предъ зеркалами поставить по двѣ свѣчи, которыя должны были горѣть день и ночь. Ходить въ баню чтобы носить лицу и подновлять неугасяемое освѣщеніе было приказано только одному дворовому, нѣмому отъ рожденія.

Барыня, поставленная въ это „гадательное“ положеніе, чрезъ двѣ недѣли стала „мѣшаться на мысляхъ“. Видя себя самою и день и ночь одну, но зато въ безконечномъ количествѣ экземпляровъ, до сотни и болѣе, да еще при тысячѣ отраженныхъ въ зеркалахъ огней, она была, когда ее выпустили, уже близка къ умопомѣшательству. Зато страсть къ гаданію была съ корнемъ вырвана у праздныхъ Азгарцевъ.

Теперь однако не всѣ помнили этотъ случай и наказаніе князя. Да и самъ онъ забылъ о своей затѣвѣ.

Разумѣется послѣ поѣздки Шереметевской погадать у Астюхи, Азгарцы только и говорили что объ ея предсказаніи трехъ смертоубійствъ, и каждому до смерти хотѣлось тоже погадать. Однажды кто-то изъ Азгарцевъ узналъ что знаменитая Астюха находится снова у барыни-помѣщицы вѣрстахъ въ двадцати отъ Азгара.

— Вотъ бы послать за ней да привезти! стали говорить десятки обитателей. И всѣ тотчасъ подхватили и повторяли то же.

Дошелъ конечно слухъ и до княжны. Груня, смущенная, взволнованная, измученная собственными гаданіями о своей судьбѣ и въ тревогѣ душевной отъ зари до зари, конечно охотнѣе чѣмъ когда-либо, со страстью, съ замираніемъ сердца ухватилась за предложеніе тотчасъ вызвать старуху-кодавную о которой много слышала. Со смущеніемъ и даже

боязнію рѣшилась она идти просить у отца позволенія достать и привезти Астюху... Князь въ этотъ день переводилъ страницу изъ Маккиавелли, для цитаты въ своей запискѣ.

Коалиція... Король Лудовикъ... Астюха... Монтескьё... Грунья... Францъ II! все это перепуталось въ серьезно поглощенномъ работой умѣ князя.

— Ахъ, милая... Зови... Вези... Что ты съ пустяками ко мнѣ идешь. Тутъ дѣло отъ котораго будущность и благоденствіе быть-можетъ всей Европы зависить, а ты съ какою-то гадалкой. Гадай! Гадай! Хоть совѣтъ привези и на хлѣбъ посади старуху, и гадайте всѣ каждый день!

Княжна торжествующая почти выбѣжала изъ кабинета и послала тотчасъ же лошадей за Астюхой.

На другой же день утромъ дряхлая, страшная, даже отвратительная на видъ старуха была въ Азгарѣ и пила чай у княжны въ горницѣ. Съ желтымъ лицомъ, изрытымъ морщинами, съ бѣлыми отъ старости выцвѣтшими глазами, сгорбленная и говорящая сиповатымъ шелотомъ, девяностолѣтняя Астюха была дѣйствительно похожа на вѣдьму. Но главное что было въ ней отвратительно и наводило страхъ на всѣхъ, это было отсутствіе лба. Въмѣсто лба видѣлась глубокая впадина въ которую вошелъ бы легко небольшой кулакъ. Астюха говорила что когда она была дѣвухой, то была ранена... Какъ, чѣмъ и какимъ образомъ она не объясняла... И съ той именно поры, послѣ долгой болѣзни, она когда встала на ноги, то сразу прозрѣла, то-есть начала глядѣть въ воду и „сказывать все“ что у нея желали узнать.

Гадавая въ Приволжскомъ краю лѣтъ около семидесяти сподрядъ, повсюду, каждый день, и будучи еще знахаркой, дававшей больнымъ свои настойки и питья изъ травъ, Астюха конечно много разъ и многихъ изумляла своими предсказаніями. Въ особенности же вѣрно предсказывала она смерть больного или выздоровленіе.

Если кто изъ гадалычиковъ рѣшался положить палецъ во впадину на лбу Астюхи, то она упорно, глядя въ лицо гадающаго, медленно съ разстановкой, будто съ усиліями и потугами своей способности ясновидѣнія, рассказывала всю предстоящую жизнь, всю будущность человѣка. Но такихъ храбрецовъ выискивалось не много.

Говорила Астюха конечно иносказательно, двусмысленно, вопросами, пословицами, сравненіями, загадочными и полу-

понятными восклицаніями, перемеживая рѣчь иногда молитвами, иногда словами воимъ извѣстной лѣсни. Часто вмѣсто гаданья она, взглянувъ на человѣка, начинала сразу лѣтъ хриливо-силоватымъ голосомъ: „Со святыми упокой!“, причемъ поминала имя гадающаго. Этотъ неожиданный приступъ къ дѣлу иногда кончался обморокомъ или болѣзнию гадающаго, а иногда и просто смертью съ перепуга и потрясенія. Князь не зналъ, конечно, да и не могъ предугадать того громаднаго значенія какое будетъ имѣть появленіе въ Азгарѣ этой колдуньи. Ея пріѣздъ и трехдневное пребываніе стало событіемъ среди скучной обстановки. Конечно, всѣ бросились гадать къ Астюхѣ послѣ княжны, и всѣ до единаго человѣка перебивали во флагель въ отведенной ей горничнѣ и съ трепетомъ выслушивали ея прорицанія. Всѣ гадали, отъ поэта Далтева и всей семьи Уруслянь-Бековыхъ до Самцова, танцовщицы, актеровъ, Бонифачіо, Экалычева и даже до степеннаго старика Агаѣонова. Только дикая княгиня, Осокины отецъ и дочь, задыхающійся астмойъ флейтистъ Катценфуртъ да угрюмый Лаханевъ и конечно кавалеръ de Presmes не соблазнились узнать навѣрное свою судьбу. Аися не отказался тоже, но стыдился самого себя за малодушіе.

Каждый гадалъ тайно, наединѣ, о своемъ, но конечно не всякій признался другимъ о чемъ гадалъ.

Одни пріуныли, другіе не ходили, а летали. Болѣе всего поразило Азгарцевъ гаданіе Астюхи князю Урслану, Крыжанскому и одной горничной. А дѣйствіе гаданія на старика, всѣми уважаемаго дворецкаго, Агаѣонова, смутило самыхъ храбрыхъ. Агаѣоновъ вышелъ отъ Астюхи взволнованный, но съ восторженнымъ лицомъ, и цѣлый день утиралъ слезы и говорилъ:

— Ахъ, кабы только дожить мнѣ до этого!..

И онъ собрался было бѣжать разказать все князю, но остановился...

О чемъ однако гадалъ Агаѣоновъ, онъ никому ни словомъ не промолвился и даже не намекнулъ.

Музыканту Крыжанскому старуха сказала что онъ утолитъ, а горничной что умереть отъ курицы.

Князю Урслану Астюха, не говоря худаго слова, прямо заплѣла: „Со святыми упокой раба Божія Григорія“. Князь однако не испугался, а не въ мѣру ободлился и чуть не приколотилъ тотчасъ же старую колдунью.

Княжна, гадавшая первая по прїѣздѣ старухи, побоялась остаться съ ней наединѣ и гадала при своей любимой горничной Машѣ. Старуха глядѣла въ чашку, гдѣ обварила киляткомъ какія-то свои сѣмена, всыпанные изъ кармана.

— Прогони глазатую, больше скажу! раза два прошептала тихо старуха, но Грунѣ было просто страшно очутиться съ колдуньей вдвоемъ.

И княжна не осталась довольна гадаемъ.

Однако на робкій вопросъ, выйдетъ ли она замужъ за человека о которомъ думаетъ—княжна предполагала Асю—колдунья спросила упорно, не спуская своихъ бѣлыхъ глазъ съ лица княжны:

— Да любить ли онъ тебя?

— Любить, невѣрительно отозвалась княжна.

— А можетъ не тебя, а на княжество твое да на все иждивеніе твое у него глаза разгорѣлись...

Княжна смутилась.

— Онъ нешто тебѣ лара? Онъ предъ тобой чтѣ? Тыфу! вотъ чтѣ! говорила старуха, размазывая пальцемъ въ чашкѣ съ отваромъ сѣмень.

Княжна вспыхнула и молчала.

— Вишь куда захотѣлось! Залетѣла ворона въ высокія хоромы... продолжала старуха.

Однако, поглядѣвъ затѣмъ долго въ чашку съ отваромъ и водой, колдунья закачала головой и выговорила:

— Отца роднаго, родителя своего, обманеть человекъ—и не жди благополучія! Чти отца твоего и мать твою и благодать будетъ тебѣ и долгодѣтенъ вѣкъ!... А заведешь жениха—заводи одного...

Груня, совершенно смущенная, переспросила.

— Заводи одного жениха, повторила Астуха.—Въ одной берлогѣ двумъ медвѣдямъ не ужиться. Дятель-то въ кѣлочкѣ жаворонка долбитъ! заговорила вдругъ быстро старуха глядя въ воду.—Долбитъ... долбитъ... Охъ, до смерти заклевалъ. О-о-охъ! Дятель-то жаворонку нешто товарищъ... Вишь перушки полетѣла, кровь потекла... Аминь ему!...

Смущенная Груня ничего не поняла или поняла смутно. Въ лампѣ ея остались лишь слова: „заводи одного жениха“.

Ася пошелъ въ свой чередъ къ колдуньѣ во флигель и не побоялся пальцы приложить къ ея владивѣ, но старуха всей жизни найденышу не предсказала и на смѣлые вопросы

молодаго человѣка, упорно упираясь своими глазами въ его характерное и энергическое лицо, проговорила:

— Много дѣловъ ты натворишь!... Охъ, много... Потащилъ Еремѣй сто кудей на базаръ, да знать продалъ не гоже, притащили во дворъ самого на рогожѣ.

— Надорвался! выговорилъ Аися, презрительно улыбаясь.

— Выше Бога не будешь! проворчала старуха, не спуская ни на мгновенье своего взгляда съ Аиса, и лицо ея при этомъ было болѣе напряжено и оживлено чѣмъ при гаданьѣ другимъ Азгарцамъ.—Охъ, семь головъ, молодець, скорѣе сносишь чѣмъ одну единую. Одна-то мнѣ дорогѣ, а семь—трынь-трава!

— Полюбить ли меня моя зазноба? спросилъ Аися полутреша, полутревожно.

— Рада бы не любить, да любитъся. Хороша побасеука, да не концомъ кончается, а сызнова начинается. Охъ, плакать тебѣ горько по волосамъ...

— Снявши голову что ли? Не таковскій. Да чью, скажи? Свое что ль дѣло какое испорчу. Завѣтное? Не знаешь. Ну. Похѣрю ли я своихъ враговъ? Скажи. Добьюсь ли чего желаю? Подумай, бабушка, да отвѣчай прямо на чистоту.

— Даешь лещъ шибко, волковъ лужаетъ! Поджалъ хвостъ лилко, волковъ боится!

— Ты не загадывай загадки. А коли видишь что—скажи! нетерпѣливо выговорилъ Аися, твердо выдерживая на себѣ непрятный, безвѣстный взглядъ старухи.—Будетъ удача мнѣ... Говори!...

— Много чего не чнешь будетъ... Все будетъ... Все-то у тебя полнымъ-полно... Людямъ завидно! Все-то есть у молодца, одного нѣтъ, чего желается! А что есть—постыло, а чего нѣтъ, то мило! Все бы отдалъ да одно, да всѣмъ-то это одно не купить!

Старуха помолчала и прибавила:

— Будешь во временѣ, меня помани! Будешь въ златѣ, сѣребрѣ, мнѣ на рубаху дай... А крови человѣчьей не отвѣдывай, своя загорится въ тѣлѣ гѣнной огненнойю.

Аися смутился, не сдержалъ взгляда старухи и опустилъ глаза. Вздохнувъ тяжело, онъ прекратилъ гаданье.

— Буде врать-то, бабушка, сказалъ онъ насмѣшливо.

Увѣжая совѣмъ изъ Азгара, одаренная деньгами, холстомъ и разною мелочью отъ платочковъ до чудокъ, Астюха, вздыхая и горюя, сказала нѣсколькимъ провожавшимъ ее на крыльцѣ Азгарцамъ:

— Охъ, мѣсто ваше проклято... Отмолвилъ бы его молитвой да постомъ. Чего ждете, не молитесь?

— Это мы, бабушка, знаемъ и безъ тебя! смѣясь отозвался Левъ Самцовъ.—Азгаръ вишь святой пустынный проклялъ, тому ужъ тыщу лѣтъ будетъ. А правда ль вотъ ты сказывала что у насъ тутъ три смертоубійства будутъ?

— Да, были у васъ тутъ грѣшные люди да грѣшныя дѣла... и опять будутъ, быстро забормотала старуха.—Сталь ужъ вотъ путь, а еще до снѣга прикатила телѣжка и убилицу привезла, а отѣдутъ санки, другаго убилицу увезутъ. А третья вотъ ѣдутъ саночки, и народу-то, народу повалило за ними... Убитаго везутъ. А самъ убилица виноватаго искать поѣхалъ.

— Тьфу! тилунъ тебѣ на языкъ! испугался присутствующій тутъ же Агаонъ.—Это ты за наши всѣ одаренья намъ сулишь?

— Всѣ три и есть! Мѣсто ваше проклятое. Богу молитесь... Можетъ замолите...

— Да тебя за это удавить бы надо, стараго пса! крикнулъ камердинеръ князя Андрей.

— Я и такъ скоро помру. Чѣго меня давить! А на тебя веревка теперь вьется! А вы Богу молитесь, можетъ только кровь прольется, а душа человѣчья жива останется. Ну, простите, не поминайте лихомъ.

И Астуха съѣхала со двора Азгара путемъ въ Казань на княжескихъ лошадяхъ.

— Какъ ее дьявола не поминать лихомъ, говорили Азгарцы снова смущаясь.—Шутка! Три смертоубійства въ одну зиму накаркала ворона.

— Эка диковина! замѣтилъ и успокоилъ всѣхъ скрипачъ Неручевъ.—У насъ что ни зима, что ни лѣто—смертоубійство.

Азгарцы начали вспоминать и пересчитывать, и оказалось дѣйствительно что въ Азгарѣ почти ежегодно бывали случаи насильственной смерти или во двору, или на селѣ. Частыя ссоры въ штатѣ набалованныхъ придворныхъ Азгарскаго царька изрѣдка кончались схваткой съ кровавымъ исходомъ.

Аися долго сердился на себя что гадалъ по малодушію.

— Въ дьявола не вѣрю, а тутъ въ колдовство старой дуры повѣрилъ. А вѣдь сказала: не отвѣдывай крови, своя сторгить.

Княжна была смущена словами отвратительной гадалки. Многого она не поняла, силится теперь объяснить себѣ и объясняя въ худую сторону... робѣла.

V.

Черезъ два дня послѣ гаданій Азгарцевъ, князь кончилъ свою промеморію и тотчасъ послалъ въ Казань за самымъ искуснымъ копиистомъ.

Прежняя праздность вступила въ свои права, и послѣднія, еще не исполненныя прихоти пришли снова на умъ. Прежде всего князь вспомнилъ объ Осокиной. Въ первый же день послѣ оконченной работы она за столомъ оказалась князю красивѣе чѣмъ когда-либо.

— Эхъ, протянулъ, пожалѣлъ онъ мысленно.—Давно бы теперь и замужемъ была.

И князь послѣ обѣда позвалъ къ себѣ Аисю. Князь стѣснялся съ нимъ еще менѣе, но найденышъ, приготовленный къ объясненію, выдержалъ роль покорнаго, благодарнаго и преданнаго слуги съ замѣчательною ловкостью... Князь на этотъ разъ прямо ему назвалъ Надю Осокину, удивляясь что Аися самъ не можетъ догадаться. Данило Родионовичъ въ бесѣдѣ своей снова два раза повторилъ, что еслибъ онъ былъ вдовъ, то конечно тотчасъ же рѣшился бы жениться на дѣвушкѣ стариннаго дворянскаго рода, красивца и къ тому же получившей почти такое же воспитаніе какъ его собственная дочь.

Князь говорилъ искренно, и это слышалось въ его голосѣ. Онъ сознался Аисѣ что давно влюбленъ въ Надю, просто наложницей своей сдѣлать ее не хочетъ чтобы не унижать въ ней ея дѣвичьей гордости. Поэтому-то онъ и придумалъ выдать ее замужъ за Аисю и отплатить ему за это сторицей... Дворянствомъ! Состояніемъ! Служебнымъ положеніемъ!

— Чтò, у него вутра-то совсѣмъ вѣту что-ли? думалъ въ эти минуты Аися, слушая мягкую и ласковую рѣчь князя.

Аися вышелъ отъ бездушнаго князя внѣ себя отъ злобы и ненависти, но не къ царьку, а къ себѣ самому.

— Тяжи. Дождайся, думалъ онъ внѣ себя,—покуда ужъ въ церковь не повезли вѣнчать... Откладывай все до завтра. Пенижовая душа. Холопская. Правду сказала Астюха. Лагетъ песь будто волковъ стращаетъ, а самъ хвостъ поджалъ со страху.

Просидѣвъ у себя цѣлый день, онъ даже не пошелъ къ столу сказавшись больнымъ. Онъ боролся будто снова съ

самимъ собой. Но къ вечеру онъ былъ слокоенъ, отправился навѣстить друга Левку и все шутилъ на счетъ своего будущаго благополучія и счастья изображать подставнаго мужа... Левка видѣлъ и чувствовалъ, однако, что Аисъ не только не по себѣ, а что раздраженъе его дошло уже до болѣзненности. Глаза Аисы горѣли необычайнымъ лихорадочнымъ огнемъ и будто зловѣщимъ блескомъ освѣщали его блѣдное изнуренное лицо съ немного влажными щеками.

— Чтò жь ты будешь дѣлать? спросилъ Лева.

— Ничего... Не знаю еще... Чтò-нибудь придумаю, усмѣхнулся Аиса.

— Давно бы ужъ надо было придумать-то. Сколько времени ужъ прошло, замѣтилъ Лева.— Да и чтò? Придумать-то нечего! Вотъ чтò, родимый. Уходить ты не хочешь отсюда. Ну стало-быть, что же? надо покориться... Бросить онъ, да стать она твоею женой и впрямь, стерпится, слюбится.

— Ахъ, извергъ, выговорилъ Аиса шепотомъ, который показался Левкѣ шилънѣемъ жабы.

— Кто?

— Не князь. Ты! Ты!.. выговорилъ Аиса, задыхаясь и поднимая дрожащую руку на друга.

— За что же... обидѣлся Лева.

— Какъ ты смѣешь этакое сказывать!.. Послѣ него... Бросить... Я начну послѣ него любить его любовницу. Почитать эти объѣдки своею женой, Богомъ мнѣ суженою!.. Ахъ ты... я думалъ ты меня любишь...

— Прости, Аиса. Я право не хотѣлъ... смутился Самцовъ отъ голоса и лица друга.— Я такъ сказалъ... Развѣ я совѣтую... Я гадаю...

Аиса махнулъ рукой.

— Гадай, гадай. Всѣ вы гадайте, чтò будетъ. Только не разгадаете. Будетъ не то чтò вы всѣ думаете. Будетъ другое. Да, совсѣмъ другое!

И Аиса разсмѣялся дико и злобно, но тотчасъ же пришелъ въ себя, и проговорилъ спокойно и будто въ объясненъе неосторожно брошенныхъ словъ:

— Всегда на свѣтѣ бываетъ не такъ какъ люди располагаютъ. Оттого человѣческая жизнь и темна, не вѣдома впередъ. Люди гадаютъ одно, а выходитъ совсѣмъ другое. И чему быть, то отъ человѣка не зависитъ, а отъ Бога одного зависитъ.

И Аися думалъ про себя:

— Вотъ и Левкѣ даже лгать пришлось. Нѣтъ, будетъ не то что вы гадаете и не то что Господь положитъ... Господь не можетъ худое и лихое устроить. А будетъ то, что я хочу, чему я порѣшилъ быть.

Выйдя отъ пріятеля, Аися, подъ предлогомъ передачи одного приказанія князя его камердинеру, пошелъ въ людскую, гдѣ вся многочисленная дворня была въ сборѣ и ужинала на нѣсколькихъ столахъ.

Говоръ гукаій и грубый смѣхъ и даже подчасъ простой крикъ, ради шутки, оглашали своды просторной людской столовой.

За отдѣльнымъ большимъ столомъ сидѣли горничныя княгини, княжны и нѣкоторыхъ семействъ махавниковъ. Тутъ же молча на краю стола черпала изъ общей чашки похлебку красивая Стенька. Увидя Аисю, она искоса взглянула въ него глазами. Пройдя близко отъ нея, онъ глянулъ ей въ глаза держа руку у виска...

Это былъ условленный между ними знакъ, сообщившій дѣвушкѣ чтобы она нашла средство видѣться и переговорить, какъ всегда, въ домѣ или на дворѣ.

Когда всѣ дворовые отужинали и двинулись каждый въ свое мѣсто, Аися напрасно прождалъ на дворѣ Стеньку, думая что она пройдетъ тотчасъ же мимо крыльца того флигеля откуда шла лѣстница къ нему на верхъ.

Но едва Аися не дождавшись дѣвушки вошелъ къ себѣ, какъ по его садамъ вбѣжала къ нему и Стеня.

— Ахъ, зачѣмъ... зачѣмъ ко мнѣ! вскрикнулъ Аися.—Помилуй Богъ, увидитъ кто...

— Ну что жъ! весело отозвалась Стеня, кидаясь къ нему на шею и цѣлуя его.—Скажутъ что я твоя любезная. Эка важность! Здѣсь всѣ мы дѣвушки обзавелись, у каждой въ Азгарѣ свой молодецъ...

— Спасибо, проговорилъ Аися.

И онъ подумалъ злобно: „Развѣ въ этомъ дѣло! Ты понадеешься, такъ сейчасъ за твоего любезнаго примутся.“

Аися выглянулъ за дверь въ корридоръ и прислушался. Все было тихо.

— Никто тебя не видалъ? спросилъ онъ.

— Никто. Темъ на дворѣ... Полно...

т. слых.

7*

И Стеня снова хотѣла объять его, но онъ упрямо отстранился и вымолвилъ:

— Сядись! Чтò!..

— Какой ты злой! Въ кои-то вѣки...

Она не договорила и вздохнула.

— Сядь... Дѣло... Слушай. Пора намъ порѣшить все... Покаянью... Покоячимъ, тогда будетъ время милостиваться.

— Княгиню? Чтò жь...

— Ну да, и собаку эту похѣрить, и самимъ уходить. Въ эту ночь, или завтра, или на дняхъ какъ придется, когда выпадетъ удачливое время, я заберусь на верхъ къ вамъ и хвачу ее... Знай!..

Стеня вздохнула, опустила голову на грудь и грустнымъ взоромъ уперлась въ полъ. Въ глазахъ ея стояли слезы.

— Чего ты? Ну? чего же молчишь? съ волненіемъ допытывался Аися.

— Ничего! Ладно... выговорила она глухо, а не своимъ обыкновенно звучнымъ контральтовымъ голосомъ.— Куда бить надо? Въ грудь?

— Вѣстимо... Въ лѣвую грудь... съ маху! Да это моя ужь забота. Ты только знай, странно сказалъ онъ.

— Ладно! выговорила Стеня, быстрымъ порывомъ поднялась съ мѣста и не прощаясь вышла вонъ изъ горницы.

И Аися не удержала дѣвушку, а оставшись недвижно на мѣстѣ думалъ про себя:

Не хочетъ или боится. А то и совсѣмъ не понимаетъ? Ну, вотъ на! Давно поняла что ея это дѣло. Нешто я могу середь ночи забраться на верхъ. А еслибъ и пролѣзъ, какъ мнѣ уйти потомъ? А она легла въ свое мѣсто... и щипъ виноватаго. А коли поняла да боится?.. Охъ, чтò тутъ! Увидимъ!

Найденышъ легъ въ постель почти спокойный, но ночь, однако, провелъ нѣсколько тревожно. На утро онъ поднялся бодрый, будто даже веселый и усмѣхаясь повторилъ нѣсколько разъ:

— Узлы развязывать. Пора за дѣло... Нечего тянуть...

Еще до полудня Аися былъ уже у князя Урслана и бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Князь былъ еще не пьянъ. Аися пришелъ усовѣщивать его чтобъ онъ помирился съ Лаханевымъ и не злобствовалъ на него.

Князь даже забылъ и думать о своемъ врагѣ за послѣднее время, но увѣренія Аиси и просьба примириться съ Лаханевымъ привели его въ ярость. Глаза его наливались кровью,

въ гордѣ душило отъ злобы. И все это баагодаря тому ка-
кимъ способомъ усовѣщивалъ его найденышъ.

Аися уговаривая Урслана, по порученію будто бы самого
князя Данилы Родіоновича, сумѣлъ всякою новою ложью на
безобиднаго Киргиза довести Урслана до пѣны у рта.

Пьяный и глухой кавказецъ не видѣлъ конечно и не по-
нималъ хитрой игры найденыша. Аися влоднѣ соглашался
съ Урсланомъ что мириться ему съ Киргизомъ мудрено, уви-
зительно. Вѣдь онъ на него постоянно наушничаетъ князю
и хочетъ чтобъ его прогнали изъ Азгара; онъ злобствуетъ и
на его жену, потому что въ нее влюбленъ давно и хотѣлъ бы
сойтись съ ней хотя бы ради одного посрамленья ея мужа;
онъ распускаетъ позорящія слухи объ его дочеряхъ, увѣряя
что у каждой княжны есть любезный изъ музыкантовъ и изъ
актеровъ... Разумѣется мириться мудрено! Даже онъ, Аися,
въ положеніи князя, вмѣсто примиренія, говоря ужъ по со-
вѣсти, пристрѣлялъ бы этого Киргиза. Но Данило Родіо-
новичъ, хотя и не любитъ, даже не терпитъ Лаханева, а все-
таки велитъ князю идти у него просить мира, потому что
Киргизъ этого требуетъ.

— Какъ не любить? былъ удивленъ Урсланъ, несмотря на
то что въ его мозгу давно все представлялось постоянно въ
какомъ-то туманѣ, будто-покрытое сѣрою, сквозною какъ
лагутина пеленой.—Какъ не любить! Князь этого логаннаго
Киргиза больше всѣхъ любить.

— Эхъ, князь, усмѣхнулся Аися и потрелавъ вѣжливо
Урслана по плечу онъ шелнудъ:—умный вотъ вы человекъ—
бывалый... Весь свѣтъ объѣхали, больше нашего князя видовъ
видали, а лустяковъ не чуете. Данило Родіоновичъ вишь
Лаханева, по вашему, любить да уважаетъ!

— Какъ же? а то развѣ нѣтъ? изумлялся Урсланъ-Бековъ,
широко тараща свои красные глаза.

— Дѣлаетъ видъ что любить, князь. Нельзя ему инако...
шелпотомъ произнесъ Аися.—Боюсь я вамъ сказать... А то
бы... Ну да ужъ такъ и быть... Вѣдь Киргизъ-то этотъ зна-
етъ еще со времяя бунта за княземъ такое дѣло что если
заговорить, то князь нашъ пропасть... Не знаете, не слышали
вы этого никогда?

— Слыхалъ... слыхалъ... заторопился князь.—Сказываютъ
что тайна важная, но я не зналъ что это про самого князя
тайна, что самъ Данила Родіоновичъ въ чемъ ловиленъ.

— То-то вотъ. А вы говорите любить онъ его. Лаханевъ ему вотъ чтò, летля. Да еще спасибо же очень онъ домается. А захоти, онъ изъ князя бичеву вить бы сталъ. Подожди этоть Киргизъ, князю бы праздникъ!

— Во-отъ! ахуулъ Урсланъ.

— Разумѣтся. Съ рукъ долой. Годовъ семь тому назадъ на охотѣ зацѣпилъ Лаханева дробью одинъ охотникъ... Помните.

— Помню.

— Какъ князь-то тогда радъ былъ. Думалъ отдѣлается отъ него. А онъ олять выздоровѣлъ...

Побесѣдовавъ около двухъ часовъ съ Урсланъ-Бековымъ, Аиса оставилъ кавказскаго князя раздраженнымъ до бѣшенства, вслѣдствіе необходимости идти почти просить прощенья у Лаханева неизвѣстно въ чемъ. Съ другой стороны, Урсланъ былъ пораженъ открытіемъ что князь ненавидитъ Киргиза и тяготится имъ изъ-за чего-то скрываемаго обоими.

Среди дня мозгъ Урслана оживившійся отъ обычнаго приѣма отравляющаго его спирта докопался до хитрѣйшаго плана: услужить князю-владыкѣ, поссориться и поругаться на смерть съ Киргизомъ, да и застрѣлить его.

И прежде, выпившій Урсланъ всегда грозился „отплатить“ своему врагу и „сосчитаться“ съ нимъ; теперь же онъ громко кричалъ на весь Азгаръ что пора ему пристрѣлить какъ собаку мучителя княжескаго, заѣдалу ихъ общаго благодѣтеля Данилы Родіоновича.

Азгарцы на этоть разъ ничего не понимали въ словахъ Кавказца кромѣ его угрозъ, но къ нимъ они уже давно привыкли. Лаханевъ тоже привыкъ давно къ ненависти Урслана, объяснялъ ее завистью за предпочтенье которое князь оказывалъ ему съ сыномъ и не обратилъ тоже никакого вниманія на новую угрозу.

Въ тотъ же день Аиса рѣшилъ не откладывая переговорить и съ Осокиной.

За обѣдомъ, какъ всегда за послѣднее время, Аиса только искоса быстро взглядывалъ на княжну и старался быть простъ, веселъ и разговорчивъ. Но за все это время ни разу не заговаривала съ нимъ княжна. Когда же приходилось имъ обоимъ участвовать въ общей бесѣдѣ, то они отвѣчали на слова другъ друга, обращаясь какъ бы ко всѣмъ вообще. При встрѣчѣ въ домѣ княжна видимо избѣгала его боязливо и

слѣшила пройти мимо или свернуть въ сторону. Послѣ объѣда Аиса скромно, но очень серьезно попросилъ позволенія у Осокиной придти вечеромъ чтобы поговорить объ очень важномъ дѣлѣ.

Надя удивилась.

— Приходите. Батюшка завсегда радъ вамъ.

— Нѣтъ, Надежда Николаевна... Мнѣ съ вами надо бесѣдовать... Родителя своего вы ужъ постарайтесь въ гости куда направитъ... При немъ я ничего не скажу.

Надя изумилась еще болѣе, встревожилась и молчала.

— Такъ сдѣлаете это... Нужно. Очень нужно. Чтò вамъ одинъ-то разъ душой покривить. Сбудьте Николая Михайловича, ну хоть къ Бонифачіо или къ Лалтевымъ.

— Хорошо, нервнительно проговорила Надя.

Уже давно огненный взглядъ красивыхъ черныхъ глазъ слѣдилъ за Надей и за Аисей, а нервно напряженный слухъ старался напрасно уловить хотя одно слово изъ ихъ разговора происходившаго почти шепотомъ, будто украдкой ото всѣхъ.

И вдругъ быстрыми шагами подошла къ Осокиной странно оживленная княжна.

Груня сама не знала какая непреоборимая сила, какое новое для нея и тревожное чувство повлекло ее внезапно стать скорѣе между этихъ двухъ лицъ.

— Такъ вѣрно будетъ? спрашивалъ въ эту минуту Аиса, внимательно глядяваясь въ лицо дѣвушки.

— Постараюсь всячески быть одна, отвѣчала Надя шепотомъ.

— Чтò такое? вымолвила княжна подошедшая сзади и вдругъ обнявшая Надю одною рукой.

Осокина вздрогнула и смутилась отъ неожиданности, и сама удивляясь и не понимая своего безпричиннаго смущенія, еще болѣе оторопѣла.

Аиса тоже отступилъ на шагъ какъ пойманный на чемъ-нибудь, чего не слѣдовало знать княжнѣ.

Груня все замѣтила, но поняла и объяснила по своему.

Прошло мгновенье неловкаго молчанія.

— Чтò жъ; нельзя мнѣ сказать, Надя?

— Нельзя, прямо и кротко отозвалась дѣвушка.

— Коли у васъ есть этакое... проговорила рѣзко княжна, и голосъ ея вдругъ оборвался.—Этакое!.. То вамъ бы въ столовой при всѣхъ остерегаться и не выдавать себя.

И княжна быстро отошла вновь, а сердце ея застучало молотомъ. Черезъ минуту ея уже не было въ столовой. Она почти бѣгомъ скрылась къ себѣ на половину.

VI.

Вечеромъ Надя, смущаясь отъ необходимости обманывать отца, хотя и совершенно невиннымъ образомъ, уговорила его идти въ гости къ Лалтевымъ, а сама будто бы собралась къ княжѣ.

Когда Николай Михайловичъ ушелъ въ гости, Надя недоумѣвая и отчасти волнуясь стала ждать Аисю. Смутно она чуяла что у него важное до нея дѣло. А какія дѣла въ Азгарѣ и между ними могутъ быть? Понятно заранѣе. Не что иное какъ нѣчто касающееся темныхъ и позорныхъ намековъ князя съ мѣсяцъ тому назадъ въ ея именины. Неужели князь теперь посылаетъ его отъ себя ходатаемъ, совѣстась снова заговорить самъ?

Тогда надо будетъ рѣшиться окончательно на что-нибудь. Капитанъ еще давно по совѣту дочери рѣшилъ ѣхать въ Казань, о чемъ необдуманно хотя и простодушно объяснилъ князю Штейндорфъ. Князь Данило Родіоновичъ спросилъ тогда капитана на другое же утро: собирается ли онъ въ городъ? Но смутившійся старикъ заявилъ что онъ думалъ было провѣдать одного пріятеля и раздумалъ.

Послѣ этого Осокинъ снова нѣсколько разъ собирался въ Казань, но колебался, боясь оставить дочь одну въ Азгарѣ во власти самовольнаго и предприимчиваго царька, не стѣсняшагося ничѣмъ въ своихъ прихотяхъ. Ѣхать съ дочерью князь могъ просто не позволить. Произошло бы ими же вызванное объясненье и разрывъ... и свобода идти на всѣ четыре стороны, по міру съ сумой! Уѣхать вмѣстѣ тайно въ Казань было бы тоже равносильно разрыву.

И капитанъ колебался, тѣмъ болѣе что онъ не вѣрилъ „страхамъ“ дочери, даже не вѣрилъ ея намекамъ на бесѣду съ княземъ въ свои именины.

Въ то же время князь вдругъ засѣлъ за свою работу, за какія-то занятія въ кабинетѣ по дѣльнымъ дѣямъ, о которыхъ Азгарцы не имѣли никакого понятія.

Позднѣе, со словъ де-Према Осокину, Азгарцы узнали отъ капитана по секрету что Данило Родіоновичъ пишетъ царьцѣ.

Князь, погруженный въ свою работу, сдѣлавшійся добродушнымъ со веѣми какъ бы по разсѣянности—обо многомъ обыденномъ въ Азгарѣ забылъ и думать.

За все время не было ни одного концерта, а объ представленіяхъ труппы актеровъ не было и помину, такъ какъ заново отдѣланный театръ не былъ еще вполне готовъ, обивался матеріей, и двѣ новыя печи проталивались. На Надю князь не обращалъ все время никакого вниманія. Изрѣдка только ловила она на себѣ ненавистный ей ястребиный взглядъ князя—но съ отгѣнкомъ задумчивости и разсѣянности. Но вчера князь взглянулъ на нее какъ бывало прежде.

— Ну, а когда онъ кончитъ совсѣмъ занятія? думалось Надѣ.—Вотъ теперь, сказываютъ, онъ кончаетъ. Писаря привезенные изъ Казани переписываютъ возлѣ кабинета его письмо къ царицѣ. Стало-быть скоро и конецъ. А переставъ заниматься—о чемъ, объ первомъ, объ какой прихоти своей, вспомнить онъ тотчасъ? Если обо мнѣ? Оно уже почти такъ... Ну, тогда тотчасъ и уходить!

Аися застала Надю слегка взволнованною собственными мыслями, явившимися на этотъ разъ какъ предчувствіе.

Но найденышъ былъ самъ отчасти тоже смущенъ. Онъ поздоровался, сѣлъ и не зналъ съ чего начать свое мудреное и опасное объясненіе. Его отношенія къ Осокиной, другу княжны, были издавна простыя, хорошія, дружескія. Ему она всегда была очень по сердцу, какъ хорошая дѣвушка, степенная, скромная, трудолюбивая и крайне добрая сердцемъ.

Впрочемъ и весь Азгаръ равно любилъ и почиталъ Осокину. Аися же ставилъ ее въ своемъ мнѣніи и по воспитанію, и нравомъ, конечно, неизмѣримо выше всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ изъ дворянскихъ семей что жили на хлѣбахъ въ Азгарѣ.

Надя, воспитанная наравнѣ съ другомъ княжной порядочностью своей казалась какъ бы родною сестрой Груни.

„Чистая душа... Незлобивая, ангельская“, думалъ Аися всегда про Надю: „и къ тому же совсѣмъ та же что княжна Хвалынская, дочь вельможи, а не нищаго капитана нахлѣбника. Дѣвушка со своей стороны относилась всегда къ найденышу еще съ дѣтства особенно ласково и даже дружески, хотя онъ былъ ей не по душѣ. Когда она ребенкомъ еще не могла понимать многого, то уже будто бессознательно чуяла добрымъ сердцемъ что судьба этого человѣка далеко не завидная,

горькая, а жизнь его, полубарина и полухолопа, невыносимо тяжелая, полная горечи. И это смутное чутье къ чужому горю заставляло Надю относиться къ Аисѣ гораздо ласковѣе чѣмъ ко всѣмъ другимъ обитателямъ. Сердце всегда неудержимо влекло ее на помощь ко всякому страданію какъ и ко всякому горю, ко всякой бѣдѣ людской.“

— Надежда Николаевна, началъ Аиса, не зная самъ какъ оны скажетъ дѣвушка все то, что привело его къ ней,—дѣло мое важное и даже неотложное. Не вынѣ, завтра князь попроситъ къ себѣ Николая Михайловича и васъ и объяснитъ вамъ... Предложите вамъ свое покровительство... Будетъ васъ сватать.

Надя вспыхнула.

— Я такъ и думала что вы за этимъ! проговорила она потупляясь, но голосъ ея былъ спокойенъ и твердъ.

Снова тотъ же отгвнокъ спокойствія рѣшимости сказался въ ея голосѣ какъ когда-то во время бесѣды съ княземъ.

— Развѣ вы что-либо уже знаете? удивился Аиса.

— Знаю. И давно. Со дня моихъ именинъ.

— И вы знаете кого сватаетъ вамъ князь.

— Нѣтъ.

— А? Спасибо и за это! Я оробѣлъ ужъ что вы...

Аиса не договорилъ и подумалъ: „я оробѣлъ что и ты считаешь меня способнымъ на эту мерзкую должность подставнаго мужа.“

— Но знаете ли вы что это сватовство—отводъ глазъ. Какъ бы это сказать... Ну, да что жъ, надо говорить прямо. Скажите, Надежда Николаевна, вы съ княземъ заодно или нѣтъ?

— Я не понимаю.

— Вы вмѣстѣ придумали такое замужество или онъ одинъ. Вы согласны на этотъ срамъ? Или вы не знаете ничего?

Надя широко раскрыла глаза.

— Онъ мнѣ 17 числа говорилъ только что мнѣ пора замужъ, а что жениховъ въ Азгарѣ мнѣ нѣтъ...

И Надя передала Аисѣ смущаясь всю свою бесѣду съ княземъ, чувствуя что это необходимо теперь, ибо есть что-то новое, еще болѣе неожиданное и дурное.

— Князь васъ хочетъ выдать замужъ за одного человѣка изъ живущихъ здѣсь, выговорилъ Аиса рѣшаясь, но этотъ мужъ вашъ... будетъ подставной... Для сокрытія вашего сожительства съ нимъ самимъ, съ княземъ.

Надя потупилась и заплакала.

— Этого никогда не будетъ произнесла она.

— Отчего?

— Я не пойду ни за кого! Нельзя же силой меня вѣнчать! А еслибъ и обвинчали насильно въ Храмъ Божьемъ, то я его женой вѣрной буду... И предать меня князю не позволю.

— Вамъ князь не... по сердцу? Вы не желаете быть, простите, его любезною?

— О, какъ этакое говорить дѣвушка!.. Дворянкѣ!..

— Простите меня, Бога ради! горячо воскликнулъ Аися.— Вѣдь мы говоримъ по неволѣ. Я самъ не радъ, а долженъ говорить.

— Вамъ-то что же? Онъ васъ послать ходатаемъ. Напрасно, вы такое дѣло на себя взяли.

— Я не ходатай. Я отъ себя пришелъ. Избави Богъ если князь узнаетъ что я вамъ все прежде него открылъ.

— Какая же вамъ забота?

— Да вѣдь меня... меня онъ хочетъ женить на васъ, чтобы наругаться надъ обоими. Поймите.

Надя чуть не вскрикнула...

— Выслушайте меня внимательно, сказалъ Аися и сталъ подробно разказывать все что зналъ.

Надю поразило что первое объясненье ея было съ княземъ почти одновременно съ ихъ разговоромъ.

— А затѣмъ онъ будто забылъ про все! прибавилъ Аися.— А теперь опять вспомнилъ...

— Теперь? когда?..

— Вчера. Вчера онъ снова вызвалъ меня и снова заговорилъ о сватовствѣ. И теперь дѣло уже не отложится.

Надя взяла себя за голову...

Наступило молчаніе.

— Что же дѣлать, Надежда Николаевна! вымолвилъ Аися.

— Я за васъ не пойду. Да и вы... развѣ вы можете на такое дѣло идти!

— Если меня рѣзать будутъ на части, то я въ церковь подъ вѣнецъ съ вами не пойду! выговорилъ Аися, невольно улыбаясь.

— Ну вотъ это хорошо! Я отъ васъ этого ожидала. Вы хорошей человѣкъ.

— Стало-быть мы дадимъ другъ другу обѣщанье: ни за что не уступать?

— Ни за что!.. воскликнула Нада.

— Но послушайте, Надежда Николаевна. Я съ княземъ не могу дѣлать того же. Не могу... Я буду, нехота, а дѣлать видъ что я согласенъ. Вся моя надежда на вашъ отказъ. Я всячески помогать вамъ буду... но отказываться предъ княземъ отъ васъ я не стану.

— Отчего? удивилась Нада.

— Не изъ робости. Не изъ лукавства... Онъ меня прогнать тогда изъ Азгара.

— Вамъ вездѣ дорога. Вездѣ жизнь! Развѣ ваше положеніе—мое?

— Я не могу уйти изъ Азгара. Не могу нигдѣ жить... Тогда мнѣ лучше въ Волгу, Моя жизнь дорога мнѣ только здѣсь. Если князь прогонитъ меня отсюда—то мнѣ останется только покончить съ собой. А почему?... Я вамъ этого сказать не могу...

— Я понимаю... догадалась дѣвушка.—Спасайтесь вмѣстѣ, какъ вотъ мы съ батюшкой. Увозите „ее“ съ собой.

— Кого ее? воскликнулъ Аися, сверкая глазами.

— Я же не знаю... Думаю что она Азгарская. А здѣсь кому же легко жить? Всякая дѣвушка убѣжитъ отсюда безъ оглядки.

— Ахъ, Надежда Николаевна... Нѣтъ, лучше замолчите!... Бросимъ это!... Она не пойдетъ отсюда за мной!... Но вы повяли, вы теперь видите что я не могу перечить князю и губить себя. Онъ меня выгонитъ отсюда, а это мнѣ ножа острѣе, горше казни.

Наступило молчанье.

— Уходите вы. Я всячески помогу вамъ, снова заговорилъ Аися.—Вы красавица. Вы въ Казани легко можете замужъ выйти, даже за дворянина и богатаго... Что вамъ въ этомъ проклятомъ Азгарѣ, а на первыхъ порахъ я Николаю Михайловичу на всѣ лады слуга. Лишь бы ничего князь не узналъ.

— Да, надо спастись... но куда?... Въ Казань нельзя. Куда же въ Казань? къ кому? Лучше я уйду покуда одна... Къ Уздальскимъ. Они добрые... Съ княземъ во враждѣ старинной. Съ нимъ нечего имъ бояться поспориться изъ-за меня, какъ другимъ какимъ дворянамъ въ Казани. Они же, особаково Мавра Андреевна, сказываютъ, добрые люди, такіе добрые какихъ мало.

— Стало-быть такъ! Безъ перемѣны. Безъ страха. Такъ рѣшено? Вы убѣжите?

— Да.

— У васъ хватить духа бѣжать?

— Конечно... Мнѣ только князю жаль. А мѣсто это достыло мнѣ. Князь мнѣ ненавистень... Хуже!..

И Надя махнула рукой. Слезы полились изъ кроткихъ и красивыхъ глазъ ея.

— Такъ что еслибы князь былъ вдовъ и захотѣлъ на васъ жениться, то вы бы не пошли за него?

— Нѣтъ.

— Налрасно. Это совсѣмъ ужъ не то. Быть его любезною, или быть княгиней Хвалынской... Видѣть своего дряхлаго отца въ холѣ, въ почетѣ, въ качествѣ тестя князя, стало-быть чуть не первымъ лицомъ въ Азгарѣ, а тамъ и дѣдомъ князей или княженъ Хвалынскихъ. Неужели вы бы не пошли?

— Да что жъ объ этомъ!.. Онъ не вдовъ.

— Онъ можетъ быть вдругъ вдовъ. Я только того и жду что какая-нибудь горничная или сѣнная хватить князя опять... Разъ поймали, а въ другой и зарѣжутъ...

— Ахъ, что вы... Господь съ ней!

— Можетъ статься. Говорю, я всякій день этого ожидаю. И вотъ тогда князь вдовець. И можетъ вамъ честно свою любовь предложить. Что? Не ради себя, а для родителя своего котораго вы обожаете... Скажите по совѣсти. Неужели вы бы не пожелали быть княгиней Хвалынскою. А?.. Что вы на это скажете? Не ради себя говорю, а ради почтеннаго Николая Михайловича; ему-то какое бы счастье! Какой почетъ ото всѣхъ, во всей Казанской округѣ! Вы вѣдь родителя боготворите. Неужели хотя бы только изъ-за его почетнаго положенія, его счастья на старости лѣтъ, вы не пошли бы за князя? Не вѣрю, не вѣрю... Самъ за васъ скажу: пошли бы...

— Охъ, по совѣсти... не знаю, оживляясь вымолвила Надя.— Для батюшки, скажи онъ одно слово, я въ адъ кромѣшный, прости Господи, пошла бы...

— Ну вотъ то-то... улыбулася Аися.—И какъ бы хорошо-то было! Княгиня Надежда Николаевна Хвалынская все бы тутъ по своему повернула.

— Полно, полно... Какъ-то и слушать-то страшно! встрепенулась вдругъ Надя, и на глазахъ ея снова показались слезы.

— Ну, простите... мнѣ пора. Вернется вашъ родитель, да вы дастся что я у васъ сижу....

И Аися, простясь съ Осокиной, довольный вышелъ отъ нея.

„Какой онъ непонятный!“ думала по его уходѣ дѣвушка. „Красивый, умный, честный, старается быть ласковъ со всѣми... А не лежитъ мое сердце къ нему. Сдается мнѣ все по глупости моей что онъ худой человекъ. Видѣть ужь на что несчастный, жалкій... Сирота безродный... „подосиновикъ“... А право будто все одно худое у него на умѣ. Вотъ ужь ни за что бы за него замужъ не пошла... Скорѣе за страшнаго Данилу Родіоновича, чѣмъ за этого найденыша. Тотъ прямо злой. А этотъ... непонятный...“

Аися не пошелъ къ себѣ, а отправился въ домъ и сталъ искать Агаѣонова, который иногда по вечерамъ считалъ своимъ долгомъ съ свѣчей въ рукахъ обойти всѣ парадныя горницы. И каждый разъ случалось старику замѣшкаться нелегко въ портретной... Онъ оглядывалъ только портреты князя Родіона Зосимыча, Ивана Родіоновича, и въ особенности княгини Людмилы Дмитріевны... И слезы почти всегда навертывались на глаза старика дворецкаго.

Аися и теперь нашелъ Агаѣонова въ портретной.

— Чтѣ вы? спросилъ дворецкій при видѣ неожиданно приблизившагося молодого человекъ.

— Ничего. Свѣтъ увидалъ и пошелъ... небрежно вымолвилъ Аися.—Давно тутъ не былъ...

И онъ сталъ разсматривать тоже портретъ исчезнувшей княгини, предъ которымъ засталъ старика.

Тотчасъ нѣсколькими словами сумѣлъ онъ задобрить и растрогать старика. Дворецкій луснулся въ разказы о прежнихъ временахъ и не замѣтилъ даже какъ оба они сѣли на диванъ, поставивъ предъ собой свѣчу на краю громаднаго стола.

Но Аися все-таки скоро и искусно свелъ разговоръ съ княгини Людмилы Дмитріевны на княгиню Софью Ивановну, и скоро не Агаѣоновъ, а онъ говорилъ... А дворецкій слушалъ и охалъ.

Аися, при случаѣ „ужь коли къ слову пришлось“, увѣрялъ дворецкаго что боится какъ бы какая дѣвка изъ княгининыхъ олять не рѣшилась на убійство изъ-за терзанія и мытарства которыя имъ причиняетъ барыня. „Помилуй Богъ. Того и гляди!“ кончилъ Аися.

— Чтѣ жь тутъ подѣлаешь! рѣшилъ Агаѣоновъ вздыхая, и когда оба вышли изъ портретной, дворецкій пошелъ къ себѣ задумчивый, а Аися—бодрый и улыбающійся.

VII.

Прошло три дня, за которые въ Авгарѣ не случилось ничего особеннаго, несмотря на ожиданія Аисы.

Князь на третій день за обѣдомъ сказалъ ему что пришлетъ за нимъ вечеромъ перетолковать объ дѣлѣ, но Аиса напрасно прождалъ у себя въ горницѣ до ночи и легъ спать.

Никакого посланнаго не было.

— Забылъ что ли, прихотники! думалъ Аиса засылая.

У князя же въ кабинетѣ явился еще въ сумерки де-Премъ и оживленная бесѣда между ними продолжалась до поздняго вечера. Помимо новыхъ извѣстій въ *Gazette de France*, которая по возможности аккуратно получалась княземъ чрезъ Москву и Казань, самъ Chevalier получилъ теперь большое посланіе изъ Парижа отъ одного родственника. Письмо, съ оказіей достигнувъ Россіи и тоже съ оказіей полавшее наконецъ въ Авгарѣ, заключало въ себѣ мало новаго, чего еще не звалъ де-Премъ изъ газетъ, но за то въ немъ были нѣкоторыя подробности и мелочи. Кромѣ того, оцѣнка событій въ его отечествѣ была сдѣланная близкимъ ему лицомъ, очевидцемъ. Въ Авгарѣ путемъ печати доходили лишь голые факты. Это письмо, съ одной стороны, а съ другой—послѣднее извѣстіе *Gazette de France* о низложеніи короля и объявленіи республики, поразили де-Према, и онъ уже два дня былъ въ сильномъ возбужденіи. Эмигрантъ непрерывно, часа четыре сподрядъ, громко и краснорѣчиво говорилъ, поясняя князю все что звалъ какъ Французъ и чего князь не могъ знать...

— Но все-таки, grâces à Dieu, есть одно хорошее извѣстіе, то что прусская армія вступила въ Шампань.

— Ничего не будетъ пока не будетъ коалиціи всѣхъ монархій Европы, сказалъ князь.—Всѣ государи должны соединиться и дѣйствовать сообща по одному плану, безъ задней мысли, съ одною цѣлью разорить гнѣздо этой заразы. А покуда Фридрихъ Вильгельмъ или Францъ II будутъ мечтать какъ бы за труды получить, одинъ Польшу, а другой Баварію, до тѣхъ поръ ничего не будетъ... Вотъ подождемъ, mon cher chevalier, моя записка будетъ чрезъ двѣ недѣли у царицы въ рукахъ, самодовольно, даже гордо прибавилъ князь и всталъ.

Де-Премъ ловялъ движеніе князя, то-есть вѣжливый намекъ на то что пора уходить къ себѣ, и простившись вышелъ.

Chevalier занималъ двѣ комнаты на той же половинѣ дома, чрезъ корридоръ отъ князя, окнами во дворъ. Здѣсь жилъ, когда былъ уже юношей, князь Иванъ, и здѣсь онъ останавливался во время своихъ прїѣздовъ на лобывку къ отцу.

Де-Премъ прїѣхалъ въ Россію, а затѣмъ въ Азгаръ съ однимъ маленькимъ чемоданомъ; поэтому горницы эти по вѣщности не измѣнились отъ его имуществва. Онъ поѣхалъ на время, прикомандированный къ дипломатическому агенту посланному изъ Версали къ Русской императрицѣ. Агентъ умеръ отъ простуды въ Петербургѣ тотчасъ по прїѣздѣ, а де-Премъ остался ни причемъ. Напрасно прождалъ онъ четыре мѣсяца своего утвержденія въ качествѣ замѣстителя умершаго. Его въ Версали игнорировали, а другаго не посылали. Наконецъ небольшія средства истощились, и аристократъ имѣвшій за всю жизнь достатокъ вдругъ очутился въ нуждѣ. По докладу о немъ государынѣ, эмигранту было назначено небольшое ежемѣсячное пособіе. Онъ зажилъ въ Петербургѣ, но прискучилъ скоро императрицѣ частыми просьбами представиться и наивнымъ, но узорнымъ стремленіемъ на эрмитажные вечера. Chevalier просто привыкъ сидѣть безвыходно около монарха, для него это было потребностью и теперь при неудачѣ Французъ сталъ скучать и наводилъ тоску на многихъ. Средствъ возвратиться на родину прежде не было, а когда теперь явилась эта возможность, де-Премъ узналъ что все дворянство бѣжитъ изъ возмущенной страны и всякій счастливъ если пробрался хотя бы на Рейль. Куда же было ѣхать? Лучше и разумнѣе показалось ему оставаться въ Россіи и пользоваться негласною помощью Русскаго правительства нежели нищенствовать въ Германіи. И кавалеръ остался...

Чтобъ отдѣлаться отъ него и его претензіи быть близкимъ придворнымъ, кто-то надумалъ предложить кавалеру путешествіе по Россіи. Въ числѣ прочихъ рекомендательныхъ писемъ въ разныя мѣста онъ получилъ одно отъ И. И. Шувалова къ князю Хвалынскому. Обстановка царька его прельстила, онъ замѣшкался и день за день жилъ въ Азгарѣ уже около года. Ѣхать было некуда и не съ чѣмъ. Пособіе отъ Русскаго правительства едва покрывало расходы на самыя насущныя потребности.

Около полуночи, когда весь домъ затихъ и все уже спало крѣпкимъ сномъ, кромѣ дежурныхъ лакеевъ въ передней, которые только украдкой позволяли себѣ иногда подремывать, князь, посидѣвъ за исправленіемъ слога и выраженій въ своей запискѣ, всталъ изъ-за стола. Довольный, почти сіяющій онъ прошелся по кабинету.

— Она увидитъ, думалось князю,—какіе есть у нея въ Россіи люди забытые, какъ бы въ олапѣ.... Не у статскихъ дѣлъ и не у кормила правленія, а въ глуши вотчины, безъ пользы своему отечеству. Да. Не знаю, много ли у нея тамъ въ коллегіяхъ, сенатѣ и на эрмитажныхъ вечерахъ такихъ вотъ.... Какъ вотъ князь Хвалынской.... Ея государственные мужи нынѣ всѣ въ родѣ подкормиваго господина Темникова, на соблазнъ разумныхъ людей именовавшагося княземъ Таврическимъ. Да, эта звѣзда—Темниковъ или Потемниковъ, хорошо сдѣлала что потемнѣла и закатилась за горизонтъ, острѣлъ князь, умышленно коверкая знаменитое имя.—Пора было ему отправляться въ Елисейскія поля! Чего бы онъ еще натворилъ на утѣху европейскіхъ дворовъ и на погибель руссійскую! Комедіантъ, кривляка! Изъ грязи да въ князи, по пословицѣ, не оберешься мрази. Да и была одна мразь въ дѣйствіяхъ. Это не дѣянія государственнаго мужа, а финты-фанты чудесника, что рѣжетъ платки, ножи глотаетъ и воробьями изъ пистолетовъ палитъ. А мы вотъ тутъ гнѣемъ!.. Чтò жъ, не цдти же кланяться и просить какъ милостыню допустить къ статскимъ дѣламъ! Да вотъ прочтеть, увидитъ. Мудрецъ ея, Платонъ, будущій графъ руссійскій, пусть тоже почитаетъ коли грамотъ обучень....

Князь, вспомнивъ невольню тѣхъ лицъ которыхъ ненавидѣлъ, сталъ угрюмѣе. Но чрезъ минуту онъ махнулъ рукой и подоидя къ столу, съ новою улыбкой самодовольства, началъ перелистывать мелко исписанную черную рукопись.

Кой-гдѣ подался другой почеркъ, красивый, но крупный и затѣйливый.

— Ишь какія завитушки завиваетъ! сказалъ князь, глядя на эти страницы.

Это были выписки изъ французскихъ книгъ сдѣланныя въ помощь князю де-Премомъ по большей части изъ Дидро и Монтескьё. Одна цитата была даже переведена имъ по просьбѣ князя съ италіанскаго изъ пресловутой книги Макиавеля: *Il Principe*. Де-Премъ плохо зналъ языкъ и нѣкоторыя

выраженія цитаты были темны, а смыслъ сомнителенъ князю. И онъ не смущаясь ни мало исправилъ выраженія кавалера де-Према и собственно исправилъ мысли знаменитаго Флорентица.

— Не пойдетъ же государыня саичать съ текстомъ, да справляться, ей и времени нѣтъ. А больше „тамъ“ и некому. „Они“ всѣ, люди, и имени Маккиавелла не слышали никогда! рѣшилъ князь.

Выпивъ по обыкновенію стаканъ теплаго краснаго вина съ наваромъ изъ лавровыхъ листьевъ и корицы, князь довольный отправился въ свою спальню. Андрей Рѣпинъ, дремавшій въ своей горницѣ, въ ожиданіи когда придется раздѣть и уложить барина, услышалъ шаги и явился...

Было одиннадцать часовъ вечера, но князя не клонилъ сонъ. Мозгъ былъ раздраженъ необычною работой и ломыслами о Петербургѣ, Дворѣ и объ всемъ отъ чего когда-то почти добровольно отказался честолюбецъ, а затѣмъ изъ года въ годъ прособирался снова вернуть потерянное, и въ этихъ сборахъ прошло цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ. А за это время молодчики гвардіи, которыхъ онъ видалъ чуть не капрадами и сержантами, стали фельдмаршалами и знаменитостями.

Князь легъ въ постель, отпустилъ слугу и, придвинувъ къ кровати столикъ со свѣчами, сталъ просматривать вновь полученныя изъ Москвы книги самаго разнообразнаго содержанія. Вдругъ ему почудился шумъ и гулъ голосовъ, но гдѣ-то вдали, будто долетавшіе со двора чрезъ двойныя рамы. Онъ прислушался. Нѣтъ, шумъ этотъ въ домѣ, тамъ гдѣ-то, на краю и на верху. Князь бросилъ книгу и недоумѣвалъ.

Обычная, ничѣмъ ненарушимая тишина въ Азгарскомъ домѣ, въ особенности ночью, была явленіемъ къ которому привыкъ слухъ царька и всѣхъ обывателей. И эта нарушенная теперь тишина особенно поразила князя, такъ какъ ничего подобнаго онъ и заломвить не могъ за послѣдніе годы.

— Что такое? вымолвилъ князь вслухъ не тревожно, а съ отбѣнкомъ любопытства.—Ужъ не драка ли прислуги?.. На поселенье сошлаю!..

Князь услышалъ шаги Рѣпина, вышедшаго изъ своей горницы въ корридоръ, и позвалъ его.

— Что это? Будто шумъ?

— И я, Давида Родивовичъ, такъ-то услышалъ и вышелъ.

— Поди узнай.

Андрей ушелъ, а князь продолжалъ прислушиваться. Шумъ сразу усилился, и вдругъ внизу въ большой залѣ, за три приторенныя двери отъ княжеской спальни, раздался женскій крикъ о помощи. Шумъ шаговъ и голосовъ уже раздался явственно и внизу. Дежурные вѣроятно пробѣжали изъ передней по залѣ и горницамъ, не зная что князь уже въ постели или не смущаясь этимъ въ виду важности случившагося.

Князь быстро всталъ, вздѣвъ туфли на босу ногу, накинулъ свой темный бархатный плафрокъ и, завязавъ шнурки, вышелъ со свѣчкой въ рукѣ въ свой кабинетъ ровною и медленною походкой, хотя тревога оказывалась на его лицѣ.

По залѣ пробѣжалъ кто-то, отворилъ двери у которыхъ во дни „выходовъ“ царька стояли всегда часовые, пробѣжалъ горницу отдѣлявшую залу отъ кабинета и ворвался къ князю. Это былъ Рѣлицъ.

— Ваше сіятельство!.. Бѣда!.. княгиню дѣвка зарѣзала!..

Князь покачнулся какъ отъ толчка и быстро схватилъ себя рукой за голову, но тихо, будто очнувшись тотчасъ же, провелъ ладонью по лбу.

— Совсѣмъ? убила? глухо сказалъ онъ.

— Не знаю-съ. Кричатъ: хватили ножомъ два раза. Я не входилъ на верхъ. „Кровь идетъ! Паутину!“ Степанца кричала. Унять не могутъ. Паутину бѣгаютъ собираютъ по верху.

Андрей былъ блѣденъ, голосъ его рвался, а ноги тряслись и подкашивались.

Князь стоялъ спокойно, но не смотрѣлъ на лакея, а олустилъ глаза въ полъ. И ни одинъ мускуль на лицѣ его не двинулся.

— Узнай, лоди, спроси. Куда... куда ударила? Какая рана?

Андрей выбѣжалъ, оставивъ въ лопыхахъ всѣ двери расворенными настѣжь.

Князь остался среди кабинета и, не двигаясь, прислушивался. Десятки голосовъ, брань, причитанье, возгласы, крики, плачь, бѣганье по корридорамъ и по скрипучей лѣстницѣ ведущей на верхъ къ княгинѣ, все сливалось въ одинъ странный, дикій, бессмысленный гулъ.

„Идти ли туда? или обождать?“ думалось князю. „Можетъ-быть просто только царалина одна... Это дурачье радо гадѣть полусту.“

И князь смущался нѣсколько неотвязною мыслью, какъ бы самовольно застравшей въ головѣ.

— Что если овдовѣлъ? Но какъ? Убійствомъ! Срамъ великъ. До Питера дойдетъ. Избави Богъ...

Князь двинулся и, тяжело вздохнувъ, сѣлъ машинально въ кресло около дивана, на которое никогда не садился, а всегда помѣщалъ своего гостя и гдѣ въ послѣдній разъ сидѣлъ тщедушный кирасиръ.

Зарѣзана или ранена? думалъ онъ. Ранена—срамъ излишній, безъ пользы. Убита—срамъ, но хоть за то я освободился...

И мысль о Надѣ тотчасъ же невольно промелькнула въ головѣ.

— Первая жена отъ Бога, вторая отъ ангела, третья отъ дьявола... ухмыльнулся князь.—Ну вѣтъ, у меня эта вторая была отъ сатаны. Была? Погоди, не слѣши, можетъ еще и есть, и будетъ годовъ еще на десять, на пятнадцать.

Гулъ многихъ голосовъ явственно раздался на лѣстницѣ, а затѣмъ въ корридорѣ, приближаясь къ залѣ.

.Въ кабинетъ князя снова приближалъ Андрей и выговорилъ залыхавшись:

— Льетъ, льетъ, Данило Родивонычъ... Весь полъ... Такъ и текетъ. Охъ, Господи...

— Кровь, дуракъ?

— Кровь, кровь... Такъ и текетъ!..

— Куда ранена княгиня?

— Вотъ сюды, показалъ Андрей себѣ на грудь около лѣваго плеча. А кромѣ того и въ спину тоже.

— Въ плечо или въ грудь?!

— Да... да-съ. Вотъ сюды. И въ спину...

— Въ спину-то какъ же? Не насквозь?

И князь въ волненіи провелъ рукой по лицу.

— Нѣтъ. Она, треклятая, разъ вдарила въ грудь, сказывають Стеланида. А княгиня на нее вокинулась съ постельки, да обнявши этакъ со страху повисла на ней... Она проклятая Цыганка и вдарила въ спину ужъ. Иначе-то ей нельзя было. Тутъ на нее и кинулись. Наслау ножъ отняли. Порѣзала малость двухъ дѣвокъ.

— Какая Цыганка? спросилъ князь.

— Она же Цыганка, Стенька.

— Не знаю.

— Объ дѣто прошлое кажись привезли, когда подводы пришли съ Москвы. Шпанскія вишни привезли, да заграничную

люстру изъ стеклышекъ, вотъ что въ диванной, купили въ Москвѣ которую... да и ее, окаянную.

— Не знаю, не помню.

Голоса громко раздавались уже въ залъ. Эхо гудѣло. Большая часть людей ругалась или охала и причитала.

Въ кабинетъ шибко, насколько могъ быстро ходить, вошелъ старикъ дворецкій, уже поднятый на ноги дворней.

— Князьенька..., вонъ что... грѣхъ-то, грѣхъ!.. Господи!... Что прикажешь съ чертовкой сдѣлать? Отчаянная, не даромъ Цыганка!

— Какая эта... Цыганка? Наша вѣдь. Не вольная же какая? спросилъ князь дворецкаго.

— Какая она вольная, наша! воскликнулъ Агаеоновъ, — своя крѣпостная холопка изъ подмосковной, но только цыганская урожденьемъ. Мать-то ея вдовая солдатка, воровка извѣстная, съ Цыганами московскими яшталась. Вотъ и народила намъ на грѣхъ. Я тогда же, князьенька, докладывалъ, не брать ее въ домъ, особливо на верхъ. Оставили бы при лгичномъ дворѣ— и было бы безъ грѣха. А теперь вонъ что.... И вѣдь какъ распалилась. Слышь—ореть.

— Оставьте, оставьте!.. Больно! не надо! раздался среди гула голосовъ въ залъ звучный контрольный голосъ со страннымъ акцентомъ.

— Веди сюда! произнесъ вдругъ князь.

— Что ты, князьенька.. не гоже, заговорилъ старикъ дворецкій, — она кровью полачкана, не гоже! Платышко все ободрано, почитай голая. Рвалась вѣдь какъ бѣшеная. Насилу уняли. Двое и теперь держать...

— Ну, лоди прикажи... сюда! рѣзко вымолвилъ князь опускаясь глубже въ кресло, какъ бы готовясь чинить судъ и расправу.

Агаеоновъ вышелъ. Андрей стоялъ предъ баринкомъ все еще перелуганный, съ разинутымъ ртомъ, и все шелталъ:

— Господи помилуй!..

Но онъ во мгновеніе пришелъ въ себя и исчезъ въ спальнѣ отъ словъ князя:

— Ну, чего, ротозѣй! на мѣсто!

VIII.

Князю не хотѣлось идти на верхъ вслѣдствіе какого-то чувства ему самому непонятнаго,—будто ему хотѣлось про-длить въ себѣ ощущеніе надежды что эта Шерфе равна на смерть, а нѣчто говорило ему что онъ напрасно надѣется. Вотъ сходитъ онъ на-верхъ и быть-можетъ узнаетъ что рана—простая царалина, сдѣланная кетвердою и робкою ру-кой дѣвочки.

И князю хотѣлось обождать сколько возможно. Допросъ горничной пришелъ ему на умъ какъ средство оттянуть не-много время.

Агаѣоновъ, нѣсколько удивляясь приказанію князя вести поганую дѣвку къ нему въ кабинетъ и желанію допрашивать ее самому, вышелъ въ залу и распорядился такимъ голосомъ какъ еслибъ онъ самъ посовѣтовалъ князю лично допро-сить злодѣйку.

— Веди ласкудную къ Данилѣ Родіоновичу! крикнулъ онъ съ угрозой.

Дѣвушка дико оглянулась на всѣхъ. Имя князя подѣйстви-вало на нее, и она полусознательно рванулась изъ кучки об-ступившихъ ее со всѣхъ сторонъ дворовыхъ.

Двое дюжихъ, державшихъ ее лакеевъ крѣпче схватили ее за руки, одинъ вцѣпился даже въ волосы и сгребъ въ кулакъ на ея затылкѣ нѣсколько отдѣльныхъ локоновъ ея вздохма-тившейся въ борьбѣ прически.

— Оставьте... больно, бессмысленно прошептала Стеня.

— Веди, веди! Ишь нѣжона! крикнулъ Агаѣоновъ.—Сама смертоубивица, а кричитъ: больно.

Толпа человѣкъ въ тридцать, будто потерявшая смыслъ и самообладаніе, гулко крича и топоча ногами, повалила изъ залы чрезъ проходную горницу въ кабинетъ. Среди всѣхъ, тѣ же двое дворовыхъ веди за руки слегка метавшуюся Стеньку; но она только странно покачивалась, а не сопротивлялась имъ и сама двигалась впередъ.

Все ввалилось въ кабинетъ и стало предъ кресломъ князя. И сразу впереди всѣхъ очутилась дѣвушка въ сѣренькомъ платкѣ, окровавленномъ слегка на юлкѣ. Половина рубашки и лифа и весь правый рукавъ были изодраны и сорваны съ

плеча долой. Матово-смуглое тѣло, весь бокъ, все плечо съ рукой и часть груди были обнажены, а рваные куски одежды мотались, ладая внизъ на поясъ. Лицо возбужденное злобой, но страстное, пылавшее огненнымъ румянцемъ и будто озаренное сверкающими черными глазами, было и дико, и красиво... А судорога изрѣдка скользившая по лицу и на мгновение искажавшая правильныя черты его, придавала что-то почти сатанинское всей этой поразительно характерной фигурѣ.

— Обмахнулась... веди... казните, повторяла она едва слышно и какъ бы бессознательно.

Князь былъ замѣтно изумленъ видомъ дѣвушки, но тотчасъ же, оглянувъ всю гудящую съ охапками и причитаніями толпу людей, выговорилъ:

— Вы! Ошалѣли? Вонъ!

Многіе на ципочкахъ попятились къ дверямъ. Но когда нѣсколько человекъ остались еще около дѣвушки какъ бы для защиты князя, онъ снова гнѣвно повторилъ:

— Вонъ! Всѣ! Бараны! Оставь ее! Не держать! Агаѳоновъ, гони! Залри двери!

— Какъ же, князьенка, а она-то... забормоталъ старикъ.— Помилуй Богъ...

— Одинъ ты и Семень оставьтесь около нея...

Кабинетъ сразу очистился. Дворецкій затворилъ дверь и вернувшись сталъ съ другой стороны около Стеньки, ожидая что на старости лѣтъ придется неминуемо вступить въ драку со злодѣйкой.

— Семень, брось ее, не держи.

Дворовый выпустилъ изъ стиснутыхъ кулаковъ тонкую руку дѣвушки, но не отодвинулся отъ нея.

Стеня, съ тѣхъ поръ что вошла, стала въ полоборота къ князю и ни на мигъ не спускала глазъ съ него. Голова ея была олуцена, подбородокъ почти прижатъ къ груди какъ-то наискось, и поэтому глаза изъ-подлобья уперлись въ князя. Губы широко раздвинулись въ презрительно злобой усмѣшкѣ, почти гримасой, и оголенный рядъ судорожно стиснутыхъ зубовъ блестя блѣзной при тусклыхъ лучахъ свѣча.

Князь молча и удивленно глядѣлъ на Цыганку нѣсколько мгновеній, и астребинный взоръ его понемногу зажегся тѣмъ хищническимъ огонькомъ который такъ ненавидѣла Осокина.

Князь будто не видѣлъ или забылъ что три лята на юлкѣ дѣвушки—кровь жены его.

— Я ея не знаю! вымолвилъ онъ.

— Знай вотъ... гляди... прошилъа Стеня, не разжимая зубовъ и дернула лохматою головою.

— Гдѣ тебѣ, князька, всѣхъ этихъ мерзавокъ знать, заговорилъ Агаоновъ.

— Я ея никогда не видалъ даже, спокойно выговорилъ князь.

— Можетъ и не видѣлъ. Ее, чертовку, какъ привезли на верхъ взяли. Тогда докладалъ я что не гоже. Вотъ теперь... Чего стала чурбаномъ? обернулась къ ней старикъ.—Укройся! Собери лохмы-то свои. Нешто не предъ княземъ стоишь? Тебѣ говорить, безстыжая!

И старикъ, собравъ висѣвшіе куски изорваннаго лифа, потянулъ ихъ съ пояса на плечо дѣвушки, стараясь наладить на мѣсто.

Стеня стояла истуканомъ и не слушала его.

— Слышь что ль? Держи вотъ! Паскуда! крикнулъ Агаоновъ, толкнувъ ее въ плечо.—Ну!.. Укройся!.. Смѣешь предъ княземъ этакъ стоять, свою срамоту казать!

Стеня будто очнулась и вдругъ поняла слова дворецкаго. Она метнула глазами на старика, вскрикнула дико и, схвативъ обѣими руками остатки еще державшихся на другомъ плечѣ платья и рубахи, начала съ яростью быстрыми движеніями рвать на себѣ все. Одежда ветхая отъ давней носки легко разлетѣлась въ мелкіе клочья. И вся обнаженная по поясъ, отчаянно размахнувъ руками, она съ крикомъ шагнула ко князю.

— Нѣ вотъ... Гляди!.. Укрылась! Хватить нечѣмъ, такъ хошь осрамить... Нѣ вотъ!.. на! на!.. на!..

И дѣвушка начала судорожно задыхаться и всхлипывать, а ея горячее дыханіе достигало и вѣяло въ лицо князя.

— Ишь осатаиъла! вскрикнулъ Семень, снова хватая ее за руку.

Князь, несмотря на неожиданное движеніе къ нему дѣвушки, не шелохнулся, даже не сморгнулъ и полусурово, полугагадочно вымолвилъ:

— Надо мнѣ тебя строжайше допросить. Ты не простая злодѣйка. Тутъ дѣло не чисто. Оставьте ее тутъ. Выйдите оба. Я позову.

Агаѳоновъ и дворовый Семенъ глядѣли на князя равно удивленными глазами.

— Какъ бы она... князевъка, помилуй Богъ... Какъ одному съ ней? забормоталъ Агаѳоновъ.

Князь мотнулъ головой на дверь, и его взглядъ былъ такимъ приказомъ котораго не только крѣпостные, но никто бы не ослушался.

Черезъ мгновеніе въ кабинетѣ, среди мертвой тишины снова наступившей въ домѣ, князь сидѣлъ въ креслѣ не спуская загадочнаго взгляда съ этого осатавѣлаго существа.

Громко соля и раздувая ноздри, сверкая глазами, шелча что-то и всхлипывая, оно стояло предъ нимъ, тяжело и неровно переводя дыханіе глубокими судорожными вздохами. Красивыя плечи и руки подергивало, обнаженная грудь колыхалась и трепетала, а по смуглому, почти коричневому тѣлу пробѣгала мгновеніями дрожь возбужденья отъ подъема всѣхъ чувствъ въ этомъ существѣ, отъ всего сейчасъ содѣяннаго, пережитаго и уже выстрадавнаго...

Да, осатавѣла! думалъ князь. Никто, казалось, кромѣ него не остался бы теперь наединѣ съ этимъ существомъ. Но прошло нѣсколько мгновеній мертвой тишины... Князь молчалъ, молчалъ... не спуская глазъ съ дѣвушки.. и понемногу, за минуту будто отуманенная, будто въ забытій озлобленія и ярости, она стала видимо приходить въ себя и начала стихать. Наконецъ, опустивъ глаза въ землю, она почти смущенно потупилась предъ княземъ, какъ бы уже вдругъ проникнутая и мучимая только дѣвическимъ стыдомъ...

Тихо двинувъ руками Стеня стала собирать на себѣ куски и лохмотья и, зажавъ все въ одну руку, прижала ихъ къ груди.

— Отвѣчай мнѣ, почему ты пошла на такое дѣло? вымолвилъ наконецъ князь.

Стеня молчала.

— Отвѣчай.

— Въ отместку... Измучила она меня. Обмахнулась... Что жь... казни!.. едва слышно отозвалась она.

— Чѣмъ? лобоями измучила?

— Всѣмъ... мучила... Что?!.. Изводила!

— Знаешь ли ты что тебѣ теперь будетъ? холодно продолжалъ князь.

— Пуцай! Обмахнулась! Ну! Разомъ бы сѣдъ. Дала крикнуть. По дѣломъ. Пуцай.

— Тебя судить будутъ, да не въ Казани, а здѣсь. Я самъ расужу. Выпущу палача только оттуда. Плетьми здѣсь накажутъ на дворѣ при всѣхъ Азгардахъ. Я самъ люте казню чѣмъ всѣ воеводскіе суды въ городѣ.

— Пуцай! По дѣломъ! шелтаа Стеня.

— Поздри тебѣ вырвать и калѣймы поставятъ. Выжгутъ на лбу раскаленнымъ желѣзомъ: „душегубка“... Не выживешь, не вытерпишь...

— Подохну. Туда и дорога, чуть слышно шелтаа Стеня.

Князь замолчалъ и, глядя на дѣвушку, будто колебался и обдумывалъ.

Стеня повемногу совсѣмъ стихла, слегка поблѣднѣла, грудь, на половину прикрываемая руками и лохмотьями, уже не волновалась какъ прежде, вздымаемая тяжелыми вздохами. Глаза слегка потухли и будто стали влажны.

— Все это... и палачъ, и плети, и Сибирь, даже навѣрняка смерть подъ плетями, тутъ же... говорилъ князь съ особымъ отгвѣкомъ въ голосѣ,—все это отъ меня зависитъ. Отъ моего указу и единаго моего слова. Понимаешь ты это? Моя воля жить тебѣ или умирать злодѣйски.

Дѣвушка вдругъ затряслась всѣмъ тѣломъ, будто почувала что-то неожиданное въ этомъ голосѣ князя. И совершенно иной взоръ, страстно умоляющій, вскинула она на него, а на щекахъ засвѣтились текуція слезы.

— Скажи я одно слово, и ничего съ тобой худаго не будетъ, даже пальцемъ тебя никто не тронетъ. Все простится...

— Охъ, что жъ это?.. страстно и горько всхлинула Стеня, и вдругъ упавъ на полъ какъ подкошенная, на колѣняхъ подползла къ князю и обхватила его ноги...

— Давило Родив... хотѣла произнести она, но зарыдала и уронивъ свою лохматую голову на колѣни князя, она обхватила его еще крѣпче.

Князь положилъ руку на ея смуглую спину и не двигался.

— Ну, перестань, будто нервѣнительно вымолилъ князь.— Видно не судьба тебѣ подъ отгвѣтъ идти... Ничего тебѣ не будетъ, слышишь ты?

Стеня только рыдала, но, схвативъ руку князя, она стиснула ее въ своихъ и, прильнувъ къ ней горячими губами, покрывала поцѣлуями и слезами.

— Встань... отойди! шелгулъ охъ.

Но Стеня очевидно не понимала и не двигалась.

Съ трудомъ привелъ ее князь въ себя... Наконецъ, когда она поднялась съ пола и отошла отъ него на два шага, онъ кланулъ людей.

Дворецкій и камердинеръ появились въ разныхъ дверяхъ съ обѣихъ сторонъ кабинета.

— Уведите ее. Запереть до завтра здѣсь въ домѣ въ горницѣ около уборной. Бить не смѣть, пальцемъ не трогать!

Дѣвушка двинулась медленно за людьми, но уходя бросила на князя странный взглядъ, въ которомъ было бурно страстное чувство не ясное, но сильное..

Князь оставшись одинъ задумался.

Черезъ нѣсколько мгновений онъ прошелталъ:

— Что на свѣтъ-то бываетъ?..

ГР. САЛАСЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ О СКОБЕЛЕВѢ

И

ЗАНЯТИ ЮЖНОЙ БОЛГАРИИ

I.

Отъездъ изъ Одессы. — Черное Море. — Босфоръ. — Царьградъ. — Чанаръ-ханская позиція. — Полковой праздникъ Суздальскаго и Шуйскаго полковъ. — Самъ-Стефанъ и снятие лагеря.

27 августа 1878 года, въ 5 часовъ утра, пароходъ Черноморскаго Общества Пароходства и Торговли *Чисачевъ* снялся съ якоря и, выбрасывая двумя трубами густые клубы чернаго дыма, покинулъ Одесскій рейдъ. Этотъ пароходъ, безспорно одинъ изъ лучшихъ и наибольшихъ пароходовъ Общества, вполне приспособленъ къ океанскому плаванію и отдѣланъ весьма удобно и комфортабельно. Громадныя три его мачты, оснащенные подобренными парусами, граціозно высились надъ палубой, бѣлѣвшею гимнастическими рубашками и кителями наполнявшихъ ее солдатиковъ.

Приведа въ порядокъ и разложивъ въ своей каютѣ мой багажъ, я также вышелъ на палубу.

Чудное, безоблачное утро, жаръ котораго умѣрялся свѣжестью моря, словно ластилось къ вамъ; море было совершенно покойно и гладко какъ зеркало, ни малѣйшаго.

вѣтерка не проносилось въ воздухѣ, клубы дыма казались такъ и замирали на мѣстѣ: ихъ длинная, мрачная лента недвижимо висѣла въ воздухѣ, лишь удлиняясь по мѣрѣ удаленія парохода. Прелестная панорама Одессы кокетливо смотрѣлась въ морское зеркало; желтыми полосками тянулись по обѣ ея стороны песчаные берега и сливались вдали съ горизонтомъ.

Послѣ утренняго чая, задержавшаго насъ въ каютѣ-компаниі часовъ до 10, берега почти ужь нельзя было различить, а къ вечеру одно только безпредѣльное море охватывало насъ со всѣхъ сторонъ.

Хотя вообще путешествіе на пароходѣ не было ново, но экскурсіи по Финскому заливу все же не могли дать понятія объ открытомъ морѣ, и потому, понятно, настоящее плаваніе меня очень интересовало. Съ палубы парохода мнѣ казалось что этотъ чудный, голубой кулолъ совершенно отдѣлялъ нашъ пловучій мірокъ ото всего остальнаго міра.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ солнечнаго заката, и дѣйствительно картина оказалась великолѣпною: глазъ не могъ оторваться отъ этого золотого озера, въ центрѣ коего полукругъ солнечнаго диска прятался за горизонтъ, какъ бы перерѣзанный ровною нитью едва выгуклой водной поверхности; эффектъ увеличивался по мѣрѣ наступленія сумерекъ и восхода полной луны: море почернѣло, стало въ полномъ смыслѣ Чернымъ Моремъ, и не только чернымъ, но траурнымъ, потому что широкая серебряная лента луннаго отраженія, тянувшаяся за лѣвымъ бортомъ парохода, разбѣгалась въ обѣ стороны тонкими, блестящими полосками и нитями; словомъ, поверхность моря по эту сторону совершенно походила на черный локровъ, ушитый серебряными галунами и лозументами; за правымъ же бортомъ двѣть воды была темносиній и казался продолженіемъ небснаго свода съ мириадами отражавшихся въ ней совершенно явственно звѣздъ. Прибавьте къ этому чудный, полный кѣги воздухъ величественной южной ночи съ ея неслышными, но ласкающими и даже какъ бы дѣлающими дуновениями, съ ея яркими какъ алмазы звѣздами, весело мерцающими въ безпредѣльной синевѣ безоблачнаго неба, и станетъ понятно что всякая охота заснуть пропадала; я пролежалъ всю ночь, не смыкая глазъ, въ какомъ-то парусѣ, подвѣшенномъ на манеръ гамака въ снастяхъ носовой части судна.

Забрезжившее утро не заставило меня пожалѣть о ночи проведенной безъ сна. Едва первая свѣтлая полоска, предвозвѣстница утренней зари, забѣгала на востокъ, какъ поверхность моря начала измѣняться: лунныя отраженія стали блѣднѣть и ступеневаться въ какихъ-то перламутровыхъ полосахъ и пятнахъ, зарбавшихъ на темномъ водномъ полѣ; полоса на горизонтѣ расширилась и заалѣла, темный цвѣтъ воды сразу исчезъ безслѣдно и замѣнился красными, желтыми, малиновыми, зелеными, бѣлыми и фиолетовыми оттѣнками; легкій вѣтерокъ, предшествуя солнечному восходу, всколыхнулъ на нѣсколько минутъ зеркальную поверхность моря чуть замѣтною зыбью, и оттѣнки воды заиграли такими эффектами, о которыхъ не могъ бы дать понятія самый богатый калейдоскопъ. Но вотъ показалась яркая точка—верхній край солнца: предъ моими глазами, насколько охватывалъ взглядъ, разстилась какой-то фантастическій радужный коверъ, осыпанный алмазами, золотомъ и перламутромъ; востокъ вслыхнулъ послѣдній разъ яркимъ заревомъ, и величественное свѣтило съ медленною торжественностью стало подниматься изъ-за далекаго горизонта водъ, радужный коверъ пропалъ какъ бы по волшебству и замѣнился блестящею до боля глазъ золотою ларчей. Я сидѣлъ совершенно очарованный въ своемъ импровизованномъ гамакѣ, жадно вливаясь въ эту чудную до волшебства, никогда не виданную мною картину. Но солнце вылило на яркую лазурь неба, и взбираясь по небосклону, стало прилекать и я спустился въ каюту, гдѣ уже шла приготовленія буфетчика къ утреннему чаю.

Покойно и весело шло наше плаваніе; скучать и времени не было: то утренній чай, то какой-нибудь встрѣчный пароходъ, то ларусъ забѣгавшій на горизонтѣ, то завтракъ, то обѣдъ, то вечерній чай; столъ на пароходѣ былъ безукоризненный и считался въ цѣнѣ билета; плата требовалась лишь за то что спрашивалось сверхъ положеннаго меню; цѣны за все не высокія.

Къ вечеру, когда мы прошли параллель Варны, пароходъ окружила громадная стая дельфиновъ или морскихъ свиней, какъ ихъ больше называютъ; они, граціозно изгибаясь дугой, то и дѣло выпрыгивали изъ воды, съ жадностію бросаая на кухонные остатки, которые выкидывались въ море; надъ водой они оставались не долѣе секунды; многіе пробовали

подбить ихъ изъ револьвера, но конечно попытки эти оказывались тщетными.

Предъ закатомъ солнца, на капитанской рубкѣ началось какое-то оживленное движеніе: оказалось что мы нагоняли англійскій пароходъ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ ходовъ и ушедшій ранѣе насъ изъ Одессы на нѣсколько часовъ; торжество было полное когда мы къ подувочи обогнали его, и разноцвѣтные фонари его мачтъ заблестѣли за нашею кормой.

Безсонно проведенная накануне ночь и убѣжденіе что два раза подъ рядъ одного и того же зрѣлища не увидишь уложили меня въ постель; я проспалъ какъ убитый до девяти часовъ утра. Когда я вышелъ на палубу, впереди и справа ясно очерчивались горы азіятскаго и европейскаго береговъ Турціи. Постепенно они надвигались на насъ; берегъ Малой Азіи выступилъ наконецъ ясно со своими горами, оврагами, долинами и скалами; отъ него тянулъ вѣтеръ, всколыхавшій поверхность моря порядочнымъ волненіемъ.

Но вотъ впереди забѣлѣли сторожевыя башни укрѣпленій охраняющихъ Босфоръ... Вотъ мы проходимъ между ними; опять поверхность воды стала покойна; впереди что-то сильно зарыбило въ глазахъ; еще минута,—и я, какъ кошка, вскарабкался на свою ночную обсерваторію.

Можно ли себѣ представить что-либо прелестнѣе этого коридора Босфорскаго пролива? Пароходъ какъ бы скользилъ по темносинему паркету гигантской картинной галереи, стѣны которой украшены самыми причудливыми, восхитительными, непрерывными видами; самые разнообразныя кіоски, мечети, цѣлые дворцы подымались по обѣимъ сторонамъ у подошвы горъ и обрывовъ изъ густой и темной зелени пирамидальныхъ тополей, солерячавшихъ своими конусообразными, острыми вершинами въ высотѣ съ граціозными бѣлыми стрѣлками олоянныхъ кружевными балкончиками минаретовъ. Что ни шагъ впередъ, то новыя детали картины одна другой интереснѣе!

Вотъ налѣво, трехэтажный, затѣливой архитектуры дворецъ, вѣроятно очень богатаго Турка; окна завѣшены отъ лалящихъ лучей солнца зелеными гардинами; впереди его большой роскошный цвѣтникъ съ бесѣдками и фонтанамъ, обрывающійся въ воду бѣлою, мраморною стѣной, въ которой высѣчена широкая лѣстница, сбѣгающая къ пристани

съ расплывшимися и раззолоченными каюками; въ цвѣтникахъ сильное движеніе: десятка три женщины, лица которыхъ невозможно было рассмотреть, кинулись ко мраморной балюстрадѣ перилъ: конечно, это гаремъ... Да! Вотъ и черные какіе-то уроды бросились къ нимъ, и кажется летками стали отгонять ихъ чтобы не гляѣли на проходившій недалеко отъ берега пароходъ; нѣкоторыя, вѣроятно потрусивше, убѣгаютъ, накидывая на головы бѣлая покрывала; другія стоически выдерживаютъ удары; съ парохода имъ несутся одобрительныя возгласы и звуки и посылаются воздушныя поцѣлуи, и никакія летки не могутъ остановить самаго энергичнаго возврата этихъ поцѣлуевъ...

Рѣзкій свистокъ заставилъ меня обернуться: на встрѣчу намъ шелъ русскій пароходъ увозившій одинъ изъ гвардейскихъ лодковъ на родину; вся его лалуба биткомъ набита солдатами, на носу блестятъ мѣдныя трубы музыки... Вотъ пароходъ поравнялся съ нами; ура! крикнулъ кто-то на нашей лалубѣ; черезъ секунду стовъ стоялъ надъ Босфоромъ, и могучее ура! величественнымъ гуломъ перекатывалось по ущельямъ обоихъ береговъ, покрывая звуки музыки, заигравшей на встрѣчномъ пароходѣ національный гимнъ въ отвѣтъ на наше привѣтствіе. Невольно голова моя повернулась къ оставшейся назадъ виллѣ: вся толпа гаремныхъ жительницъ висѣла надъ балюстрадой, уже вовсе не обращая вниманія на оивѣтившихъ и стоявшихъ въ недоумѣніи эвнуховъ.

Пароходы уже далеко разбѣжались въ разные стороны, а ура! гремѣло не умолкая, растягиваясь по проливу по мѣрѣ увеличенія разстоянія между ними; разноцвѣтныя чалмы и красныя фески усыпали лоскія кровли прибрежныхъ зданій, съ недоумѣніемъ прислушиваясь къ неожиданному крику, а солдатики на обоихъ пароходахъ просто надрывали свои богатырскія груди: не удалось огласить этимъ крикомъ Босфоръ въ честномъ бою, такъ хоть теперь наверстать потерянное...

Но я уже не слушалъ болѣе и пожиралъ глазами раскинувшійся на европейскомъ берегу Буюкъ-Дере, одно изъ предмѣстій Константинополя, которое такъ хотѣлось занять покойному Скобелеву...

Виды береговъ дѣлались все лучше, все разнообразнѣе: не знаешь куда смотрѣть и что смотрѣть, просто шея начала болѣть отъ непривычнаго верченья.

— Господа, сейчасъ и Константинополь увидимъ! крикнулъ кто-то съ рубки.

Я оторвалъ бинокль отъ Скутари, раскинувшагося террасами по холмамъ лѣваго берега, и обратилъ его къ выступу праваго берега, за поворотомъ котораго скрывался отъ насъ этотъ городъ, заколдованный для русскаго оружія со временъ Олега и до сей поры,—этотъ свѣтильникъ, изъ котораго пролился лервый лучъ Христовой вѣры на наше отечество, это гнѣздо изъ котораго выпорхнулъ двуглавый, державный орелъ, свившій себѣ новое, славное гнѣздо на сѣверѣ,—это яблоко раздора, изъ-за котораго готовы перегрызться всѣ великія и невеликія европейскія державы.

Вотъ заблѣла среди пролива бѣлая точка: это какая-то сторожевая башня при входѣ въ Мраморное Море, направо стали выдвигаться предмѣстья Ортакіой и Арнауткіой, промелькнули прелестные дворцы египетскаго хедива и Чараганъ, гдѣ томится несчастный низложенный султанъ Мурадъ; вотъ послѣдній поворотъ, и наконецъ величественная панорама Цареграда раскинулась во всей своей красотѣ.

Въ Италиі говорятъ: „видѣть Неаполь и затѣмъ—умереть“! Неаполя мнѣ видѣть не приходилось, но думается мнѣ что лучше картины Константинополя врядъ ли можетъ создать себѣ самое пылкое, восторженное воображеніе; но крайней мѣрѣ, увидя ее, не только не хочется умирать, а напротивъ того такъ бы вотъ кажется и приросъ къ этой зеркальной поверхности Босфора и вѣчно, вѣчно не отрывалъ бы глазъ отъ этой панорамы, доводящей до ольпанія!

Жгучее полуденное солнце ярко обдавало своими ослѣпительными лучами массу причудливой архитектуры зданій, раскрашенныхъ въ самыя разнообразныя краски и раскинувшихся террасами на прибрежныхъ холмахъ, словно гигантскій, лестрѣвшій, придавленный конусъ, оцетанившійся тысячами серебрищихся на солнцѣ иголь граціозныхъ минаретовъ; сотни блестящихъ куполовъ, мечетей и темныя группы пирамидальныхъ тополей лестрили общую картину чрезвычайно эффектно. Высоко надо всѣмъ, на Перскомъ холмѣ, на голубомъ фонѣ неба обрисовался громадный фасадъ новыхъ красныхъ казармъ, а внизу весело раскинулся у самой набережной султанскій дворецъ Долма-бахче, прелестной и затѣливой европейско-азиатской архитектуры зданіе, блѣдно-желтаго цвѣта съ бѣлыми колоннами, карнизами и барельефами

и близь него кокетливая дворцовая мечеть Махмуда съ двумя прелестными минаретами.

По мѣрѣ движенія парохода впередъ, открывались Галата, Стамбулъ и часть Золотого Рога, и вся картина эта ясно отражалась въ блестящемъ зеркалѣ Босфора, рейдъ пестрѣлъ лѣсомъ мачтъ всевозможныхъ судовъ и суденышекъ. Просто духъ замиралъ въ созерцаніи этого земнаго чуда...

— Господа, вотъ Принцезы Острова, а вонъ и англійскіе мониторы!

Какъ ужасенный обернулся я вѣвво: изъ-за груды сѣроватыхъ скалъ, кинутыхъ капризомъ природы въ Мраморное Море, чернѣлись шесть или семь этихъ англійскихъ лугалъ, изъ трубъ которыхъ видѣсь чуть замѣтныя струйки черноватаго дыма.

Очарованіе пропало, точно камень сразу навалился на сердце; какое-то злое чувство шевельнулось въ груди.. Я взглянулъ на приморскую внизу толпу: всѣ лица были серьезны даже мрачны. И какъ подумаешь что найдешь какіе-нибудь лять лишнѣхъ часовъ времени у Скобелева, этихъ лугалъ и слѣда бы не было!...

Какъ-то безстрастно, туло глядѣли глаза по направленію острововъ; даже азіатскаго берега я не замѣтилъ и на Олимпіи вниманія не обратилъ. Наконецъ надоѣло. Я повернулся опять къ городу.

Но чтѣ же такое сдѣлалось? куда же дѣвалась эта дивная картина отъ которой оторвали меня Принцезы Острова всего на какихъ-нибудь двадцать минутъ? Я протеръ глаза въ изумленіи... Да, предо мной какая-то громадная безобразная груда сѣроватой грязи! Гдѣ же волшебная панорама?

Дѣло объяснилось просто. Пока мы разсматривали Принцезы Острова и прятавшіеся за нихъ мониторы, пароходъ нашъ, вступая въ Мраморное Море, загнулъ вправо и очутился противъ Галаты, большая часть коей не была освѣщена солнцемъ, и эта грязнѣйшая и многолюднѣйшая часть города предстала моимъ глазамъ во всемъ своемъ безобразіи, придавленная неуклюжею и не менѣе грязною сераскиратскою башней и окаймленная слѣва темною массой тополей, сбѣгавшихъ по скату Перскаго холма къ обширному мусульманскому кладбищу.

Развалины знаменитаго Семибашеннаго замка за Золотымъ Рогомъ немного разсѣяли мрачное настроеніе, какъ живые

свидѣтели уладка владычества азіатскихъ варваровъ, но ярко блестяшіе золоченые полумѣсяцы минаретовъ Софійской мечети олять наломнили что еще бы одинъ шагъ, и православный крестъ снова осѣнилъ бы эту древнюю христіанскую святыню.

Подробное описаніе этого роковаго города, гдѣ въ древности мы вѣшали щиты, а въ новѣйшее время сыпали пригоршнями полумперіалы и мѣшками рубли, я сдѣлаю въ послѣдствіи, а пока продолжаю разказъ.

Лѣзливо взглянулъ я на обломки зубцовъ и башенъ царградскихъ стѣнъ, византійской эпохи, тянувшихъ отъ Семибашеннаго замка, и сталъ вглядываться въ даль на очертанія Савъ-Стефано.

Пароходъ шелъ вдоль праваго берега Мраморнаго моря. По берегу тянулась лента желѣзной дороги. Вотъ промелькнуло устье какой-то рѣчки съ маячною башенкой на мыскѣ, образумомъ устьемъ; вотъ замелькали безчисленныя палатки русскаго лагеря; все яснѣе выдвигались группы домовъ съ возвышающеюся гдѣ-то колокольней, и наконецъ пароходъ, 29 августа, около двухъ часовъ дня, привалилъ къ пристани.

Слава Богу! мы у цѣли нашего путешествія.

Два мои спутника отъ Москвы, подполковникъ Черкасовъ и семнадцатилѣтній юноша Лабутинъ, порѣшили остановиться вмѣстѣ со мною; но гдѣ?—вотъ вопросъ.

Едва мы ступили на длинный помостъ, соединяющій пристань съ берегомъ, смотрю, Черкасова кто-то душитъ въ своихъ объятіяхъ: оказалось, бывший когда-то подъ его начальствомъ, а теперь командиръ конной батареи полковникъ М.

Нѣсколько словъ о моихъ спутникахъ.

Подполковникъ Черкасовъ служилъ въ сороковыхъ годахъ въ конной артиллеріи, и во время Венгерской кампаніи командовалъ 9ю конною батареей; въ концѣ пятидесятыхъ годовъ онъ оставилъ службу, но Сербская война вызвала его вновь къ дѣятельности: въ 1876 году намъ пришлось вмѣстѣ ѣхать отъ Москвы до Бѣграда; съ тѣхъ поръ мы не разставались, и въ послѣднюю войну поступили въ одинъ полкъ.

Лабутинъ былъ сынъ содержателя меблированныхъ комнатъ въ Москвѣ, гдѣ намъ съ Черкасовымъ случилось остановиться проѣздомъ изъ Петербурга въ армію. Несмотря на свою молодость, это былъ высокій, стройный и хорошо сложенный

молодой человѣкъ, оттаившійся энергіей и недурной стрѣлкой. Узнавъ что мы ѣдемъ въ дѣйствующую армію и вдобавокъ въ дивизію Скобелева, имя котораго уже успѣло овладѣть русскими сердцами, онъ рѣшился поступить охотникомъ въ нашъ полкъ и умолялъ взять съ собою: его родители давали согласіе и такимъ образомъ мы взяли его подъ свое покровительство.

По указанію М., остановились въ Европейской гостиницѣ, считавшейся лучшею въ Санъ-Стефано. Но что же это было за безобразіе! Въ номерѣ за который съ насъ безбожно содрали четыре звонкихъ рубля въ сутки, изъ пяти стульевъ исправны были всего два; постели немилосердно трещали отъ легкаго прикосновенія къ нимъ и изобиловали крайне неудобнымъ для спящихъ населеніемъ; повтому, сваливъ въ кучу нашъ багажъ и разчитавшись съ носильщиками, мы рѣшили поискать пристанища получше и вышли изъ гостиницы.

Прежде всего лазурное море манило насъ выкупаться; мы направились къ берегу. Вода казалась голубою съ бѣлыми жилками отъ струекъ какихъ-то газовъ безпрестанно отдѣляющихся со дна, которое представляло песчаный, чисто бархатистый коверъ. Мнѣ приходилось купаться въ Балтійскомъ, Черномъ и Мраморномъ моряхъ, и послѣдному нельзя не отдать преимущества.

Превосходное купанье освѣжило насъ и возбудило солидный апетитъ; мы направились къ одному изъ десятка казино разбросанныхъ вдоль берега и, устроившись на небольшой терраскѣ висѣвшей надъ моремъ, спросили карточку. Обѣдъ намъ подали довольно сносный для проглатывающагося, но два блюда стоили каждому по звонкому рублю; красное мѣстное вино дешево и очень вкусно.

Послѣ обѣда мы отправились наводить справки гдѣ расположенъ Суздальскій полкъ, но ни гдѣ, даже въ двухъ штабахъ, не могли добиться толку... Мы просто пришли въ отчаяніе: уже солнце сѣло, а ни свѣдѣній о позиціи полка, ни болѣе удобнаго помѣщенія не находилось; приходилось ночевать въ этомъ четырехрублевомъ хлѣву.

Черкасовъ съ помощью Лабутина занялся разборкой своей походной постели, а я вышелъ на крыльцо, намѣреваясь пробраться къ морю и найти пристанище на ночь на берегу, дабы такимъ образомъ избавиться отъ духоты номера.

Полная луна, какъ ярко вычищенный мѣдный рефлекторъ, висѣла въ чудномъ, прозрачномъ небѣ, обливая потемнѣвши зданія своимъ не блѣднымъ, какъ у насъ въ Россіи, а мягкимъ, золотистымъ свѣтомъ; на взморьѣ мелькали разноцвѣтные блестящія точки фонарей на мачтахъ разныхъ судовъ. Жадно вдыхая полною грудью свѣжій, опяляющій вечерній воздухъ, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ пристани, какъ вдругъ грохотъ какого-то фургона привлекъ мое вниманіе; на встрѣчу шли два солдата... О, радости! на красныхъ погонахъ ихъ рисовалась цифра 16 и околышъ синій,—нашего полка. Я остановился и только что хотѣлъ разспросить ихъ, смотрю, офицеръ на встрѣчу: это былъ квартирмейстеръ поручикъ Г.; оказалось что онъ пріѣхалъ съ позиціи за разными приласами къ полковому празднику, имѣющему быть на другой день, 30 августа. Я разказалъ ему наше положеніе, и онъ любезно предложилъ намъ мѣсто въ одномъ изъ четырехъ своихъ фургоновъ. Съ торжествомъ вернулся я въ гостиницу сообщить моимъ слутникамъ радостную вѣсть.

Вещи живо залаковались и чрезъ полтора часа лихая полковая четверка уносила насъ изъ Санъ-Стефано по направленію къ Чанарханской позиціи, гдѣ были расположены лагерьмъ Владимірскій и Суздальскій полки 16й пѣхотной дивизіи, прославившей Скобелева и прославленной имъ самимъ сторицей.

Когда мы проѣхали деревушку Кителъ, приблизительно на полудни отъ позиціи, на горизонтѣ вправо изъ-за холмовъ, между которыми видѣлась наша дорожка, стала выплывать кака-то цветнистая полоса; въ бинокль я различилъ вертикальныя полоски минаретовъ и очертанія куполовъ: то былъ Константинополь, слабо освѣщенный луной и не ясно выдѣлявшійся во мгlistой дали.

Мы пріѣхали на позицію въ глухую полночь, и остановились у барака полковаго маркизанта Еврея Боруха, предупредительно уступившаго намъ что-то въ родѣ чистенькаго чуланчика для ночлега.

Утомленные дневными впечатлѣніями и дорогой, мы наскоро устроили себѣ постели кто на лавкѣ, кто на столѣ, и заснули богатырскимъ сномъ.

Говоръ голосовъ и кака-то возня по сосѣдству подняли меня въ пять часовъ утра; я вышелъ изъ барака поискать гдѣ бы и чѣмъ умыться. Предо мною во ста шагахъ

начинались палатки; лагерь былъ раскинутъ на высокихъ холмахъ. Умывшись изъ какой-то кадунки и накинувъ китель, я взбѣжалъ на вершину ближайшаго холма и окинулъ взглядомъ окрестности. Боже! что за мертвая страна открылась предо мною! Окружные холмы, на ближайшемъ изъ коихъ сѣрѣла куча камней,—остатки Чанаръ-ханскаго чифлика (хутора),—представляли голую, выжженную солнцемъ и выметенную войвой пустыню; нигдѣ ни деревца, и только мѣстами по руслу ручья, журчавшаго въ узкой, скалистой лоцинѣ влѣво отъ лагеря, видѣлись лучки залыенной травы тощихъ колючихъ кустовъ и рѣдкіе жалкіе доски съ поблеклою кукурузой.

Лагерь фронтомъ былъ обращенъ къ Константинополю; съ высотъ голыхъ Чанаръ-ханскихъ холмовъ видъ на городъ былъ очень хорошъ, и бѣлѣвшія на дивно-голубомъ небѣ граціозныя стрѣлки минаретовъ, весело пестрѣя въ глазахъ, въ то же время точно щекотали или кололи и сердце, и душу, и самолюбіе.

Я вернулся къ бараку; Черкасовъ и Лабутинъ уже встали, вокругъ барака сновали солдатики.

Налившись чаю мы одѣлись въ полную походную форму и направились къ палаткѣ временно командовавшаго Суздальскимъ полкомъ полковника Маневскаго, которому и представились. Полковникъ выразилъ удовольствіе что мы послѣдвали какъ разъ къ полковому празднику и сказалъ что сегодня же представить насъ командиру корпусу Скобелеву, котораго ждали къ церковному параду.

Откланявшись полковнику, мы съ Черкасовымъ сдѣлали визиты почти всѣмъ офицерамъ и затѣмъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ къ намъ присоединившихся, пошли къ праздничному павильону.

Я уже выше упомянулъ что 30 августа было полковымъ праздникомъ Суздальскаго полка; здѣсь мы узнали что и Шуйскій полкъ, 30й дивизіи, также празднуетъ этотъ день, и по распоряженію корпуснаго командира, оба полка соединятся вмѣстѣ для общаго чествованія этого дня.

Скобелевъ желалъ чтобы празднество устроено было по возможности роскошнѣе, такъ какъ имѣлъ намѣреніе пригласить на праздникъ командовавшаго турецкими войсками Фуадъ-пашу и весь его штабъ. За нѣсколько дней уже началась лихорадочная дѣятельность въ лагерѣ; на вершинѣ

самаго большаго хома позиціи устроили просторный павильонъ для пиршества, окруженный довольно эффектнымъ ландшафтомъ; я уже раньше говорилъ что голыя окрестности лагера, насколько хваталъ глазъ, не имѣли почти никакой растительности, и только въ глубокихъ лощинахъ кое-гдѣ дѣлались лозы ежевики, колючекъ, да какого-то растенія съ густою темною зеленью мелкихъ листочковъ, съ красными и черными ягодами въ крутую горошину. Изъ этого-то жалкаго матеріала, съ добавленіемъ молодого дубнячка привезеннаго отъ моря, поручикъ Янишевскій, юнкеръ Зефиоровъ и другіе, смастерили очень искусно и съ большимъ вкусомъ въ ландшафтѣ и вдоль всѣхъ дорожекъ, разбитыхъ около павильона, очень миленькія и красивыя рабатки. Самый павильонъ украшенъ былъ снаружи и внутри гирляндами изъ смоквинныхъ и дубовыхъ листьевъ, а внутреннія стѣны лестрѣли медальонами съ перечнемъ сраженій въ коихъ участвовали полки; надъ серединой стола помѣщался убранный лаврами портретъ Государя Императора. Столъ, раскинутый покоемъ, ломился подъ серебряными жбанками для шампанскаго, громадными вазами съ виноградомъ, фруктами, конфетами и роскошными букетами; ряды разнообразныхъ винныхъ графиновъ и бутылокъ дополняли картину. Всѣ эти припасы были доставлены изъ Константинополя равно какъ и провизія, сервизы, ловара, прислуга и прочее.

Къ павильону вела аллея изъ дубовыхъ вѣтвей, связанныхъ въ цѣлыя деревья, проложенная нарочно отъ дороги; за нею, по юго-восточному скату холма, были устроены мѣста для солдатскаго хора; вырыты канавки въ формѣ гигантскихъ георгіевскихъ крестовъ: одна сторона канавки служила сдѣльемъ, другая—внутренняя, устланная бѣлыми холстами, замѣняла столы. Такихъ крестовъ было четыре и расположены они были накрестъ, а въ срединѣ между ними такимъ же образомъ былъ сдѣланъ полумѣсяцъ для конвойныхъ турецкаго главнокомандующаго. По угламъ передняго фаса павильона воздвиглись изъ зелени эстрады для полковыхъ оркестровъ; и эти эстрады, и павильонъ, и аллея, и большая триумфальная арка въ ея началѣ были разукрашены сотнями флаговъ. Словомъ, все что только можно было сдѣлать въ этой каменистой и пустынной мѣстности было сдѣлано чтобы придать болѣе красоты и оживленія общей картинѣ торжества.

Тревога въ лагерѣ заставила офицеровъ послѣшить къ своимъ частямъ, которыя уже выстраивались на линейкахъ лагеря. Вскорѣ все пространство площадки у разбитой въ сторонѣ отъ лагеря дивизионной церкви заблѣло какъ сѣвомъ тысячами гимнастическихъ солдатскихъ рубашекъ; полки выстраивались къ молебствію. Мы, какъ не бывшіе еще во фронтѣ, остались около павильона, откуда можно было видѣть весь церковный парадъ какъ на ладони.

Въ 11 часовъ прибылъ Скобелевъ и былъ встрѣченъ полками, конечно, съ тѣмъ непередаваемымъ энтузіазмомъ съ которымъ они привыкли встрѣчать своего обожаемаго начальника. По окончаніи молебствія, пропустивъ полки церемониальнымъ маршемъ, Скобелевъ, окруженный офицерами, направился къ павильону; мы пошли на встрѣчу и были представлены ему какъ новоприбывшіе командующимъ полкомъ. Генералъ привѣтливо подалъ намъ руку и сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ, которыхъ у него всегда былъ такой громадный запасъ какъ для офицера, такъ и для солдата. Какъ выразить первое впечатлѣніе имъ производимое? Да просто такъ вотъ къ нему и потянетъ, такъ и захочется крикнуть во всю ширь души: „милый человекъ! съ тобой не то что на врага, въ самый адъ пойду!“

Я представилъ ему Лабутина: молодой человекъ чуть не сошелъ съ ума отъ восторга, когда генералъ и ему подалъ руку и, привѣтливо улыбаясь, сказалъ что съ удовольствіемъ возьметъ его въ свою бывшую дивизію.

Осмотрѣвъ всѣ приготовленія, Скобелевъ съ сопровождавшею его толпою обошелъ весь лагерь, перебрасываясь по обыкновенію шутками и прибаутками съ солдатами. Время прошло незамѣтно.

Около трехъ часовъ полудни облака пыли вздымавшіяся по дорогѣ отъ Константинополя предупредили насъ о приближеніи турецкихъ гостей. Фуадъ ѣхалъ въ коляскѣ четверней, окруженный конвоемъ сѣрыхъ драгунъ съ малиновыми свурами, на манеръ гусарской венгерки; за нимъ еще два эсклажа, окруженные всадниками.

Принявъ на себя роль хозяина праздника, Скобелевъ встрѣтилъ гостей у входной триумфальной арки, и подъ руку съ Фуадомъ, при звукахъ турецкаго марша, сопровождаемый перемѣшавшимися свитами, ввелъ его въ павильонъ, гдѣ и послѣдовало обоюдное представленіе хозяевъ и гостей. Съ

Фуадомъ пріѣхали Решидъ-паша, начальникъ турецкой артиллеріи (теперешній начальникъ Восточно-Румелійской милиціи), и еще двое пашей, именъ которыхъ теперь не припомню. Турки вошли какъ-то не смѣло и сконфуженно, точно чего-то опасаясь.

Послѣ первыхъ пріѣтствій Скобелевъ подвелъ Фуада къ столу съ водками и закусками, приглашая выпить и закусить, предъ обѣдомъ, по русскому обычаю; распорядители обѣда угощали остальныхъ Турокъ. Фуадъ вылилъ калю чего-то прочіе, за исключеніемъ Решиды, протестанта, совсѣмъ не дотронулись до рюмки: законъ запрещаетъ имъ пить. Но распорядители обѣда догадались велѣть приготовить въ лѣвомъ боковомъ отдѣленіи лавильюна сверхкомплектную закусочку, куда и увлекли младшихъ турецкихъ офицеровъ, и не во гнѣвъ будь сказано Магомету, столъ этотъ пришлось таки подновлять.

Раздавшійся полковой маршъ подалъ сигналъ къ обѣду; стали усаживаться. Скобелевъ помѣстился подъ портретомъ Государя Императора, между Фуадъ и Решидъ-пашами, а затѣмъ всѣ остальные въ перемежку, чисто по-товарищески. У меня сохранилось меню этого достопамятнаго обѣда: бѣлыя атласныя карточки въ три вершка длины и два ширины, украшенныя золоченою арматурой изъ фруктовъ и цвѣтовъ, лежали у каждаго прибора:

Dinet

du 30 Août 1878.

Consommé; petits pâtés.

Bar, sauce remoulade: Roastbeef à la jardinière.

Suprême de volaille aux truffes; aspic de foie gras et gibier; asperges en branches;

Faisans; pintades; dindonneaux et cailles.

Salade de fruits et salade verte.

Rochers de glace.

Dessert varié.

Café, Liqueurs.

Обѣдъ, начавшійся довольно церемонно, оживился съ первыми бутылками шампанскаго; съ поднятымъ бокаломъ въ рукѣ, окруженный всѣми присутствующими, вышелъ Скобелевъ изъ лавильюна и направился къ небольшому обрывистому выступу, отъ подошвы котораго раскинулась оживленная затрапезная солдатская площадь. „Смирно“! пронеслось

надъ ему: все стихло моментально; всѣ встали. „Пьемъ здоровье Государя Императора!“ громко крикнулъ Скобелевъ, и оглушительное, безконечное *ура* не только потрясло воздухъ, не только заставило вздрогнуть турецкихъ гостей, но вызвало на линейки изъ палатокъ весь лагерь турецкій, расположенный верстахъ въ двухъ. Тосты за здоровье султана, праздновавшихъ полковъ, обѣихъ дивизій, 4го корпуса и славной русской арміи подхватывались восторженно, и задушевное *ура* заглушало хоръ соединенныхъ оркестровъ. Обѣдъ кончился очень оживленно; Турки забыли Коранъ и, увлеченные любовью Скобелева и всѣхъ Русскихъ, чокались и пили уже безъ стѣсненія; самъ Фуадъ перечекался и перецѣловался чуть не со всѣми офицерами нашими; Турки положительно пришли въ восторгъ.

Солдатты не отстали отъ своего отца-командира и такъ сумѣли приглубить Фуадовыхъ конвойныхъ что они даже захрабѣли въ своемъ полумѣсяцѣ, забывъ и ладей, и своихъ лошадей, которыхъ убрали уже наши конюхи.

Пиръ вышелъ на славу, пиръ-горой, чисто русскій пиръ, какого Царградъ не видывалъ у стѣнъ своихъ со временъ Олега.

Едва начало смеркаться какъ холмы лагеря озарились смоляными бочками, кострами и факелами; представляя Константинополь видъ широкаго, густаго зарева; хоры гѣсениковъ на перебой чередовались съ музыкой; пошла въ ходъ и камаринская.

Когда же флигель-адъютантъ, полковникъ О., привезъ извѣстіе о новой милости Государя Императора, о назначеніи Скобелева генераль-адъютантомъ, восторгу не было границъ. И едва эта радостная вѣсть сообщена была разгулявшимся солдатамъ, грянуло такое восторженное *ура* что засыпавшій лагерь турецкій еще разъ всполошился не на шутку.

Полковникъ О. былъ моимъ товарищемъ по Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и только годомъ позже меня вышелъ въ офицеры. Мы не видѣлись около четырнадцати лѣтъ; тѣмъ не менѣе онъ меня тотчасъ узналъ, и мы отъ души чокнулись въ память старой Сутгофовой Школы.

Первые лучи утренней зари уже прогнали ночную тѣнь, когда Фуадъ-лаша, поддерживаемый и окруженный офицерами, вышелъ къ экипажу; его кучера не добудились, и потому Скобелевъ предложилъ ему свою коляску. Фуадъ усѣлся

въ нее со своимъ полудремающимъ адъютантомъ; ненужные фонари были погашены и вынуты, и вмѣсто нихъ вставлены два роскошные букета. Коляска помчалась одна, — другія остались, ибо сѣдоки нашли удобнѣе переночевать въ нашемъ лагерѣ. Тогда только замѣтили что Фуадъ уѣхалъ безъ конвой; Скобелевъ велѣлъ разбудить улпившихся и спавшихъ крѣпкимъ своимъ драгунъ Фуадовыхъ. Тѣ съ просовокъ не хотѣли вѣрить что Фуадъ уѣхалъ, указывая на его коляску; но имъ объяснили наконецъ почему она осталась, и они опрометью кинулись къ конямъ и въ карьеръ помчались догонять своего владыку. Не знаю многіе ли догнали его, но изъ 30 человекъ, по крайней мѣрѣ половину подобрала поутру слухами по дорогѣ, по всему протяженію до турецкой цѣли.

Чанаръ-ханскій праздникъ заставилъ говорить о себѣ чуть не весь Константинополь въ теченіе мѣсяца и сталъ, какъ говорили тогда, поперекъ горла нѣкоторымъ дипломатамъ. Турки же долго вспоминали его съ удовольствіемъ. „Это заря новыхъ отношеній нашихъ съ Турками завизажается!“ сказалъ Скобелевъ, садясь въ Фуадову коляску и указывая провожающимъ его офицерамъ и солдатамъ на залитый яркимъ пламенемъ востокъ, — и онъ былъ правъ! Ласковое, задушевное обращеніе „Акъ-лаши“ (блага генерала), какъ его звали Турки, съ бывшими врагами было прочнымъ основаніемъ тѣхъ симпатій которыя развились въ послѣдствіи въ народѣ Турецкомъ къ его недавнимъ побѣдителямъ.

Слѣдующіе четыре дня прошли для лагеря въ полномъ бездѣйствіи, не было ни ученій, ни какихъ-либо занятій, поэтому я улотребилъ ихъ на болѣе близкое ознакомленіе съ полкомъ и съ мѣстностью. Особенно я сошелся съ поручикомъ Яншевскимъ, съ которымъ мы и дѣлали часто экскурсіи въ разныхъ направленіяхъ по окрестностямъ лагеря. Лабутинъ постоянно сопровождалъ насъ; брались на эти прогулки обыкновенно двѣ магазинки и корзина съ поддюжиной экспорта, сыромъ и сардинками, и время проходило въ разказахъ, стрѣльбѣ въ цѣль и легкой закускѣ, а иногда и купаньи подъ холодными брызгами ручья, каскадомъ прыгавшаго со скалы въ одномъ изъ ближайшихъ ущелій.

Между тѣмъ дѣло объ опредѣленіи Лабутина затянулось: оказалось что у него не было съ собою свидѣтельства о степеніи его образованія. Какъ ни грустно было, а пришлось его отправить въ ближайшій русскій городъ для сдачи экзамена.

Командующій полкомъ очень любезно далъ намъ съ Черкасовымъ отлукъ въ Царьградъ, ибо мы хотѣли воспользо-ваться проводами Лабутина чтобы завернуть кстата и въ столицу Турціи.

Утромъ 5 сентября мы втроемъ усѣлись въ каруцу того же маркизанта Боруха, у котораго, къ слову сказать, мы купили большую круглую турецкую палатку всего за сто франковъ, и на парочкѣ, къ удивленью сытыхъ, хотя и жидовскихъ лошадокъ локатили довольно спорю рысью по извилистой гладкой дорогѣ къ мѣстечку Св. Георгія, верстахъ въ четырехъ отъ лагера, гдѣ былъ расположенъ штабъ полка, чтобы справиться о письмахъ, сдать свои и получить кой-какія деньжонки. На половинѣ луги попался намъ на встрѣчу Скобелевъ въ коляскѣ четверкой со своимъ конвоемъ изъ ординарцевъ и Лубенскихъ гусаръ; поѣздъ быстро промчался мимо насъ, лахнувъ на нашу телѣжку цѣлымъ облакомъ бѣловатой пыли, и исчезъ за спускомъ крутаго холма.

Св. Георгій, мизерное мѣстечко, разбросанное около монастыря того же имени; я не успѣлъ и осмотрѣть его порядкомъ, и въ ожиданіи разныхъ справокъ въ канцеляріи, мы успѣли только перекусить въ какомъ-то лубочномъ ресторанчикѣ да заглянуть на кладбище. Последнее произвело на насъ очень грустное впечатлѣніе: сколько памятниковъ и крестовъ! И хотя бы надъ убитыми, а то нѣтъ—подъ ихъ стѣнью покоились жертвы калривовъ дипломатіи, уложившей посредствомъ губительнаго тифа, во время безцѣвной столѣтки, тысячи богатырскіе, въ безвременныя, ни чему не пришедшія пользы могилы.

Около часу мы опять пустились въ луть къ Санъ-Стефану, до котораго было верстъ двѣнадцать. Телѣжка наша звонко подпрыгивала по каменистой дорогѣ; вотъ послѣдній холмъ, и горизонтъ предъ нами измѣнился какъ бы по волшебству: широкая зеленая равнина развернулась предъ нами, окаймленная голубою блестящею поверхностью Мраморнаго Моря, за которымъ въ свою очередь подымались очертанія причудливыхъ вершинъ и скалъ. Влѣво лежѣла Санъ-Стефано и какія-то другія мѣстечки и предмѣстія царственнаго города, а за ними безконечною полосой тянулся по холмамъ и самый Стамбулъ, увѣнчанный мечетями Св. Софіи и Апостольскою, четко и рельефно вырисовывавшимися на салфировомъ куполѣ чуднаго безоблачнаго неба.

Мы спустились въ долину, и волей-неволей пришлось тащиться чуть не шагомъ по черноземнымъ колеямъ. Проѣхавъ цѣлый городъ досчатыхъ бараконъ, гдѣ была прежде расположена гвардія, мы выѣхали наконецъ на Адрианопольское шоссе, и добрыя лошаденки живо домчали насъ до цѣли. Проѣхавъ станцію желѣзной дороги, мы повернули чрезъ истолтанный лошадиными копытами плацъ въ какой-то кривой проулокъ; Борухъ обещалъ насъ доставить въ домъ своего пріятеля изъ мѣстныхъ жителей, увѣряя что намъ будетъ очень хорошо, и слова его оправдались: намъ отвели весь верхній этажъ небольшого, но чистенькаго домика, и хозяинъ Армянинъ встрѣтилъ насъ чуть не земными поклонами.

Утромъ Лябутичъ сообщилъ намъ что сегодня отправляется въ Одессу пароходъ съ войсками. Черкасовъ вручилъ ему письмо къ полечителю Одесскаго учебнаго округа, подписанное почти половиною офицеровъ полка съ просьбой не задерживать его экзаменомъ, и мы проводили его на пароходъ, гдѣ я и сдалъ его на руки капитана. Въ часъ пароходъ тронулся, и мы на каякъ вернулись къ берегу, гдѣ, взявъ коляску, отправились осматривать городокъ ставшій теперь историческимъ.

Санъ-Стефано расположенъ на самомъ берегу Мраморнаго Моря и занимаетъ очень небольшую площадь, версты полторы въ длину, и полверсты шириной; на правомъ крылѣ его возвышается колокольня греческаго монастыря, окруженнаго двухъ-и трехъэтажными домами, въ сущности какими-то картонными зданіями; здѣсь же и знаменитая *Европейская гостиница*, изъ которой намъ удалось такъ счастливо выбраться въ день нашего пріѣзда изъ Россіи. Далѣе, влѣво, городокъ вытянулся въ одну кривую улицу вдоль берега, сплошь состоящую изъ разныхъ казино и ресторанчиковъ. Затѣмъ огромная поляна заканчивающаяся бѣлою маячною башней; въ давнюю минуту на этой полянѣ готовились къ отплытію въ отечество наши лодки. А вдали опять все оное же—неудовимый Цареградъ цѣтнулъ своими минаретами.

Мы покатались по взморью на легкихъ каякахъ, съ любопытствомъ наблюдая какъ ловкій, полуголый каякъ-инджи (модочникъ) смѣло и вѣрно управлялся на кормѣ своимъ лопатообразнымъ двухконечнымъ весломъ: такъ быстро повертывается весло что каякъ мчитъ чуть не стрѣлой.

Купивъ у рыбаковъ двухъ только что вытасенныхъ полуаршинныхъ омаровъ, мы причалили къ берегу и, выкупавшись на славу въ бирюзовыхъ волнахъ, направились въ одинъ изъ ресторанчиковъ надъ моремъ обѣдать.

Когда смерклося, мы всѣ пошли на набережную, гдѣ зажглась лю какому-то случаю иллюминація; но не услѣли мы усѣсться какъ слѣдуетъ подъ какимъ-то шатромъ, вдругъ налетѣлъ съ моря такой порывъ вѣтра что въ мигъ всѣ огни горѣвшіе на воздухѣ потухли; чрезъ пять минутъ буря бушевала по всему взморью. Мы кинулись скорѣе домой, спасаясь отъ кружившихся въ воздухѣ обрывковъ крышъ несчастныхъ ресторанчиковъ; съ моря доносились сквозъ порывы вѣтра какіе-то крики, вѣроятно о помощи, которую врядъ ли и подать было можно, ибо волны такъ вздулись, что захлестывали терраски висѣвшія надъ поверхностью моря саженъ на пять; многія изъ нихъ и разрушило волненьемъ.

„Ну, думалось намъ, каково-то теперь лагерю нашему на Чанаръ-ханскихъ холмахъ?“

Утромъ, седьмого, едва мы засѣли съ Черкасовымъ за чай и занялись постройкой плана поѣздки въ Константинополь, какъ бомба влетѣлъ къ намъ Борухъ съ извѣстіемъ что надо скорѣе вернуться въ лагерь, ибо 16й дивизіи посланъ приказъ сниматься съ позиціи. Какъ ни неприятна была эта новость, но нечего дѣлать: уложились, засѣли въ жидовскую каруцу и вмѣсто Константинополя потряслись въ лагерь.

Еще издали мы разглядѣли что палатокъ какъ не бывало—ужь не ушелъ ли подкъ? но вскорѣ различили движущихся людей; подѣвзаемъ къ лагерю: оказалось что вчерашняя буря смела всѣ палатки не хуже санъ-стефанскихъ фонарей и крышъ, и весь лагерь разбрелся собирать ихъ по окрестнымъ холмамъ и ущельямъ.

Тѣмъ не менѣе выстулаенне дѣйствительно было назначено на завтра утромъ, но куда—неизвѣстно навѣрное, кажется, къ Адрианополю. Я отправился къ командиру 1й роты капитану Вонсарскому, къ которому я былъ прикомандированъ, и узналъ что выстудимъ въ 5 часовъ утра, по направленію къ Ярымъ-Бургасу. Вслѣдъ за тѣмъ разнесся слухъ что Скобелевъ со своимъ 4мъ корпусомъ останется въ Южной Болгаріи.

Значить конецъ послѣднимъ надеждамъ: Константинополь не будетъ занятъ! Лица вытянулись, стали пасмурны;

досада стала проявляться и вымѣщаться даже на лустакахъ,—на какомъ-нибудь камешкѣ попавшемъ подъ ногу. Хмурилось все отъ первыхъ и до послѣднихъ, и не разъ ролотъ прорывался крѣпкими словами, не вѣсть къ кому обращенными, сквозь общій гулъ приготовляющагося сняться лагеря.

Уложивъ чемоданы, мы съ вечера сдали ихъ на ротную офицерскую телѣгу и, закусивъ въ баракѣ у Боруха, залегли пораньше спать, чтобы выспаться передъ походомъ лучше.

На разсвѣтѣ барабаны подняли насъ. Лагеря не было и слѣда, а на его мѣстѣ стройно выстраивались бѣлые ряды баталіоновъ, готовые къ выступленію.

II.

Выступленіе. — Ярымъ - Бургасъ. — Каликратъ. — Буюкъ - Чекмедже. — Пѣвица. — Силври. — Амазонка. — Султанскій чифтаукъ. — Чорлу. — Караштаракъ.

Налутственный молебень кончился; музыка загремѣла полковой маршъ, и полки тронулись въ походъ или правильнѣе отступленіе отъ стѣвъ Константинополя; это было 8 сентября 1878 года.

Ужасно было это отступленіе, ужасно вовсе не по трудностямъ похода; напротивъ, переходы были назначены по расписанію самые легкіе, по 12 — 15 верстъ въ день, не больше. Покойный Скобелевъ все еще какъ будто выжидалъ чего-то и старался всѣми силами замедлить отступленіе; онъ даже чуть не на каждомъ переходѣ дѣлалъ полкамъ дневки по два, по три дня; что касается провіанта, его и дѣвать некуда было. Отступленіе было ужасно по моральному состоянію войска, и равно тяжело и офицеру и солдату. Эта дивизія, дивизія Скобелевская, дѣлавшая шута суточный переходъ въ 60 верстъ по самой адской дорогѣ, въ дожди, снѣгъ, морозъ и гололедицу, эта дивизія не шла, а ползла по Адрианопольскому шоссе, начавъ оставлять отсталыми чуть не половину людей съ перваго же двѣнадцативерстнаго перехода: словно свинець заливалъ голову и ноги; чувство неудовлетвореннаго самолюбія и вознагражденнаго кроваваго труда, сдерживавшееся въ

сердцахъ сознаниемъ долга и безпримѣрною дисциплиной, теперь выступало черезъ край и требовало исхода...

Всѣ лица были угрюмы, несмотря на чудное утро и свѣжій вѣтерокъ дувшій отъ Мраморнаго Моря, несмотря на чудныя картины его береговъ, несмотря на яркую лазурь безоблачнаго неба. На высотѣ Св. Георгія встрѣтилъ и пропустилъ полки Скобелевъ. Не весело глядѣлъ и самъ любимый начальникъ; глухо прозвучалъ его обычный привѣтъ: „здорово, молодцы!“ а въ отвѣтномъ откликѣ соддать не слышалось и десятой доли обычнаго энтузіазма, словно вся дивизія спала съ голосу. Печально, какъ похоронная процессія, тянулись полки къ Ярымъ-Бургасу; на половинѣ дороги сдѣланъ былъ двухчасовой привалъ, чтобы дать подохнуть отставшимъ, которые вѣло долетались къ бивуаку. Одно къ одному, и солнце залекло тридцатиградуснымъ жаромъ: просто тошно было идти. Пробовали вызывать пѣсенниковъ впередъ, но пѣсня скоро обрывалась...

Наконецъ вотъ и Ярымъ-Бургасъ: это даже не мѣстечко, а нѣчто въ родѣ полустанка Константинопольско-Адриано-польской желѣзной дороги: крошечное зданіе станціи и два гаденькіе рестораничка. Полки стали лагеремъ на площади скалистаго холма, крутыми обрывами и глубокими расщелинами спускавшася къ самымъ рельсамъ дороги, извиноющейся лентой почти влоть къ водѣ Мраморнаго Моря. За неимѣніемъ легкой палатки (турецкую не стоило разбивать въ походѣ, да и затруднительно было, а потому она была уложена) я спустился внизъ и занялъ безъ труда одну крошечную комнатку въ одномъ изъ рестораничковыхъ; мой деньщикъ Макаръ, изъ Остяковъ, честный и славный, хотя и дурковатый парень, съ полнымъ веснуцатымъ лицомъ, живо притащилъ мою походную постель и чемоданъ и размѣстился насколько возможно комфортабельно; даже походныя чернильницу и подсвѣчники на столикѣ поставилъ. Ресторанички сохранили только надписи, остававшее хоть шаромъ локати; поневолѣ пришлось питаться солдатскимъ обѣдомъ, который, сказать по справедливости, былъ такъ хорошъ что потомъ, почти весь походъ, всѣ офицеры питались имъ, заливая его экспортомъ отъ Боруха, да красивымъ виномъ.

Плотно пообѣдавъ супомъ изъ фасолы и биткомъ, который сочинилъ для меня Макаръ (говядину можно было брать и въ сыромъ видѣ), я взобрался на верхъ холма.

Картина предо мною развернулась прелестная: подъ ногами, почти подъ отвѣснымъ обрывомъ скалы, тянулись двѣ тонкія лодоски рельсовъ, теряясь въ обѣ стороны за утесами; вправо, по долину, межъ высокихъ камышей, серебряною змѣйкой извивалась узенькая рѣчка, по которой быстро скользя подъ парусомъ пестрый рыбачій каикъ къ морю, разстилавшемуся безконечнымъ голубымъ ковромъ во всю ширь кругозора; впаденіе рѣчки въ море расширялось и образовало глубокой и узкой заливъ, на правомъ берегу котораго виднѣлось большое четырехъэтажное зданіе со стеклянною галлерей во всю крышу, все окруженное густымъ, роскошнымъ садомъ; мраморная набережная спускалась широкою лѣстницей къ морю; въ концѣ ея виднѣлся мраморный обширный бассейнъ, купальня: то былъ султанскій чифликъ, Альбикиой. Онъ ламатень былъ одному изъ баталионовъ нашего полка (кажется третьему) по землетрясенію бывшему во время стоянки; оно случилось ночью и произвело страшный переломъ. Солдаты занимали весь домъ, а офицеры помѣщались наверху. Вдругъ все зданіе запаталось; перепуганные солдатки повскакали съ просонокъ и стремяглавъ кинулись по лѣстницамъ внизъ, теряя равновѣсіе и кувыркаясь одинъ черезъ другаго; офицеры тоже было хотѣли послѣдовать ихъ примѣру, но кто-то нашелся благоразумный — удержалъ ихъ, доказавъ что не услѣшь перескочить пяти ступеней какъ зданіе рухнетъ, и что ужъ лучше храбро встрѣтить смерть на крышѣ.

Благодаря чисто карточному способу тамошнихъ построекъ, домъ, къ счастью, только поколебался, хотя вылетѣли въ немъ всѣ стекла, но устоялъ, и храбрость оставшихся была вознаграждена; колебаніе длилось минуты три, и затѣмъ повторилось часа черезъ два, но гораздо короче и слабѣе.

Взглянувъ я на лѣво, думая увидѣть Константинополь, но одинокая скала, подымавшаяся надъ моремъ и вдававшаяся въ него мысомъ, совершенно скрывала за собой его далекіе минареты. За то у подножія этой скалы я высмотрѣлъ такой уютный полукруглый заливчикъ что такъ и потянуло купаться. Живѣ сбѣжалъ я внизъ по крутой и узенькой тропинкѣ, приказалъ Макару взять простыню и коврикъ, и мы вдвоемъ зашагали по берегу, безпрестанно натыкаясь на купающихся и моющихъ бѣлье солдатъ. Наконецъ добрались мы и до заливчика; мѣстечко было дѣйствительно преудобное: подъ самую

ствѣной скалы лежали два громадные, совершенно плоскіе камня, между которыми плескался морской прибой, и на нихъ было чрезвычайно удобно сѣсть и раздѣться; множество камней разной величины было разсѣяно по всему узкому побережью, и гладкая, плоская поверхность ихъ ясно свидѣтельствовала что Мраморное Море не одно столѣтіе занималось ихъ шлифовкой; дно моря было гладко и мягко какъ коверъ и понижалось совершенно ровно и лодого, такъ что сажень на восемьдесятъ отъ берега только начинало ускользать изъ-подъ ногъ.

Въ Ярымъ-Бургасѣ мы простояли трое сутокъ; на вторые, въ обычный часъ шелъ изъ Константинополя лѣвдъ и почему-то былъ задержанъ на станціи часа на лодтора. Конечно я пришелъ туда въ числѣ другихъ, изъ простаго любопытства, поглазѣть на вѣдущихъ: между ними было нѣсколько турецкихъ солдатъ возвращавшихся изъ русскаго плѣна въ родные города и селенія. Я завладѣлъ первымъ попавшимся мнѣ на глаза и сталъ его расспрашивать о Россіи; подошли нѣсколько другихъ; всѣ они болтали свосно по-русски и съ восторгомъ отзывались о Московіи. Мой собесѣдникъ возвратился изъ Владиміра; на мой вопросъ, пойдеть ли онъ сражаться теперь съ Русскими еслибъ олять началась война, онъ мнѣ торжественно заявилъ что непременно пойдеть, потому что олять возьмутъ его въ плѣнъ и отошлютъ во Владиміръ. Къ утѣшенію султана, я долженъ сказать что не только его товарищи поддержали эту увѣренность, но и въ послѣдствіи, спустя два, три года послѣ войны, въ Адрианополѣ и другихъ городахъ Турецкой Румеліи, мнѣ часто случалось встрѣчать турецкихъ солдатъ любивавшихъ въ Россіи и оказавшихся совершенно солидарными съ моимъ Ярымъ-Бургасскимъ знакомцемъ.

12 сентября лагерь снялся на зарѣ, и въ 4 часа утра мы уже шагали по шоссе. День предвѣщалъ быть такимъ жаркимъ что и солдаты и офицеры были въ гимнастическихъ рубашкахъ, надѣтыхъ прямо на голое тѣло, и все-таки было невыносимо жарко; я даже фуражку бросилъ и надѣлъ на голову только легкій чехолъ отъ нея. Солдатамъ было разумѣется еще труднѣе. Благо еще что ранцевъ не было: Скобелевъ бросилъ въ своей дивизіи и ранцы, и патронныя сумки, какъ предметы крайне неудобныя, и замѣнилъ ихъ мѣшками и патронташами черезъ плечо; послѣдніе были просто узкіе

ремни съ нашитыми на нихъ сплошь петлями, куда вставлялись металлическіе патроны лудей внизъ: и удобно, и красиво, и ловко для вниманія. Это нововведеніе оказалось настолькоъ практично что Болгары, съ жадностью перекумавшіе все дѣльное и разумное, ввели его въ своихъ дружинахъ (я говорю о Южной Болгаріи). Переходъ былъ всего верстѣ въ десять, но отсталыхъ оказалась цѣлая масса, и на поллуги сдѣлали опять привалъ часа на два. Въ 9^{1/2} часовъ мы прошли городокъ Буюкъ-Чекмедже, стоящій въ глубинѣ залива и, перейдя три владающіе въ море ручья по тремъ длиннѣйшимъ мостамъ, завернули влѣво берегомъ залива; въ 11 часовъ вступили въ мѣстечко Каликратъ, гдѣ опять была назначена дневка. Лагерь разбили на широкой полянѣ между садовъ, лицомъ къ морю, а офицерскія палатки размѣстились въ самыхъ садахъ. Намъ палатка уже были выданы предъ выступленіемъ изъ Ярымъ-Бургаса, и мнѣ назначено было стоять съ поручикомъ Кудрявцевымъ.

Мы раскинули нашу палатку подъ роскошнымъ персиковымъ деревомъ, огромные и сочные зарумянившіеся плоды котораго производили невольный соблазнъ, и пока Кудрявцевъ со своимъ деньщикомъ и мой Макаръ раскладывались въ палаткѣ, я побѣжалъ къ садовнику копавшемуся невдалекѣ среди густой зелени бакляжанъ, пестрѣвшей громадными, въ дѣтскую голову, фіолетовыми плодами; это оказался самъ хозяинъ сада, и на мою просьбу продать мнѣ нѣсколько персиковъ онъ, къ моему изумленію, предлюбезно предложилъ въ мое распоряженіе все дерево. Хитрый Грекосъ былъ себѣ на умѣ: зная вѣроятно хорошо что отъ солдатскихъ рукъ трудно что-либо уберечь, онъ разчиталъ что два офицера не успѣютъ же объѣсть все дерево, а солдаты не посмѣютъ тронуть принадлежащее начальству, слѣдовательно ему и плодовъ все-таки останется, и за сѣдвенные онъ получитъ все же больше чѣмъ выручилъ бы отъ ихъ продажи. Какъ бы то ни было, но я вернулся въ палатку съ четырьмя великолѣпными персиками. Между тѣмъ послѣлъ и обѣдъ. Превосходное мѣстное вино окончателно развеселило насъ, и мы совсѣмъ пріятелими отправились прогуляться къ пристани. Усѣвшись на террасѣ довольно сносной кафаны (кофейня), мы спросили двѣ чашки турецкаго кофе и стали любоваться видомъ на море и на Буюкъ-Чекмедже, видѣвшійся во глубинѣ залива. Сообщу

т. сѣлх.

кстати какъ готовится этотъ кофе: въ маленькую ко-
стрюячку, вмѣстимостью въ три четверти стакана, наливается
вода и ставится на горячіе угли; какъ закипитъ, сейчасъ
надо снять, насыпать туда три чайныя ложки кофе, бросить
два куска сахару и снова поставить на угли, помѣшивая лож-
кой; какъ закипитъ опять, снимаютъ и наливаютъ въ не-
большія чашки: кофе выходитъ очень крѣпкій и совсѣмъ
черный, и почти полчашки дѣлается осадокъ гущи, которой
никто не пьетъ; при этомъ мѣстные жители захлебываютъ
каждый глотокъ горячаго кофе колодной водой; впрочемъ, тамъ
и мѣстную водку—мастику или ракію—тоже заливаютъ водой
и закусываютъ вареньемъ. Благодаря Бога, къ намъ подоб-
ное варварство не привилось; напротивъ, мы выучились и
голый спиртъ пить. Впрочемъ, его давали въ усиленной пор-
ціи и солдатамъ во время похода, и онъ положительно
придавалъ свѣжести и бодрости во время этихъ жаровъ, и
странно, ни малѣйшаго опьянѣнія и сѣда не было.

Вечеръ обѣщала быть прелестнымъ, и мы съ Кудрявцевымъ
порѣшили взять ларусный каикъ и отправиться въ Буюкъ-
Чекмеджи. Съ моря дулъ легкій вѣтерокъ, и выбранный нами
быстроходный каикъ быстро повесъ насъ по направленію къ
городку, разсѣкая небольшія волны набѣжавшія съ моря и
оставляя за кормой тонкую пѣнящуюся лодоску. Черезъ семь
минуть мы вышли на какіе-то пласты, замѣнявшіе пристань,
и вошли въ узкіе и кривые переулки.

Звукъ музыки доносившіеся до насъ привели насъ на доволъ-
но широкую улицу, шагахъ во ста отъ двухъэтажнаго не-
большаго домика, на верандѣ котораго пиликали на скрип-
кахъ и виолончеляхъ штукъ восемь дочерей Австро-Венгріи,
наводившей ими Турцію для заложения сердець русскаго
офицерства. Вдругъ на встрѣчу намъ нашъ маркитантъ Бо-
рухъ и въ страшномъ отчаяніи: у нихъ наступала какой-то
праздникъ, и онъ со своими компаніонами пришелъ въ Бу-
юкъ-Чекмеджи, на половину заселенный Евреями, надѣясь
найти даровое пристанище, но тамъ съ него заломили двад-
цать лодуимперіаловъ за позволеніе отпраздновать празд-
никъ, за небольшую комнату... Тамошніе Евреи, вопервыхъ,
другой секты, враждебной нашимъ, да вдобавокъ и азыкъ у
нихъ—смѣсь еврейскаго, италіянскаго и испанскаго, сѣдова-
тельно не понимаютъ нашихъ. Коѣ-какъ намъ удалось при-
строить его къ какому-то Греку за три лодуимперіала.

Луна уже вылыла изъ-за скалистыхъ береговъ и плавно подымалась надъ моремъ. Мы уже прошли нѣсколько домовъ, какъ вдругъ нѣсколько голосовъ окликнули насъ домашнимъ русскимъ языкомъ. Мы подняли глаза устремленные на мостовую улицы изъ предосторожности не сломать ноги на ея вывороченныхъ камняхъ: съ висѣвшаго почти надъ нами балкона наклонились черезъ перила пять-шесть головокъ восточнаго типа, манившихъ насъ къ себѣ; мы зашли изъ любопытства. Пока Кудрявцевъ отбивался отъ атакующихъ его фей, я обратилъ вниманіе на фигуру въ темномъ платѣ и накинутаго на голову пунцовомъ, газовомъ, расшитомъ серебромъ и золотомъ шарфѣ, сидѣвшую къ намъ спиной и задумчиво смотрѣвшую на замелькашіе въ Каликратѣ огоньки. Я тоже засмотрѣлся на оригинальную картину: Каликратъ, освѣщенный луной, блѣдно вырисовывался за заливомъ, и отражанія его огней въ переливающимся волнахъ точно прыгали въ какой-то фантастической пляскѣ; мало того, весь видимый горизонтъ воды отливалъ какимъ-то слабымъ фосфорическимъ свѣтомъ, видимо не имѣвшимъ ничего общаго съ луной. Раздавшійся тихій и симпатичный нагѣвъ заставилъ меня снова обратить вниманіе на незнакомку; я подошелъ къ ней и положилъ ей руку на плечо, она обернулась.

Мнѣ еще не случалось встрѣчать столь совершеннаго типа греческой красоты, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго что я отступилъ шагъ назадъ и съ изумленіемъ уставился на нее глазами. Она встала, вуаль откинула съ ея головы легкимъ порывомъ вѣтра, и луна, освѣтивъ ея чисто русые волосы, что довольно рѣдко у Гречанокъ, и играя на ея кудряхъ, произвела точно какой-то свѣтлый ореолъ около этой чудной шестнадцатилѣтней головки. Она заговорила со мной по-французски. Мнѣ захотѣлось узнать какъ попала эта жемчужина въ окружавшую ее грязь. Съ печальною улыбкой начала она свой разказъ и кончила заливаясь слезами. Вотъ ея исторія въ нѣсколькихъ словахъ: она жила въ Константинополѣ у дяди; когда городъ обложили русскія войска, тамъ она встрѣтилась съ однимъ гвардейскимъ офицеромъ, „капитанъ Никола“, какъ она называла его; онъ за ней приударилъ и понравился ей; дядя ея, человекъ богатый, принималъ участіе въ праздникахъ на Принцевыхъ Островахъ: тамъ офицеръ уговорилъ ее бѣжать къ нему, обѣщая жениться на ней. Потомъ онъ завезъ ее въ Сая-Стефано и затѣмъ

кинула на произволъ судьбы. Дѣвушка боялась вернуться къ дядѣ и рѣшила пробраться на пароходѣ въ Салоники, гдѣ жила очень любившая ее бабушка, — родители ея умерли давно уже, — къ ней на помощь являлась какая-то женщина, увезла ее изъ Санъ-Стефано, обобраа и закабалила. И вотъ она должна подчиняться своей хозяйкѣ и не знаетъ гдѣ найти помощь чтобы выйти изъ своего ужаснаго, противнаго ей положенія.

— Еслибы ты зналъ, какая тоска мнѣ здѣсь! Меня не выпускаютъ даже на прогулку! закончила она съ едва сдерживаемыми рыданіями.

„Много дѣлалъ я вздору въ мою жизнь, подумалъ я, попробую разокъ не выйдетъ ли чего-нибудь дѣльнаго?“ Но разсуждать съ ней долго было невозможно, не обративъ вниманія хозяйки. Мнѣ пришла счастливая мысль.

— Не хочешь ли съ нами прокатиться на каякъ? спросилъ я ее тихо.

— О, возьми, возьми меня! Я давно не дышала свѣжимъ воздухомъ! почти вскрикнула она, схвативъ меня за руку.

Мы вышли въ залу.

— Кудрявцевъ, сказалъ я, мигнувъ ему значительно, — возьмемъ эту дѣвушку прокатиться съ собой!

И обернувшись къ хозяйкѣ, я сказалъ что мы беремъ дѣвушку кататься: та вздумала было воспротивиться, но дѣло скоро уладилось благодаря нѣсколькимъ золотымъ и подошедшему казачьему разъѣзду.

Мы со Стефаной, такъ звали Гречанку, были уже на улицѣ; Кудрявцевъ, давъ два франка казакамъ, догналъ насъ и мы быстро дошли до каяка.

Вѣтеръ тянулъ отъ берега и усилился, волны также увеличались, парусъ льшно надулся и каякъ повесся стрѣлой въ открытое море, слегка покачиваясь какъ люлька. Стефана помѣстилась на кормѣ, облокотившись на бортъ лодки, я сталъ у мачты, Кудрявцевъ сидѣлъ около меня на лавочкѣ.

Мы молча любовались на Гречанку.

Полная луна прямо была ей въ лицо своимъ мягкимъ золотистымъ свѣтомъ, ярко освѣщая всю граціозную фигуру дѣвушки и рассылаясь тысячами искръ по вышивкамъ ея, казавшагося фантастическимъ, вуаля. Мы поравнялись съ Калликратомъ. Медленно откинула дѣвушка вуаль и провела рукой по волосамъ: уложенныя вокругъ головы роскошныя

косы разсыпались золотистымъ каскадомъ по ея груди и плечамъ; она приподнялась на локтѣ, и звучный, нѣжный, печальный нагѣвъ во всю ширь молодого голоса понесся надъ волнами. Не забуду никогда я этой прогулки! Чудный, синий куполъ неба, усыпанный мириадами звѣздъ; парусъ арко осеребренный луной и выдававшійся впередъ какъ грудь гигантскаго лебеда; легкая, убаюкивающая качка катка, и это незнакомое, но чарующее пѣніе, сквозь звуки котораго порой прорывалось журчаніе водной струи за кормой быстро несущагося судельшкіа, и наконецъ эта вздымающаяся причудаивыми буграми и свѣтящаяся безчисленными блестящими инфузоріями безконечная поверхность моря,—все это неизъяснимо мягко и отрадно охватывало нервы какимъ-то, въ полномъ смыслѣ, неземнымъ ощущеніемъ. Я забылъ все на свѣтѣ—и Гречанку, и Кудрявцева, и море, и катку, и такъ сказать утонулъ въ какомъ-то блаженномъ оцѣленіи.

Пѣніе оборвалось. Кудрявцевъ стоялъ подлѣ меня держась рукой за мачту.

Тутъ только я замѣтилъ что огни Каликрата едва видѣлись за прелестною головкой, взглядъ которой былъ восторженно устремленъ въ непредѣльную синеву.

Я приказалъ повернуть къ Каликрату.

Молча доѣхали мы до пристани, изрѣдка лишь перекидывался съ Кудрявцевымъ своими мыслями.

Черезъ часъ мы причаливали къ пристани. Балконъ рестораника былъ ярко освѣщенъ; въ толгѣ публики я замѣтилъ бѣлый нагрудникъ съ краснымъ крестомъ, замѣченный мною въ городкѣ еще днемъ: на немъ-то я и построилъ свой планъ. Пароходы шныряли мимо каждый день, и добрая сестра милосердіа, бывшая здѣсь съ какимъ-то летучимъ лазаретомъ, съ большою готовностью изъявила согласіе на нашу просьбу помѣстить бѣдную дѣвушку завтра утромъ на пароходъ и отправить ее въ Самовики. Мы крайне сожалѣли что у насъ мало было денегъ и мы могли вручить ей на билетъ и посылку хотя платка какого-нибудь для дѣвушки всего четыре полуимперіала.

Барабаны ударили подъемъ въ четыре часа утра, а въ пять мы уже покинули Каликрата и шли по шоссе, дѣлящемуся по самому берегу въ сорока шагахъ отъ воды. Отдаленный свистокъ заставилъ меня обернуться: въ полуверстѣ отъ берега обгонялъ насъ пароходъ; французскій флагъ развѣивался на мачтѣ.

Добрый путь, милая дѣвушка! Будь счастлива!

Къ полудню 13 сентября, мы вступили въ маленькое мѣстечко Эливатось, и пройдя его, стали лагеремъ на полянѣ за какими-то, кажется кирпичными заводами. Къ намъ присоединилась и артиллерія, расположившись между полками.

Эливатось довольно чистенькое мѣстечко на Мраморномъ Морѣ, сплошь заселенное Греками. Мы обошли его въ какіе-нибудь полчаса времени, выкупились на пристани и отобѣдали въ свосномъ ресторанчикѣ, гдѣ между прочимъ намъ подали превосходную разварную кефаль, большую рыбу, цѣлтомъ мяса и вкусною наломивающую дососину и семгу: это одна изъ лучшихъ мѣстныхъ рыбъ. Послѣ обѣда мы съ Черкасовымъ и Явшевскимъ пошли за городъ пройтись по морскому берегу и неожиданно наткнулись на пивоваренный заводъ; хозяинъ Нѣмецъ любезно зазвалъ насъ къ себѣ и угостилъ кофе и превосходнымъ коньякомъ.

Вернувшись къ вечеру въ Эливатось, мы нашли все население на улицахъ и площади съ озабоченными лицами и о чемъ-то разсуждающимъ; дѣти также группировались на перекресткахъ; дѣвочки изрѣдка хватали за руки проходящихъ офицеровъ и, цѣлуя ихъ, бормотали: „добри калтанъ!“ и еще что-то уже по-гречески. Когда всѣ собрались къ вечерней зарѣ въ лагерь, уже ходилъ смутный слухъ о какихъ-то безобразіяхъ Турокъ въ оставленныхъ нами мѣстностяхъ около Св. Георгія.

Мы съ Кудрявцевымъ пораньше загляли слать какъ вдругъ были атакованы сотнями какихъ-то черныхъ кузвечиковъ, которые впрочемъ вреда намъ не дѣлали; послѣ тщетныхъ попытокъ изгнать ихъ изъ палатки мы оставили ихъ наконецъ въ покоѣ прыгать по нашимъ одѣяламъ.

Въ пять часовъ утра, 14 сентября, барабаны подняли насъ; я вышелъ изъ палатки поторопить Макара съ разогрѣвавшимся на таганѣ чайникомъ и окинулъ взглядомъ кутерьму свивавшагося лагеря. Вскорѣ полки начали строиться; артиллерія уже вышла впередъ по направленію къ Силиври. Со стороны мѣстечка показались духовенство и чуть не поголовно всѣ жители Эливатоса. Послѣ молебствія, толпы жителей преградили путь полкамъ; женщины и дѣти, ладая къ ногамъ солдатъ, обнимая и орошая горячими слезами залыленные салогі солдатскіе, ползли за ними на колѣнахъ, умолая не покидать ихъ въ жертву звѣрству Турокъ. Выразить

наши ощущенія и словъ не найдетса! И жалость къ несчастнымъ, и сознаніе безсилія исполнить ихъ просьбы терзали сердце; что-то удушливое, горькое сжимало горло; что-то мрачное, холодное вдругъ разлилось надъ полками. И не только солдаты и офицеры смотрѣли угрюмѣе прежняго, но и самъ Скобелевъ, умѣвшій въ самыхъ критическихъ моментахъ подъ Плевной одушевить и развеселить солдата, и тотъ можетъ-быть въ первый разъ въ жизни не могъ совладать съ собой и не былъ въ силахъ, да конечно находилъ и неумѣстнымъ насиловать душевную муку своего солдата; онъ сознавалъ что шутка тутъ не поможетъ, а принесетъ вредъ. Онъ не былъ никогда безсердечнымъ, и еще менѣе могъ желать показаться такимъ въ глазахъ солдата. Невыносимо было для его сердца такое расположеніе духа его избранныхъ полковъ; невыносима еще болѣе была невозможность измѣнить его къ лучшему. Помогла Скобелеву совершенно случайно русская женщина, миловидная блондинка, сулруга батарейнаго командира В.

До сихъ поръ я живо вспоминаю этотъ день, первый съ начала отступленія когда лица офицеровъ и солдатъ обоихъ полковъ, я думаю что почти всѣ безъ исключенія, освѣтились улыбкой, просвѣтѣли. Точно переломъ случился какой съ этою массой загорѣлыхъ хмурыхъ воиновъ. Разкажу по порядку.

Въ семь часовъ утра полки вышли наконецъ отъ Эливатоса, провожаемые раздиравшими душу мольбами рыдавшихъ женщинъ, хватавшихся за стремяна, за рубашки, ружья и ноги. Шоссе прямою лентой пролегало почти у самой воды; солнце жарило сильно, но довольно свѣжій вѣтеръ съ моря нѣсколько умѣрялъ утренній зной; волны блестящими голубыми грядками набѣгали до самаго шоссе по усыпанному раковинами песчаному берегу, разбиваясь шумною бѣлою пѣной о горячіе камни шоссеинаго вала. Офицеры вѣзжали по груди лошади въ воду, и благородныя животныя радостно подставляли свои груди подъ прибой набѣгавшей волны.

Вотъ залестрѣли впереди дома, стѣны и башни города Силври; крѣпость, должно-быть очень древняя, стоитъ въ полуразвалинахъ и очень напоминаетъ такія же укрѣпленія разбросанныя по южному берегу Крыма.

Одна изъ каруцъ Боруха, свалившаяся съ косогора кубаремъ, развлекала немного однообразіе нашего шествія, и

нѣскольکو солдатъ бросились на помощь волившему Жаду. Вдругъ пронеслось по рядамъ что Скобелевъ выѣхалъ изъ Силаври и пропуститъ лошаки на походѣ мимо себя. И дѣйствительно, мы увидали версты за полторы впереди группу всадниковъ и Скобелевскій значекъ развѣваемый вѣтромъ; походныя колонны стали смыкаться тѣснѣе, вступивъ на узкую гать съ четырьмя мостиками, продолженную черезъ толкую ложбину какой-то рѣчки. Мы въ это время проходили параллель послѣднихъ домовъ города, оставшагося въ сторонѣ. Слѣва отъ насъ послышался на дорогѣ изъ города рѣзвый толотъ нѣсколькихъ паръ колытъ. „Главнко, братцы! что это?“ заговорили за мною удивленные голоса солдатиковъ.

Я обернулся и съ изумленіемъ увидалъ несущуюся прямо на насъ полною рысью амазонку въ сопровожденіи двухъ артиллерійскихъ офицеровъ и вѣстоваго; шлейфъ ея платья и локонны русыхъ волосъ развѣвались вѣтромъ, и румянецъ игралъ на щекахъ отъ быстрой ѣзды. Подѣхавъ къ шоссеиной канавкѣ, она вытянула лошадь хлыстомъ, смѣло перепрыгнула канаву и взобралась по тропинкѣ на шоссе; но тутъ ей пришлось попридержатъ коня чтобы не наткнуться на штыки столпившихся солдатъ. Офицеры очистили ей мѣсто между взводами, и она, то ровняясь съ солдатами, то обгоняя ихъ гдѣ позволяло мѣсто и перекидываясь со многими привѣтливимъ словомъ, догнала наконецъ голову колонны, и перепрыгнувъ снова канаву, круивою рысью въѣхала на курганъ влѣво отъ дороги. Нѣскольکو минутъ только пробыла она между колоннъ и рядовъ солдатскихъ, но сама, того не подозревая, освѣтила точно солнышкомъ угрюмыя лица солдатъ, и больше чѣмъ рублемъ подарила ихъ своимъ ласковымъ, безмятежно привѣтливымъ взглядомъ.

„Это командирша батарейная!... молодецъ барыня!... вотъ... всѣ переходы на конѣ ломаетъ!..“ слышались возгласы въ толлѣ. Я невольно сталъ наблюдать солдатъ, и дѣйствительно, они просвѣтабли; барыня видимо возбудила въ нихъ сочувствіе, а разъ въ русскомъ солдатѣ оно возбуждено, то и до улыбки ему недалеко. Орлиный взглядъ Скобелева за сотни шаговъ умѣлъ подмѣчать выраженіе солдатскихъ физиономій: улыбки переднихъ рядовъ колонны при послѣднемъ скачкѣ амазонки черезъ канаву не ускользнули отъ этого взгляда, и Скобелевъ воспользовался минутой чтобы развить хорошее

влечатѣльнѣе; его адъютантъ уже мчался къ смѣлой и граціозной амазонкѣ съ приглашеніемъ пожаловать къ генералу. Въ карьерѣ подскакала она къ нему, отсалютовавъ хлыстикомъ. Съ веселыми лицами проходило войско мимо обоихъ: „И по-ди жь ты, вѣдь и командиршу подцѣпилъ какую!“ начинали уже острить солдатики.

Послѣ вечерней зари, на бивуакѣ у султанскаго чифтлика, въ этотъ вечеръ первый разъ раздалась солдатская пѣсня послѣ снятія Чанарханскаго лагеря.

Въ этотъ же вечеръ мы съ Черкасовымъ послѣдній разъ выкупились въ Мраморномъ Морѣ. Отъ Сидиври дорога раздѣлялась: одна шла берегомъ моря на городъ Родосто, куда былъ отдѣленъ одинъ баталіонъ Владимірскаго полка; другая поворачивала немного вправо на городъ Чорлу, по которой слѣдовали мы, такъ что отъ нашего бивуака до моря было версты три. Когда мы шли къ морю, было еще совершенно свѣтло; по полевой дорожкѣ намъ перерѣзала луть громад-ная ларовая молотилка: тамъ молотятъ хлѣбъ прямо въ полѣ. Не вдалекѣ отъ моря мы наткнулись на лосудинокъ: большая черная сороконожка билась не на животь, а на смерть съ маленькою, четверти въ полторы, змѣйкой. Сороконожка вмѣстѣ съ екорпіономъ составляютъ самыхъ ядовитыхъ та-мошнихъ насѣкомыхъ; кольчатое черносѣрое тѣльце ея, дли-ной вершка въ два и толщиной въ палець, усажено по спай-камъ колець множествомъ паръ оранжевыхъ ногъ; двѣ крѣп-кія клещеобразныя челюсти составляютъ ея страшное оружіе, вливающееся даже въ дерево. Змѣйка, несмотря на всю свою ловкость, сласовала; кончилось тѣмъ что она сочла нужнымъ обратиться въ бѣгство, но это оказалось уже невозможнымъ: сороконожка вцѣпилась ей въ загривокъ своими клещами и такъ облала все ея тѣло своими двадцатью парами ногъ что змѣйка лишилась способности согнуть переднюю поло-вину своего тѣла, и только острый хвостъ дѣлалъ слабыя по-пытки подвигать свою владѣтельница по направленію бывшей недалеко лужи, которая одна теперь представляла убѣжище, ибо сороконожки недолголюбиваютъ воды. Мы наконецъ сжал-лись надъ изнемогавшею змѣйкой и избавили ее отъ крово-жаднаго врага.

15 сентября мы выступили утромъ по направленію къ городу Чорлу. Приваль былъ на подорогѣ, около водяной мельницы, къ крайнему моему удивленію устроенной на полугорѣ. Конечно

я не преминулъ отправиться осмотрѣть эту несообразность, и что же оказалось: не вдалекѣ отъ вершины пологого холма выбивался довольно сильный ключъ, истокъ былъ тщательно расчищенъ, и ключу дано искусственное русло, огибающее холмъ, а къ сторонѣ ската огражденное валикомъ; саженьхъ въ десяти отъ небольшого обрыва, на которомъ дѣлилась мельница, быстро несущаяся вода вступала въ трубу, поставленную наклонно и суживавшуюся къ концу до трехъ вершковъ въ диаметрѣ; изъ этого отверстія вода съ огромною силой била въ лопатки наливнаго колеса, устроенныя на манеръ черпаковъ или ковшей, такъ что ни одна струйка воды не пропадала даромъ и легко приводила въ движеніе два мельничные постава, въ три четверти аршина въ диаметрѣ; привѣшенныя деревянныя полоски надъ зарубками у оси камней весело трещали, прыгая по зубцамъ. И дешево и сердито. Въ послѣдствіи я много встрѣчалъ такихъ мельницъ всюду за Балканами.

Мы подступили къ городу Чорлу уже подъ вечеръ, часа въ четыре, и стали лагеремъ по скату плоской возвышенности, олукавшейся къ долинѣ какой-то рѣчки, къ которой сбѣгало шоссе. Самый городъ скрывался отъ нашихъ глазъ холмомъ, за которымъ онъ лежалъ. Влѣво видѣлась въ долуверствѣ желѣзнодорожный мостъ и немного правѣе его зданіе станции: тутъ шоссе пересѣкало желѣзную дорогу, которая, кстати сказать, идетъ очень извилисто по всему своему протяженію и дѣлаетъ цѣлой разъ, въ особенности около Чатаджи, такіе крутые загибы что въ поѣздѣ въ двадцать вагоновъ изъ перваго вагона почти en face видишь задній вагонъ. За лагеремъ отъ долины вился излучинами оврагъ.

Утомленные сравнительно долгимъ переходомъ (около 22 версты), мы съ Кудравцевымъ растаянулись на тюфякахъ положенныхъ на природный полъ палатки нашей въ ожиданіи обѣда. Старые эливатосскіе знакомцы-кузнечики не преминули и тутъ сдѣлать намъ своей назойливый визитъ, но мы ихъ встрѣтили почти дружелюбно и стали забавляться заставляя ихъ прикосновеніемъ пальца прыгать съ одного тюфяка на другой.

На другой день утромъ, выйдя изъ палатки умыться, я обратилъ вниманіе на бѣлый налетъ покрывавшій отлогости излучистаго овражка за лагеремъ, и такъ какъ въ Чорлу была назначена трехдневная стоянка и время было свободное, то

напившись чаю я и вздумалъ удовлетворить свое любопытство. Каково же было мое удивленіе и вмѣстѣ радость когда я увидалъ массу превосходныхъ шампиніоновъ различной величины, отъ тарелки до самаго маленькаго наперстка. Набравъ полный платокъ и фуражку, я съ торжествомъ вернулся къ нашей палаткѣ. Кудрявцева не было, и я рѣшилъ приготовить ему къ обѣду сюрпризъ. Немедленно вѣстовой Іосифъ, взятый на время похода въ помощь Макару, былъ командированъ въ городъ для покупки масла и сметаны; мы же съ Макаромъ, наглухо закрывъ палатку и забравъ съ собою нѣсколько кульковъ и мѣшковъ, нашедшихся подъ рукой, помчалась къ шампиніонамъ. Менѣе чѣмъ чрезъ полтора часа мы возвратились еле волоча нашу добычу. Припрятавъ все подъ тѣнь, мы занялись обмывкой и очисткой грибовъ, и затѣмъ Макаръ принялся жарить ихъ на таганѣ. Нажарилъ намъ такую сковороду что при всей нашей любви къ шампиніонамъ уничтожить ее вдвоемъ видимо не было ни малѣйшей возможности, а потому мы и командировали Кудрявцевскаго дельщика за Черкасовымъ и Яншевскимъ съ приглашеніемъ на „шампиніоны“. Импровизованный обѣдъ вышелъ на славу.

Вечерній приказъ сообщилъ намъ что завтра въ 12 часовъ прибудетъ по желѣзной дорогѣ Скобелевъ и полки съ артиллеріей безъ оружія должны быть выстроены къ этому времени вдоль шоссе отъ станціи до лагеря. Неугомонный генералъ, оказалось, услѣвалъ уже послѣ сидиврійскаго смотра смахать въ Чатаалджу, высоты коей представляли грозныя позиціи, послѣднія къ Цареграду; осматрѣвалъ, изучилъ и сваялъ ихъ на случай новаго наступленія на столицу Турціи и догонялъ насъ уже по чугункѣ.

17го съ утра вся поляна представляла видъ зеленаго ковра усыпаннаго бѣлыми дивіями и точками; за нашимъ полкомъ выстроились лазаретные и обозные фургоны и десятка два верблюдовъ съ патронными ящиками на горбахъ; эти верблюды были отбиты отъ арміи принца Гассана Египетскаго 16ю дивизіей, подарены Скобелевымъ ея полкамъ и такимъ образомъ вошли въ составъ полковыхъ обозовъ, перемѣнивъ только своихъ фесочныхъ жожаковъ на нашихъ солдатъ. И удивительныя, право, существа эти русскіе солдаты! Способности ко всему изумительныя: кажется, посади ихъ на шею хоть слону, любого корнака за поясъ

заткнуть! Съ верблюдами они распорядились не хуже Египтянъ; ну да и животныя эти тоже должно-быть препонятливыя: живо выучились излюбленнымъ русскимъ выраженіямъ.

Ровно въ 12 часовъ раздался свистокъ локомотива, и поездъ плавно подкатилъ къ станціи, у которой Скобелевъ былъ встрѣченъ дюжиной разныхъ начальствующихъ и штабныхъ лицъ, а затѣмъ духовенствомъ города и его властями съ хлѣбомъ и солью. Обмѣнявшись любезностями, Скобелевъ сѣлъ въ коляску и рысью поѣхалъ по шоссе въ городъ мимо выстроившихся солдатъ, весело здороваясь съ ними; по мѣрѣ его проѣзда, солдаты бѣгомъ кидались за коляской, и она доѣхала до города провожаемая этою несущоюся въ разбродъ толпой, подымавшею цѣлыя облака пыли, изъ которой вылеталъ неудержимый, восторженный привѣтъ своему отцу-любимцу.

Что, думалось мнѣ, это значить? Скобелевъ точно чѣмъ-то доволенъ: въ улыбкѣ его лица, въ ясности и ласковости взгляда ни тѣни какой-либо натяжки... Просто задача! Навѣрно это что-нибудь не даромъ! Задача разрѣшилась уже въ послѣдствіи въ городѣ Баба-Эски, а пока можно было смутно догадываться. Къ вечеру довольно длинный обозъ показался на недалекомъ горизонтѣ сосѣдняго холма, по которому сбѣгало шоссе. Мы съ недоумѣніемъ вглядывались въ него; вскорѣ онъ взявъ правѣ лагеря, спустился въ долину и остановился таборомъ. Конечно многіе пошла туда. Оказалось что то было христіанское населеніе окрестностей Санъ-Стефано и Св. Георгія, бѣжавшее за нами отъ дѣйствительно начатыхъ Турками безобразій; по заявленію бѣжавшихъ, уже нѣсколько десятковъ семей было перерѣзано, могилы Русскихъ разметывались и т. л. Такъ-называемые „благомыслящіе“, отъ которыхъ къ несчастью не была свободна даже и наша, „Скобелевская“, дивизія, кланнокровно ложили плечами, приводя въ примѣръ пословицу что „у страха глаза велики“.

Утромъ въ 6 часовъ 20 сентября мы выступили по направленію городка Люле-Бургаса. Дорога шла среди необозримыхъ виноградниковъ; хотя запрещено было ихъ трогать, но потомъ сообразили что все равно винограду придется сгнить даромъ, а потому и разрѣшили имъ заняться; и не только люди, но лошади, верблюды, ослы и даже собаки ѣли его до отвала, солдаты даже соку нажали въ свои манерки вмѣсто квасу.

III.

Люле-Бургасъ.—Елена бургасская.—Русскія могилы 29 года.—Баба Эски.—Обратный походъ къ Люле-Бургасу.—Железно-дорожная станція.—Возвращеніе въ Баба-Эски.—Хафса.—Вступленіе въ Адрианополь.

Около трехъ часовъ дня изъ-за вершины холма, по которому пролегало шоссе, блеснули золоченые полумѣсяцы и стали выростать минареты, а затѣмъ весь городъ Люле-Бургасъ раскинулся предъ нами въ зеленѣющей долинѣ. Въ полѣ, недалеко отъ околицы, ожидало насъ духовенство съ хоругвями и иконами и масса народу. Мы расположились въ городѣ. Командиръ 1й стрѣлковой роты, капитанъ Ф. былъ именинникъ и потому пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ офицеровъ на пирושку вечеромъ.

Мнѣ квартира была отведена довольно сносная, со всѣми удобствами, такъ что не пришлось разбирать вещей. Мамкаръ мой живо смахалъ на раскинувшіяся у рѣчки кухни и вскорѣ вернулся съ обѣдомъ.

Въ шесть часовъ вечера за мной зашелъ подполковникъ Черкасовъ, и мы отправились къ имениннику. Его квартира была отведена въ прекрасномъ и богатомъ домѣ, на углу главной улицы и какого-то переулка; десятка два *булокъ* и *мамичекъ* (молодухъ и дѣвушекъ) группировались въ цвѣтникѣ двора, разумѣется съ цѣлью поглядѣть на русскихъ капитановъ, и безспорно царицей по красотѣ изъ нихъ была дочь хозяйская, мамичка Елена, высокая, стройная, съ большими жгучими черными глазами, Гречанка, съ длиннѣйшею цвѣта вороноваго крыла косой и яркимъ румянцемъ на щекахъ. Она могла бы дѣйствительно назваться красавицей еслибы не излишняя, по моему, полнота и брови густа насурмячєныя и соединенныя надъ переносицей черною краскою; такова мода у тамошнихъ красавицъ, равно какъ и обычай красить ногти на рукахъ какою-то красною охрой. Мнѣ таки удалось заставить дѣвушку смыть эту соединительную полосу.

Поздно закончилась наша пирושка, разнообразившаяся пѣніемъ, которымъ угостили насъ мамички.

Такъ какъ на слѣдующій день была днѣвка, слѣдовательно можно было повѣжиться немножко, я всталъ въ восемь часовъ и рѣшилъ осмотрѣть городъ. Прежде всего я отправился къ Греческому соборному храму. Церковь, какъ и всѣ

православныя церкви въ Турціи, представляла форму четырехугольнаго каменнаго амбара; ни малѣйшаго намека на главы: одинъ тольکو потускнѣвый небольшой крестикъ видѣется надъ конькомъ крыши, означая мѣсто алтара; колоколни и колоколовъ нѣтъ, а просто перекладина на двухъ столбахъ съ привѣшеннымъ на веревкѣ желѣзнымъ биломъ для призыва христіанъ къ молитвѣ: колокола были абсолютно запрещены въ Турціи. Такъ какъ храмъ былъ залетѣтъ, то я и вздумалъ обойти его кругомъ чтобъ осмотрѣть нѣсколько памятниковъ видѣвшихся въ зелени окружавшаго церковъ сада. Одинъ памятникъ слѣва отъ церкви привлекъ мое вниманіе своею формой, подходящей къ чему-то знакомому, отличающемуся отъ стила мѣстныхъ памятниковъ. Я подошелъ и съ какимъ-то положительно необъяснимымъ чувствомъ, въ которомъ была смѣсь и удивленія, и радости, и печали, и какъ будто ощущенія при встрѣчѣ давно невиданнаго друга, прочелъ на правой сторонѣ высѣченнаго изъ цѣльнаго камня подобія гроба: „генераль-майоръ Будбергъ, скончался 1829 года“. Я невольно снялъ фуражку и освѣтилъ себя крестнымъ знаменіемъ. Оглянувшись кругомъ: на пяти или шести плитахъ, увѣчаныхъ маленькими каменными въ поларшина крестами, видѣлись потемнѣвшія отъ времени русскія буквы. Да, это была маленькая колонія Русскихъ, покоившихся мирнымъ сномъ уже пятьдесятъ лѣтъ на этомъ скромномъ кладбищѣ Люде-Бургасской церкви. Я присѣлъ на выступъ средней плиты, и невольно мысль, промчавшись по настоящему и недавнему прошлому, перескочила за подвѣска назадъ. „Герои, думалось мнѣ, пионеры великой идеи! И вы когда-то толтали эту землю, по которой толчемся мы теперь, и въ васъ бушевало вѣрно то же бурное, желчное чувство неудовлетворенныхъ стремленій, тучей насѣвшее на вашихъ правнуковъ, пришедшихъ сюда по вашимъ же стопамъ!“ И тотчасъ мысль прихватила сюда и Пушкина:

Настали дни вражды кровавой,
 Твой путь мы снова обрѣли.
 Но днесь, когда мы вновь со славою
 Къ Стамбулу грозно притекали,
 Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
 Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
 И нашу рать передъ Стамбуломъ
 Твой старый щитъ остановилъ!

Хотя слабое утѣшеніе, не все же утѣшеніе, или по крайней мѣрѣ капля цѣлительнаго бальзама, что остановило-то вашу рать не что иное какъ рускій же щитъ, ревность духа русскаго же князя-витязя,—а насъ, а нашу рать?

Я послѣдно всталъ: горько стало и за нихъ, и за себя. Бросилъ я послѣдній взглядъ на эти древнія могилы, и представилось мнѣ какъ эти храбрецы, сверкая иглами своихъ штыковъ и бросая по сторонамъ дороги широкую тѣнь своими рядами, такъ же грустно и мрачно шли въ обратный путь, даже и не издавъ цѣли. Отдаленные звуки музыки съ перебивающими ее рѣзко турецкимъ барабаномъ заставили меня вздрогнуть. Я быстро вышелъ за ограду; нѣсколько жителей бѣжали къ околицѣ города... Недалеко, вправо, была мечеть съ высокимъ минаретомъ; я направился къ ней и взомель на кружевной балкончикъ ея минарета, откуда открывался на городъ и окрестности великолѣпный видъ.

Въ городъ вступали лодки Углицкій и Казанскій нашей же дивизіи, встрѣчаемые духовенствомъ и жителями; подъ музыку въ перемежку съ лѣснями, подвигались запыленные лодки бѣлыми нитями отдѣленій по узкимъ улицамъ города и разбивали лагерь на одной изъ окружающихъ его высотъ. Видъ съ минарета на эти бѣлыя нити, на толпу ихъ провожавшую, былъ очень своеобразенъ.

Вечеромъ у Ф—ова олять гремѣлъ хоръ лѣсенниковъ, но мнѣ хотѣлось отдохнуть предъ завтрашнимъ довольно порядочнымъ переходомъ и я пораньше отправился на боковую.

22го утромъ мы выступили къ Баба-Эски, небольшому городку, и остановились на возвышенности предъ нимъ; дорога шла олять большею частью виноградниками.

Едва стали разбивать лалатки какъ вдругъ весь лагерь пришелъ въ движеніе и поднялся страшный гамъ: оказалось что солдаты слугнули зайца. Куда дѣвалась и усталость! Солдаты обоихъ полковъ побросали все и какъ малые ребята кинулись въ разсыпную ловить его; въ первомъ баталіонѣ нашемъ поймали-таки запыхавшагося зайца и съ торжествомъ потащили его въ даръ своему баталіонному командиру.

Городокъ Баба-Эски расположенъ по холму, за рѣчкой, въ полуверствѣ отъ лагеря. Черезъ мокрый доль пролегалла каменная гать и видѣлася довольно фундаментальный мостъ. Послѣ обѣда я было и пошелъ въ городъ, но дойдя до моста

полѣнился, и поглядѣвъ съ высоты средней арки на леструю группу кулавшихся солдатъ, да штукъ на двадцать черныхъ буйволовъ, забравшихся въ воду по самыя уши, я тихонько вернулся въ лагерь.

Назначенное на утро отступленіе вдругъ отмѣнили; громадные обозы бѣжавшихъ изъ-подъ Эливатоса, Силври и другихъ оставленныхъ нами мѣстностей еще съ утра танулись мимо лагера по направленію къ городу; слухи о новой рѣзнь, конечно преувеличенные, взводновили весь лагерь: сообщали что уже болѣе трехсотъ семействъ христіанскихъ перерѣзано и что Турки слѣшно нагоняютъ наши отступающія войска; къ обѣду получемъ былъ приказъ выѣхать батареѣ на позицію, на вершину холма, по внутреннему скату коего расположился лагерь. Въ то время какъ батарея занимала назначенное ей мѣсто вправо и влѣво отъ шоссе, противъ интервала между полками, изъ города показалась кавалькада и большимъ галоломъ приближалась къ лагерю; во главѣ ея развѣвалась уже знакомый намъ червыи шлейфъ граціозной амазонки; многіе бросились къ дорогѣ. Лицо наѣздницы было оживлено до крайности: волосы рѣзвились въ воздухѣ словно фантастическія змѣйки; щеки пылали яркимъ румянцемъ, глаза такъ и свѣтились; весело отвѣчала она на наши поклоны: „Кажется, опять въ бой!“ звенѣлъ ея взволнованный голосокъ. Выѣхавъ на ровную дорогу, она пустила лошадь въ карьеръ и чрезъ минуту скрылась со своими всадниками въ пыльномъ облачкѣ.

Едва успѣли мы пообѣдать, радостная вѣсть пронеслась по лагерю. Первому баталіону Суздальскаго полка приказано перейти въ наступленіе и немедленно двинуться обратно для занятія только-что оставленнаго нами Люле-Бургаса и его желѣзнодорожной станціи, отстоящей отъ города верстахъ въ семи. Въ приготовленіяхъ къ выступленію, снятіи палатокъ и укладкѣ ротныхъ кухонь, время затянулось до поздняго вечера; наконецъ баталіонъ, въ колоннѣ по отдѣленіямъ, выступилъ изъ лагера въ 10¹/₂ часовъ вечера, провожаемый хотя сильно завидовавшими, но все же радовавшимися товарищами: вѣдь не сладить же одному баталіону, даже и Скобелевскому, съ цѣлою турецкою арміей; значить не сегодня-завтра они пойдутъ на выручку!

Такіе переходы какой сдѣлали мы въ эту ночь не забываются. Глубокое, усыпанное яркими звѣздами и освѣщенное

мягкимъ, золотистымъ свѣтомъ мѣсяца небо; фантастическія тѣни извилинь, овраговъ и обрывовъ, изгибавшихся по сторонамъ шоссе; чудный, теплый и вмѣстѣ прохладный воздухъ южной ночи, и звонко раскатами раздававшееся веселое солдатское лѣніе, очаровывали душу, придавали какую-то особую легкость тѣлу. Довольно сказать что переходъ, который мы вчера тащились цѣлыхъ девять часовъ, былъ пройденъ теперь почти въ 3¼ часа; при этомъ ни одного долгаго привала и ни одного отсталого. И откуда же было взяться отсталымъ когда, дай только волю, весь баталіонъ бѣгомъ бы сдѣлалъ этотъ переходъ.

Командиръ баталіона, майоръ Горжинскій, наканунѣ захворалъ и начальство принялъ подполковникъ Черкасовъ. Славное прошлое давно уже пріобрѣло ему симпатію новыхъ товарищей, а умѣнье его обращаться съ солдатами обезпечивало ему любовь и уваженіе послѣднихъ; очень уже не молодой, подполковникъ бросилъ лошадь и шелъ со всѣми лѣшкомъ, безпрестанно переходя отъ одного ротнаго хора къ другому, и когда доходилъ до 5й стрѣлковой роты, баталіону давалось нѣсколько минутъ передышки, пока Черкасовъ возвращался опять къ головѣ колонны. Словомъ, это былъ не переходъ, а самая веселая прогулка, самая оживленная *partie de plaisir*, какая врядъ ли когда удастся въ мирное время.

Не успѣли мы такъ-сказать оглядѣться какъ уже вдали стало выступать темное, длинное пятно; черезъ десять минутъ Люле-Бургасъ обрисовался въ свѣтлой, прозрачной мглѣ ночнаго воздуха, ярко слышавая свѣтлыми, золотистыми искрами лунныхъ лучей на полумѣсяцахъ своихъ минаретовъ. Черкасовъ поскакалъ въ городъ, и черезъ полчаса квартирьеры уже разводили солдатъ по домамъ разбуженнаго экспромптомъ города. Фидилловъ, конечно, помѣстился на своей прежней квартирѣ. Но первой ротѣ, къ которой и я имѣлъ честь принадлежать, назначено было занять станцію. Мы въ свою очередь позавидовали счастливымъ, которые сію минуту ристанутся на постеляхъ, но мысль что намъ выпалъ жребій занять самый серьезный пунктъ сразу прогнала зависть, и мы, послѣ получасоваго отдыха, послѣшно двинулись вправо и черезъ часъ съ небольшимъ разбили наши лапчатки почти у самыхъ рельсовъ желѣзной дороги, вѣвво отъ зданія станціи. Вправо видѣлись также

палатки: то была рота желѣзнодорожнаго баталіона. Насъ было четверо офицеровъ: командиръ роты капитанъ Воясарскій, я, поручикъ Семеновскій и прапорщикъ Кутневичъ. Не знаю какъ они провели эту первую ночь, но я забрался на станцію; въ залѣ для пассажировъ горѣла тускло керосиновая лампа. При моемъ входѣ, на одной изъ скамей окружавшихъ стѣны что-то зашевелилось; затѣмъ поднялась голова и сонный голосъ промывчалъ: „Здравствуйте!“ Я отвѣтилъ на привѣтъ, подошелъ сперва къ лампѣ чтобы прибавить огня, а затѣмъ уже направился къ проснувшемуся и отрекомендовался ему:—„Поручикъ Т—овъ“, отвѣтилъ онъ, приподымаясь на доктѣ:—„я командую желѣзнодорожною ротой; а вы какъ сюда попали?“ прибавилъ онъ. Я пояснилъ мотивы нашего появленія; онъ вытаращилъ глаза:—„Подnote, возразилъ онъ,—это почти вздоръ! Правда, башки-бузуки, надѣясь на англійскіе мониторы, начали говорить, шалить, но ихъ и обуздавъ Фуадъ-паша тотчасъ же; а это все преувеличили бѣглецы. А вотъ чтò главное: вы прямо съ похода, а у меня есть русская водка, сардинки, котлеты, правда холодныя, и превосходное красное вино, такъ вотъ этимъ мы и займемся на сонъ грядущій.“

Уничтоживъ двѣ котлетки и заливъ ихъ двумя стаканами дѣйствительно очень хорошаго мѣстнаго вина, въ перемежку съ разказами и болтовней моего неожиданнаго собесѣдника, я съ удивленіемъ замѣтилъ что въ совершенно просвѣтлѣвшей залѣ на одной изъ стѣвъ распространился красноватый отблѣсокъ.

— Смотрите, батенька, вѣдь солнце ужъ скоро встанетъ. Спасибо за угощенье, а я хоть немножко, да вздремну, воскликнулъ я, поднимаясь съ трехногой табуретки, подпертой полѣномъ.

— Ну и прекрасно! Спокойнаго сна! а я на охоту отправлюсь.

— Да вы развѣ охотникъ?

— Пошаливаю! отвѣчалъ онъ;—вотъ видите, какая у меня батарея! Указавъ онъ на уголъ, гдѣ рядомъ съ Генри-Мартини и магазинкой, красовались двѣ дуэтоволки.—А вы любите это развлеченіе? Да? Такъ берите же любую дуэтоволку и пойдемъ вмѣстѣ, подзадоривалъ онъ меня.

Я дѣйствительно любилъ охоту, и во дни молодости предавался ей со страстью. Секунду я боролся самъ съ собою

поглядывая то на уголь съ ружьями, то на постель приготовленную мнѣ моимъ Макаромъ на другой лавкѣ и аппетитно махившую меня своею подушкой. Но утомленіе, подбавленное виномъ, заставило меня отдать предпочтеніе ложу сна, и я безнадежно махнувъ рукой и злобно стащивъ съ ногъ сапоги, не раздѣваясь, да впрочемъ нечего было и раздѣваться, ибо я былъ въ гимнастической рубашкѣ, заснулъ какъ убитый.

Правычка къ раннему вставанью, усвоенная благодаря охотамъ еще въ молодости и развившаяся во время походной жизни, подняла меня въ седьмомъ часу. Деньщикъ Т—ова заявилъ что его баринъ предлагаетъ мнѣ любое изъ ружей, причемъ выложилъ на скамейку дробовикъ и пороховницу, и просить придти къ нему „вонъ къ тому чифтлику“, добавилъ деньщикъ указывая по направлению стеклянной двери. Я живо вскочилъ съ постели и, выливъ наскоро двѣ чашки турецкаго кофе, вооружился, и забѣжавъ на минутку провѣдать товарищей, направился по направлению указаннаго чифтлика.

Перпендикулярно къ полотну желѣзной дороги веда проселочная дорожка къ видавшейся на рѣчкѣ въ полуверстѣ мельницѣ: я побрелъ по ней, зорко всматриваясь въ болѣе выдающіеся пункты окрестностей. Уткнулся я прямо въ группу миндаляныхъ деревьевъ, лодымавшихся кудрявыми массаами почти надъ крышей мельницы, колесо которой, къ моему удивленію, двигалось, но безо всякаго шума. Оказалось что оно приводилось въ движеніе просто стремленьемъ теченія: быстрая рѣчка, караштаранская знакомка Эргень, выше мельницы пересѣкалась наискось не то что плотиною, а какимъ-то наваленнымъ изъ камней и хворосту валикомъ, упрямшимся острымъ угаомъ въ устои мельничнаго зданія; попятно самая сильная часть теченія направлялась въ этотъ острый уголь, гдѣ сила его, сжатая какъ въ тискахъ, свободно и легко вертѣла колесо приводившее въ дѣло три постава.

Перейдя рѣчку по шаткой плотинѣ, я направился къ указанному мнѣ чифтлику, но нашелъ тамъ однѣ развалины; взобравшись на остатокъ какой-то вышки, я оглядѣлъ въ бивокль окрестность и наконецъ открылъ моего ночнаго амфитріона лежащимъ въ растяжку подъ громаднымъ ореховымъ деревомъ, въ веретѣ съ небольшимъ отъ чифтлика. Я направился къ нему напрямикомъ и случайно наткнулся на громадное поле сжатого овса. Въ Турціи лошадей кормятъ ячменемъ, и эта находка привела меня въ восхищенье за

нашихъ ротныхъ лошадей. Я совершенно случайно открылъ что это овесъ: разглядывая кучи побурѣвшей соломы, я замѣтилъ какого-то страннаго звѣрка, юркнувшаго въ одну изъ кучъ; предполагая что это тушканчикъ, я началъ прикладомъ ружья разметывать солому, и подъ нею оказались укрытыми снолы превосходнаго овса, о какомъ и не слыхало русскимъ лошадямъ.

По возвращеніи съ охоты я не преминулъ сообщить мое открытіе нашимъ офицерамъ, и къ вечеру для лошадей явился свѣжій овесъ. Съ охоты мы вернулись къ обѣду лорознь, ибо пришлось переходить рѣчку по перекладинамъ желѣзнодорожнаго моста, а мой спутникъ рѣшительно отказался отъ этого полувоздушнаго путешествія. Шагахъ во ста отъ станціи, проходя берегомъ заросшей камышомъ бокалщины, я спугнулъ свернувшуюся, какъ обыкновенно свертываютъ канатъ, у самой воды зеленоватую змѣйку; она кинулась въ воду и быстро ползла, выставивъ надъ водой свою желтую блестящую головку; выстрѣлъ въ голову прекратилъ ее существованіе, камышевыми лалками мнѣ удалось подогнать ее къ берегу, и я вернулся на станцію обвѣсившись змѣей, не хуже какого-нибудь индійскаго заклинателя.

Шесть дней простояли мы на станціи сложа руки. Еще первые дни все-таки чего-то ожидали: предъ приходомъ каждаго поѣзда изъ Константинополя на рельсахъ пути полерекъ полотна ставились четыре солдата, а въ сторону противъ нихъ унтеръ-офицеръ съ краснымъ флагомъ въ рукѣ; его обязанностью было махать еще издали этимъ флагомъ чтобы поѣздъ остановился не доходя до станціи на намѣченное разстояніе; въ случаѣ непослушанія, солдаты должны были стрѣлять въ машиниста. Но какъ на зло всѣ поѣзды оказывались удивительно послушными и не представляли ничего подозрительнаго при самомъ тщательномъ осмотрѣ. Намъ уже положительно стало разбирать зло и солдаты сердились и срывали свое сердце въ язвительныхъ шуткахъ.

Наконецъ 30го былъ полученъ приказъ возвратиться баталіону въ Баба-Эски къ полку; въ этотъ же день Скобелевъ проѣхалъ чрезъ Люле-Бургасъ, остановившись въ немъ на нѣсколько часовъ. Онъ былъ очень серіозенъ; послѣдній предлогъ затянуть отступленіе исчезъ. Но не безъ пользы было имъ употреблено все это время: онъ лично объѣхалъ все пространство вдоль между Сливри и Люле-Бургасомъ и полерекъ

отъ Кирклисидо Родосто; важныя позиціи у Чатаджи и Чорлу были изучены имъ въ подробности, и новый планъ наступленія на эти позиціи, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, уже созрѣлъ въ свѣтлой головѣ гениальнаго генерала. Гениальнаго, да! Какъ жалки казались намъ тѣ кто отвергали его геній приписывая всё его удачи слѣпому случаю и баловству судьбы,—намъ, имѣвшимъ безпрестанные случаи видѣть его распоряженія, выслушивать его соображенія, предположенія и указанія!

1 октября мы нагнали полкъ въ Баба-Эски; мнѣ немного не здоровилось, а Черкасовъ просто утомился; поэтому, когда полкъ выступилъ изъ этого города 3 числа, командовавшій полкомъ разрѣшилъ намъ остаться здѣсь отдохнуть до завтра.

Первою заботой нашей было отыскать себѣ пристанище, и мы нашли таковое въ домѣ одного Грека Атанаса; этотъ Атанасъ или Аеанасій былъ положительно библейскій патриархъ; не знаю, отличался ли шатеръ Авраама своими удобствами отъ кышты (дома) Атанаса, но стопятинадцатилѣтній домохозяинъ нашъ, не безъ огня въ глазахъ взглядывавшій порой на свою *третью*, двадцатидевятилѣтнюю супругу, былъ окруженъ такою семьей, которой позавидовалъ бы и самъ родоначальникъ Израиля... Кстати замѣчу: на стариковъ и старухъ, вообще, смотреть за Балканами какъ на „дань готовую землѣ“. Но этотъ древній, полный энергіи и силъ старикъ, видимо былъ владыка не только дома, но и всего своего многочисленнаго семейства.

Въ его зажиточномъ домѣ нашлась для насъ просторная и почти комфортабельно отдѣланная комната. Обмѣнявшись любезностями съ хозяиномъ, мы съ полковникомъ пошли искать себѣ чего-нибудь съѣстнаго. Едва мы вышли на рынокъ, посмотримъ—лавчонка; и замѣтили-то мы ее потому что какая-то черномазая, обросшая бородой личность орала во все горло: „макарони“! Мы подошли. Оказалось что какой-то Итальянецъ, вчера явившійся сюда, страдаетъ это блюдо. Никогда въ жизни, ни прежде, ни до сихъ поръ послѣ, я не ѣдалъ такихъ чудныхъ макаронъ.

День прошелъ въ осмотрѣ города, гдѣ, конечно, почти нечего было и смотрѣть; одно замѣчательно—мостъ. Но я долженъ сказать что всѣ мостовыя сооруженія Турціи, не во

гнѣвъ будь сказано россійскимъ земствамъ, составляютъ верхъ совершенства, хотя и построены два, три столѣтія назадъ; такіа прочныя, фундаментальныя арки выложены изъ полутора-аршинныхъ въ длину и трехъ-четвертныхъ, а то и аршинныхъ въ толщину лапте песчаника что имъ не только вѣку вѣтъ, но хватить ихъ и на тысячелѣтіе безъ ремонта. И вообще многому не мѣшало бы намъ поучиться у славянскихъ братьевъ. Напримѣръ, пожары. Сколько стиххъ пламинацій по всей Руси православной не только лѣтомъ, но и во всѣ остальные времена года! А почему? Какія тамъ гнѣзда при планировкѣ селенія ни устраивай, а все-таки избы сидятъ бокъ о бокъ; загорись одна и при полутномъ вѣтрѣ—прощай цѣлый порядокъ. Далѣе: много, очень много селеній на Руси имѣющихъ собственный не маленькій надѣлъ; но какъ ведется въ нихъ хозяйство? Землю, напримѣръ, ежегодно потрясаютъ по жеребью, то-есть гдѣ сегодня досталось одному, тамъ на будущій годъ сядетъ другой. Понятно что этому одному вѣтъ рѣшительно никакого резона удобрять землю, которая потомъ пойдетъ другому. Притомъ есть такіа селенія гдѣ земля отстоитъ отъ деревни верстъ за восемь; а вонъ заштатный городъ Починки, Нижегородской губерніи, напримѣръ, такъ тамъ земля у крестьянъ чуть не за двадцать верстъ! Ну-ка ухитритесь повозить на нее удобреніе! Значитъ въ итоге: удобная почва для пожаровъ, волевыми, и стремленіе къ обезсиленію земли, а слѣдовательно къ неурожаемъ, воньныхъ. Взглянемъ за Балканы къ нашимъ славянскимъ братьямъ: что представляютъ намъ селенія Болгаръ и въ особенности Сербовъ? Большинство селеній расположены такъ: каждая усадьба стоитъ близъ середины своего участка земли не подвергающагося ежегоднымъ передѣламъ, а такъ-сказать разъ навсегда разтрясенной; хозяинъ знаетъ что земля принадлежитъ ему и смѣло удабриваетъ ее; и усадьба нарочно пригнана такъ чтобы во всѣ концы было близко. По этому дворъ отъ двора такъ далеко что нуженъ ужъ больно несчастливый вѣтеръ дабы отъ пожара одной усадьбы загорѣлась другая. Постоянное пользованіе одною и тою же землею обезличиваетъ затрату удобренія на нее, и вотъ корень хорошихъ урожаевъ. Прибавлю къ этому что возможность кражъ, взломовъ амбаровъ и т. п., при подобномъ распорядкѣ селеній почти невысказаны: вѣтъ россійскихъ „задовъ“ по которымъ легко скрыться.

Вечеромъ маститый Адаманъ угостилъ насъ за ужиномъ и, чрезъ переводчика, разумѣется, пріятными разказами о приходѣ Русскихъ въ 1829 году, приправленными превосходнымъ „собственнымъ“ виномъ и цѣною горой фруктовъ въ перемежку съ турецкимъ кофе. На утро въ восемь часовъ, каруца, запряженная парой прекрасныхъ лошадокъ, приняла насъ для доставки въ селеніе Кулиди, гдѣ лодкѣ долженъ былъ расположиться на дневку.

Выѣхавъ на площадь мы услышали звуки музыки и остановились: Екатеринославскій драгунскій лодкѣ вступалъ въ Баба-Эски. Первому попавшемуся эскадронному командиру я сообщалъ о залежахъ овса у Люле-Бургасской станціи, и затѣмъ мы помчались крупною рысью по Адрианопольскому шоссе.

Кулиди селеніе, правильнѣе бывшее селеніе, ибо кромѣ чудомъ уцѣлѣвшаго дома, гдѣ помѣстился военно-походный телеграфъ, на его мѣстѣ не осталось буквально камня на камнѣ и видѣлась какая-то громадная буро-сѣрая залпата на зеленомъ долѣ. За то виноградниковъ было изобиліе, и вольное производство солдатами „винограднаго кваску“ достигло здѣсь внушительныхъ размѣровъ.

Дальнѣйшаго перехода къ городу Хафсы и дневки тамъ описывать не стоить; странно одно: какъ окрестности Константинополя оказались пустынями, такъ и съ приближеніемъ къ Адрианополю чувствовалась та же мертвенность и въ мѣстности, и въ природѣ. А разрушенію кажется не было и конца! Оно и понятво: по мѣрѣ углубленія уже вполнѣ побѣдосной, не встрѣчавшей и тѣни сопротивленія отъ уничтоженнаго врага арміи русской въ самое сердце страны, Болгары и Греки уничтожали болѣе чѣмъ до тла всѣ болѣе насолившія имъ мѣстности.

8 октября бригада наша выступила изъ Хафсы, полуразрушеннаго и сожженнаго города, и направилась къ Адрианополю.

Тяжелъ былъ этотъ переходъ, я думаю, верстѣ въ тридцать пять по жарѣ, несмотря на октябрь, доходившей до 25° въ тѣни; мѣстность была холмистая и совершенно голая; кое-гдѣ по дорогамъ встрѣчались доски, изкривленнаго дубняка, да узкіе колодцы, кои толпами обѣзпавали солдатики чтобъ утолить жажду, только еще болѣе возбужденную самодѣльнымъ „винограднымъ“ кваскомъ. Сущее благодѣаніе эти

колодцы! вотъ за что каждый человѣкъ долженъ воздать хвалу Корану Магомета: по его заповѣди, каждый мусульманинъ, для достиженія въ загробной жизни полнаго блаженства, непременно долженъ устроить до своей смерти колодезь для естающихся на землѣ людей, могущихъ подвергнуться жадѣ. „Вода есть оснoваніе жизни“, объясняютъ мусульмане съ прибавленіемъ различныхъ комментаріевъ. Вслѣдствіе этого, бѣдный мусульманинъ просто роетъ яму до воды, которую такъ богата страна, и прикрываетъ ее широкою каменною плитой съ дырой посрединѣ, а богатый строитъ цѣлыя мраморныя кіоски, гдѣ родниковая вода, иногда проведенная за нѣсколько верстъ, бьетъ разсыпчатымъ фонтаномъ въ обширный мраморный бассейнъ, не только утоляя жажду путника, но и освѣжая его утомаемымъ странствіемъ тѣло.

Мы шли уже около четырехъ часовъ; командующій полкомъ полковникъ Маневскій подозвалъ меня и просилъ поѣхать впередъ чтобы найти гдѣ-нибудь удобное для привала мѣстечко.

Я далъ нагайку моей лошади и умчался впередъ по шоссе верстъ на пять; по дорогѣ ничего путнаго. Я повернулъ коня и поѣхалъ шагомъ назадъ; замѣтивъ дорожку вправо, я свернулъ на нее и, проѣхавъ рысью межъ кустарника, наткнулся на широкую поляну съ превосходнымъ лавальюнообразнымъ колодцемъ.

Послѣ двухчасоваго привала мы тронулись далѣе и наконецъ достигли послѣдней возвышенности, съ гребня которой безпредѣльною далью зазеленѣла предъ нашими глазами роскошная долина Марицы, окаймленная на горизонтѣ массой зелени влѣво и неяснымъ контуромъ большого города вправо, надъ которымъ, какъ четыре тончайшія серебряныя иглы, ярко вырисовывались освѣщенные солнцемъ четыре минарета господствующей надъ Адрианополемъ Солимановой мечети; а фонъ этой очаровательной картины составляли еле замѣтныя, блѣдно-фіолетовыя зубцы когда-то пугавшихъ воображеніе Бадкавъ, нынѣ сведенныхъ со своего таинственнаго ледестаала непреодолимою стойкостью, храбростью и силой воли не имѣющихъ подобныхъ себѣ въ цѣломъ мірѣ русскаго солдата!

Мы спустились съ крутаго ската холма и вышли на роскошную долину. Словно корридоръ танулось шоссе въ саженной

кукурузѣ и четырехъаршинномъ рисѣ. Но видъ съ холмовъ обманулъ насъ: казалось что Адрианополь вотъ рукой подать, а солнце уже село за отдаленными вершинами горъ Родопскихъ когда мы подошли къ городу тою же долиной, окаймленною справа вершинами и крутизнами обрывчатыхъ холмовъ. Лагерь разбился у самого города на обширной луговинѣ лѣваго берега Марицы.

Отрядъ былъ убѣжденъ что Адрианополь ужъ во всякомъ случаѣ будетъ перломъ долженствующимъ замкнуть узелъ Санъ-Стефанскаго мира, этой и безъ того очень скромной награды за усилія Русскаго народа и его геройской арміи.

(Продолженіе будетъ.)

В. ЯШЕРОВЪ.

НАШИ РЕФОРМЫ*

I

Во главѣ Свода Законовъ, особо помѣщены основные законы которыми установлены: форма правленія, сущность верховной власти, сила и значеніе господствующей вѣры и законовъ, порядокъ престолонаслѣдія и права и положеніе Императорскаго Дома. Необходимость твердаго храненія этихъ законовъ изъяснена въ послѣдней заключительной 203 ихъ статьѣ (Св. Зак. изд. 1857, т. I).

Едва ли нужно доказывать эту необходимость. Колебаніе основныхъ законовъ повлекло бы неизбѣжно къ разрушенію и распаденію того государственнаго организма который ими держится. Исторія показываетъ намъ что перемѣна формы правленія установленнаго историческою жизнію народа не проходитъ даромъ для государственныхъ организмовъ. Примеръ тому въ новѣйшей исторіи представляетъ Франція

* Предлагаемая статья есть плодъ размышленій лица близко и собственнымъ опытомъ знакомаго съ вопросами нашего государственнаго быта. Полезно вникнуть въ изложенныя имъ соображенія и въ случаѣ разномыслія съ нимъ касательно лучшаго устройства той или другой части управленія или судоустройства. *Ред.*

послѣ революціи 1789 года, не имѣющая силъ въ продолженіе почти столѣтія установить твердое правительство и правильный государственный порядокъ при всемъ богатствѣ своихъ матеріальныхъ средствъ. Примѣръ того что государство не можетъ жить безъ органическихъ законовъ представляетъ Польша, которая вслѣдствіе своевоія своихъ магнатовъ и покорной имъ шляхты разрушилась какъ политическій организмъ.

Почти всѣ иностранцы, мало знакомые съ русскою исторіей и еще менѣе съ бытомъ и воззрѣніями нашего народа, да и многіе изъ русскихъ подданныхъ не отличаютъ нашего монархическаго самодержавнаго правленія отъ такъ-называемаго деспотическаго.

Иностранцы, конечно, не могутъ понять сущности нашего самодержавія. Уже въ старыхъ христіанскихъ монархіяхъ Западной Европы власть государей была ограничена отчасти силой ихъ могущественныхъ вассаловъ, отчасти властью церкви въ лицѣ ея главы, папы. Эти государи не имѣли никогда свободной воли дѣйствовать въ пользу всѣхъ своихъ подданныхъ, то-есть быть, такъ-сказать, заодно со своимъ народомъ. Изъ такихъ отношеній родилось естественно то недовѣріе которое привело въ послѣдствіи къ заключенію между монархами и ихъ подданными договоровъ, облекавшихся въ форму писаныхъ контрактовъ и получившихъ названіе конституцій.

Исторія Россіи представляетъ совсѣмъ другое, особенно послѣ объединенія нашей обширной державы, вслѣдствіе усиленія Московскаго княжества и общаго народнаго сознанія своего единства. Наши государи не были никогда ограничиваемы ни силой вассаловъ, которыхъ у нихъ не было, ни православною нашею церковію, не имѣющею никакихъ стремленій къ политической власти и никакого другаго главы кромѣ Христа. Когда въ смутное время самодержавная власть въ Россіи пошатнулась, то самъ народъ добровольно возстановилъ ее; стало-быть она есть выраженіе свободной воли народа во всемъ его составѣ. Это народное довѣріе опредѣляетъ и полную свободу власти, и то единеніе которое существуетъ у насъ между верховною властью и народомъ. Наслѣдственность же обезпечиваетъ ее ото всякихъ колебаній. Сама же самодержавная власть, получая помазаніе свыше во время священнаго

коронованія и ограничиваетъ себя Христовымъ учениемъ: кто рѣшится такую волю назвать деспотическою? Этимъ отчасти объясняется то что деспотическая форма правленія есть принадлежность только нехристіанскихъ государствъ.

Если и случалось въ исторіи Русскаго народа что связь между нимъ и царемъ ослабѣвала или разрывалась, или что цари дѣйствовали не соображаясь съ благомъ народа и вопреки ему, то происходило разореніе, возникали разнь, недоразумѣнія и смуты, народъ шатался, и тогда послѣ вѣшняго натиска или погрома, испытанный бѣдствіями, онъ самъ тѣснѣе примыкалъ къ самодержавной власти. Никакихъ подобныхъ отношеній между монархами и народами Западной Европы и быть не могло.

Вотъ почему Русскій народъ этой власти и покоряется и никакой другой надъ собой не признаетъ, всегда всего лучшаго отъ нея ожидаетъ, на нее какъ на свою крѣпость и силу надѣется.

При неблагоприятныхъ же для него распоряженіяхъ правительства народъ умѣетъ терпѣть, увѣренный что до свѣдѣнія монарха не дошло еще о настоящемъ положеніи дѣла и его нуждахъ.

Отсюда видно что форма самодержавнаго правленія, исторически у насъ сложившагося, есть совершенно самобытная и своеобразная, не похожая ни на какія другія монархическія формы правленія, образовавшіяся подъ другими историческими вліяніями.

Петръ Великій, для обезпеченія государственнаго устройства и утвержденія правительства, создалъ коллегіальныя учрежденія въ центрѣ государственнаго управленія. Екатерина II продолжала дѣло Петра. Она ввела коллегіальныя учрежденія и въ губерніи; но этому устройству не дано было вполне осуществиться, такъ какъ, въ самомъ началѣ царствованія Александра I, подъ вліяніемъ близкаго къ императору Адама Чарторыйскаго, домогавшагося конституціи, хотя бы для Польши, стали прямо переноситься къ намъ учрежденія Западной Европы, именно министерства въ 1802 году; созданы были: Комитетъ Министровъ и въ 1810 году Государственный Совѣтъ, въ теперешнемъ его видѣ.

Съ того времени и во все продолженіе царствованія Николая I. можно уже прослѣдить исторію непрестанной борьбы

въ правительствѣ единоличнаго начала съ коллегіальнымъ. Во всемъ этомъ обнаруживается ясно непостоянство направленія въ созданіи нашихъ государственныхъ учрежденій со времени Петра и естественно вытекающее изъ сего отсутствіе порядка. Между тѣмъ, всякое правительство должно имѣть въ виду только постоянныя цѣли и руководиться опредѣленными идеями, которыя оно проводить въ государственную жизнь, и только тогда оно имѣетъ силу; въ противномъ случаѣ оно утрачиваетъ значеніе правительства и проявляется въ формѣ безсвязнаго начальства изъ разныхъ лицъ, такъ или иначе приобретающихъ власть.

Можно замѣтить, перебирая событія нашей исторіи съ этой эпохи, что съ ослабленіемъ коллегіальнаго начала управленія и сама верховная власть, по мѣрѣ обособленія ея отъ народа, дѣйствовала въ цнхъ, болѣе или менѣе усложнившихся обстоятельствахъ, иногда вопреки интересамъ государства.

Сверхъ учрежденій министерствъ при Александрѣ I, принадлежащихъ къ строю конституціонныхъ монархій, въ царствованіе Николая I было заимствовано у государствъ Западной Европы цѣлое уложеніе о наказаніяхъ, а въ послѣдствіи стали организоваться почти все части управленія по иностранному образцу, безъ соображенія того насколько собственно для насъ то или другое пригодно. Не далеко оставалось и до того чтобы принять чуждую намъ, противную духу Русскаго народа, конституціонную форму правленія. На этомъ, однако, Провидѣніе остановило Россію.

Въ царствованіе Александра II наступила эпоха великаго преобразованія, освобожденіе крестьянъ. Уже предъ реформой коллегіальное начало выражалось слабо въ нашемъ государственномъ управленіи, и обособленіе верховной власти отъ народа было чувствительно. Казалось бы, крестьянскому дѣлу предстояло укрѣпить эту ослабѣвшую связь.

Въ лицѣ Г. И. Ростовцева, во главѣ комиссій по крестьянскому дѣлу сталъ человекъ вполнѣ Русскій по складу мыслей, направленію, образу жизни и привычкамъ; поэтому онъ явился охранителемъ народнаго быта и всего что было создано историческою жизнью Россіи, противъ стремленія, проявившагося даже въ средѣ комиссій, подражать западу Европы. Проектъ Положенія былъ обработанъ все-таки на основаніи дѣйствительнаго быта крестьянъ: за ними осталась земля,

удержана была община и ихъ обычаи. Для охраненія этихъ началъ и введенія въ дѣйствіе Положенія объ освобожденіи создано было особое учрежденіе мировыхъ посредниковъ, которое должно было сдѣлаться связью между вами и правительствомъ. Оно привилось къ новымъ потребностямъ и какъ нельзя лучше исполняло свое назначеніе посредниковъ между сословіемъ къ которому они принадлежали и сословіемъ въ интересахъ коего была предпринята реформа, чему служить свидѣтельствомъ уже одно приведеніе въ дѣйствіе, безо всякаго столкновенія, въ продолженіе относительно короткаго двухлѣтнаго срока, Положенія измѣнявшаго въ основаніяхъ гражданскія и государственныя отношенія народа. Тѣмъ не менѣе, это полное жизни учрежденіе было разрушено со введеніемъ новаго судоустройства и мировыхъ судей. Крестьянамъ дано было и самоуправленіе, слово произнесенное кажется впервые въ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу. Это самоуправленіе правительство пыталось распространить и на земство, и еслибы все это дѣйствительно осуществилось, то, безъ сомнѣнія, верховная власть была бы поставлена въ болѣе тѣсную связь съ народомъ; но вслѣдъ за этимъ дѣло стало принимать другое направленіе, несогласное съ осуществленіемъ благихъ намѣреній верховной власти и развитіемъ народнаго благосостоянія.

Съ Залада было навѣяно на насъ экономическое ученіе съ девизомъ „laissez faire, laissez passer“. Увлеченіе нѣкоторыхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей довело ихъ до такого широкаго примѣненія этого ученія что, по ихъ мнѣнію, правительство не должно было вмѣшиваться и въ государственныя дѣла, чуть они приходять въ соприкосновеніе съ экономическими интересами страны, предоставляя все инициативѣ и безконтрольной дѣятельности частныхъ лицъ.

Вслѣдствіе такого воззрѣнія, послѣдовало уничтоженіе Олукунскаго Совѣта и Приказовъ Общественнаго Призрѣнія, учрежденій изъ коихъ первое около столѣтія обезпечивало нашъ *поземельный* кредитъ. Упраздненіе ихъ совершилось въ то время, когда эти учрежденія были наиболѣе необходимы и особенно для землевладѣльцевъ терявшихъ даровую рабочую силу.

Нужда въ поземельномъ кредитѣ породила вскорѣ развитіе частныхъ учрежденій въ видѣ поземельныхъ и иныхъ

банковъ, которые заводились спекуляціей и не регулировались никакимъ контролемъ со стороны государства. Вслѣдствіе того, землевладѣльцы и лица, пріобрѣтшія къ кредиту сдѣлались предметомъ эксплуатаціи не только нашихъ заправителей всякихъ предпріятій, но и иностранныхъ биржевыхъ дѣятелей и банкирскихъ домовъ, и огромное большинство закладывавшихъ въ банкахъ свои имѣнія идетъ быстрыми шагами къ окончательному разоренію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено было къ продажѣ въ частныя руки всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, казенныхъ заводовъ и фабрикъ и даже къ продажѣ и раздачѣ частнымъ лицамъ государственныхъ земель и имуществъ. Подобныя же идеи сдѣлались руководящими при преобразованіи нашего суда и администраціи.

Предполагалось поставить судъ въ независимость отъ верховной власти, съ присвоеніемъ Кассационнымъ Департаментамъ Сената права неограниченнаго толкованія законовъ, то-есть до нѣкоторой степени законодательной власти. Судъ въ дѣйствительности поставленъ теперь внѣ общаго центральнаго управленія, которое прежде сосредоточивалось въ Правительствующемъ Сенатѣ, а административныя учрежденія и лица, предназначенныя закономъ къ общественной дѣятельности поставлены внѣ органовъ правительства, которое само какъ будто старалось умалиться и отупеваться предъ нашею такъ-называемою интеллигенціей. Одно время можно было подумать что правительство имѣеть цѣлью сложить съ себя совсѣмъ тяжелое бремя управленія государствомъ.

Едва освобожденные изъ неволи крестьяне, только что вступавшіе тогда въ новую для нихъ гражданскую жизнь, не успѣли еще не только проявить свою общественную дѣятельность, но даже обнаружить свои потребности, какъ уже поладили въ передѣлъ къ ничтожному меньшинству ловкихъ людей и алчныхъ паразитовъ всякаго рода, при развитіи пьянства, изъ котораго та же спекуляція умѣла создать общественное бѣдствіе для Русскаго народа. По всѣмъ частямъ нашего управленія начался, можно сказать, погромъ, причемъ оставался въ сторонѣ не только Сводъ нашихъ общихъ законовъ, но и основные законы государства, какъ будто ихъ не было и какъ будто Россія была вовсе не воздѣланымъ полемъ. Бюрократія опять торжествовала, а учрежденія на

иностранный образецъ остаются и доселѣ чуждыми народной жизни, слѣдовательно явились у насъ на свѣтъ какъ бы мертворожденными. Для составленія проектовъ учреждались временные комитеты и комиссіи, а такъ какъ наши постоянныя государственныя учрежденія, преимущественно губернскія и уѣздныя, въ то же время или совсѣмъ упразднялись или искажались, то-есть лишались своего историческаго смысла, то Россія за все послѣднее время стала можно сказать управляться временными комиссіями, въ которыхъ и сосредоточилась вся законодательная сила. Можно было одновременно насчитывать до 85 дѣствующихъ комиссій въ Петербургѣ, а такъ какъ имъ не рѣдко предоставлялось еще рѣшеніе и не законодательныхъ, а просто текущихъ дѣлъ, то отвѣтственность самихъ правителей за то что они по закону должны бы дѣлать сами, устранялась, распыляясь на дѣлыя комиссіи, члены коихъ не рѣдко вносили туда легкое отношеніе къ важнѣйшимъ дѣламъ не заботясь особенно о прочности дѣлаемаго, какъ дѣятели временныхъ учрежденій, и бессознательно помогая можетъ-быть враждебнымъ Россіи направленіямъ. Злоупотребленіе комиссіями было очевидное. Онѣ-то именно съ легкой руки крестьянскаго дѣла, осуществившагося благополучно безо всякихъ потрясеній, которыхъ такъ напрасно ожидали и опасались многіе, ломали наши учрежденія оправдавша себя въковыя существованіемъ и; не имѣя между собой никакой органической связи, приводили въ хаосъ все наше государственное устройство. Имѣли ли мы право ожидать отъ этого новыхъ послѣдствій какъ тѣ которыя привели Россію къ ея настоящему трудному положенію?

Всякая реформа, какъ Бисмаркъ справедливо высказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей, требуетъ времени, подобно хирургической операціи, для возстановленія силъ государственнаго организма, и поэтому должна быть совершаема лишь въ случаѣ необходимости и крайне осмотрительно, а у насъ поелѣ крестьянской реформы, одна за другой безъ отдыха и срока, слѣдовали реформы, которыхъ, даже и не всѣхъ, было бы, можетъ-быть, достаточно для разрушенія всякаго государственнаго организма; не столь крѣпко сложившагося и не столь выносливаго какъ русскій.

Мысль и желанія Государя, положенныя въ основаніе реформъ прошлаго царствованія, должны безъ сомнѣнія

возбуждать всеобщее сочувствіе, какъ напримеръ: свобода народу, самоуправленіе земству, правый и скорый судъ гражданамъ, свобода печати и т. п. Но за исключеніемъ освобожденія крестьянъ, которые вышай действительно изъ крепостной зависимости отъ помещиковъ, остальное, можно сказать, или не осуществилось, или не стоитъ на твердой почвѣ, и если свести въ одно главнѣйшія причины этой неудачи, то онѣ будутъ слѣдующія:

Малое знакомство нашей такъ-называемой интеллигенціи вообще съ народнымъ бытомъ и государственными потребностями и всею русскою исторіей.

Пренебреженіе къ нашему собственному законодательству и оставленіе свода какъ бы въ сторонѣ, точно какъ бы его и не было, при всѣхъ послѣдовавшихъ за освобожденіемъ крестьянъ реформахъ.

Рабское подражаніе всѣмъ иностраннымъ порядкамъ, въ которыхъ многіе изъ нашихъ публицистовъ видятъ и донынѣ только образцы совершенства и стремленіе вводить къ намъ иностранныя учрежденія которыя не создавались и не развивались на нашей почвѣ.

Принятіе такихъ началъ и созданіе такихъ учрежденій которыя находятся въ несогласимомъ противорѣчьи съ основными органическими законами государства.

Поставленіе новыхъ учрежденій и лицъ призываемыхъ по закону къ общественной дѣятельности внѣ органовъ правительства.

Составленіе самыхъ проектовъ реформъ, внѣ государственныхъ учрежденій, временными комиссіями по разнымъ вѣдомствамъ не связаннымъ никакимъ общимъ коллегіальнымъ учрежденіемъ.

Поспѣшность введенія реформъ одной за другою во всѣхъ частяхъ управленія, такъ что не было и времени обозначить ее въ государственной жизни самой коренной изъ нихъ—освобожденію крестьянъ.

Достаточно было бы и одной изъ всѣхъ поименованныхъ и взятыхъ вмѣстѣ причинъ для того чтобы помѣшать успѣшному осуществленію самыхъ лучшихъ намѣреній правительства. Ближайшимъ послѣдствіемъ такой преобразовательной дѣятельности было то что всѣ наши новѣйшія учрежденія стали, если можно такъ выразиться, на ножи,

одно противъ другаго: полиція противъ суда, судъ противъ администраціи, администрація противъ земства, а земство противъ всѣхъ правительственныхъ учрежденій, наконецъ, вліятельнѣйшіе представители экономическихъ силъ и биржи противъ интересовъ Русскаго государства и Русскаго народа.

Но каковы бы ни были наши нововведенія послѣдняго времени, они сдѣланы, и нельзя относиться къ нимъ какъ будто бы ихъ совсѣмъ не было, какъ проповѣдывали цѣны публицисты не признававшіе вовсе преобразовательной эпохи Петра и какъ дѣлали наши крайніе реформаторы не хотѣвшіе признавать существовавшаго у насъ законодательнаго порядка; напротивъ, необходимо считаться со всѣмъ совершившимся, надо стараться разставить все что можно на свое мѣсто, а все не отвѣчающее нашимъ дѣйствительнымъ потребностямъ исправить сообразно съ началами проводимыми въ основныхъ органическихъ нашихъ законахъ, устраняя или совсѣмъ упраздняя только то что находится въ несогласномъ противорѣчій съ этими законами.

Изъ сдѣланнаго обзора легко усмотрѣть что самое важное для самодержавія—устроить на твердыхъ началахъ и поставить въ правильныя отношенія къ высшему центральному правительству земство и мѣстное управленіе, ибо чрезъ ихъ посредство верховная власть можетъ войти въ болѣе тѣсную связь съ народомъ: узнавать его потребности и дѣйствительныя нужды. Для того же чтобы самодержавная власть была свободою, могла стоять такъ-сказать заодно съ народомъ, слѣдуетъ устроить тотъ порядокъ что правительственныя лица дѣйствуютъ единолично, часто только по своему усмотрѣнію, а учрежденія разныхъ вѣдомствъ независимо одно отъ другаго и отъ общаго высшаго государственнаго учрежденія. Для достиженія же этой цѣли необходимо развитіе въ государственныхъ учрежденіяхъ коллегіальнаго начала предохраняющаго монарха отъ расхищенія его самодержавной власти и отъ прикрытія его подписью повелѣній кознящихъ иногда не къ общей пользѣ государства, а иногда и приносящихъ общественный вредъ.

Земство и всѣ части государственнаго управленія должны быть построены въ Россіи соотвѣтственно самодержавной формѣ ея правленія, пережившей много переворотовъ въ исторіи нашего отечества, и это подадо мнѣ мысль объ

установленіи общаго основанія такого государственнаго устройства въ которомъ связались бы органически всѣ разстроенныя и разрезанныя части нашего управленія; и если въ моихъ соображеніяхъ есть истина, то на основаніи предлагаемой программы можетъ быть разработанъ самый проектъ прочнаго государственнаго порядка при самодержавномъ правленіи съ тѣми уже подробностями которыя не могли войти въ программу.

Задачи программы будутъ слѣдующія:

1. Всѣ государственныя учрежденія согласовать съ разумомъ и началами основныхъ органическихъ законовъ Имперіи.

2. Провести во всемъ государственномъ управленіи рѣзкую черту разграниченія между законодательною и исполнительною властью, которой представителями являются судъ и администрація.

3. Возстановить Правительствующій Сенатъ въ томъ значеніи какое ему присвоено въ третьей кн. его учрежденія въ 1 т. Св. Зак., изд. 1857 года, какъ высшему и всеобъединяющему учрежденію, по отношенію собственно къ исполнительной власти, въ его административныхъ и судебныхъ департаментахъ, и упразднить совѣтъ Кассационные при Правительствующемъ Сенатѣ Департаменты.

4. Преобразовать судоустройство и судопроизводство, устранивъ все что противорѣчитъ въ нихъ основнымъ законамъ государства и подчинивъ судъ, на прежнихъ основаніяхъ, одному общему судебному управленію Правительствующаго Сената.

5. Объединить всѣ вѣдомства и части губернской администраціи въ одномъ губерскомъ правленіи—для губерній и уѣздномъ правленіи—для уѣздовъ, подчинивъ послѣднее губерскому управленію, а все вмѣстѣ Правительствующему Сенату и связавъ органически между собою всѣ государственныя учрежденія.

6. Правителей пользующихся въ предѣлахъ закона и общихъ инструкцій единоличною властью освободить до известной степени отъ личнаго подчиненія однихъ другимъ, поставивъ ихъ подъ контроль подлежащихъ коллегіальныхъ учреждений и давъ имъ свободу, въ экстренныхъ случаяхъ, дѣйствовать и сверхъ закона, какъ у насъ предоставляется поступать правителямъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, при утвержденіи или одобреніи сдѣланнаго ими тѣми же учрежденіями.

7. Наконецъ, постарить земство на прочія основанія и точно опредѣлить кругъ его правъ и обязанностей, сообразно съ органическими законами государства и съ разумомъ всего нашего законодательства. Земскимъ собраніямъ придать совѣщательный при правительствѣ характеръ и предоставить имъ контроль надъ исполненіемъ должностными лицами земскихъ постановленій. Вся земскія учрежденія привести въ органическую связь съ правительственными.

II. Судъ.

Судъ долженъ совершенно соответствовать тѣмъ потребностямъ которыя высказываются въ гражданской жизни народа, и какъ одна сторона исполнительной власти, долженъ быть органически связанъ съ другою, то-есть съ администраціей, какъ и съ прочими государственными учрежденіями.

Въ нашихъ судебныхъ уставахъ 1864 года, совершенно чуждыхъ историческому образованію у насъ суда и заимствованныхъ преимущественно изъ французскихъ порядковъ, не отдѣлены вовсе два различныя понятія *публичности* суда и его *гласности*.

Судъ можетъ быть *публичнымъ* и въ то же время *негласнымъ* и, наоборотъ, *гласнымъ* и въ то же время *непубличнымъ*.

Если не допускать во время судебного производства въ залу засѣданій стенографовъ и не позволять оглашать судебныхъ преній въ печати, то такой судъ нельзя считать *гласнымъ*, хотя бы туда была допущена всякъ состоянній публика, ибо каждый, слушая цѣлый день, а иногда и долѣе, судебныя пренія, выносилъ бы оттуда свои собственные впечатлѣнія; у одного ускользнуло бы отъ вниманія одно, у другого—другое. Каждый передавалъ бы о видѣнномъ и слышанномъ имъ различно. При такомъ положеніи безпристрастная провѣрка судебныхъ дѣйствій сдѣлалась бы невозможною для людей въ судѣ неприсутствовавшихъ.

Напротивъ того, если записывать, при посредствѣ стенографовъ, все что происходитъ на судѣ и передавать печати, то такой судъ сдѣлаетъ признавать *гласнымъ*, несмотря на то что туда не допускалась бы никакая публика, потому что всякій желающій прочтетъ напечатанное, спокойно и свободно сидя дома.

Гласность есть, конечно, необходимое условие правильного судопроизводства, но публичность можно считать обращением суда, ибо это есть обращение храма правосудия въ арену зрелищъ, гдѣ сочувствіе любознѣвающихъ бываетъ не всегда на сторонѣ истины и справедливости. Судебныя пренія не сценическое представленіе. Присутствіе публики заставляеть перваго преступника рисоваться предъ нею, а защитника его стараться, неуловимымъ краснорѣчіемъ, омадывать ея вниманіемъ и возбуждать сочувствіе къ тому что именно правдѣ и справедливости.

При такой обстановкѣ публичный судъ для людей не твердой нравственности есть настоящая школа разврата, гдѣ можно научиться лукавству и всѣмъ хитростямъ преступленія, напримѣръ, воровства, мошенничества, обмана и т. п., наконецъ умѣнно ускользать отъ кары закона. Если всякое правительство полагаетъ что оно въ правѣ запрещать для публичныхъ зрѣлищъ то что оно считаетъ оскорбляющимъ народную нравственность тамъ гдѣ представляется только вымыселъ, все-таки прикрываемый въ безобразныхъ сторонахъ проявленія, чертами художества, то какъ оно можетъ допустить публичность суда, гдѣ судебное разбирательство раскрываетъ иногда голый развратъ, гдѣ все дѣйствительность, а не вымыселъ? И хотя законъ предоставляетъ въ иныхъ такихъ случаяхъ предсѣдателю право затворять двери суда для постороннихъ, но за то въ другихъ подобныхъ, когда дѣло идетъ о тяжкомъ преступленіи, напримѣръ убійствѣ (какъ въ извѣстномъ дѣлѣ Зона), предсѣдатель не можетъ устранить публику, и тогда предъ ея любознѣвательствомъ открываются во всей наготѣ такія стороны не вымышленнаго но дѣйствительнаго разврата, которыя можно отыскать лишь въ самыхъ темныхъ закоулкахъ переполненнаго жителями большого города, а такія-то именно дѣла и привлекаютъ наибольшія массы праздныхъ людей.

Есть еще одна прискорбная сторона публичности суда, это оглашеніе на весь міръ такихъ случаевъ или событій изъ частнаго и домашняго быта куда одно вторженіе безучастнаго любознѣвателя можетъ нарушить въ семьѣ все счастье и миръ и оскорбить ни въ чемъ неповиннаго, но такъ или иначе привлеченнаго къ суду, особенно если этотъ человекъ никому своею дѣятельностью извѣстенъ не былъ. Припоминаемъ

надѣлавшее въ свое время много шума дѣло непопулярной престоупленіи гжи Шлегель. Публичность суда при устныхъ преніяхъ можетъ еще лишить чести такого подсудимаго котораго адвокатъ, при защитѣ другаго подсудимаго или кліента, старается опорочить представляя сво нравственные качества въ ложномъ свѣтѣ, а это вѣрѣдко случается у насъ на судѣ. Чести же никакой судъ, даже и милостивый, возстановить не можетъ, и тогда выходитъ что подсудимый приговоромъ оправданный остается все-таки осужденнымъ общественнымъ мнѣніемъ (судъ надъ доковникомъ Барцкимъ въ Рязанскомъ окружномъ судѣ, который его, хотя и оправданнаго, свелъ въ могилу).

Если взглянуть на дѣло безъ предвзятыхъ мыслей, то выходитъ еще что публичность суда есть только обманъ. Въ наше время, при большомъ скопленіи жителей вообще въ большихъ городахъ, а въ особенности въ столицахъ, напримеръ, при девятистахъ почти тысячахъ жителей въ Петербургѣ, можетъ ли быть названъ публичнымъ такой судъ котораго зала засѣдателей не можетъ вмѣстить болѣе 200 и 250 человекъ? Что значить это число въ сравненіи съ населеніемъ города, изъ среды котораго, при дѣйствительной публичности суда, всякій имѣеть неотъемлемое право войти въ него? Поэтому во всѣхъ дѣлахъ особенно привлекающихъ публику судъ вынужденъ самъ принимать мѣры къ удержанію ея наплыва и раздавать избраннымъ только билеты для входа. Тогда всякому чтобъ осуществить свое мнѣное право быть на судѣ нужны положеніе въ свѣтѣ и протекція, или по крайней мѣрѣ знакомство съ лицами такъ или иначе завѣдующими отправленіемъ правосудія. А что же сказать если раздача билетовъ для входа дѣлается самимъ председателемъ суда, принимающимъ участіе въ разсуждаемомъ дѣлѣ? Тогда билеты могутъ быть розданы только тѣмъ чьего присутствія желаетъ судъ изъ личныхъ какихъ-нибудь интересовъ, и такимъ образомъ изъ мнѣно публичнаго онъ обращается уже въ пристрастный, худшій нежели тотъ куда никто бы изъ постороннихъ не допускался.

Нѣкоторые находятъ что если театръ, гдѣ число мѣстъ также ограничено и куда также не могутъ войти всѣ, признается публичнымъ, то на томъ же основаніи и судъ долженъ все-таки считаться публичнымъ. Сравненіе вѣрное.

Не говоря уже о большемъ просторѣ помѣщенія въ зданияхъ предназначаемыхъ для зрѣлищъ, право входа туда, опредѣляемое для всѣхъ одинаково установленною платой, всегда сохраняется для всякаго въ своей фикціи. Кто пришелъ раньше за билетомъ въ указанное и извѣстное всѣмъ мѣсто и внесъ деньги, тотъ неизбежно его получаетъ; но если бы и не досталъ билета, имѣеть возможность видѣть въ другой разъ желаемое представленіе, которое десятки и сотни разъ повторяется, между тѣмъ какъ судъ не можетъ повторить произведенное имъ дѣло, и кто разъ не попалъ, утратилъ навсегда свое право быть на разбирательствѣ того что желалъ слышать.

Изъ всего сказаннаго не слѣдуетъ однако чтобы суду надлежало быть совсѣмъ закрытымъ. Надобно составить правила, кто можетъ имѣть постоянное право входа въ судъ и кто временное. Напримѣръ, должны быть допускаемы родственники и близкіе подсудимыхъ и тяжущихся. Сверхъ того, во всякое время всѣ принадлежащіе къ составу юстиціи высшія должностныя лица, представители печати и корреспонденты газетъ и т. п.; временно—всякій желающій посѣщать судъ для какой-нибудь серьезной дѣлы, по особому дозволенію, выдаваемому каждый разъ по просьбѣ на опредѣленное время, безъ выбора дѣлъ назначаемыхъ къ слушанію. Все должно быть установлено такъ чтобы судъ не имѣлъ права допускать тѣхъ или другихъ лицъ по своему произволу или усмотрѣнію. При такомъ порядкѣ и дозволеніи стенографамъ записывать все что происходитъ на судѣ и отдавать печати судъ будетъ въ полной мѣрѣ *гласнымъ*.

Судъ присяжныхъ.

Судъ присяжныхъ имѣеть свои хорошія стороны тамъ гдѣ всякій знаетъ сколько-нибудь свойства и душевныя качества того кто можетъ подпасть подъ судъ, какъ знаетъ, напримѣръ, крестьянинъ своихъ односельцевъ въ общинѣ или хотя сосѣдей въ волости. Тамъ оправдательный или обвинительный приговоръ присяжныхъ можетъ быть еще вѣрнымъ выраженіемъ общественной совѣсти, даже и въ томъ случаѣ если, по ошибкѣ, свойственной человеческой природѣ, виновный былъ бы несправедливо оправданъ, потому что

будеть оправданъ такой, конечно, который, будучи хорошимъ человекомъ, впалъ въ преступленіе по какой-нибудь случайности или по несчастному стеченію обстоятельствъ, или наоборотъ, еслибы невинный былъ приговоренъ, напримеръ, за воровство, то такой который хотя бы въ этомъ данномъ случаѣ и не совершилъ преступленія, но былъ уже можетъ-быть и многократно воромъ.

Тамъ гдѣ жизнь осложнилась, гдѣ различіе состояній и образованія предполагаютъ различныя отношенія къ одному и тому же дѣйствию караемому закономъ, тамъ необходима большая компетенція произносящихъ приговоръ надъ преступникомъ, и судъ присяжныхъ, набираемыхъ изъ лицъ разныхъ состояній и положеній, съ невысокимъ цензомъ для присяжнаго, не представляетъ еще обезпеченія въ справедливости. Напримеръ, можно впередъ сказать что если мужъ изъ класса образованныхъ людей будетъ привлеченъ къ суду за обиды и побои наносимыя имъ женѣ, то присяжные изъ простаго званія оправдаютъ виновнаго, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, мужъ долженъ учить и наставлять жену, и побои его не должны оскорблять ее; и наоборотъ, если подсудимый изъ простаго званія будетъ привлеченъ къ отвѣту за то что привязалъ свою бабу къ телегѣ и постегалъ ее плеткой за ея безпорядочное поведеніе, то присяжные изъ образованнаго класса легко обвинятъ его въ истязаніи, влекущемъ за собою тяжкое наказаніе, а въ нашей новѣйшей судебной практикѣ мы имѣемъ даже примѣры подкупа присяжныхъ.

Между тѣмъ наши судебные уставы признаютъ безусловно судъ присяжныхъ непогрѣшимымъ, ибо вовсе не допускаютъ на него апелляціи.

Такое невѣрное воззрѣніе на этотъ судъ вноситъ только смуту въ общественныя понятія. Изъ того же ложнаго начала, изъ мнимой непогрѣшимости присяжныхъ, вытекаетъ и то правило судебныхъ уставовъ что если подсудимый оправданъ, то онъ, ни въ какомъ уже случаѣ, не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности по тому же дѣлу, хотя бы, тотчасъ по вступленіи оправдательнаго приговора въ законную силу, новыя обстоятельства обнаружили вполнѣ его виновность или даже онъ самъ сознался въ своемъ преступленіи. Изъ такого противнаго всякой справедливости и общественной нравственности положенія

выходитъ что, если кто-нибудь хорошо спряталъ украденное и вслѣдствіе собственной докосты и чуждой защиты адвоката оправданъ присяжными ищетъ, какъ бы законное право остаться обладателемъ похищеннаго, ибо оно уже не можетъ быть отнято у него, очищеннаго приговоромъ суда. Какимъ же образомъ возвратитъ тогда это похищенное обиженному преступленіемъ?

При этомъ нельзя не обратить вниманія и на то что судъ присяжныхъ, при недостаточной государственной власти отъ его владычествія у насъ, дожилася савшномъ тяжелемъ повинности на всѣхъ, особенно на бѣдные классы и крестьянъ въ селаніяхъ, тѣмъ что они стараются отъ неспаскомыхъ большаю частію въ цѣль быту занятій, при отдаленныхъ часте разстояніяхъ отъ мѣста накомденія суда, а если возвыситъ венадъ для присяжнаго, какъ это и слѣдовало бы одѣвать относительно образованія, то повинность надава бы на меньшее число лицъ и стала бы невыносимо тяжелымъ бременемъ для тѣхъ немногихъ которые могли бы удовлетворять цензу на всемъ обширномъ пространствѣ Россіи. Нужно прибавитъ еще что при судѣ присяжныхъ произнесеніе приговора о виновности, то-есть судъ по совѣсти, принадлежитъ однимъ, а опредѣленіе (квалификація) преступленія и приложение закона къ виновному, то-есть судъ по закону, другимъ лицамъ, тогда какъ на дѣлѣ невозможно провести раздѣленія между судомъ совѣсти и закона. Притомъ судъ изъ лицъ изучившихъ законы и опытныхъ въ веденіи процессовъ и умѣнье адвоката могутъ всегда поставитъ дѣло предъ неопытными и неизучавшими заранѣе слѣдственнаго производства присяжными въ иномъ видѣ и свѣтѣ чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Этому есть у насъ и примѣры: извѣстное дѣло Вѣры Засуличъ.

Во свидѣтельство того что не я одинъ отвергаю нелогичность суда присяжныхъ и признаю въ немъ существенные недостатки, вызывающіе другое построение суда, для оеуществленія въ государствѣ законовъ правды и справедливости, я могу сослаться на Германію, гдѣ лучшіе юристы пришли къ сознанію что этотъ судъ не удовлетворяетъ потребностямъ современнаго намъ общества и переходятъ къ старому устройству смѣшаннаго суда (Schöffengericht), сущность построения котораго состоитъ въ томъ чтобы сильно

возвысить цѣль присаживать относительно юридическаго образованія и сдѣлать ихъ въ одинъ составъ съ коренными судьями, такъ чтобы они сообща произносили о виновности вердиктъ и приговоръ, то-есть примѣляли законы къ данному случаю.

Кассационный судъ.

Еще менѣе удачнымъ заимствованіемъ изъ иностранныхъ законодательства должны быть признаны введенный у насъ кассационный судъ. Во Франціи, откуда онъ перешелъ къ намъ и въ тѣ государства Европы которыя взяли у нея судебную магистратуру, устройство кассационнаго суда остается все-таки въ сущестѣ и основаніяхъ отличнымъ отъ нашего вышшняго его устройства. Тамъ нѣтъ смѣшенія законодательной власти съ судебною, и въ концѣ концовъ, въ случаѣ признанія всѣми тремя отдѣленіями французскаго кассационнаго суда (Cour de cassation), административнымъ (des requêtes), гражданскимъ (section civile) и уголовнымъ (section criminelle), неясности закона, судъ обращается за истолкованіемъ его къ законодательной власти, тогда какъ наши кассационные департаменты въ Сенатѣ, представляющіе судебную, сѣдовательно исполнительную власть, сами окончательно толкуютъ законъ, по собственному разумію. Ни въ Англіи, ни въ Германіи, особаго отдѣльнаго кассационнаго суда не имѣется.

Предметы кассационнаго суда у насъ таковы: а) разсмотрѣніе жалобъ на нарушеніе формъ и обрядовъ судопроизводства и предѣловъ вѣдомства или власти и б) разрѣшеніе жалобъ на неправильное примѣненіе законовъ къ дѣлу (912 ст. Уст. Угол. Судопр. и 793 ст. Гражд. Судеб. Уст. 20 ноября 1864 года).

Для перваго случая: соблюденія формъ и обрядовъ судопроизводства и правилъ о подсудности по жалобамъ на окончательные приговоры не стоить конечно имѣть особаго судебного учрежденія, дорого обходящагося нашему правительству.

Въ прежнихъ нашихъ учрежденіяхъ частныя жалобы на нарушеніе формъ и обрядовъ судопроизводства и на неправильное принятіе дѣла судомъ къ своему разсмотрѣнію приносились тому же суду высшей инстанціи, которому подаетъ

жалобъ разсмотрѣніе дѣла по существу, въ случаѣ апелляціи. Эти жалобы разрѣшались или подъ названіемъ частныхъ провадствъ, можно сказать между дѣломъ, какъ бы въ кассационномъ порядкѣ: или жалоба оставалась безъ уваженія, или отмѣнялось опредѣленіе суда подчиненной инстанціи, и особаго обремененія отъ этого для судебныхъ мѣстъ не происходило.

Что же касается разрѣшенія жалобъ на неправильное примѣненіе закона къ дѣлу, то оно невозможно безъ разсмотрѣнія дѣла по существу, а между тѣмъ: кассационный судъ, по свойству своему, не входитъ въ разсмотрѣніе существа дѣла. Въ этомъ именно и обнаруживается вся несостоятельность этого учрежденія.

Въ живомъ организмѣ немислимо отдѣленіе тѣла отъ души, какъ въ произведеніи искусства не отдѣлима форма отъ содержанія; поэтому отвлеченное отъ дѣла толкованіе законовъ (только по поводу, можно сказать, такого или другаго случая) лишаетъ законъ его живаго отношенія къ дѣлу и можетъ служить лишь къ развитію юридической казуистики и щепетильной придирчивости къ изложенію текста закона, что достаточно обнаруживается у насъ теперь во многочисленныхъ томахъ рѣшеній нашихъ кассационныхъ департаментовъ: Уголовнаго и Гражданскаго, имѣющихъ служить руководствомъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Такое право толкованія, можно сказать неограниченнаго, слѣдовательно, до нѣкоторой степени и произвольнаго, подрываетъ твердость и силу законовъ, которые должны исполняться *по точному ихъ разуму и буквальному смыслу*.

Тутъ является полное смѣшеніе законодательной власти съ исполнительной и совершенный хаосъ законодательства, и рождается вопросъ: если по закону, невѣдѣніемъ его никто отзываться не можетъ, то при общей обязательности для всѣхъ судебныхъ учреждений слѣдовать, въ примѣненіи закона, толкованію департаментовъ кассационнаго суда, можно ли отзываться невѣдѣніемъ рѣшеній послѣдняго? Если можно, то эти рѣшенія бесполезны и не нужны. Если нельзя, то обязанность каждаго вѣдать законы теряетъ всякій смыслъ и значеніе, потому что сами юристы путаются въ лабиринтѣ этихъ судебно-законодательныхъ рѣшеній, слѣшкомъ часто противорѣчивыхъ, слѣдовательно въ одномъ изъ двояко разрѣшенныхъ случаевъ не соответствующихъ ни разуму, ни буквѣ закона.

Если и можетъ быть предоставлено суду, то-есть исполнителной власти, зависящее той или другой статьи закона, то только применительно къ данному случаю, то-есть въ отношеніи къ объемности, а не къ разуму законодательства, для него равносѣйные дѣла въ существѣ и во всѣхъ его подробностяхъ ставятся необходимыми.

Съ этой точки зрѣнія, хотя бы единственно для восстановленія дѣйствія нашихъ законовъ, все болѣе и болѣе утрачивающихъ у насъ силу и значеніе, съ развитіемъ дѣятельности кассаціоннаго суда, этотъ судъ, въ особенности какъ онъ поставленъ нашими судебными уставами, долженъ былъ бы подлежать упраздненію.

Прокуратура.

Прокуратура по иностранному (французскому) образцу замѣнила у насъ прежній, разумный и полезный прокурорскій надзоръ, дѣйствовавшій не только по судебнымъ дѣламъ, но по всему административному управленію.

Вмѣсто прежнихъ губернскихъ прокуроровъ и уѣздныхъ суряпчихъ, явились судебные прокуроры. Нынешніе прокуроры окружныхъ судовъ суть собственно адвокаты правительства по уголовнымъ дѣламъ и наблюдатели за производствомъ слѣдствій; въ кассаціонномъ же судѣ они не что иное какъ чиновники приготавливающие дѣла присутствію и дающие по нимъ предварительно свое заключеніе подобно начальникамъ отдѣленій въ департаментахъ министерствъ. Такъ какъ теперь у прокуроровъ отнято право останавливать своимъ протестомъ исполненіе судебныхъ рѣшеній, то тутъ о судебномъ ихъ надзорѣ не можетъ быть уже и рѣчи. Положеніе ихъ, какъ коронныхъ адвокатовъ въ судебныхъ дѣлахъ, такъ связано съ учрежденіемъ адвокатуры что еслибъ она не была введена въ наше судоустройство, то эта сторона дѣятельности и не могла бы разумѣется входить въ обязанность прокуроровъ.

Разрѣшеніе вопроса, должны ли судебные прокуроры быть, такъ-сказать, главными двигателями въ производствѣ слѣдствій, зависитъ отъ того какъ посмотрѣть на порядокъ слѣдствѣннаго производства.

Судебные слѣдователи.

Извѣстно что послѣдній уставъ о судебныхъ слѣдователяхъ былъ у насъ составленъ прежде нынѣшняго судоустройства и судопроизводства и слѣдовательно не могъ быть вовсе соображенъ съ нами. Нынѣ не только общее мнѣнiе, но и само правительство признаетъ его неудовлетворительнымъ. По моему разумѣнiю, производство слѣдствiй должно необходимо принадлежать полицiи, какъ это было прежде у насъ установлено. Отнятiе этого у нея равняется сложению съ нея отвѣтственности за исполненiе обязанностей составляющихъ ея сущность, ибо по нашимъ законамъ ея дѣла преслѣкать и предупреждать преступленiя. Предварительное дѣзнанiе, предоставляемое ей судебными уставами 1864 года, не есть слѣдствiе и обращается только въ пустую формальность, бесполезно ее затрудняющую. Отстраненiе полицiи отъ слѣдствiй можно считать одною изъ главныхъ причинъ разрыва связи полицiи съ судомъ и враждебныхъ ихъ между собою отношенiй, вездѣ явно обнаруживающихся.

По смыслу нашихъ законовъ, судья и слѣдователь не могутъ совмѣщаться въ одномъ лицѣ, а по новымъ уставамъ слѣдователи считаются членами окружныхъ судовъ, и если утверждены въ должности, то несмѣняемы какъ судьи, и хотя судебный слѣдователь не можетъ участвовать въ разрѣшенiи дѣла по которому производилъ слѣдствiе, но разсматриваетъ слѣдствiе другаго, который, въ свою очередь, разсматриваетъ его слѣдствiе. Тутъ является поводъ къ взаимному снисхожденiю, и вообще лица судебного вѣдомства находятъ въ солидарности между собою. Уже по этому одному соображенiю, производство слѣдствiй должно быть возложено на другое вѣдомство, неправильныхъ дѣйствiй коего покрывать суду нѣтъ никакого интереса.

Стереотипны проекты судебной реформы ссылались, сколько я помню, на то что становые пристава, производившие въ прежнее время слѣдствiя, люди ненадежныя и корыстные, какъ будто при полицiи нельзя было организовать другихъ слѣдователей; но это соображенiе вообще есть самый ничтожный предлогъ къ устранинiю полицiи отъ слѣдствiй, потому что еслабъ ихъ производилъ и тѣ же становые; то

положеніе послѣднихъ и отношеніе ихъ къ дѣлу измѣнились совершенно со введеніемъ гласности въ судопроизводство. При этомъ тѣ же лица должны были бы стать не тѣми, а ставовыми, по одной уже своей опытности, безъ сомнѣнія, заслуживали предпочтенія предъ неопытными молодыми людьми, иногда едва кончившими свое ученіе и воспитаніе, въ чьи руки пала тогда свѣдѣтельная часть. Далѣе, кто бы изъ юстиціи ни производилъ свѣдѣствіе, успѣхъ его возможенъ только при согласіи свѣдователя съ полиціей и при ея дѣятельномъ содѣйствіи. Такъ по дѣлу Мельницкаго о похищеніи суммъ изъ Московской Сохранной Казны деньги были разысканы все-таки полиціей и по окончаніи суда, и еслибы случайно присяжные его оправдали, то эти деньги и не подлежали бы возвращенію въ казну.

Всякое свѣдѣствіе тогда только можетъ быть полно и вѣрно когда оно произведено по горячимъ свѣдамъ преступленія. Съ теченіемъ времени отношенія лицъ къ происшествію измѣняются, и оно терлетъ болѣе или менѣе свой настоящій характеръ. Поэтому полиція, которая обязана и одна имѣетъ всѣ средства свѣдѣть за порядкомъ и общественнымъ благоучиемъ, можетъ легче и лучше другихъ государственнхъ учрежденій произвести всякое свѣдѣствіе, и это первое свѣдѣствіе по горячимъ свѣдамъ должно быть всегда краеугольнымъ камнемъ посаждающаго судебного производства. Устные допросы подсудимыхъ и свидѣтелей на судѣ, также какъ и пренія прокурора и адвокатовъ, должны бы служить только дополненіемъ къ произведенному свѣдѣствію и проверкой добытыхъ фактовъ, облеченныхъ полицейскимъ свѣдѣствіемъ въ формальные акты.

Судебными уставами, совершенно наоборотъ, формальному свѣдѣствію придано второстепенное значеніе. Настоящимъ свѣдѣствіемъ признается судоговореніе, начинающееся съ прочтенія обвинительнаго акта, въ судѣ же составленнаго и не представляющаго никакой документальности, потому что оное можетъ быть составлено произвольно, односторонне или и пристрастно, по понятіямъ и умѣнію его составителя или подъ давленіемъ суда, прокурора и чьихъ лицъ.

Такая постановка дѣла не можетъ вести къ разъясненію истины. Неужели можно ожидать правдиваго приговора если оное преимущественно основано на силѣ прокурорскаго обвиненія или на краснорѣчій адвокатской защиты?

По всемъ этимъ соображеніямъ, производство свидѣній должно быть возвращено въ руки полиціи, и значеніе свидѣнія по горячимъ свидѣніямъ должно быть восстановлено на судѣ въ томъ смыслѣ какой придавался ему прежде, то-есть чтобы дѣла разрѣшались не столько на основаніи судоговоренія, сколько на основаніи формальнаго свидѣнія.

Охраненіе имущества, въ случаѣ открывающагося насильства и пр., должно быть также предоставлено полиціи. Нѣтъ никакого разумнаго основанія чтобы оно принадлежало суду. Это вовсе не дѣло суда, потому что онъ не имѣетъ никакихъ средствъ къ охраненію имущества, тогда какъ полиція имѣетъ стражу и по сущности своей есть охранительная власть въ государствѣ.

Сочиненный при судебныхъ уставахъ порядокъ охраненія возмущаетъ нынѣ каждаго кто испыталъ его на себѣ. Является судебный приставъ въ то время когда въ домѣ смятеніе и удушающее горе. Онъ распоряжается тамъ какъ хозяинъ, для допроса о принадлежностяхъ имущества и для разныхъ объясненій требуетъ лицъ большею частью равнодушныхъ въ эти минуты ко всему вокругъ происходящему, лишаетъ не рѣдко семью средствъ исполнить неотложныя обязательства и даже денегъ нужныхъ на погребеніе умершаго и на необходимые расходы, такъ-сказать захватомъ и опечатаніемъ денегъ и наличнаго имущества. Случаи злоупотребленія при этомъ можно найти описанными въ любой газетѣ. Довольно сказать что не рѣдко семья принимаетъ заранѣе, при жизни главныхъ членовъ семейства, мѣры чтобы оградить себя отъ этого непрошеннаго и насильственнаго, можно сказать, охраненія, ибо въ случаѣ недостачи или растраты наличныхъ денегъ никакого обезпеченія не можетъ представить лицо судебного пристава, который почти всегда самъ никакихъ средствъ къ жизни, кромѣ небольшого жалованья и установленнаго процента съ мнимо охраняемыхъ имъ имуществъ, не имѣетъ. Что же касается документовъ, напримѣръ домашняго духовнаго завѣщанія и подобныхъ, то и въ этомъ отношеніи судебный приставъ, въ случаѣ утраты или похищенія подлиннаго документа, потерпѣвшую отъ того сторону оградить не можетъ, потому что еслибъ и внесъ въ протоколъ копію съ завѣщанія, то она по закону къ засвидѣтельствованію не принимается если нѣтъ самаго завѣщанія, и охраняемый долженъ все-таки лишиться правъ на завѣщанное ему. Полиція

въ случаяхъ охраненія можетъ приглашать постороннихъ свидѣтелей и составлять акты, а при томъ будетъ всегда действовать подъ страхомъ отвѣта предъ судомъ, тогда какъ охранительному суду приходится отвѣчать предъ судомъ же.

Во всякомъ случаѣ охраненіе имущества не должно носить на себя насильственный характеръ какой-то непромѣнной олеки, и потому должно быть оставлено закономъ въ разумные предѣлы, именно если есть прямые наследники и кто-либо налицо изъ нихъ, то не можетъ быть и рѣчи объ охраненіи имущества, развѣ сами они того потребовали бы. Обязательно должно быть охраняемо имущество умершаго когда при немъ никого изъ наследниковъ не будетъ налицо. Поэтому прежніе наши законы объ охраненіи имущества полиціей были гораздо практичнѣе и человѣчнѣе, и желательнѣе чтобъ они были восстановлены, тѣмъ болѣе что вышній порядокъ охраненія, вмѣшивающій судъ въ чисто частныя дѣла, совершенно противорѣчитъ взгляду нашего законодательства и особенно судебныхъ уставовъ 1864 года на гражданскій процессъ, въ коемъ судъ устраиваетъ себя совершенно отъ защиты интересовъ тяжущихся, предоставляя сторонамъ самимъ собирать и представлять въ состязательномъ порядкѣ доказательства обоюдныхъ правъ ихъ.

Эти же соображенія приводятъ къ тому заключенію что и исполненіе судебныхъ рѣшеній есть собственно дѣло полиціи и должно быть ей передано.

Кромѣ коронной адвокатуры въ уголовныхъ дѣлахъ и рѣководства свидѣтелями, прочія обязанности судебныхъ прокуроровъ такъ не важны и не существенны что безъ первыхъ вся прокуратура представилась бы только лишнимъ звеномъ въ цѣли судебныхъ учрежденій 1864 года.

А д в о к а т у р а.

Въ судахъ долженъ действовать законъ и царствовать справедливость. Кому нужны адвокаты? Не суду ли который знаетъ законы и долженъ тщательно изслѣдовать всѣ дѣла? Не подсудимымъ ли или тяжущимся въ качествѣ защитниковъ? Но противъ кого?—противъ представляемаго судомъ правительства, которая самый высшій интересъ есть осуществленіе правды и справедливости и которое обязано

само во всѣхъ случаяхъ ограждать права всякаго гражданина отъ покушенія на отнятіе ихъ другимъ лицомъ, не только въ уголовныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, когда сама правительственная власть разыскиваетъ и преслѣдуетъ нарушителя закона, но и въ гражданскихъ частныхъ процессахъ, при состязаніи между истцомъ и отвѣтчикомъ, ибо и тогда нарушение закона не можетъ же быть терпимо правительствомъ.

Вся фальшь адвокатуры яснѣе выставляется въ гражданскомъ процессѣ, гдѣ неизбежно двѣ противоположныя стороны, изъ коихъ одна неправая. Какимъ же образомъ правительство въ такомъ сознании даетъ защитниковъ подъ своею отвѣтственностью за ихъ благонадежность обѣимъ сторонамъ,—и той которой права нарушаются, и той которая покушается эти права нарушить?

Это ложное положеніе оправдываютъ обыкновенно софизмомъ что правительство не можетъ знать впередъ которая изъ сторонъ неправая; но это все равно какъ еслибы кто-нибудь, видя двухъ враждующихъ между собой, вмѣстѣ того чтобы разобрать причины ихъ взаимныхъ неудовольствій и успокоить ихъ, разжегъ бы ихъ распрю, всунувъ обоимъ въ руки ножи для защиты; а послѣ кроваваго исхода ссоры и лораженія одного оправдывался бы тѣмъ что онъ не зналъ впередъ который изъ нихъ одолѣетъ другаго.

Необходимость учрежденія адвокатуры стараются доказать тѣмъ же законы не могутъ быть совершенны и обнимать всѣ случаи гражданской жизни, что подсудимые и тяжущіеся не всѣ хорошо знаютъ законы и потому нуждаются въ руководствѣ знающихъ, опытныхъ и благонадежныхъ людей; что бывають часто такія дѣла гдѣ трудно разобрать на чьей сторонѣ право, и тогда необходима подсудимымъ и тяжущимся услуга юристовъ, для того чтобы отстоять свое право предъ судомъ.

Если законы несовершенны, то ихъ дополняютъ юридическое преданіе и юридическій обычай которые должны быть точно извѣстны суду и безъ адвокатовъ. При отсутствіи ярамаго закона, справедливость для подсудимаго и тяжущихся должна заключаться въ томъ чтобы съ ними было поступлено такъ какъ судъ поступилъ съ другими въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Во всякомъ рѣшеніи должны же быть приведены къ нему законы или основанія. Какъ бы дѣло

сложно ни было, обязанность самаго суда есть привести его въ ясность тщательнымъ и всестороннимъ изслѣдованіемъ. Немыслимо чтобы какой бы то ни было судъ имѣлъ право составлять свои приговоры по личному усмотрѣнію или совершенному произволу. Въ чемъ же адвокатъ своимъ краснорѣчіемъ можетъ содѣйствовать правильному рѣшенію дѣла? Если примѣненіе закона въ данномъ случаѣ несомнѣнно и просто, то тогда само собой адвокатъ лишній. Если же дѣло разрѣшалось въ судебной практикѣ разнообразно, то безъ сомнѣнія ловкій адвокатъ неправой стороны будетъ пользоваться всякимъ случаемъ неправильнаго рѣшенія дѣла и, слѣдовательно, долженъ стараться не разъяснить, а затемнить его для достиженія своей цѣли, тогда правая сторона, имѣющая менѣе способнаго адвоката, легко можетъ проиграть свое дѣло. Поэтому, когда судъ стоитъ на высотѣ своего призванія, состязаніе адвокатовъ бесполезно и обременительно для него. Когда же судъ слабъ или пристрастенъ, то адвокаты могутъ только спутать его или служить сильными пособниками въ пристрастныхъ дѣйствіяхъ.

Правительство съ учрежденіемъ адвокатуры, принимая на себя олеку надъ подсудимыми и тяжущимися, тогда только достигало бы своей цѣли когда бы имѣло возможность придавать знающаго и умѣлаго защитника всегда лишь правой сторонѣ; но объ этой возможности не можетъ быть и рѣчи когда оно само даетъ адвокатамъ право свободно защищать правду и неправду какъ въ уголовныхъ дѣлахъ, такъ и во всѣхъ гражданскихъ процессахъ, и еще торговать своею защитой.

Невольно вспоминается при этомъ сужденіе великой Екатерины объ адвокатурѣ, которой она во многомъ приписывала бѣдствія французской революціи. Она говоритъ въ одномъ изъ писемъ къ Гримму въ 1790 году: „Противъ ябедниковъ во всѣхъ странахъ придумываютъ законы, и даже очень строгіе, а во Франціи (ябедники) возведены въ роль законодателей... Адвокаты, соображаясь съ тѣмъ когда и какъ имъ заплатили, поддерживаютъ то правду, то ложь, то справедливое, то несправедливое. Я бы прежде всего удалила этихъ людей и не стала бы бороться по частичкамъ съ тѣмъ что они натворили или творять; это пришло бы послѣ“. *

* Сборникъ Историческаго Общества. XXIII, 489.

Въ другомъ письмѣ, разказывая Гримму какъ она награждаетъ заслуги отечеству, императрица прибавляетъ: „главная тому причина что адвокаты и прокуроры у меня не законодательствуютъ и никогда законодателями не будутъ, пока я жива, а послѣ меня будутъ сѣдовать моимъ началомъ“ *.

Напрасно себя обманывать: адвокатура вносить въ храмъ правосудія торгъ совѣстью и тайный безнаказанный подкупъ суда. Нашъ законъ каралъ равно подкупаемаго и подкупателя. Я слышалъ осужденіе этого закона съ той точки зрѣнія что такимъ образомъ принуждаемый къ подкупу ничѣмъ не ограждается, потому что не можетъ жаловаться если далъ взятку какъ виноватый предъ судомъ столько же сколько и тотъ который ее принялъ.

Что же сказать теперь о судебныхъ уставахъ 1864 года? Адвокатъ, сверхъ уговорной платы за защиту, требуетъ иногда денегъ на судебныя издержки, въ употребленіи коихъ не даетъ и отчета своему кліенту. Еслибъ онъ далъ вознагражденіе судьямъ за выигрышъ дѣла, то конечно ни онъ, ни они, по чувству самосохраненія никогда этого не выдали бы, такъ что въ этомъ случаѣ подкупатель не обличилъ бы подкупленнаго даже и тогда когда бы законъ не каралъ вовсе ни того ни другаго.

При такомъ положеніи вещей, тяжущійся не имѣетъ даже утѣшенія узнать былъ ли вообще и кто подкупленъ по его дѣлу, сѣдовательно тутъ уже совсѣмъ нѣтъ огражденія подсудимыхъ и тяжущихся отъ подкула, а какъ великъ соблазнъ къ тому для отпавляющихъ судейскія обязанности, можно усмотрѣть изъ отношеній, въ которыя поставлены къ подсудимымъ и тяжущимся судьи и адвокаты.

Судьи получаютъ ограниченное, едва достаточное для прожитія съ семьей, содержаніе, особенно въ столицныхъ городахъ, и обязаны разсматривать сотни дѣлъ въ годъ, безъ выбора, сколько бы ихъ ни лоступило къ нимъ, поочереду, работать безъ устали за одно и то же содержаніе; между тѣмъ какъ адвокаты могутъ выбирать себѣ дѣла по доброй волѣ и брать сколько сочтутъ нужнымъ не только для своего обезпеченія, но и для роскоши, входить во всякія сдѣлки со стороны какія считаютъ для себя выгодными и получать за каждое дѣло особое вознагражденіе, иногда

* *Сборникъ Историческаго Общества. XXIII, 497.*

огромное когда дѣло идетъ о значительной суммѣ, хотя обработка его не требуетъ большаго труда. Поэтому судья который и не рѣшился бы пойти прямо на подкупъ, для рѣшенія дѣла противъ закона и справедливости, остается еще сдѣлака со своею совѣстью. Онъ можетъ сказать адвокатамъ: „знайте впередъ что я никогда не рѣшусь произнести завѣдомо неправильный приговоръ, но одинъ изъ васъ долженъ непременно выиграть дѣло, другой его проиграть. Мнѣ известно что каждый изъ васъ получаетъ такое вознагражденіе которое далеко превышаетъ все мое годовое жалованье за десять лѣтъ; поэтому я прошу заранѣе того изъ васъ который выиграетъ дѣло дать мнѣ такой-то процентъ съ вознагражденія которое вы имѣете получить отъ вашего кліента.“ Какой же адвокатъ откажется удовлетворить такой просьбѣ, въ виду множества мелкихъ услугъ которыя судья всегда можетъ оказать подсудимому или тяжущемуся, хотя бы, напри- мѣръ, ускореніемъ дѣла и т. п.? И не только никто изъ посто- ровнихъ, но и самъ платящій тяжущійся никогда не узнаютъ о подобной сдѣлкѣ, ибо, какъ я уже сказалъ, учрежденіе адвокатуры само вполне охраняетъ всякій подкупъ. При та- кой обстановкѣ дѣла, правосудіе становится вообще очень дорогимъ, въ особенности для бѣдныхъ, а дешевизна его есть такое условіе которое должно всегда заставитьъ каждаго пред- почестъ въ гражданскихъ тяжбахъ худшее по качеству су- допроизводство и судоустройство лучшему.

Еще въ 1859 году, за пять лѣтъ до введенія у насъ судеб- ной реформы и задолго даже до учрежденія комиссіи для разработки новаго судоустройства и судопроизводства, я вы- сказалъ печатно (*Русск. Вѣстн.*, т. XIX, № 6, мартъ, кн. 2, „Совр. лѣт.“ стр. 144—154) мои мысли „объ адвокатурѣ въ гражданскомъ процессѣ“, стараясь доказать всю ложность ея основаній и, въ заключеніе, выставилъ нѣсколько положеній или тезисовъ которые я позволяю себѣ здѣсь повторить:

„Строгая послѣдовательность требовала бы предавія уго- ловному суду адвоката неправой стороны, въ случаѣ потери ею тяжбы, за безнравственное и умышенное локушеніе на- рушить право принадлежащее справедливой сторонѣ.

„Какъ согласить такое требованіе строгой и абсолютной справедливости съ обязанностью налагаемою самимъ государ- ствомъ на адвокатовъ, имъ же поставленныхъ, нарушать эту справедливость въ половинѣ всѣхъ случаевъ ввѣряемыхъ ихъ защитѣ?

„Тяжущіеся имѣютъ право ожидать огражденія отъ злонамѣренности адвокатовъ если были увлечены софистическими доказательствами послѣднихъ къ напрасному начатію дѣла.

„Въ чемъ можетъ состоять такое огражденіе со стороны государства?

„Естественное неравенство двухъ адвокатовъ, какъ бы они оба ни были приготовлены къ исполненію своихъ обязанностей, представляетъ для правой стороны неизбѣжный рискъ потерять дѣло если ея адвокатъ былъ слабѣе адвоката противной стороны.

„Возможно ли устранить это неудобство въ случаѣ учрежденія адвокатуры въ гражданскихъ дѣлахъ?

„Положеніе бѣднаго лишаетъ его возможности предоставить адвокату значительное вознагражденіе, тогда какъ богатый въ силахъ хорошо заплатить ему.

„Какъ предупредить это зло присущее гражданской адвокатурѣ, зло которое падаетъ всею своею тяжестью на членовъ общества наиболѣе требующихъ защиты со стороны государства?

„Примирительное разбирательство есть идеалъ гражданскаго судопроизводства, какъ идеалъ гражданскихъ отношеній есть совершенное уничтоженіе тяжбъ и исковъ.

„Учрежденіе адвокатовъ по свойству своему не вызываетъ ли для выгоды и поддержанія этого сословія всякаго рода процессы и не представляетъ ли оно тѣмъ самымъ препятствія свободному примиренію?

„И наконецъ, въ гражданскомъ судѣ только одна сторона можетъ имѣть добросовѣстнаго адвоката, и въ такомъ случаѣ адвокатъ этотъ получаетъ характеръ третейскаго судьи.

„Какому изъ двухъ учрежденій, адвокатурѣ или третейскому суду, отдать преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ какъ одно изъ этихъ учрежденій дѣлаетъ лишнимъ другое?“

Тогда я разсуждалъ только объ адвокатурѣ въ гражданскомъ процессѣ, но само собой разумѣется что адвокатура въ уголовныхъ процессахъ не можетъ держаться безъ гражданскихъ, потому что она есть повинность которая ложится на всѣхъ адвокатовъ, а тѣ изъ нихъ которые посвящаютъ себя специально уголовнымъ дѣламъ получаютъ вознагражденіе отъ сотоварищей по гражданскимъ, потому что послѣдніе если имѣютъ достаточную практику посылаютъ къ нимъ уголовныя дѣла достаеміяся имъ по очереди. Но защищая

завѣдомо настоящаго преступника, адвокаты и въ уголовныя дѣла не могутъ внести правды и справедливости.

Собственно адвокатура не вполнѣ осуществилась и даже еще не принялась въ Россіи. Хотя сколько-нибудь устроенною можно считать ее тамъ только гдѣ есть совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, а они образовались въ столицахъ: Петербургѣ и Москвѣ и еще въ Кіевѣ. Болѣе, кажется, нѣтъ нигдѣ въ Россіи совѣта присяжныхъ, а вмѣсто адвокатовъ являются малонадежныя ходатаи, такъ что по болѣе важнымъ процессамъ приглашаютъ обыкновенно извѣстныхъ по дѣламъ адвокатовъ обѣихъ столицъ; слѣдовательно, упраздненіе у насъ адвокатуры не было бы и замѣтно, тѣмъ болѣе что она, будучи не столько правительственнымъ учрежденіемъ сколько общественною организаціей, не создана нашею народною жизнью, а просто пересажена къ намъ въ одинъ прекрасный день съ другой, чуждой намъ почвы. Послѣдній изъ поставленныхъ здѣсь въ моихъ положеніяхъ вопросовъ: „какому изъ двухъ учрежденій, адвокатѣ или третейскому суду, отдать преимущество, такъ какъ одно изъ этихъ учрежденій дѣлаетъ лишнимъ другое“, требуетъ разъясненія которое, мнѣ кажется, и должно вывести насъ на путь истинный.

Въ самомъ дѣлѣ, придадимъ адвокатурѣ идеальный образъ который, еслибъ она его приняла, несомнѣнно разрушилъ бы ее именно еслибы ни одинъ адвокатъ не принялъ на себя защиты неправаго дѣла; что произошло бы? Всѣ гражданскіе процессы потеряли бы половину своихъ защитниковъ, то есть защитниковъ неправою стороны, а при этомъ только условіи адвокатура могла бы вносить въ суды начало правды и справедливости. Тогда всякій неправильно начинающій тяжбу, обойдя всѣхъ наличныхъ адвокатовъ, а ихъ при петербургскихъ судебныхъ мѣстахъ до 250, да столько же ихъ помощниковъ, и получивъ ото всѣхъ отказъ въ защитѣ, съ объясненіемъ неправильности его претензіи, пошелъ ли бы затѣмъ въ судъ? Приговоръ ему былъ бы произнесенъ, и судъ оказался бы уже лишнимъ. Въ такомъ случаѣ почему бы самихъ адвокатовъ не признать официально третейскими судьями? При честной постановкѣ дѣла, адвокаты сами собою обращаются въ этихъ судей.

Во время французской революціи 1789 года, когда носились предъ людьми высокіе идеалы свободы, равенства и братства, декретомъ учредительнаго собранія, въ 1791 году, защита

предъ судомъ была объявлена свободною для всѣхъ гражданъ. Адвокатура была уничтожена, и образовался судъ на подобіе третейскаго, но такъ какъ учрежденіе адвокатовъ выросло, такъ-сказать, на исторической почвѣ Франціи, то вслѣдствіе возвращенія по возможности къ старому порядку, при Наполеонѣ I, въ 1810 году, оно было восстановлено, однако съ ограниченіями, а июльская революція 1830 года возвратила сословію адвокатовъ его прежнія привилегіи. Изъ этого слѣдуетъ что насколько во Франціи трудно было устоять суду безъ адвокатуры настолько же въ Россіи должно быть трудно создать, вопреки прежнему строю ея судебныхъ учрежденій, институтъ адвокатовъ, до уставовъ 1864 года у насъ вовсе не существовавшій. Русскій народъ не понимаетъ и не пойметъ ихъ значенія въ судѣ, чему служатъ свидѣтельствомъ тѣ неслышныя названія коими онъ ихъ окрестилъ, а въ печати ихъ дѣятельность подвергается отъ времени до времени сильному порицанію, не смотря на то что самому введенію адвокатуры почему-то признано у насъ необходимымъ воздавать похвалы.

Объ учрежденіи третейскаго суда.

Чтобъ избѣгнуть такой ломки какая до сего времени болѣе 20 лѣтъ сряду сопровождала всѣ реформы въ Россіи, достаточно превратить учрежденіе адвокатовъ въ институтъ юристовъ и предоставить имъ приписываться, съ утвержденія правительства, къ окружнымъ судамъ въ опредѣленномъ закономъ числѣ для каждаго суда смотря по потребностямъ, то-есть количеству вступающихъ дѣлъ, густотѣ мѣстнаго населенія, развитію промышленности и т. п., безо всякаго содержанія отъ казны, пожалуй съ правомъ пользоваться прочими преимуществами службы, для чего нынѣшніе окружные суды должны быть преобразованы въ своемъ составѣ.

Въ каждомъ окружномъ судѣ долженъ быть отъ короны предсѣдатель съ товарищемъ, двумя или и болѣе, сообразно съ мѣстными потребностями и пространствомъ округа, каждый со значительнымъ, вполнѣ обезпечивающимъ его содержаніемъ отъ казны и всѣми привилегіями службы. Затѣмъ никакихъ чаеновъ суда отъ правительства уже быть не должно. Предсѣдатель и товарищи дѣлаютъ между собою поступающія на разсмотрѣніе дѣла и всегда первоприсутствуютъ на судѣ

при разсмотрѣннн этихъ дѣлъ, такъ что для всякаго дѣла судъ образуется изъ короннаго предсѣдателя или одного изъ его товарищей и двухъ юристовъ (бывшихъ адвокатовъ) приписанныхъ къ суду, которыхъ назовемъ третейскими судьями. Дѣла должны рѣшаться большинствомъ голосовъ.

Въ гражданскихъ процессахъ каждая изъ сторонъ имѣетъ право избрать себѣ по желанію одного третейскаго судью изъ налицныхъ юристовъ къ суду приписанныхъ. Еслибы выборъ почему-либо не состоялся, юристы, по совѣщанію между собою, назначаютъ третейскаго судью тяжущемуса. Третейскій судья во всякомъ случаѣ замѣняетъ ему адвоката и долженъ быть, такъ-сказать, отвѣтственнымъ предъ нимъ и судомъ—инструкторомъ его дѣла.

Когда дѣло пошло, то-есть третейскими судьями собрано все чѣмъ только клиентъ каждаго изъ нихъ можетъ доказывать свое право, назначается заранѣе первоприсутствующимъ на судѣ день разбирательства. Такимъ образомъ, каждый изъ третейскихъ судей обязанъ представить присутствію все что могло бы служить въ защиту той стороны которую онъ представляетъ, указывать на вызовъ свидѣтелей и т. п. и отвѣтствовать предъ своимъ клиентомъ и судомъ только за улуценія въ предъявленіи тѣхъ документовъ и доказательствъ которые несомнѣнно служили бы къ подтвержденію его права; а затѣмъ каждый изъ нихъ при разрѣшеніи дѣла можетъ дать свой голосъ и въ пользу противной стороны еслибы того потребовала справедливость.

Третейскіе судьи должны получать отъ тяжущихся вознагражденіе, въ которомъ коронные судьи, предсѣдатель и товарищи его, никакого участія не принимаютъ. Количество вознагражденія должно быть одно для всѣхъ дѣлъ, определенное закономъ, не обременительное для тяжущихся, на примѣръ не болѣе двухъ-трехъ процентовъ съ цѣны всего иска, а въ случаѣ примиренія до суда—уменьшенное по крайней мѣрѣ до половины. * Это вознагражденіе должно каждый разъ распределяться поровну между обоими третейскими судьями принимавшими участіе въ дѣлѣ, съ удержаніемъ у каждаго изъ получаемой суммы установленныхъ процентовъ,

* По вышней таксъ для адвокатовъ, мелкіе иски до 2.000 руб. оплачиваются 10%/о, а по мѣрѣ возрастанія цѣны ихъ плата адвокатъ понижается до 1/2%/о.

примерно от 10 до 20, на образованіе капитала, изъ процентовъ съ котораго можетъ выдаваться до извѣстнаго времени ежегодное пособіе, въ видѣ жалованья, юристамъ-новичкамъ или тѣмъ которые не успѣли еще приобрести достаточнаго авторитета для своего обезпеченія, а также на образованіе эмеритальной кассы для пенсій за пребываніе извѣстнаго числа лѣтъ третейскимъ судьей.

Истцу и отвѣтчику можетъ быть предоставлено право увеличенія состава суда для разсмотрѣнія ихъ дѣла, но такимъ образомъ чтобы было прибавляемо всегда по два юриста, то есть судъ состоялъ бы изъ 5, 7 и 9 судей и т. д., считая въ числѣ ихъ и предсѣдателя. За такое прибавленіе должно быть установлено особое вознагражденіе съ тяжущихся, значительно меньшее нежели опредѣленное первымъ двумя третейскимъ судьямъ. Оно должно разверстываться поровну же между *добавочными* судьями и съ удержаніемъ также извѣстнаго процента въ кассу юристовъ. Стороны платятъ вознагражденіе пополамъ если обѣ изъявили желаніе на увеличеніе состава суда; если же одна только, то она и должна платить всю сумму вознагражденія, причемъ все-таки право выбора добавочнаго судьи сохраняется за каждою изъ спорящихъ сторонъ, какъ бы обѣ заллатили, и ни въ какомъ случаѣ это вознагражденіе не должно причитаться къ издержкамъ падающимъ по суду на обвиняемую сторону.

Само собой разумѣется что кромѣ закона и совѣсти, добавочные судьи ничѣмъ не стѣсняются въ подачѣ своего голоса и предъ сторонами не отвѣтствуютъ за полноту дѣла.

Для устройства взаимныхъ отношеній, огражденія правъ и наблюденія за исполненіемъ достойнымъ образомъ обязанностей тѣми кои принадлежатъ къ корпораціи третейскихъ судей, слѣдуетъ образовать изъ нихъ, при всякомъ окружномъ судѣ, совѣтъ юристовъ на подобіе совѣта присяжныхъ.

Въ уголовныхъ дѣлахъ, по поступленіи въ судъ формальнаго слѣдствія, назначается по установленной очереди одинъ юристъ въ качествѣ судьи подсудимаго или подсудимыхъ по одному дѣлу, обязанный привести на судѣ всѣ доказательства могущія служить къ оправданію ихъ или къ облегченію ихъ участи, и другой въ качествѣ правительственнаго судьи, обязаннаго представить все чтò служитъ къ уликѣ обвиняемаго въ преступленіи. Первый отвѣтственъ предъ подсудимымъ

или подсудимыми въ томъ лишь случаѣ если будетъ обнаружено въ послѣдствіи что по явному и доказанному улуцженію съ его стороны какого-либо важнаго доказательства въ дѣлѣ, невинный былъ приговоренъ къ наказанію, а затѣмъ въ подачѣ своихъ голосовъ оба должны быть свободны и руководиться единственно законами, совѣстью и фактами. Очередь въ распредѣленіи уголовныхъ дѣлъ, съ разрядами большихъ, среднихъ и малыхъ, необходима потому что бесплатное разсмотрѣніе и разрѣшеніе ихъ ложится повинностью на всѣхъ юристовъ приписанныхъ къ окружному суду.

На судѣ прочитывается записка изъ подлиннаго слѣдствія, вѣрность коей засвидѣтельствована обоими юристами участвующими въ дѣлѣ, и затѣмъ судьей, представителемъ правительства, прочитывается составленный имъ обвинительный актъ. Судъ допрашиваетъ подсудимыхъ и свидѣтелей, какъ и теперь дѣлается, но только въ смыслѣ провѣрки формальнаго слѣдствія. Последнее слово должно быть предоставлено подсудимому.

Въ уголовныхъ дѣлахъ гражданскаго характера, которыя можно назвать смѣшанными, напримѣръ о растратахъ вѣкующихъ за собой денежныя взысканія, иногда значительныя, и другихъ подобныхъ, пожалуй можно предоставить подсудимымъ право самимъ избирать своего судью; но въ такомъ случаѣ избравшій долженъ платить установленное вознагражденіе, подобно тому какъ въ гражданскихъ дѣлахъ, раздѣляемое поровну между обоими участвующими въ дѣлѣ юристами съ удержаніемъ положеннаго процента въ кассу юристовъ. Избранный судья не стѣсняется, разумѣется, въ подачѣ своего голоса, хотя противъ избравшаго его. *

Юристу, получившему по назначенію суда очередное уголовное дѣло для производства, со стороны ли правительства или подсудимыхъ, не слѣдуетъ воспрещать передачи его для производства другому, приписанному къ тому же окружному

* Еслибы судъ присяжныхъ до времени окончательнаго разочарованія въ его достоинствахъ и остался у насъ для уголовныхъ дѣлъ грозящихъ подсудимому, по Уложенію о Наказаніяхъ, лишеніемъ всѣхъ правъ состоянію или всѣхъ особенно лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, какъ это нынѣ установлено, то его также легко приурочить къ предлагаемому здѣсь судоустройству, какъ и къ судебнымъ уставамъ 1864 года.

суду, по обоюдному ихъ соглашенію и за вознагражденіе отъ передающаго, которое можетъ быть даже опредѣлено по разрядамъ дѣлъ совѣтомъ юристовъ.

Это могло бы привести пользу въ томъ отношеніи что съ одной стороны увеличило бы средства содержанія мало обезпеченныхъ практикой юристовъ, а съ другой, послужило бы къ образованію опытныхъ криминалистовъ, посвящающихъ себя исключительно уголовнымъ дѣламъ, не доставляющимъ въ большинствѣ случаевъ никакого вознагражденія. Подобное отношеніе само собою установилось теперь практикой между адвокатами по гражданскимъ дѣламъ и адвокатами по уголовнымъ.

Участіе гражданскихъ истцовъ въ уголовныхъ дѣлахъ должно быть совершенно устраниено, потому что законъ устанавливаетъ прямо что виновный, сверхъ опредѣленнаго ему наказанія, обязанъ возратить обиженному все у него отнятое и вознаградить его за весь вредъ и убытки пріостекшіе отъ преступленія. Если вознагражденіе есть прямое слѣдствіе уголовного приговора, то для чего же тутъ гражданскій искъ и за что же вводить потерпѣвшаго еще въ издержки обращеніемъ его въ истца? Дѣло другое когда рѣчь идетъ о неопредѣленныхъ убыткахъ, цифру которыхъ надо доказать; но тутъ опять уголовный судъ ни при чемъ. Обвиненіемъ преступника онъ исполнилъ всѣ свои обязанности и въ основаніи присудилъ взысканіе, а если цифра убытковъ не можетъ быть прямо опредѣлена, то необходимо доказать ее. Тогда возникаетъ споръ и разрѣшеніе его есть уже предметъ гражданскаго суда.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ являются гражданскіе истцы въ уголовномъ дѣлѣ или ихъ защитники-адвокаты? Это все обвинители подсудимаго, сколько бы ихъ ни было, по одному дѣлу, и болѣе безплодные чѣмъ сама обвиняющая власть въ лицѣ прокурора, вслѣдствіе чего подсудимый, имѣя всегда одного только защитника, пріобрѣтаетъ кромѣ короннаго обвинителя еще частныхъ обвинителей, и притомъ такихъ которые, еслибы даже достоверно знали о его невиновности, должны помогать его обвиненія изъ гражданскихъ интересовъ чтобы добиться взысканія въ пользу защищаемого ими гражданскаго истца и изъ собственной своей прибыли.

Тяжущимся не должно быть возбранено ни въ какомъ случаѣ имѣть повѣренныхъ вмѣсто себя, на тѣхъ основаніяхъ

какъ было у насъ до введенія судебныхъ уставовъ 1864 года, для представленія исковъ, подачи прошеній, объясненій и т. п.

При всякомъ окружномъ судѣ должны быть отъ правительства окружный прокуроръ и его товарищъ, съ дѣйствительнымъ надзоромъ какъ за правильностью рѣшеній, такъ и за правильностью производства слѣдствій полиціей. Они должны давать въ сомнительныхъ случаяхъ заключенія относительно примѣненія закона и прочитывать или разсматривать опредѣленія суда, съ правомъ протеста противъ нихъ и приостановленія исполненія по нимъ въ уголовныхъ дѣлахъ и указанныхъ закономъ гражданскихъ. Прокурорской власти слѣдуетъ предоставить право протеста противъ того только въ чемъ опредѣленіе прямо несогласно съ закономъ и въ чемъ нарушаются обряды и формы судопроизводства.

Таковъ долженъ быть типъ окружнаго суда, то-есть суда первой инстанціи, гдѣ начинается дѣло, а затѣмъ нѣтъ надобности чтобъ апелляціонный судъ, то-есть вторая инстанція, гдѣ не будетъ начинаться никакихъ дѣлъ, былъ организованъ по тому же типу.

Учрежденіе третейскаго суда въ той формѣ какая здѣсь предлагается будетъ имѣть послѣдствіемъ:

Устраненіе большой ломки при образованіи судовъ, въ которыхъ и самая адвокатура какъ бы сохраняется, только на другихъ основаніяхъ, на началахъ правды и справедливости.

Удешевленіе гражданскихъ процессовъ, что даетъ несомнѣнное превосходство даже худшему судопроизводству предъ лучшимъ.

Облегченіе расходовъ для правительства, вслѣдствіе того что плата тяжущихся адвокатамъ обратится на содержаніе третейскихъ судей, вмѣсто того чтобы служить живой нѣкоторымъ ловкимъ людямъ, торгующимъ, съ разрѣшенія правительства и по закону, своею совѣстью и честью.

Вслѣдствіе этого будетъ изгнаніе явнаго торга и тайнаго подкула изъ храма правосудія, такъ что, съ одной стороны, подсудимые и тяжущіеся не будутъ имѣть нужды въ защитникахъ предъ судомъ, а съ другой, третейскіе судьи замѣнявшіе адвокатовъ не будутъ имѣть никакого личнаго интереса въ томъ чтобы, вопреки закону или справедливости, та или другая сторона выиграла дѣло; напротивъ, ихъ интересъ

будетъ заключаться въ томъ чтобы стоять всегда на стражѣ закона и правой стороны, потому что этимъ только они будутъ приобретать добрую славу и къ нимъ будутъ обращаться въ большихъ процессахъ, такъ какъ всякій ищущій и всякій отвѣтчикъ, кромѣ явно недобросовѣстныхъ, составляющихъ все-таки исключеніе, хотя бы былъ не правъ, почитаетъ себя правымъ и всегда ищетъ на судѣ правды и справедливости.

Не могу отрицать возможности подкупа и при предлагаемомъ здѣсь судоустройствѣ, какъ нельзя отрицать возможности и всякаго другаго преступленія, какіе бы ни были изда ны законы для предупрежденія его, но думаю что правительство обязано создавать такія учрежденія которыя не покрывали бы неправды и не дѣлали бы его какъ бы сообщникомъ или пособникомъ преступленія, и еслибы съ устраненіемъ адвокатуры и не устранился совершенно подкупъ, то по крайней мѣрѣ отъ стороны которая сама уже должна будетъ подкупить судью, можно будетъ узнать иногда, хотя въ случаѣ проиграннаго ею дѣла, о совершившемся преступленіи, отъ чего самый подкупъ обставится большими затрудненіями и будетъ больше правды въ судахъ.

Мировыя учрежденія.

Если справедлива высказанная мною выше мысль о необходимости органической связи между всѣми государственными учрежденіями, то тѣмъ лаче необходима такая связь между всѣми частями судебного вѣдомства; мировыя же наши учрежденія стоятъ теперь совершенно особнякомъ отъ общихъ судебныхъ, ибо хотя жалобы и на нихъ приносятся кассационному суду при Правительствующемъ Сенатѣ, но онъ не можетъ служить имъ связью, такъ какъ не входитъ въ разсмотрѣніе существа дѣлъ и ихъ рѣшеній, издавая свои толкованія не въ судебномъ, а скорѣе въ законодательномъ смыслѣ. Въ виду этого, слѣдовало бы и мировыя учрежденія соединить органически съ общими судебными.

Оставаясь въ предѣлахъ программы, я могу только указать на общія черты такого соединенія, не предвѣшая того какъ это должно осуществиться на практикѣ, потому что для

соображенія подробностей: самаго проекта необходимы такіа данныя, особенно статистическія, которыя могутъ быть собраны и разработаны только самими составителями проекта судебного преобразованія для насъ необходимаго.

Мировые сѣзды имѣли важное значеніе для посредниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, потому что на послѣднихъ возлагалось введеніе Положенія 19 февраля и крестьянское управленіе, въ которое входилъ и разборъ разныхъ споровъ и недоразумѣній не чисто судебного характера. Въ такомъ случаѣ, совѣщанія посредниковъ между собой могли приносить большую пользу объединеніемъ ихъ дѣйствій, въ которыхъ однообразіе было необходимо, дабы при отсутствіи общаго закона для разныхъ непредвидѣнныхъ случаевъ примѣненія придать одинъ общій характеръ крестьянской реформѣ.

Но суды не административныя учрежденія; дѣйствіе ихъ начинается исключительно тамъ гдѣ нарушено опредѣленное право или какой-нибудь точный законъ. При судопроизводствѣ немыслимо чтобъ одни и тѣ же лица разрѣшали одни и тѣ же дѣла какъ въ низшей, такъ и въ высшей надъ нею инстанціи. Тогда выходило бы что жалобы на судей приносились бы имъ же самимъ.

Устраненіе на сѣздѣ мирового судьи отъ разсмотрѣнія дѣлъ имъ разрѣшенныхъ не исправляетъ въ сущности неудобствъ сопряженныхъ съ нынѣшнимъ устройствомъ мировыхъ учрежденій, потому что каждый мировой судья, не участвующій въ разсмотрѣніи жалобы собственно на него принесенной, участвуетъ все-таки въ разрѣшеніи жалобъ приносимыхъ на его сотоварищей, другихъ мировыхъ судей того же сѣзда, которые въ свою очередь разсматриваютъ жалобы на него приносимыя.

Тутъ уже выходитъ взаимное круговое ручательство, ведущее естественно къ даже невольному пристрастію.

Такой порядокъ долженъ быть измѣненъ. Для сего можно вмѣсто мировыхъ сѣздовъ учредить уѣздные суды, каждый съ короннымъ судьей и его товарищемъ или двумя, смотря по обширности и положенію уѣзда, на казенномъ содержаніи, съ назначеніемъ ихъ или самимъ правительствомъ, или по выборамъ, какъ были суды въ прежнихъ уѣздныхъ судахъ. Затѣмъ уѣзднымъ судамъ должно быть дано то же самое устройство какъ и окружнымъ судамъ, то-есть установленіе приписки и къ нимъ юристовъ, въ опредѣленномъ для каждаго суда числѣ,

въ качествѣ третейскихъ судей, съ тою же ихъ организациею какъ и при окружныхъ судахъ; или же слѣдуетъ допустить развѣзды юристовъ приписанныхъ къ окружнымъ судамъ, какъ это окажется болѣе удобнымъ для составленія присутствія уѣзднаго суда изъ короннаго судьи или его товарища въ качествѣ председателя и изъ двухъ третейскихъ судей, совершенно въ томъ порядкѣ какъ въ окружныхъ судахъ.

Тогда уголовныя дѣла по извѣстнымъ правонарушеніямъ и гражданскія неподсудныя нынѣ мировымъ учрежденіямъ могли бы до извѣстнаго предѣла и цифры иска, примѣрно до двухъ, трехъ, даже и до пяти тысячъ рублей, начинаться въ уѣздныхъ судахъ съ правомъ апелляціи въ окружный судъ и тамъ рѣшаться окончательно короннымъ председателемъ съ двумя третейскими судьями или юристами.

Само собою разумѣется что если эти юристы будутъ изъ приписанныхъ къ окружнымъ судамъ, то въ нихъ они не должны разсматривать апелляцій подаваемыхъ по тѣмъ дѣламъ въ рѣшеніи, коихъ они принимали участіе въ уѣздномъ судѣ, и, кромѣ того, въ апелляціонныхъ дѣлахъ вообще нѣтъ основанія къ допущенію выбора тяжущимися сторонами третейскихъ судей изъ среды юристовъ къ окружному суду приписанныхъ.

Всякій перенесшій по апелляціи гражданское дѣло въ окружный судъ вносилъ бы, вмѣсто залога за правую апелляцію и вмѣсто платимаго въ послѣдствіи апелляціоннаго штрафа, который слѣдовало бы отмѣнить, незначительное вознагражденіе, на примѣръ въ $\frac{1}{2}\%$ или не болѣе одного, съ суммы всего или той части иска въ которой обжаловано опредѣленіе первой инстанціи, и это вознагражденіе дѣлилось бы поровну между юристами участвовавшими въ рѣшеніи дѣла, съ отчисленіемъ незначительнаго и опредѣленнаго процента въ кассу юристовъ.

Относительно поступленія и разсмотрѣнія жалобъ и апелляцій на рѣшенія мировыхъ судей, и уѣзднымъ судамъ слѣдовало бы руководиться тѣмъ же порядкомъ который устанавливается въ окружныхъ судахъ по жалобамъ и апелляціямъ въ нихъ приносимымъ на уѣздные суды.

Содержаніе правительствомъ уѣздныхъ судей и ихъ товарищей, не получающихъ уже затѣмъ вознагражденія отъ тяжущихся, не составитъ особаго обремененія для казны, такъ какъ содержаніе членовъ суда за упрядненіемъ ихъ сокра-

талося бы, и сверхъ того возможно будетъ сократить тогда еще общее число окружныхъ судовъ въ Россіи, такъ же какъ учреждать въ иныхъ мѣстностяхъ по одному уѣздному суду на два уѣзда.

Отправленію судебныхъ обязанностей мировыми судьями слѣдовало бы придать характеръ судебно-полицейскаго разбирательства, то-есть устранить нѣкоторыя формальности неразлучныя съ чисто судебнымъ производствомъ, ибо въ легкихъ правонарушеніяхъ и проступкахъ, какъ и въ мало-важныхъ цскахъ, невозможно на практикѣ провести строгаго разграниченія между дѣйствіями суда и полиціи.

Сверхъ того, мировые судьи должны получить характеръ посредниковъ, какъ они были учреждены крестьянскимъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года, по разбору всякихъ споровъ и недоразумѣній между крестьянами основанныхъ на ихъ обычаяхъ, а также по найму и подрядамъ на сельскія работы между крестьянами и землевладѣльцами всѣхъ сословій, потому что необходимо связать съ общимъ управленіемъ и судоустройствомъ крестьянское управленіе, въ которомъ должно найти мѣсто ихъ внѣ-законное обычное право, сохраняемое въ ихъ особенномъ быту русскою народною жизнью, и по дѣламъ этой категоріи, то-есть собственно посредническимъ, мировые судьи могутъ имѣть свои сѣзды, куда должны быть приносимы и жалобы по этимъ дѣламъ.

Съ этимъ вмѣстѣ волостныя крестьянскіе суды, отъ которыхъ часть дѣлъ отойдетъ къ мировому судѣ, должны быть упразднены и замѣнены сельскими сходами, коимъ можетъ быть предоставлено разбирательство мелкихъ ссоръ, семейныхъ раздѣловъ въ общинѣ и т. п., согласно установившимся обычаямъ.

Такимъ образомъ, дѣятельность мирового судьи будетъ проявляться въ двоякомъ видѣ: 1) какъ посредника по крестьянскому управленію; 2) какъ единоличнаго судьи по дѣламъ которыя по закону предоставляется ему рѣшать окончательно или съ правомъ аппелляціи на него въ уѣздный судъ.

Отдаленіе мировыхъ судей, какъ это теперь устроено, отъ мѣстностей входящихъ въ ихъ участки на десятки верстъ, до 50, 60, а въ иныхъ уѣздахъ и болѣе, дѣлаетъ этотъ первоначальный, слѣдовательно ближайшій для всякаго, судъ часто совершенно недоступнымъ для поселянъ, и по этому слѣдовало бы сдѣлать разѣзды обязательными для мировыхъ судей, такъ чтобы въ положенные дни недѣли они находи-

лись на известных пунктахъ въ волостяхъ своего участка, отъ которыхъ разстояніе окружающихъ селеній волости не превышало бы примѣрно 10—15 верстъ, что давало бы возможность всякому сельскому жителю и пріѣзжему туда во всякое время заявить о своемъ дѣлѣ и спокойно ожидать его разбора въ установленный день.

Такъ распредѣляли по собственному побужденію дни недѣли и посѣщали въ эти дни опредѣленные пункты волостей своего участка разумные мировые посредники, къ общему сожалѣнію, неудачно упраздненные по случаю судоустройства 1864 года.

При уѣздныхъ судахъ должны состоять прокуроры, съ тѣми же обязанностями какъ и въ окружныхъ судахъ. Ими могутъ быть или особые уѣздные прокуроры, подъ вѣдѣніемъ окружнаго прокурора, или товарищи окружныхъ прокуроровъ, пребывающіе въ такомъ случаѣ въ уѣздахъ.

Судебное управленіе.

Въ настоящее время нѣтъ одного общаго судебного управленія въ Россіи. Только судебнымъ палатамъ предоставлено до нѣкоторой степени это управленіе въ своихъ судебныхъ округахъ, а такъ какъ палатъ нѣсколько, то это вноситъ полный сепаратизмъ въ вѣдомство юстиціи, и не надо быть пророкомъ дабы предвидѣть что со временемъ судебная практика, обычаи и преданіе такъ разойдутся между собою въ различныхъ округахъ судебныхъ палатъ что Россія будетъ представлять нѣсколько какъ бы отдѣльныхъ государствъ въ судебномъ отношеніи.

Кассационные департаменты въ Правительствующемъ Сенатѣ, не завѣдующіе судебнымъ управленіемъ и, какъ мы видѣли, входящіе только по поводу разныхъ дѣлъ въ отвѣченное отъ ихъ существа толкованіе разума или смысла закона и въ казуистическое изъясненіе его буквы, вносятъ только все большій произволъ и разладъ относительно примѣненія закона и слѣдовательно могутъ способствовать лишь къ разединенію судовъ. Между тѣмъ централизація власти въ судебныхъ учрежденіяхъ столь же необходима сколько усиленная чрезъ мѣру вредна въ административныхъ, какъ излишняя олека высшихъ надъ низшими, развивающая канцеляризмъ и нескончаемую переписку по каждому дѣлу.

Никакая централизація не одолѣетъ разбѣгающейса, если можно такъ выразиться, силы судебныхъ процессовъ, потому

что они такъ разнообразны и своеобразны что два подобныя дѣла всегда представляютъ отгѣнки различія, которые не подойдутъ вполнѣ подъ одно общее правило, а законъ и есть общее правило. Онъ есть неизмѣнное опредѣленіе, тогда какъ событіе со всѣми подробностями его обстановки есть живое явленіе всегда измѣняющееся, котораго никакое законодательство своей формулѣ подчинить вполнѣ не можетъ.

Поэтому судебныя палаты слѣдуетъ преобразовать въ судебныя департаменты одного общаго для всей Россіи Сената, которые для удобства можно возстановить попрежнему въ Москвѣ, какъ столицѣ.

Судебнымъ департаментамъ Правительствующаго Сената въ апелляціонномъ, ревизіонномъ, слѣдственномъ и частномъ порядкѣ производства дѣлъ, а также и въ порядкѣ судебного управленія должны быть подчинены окружныя суды и всѣ учрежденія судебного вѣдомства, и Сенатъ долженъ быть возстановленъ существенно въ томъ значеніи какъ установлено въ III книгѣ I т. Св. Зак.

Слѣдовательно все предлагаемое судоустройство въ общихъ чертахъ представить три типа:

1. *Единоличней судъ* съ характеромъ судебно-полицейскаго разбирательства для извѣстнаго рода дѣлъ, изъ выборныхъ судей.

2. *Третейскій судъ* для первой инстанціи съ избираемыми въ тяжбныхъ дѣлахъ каждою стороною вольными судьями, принадлежащими къ корпораціи юристовъ, подъ предсѣтельствомъ короннаго судьи.

3. *Апелляціонный судъ* для второй инстанціи изъ судей отъ правительства или изъ юристовъ (въ окружныхъ и уѣздныхъ судахъ) дѣйствующихъ тогда въ качествѣ коронныхъ судей, и все это подъ охраной закона, выражающейся въ настоящемъ прокурорскомъ надзорѣ.

Единоличный судъ будутъ представлять *мировыя суды*, органически связанныя съ чисто судебными учрежденіями чрезъ посредство уѣзднаго суда.

Третейскій судъ—*уѣздные и окружныя суды*.

Апелляціонный судъ—отчасти *уѣздные и окружныя суды* и вполнѣ единый въ государствѣ Правительствующій Сенатъ въ его судебныхъ департаментахъ. Онъ же долженъ быть въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ и ревизіоннымъ судомъ, и въ немъ должно быть сосредоточено судебное управленіе.

III. Администрація.

Съ надлежащимъ устройствомъ суда, представляющаго одну сторону исполнительнѣйшей власти, и другая ея сторона, администрація, должна быть приведена къ большому единству, однообразію и простотѣ.

У насъ съ учрежденіемъ министерствъ, сложилось понятіе что коллегіальное устройство не пригодно для администраціи.

Главное противъ него возраженіе состоитъ въ томъ что съ этимъ устройствомъ несовмѣстима быстрота распорядженій.

Поводъ къ такому воззрѣнію подаётъ, безъ сомнѣнія, то что эти два начала какъ бы противоположаются одно другому, между тѣмъ какъ они должны находиться во взаимно-дѣйствіи.

Не можетъ быть чисто коллегіальнаго управленія безъ отдѣльныхъ правителей завѣдующихъ особыми частями, такъ точно какъ не должно быть правителей по разнымъ отдѣльнымъ частямъ не связанныхъ между собою никакими коллегіальными учрежденіями. Такое положеніе дѣлало бы ихъ самовластными и до извѣстной степени неограниченными, тогда какъ неограниченною должна быть у насъ только верховная власть. Все дѣло въ томъ чтобы правильно сочетать коллегіальное управленіе съ единоличнымъ.

Правителямъ должна быть предоставлена возможная свобода дѣйствій, и въ предѣлахъ закона и общихъ инструкцій они должны быть единоличными дѣятелями и отдавать отчетъ преимущественно въ результатахъ своей дѣятельности. Служащіе могутъ тогда только впадать свою душу въ дѣло когда они сами дѣятели, какъ бы ни былъ малъ кругъ ихъ дѣятельности, и когда они могутъ надѣяться видѣть или вкушать плоды ими сдѣланнаго, а для того необходимо освобожденіе ихъ изъ того пассивнаго положенія которое причаетъ подчиненнаго къ формальному отношенію къ дѣлу, причемъ всякій прячется за начальство боясь лишнимъ проикновеніемъ въ сущность дѣла не только причинить себѣ слишкомъ много хлопотъ, но еще и подпасть подъ лишнюю отвѣтственность. Дѣловая бумага сдѣлалась у насъ легкимъ способомъ очищенія отъ лишнихъ заботъ: отписано и дѣлу конецъ.

Этотъ образъ дѣятельности вошелъ у насъ, можно сказать, въ плоть и кровь на всѣхъ ступеняхъ нашей служебной іерархіи. При томъ начальству представляется обыкновенно только внѣшняя сторона всякаго дѣла; внутренняя же, то есть его сущность, остается совершенно извѣстною лишь тому кто дѣлаетъ дѣло. Поэтому, каждый долженъ отвѣчать лично самъ за себя. Только въ 1849 году была отмѣнена у насъ статья Свода что никакое должностное лицо не можетъ быть уволено, по распоряженію начальства, отъ должности безъ преданія его слѣдствію и суду. Этотъ законъ слѣдовало бы возстановить и подвергнутый административному взысканію чиновникъ долженъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, имѣть право жаловаться установленнымъ порядкомъ въ высшее коллегіальное учрежденіе на неправильное взысканіе.

Находящимся во главѣ отдѣльной, самостоятельной части управленія можетъ быть дана власть дѣйствовать въ экстренныхъ случаяхъ и сверхъ закона, съ обязанностью или испрашивать предварительно разрѣшенія высшаго правительства или доносить ему о распоряженіи немедленно послѣ приведенія его въ исполненіе, для одобренія, какъ это предоставляется нашими законами начальникамъ губерній и высшимъ правительственнымъ лицамъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Коллегіальнымъ административнымъ учрежденіямъ должны принадлежать надзоръ и контроль надъ дѣйствіями правителей, рассмотрѣніе ихъ отчетовъ и обсужденіе такихъ мѣръ которыя касаются не одной только части управленія, а нѣсколькихъ или всѣхъ вмѣстѣ, разрѣшеніе сомнѣній по представленію управляющихъ частями, также разъясненіе распространительной силы закона или инструкцій, въ примѣненіи ихъ къ тому или другому случаю, наконецъ разрѣшеніе жалобъ на неправильное положеніе административныхъ взысканій.

Если лица которымъ ввѣряется единоличное управленіе въ предѣлахъ закона и общихъ инструкцій должны быть самостоятельны, то тѣмъ болѣе должны быть самостоятельны учрежденія. Нѣтъ никакой нужды въ коллегіальномъ устройствѣ управленій отдѣльными частями которымъ должно завѣдывать одно лицо, въ предѣлахъ своего полномочія, и съ ответственностію за свои дѣйствія. Зачѣмъ нужны, на примѣръ, казенныя палаты, какъ и недавно упраздненныя

палаты государственныхъ имуществъ, съ членами состоящими въ личномъ подчиненіи у предсѣдателя и слѣдовательно не имѣющими вовсе самостоятельности? Еще менѣе основаній къ подчиненію коллегіальныхъ учрежденій одному лицу, какъ напримѣръ, Губернскаго Правленія губернатору, утверждающему въ качествѣ начальствующаго всѣ его постановленія. Этимъ коллегіальное учрежденіе обращается въ совѣщательное; всякое же совѣщательное собраніе имѣетъ смыслъ только когда лицо при которомъ оно состоитъ присутствуетъ въ немъ лично, ибо живая рѣчь и сила убѣжденія не могутъ замѣняться письменнымъ докладомъ, который подается начальнику въ массѣ другихъ бумагъ и дѣлъ, уже послѣ состоявшагося въ его отсутствіе совѣта, причемъ докладчикъ можетъ дать дѣлу сообразное своему желанію направленіе.

Поэтому совѣщательныя собранія не должны быть ни на какой ступени административной іерархіи особыми постоянными учрежденіями въ ряду другихъ, а временными лишь собраніями, созываемыми въ извѣстныхъ случаяхъ для опредѣленной дѣли, всегда подъ личнымъ предсѣдательствомъ того отъ кого окончательно зависитъ рѣшеніе дѣла.

Вслѣдствіе этихъ соображеній, казалось бы возможнымъ упразднить въ губерніяхъ ненужныя коллегіальныя учрежденія по отдѣльнымъ частямъ управленія, какъ были упразднены палаты государственныхъ имуществъ, и образовать въ каждой губерніи одно общее, состоящее въ подчиненіи только Правительствующаго Сената, *губернское правленіе*, независимое отъ единоличной власти губернатора, гдѣ бы сосредоточивались дѣла губернской администраціи.

Это могло бы быть осуществлено, напримѣръ, назначеніемъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, членами губернскихъ правленій: вице-губернатора, губернскаго предводителя дворянства, управляющихъ нынѣшними палатами, городского головы, особо завѣдующихъ въ губерніи отдѣльными частями, а также главнаго уполномоченнаго отъ земства всей губерніи и т. п.

При такомъ губернскомъ правленіи, для производства поступающихъ въ него дѣлъ слѣдуетъ быть канцелярію, въ которой можетъ быть съ точностью опредѣленъ кругъ обязанностей и отвѣтственность для каждаго изъ чиновниковъ имѣющихъ войти въ ея составъ.

По этой же нормѣ, то-есть приблизительно на тѣхъ же о снованіяхъ, надлежитъ образовать уѣздныя правленія, подчиненныя губернскому своей губерніи, подъ предсѣдательствомъ того кто будетъ назначенъ правительствомъ или оставленъ земскому выбору, изъ лицъ болѣе высокаго образованія чѣмъ назначаемыя теперь имъ въ уѣздныя должности.

Высшіе государственные правители, будучи начальниками всѣхъ служащихъ въ губерніи по ихъ вѣдомству, и завѣдуя вѣренными имъ частями вполнѣ самостоятельно, въ предѣлахъ закона, должны доносить о распоряженіяхъ своихъ сверхъ закона Правительствующему Сенату и ему же сообщать для замѣчаній свои отчеты по управленію, предварительно представленія ихъ Государю. Что же касается проектовъ законодательныхъ мѣръ, измѣненія закона или толкованія его смысла и буквы, то эти дѣла должны вноситься въ Государственный Совѣтъ. Государственнымъ правителямъ необходимо, какъ и нынѣ, право присутствія на правахъ членовъ въ этихъ обоихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. По своимъ вѣдомствамъ они должны быть посредниками между ними и верховною властію, подъ условіемъ представленія не однихъ своихъ единоличныхъ мнѣній и предположеній, а постановленій обсужденныхъ въ коллегіальномъ учрежденіи, съ краткимъ и точнымъ объясненіемъ всѣхъ мнѣній какія были высказаны и основаній для нихъ, съ приведеніемъ всѣхъ относящихся къ дѣлу законовъ.

При всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ, какъ нынѣ оберъ-прокуроры при департаментахъ Сената, могли бы состоять блюстители закона и вмѣстѣ охранители интересовъ государства, которые завѣдывали бы ихъ канцеляріями: при губернскихъ правленіяхъ губернскіе, при уѣздныхъ уѣздные прокуроры, отдѣльные отъ судебныхъ, съ правами дѣйствительнаго надзора, то-есть представленія, указаннымъ порядкомъ, протестовъ на неправильныя постановленія административныхъ учрежденій и приостановленія, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, исполненія этихъ постановленій.

Особыя крестьянскія учрежденія какъ въ уѣздной административной инстанціи, такъ и въ губернской, не должны стоять особнякомъ какъ нынѣ, а сливаться съ общимъ административнымъ управленіемъ уѣзда и губерніи.

Болѣе подробное развитіе устройства администраціи, взаимныхъ отношеній какъ должностныхъ лицъ такъ и учреж-

деній между собою и къ высшимъ учрежденіямъ, опредѣленіе того кто имѣетъ войти въ составъ послѣднихъ, наконецъ, инструкции для правителей пользующихся единоличною властью въ предѣлахъ установленныхъ закономъ, подлежатъ уже составителямъ проектовъ государственнаго устройства.

При такой ясно проведенной системѣ хранения органическихъ законовъ Имперіи и при твердомъ установленіи коллегіальнаго начала въ государственныхъ учрежденіяхъ, единоличный характеръ дѣятельности всѣхъ правителей значительно измѣнится. Онъ повсюду будетъ твердъ, потому что войдетъ въ предѣлы закона, и сами эти правители войдутъ въ согласіе и солидарность съ коллегіальными учрежденіями.

А чтобы коллегіальное начало вполне утвердилось, необходимо: 1) чтобы члены коллегіальныхъ учреждений были совершенно независимы въ подачѣ своихъ мнѣній или голосовъ; 2) чтобы коллегіальныя учрежденія были подчинены только коллегіальнымъ учрежденіямъ или непосредственно Верховной Власти, какъ и нынѣ Правительствующій Сенатъ; 3) чтобы предметы ихъ вѣдѣнія и кругъ единоличнаго управленія были вѣрно и точно опредѣлены, и 4) чтобы въ высшихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ съ общими собраніями опредѣленія въ департаментахъ были единогласныя, а въ общихъ собраніяхъ съ большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ.

Единеніе же различныхъ вѣдомствъ произойдетъ уже въ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, а при точномъ и вѣрномъ распредѣленіи дѣлъ подлежащихъ разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ и Правительствующемъ Сенатѣ и при опредѣленномъ отношеніи къ нимъ государственныхъ правителей, Комитетъ Министровъ, какъ постоянное совѣщательное высшее государственное учрежденіе, сдѣлается лишнимъ.

IV. Земство.

Организованному со введеніемъ реформъ прошлаго царствованія, земству предпологалось даровать самоуправленіе, подъ вліяніемъ господствовавшаго въ то время воззрѣнія, будто, въ видахъ этого самоуправления, земскія учрежденія должны быть поставлены внѣ органовъ правительства.

Безъ сомнѣнія, съ этой точки зрѣнія была присвоена земскимъ собраніямъ какъ бы верховная власть, вопреки

разуму нашихъ основныхъ законовъ (54 ст. основн. зак. и 23 ст. Учр. Госуд. Сов. Т. I Св. Зак. Изд. 1857 года), власть облагать недвижимую собственностью и капиталы повинностью безо всякаго ограниченія закономъ цифры налога. Только въ послѣдствіи это право обложенія было ограничено, и то единственно для торговыхъ свидѣтельствъ, извѣстнымъ процентомъ съ правительственнаго ихъ обложенія, но обложеніе повинностями недвижимой собственности и доселѣ остается неограниченнымъ.

Ни на какія, хотя бы противозаконныя, дѣйствія земскихъ собраній частнымъ лицамъ не дозволено нигуда приносить жалобы, хотя бы собраніе обложило ихъ повинностью равняющеюся всему доходу съ земли и только на нарушения (личныхъ) гражданскихъ правъ предоставляется имъ право иска, на общемъ основаніи, т.-е. въ судахъ (ст. 1.935 II т. 1 ч. Общ. Губ. Учр. Св. Зак. изд. 1876 и см. опредѣленіе перваго общаго собранія Правительствующаго Сената 12 февраля 1882 года по дѣлу Колтева). Допускаются еще жалобы, но только правительственныхъ и общественныхъ учреждений, на земскія собранія: 1) о предметахъ не подлежащихъ ихъ вѣдомству и превышающихъ предѣлы ихъ власти, 2) на постановленія заключающія въ себѣ такое нарушеніе общихъ законовъ которое подлежитъ уголовному суду. (ст. 1.934 тамъ же.)

При такомъ водвореніи, можно сказать, самоуправства вмѣсто самоуправленія, оставалось только вооружить мѣстную администрацію правомъ самообороны, ибо нельзя же не признать во всякомъ живомъ организмѣ инстинкта самосохраненія. Такъ и было сдѣлано: губернаторамъ предоставлено отрицательное дѣйствіе, въ данный закономъ срокъ, останавливать по усмотрѣнію всякое постановленіе земскаго собранія.

Такой порядокъ вызываетъ постоянно враждебныя отношенія земства къ правительству, тѣмъ болѣе что за губернскими и уѣздными земскими управленіями, исполняющими вѣдь постановленія земскихъ собраній, какъ поставленными вѣдь органовъ правительства, не признается собственно никакой государственной власти и Правительствующій Сенатъ, по поводу разныхъ административныхъ дѣлъ, руководствуясь новѣйшими законами, неоднократно высказывалъ въ своихъ указахъ что земскія управы суть частныя общественныя учрежденія.

Но если земство въ самомъ дѣлѣ есть частное, хотя и общественное учрежденіе, то всакій мѣстный житель долженъ пользоваться правомъ свободы принадлежать или не принадлежать къ нему и правомъ не имѣть съ нимъ никакаго дѣла. Изъ всего этого выходитъ такая путаница понятій что сами земцы не знаютъ собственно что они такое и что такое ихъ учрежденіе, чѣмъ и объясняется то что лучшие люди начинаютъ уклоняться отъ земской дѣятельности, и этимъ настоятельно вызывается преобразование земскихъ учрежденій, то-есть приведеніе ихъ въ органическую связь со всѣми нашими государственными учрежденіями и точное опредѣленіе въ законѣ правъ и обязанностей земства по отношенію его къ правительству.

Органическая связь между земствомъ и правительствомъ можетъ установиться у насъ когда земскія учрежденія (управы) стануть сами частью правительства и будутъ вооружены административною властью, а дѣйствующія лица, предоставленныя избранію земства, сдѣлаются на все время ихъ выбора органами государственной власти.

Но такъ какъ не можетъ быть и рѣчи о двухъ правительствахъ въ одномъ и томъ же государствѣ, особомъ земскомъ и особомъ государственномъ, то и слѣдуетъ нынѣшнюю губернскую земскую управу преобразовать въ часть особаго земскаго управленія, точно такъ какъ будутъ устроены другія части администраціи (безъ коллегій), и главнаго его завѣдующаго сдѣлать членомъ общаго губернскаго правленія. По тому же порядку уѣздную управу слѣдуетъ образовать на подобіе другихъ частей единоличнаго управленія и стоящаго во главѣ ея включить въ число членовъ уѣзднаго правленія, а всѣхъ земскихъ дѣятелей обратить въ органы правительства.

Этимъ уже опредѣлятся, до нѣкоторой степени, отношенія земства къ государству. Земство, въ формѣ своихъ собраній, постоянныхъ, одинъ разъ въ году, и экстренныхъ, по требованію правительства или приглашенію ихъ предсѣдателя, было бы совѣщательнымъ при правительствѣ учрежденіемъ.

Чисто хозяйственныя дѣла, которыхъ кругъ долженъ быть очень тѣсенъ, можно бы, кажется, предоставить окончательному рѣшенію земскихъ собраній съ представленіемъ общаго о нихъ ежегоднаго отчета правительству; но по всѣмъ другимъ предметамъ входящимъ въ кругъ ихъ

дѣятельности, какъ-то: по годовоѣ смѣтѣ прихода и расхода, по обложенію повинностями капиталовъ и недвижимоѣ собственности, по народному образованію, по народному здравію и медицинѣ и т. п. всѣ постановленія земскихъ собраній должны быть предварительно утверждаемы правительствомъ: или губернскимъ правленіемъ, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ высшими государственными учрежденіями.

Обложеніе земскими сборами недвижимоѣ собственности есть очень важный вопросъ для правительства, потому что чрезмѣрное обложеніе ими владѣльцевъ легко можетъ привести ихъ въ постепенную несостоятельность въ уплатѣ казенныхъ податей и налоговъ. Для устраненія этой возможности слѣдуетъ установить закономъ цифру выше которой не должны простираться земскія повинности съ недвижимоѣ собственности. Кажется удобнѣе всего опредѣлить эту цифру процентнымъ отношеніемъ къ казеннымъ повинностямъ налагаемымъ на недвижимыя имѣнія.

Такимъ образомъ обязанности земства въ главныхъ чертахъ будутъ обнимать:

1) Разрѣшеніе чисто хозяйственныхъ дѣлъ, предоставленныхъ окончательному постановленію земскихъ собраній и которыя будутъ приводиться въ исполненіе лицами подлежащими избранію земства, но представляющими собою органы правительства, подъ вѣдѣніемъ земствомъ же избранныхъ, представителей, имѣющихъ быть членами уѣзднаго и губернскаго правленій.

2) Составленіе смѣты прихода и расхода всѣхъ земскихъ сборовъ, и проектовъ, ихъ раскладки на наступающій послѣ сессіи новый годъ, съ представленіемъ ея на утвержденіе правительства. *

3) Представленіе своихъ заключеній на запросы правительства по дѣламъ имѣющимъ отношеніе къ земству, или по

* Слѣдуетъ возбранить закономъ земскимъ собраніямъ, при постановляемыхъ ими для чего бы то ни было пожертвованіяхъ, дѣлать раскладку ихъ на губернію или уѣздъ, въ видѣ какъ будто налога, какъ это за послѣднее время практиковалось. Для пожертвованій вообще должна открываться подписка, а если жертвуетъ собраніе, то участіе въ пожертвованіи должно остаться обязательнымъ только для налицыхъ подписавшихъ протоколъ, какъ это было и прежде у насъ закономъ установлено для дворянскихъ собраній, ибо немыслимо чтобы пожертвованіе исходило не отъ самого жертвователя, или чтобы право жертвовать могло быть передаваемо другому лицу.

всякимъ другимъ, когда правительство признаетъ нужнымъ знать о нихъ мнѣніе земскихъ собраній.

Въ гражданскомъ и государственномъ союзѣ всякое право налагаетъ на пользующагося имъ извѣстныя обязанности и наоборотъ налагаемыя обязанности сообщаютъ извѣстныя права; поэтому земству (подъ этимъ общимъ наименованіемъ слѣдуетъ подразумѣвать кромѣ земскихъ собраній и городскія думы, представляющія тоже земство), должны быть предоставлены опредѣленныя закономъ права:

1. Право начинанія (иниціативы) во всѣхъ дѣлахъ относящихся къ мѣстному хозяйству или непосредственно съ ними связанныхъ.

2. Право представленія правительству объ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ и потребностей по постановленіямъ земскаго собранія.

3. Право выбора извѣстныхъ лицъ въ составъ правительственныхныхъ учрежденій и для отправления обязанностей по дѣламъ земства.

4. Право контроля надъ расходомъ земскихъ суммъ и надъ исполненіемъ смѣты ихъ и всѣхъ постановленій земскихъ собраній какъ окончательныхъ, такъ и утверждаемыхъ правительствомъ, причемъ земскимъ собраніямъ можетъ быть предоставлено, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, право жалобы на уѣздное правленіе—губернскому, а на губернское—Правительствующему Сенату.

Постановленія земскихъ собраній по контролю подвѣдомственныхныхъ земству дѣлъ и распоряженій вступаютъ въ силу прямо, виновныхъ же въ неправильныхъ дѣйствіяхъ правительство привлекаетъ къ отвѣтственности, въ административномъ или судебномъ порядкѣ.

Обвиненные, въ случаѣ вложенія на нихъ административныхъ взысканій, должны конечно, въ видахъ огражденія личности каждаго, имѣть право жалобы на неправильное постановленіе земскаго собранія, но непосредственно Правительствующему Сенату, по административнымъ его департаментамъ, которые одни могутъ отмигать постановленія земскихъ собраній по контролю.

Во всѣхъ случаяхъ неисправностей или злоупотребленій, обнаруженныхъ контролемъ земскихъ собраній, правительственныя учрежденія и лица должны оказывать всевозможное

содѣйствіе къ удовлетворенію законныхъ требованій земскихъ собраній.

Земскимъ собраніямъ можетъ быть предоставлено право при контрольной ревизіи устранять тѣхъ изъ выбираемыхъ ими въ должности лицъ которыя окажутся неблагонадежными или не заслуживающими довѣрія земства.

При такихъ отношеніяхъ, администрація и земство будутъ органически связаны между собою общностью интересовъ, такъ какъ правительство будетъ обнимать всю дѣятельность земства и входитъ во все касающееся общественнаго благосостоянія, при утвержденіи постановленій и разсмотрѣніи отчетовъ земскихъ собраній по дѣламъ хозяйства подлежащимъ ихъ окончательному разрѣшенію, а земскія собранія контролируютъ надъ исполненіемъ ихъ собственныхъ постановленій получать возможность блюсти свои интересы. Администрація свяжется съ судомъ тѣмъ что производство сѣдствій, охраненіе имуществъ, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ открывающагося наследства и исполненіе судебныхъ рѣшеній войдутъ въ обязанности полиціи, подъ судебнымъ прокурорскимъ надзоромъ, и тѣмъ еще что ближайшій во всякой мѣстности единоличныи судъ сдѣлается судебно-полицейскимъ разбирательствомъ. Судъ войдетъ въ связь съ земствомъ, посредствомъ выборныхъ мировыхъ и уѣздныхъ судей, если послѣдніе будутъ предоставлены его избранію. Наконецъ, все вмѣстѣ: судъ, администрація и земство будутъ объединены общимъ управленіемъ въ одномъ высшемъ государственномъ учрежденіи, Правительствующемъ Сенатѣ.

При такомъ лорядкѣ и единствѣ дѣйствія всѣхъ государственныхъ органовъ; верховная власть, одна совмѣщающая въ себѣ и законодательную и исполнительную власть, облегчитъ безо всякой ложки себѣ и всему правительству бремя правленія и осуществитъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и земствѣ единеніе свое съ народомъ.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВЪ.

19 февраля
1883 года.

ГОДЫ УЧЕНИЯ РАФАЭЛЯ

Есть въ исторіи безсмертная имена. Къ такимъ безспорно принадлежитъ имя Рафаэля. Оно, въ области творческой дѣятельности человѣчества, подобно солнцу, освѣщаетъ и первые шаги нарождающагося христіанскаго искусства, и высшія, самыя совершенныя проявленія обрѣтеннаго совокупными трудами многихъ поколѣній образа. Рафаэль сумѣлъ божественное приблизить къ человѣку и человѣческое возвести до божества, олицетворивъ въ своихъ созданіяхъ воплощенія предвѣчныхъ идей управляющихъ міромъ. Силой его генія идеальное содержаніе соединено съ реально понятою формой всего существующаго. Въ его созданіяхъ человѣчество увидало отблескъ вѣчной истины.

Рафаэль не пролагалъ новыхъ путей. Отразивъ въ себѣ результаты художественнаго развитія многихъ эпохъ, наследовавъ богатства многихъ поколѣній, омы, силой великаго синтеза, явилъ въ своихъ произведеніяхъ заверченный образъ искомаго человѣчествомъ идеала, причемъ въ его личности совокупились воспримчивая впечатлительность, способность къ упорному труду, счастливыя условія окружающаго и, конечно болѣе всего, его прирощенный геній. Самая жизнь

его представляется какъ бы законченнымъ, художественнымъ произведеніемъ; въ ней не видно ни скачковъ, ни рѣзкихъ переверотовъ, ни разочарованій; она горитъ ровнымъ и яснымъ пламенемъ. Душа его оживаетъ все къ чему ни прикасается и какъ океанъ отражаетъ въ себѣ безпредѣльное небо.

Уловить моменты развитія подобнаго генія всегда было одною изъ самыхъ заманчивыхъ задачъ. Жизни Рафаэля посвящена цѣлая литература. Гравюра, литографія и въ послѣднее время фотографія воспроизвели не только всѣ его фрески, картины и иконы, но даже этюды и рисунки до малѣйшаго наброска перомъ или карандашомъ. Перерыты всѣ архивы и извлечено изъ нихъ все что только касалось посредственно и непосредственно Рафаэля. Несмотря на все это, многое въ его жизни остается неразъясненнымъ; менѣе всего извѣстны намъ его дѣтство, отрочество и юность, то-есть годы ученія и воспитанія.

Объ этой ранней лорѣ его жизни Вѣзари, изъ котораго черпали всѣ писавшіе о Рафаэлѣ, знали только по слухамъ. Пассаванъ въ своемъ капитальномъ трудѣ о Рафаэлѣ (*Raphael v. Urbino und sein Tater Giovanni Santi*) изслѣдовалъ документы относящіеся до семьи и жизни отца Рафаэля—Джованни Савти; онъ выяснилъ многія данныя объ его семействѣ и происхожденіи и поставилъ вопросъ на научную почву.

Въ наше время, столь богатое точными изслѣдованіями, труды Румора, Классическая исторія италянкой живописи Кроу и Кавальказелле, недавно появившееся начало жизнеописанія Рафаэля тѣхъ же знаменитыхъ авторовъ, труды G. Campori (*Notizie inedite di Raffaello di Urbino, Modena*), C. Ruland'a (*The works of Rafael as represented at Winor Castle, London*), цѣлый рядъ изслѣдованій Gruyer, составляющихъ подробную біографію Рафаэля, монографіи Фѳрстера и Любке, превосходящая и лучшая изъ біографій Рафаэля A. Springer'a, обстоятельная біографія Eug. Müntz'a и наконецъ статьи Морелли (подписанныя псевдонимомъ *Дермольева*), — всѣ эти труды настолько освѣтили предметъ, частью добывъ несомнѣнные документальныя данныя, частью путемъ иногда вѣроятныхъ, иногда рискованныхъ гипотезъ или чувствомъ тонко понимаемаго стиля и манеры художника, при изученіи его произведеній, что теперь возможно начертать приблизительно картину годовъ ученія Рафаэля. Это и будетъ нашею *скромною задачею*.

I.

Надъ крутымъ, скалистымъ обрывомъ одного изъ отроговъ восточныхъ Апеннинъ живописно расположился небольшой городокъ Урбино. И теперь его узкія улицы, дома старинной постройки, монастыри и церкви, сгруппированные на неровной, гористой мѣстности, представляютъ для пейзажиста много интереснаго. Еще и теперь высится надо всѣми постройками города хорошо сохранившійся замокъ-дворецъ со своими двориками и колоннадами; къ нему ведутъ устроенные на аркахъ мощные переходы. Съ террасы замка открывается обширный видъ на долину: холмистая мѣстность, покрытая виноградниками и оливковыми рощами, постепенно понижаясь, сливается съ отлогимъ берегомъ Адриатическаго моря, голубѣющаго въ безконечной дали.

На одной изъ улицъ этого городка, называемой *Contrada del monte*, сохранился домъ и теперь принадлежащій къ лучшимъ домамъ улицы. Съ виду онъ довольно скромнень, но еще въ XVII столѣтіи нѣкто Muzio Oddi, городской архитекторъ Урбино, купилъ его и надъ дверью помѣстилъ мраморную доску со слѣдующею надписью:

Nunquam moriturus
exiguus hisce in oedibus
eximius ille pictor
Raphael
natus est

Oct. id. Apr. An.
M.C.DXXCIII

Ludit in humanis divina potentia rebus
et saepe in parvis claudere magna solet.

Въ этомъ домѣ родился Рафаэль! *

Предки его въ началѣ XIV столѣтія жили въ небольшомъ мѣстечкѣ Кольбордоло, недалеко отъ Урбино. Родоначальникъ семьи назывался *Santè* или *Santi*; латинизированное въ *Sanctus*, это имя перешло въ послѣдствіи въ *Sanzio*.

* Теперь этотъ домъ принадлежитъ Урбинской академіи; онъ былъ купленъ на деньги собранныя общественною подпискою. Известный почитатель Рафаэля М. Morris Мооръ подписался на 5.500 франковъ.

До 1446 года семья Санти, занимаясь мелочною торговлей, жила спокойно. Родились дѣти и внуки. Сынъ Санти *Перуццоло*, женатый на нѣкоей *Gentilina*, имѣлъ двухъ дочерей и сына, названнаго въ честь дѣда *Sante*. Имущество семьи состояло въ домѣ и лавочкѣ, гдѣ продавалось все нужное для хозяйства, и въ нѣсколькихъ клочкахъ земли, постепенно приобретенныхъ или на нажитыя торговлей деньги, или на полученныя въ приданое. Это постоянно крѣпнущее благосостояніе было нарушено внезапно разразившеюся грозой: *Сигизмундъ Малатеста* во главѣ палскихъ войскъ вторгнулся въ Урбинское герцогство, предавая все огню и мечу. Кольбордола было разрушено до основанія. Семья Санти должна была покинуть родное гнѣздо и переселиться въ Урбино какъ въ болѣе укрѣпленное и защищенное мѣсто. Во время этого вынужденнаго переселенія у сына *Перуццоло*, *Санте*, былъ уже ребенокъ, *Джованни*, будущій отецъ *Рафаэля*. Со временемъ въ своей повѣсти онъ вспоминаетъ впечатлѣнія своего ранняго дѣтства: „Судьба предала нашъ отчий домъ пламени; все наше имущество было расхищено. Долго было бы разказывать обо всѣхъ превратностяхъ сопровождавшихъ жизнь мою!“

Санте вѣроятно спасли отъ разгрома небольшую часть своего состоянія, ибо мы видимъ ихъ, по прибытіи въ Урбино, помѣщенными въ наемномъ домѣ съ платой по тринадцати дукатовъ въ годъ. По смерти *Перуццоло*, главой семьи становится *Санте*. Торговлей, различными денежными оборотами и экономіей онъ не только поправляетъ разстроенныя дѣла, но приводитъ ихъ въ отличное положеніе. Онъ скупаетъ земли за немалыя по тогдашнему времени деньги, а въ 1463 году мы видимъ его владѣльцемъ двухъ рядомъ стоящихъ домовъ въ *Contrada del monte*, купленныхъ имъ за 240 дукатовъ. Въ это время семья состояла изъ старика *Sante*, двухъ его сыновей, *Джованни* и *Бартоломео*, и двухъ дочерей. Предъ нами картина полнаго семейнаго благополучія: матеріальное довольство, счастье, нравственная потребность и возможность выйти изъ условій мѣщанской жизни въ болѣе высокую сферу дѣятельности. *Санте*, не стѣсняемый недостаткомъ и понимающій требованія времени, даетъ сыновьямъ своимъ прекрасное воспитаніе; имъ пришлось расти среди самыхъ благоприятныхъ условій для умственнаго и нравственнаго развитія, ибо Урбино, столь скромный и тихій

въ настоящее время, былъ тогда преисполненъ блестящею дѣятельностью одного изъ самыхъ благороднѣйшихъ представителей княжескихъ дворовъ Италіи времени ранняго возрожденія... Федерико да-Монтефельтре герцогъ Урбинскій сумѣлъ устроить въ своихъ владѣніяхъ жизнь представляющую одно изъ самыхъ симпатичныхъ зрѣлищъ того времени. Лучшій ученикъ великаго воспитателя и гуманиста Vittorino da Feltre Федерико сталъ выше всѣхъ современныхъ ему правителей въ быстро тогда слагавшихся государствахъ Италіи. Какъ военачальникъ онъ отличался храбростью и вѣрностью въ принятыхъ имъ обязательствахъ, а блистательныя побѣды прославили его имя по всей Италіи. Онъ хорошо зналъ латыни, изучалъ Аристотеля, читалъ Ливія и отцовъ церкви. На свою библиотеку онъ истратилъ болѣе 300.000 дукатовъ. Каталогъ напечатанный въ *Giornale storico degli Archivi Toscani* можетъ насъ подробно познакомить съ рукописями, фоліантами и книгами этого знаменитаго собранія. Особенно любилъ Федерико книги украшенныя миниатюрами; собранныя имъ рукописи и кодексы составляютъ и теперь одно изъ сокровищъ Ватикана. Не менѣе богаты были его художественныя собранія; онъ призывалъ къ своему двору не только италіянскихъ знаменитыхъ мастеровъ, но и иноземныхъ. Долго жилъ у него фламандскій живописецъ *Юстусъ* изъ Гента. Великолѣпный замокъ-дворецъ (*la corte*), построенный извѣстнымъ архитекторомъ *Luciano di Laurana* (въ 1447), былъ оконченъ знаменитымъ *Baccio Pontelli*. Службы и укрѣпленія строилъ *Francesco di Giorgio*. Мраморныя украшенія дворца, восхищающія и теперь всѣхъ любителей, его колонны, лпидястры, камни и ихъ орнаменты исполнены *Ambrogio da Milano*, а превосходныя цитарсіи дверей въ *Sala degli Angeli* и въ *Studio di Federigo* мѣстные ученые приписываютъ нѣкоему *Giacomo di Firenze*.

Дворъ и вмѣстѣ съ нимъ все небольшое герцогство какъ бы облакались въ классическія формы, образуя гармоническій, цѣльный организмъ. Биографъ *Vespasiano* подробно описалъ намъ нравы и обычаи оригинальнаго управленія Федерико; онъ вводитъ насъ въ ежедневную жизнь двора и города и привлекательно рисуетъ намъ образъ Федерико, зру патріархальнаго тирана. Онъ отецъ своего народа; всякаго изъ своихъ подданныхъ онъ знаетъ въ лицо; онъ награждаетъ добрыхъ и отечески наказываетъ нерадивыхъ.

Его доступность и общительность не знаютъ границъ; онъ толкается по рынкамъ, входитъ въ частные дома, и всякаго готовъ принять у себя радушно и помочь въ бѣдѣ. Его всѣ любятъ; всякій, встрѣчая его на улицѣ, приветствуетъ его словами: „Dio ti mantenga, signore!“ И несмотря на эти патриархальныя отношенія, онъ съ достоинствомъ поддерживаетъ данное ему общимъ голосомъ современниковъ названіе „свѣта Италіи!“ Художники, ученые и поэты толпятся въ залахъ его дворца, и онъ любитъ ихъ и понимаетъ такъ же какъ любитъ и понимаетъ своихъ калитановъ и воиновъ на полѣ битвы.

Одною изъ его любимыхъ забавъ было собирать молодыхъ людей и юношей на дворѣ своего дворца или на площадкѣ близъ церкви Св. Франциска и смотрѣть на ихъ военныя и гимнастическія упражненія, причемъ требовались не только быстрота бѣга и ловкость въ движеніяхъ, но красота и грація. Узкое платье плотно охватывало играющихъ, бѣгающихъ, борющихся или договняющихъ другъ друга юношей, когда они, раздѣленные на двѣ партіи, исполняли любимую Умбрійцами игру *Aia*. Оживленные лица, видимая игра каждаго мускула, все это придавало общему одушевленію художественный, классическій характеръ. Этыхъ красивыхъ юношей въ плотно сидящихъ на нихъ одеждахъ часто видимы мы воспроизведенными въ картинахъ Джованни Санти, Перуджино, Пинтурикіо, Синьйорелли и Рафаэля.

Федерико умеръ въ 1482 году, оставивъ свое герцогство 10лѣтнему сыну Гвидобальдо. Въ 1486 году Гвидобальдо объявленъ былъ совершеннолѣтнимъ, а три года спустя праздновался его бракъ съ одною изъ самыхъ прелестныхъ и образованныхъ женщинъ Италіи, Елизаветой Гонзага, дочерью маркиза Федерико Гонзага Мантуанскаго. Гвидобальдо продолжалъ политику своего отца, но не былъ такъ счастливъ. Какъ кондотьеръ онъ принималъ участіе въ различныхъ войнахъ; въ битвѣ при *Soviano* онъ попался въ плѣнъ. Въ 1502 году Урбино былъ взятъ Цезаремъ Борджіа; Гвидобальдо едва спасся бѣгствомъ, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, при помощи любившаго его населенія и образовавшейся лиги кондотьеровъ, снова завладѣлъ Урбино. Со смертью папы Александра VI онъ могъ спокойно посвятить себя благополучію своихъ подданныхъ. Къ этой жизни, полной утонченныхъ наслажденій ума при самой привлекательной обстановкѣ, мы еще возвратимся.

Въ Урбино не было мѣстной, самостоятельной школы живописи; но при дворѣ Федерико и Гвидобальдо часто появлялись вызванные ими художники не только итальянскіе, но и фламандскіе. *Юстусъ* изъ Гента работаетъ въ Урбино между 1462—75 годами; *Паоло Учелли* въ 1468 году; *Пьеро дельла-Франческа* въ 1469; *Мелозцо да-Форли* въ 1482; *Тимотео дельла-Вите*, хотя и мѣстный уроженецъ, но воспитанный въ Болоньѣ у Франчіи, появляется въ Урбино въ 1495 году и остается тамъ навсегда.

Не удивительно что сынъ Санте, Джованни, попавъ подъ вліяніе описанной нами обстановки, стремится выйти изъ мѣщанской среды своего быта, и его влечетъ въ высшія сферы. Одаренный не заурядными способностями, онъ рѣшается посвятить себя чудесному искусству живописи („alla mirabile arte de pictura“) и приобретаетъ почетное положеніе не только какъ художникъ, но и какъ поэтъ. Написанная имъ поэма въ терцинахъ, прославляющая жизнь и подвиги Федерико Урбинскаго, доказываетъ что онъ былъ въ состояніи найти подходящую и приличную форму выраженію своихъ мыслей и наблюденій.

Джованни женился на дочери состоятельнаго купца *Battista Ciarla, Magia*, которая, какъ значитса на памятникѣ величайшаго художника Италіи, въ великую пятницу, 6 апрѣля 1483 года родила ему сына, названнаго *Рафаэлемъ*. За первенцемъ послѣдовалъ другой сынъ, вскорѣ умершій, а чрезъ два года по рожденіи Рафаэля умираетъ старый Санте, и Джованни, дѣлаясь наследникомъ всѣхъ его имѣній, становится во главѣ семьи. Онъ открываетъ мастерскую, гдѣ исполняются различныя заказы не только иконъ, хоругвей и алтарей, но и различныя ремесленныя работы.

Въ сохранившемся домѣ, гдѣ росъ маленькій Рафаэль подъ любовнымъ надзоромъ матери, и теперь видны слѣды художественныхъ занятій Джованни. На одной стѣнѣ комнаты, бывшей вѣроятно мастерскою, сохранилась фреска изображающая молодую женщину въ профиль; она сидитъ у столика съ книгой въ рукахъ, нѣжно прижимая ко груди своей престарелаго ребенка. Несмотря на то что фреска почти разрушена, несмотря на едва видный контуръ, она производитъ своею неизъяснимою прелестью глубокое впечатлѣніе. Джованни ничего лучшаго не нарисуетъ во всю свою жизнь. Онъ дѣлаетъ насъ въ этой фрескѣ какъ бы свидѣтелями и

участниками своей интимной жизни: Маджа помѣстилась со своимъ ребенкомъ у столика въ мастерской, гдѣ счастливый отецъ, забывая можетъ-быть какую-нибудь слѣшнюю работу, бросаетъ ее и торопится начертать на стѣнѣ то что ему всего дороже. Невольно думается что дѣйствительно все это такъ происходило. Цѣломудренность и чистоту изображенной матери мы переносимъ на дѣйствительно существовавшую мать, и эта фреска драгоценнѣе намъ самаго убѣдительнаго документа, ибо образъ Маджи, матери Рафаэля, знакомъ намъ только по этому изображенію; воображеніе рисуетъ намъ ее любвеобильнымъ источникомъ, налюбовавшимъ таинственною силой любви младенческую душу Рафаэля, надѣлывшимъ его инстинктивнымъ стремленіемъ къ вѣчной красотѣ и наконецъ тѣмъ чувствомъ гармоніи и тою нравственною силой которыя были самыми надежными спутниками и руководителями его генія.

Семейное счастье Джованни длилось не долго; 7- октября 1491 года умерла Маджа и вслѣдъ за ней только-что родившаяся дочь. Джованни, обязанный вести домъ и хозяйство, вскорѣ женится вторично на дочери золотыхъ дѣлъ мастера Pietro di Parte, Бернардинѣ, а въ 1494 году 1 августа самъ внезапно умираетъ. Опекуномъ Рафаэля назначенъ былъ его родной дядя по отцу, монахъ Фра-Бартоломео. Вдова съ сестрами также остались въ домѣ, и вотъ начались въ семьѣ, столь счастливой доселѣ, ссоры и дразги. Монахъ былъ человѣкъ безпокойнаго и неприятнаго характера, не совсѣмъ кроткая Бернардина тоже не умѣла уступать, и ссоры ихъ часто доходили до суда, куда свидѣтелей вызывали нѣскольکو разъ юнаго Рафаэля. Судъ постоянно приговаривалъ монаха къ денежному штрафу. Всѣ эти факты, какъ они ни грустны, совершенно случайно приобрѣли для жизнеописанія Рафаэля очень важное значеніе. А именно, сохранились протоколы' этихъ судебныхъ разбирательствъ отъ 1495, 1497 и 1499 годовъ, и изъ нихъ оказалось что Рафаэль въ продолженіе этихъ годовъ не покидалъ Урбино. Только въ 1500 году отъ 13 мая онъ показалъ отсутствующимъ. До знакомства съ этими документами всѣ безусловно вѣрили показанію Вазари что Рафаэль былъ отданъ еще самимъ отцомъ въ ученіе къ Перуджино. Не симпатичны были Рафаэлю его опекуны, скупой монахъ-дядя и безпокойная мачиха. Всею душой онъ прива- зался къ другому дядѣ, брату своей матери, *Simone di Battisti*

sta Ciarla. Онъ сохраняетъ къ нему почти сыновнія отношенія въ продолженіе всей своей жизни; всѣ письма свои къ нему онъ начинаетъ словами: „дорогой, почитаемый мною за роднаго отца, *Simone!*“

Первымъ учителемъ Рафаэля безъ сомнѣнія былъ его родной отецъ, Джованни Санти. Чтобы уяснить себѣ чему могъ научиться у него Рафаэль, мы должны вкратцѣ рассмотреть художественную дѣятельность Джованни.

Мы не знаемъ когда и подъ чьимъ руководствомъ Джованни сталъ заниматься живописью. Онъ уже былъ художникомъ когда Пало Учелли и Пьеро дельла-Франческа посѣтили Урбино (т.-е. въ 1468—69 годахъ); послѣдній жилъ въ домѣ Джованни и вѣроятно работалъ въ его мастерской. Можетъ-быть они встрѣчались и ранѣе, или знали другъ друга чрезъ посредство Мелоццо да-Форли, котораго Джованни очень цѣнилъ. Джованни, подобно большинству художниковъ того времени, велъ послѣ подготовительнаго ученія страстную жизнь и, переезжая изъ города въ городъ, могъ сталкиваться съ вышеупомянутыми мастерами.

Первое извѣстное намъ его произведеніе это фрески калеллы *Tirani* въ церкви Св. Доминика въ *Cagli*. Въ нихъ виденъ мастеръ овладѣвшій техникой своего искусства. На одной изъ этихъ фресокъ изображенъ Спаситель возстающій изъ гроба; около Него Свв. Иеронимъ и Бонаventura. Лице Спасителя выразительно; тѣло его чисто умбрійскій, сухощавый, неграціозный и съ рѣзко и сухо исполненными анатомическими подробностями. На другой фрескѣ изображены опять „Воскресеніе и Богоматерь на престолѣ, окруженная святыми“. Художникъ нарисованною по всѣмъ законамъ перспективы обстановкой очень удачно увеличиваетъ впечатлѣніе глубины калеллы. „Воскресеніе“ изображено среди холмистой мѣстности; въ рукахъ воскресшаго Христа хоругвь; около гроба слящіе стражники въ различныхъ позахъ. Подъ этою фреской нарисована сидящая на роскошномъ престолѣ Дѣва Марія; полуодѣтый Младенецъ на Ея рукахъ; по сторонамъ два ангела и четверо святыхъ. Эта фреска очень напоминаетъ Мелоццо да-Форли, особенно образы Христа и уснувшихъ стражниковъ, но нельзя отрицать и вліянія Мантеньи. Мѣстами замѣтна свойственная самому Джованни извѣстная нѣжность и тонкость; такъ одинъ изъ стражниковъ, тотъ что уснулъ сидя, склоня свою устающую голову

на руку, престало выразительнымъ мотивомъ, является какъ бы провозвѣстникомъ скорого появленія Рафаэля. Умбрійскою нѣжностью и граціей преисполнена и вся группа Мадонны, и даже складкамъ одеждъ, хотя и исполненнымъ въ стиль Мелоццо, придавъ умбрійскій характеръ. Ангелъ стоящій у престола слѣва, со скрещенными на груди руками, съ приподнятою нѣсколько къ верху головой, освѣженной кудрями каштановаго цвѣта, со своимъ невиннымъ и прелестнымъ выраженіемъ—совершенно рафаэлевскій типъ. Другой ангелъ напоминаетъ Мелоццо, а въ фигурахъ Петра опять видятся величественные образы Фра-Бартоломео и Рафаэля въ зародышѣ. Главное достоинство этой фрески—основательное знаніе условій перспективы; видно что Джованни развивался среди вліяній научно-реалистическаго направленія Пьеро делла-Франческа и Мелоццо да-Форли. Изображенныя имъ фигуры въ ракурсѣ занимаютъ въ картинѣ надлежащее имъ мѣсто. Замѣтный Мантеньевскій элементъ можно объяснить вліяніями Мелоццо. Но несмотря на то что только научно-реальное направленіе давало ему главную опору, онъ не отрѣшается отъ своего роднаго, самобытнаго, умбрійскаго пониманія. Произведенія его преисполнены сочувствіемъ всему благому, чистому, прелестному и миловидному, и это его инстинктивное влеченіе перешло цѣликомъ къ великому его сыну. Усиленіемъ этого элемента и его преобладаніемъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Джованни обязанъ еще вліянію Перуджино. Значительнымъ произведеніемъ Джованни считается *Мадонна* окруженная святыми, въ церкви S. Сгосе, въ Фано. Оно соединяетъ въ себѣ умбрійскія вліянія съ техническими усовершенствованіями научно-реалистическаго направленія. Мадонна преисполнена выраженія материнской нѣжности; въ ней свѣтится то чисто-душевное, все очарованіе коего выкажетъ вполне Рафаэль. Мантеньевскій приемъ виденъ въ закинутой назадъ головѣ Св. Себастьяна и въ смѣломъ ракурсѣ его лица; этотъ приемъ также унаследуетъ Рафаэль и часто будетъ повторять въ своихъ раннихъ произведеніяхъ.

Если второй сынъ Джованни походилъ на своего старшаго брата, то конечно могъ красотой своей вдохновить отца. Именно въ это время Джованни пишетъ (въ 1484 году) икону для церкви въ *Gradara* (мѣстечко не далеко отъ Pesaro).

Изображенная на этой иконѣ Мадонна поразительно напоминаетъ Рафаэля. Нѣжная поза Маріи, ея миловидное лицо съ гладкимъ, вѣсколько круглымъ лбомъ, съ прелестною линіей носа и подбородка, такъ же какъ и живая естественность прекраснаго Младенца, все это говоритъ намъ объ умилительномъ вдохновеніи художника; а колыбель великаго генія живописи уже вступала въ интимное сообщеніе съ образами которые стали постоянными слутниками его жизни.

Припомнимъ еще ангеловъ держащихъ вѣнецъ надъ Мадонной на иконѣ въ церкви Св. Франциска въ Урбино; рисунокъ съ нихъ, сохраняющійся въ Берлинѣ, долго приписывали самому Рафаэлю.

Лучшимъ произведеніемъ Джованни Санти считается икона монастыря *Montafiorentino* близъ Urbania (Castel-Durante). На ней изображена восстающая на престолѣ Мадонна со Младенцемъ, окруженная святыми. Не земная грусть видна въ чертахъ Маріи; форма лица ея, ея движенія и поза являются намъ въ ней прототипъ рафаэлевскихъ мадоннъ.

Это краткое описаніе произведеній Джованни представляетъ намъ его художникомъ воспринимавшимъ все научныя успѣхи своихъ современниковъ и въ то же время сохраняющимъ вполне свою самобытность. Врожденное чувство красоты выражается у него иногда искренно и вдохновенно, и несмотря на нѣкоторую жеманность и сухость, мы узнаемъ въ его произведеніяхъ то духовное, общее Умбрійской школѣ начало которое гениальный сынъ его явитъ въ высшемъ его просвѣтленіи. Добросовѣстность и серьезное отношеніе къ дѣлу составляли у Джованни драгоценныя свойства отличнаго учителя и воспитателя, и конечно никто кромѣ его не могъ лучше направить первые шаги Рафаэля. Ему онъ передалъ свои знанія, и какъ лучшее наследіе, стремленіе къ правдѣ и красотѣ, причемъ не надо забывать что Рафаэль могъ въ домѣ своего отца незамѣтно знакомиться съ вѣяніями Флорентинской и другихъ школъ, которые заносили въ Урбино Паоло Учелли, Пьеро дела-Франческа и Мелоццо да-Форли. Но влияніе отца конечно было главнымъ; въ этомъ убѣждаютъ насъ часто повторяющіеся у Рафаэля типы дѣтей и ангеловъ, отличающіеся отъ типовъ Джованни только большею духовностью и тщательностью исполненія; но это было уже результатомъ быстрыхъ успѣховъ Рафаэля и все болѣе развивающагося искусства.

Когда Джованни Санти умеръ, Рафаэлю было двѣнадцать лѣтъ; выше мы видѣли что до 13 мая 1500 года онъ не покидалъ Урбино; что же дѣлалъ отрокъ въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ и подъ чьимъ руководствомъ онъ продолжалъ прерванное смертью отца образованіе? Мы стоимъ теперь лицомъ къ лицу съ самымъ темнымъ вопросомъ, правильно разрѣшить который еще нѣтъ возможности.

Обратимся къ источникамъ.

Главный авторъ изъ котораго черпали всѣ писавшіе о Рафаэлѣ, Вазари, утверждаетъ что самъ отецъ помѣстилъ одиннадцатилѣтняго сына въ мастерскую Перуджино. Пассаванъ опускаетъ это обстоятельство, но все-таки говоритъ что вскорѣ послѣ смерти отца (въ 1495 году) Рафаэль былъ отвезенъ въ Перуджію и помѣщенъ ученикомъ въ мастерскую Перуджино. „Il est probable que ce fut en 1495. Le Pérugin était alors à l'arogée de sa gloire!“ И долго принимался на вѣру авторитетныя показанія Вазари и Пассавана.

Первый усомнившійся въ достовѣрности этого показанія былъ баронъ фонъ-Руморъ. Въ своихъ *Italienische Forschungen* онъ говоритъ: „Неясныя и нѣсколько легкомысленныя показанія Вазари не исключаютъ предположенія что Рафаэль, прежде нежели поступилъ къ Перуджино помощникомъ (als Gehülfe), нѣкоторое время учился у *Andrea di Luigi* (Ingegno?). Руморъ былъ близокъ къ истинѣ. Профессоръ Rossi открылъ документъ въ Перуджіи (вышеупомянутые протоколы суда), положительно удостоверяющій что Рафаэль только въ 1500 году покинулъ Урбино, но ссылка на Ingegno произвольна; въ настоящее время существованіе этого Ingegno подвержено сильному сомнѣнію, такъ какъ положительно извѣстно что приписываемыя ему произведенія исполнены другими художниками, преимущественно Фиоренцо ди-Лоренцо.

Въ послѣднее время Морелли, пишущій подъ псевдонимомъ Лермольева*, внимательно изслѣдовалъ этотъ вопросъ и его остроумная гипотеза имѣетъ за себя всѣ условія достовѣрности, пока новооткрытыя данныя не докажутъ ея несостоятельности. Съ оговорками и боязливо принимаетъ теперь эту гипотезу большинство пишущихъ о Рафаэлѣ.

* Die Werke Italienischer Meister in den Galerien v. München, Dresden u. Berlin, v. Ivan Lermolieff. Leip. 1880.

Поэтому мы остановимся на ней съ должнымъ вниманіемъ. Морелли указываетъ на Тимотео делья-Вите, какъ на того учителя который продолжалъ воспитаніе отрока Рафаэля по смерти его отца и вплоть до поступления въ мастерскую Перуджино. По показанію Вазари извѣстно что Рафаэль и Тимотео были очень дружны; изъ этой дружбы Вазари вывелъ заключеніе что Тимотео былъ ученикомъ Рафаэля. „Произведенія Тимотео получили такую извѣстность“, разказываетъ онъ, „что Рафаэль выписалъ его въ Римъ, гдѣ, кромѣ славы, онъ пріобрѣлъ много денегъ, которыя и посылалъ домой. Онъ вмѣстѣ со своимъ учителемъ написалъ въ церкви S. Maria della Pace Сивиллъ, di sua mano ed invenzione, но, продолжаетъ Вазари, тоска по родинѣ заставляетъ его вернуться въ Урбино, гдѣ онъ женится (то-есть по Вазари въ 1519 году, ибо Сивиллы были написаны въ 1518), и такъ какъ у него народилось много дѣтей, то онъ, несмотря на приглашенія Рафаэля, не покидаетъ болѣе Урбино“.

Весь этотъ разказъ, по мнѣнію Морелли, чистый вымыселъ.

По свидѣтельству *Pungileoni* (Elogio storico di Timoteo), Тимотео былъ уже въ 1501 году женатъ и до 1518 не покидалъ Урбино, гдѣ былъ пріоромъ въ 1513. Онъ принадлежалъ къ богатой и очень почтенной семьѣ, и въ 1518, когда Рафаэль писалъ Сивиллъ, ему было 50 лѣтъ, возрастъ когда почтенный и ненуждающійся человѣкъ не покидаетъ семьи чтобы вступить въ ученіе къ болѣе молодому, хотя и гениальному художнику. Странна и непонятна судьба выпавшая на долю произведеній Тимотео! Картины его часто считались произведеніями Рафаэля, а между тѣмъ почти всѣ писавшіе объ искусствѣ со временъ Вазари относятся къ нему съ незаслуженнымъ пренебреженіемъ. Одинъ только *Pungileoni* воздалъ ему должное.

Тимотео былъ ученикомъ Франчіи. Окончивъ свое ученіе въ Болоньѣ, онъ вернулся въ Урбино двадцати семи лѣтъ отъ роду. Это было въ 1495 году, то-есть когда Рафаэлю, не задолго предъ тѣмъ потерявшему отца, минуло двѣнадцать лѣтъ. Морелли въ виду этого факта дѣлаетъ совершенно разумный вопросъ: „возможно ли серьезно утверждать что двадцатисемилѣтній художникъ подчинился двѣнадцатилѣтнему мальчику, какимъ былъ тогда Рафаэль, и не правдоподобнѣе ли обратное предположеніе что Рафаэль сдѣлался ученикомъ Тимотео? Далѣе Морелли разсматриваетъ

произведенія Тимотео исполненныя имъ въ Урбино между 1495 и 1500 годами и, сооставаяя мѣтвія о нихъ Вазари и Пассавана, останавливается предъ другимъ вопросомъ: какъ объяснить что эти произведенія дѣлали на всѣхъ ли- шущихъ объ искусствѣ впечатлѣніе Рафаэлевскихъ произведе- ній? Нѣкоторые изъ нихъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ приписывались Рафаэлю, да по всей вѣроятности при- писывались бы и теперь еслибы случайно найденная надпись не возстановила имени настоящаго мастера. Такъ нахо- дящаяся въ Миланѣ икона, изображающая Мадонну со св. Крискентомъ и Виталиемъ, благодаря прекрасной фигурѣ по- сѣдняго святаго, считалась всѣми произведеніемъ Рафаэля, пока найденный документъ не возстановилъ имени Тимотео делла-Вите. О *Св. Аполлоніи* (въ городской галлерей Урбино) Крону и Кавальказелле говорятъ: adopted the Raffaellesque as evolved in the art of Spagna. Овалъ лица этой святой очень напоминаетъ Рафаэлевскую Мадонну Della-Granduca. То же и *Св. Маргарита* (въ частномъ собраніи Милана): въ правой ру- къ ея пальмовая вѣтвь, въ лѣвой цѣль, за которую она дер- житъ скованнаго дракона, очень напоминающаго дракона изображеннаго Рафаэлемъ въ луврскомъ *Св. Георгіи*. Морелли упоминаетъ еще о прелестныхъ рисункахъ на майоли- кахъ Museo Correr въ Венеціи и другихъ рисункахъ гудяю- щихъ по свѣту подъ именемъ Рафаэля, какъ напримѣръ ри- сункъ Оксфордской коллекціи, на которомъ чернымъ ка- рандашемъ нарисована женщина съ пальмовою вѣтвью въ рукахъ; онъ приписанъ Рафаэлю, но еще Робинзонъ то- мкій знатокъ рисунковъ, видѣлъ въ немъ руку Тимотео.

Принявъ во вниманіе все вышеизложенное, можно остано- виться на слѣдующемъ, очень вѣроятномъ заключеніи. Когда Тимотео въ апрѣлѣ 1495 года вернулся въ Урбино двадцати- семилѣтнимъ, уже вполне образовавшимся художникомъ, двѣнадцатилѣтній Рафаэль, недавно потерявъ отца, оставался безъ руководителя, ибо значительныхъ мастеровъ въ то время въ Урбино, какъ извѣстно, не было. Что же мудре- наго что отрокъ примкнулъ къ вернувшемуся изъ ученія земляку и подъ его руководствомъ сталъ продолжать прерванное смертью отца ученіе. Тимотео былъ симпатическая, чистая, художественная личность; это извѣстно изъ дневника учителя его Франціи. Рафаэль полюбилъ его и привязался къ нему: своимъ нѣжнымъ сердцемъ; вотъ съ котораго времени

началась ихъ дружба. А тотъ *Рафаэлевскій* духъ который всё писавшіе объ искусствѣ находятъ въ произведеніяхъ Тимотео былъ индивидуальною особенностью таланта самого Тимотео. Вѣдь и онъ родился и выросъ среди впечатлѣній Урбинской жизни, и его молодая, воспріимчивая душа питалась тѣми же впечатлѣніями какъ и нѣжная душа болѣе его юнаго Рафаэля.

Разсматриваемый нами вопросъ былъ бы рѣшенъ удовлетворительно еслибы можно было указать на раннія произведенія Рафаэля, исполненныя имъ въ Урбино, и отмѣтить въ нихъ слѣды азнаго вліянія Тимотео.

Морелли останавливается на одной картинѣ и на нѣсколькихъ рисункахъ. Эта картина извѣстный *Сонъ рыцаря*, находящаяся въ лондонской Национальной галлерей. Рисунокъ: этюдъ перомъ для той же картины (тамъ же), рисунокъ перомъ въ собраніи Викара (въ Лиллѣ), изображающій двухъ стрѣлковъ изъ лука, вѣроятно этюдъ для *Мученичества св. Себастьяна* и рисунокъ въ Альбертинѣ (Вѣна), изображающій Мадонну съ младенцемъ на рукахъ; въ рукѣ Маріи гранатовое яблоко.

Дѣйствительно, въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда вліянія Перуджино, и напротивъ они поразительно напоминаютъ Тимотео. Исполнены ли они въ Урбино и можемъ ли мы указать на нихъ какъ на самыя раннія произведенія Рафаэля, это еще очень сомнительно, ибо далѣе мы увидимъ что Рафаэль, уже окончивъ свои занятія въ мастерской Перуджино, припоминалъ Тимотео, какъ напримѣръ въ своемъ *Sposalizio*. Съ этою оговоркой мы приступаемъ къ описанію картины изображающей *Сонъ рыцаря*.

Эта прелестная картина дѣлаетъ впечатлѣніе совершенно назрѣвшей почки готовой развернуться пышнымъ цвѣтомъ. Въ сѣроватыхъ тонахъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда тѣхъ черныхъ и рыжеватыхъ оттѣнковъ которые такъ характеризуютъ Перуджино. Усталый рыцарь, юный и прекрасный, заснулъ подъ тѣнью лавроваго дерева; онъ не спалъ своего вооруженія, щитъ служить ему изголовьемъ. Во снѣ ему предстали двѣ женщины. Одна—красивая, серьезная и важная, но въ чертахъ лица ея выражается кротость и трогательная доброта; она предлагаетъ юношѣ мечъ и книгу, какъ бы призывая его на подвиги ума и храбрости; на ней пурпуровая одежда и желтый плащъ. Другая, въ болѣе роскошномъ

костюмъ; на ней коралловое ожерелье, красивый шарфъ, повязывающій ея голову, развѣвается легкими своими концами; красный цвѣтъ ея плаща рѣзко отдѣляетъ ея лазоревую одежду; въ рукахъ ея свитокъ. Это—Наслажденіе. Она зоветъ рыцаря за собой, маня его своею прелестью. На заднемъ планѣ горный пейзажъ; городъ надъ крутымъ обрывомъ, внизу рѣка, монастырь и отдѣльно высящіяся скалы по берегамъ; вдали опять горы. Пейзажъ напоминаетъ окрестности Урбино.

Вѣроятно Рафаэль хотѣлъ изобразить Геркулеса на распутіи между Добродѣтелью и Наслажденіемъ, но онъ обработалъ этотъ сюжетъ не въ классическомъ, а въ романтическомъ духѣ. Все это могло быть навѣяно обстановкой Урбинскаго двора; вмѣсто античнаго героя онъ нарисовалъ рыцаря, идеалъ котораго такъ блистательно изображалъ собой Гвидобальдо, герцогъ Урбинскій.

Рисунокъ къ этой картинѣ исполненъ съ чрезвычайною тщательностію; нѣсколько еще боязливая и неувѣренная въ себя рука водить перомъ, но въ этомъ рисункѣ болѣе нежели въ картинѣ видны слѣды вліянія Тимотео. У *Св. Маргариты* (упомянутой выше) Тимотео тѣ же складки короткаго рукава, не прикрывающаго руки женщины изображающей Наслажденіе, тотъ же развѣивающійся концами шарфъ, на головѣ и тотъ же овалъ лица. Особенное сходство замѣчается въ формѣ руки спящаго рыцаря и въ круглой формѣ головы женщины изображающей Добродѣтель. Рука у рыцаря широкая, почти квадратная съ короткими пальцами. Эту форму руки заимствовалъ Тимотео у Косты, и она повторена здѣсь Рафаэлемъ. Позднѣе, подъ вліяніемъ Перуджино, Рафаэль будетъ давать кисти руки (*metacarpium*) болѣе продолговатую форму и пальцы сдѣлаются длиннѣе. Пейзажъ не напоминаетъ ни одного изъ пейзажей Перуджино, но исполненъ совершенно въ духѣ Тимотео.

Тѣ же замѣчанія относятся и къ другимъ вышеупомянутымъ рисункамъ. У *Стрѣлковъ*, кромѣ формы руки, мы видимъ часто встрѣчающіеся у Тимотео назадъ зачесанные волосы; а Мадонна Альбертины оваломъ лица, формою рукъ, манерой повязки платка и намѣченнымъ надъ головой нимбомъ болѣе другихъ рисунковъ напоминаетъ Тимотео.

Къ произведеніямъ Рафаэля исполненнымъ въ Урбино, обыкновенно относятъ коллекцію рисунковъ сохраняющихся въ Венеціанской Академіи Художествъ. Случайно кулленная

ученымъ Босси эта коллекція возбуждала всеобщій интересъ, и въ ней думали видѣть ученическія упражненія и этюды Рафаэля. Въ тщательно исполненныхъ перомъ копіяхъ здѣсь были переданы портреты философовъ и ученыхъ украсившихъ бібліотеку герцога Урбинскаго; кромѣ того были этюды съ натуры, изображенія апостоловъ, ангеловъ, этюды для Богоматери, Магдалины и проч. Нѣкоторые изъ рисунковъ разлинованы квадратами, что доказываетъ что ихъ переводили на картоны. Авторитеты какъ Босси, Чиконьяре, Пассаванъ и Сальватико признали эти рисунки за несомнѣнно исполненные Рафаэлемъ.

Морелли тщательно разобралъ ихъ и пришелъ къ убѣжденію что эта случайно собранная и переплетенная въ одну книгу коллекція рисунковъ принадлежитъ различнымъ мастерамъ. Большинство ихъ исполнено Пинтуриккіо, два рисунка Антоніо Поддайюли суть копіи съ Сивьйорелли и Мантеньи и только два рисунка принадлежатъ Рафаэлю, но и тѣ гораздо позднѣйшей эпохи; это два эскиза барельефа изображеннаго въ Афинской школѣ (писанной Рафаэлемъ въ 1510—12 годахъ). Большая же часть рисунковъ Пинтуриккіо относится къ исполненнымъ имъ, или болѣе его старшимъ Перуджино, фрескамъ Сикстинской капеллы въ 1480—82 годахъ, слѣдовательно принадлежатъ тому времени когда Рафаэль еще не родился.

Вотъ все что можно съ нѣкоторою достовѣрностію сказать объ Урбинской школѣ Рафаэля. Многое изъ сказаннаго можетъ быть подтверждено или отвергнуто въ послѣдствіи; но вліяніе Тимотео делла-Вите на Рафаэля останется несомнѣннымъ.

Въ общихъ чертахъ мы старались установить ту атмосферу среди которой росъ и развивался величайшій изъ живописцевъ. При появленіи его на свѣтъ любовно и радостно встрѣчаютъ его отецъ и мать; мы старались подсмотрѣть непосредственное проникновеніе въ душу ребенка художественныхъ впечатлѣній окружавшей его колыбель обстановки. Кто измѣритъ, кто въ состояніи проникнуть тайну зараждающагося генія? Но мы въ правѣ сказать что именно въ это время запало въ душу младенца то сѣмя которое разрослось потомъ въ такое могущественное, обильное плодами древо. Затѣмъ мы видимъ исключительную особенность патриархальной жизни Урбино и его двора, съ которымъ семья Рафаэля была въ непосредственномъ общеніи. Герцогъ Федерико считалъ

Джованни Санти близкимъ челоѣкомъ; а при его дворѣ сосредоточивалось все современное движеніе ранняго Возрожденія съ его кондотьерами, съ жаждой просвѣщенія, съ увлеченіями античною живнью, съ вырабатывающимися гуманностью и изяществомъ отрошеній и со многосторонне развивающеюся живнью среди мирныхъ и богобоязненныхъ нравовъ народа и патріархальнаго управленія.

Ученіе Рафаэля началось, вѣроятно, очень рано. Джованни Санти былъ въ состояніи дать сыну послѣдовательное, тщательное воспитаніе, ибо имъ усвоено было все чего достигло тогда въ Италіи научно-реалистическое направленіе; все что было добыто въ области знанія и практики трудами Паоло Учелли, Пьеро дела-Франческа, Мантеньи и другими, Джованни могъ передать своему сыну какъ теоретически, такъ и практически, и вѣроятно первыми уроками были уроки математики, перспективы, законовъ пропорциональности, анатоміи и приемовъ смѣшенія и наложенія красокъ. И это научно-реалистическое направленіе не подавляло поѣтическихъ стремленій отрока, ибо самъ Джованни въ произведеніяхъ своихъ вызывалъ тѣ же симпатичные и исполненные душевной красоты образы къ которымъ съ раннихъ лѣтъ стремилась душа Рафаэля и которые не покидали его всю жизнь. Врожденное чувство гармоніи и пониманіе вѣчной красоты могли только находить поддержку въ примѣрахъ отца, къ сожалѣнію умершаго прежде нежели воспитаніе сына было окончено.

И новый наставникъ съ которымъ сталкивается Рафаэль судьба въ это критическое для него время, Тимотео дела-Вите, тоже сродственъ ему по духу, по врожденному чувству красоты, хотя и разившійся подъ влияніемъ другихъ учителей. Въ той школѣ гдѣ образовался Тимотео, Болонской, научно-реалистическое направленіе уже было подавлено стремленіемъ къ болѣе красивому и легкому колориту, къ болѣе декоративнымъ формамъ и особенно къ болѣе чувствительному, если не сказать сентиментальному выраженію. Непосредственный ученикъ Франчіо Тимотео какъ нельзя болѣе кстати явился въ Урбино; онъ сталъ необходимымъ звеномъ въ развитіи Рафаэля между точными уроками отца и потомъ болѣе широкимъ влияніемъ Перуджино. Въ Перуджію Рафаэль явился семнадцатилѣтнимъ юношей, не ученикомъ, а помощникомъ, какъ инстинктивно еще догадался тонко понимающій баронъ фонъ-Руморъ, вполне образовавшимся и овладѣвшимъ техникой своего искусства. Что же дала ему Перуджія?

II.

Перуджия была не то что маленькій, своеобразный городокъ *Урбино* съ его рыцарски-благородными, гуманно образованными герцогами, съ его патриархальною жизнью, гдѣ всякій зналъ другъ друга. *Перуджия* была столица *Умбріи*. Въ ней скрещивались разнообразныя вліянія городковъ и мѣстечекъ разбросанныхъ по долинамъ верховья *Тибра* и восточныхъ склоновъ *Апеннинъ*. Самый внѣшній видъ *Перуджи* долженъ былъ произвестъ на *Рафаэля* особое впечатлѣніе. Великолѣпный былъ расширявшійся до самаго моря пейзажъ его роднаго *Урбино*, но дакъ онъ увидалъ что-то новое, что-то иное. Онъ увидалъ тотъ предестный уголокъ земли, тотъ милостивый пейзажъ среди котораго *Пьетро Перуджино* любилъ помѣщать своихъ цѣломудренныхъ мадоннъ, пейзажъ подобно музыкѣ возвышающей душевный строй изображенныхъ имъ святыхъ и мучениковъ жаждущихъ райскаго блаженства.

И теперь съ мѣста гдѣ былъ старый замокъ мы можемъ любоваться этимъ пейзажемъ. Справа бѣзветъ городокъ *Diguta*; слева на возвышенности, прерывающейся голымъ, выжженнымъ обрывомъ, мрачный *Ассизи*, мѣсто рожденія св. *Франциска*, гдѣ подобно металлу лавилась его душа и затѣмъ крѣпчала и росла въ подвигахъ отреченія и порывахъ вдохновеннаго экстаза, гдѣ подвизалась его блаженная сестра по духу св. *Клара*, и гдѣ они оба нашли свое послѣднее успокоеніе. Далѣе взоръ достигаетъ *Спелло* съ сосѣднимъ ему *Фоллиньо*, между тѣмъ какъ горы, на вершинахъ коихъ въ тѣни оливковыхъ рощъ пріютнася *Монтефалько*, завершаютъ этотъ предестный пейзажъ, удаляясь одна за другими, постепенно уходя въ глубь дѣльной дали. Когда солнце прямо освѣщаетъ эти удаляющіяся массы горъ, взоръ вашъ различаетъ въ нихъ малѣйшія подробности; но къ вечеру все покрывается туманною дымкой... Ихъ неопредѣленные, таинственные тоны мы знаемъ по картинамъ *Перуджино* и *Рафаэля*.

Видъ на самый городъ не менѣ живописенъ. Его дома, дворцы, замки, храмы и монастыри, столпившись по отлогостямъ и вершинамъ трехъ холмовъ, составляютъ какъ бы одну пирамидальную группу, причемъ самыя высокія башни

контурами своими рисуются на сивеватомъ фонѣ возвышающихся сзади горъ. Неправильныя, подымающіяся и спускающіяся по горамъ улицы съ разнообразными декораціями домовъ, заборовъ, виноградниковъ, на каждомъ шагѣ представляютъ разнообразныя картины. Городская жизнь сосредоточивается на главной площади, среди которой возвышается знаменитый фонтанъ произведенія Джованни Пизани; громадный фасадъ Сивьѳоріи съ его длиннымъ рядомъ готическихкихъ оконъ, съ его великолѣпною лѣстницей, охраняемою внизу двумя мраморными львами, съ его высокою башней и роскошными мраморными украшеніями, высится рядомъ съ *Cambio*, дворцомъ, гдѣ засѣдала корпорація мѣстныхъ банкировъ и гдѣ въ моментъ прибытія Рафаэля готова была великолѣпная зала ожидающая фресокъ Перуджино. Сюда же на площадь выходятъ и главный порталъ собора; съ одной изъ его наружныхъ ложъ св. Бернардинъ изъ Сиены говорилъ къ народу, и вся Умбрія стекалась сюда слушать его вдохновенное слово. Еще живы были воспоминанія о немъ когда Рафаэль пріѣхалъ въ Перуджію.

По стѣнамъ домовъ испещренныхъ временемъ видѣется или фреска, или образъ Мадонны. Въ церквахъ множество алтарей; на алтаряхъ иконы, на иконахъ мадонны и святые... Все это приношенія, обѣты и вклады. И намъ знакомы и близки черты и выраженія этихъ мадоннъ и святыхъ съ физиономіями жителей Перуджіи, особенно женскія лица: та же меланхолическая красота, та же кроткое, душевное выраженіе. Умбрійское искусство постоянно держалось этихъ типовъ и этого выраженія. Въ религіозно-созерцательномъ настроеніи, переходящемъ иногда въ экстазъ, художники наши ту идеальную почву на которой произведенія ихъ могли служить нравственною поддержкой въ борьбѣ съ разрушительными и страстными элементами, потрясавшими часто мирную жизнь народа. Яркимъ контрастомъ рисовались энергическіе подвиги, жестокость, коварство и блескъ нѣсколькихъ семействъ выдающихся по своему положенію, богатству и вліянію; ихъ преступленія, семейныя ссоры, ужасы ихъ кровавыхъ междоусобій смущали честную, кроткую массу народа. И несмотря на то, они сходились на одной и той же почвѣ, религіозной, и трудно было сказать кто кого превосходилъ въ набожности и силѣ раскаянія. И раскаяніе бывало искреннее: и на посылавшаго свою голову неплемъ, босоногого

убійцу, еще вчера блиставшаго золотыми украшениями своего великолѣпнаго вооруженія, теперь униженнаго, стонущаго и бьющаго себя всенародно кулаками въ грудь, нарисованная умбрійскимъ мастеромъ на иконѣ Мадонна взирала тѣмъ же кротко-прощающимъ взоромъ голубицы какимъ взирала она на праведныхъ, и это вливало въ душу убійцы кратковременное утѣшеніе.

1500 годъ, то-есть тотъ годъ когда прибылъ Рафаэль въ Перуджію, былъ однимъ изъ тревожныхъ, исполненныхъ потрясающими событіями годовъ. Чтобы вѣрно изобразить средю охватившую юнаго провинціала, не видавшаго еще ничего кромѣ своего роднаго и тихаго Урбино, мы остановимся на нѣсколькихъ страницахъ лѣтописи Перуджіи относящихся къ этому году и записанныхъ очевидцемъ, хронистомъ Перуджіи *Matarazzo* (*Cronaca della città di Perugia del 1492 al 1503 di Francesco Matarazzo, publ. p. c. d. A. Fabretti. 1856*).

Въ продолженіе всего XV столѣтія, Бальйони, фамилія желавшая первенствовать въ Перуджіи, была въ непрерывной враждѣ съ семействомъ Одди, стремившимся къ той же цѣли. Ихъ междоусобіа не имѣли конца. Въ это смутное время всѣ ходили вооруженными; кто могъ тотъ держалъ своихъ *bravi*. Заговоры, убійства, ссоры и драки были ежедневнымъ явленіемъ. Папскій легатъ управлявшій городомъ не имѣлъ никакого вліянія, и ему самому угрожали кинжаломъ. Наконецъ, послѣ одной рѣшительной схватки, Одди были изгнаны изъ города. Героемъ дня былъ восемнадцатилѣтній Симонетто Бальйони. Съ небольшою кучкой друзей онъ уничтожалъ цѣлыя толпы враговъ; получивъ болѣе двадцати ранъ, онъ упалъ, но воспрянулъ снова когда подошли къ нему его двоюродный братъ Асторре, верхомъ на бѣломъ конѣ, блестящій въ своемъ золотомъ панцирѣ. „Подобный Марсу ринулся онъ въ битву,“ говоритъ лѣтописецъ. Рафаэль могъ быть свидѣтелемъ этой сцены. Можетъ-быть впечатлѣнія этого дня отразились въ послѣдствіи въ его Св. Георгіи. Это впечатлѣніе явится и въ изображеніи божественнаго всадника изгоняющаго Геліодора изъ храма.

Бальйони овладѣли городомъ; 180 человекъ враждебной партіи было убито. На площадяхъ воздвигнуты алтари; три дня пѣлись благодарственные молебны, и по всѣмъ улицамъ танулись религіозныя процессіи съ хоругвями, съ которыхъ

изображенная умбрійскими живописцами Мадонна взирает на происходящее тѣмъ же кротко-примиряющимъ и всепрощающимъ взоромъ.

Вражда была перенесена за городъ; вся мѣстность между Перуджіей и Ассизи была разорена: не были пощажены ни жены, ни дѣти. „Волки и лисцы расклочились въ угрожающемъ количествѣ, ибо много было заготовлено для нихъ христіанскаго мяса.“ Все это было только прологомъ, трагедія была впереди.

Описанія Метараццо до такой степени рельефно рисуютъ дальнѣйшія событія, свидѣтелемъ коихъ могъ быть Рафаэль, что мы должны продолжать ихъ изложеніе.

Семья Бальйони, оставшаяся безусловно побѣдительницей, состояла изъ двухъ братьевъ. У старшаго, Гвидо, было пять сыновей; одинъ изъ нихъ былъ упомянутый нами герой Асторре. У младшаго, Ридольфо, три сына; младшій былъ тотъ юный Симонетто котораго спасъ Асторре. Кромѣ того, съ ними въ близкомъ родствѣ были Carlo Bagaglia и красавецъ Grifonetto. Послѣдній былъ самый блестящій изъ семьи. Въ его дворцѣ собраны были портреты всѣхъ знаменитостей Перуджіи, а самый дворецъ какъ снаружи, такъ и внутри былъ расписанъ фресками. Вазари упоминаетъ объ „una camera in casa di Baglioni“, разрисованной Доменико Венеціано. Не было недостатка во многочисленныхъ слугахъ, лакаяхъ, шутахъ, лошадаяхъ, собакахъ, соколахъ и пр. Наконецъ у Grifonetto была красавица жена, Зиновія; а его мать, Аталанта, напоминала собою тиль римской матроны. Всѣ они пользовались въ городѣ такимъ почетомъ что всякій при ихъ встрѣчѣ покидалъ свою работу и слѣдилъ поклониться когда Grifonetto, или благородный Гвидо, или Асторре проходили по площади. Жены и дочери ихъ одѣвались не иначе какъ въ парчевыя платья.

Казалось бы процвѣтать и наслаждаться столь счастливому семейству, но между ними нашелся предатель: это былъ ихъ родственникъ, вѣкто Ieronimo della Penna, нелюбимый и презираемый ими. Этотъ-то Ieronimo сумѣлъ, подобно Яго, влить въ душу Grifonetto подозрѣніе въ невѣрности ему жены его Зиновіи... И Grifonetto вступилъ съ нимъ въ заговоръ, имѣвшій цѣлю истребить главныхъ представителей семьи Бальйони,

Заговорщики выбрали для совершенія своего преступнаго замысла время когда блестящій Асторре праздновалъ

свою свадьбу съ Лавиніей, дочерью *Giovanni Colonna*. По случаю этой свадьбы былъ цѣлый рядъ блестящихъ празднествъ. Площади и улицы были украшены цвѣтами, коврами и надлисами, въ которыхъ нашъ хронистъ Матараццо прославлялъ стихами подвиги Асторре. Праздники начались 28 іюня 1500 года. Мы можемъ представить себѣ юнаго Рафаэля среди напирającej отовсюду толпы, сошедшей со всѣхъ уголковъ Умбріи, съ любопытствомъ смотрящаго на великолѣпное шествіе: невѣста вѣхала вѣрхомъ на красивомъ конѣ, сопровождаемая свитой; ея одежда, такъ же какъ и одежда новобрачнаго, была вся изъ золотой ларчи; рукава шелковые расшиты жемчугами; головной уборъ блисталъ драгоценными камнями. Пиръ былъ устроенъ среди площади убранной роскошными тканями и коврами. Только ночь прекратила лѣтніе, танцы и музыку. Тогда повели новобрачныхъ къ великолѣпной постели, одѣвало коей было шелковое, вышитое золотомъ и жемчугами. Но какъ свѣтлы и радостенъ былъ день, такъ ужасна была ночь. Страшная буря съ проливнымъ дождемъ разразилась надъ городомъ и сразу перепортила всѣ ковры и ткани украшавшіе площадь. Появившаяся на небѣ и скоро исчезающая комета навела на всѣхъ ужасъ: всѣ видѣли грозное предзнаменованіе и ждали бѣды.

Празднества шли своимъ чередомъ. Турниры и пиры смѣняли другъ друга, но между тѣмъ подъ шумъ этихъ праздниковъ заговоръ Иеронима окончательно созрѣлъ, благо не было недостатка во враждебныхъ элементахъ изъ побѣжденной партіи Одди, и вотъ 15 іюля, ночью, заговорщики были на мѣстахъ и ждали условленнаго сигнала. Сигналъ былъ поданъ. Двери въ домахъ намѣченныхъ жертвъ выломаны. Асторре застали въ постели въ одномъ бѣльѣ. Напрасно заслоняла его своимъ прекраснымъ тѣломъ молодая жена! Пронзенный нѣсколькими кинжалами, онъ палъ мертвый. Одинъ изъ убійцъ вырвалъ изъ груди его сердце, а тѣло его было выброшено на улицу. Старый Гвидо защищался храбро, но долженъ былъ уступить силѣ; онъ палъ съ восклицаніемъ: „прішелъ и мой чередъ“! Въ эту кровавую ночь большая часть семьи Бальйони погибла. Спаслись немногіе, но между ними былъ *Gianraolo*, братъ Симонетто; пока слуга и вѣрный пестъ защищали его отъ нападенія убійцъ, онъ успѣлъ выскочить въ окно. По крышамъ добравшись до квартиры одного студента, пере-

одѣться въ его плащѣ и бѣжать за стѣны города, гдѣ ждало его войско. Съ ужасомъ увидали жители Перуджіи на другой день на улицѣ трупы своихъ героевъ, Асторре и Симонетто.

На слѣдующій день Гіапраоло ворвался со своими солдатами въ Перуджію, и безпощадна была его расправа! Въ этой расправѣ погибъ и красавецъ Grifonetto, обманомъ увлеченный въ заговоръ. Улицы города были залиты кровью; стѣны собора надо было отмывать вѣномъ. Уважаемая всѣми Аталанта, мать Grifonetto, прибыла изъ своей виллы къ умирающему сыну и вмѣстѣ съ его женою Зиновіей умоляла его примириться со врагами, и онъ, испуская духъ, благословлялъ ихъ.

Эта умбрійская Ниобея-Аталанта закажетъ Рафаэлю знаменитую икону, на которой изобразится „Положеніе во гробъ Спасителя“. Рисуя группу убитой горемъ Богоматери, онъ влкомнитъ описанную нами сцену прощанія матери съ умирающимъ сыномъ.

Вотъ что увидаль Рафаэль въ первый годъ своего пребыванія въ Перуджіи. И счастливъ онъ былъ что врожденный геній направлялъ нравственныя его силы, любовь, творчество и трудъ къ достиженію высшихъ сферъ идеала, и если описанныя нами событія и отразились въ его произведеніяхъ, то они отразились свѣтлыми и утѣшительными моментами!

Но не уличныя сцены волновавшія городъ поглощали вѣроятно вниманіе Рафаэля. Его влекли къ себѣ мастерскія извѣстныхъ художниковъ Перуджіи, Перуджино и Пинтуриккю; его занимали фрески, иконы и картины. Вѣдь въ Перуджіи онъ могъ увидать почти все созданное Умбрійскою школой; въ ней, какъ въ столицѣ, сосредоточивалось все созданное мастерами различныхъ мѣстностей Умбріи. Много нашель онъ здѣсь уже знакомаго, многое увидаль въ первый разъ. Произведенія Умбрійской школы представляли нѣчто цѣльное, своеобразное по содержанію, сочувственное Рафаэлю, по исполненію поучительное.

Еще съ конца XIII вѣка, почти одновременно началось художественное движеніе въ различныхъ мѣстахъ Умбріи, въ замкнутыхъ ея долинахъ западныхъ и восточныхъ Апеннинъ. Когда въ Ассизи и позднѣе въ Перуджію, для исполненія фресокъ и иконъ призывались тосканскіе и сіенскіе художники, въ Губбіо, Санъ-Северино, Фабріано основывались самостоятельныя школы, и ихъ представители, Ottaviano Nelli,

братья G. и L. da Sanseverino и наконецъ знаменитый Gentile da Fabriano пользовались заслуженною славой. Въ ихъ произведенияхъ, иногда полныхъ своеобразной красоты, ни въ лицахъ ихъ мадоннъ, ни въ лицахъ ихъ святыхъ не было еще выраженія той религиозной мечтательности, того томленія по небесному и той *smoglia*, которая сдѣлается въ послѣдствіи отличительнымъ признакомъ произведеній Умбрійской школы.

Въ теченіе всего XIV вѣка мы видимъ по всей Умбріи много странствующихъ сіенскихъ мастеровъ. Не говоря о фрескахъ Simone Martini и его школы въ Ассизи, мы видимъ Guido da Siena, Meo di Guido, Luigi di Francesco Tinghi наконецъ Taddeo Bartoli и его брата и ученика Domenico di Bartoli пишущихъ фрески и иконы по городамъ и мѣстечкамъ Умбріи. Сіенскій стиль, еще придерживающійся византійскихъ образцовъ, пришелся по душѣ Умбрійцамъ. Еще равнодушные къ усльхамъ реформаторскаго движенія Тосканцевъ (фрески Джотто въ Ассизи не имѣли на нихъ никакого вліянія), они полюбили великолѣпіе окраски, тонкость и чистоту контура, нѣжность и тщательность исполненія и богатство украшеній, качества коими отличались Сіенцы. Групировка, выработка формъ, рельефность, какъ слѣдствіе правильно наложенныхъ свѣтовъ и тѣней, всѣмъ этимъ жертвовалось для выраженія нѣжности и пріятности. И съ этими средствами они умѣли передавать глубину и нѣжность чувства, и произведенія ихъ являли особую прелесть сліянія незабытыхъ еще народомъ первоначальныхъ древне-христіанскихъ впечатлѣній съ представленіями новаго времени.

Въ 1450 году флорентинскій мастеръ, ученикъ Фра-Беато Анджелико, Беноччо Гоццолли писалъ фрески въ Монтефалько; въ этихъ фрескахъ снова являлся тотъ же сіенскій стиль, но укрѣпленный и преобразованный вліяніемъ Флорентинской школы. Пребываніе Беночцо имѣло для Умбрійцевъ громадное значеніе: у него учатся, ему слѣдуютъ и подражаютъ Niccolo di Liberatore (извѣстный подъ именемъ *Alunno*), Giovanni Bosati изъ Camerino и Matteo Gualdo. Этимъ художникамъ Б. Гоццолли далъ возможность, не теряя своей самостоятельности и не измѣняя столь близко пришедшемуся по душѣ ихъ сіенскому стилю, вступить изъ своей мѣстной, провинціальной замкнутости въ общее русло художественнаго развитія Італіи.

И въ Перуджіи въ теченіе всего XIV вѣка появляются сіенскіе мастера и лишутъ иконы для алтарей и церквей; но въ XV вѣкѣ стали появляться въ ней мастера другой школы, рѣзко противоположнаго направленія, а именно школы научно-реалистической. Въ 1440 году Доменико Венеціано и Пьеро делла-Франческа лишутъ въ Перуджіи фрески. По-немногу стали открываться мастерскія мѣстныхъ художниковъ, гдѣ принимались заказы на изготовленіе иконъ, рамъ, алтарей, хоругвей и всего что требовалось для украшенія церквей и религиозныхъ церемоній. Во главѣ одной изъ подобныхъ мастерскихъ стоялъ Buonfigli и позднѣе сынъ его Benedetto. Въ произведеніяхъ этого Benedetto рѣзко выразилось преобладаніе флорентинскаго реализма.

Композиція у него еще слаба, но онъ очень удачно справляется съ переспективой; мужскія фигуры его фресокъ напоминаютъ Доменико Венеціано, но въ изображеніи женщинъ онъ остается Умбрійцемъ: онъ отличаются извѣстною пріятностью, которую онъ желаетъ еще увеличить украсяя ихъ головы выющимися локонами. Гораздо значительнѣе произведенія другаго, современнаго Бенедетто художника Перуджіи—Фіоренцо ди-Лоренцо. Надо полагать что онъ былъ однимъ изъ учениковъ Гоццолі. Композиція его гораздо выше; женскія фигуры напоминаютъ Гирландайо, а мужскія—Вероккіо и Синьйорелли; послѣднимъ художникамъ подражаетъ онъ и въ своихъ драпировкахъ. Въ прелестныхъ головкахъ ангеловъ онъ является чистымъ Умбрійцемъ. Ученикомъ Фіоренцо былъ вѣроятно Пинтуриккіо.

Пинтуриккіо пользовался почетомъ и вліяніемъ не только въ Перуджіи, но и по всей Италіи; онъ былъ любимымъ живописцемъ палы Александра VI, для котораго расписалъ нѣсколько залъ въ Ватиканѣ и въ замкѣ Св. Ангела. Онъ неистощимъ въ сочиненіи группъ, костюмовъ и орнаментовъ. Онъ принималъ участіе въ исполненіи фресокъ Сикстинской капеллы, сначала помощникомъ, а потомъ соперникомъ Перуджино. Многія церкви Рима, Сполетто, Перуджіи и Сіены свидѣтельствуютъ о разнообразіи и силѣ его громаднаго таланта. Хотя онъ и не достигаетъ высоты Перуджино въ изображеніяхъ серьезнаго, религіознаго содержанія, въ счастливомъ распредѣленіи композиціи, въ гармоніи красокъ и законченности исполненія; хотя его формы не столь изящны и благородны, выраженіе не столь глубоко; но онъ

естественнѣе, свѣтлѣе и непосредственнѣе, рѣже утомляетъ оныя однообразіемъ и тою условною сладостью которая иногда такъ приторна въ произведеніяхъ, особенно послѣднихъ Перуджино. Какъ пейзажистъ Пинтуриккіо превосходилъ многихъ изъ своихъ современниковъ.

Только съ Перуджино Умбрійская школа теряетъ свой мѣстный, ограниченный характеръ; только въ его произведеніяхъ заявила она о себѣ чуднымъ своимъ развитіемъ, требуя законнаго признанія своихъ особенностей. Перуджино развился во Флоренціи, но то что дала ему родина постоянно господствовало какъ въ замыслѣ, такъ и во вдохновенномъ исполненіи его созданій. И эти умбрійскія особенности радостно пріѣзжавшимъ были Флоренціей, оныя въ свою очередь повліяли на ея искусство, подобно тому какъ сто лѣтъ назадъ вліяло сіенское, умягчая рѣзкость и жесткость джоттистовъ и способствуя образованію Орканьи и Фра-Беато Анджелико.

Освоившись съ первыми пріемами живописи въ одной изъ мастерскихъ Перуджи (вѣроятно у Benedetto), нѣкоторое время странствуя въ качествѣ помощника по окрестнымъ городамъ и работая подъ руководствомъ Пьеро делла-Франческа, Перуджино явился во Флоренцію изучать ея художественныя сокровища и поучиться у ея великихъ мастеровъ. Вѣроятно много времени проводилъ оныя въ Cimabue, S. Croce, Maria Novella и S. Marco. Въ капеллѣ Бранкаччи оныя сталкивался со знаменитыми своими современниками Леонардо да-Винчи и еще юнымъ Микель-Анджело. Знакомство и совместная работа въ юности съ Пьеро делла-Франческа и вѣроятное знакомство съ Лукою Пачіолли, учившему математику и перспективу въ Перуджи въ 1478 году, способствовали усовершенствованію знанія перспективы и приемовъ смѣшенія и наложенія красокъ. Для послѣдняго Перуджино не могъ найти лучшей школы какъ школа Верроккіо: тамъ, занимаясь вмѣстѣ съ Леонардо, оныя углубляется въ изученіе и опыты всевозможныхъ смѣшеній; изготовленій лаковъ и другихъ закрѣпляющихъ краску жидкостей и пр. и пр., руководимый природнымъ ему тонкимъ пониманіемъ свойства цвѣтовъ. Въ послѣдствіи, въ лучшемъ своемъ произведеніи Павійской Мадонны, оныя покажетъ до чего оныя достигъ природнымъ гениемъ и пониманіемъ различныхъ комбинацій колорита. По словамъ Вазари, въ его картинахъ видѣли что-то сверхъестественное.

Подобно Леонардо, Перуджино увлекался всеми тонкостями изучения перспективы; ему былъ извѣстенъ законъ двойной точки зрѣнія и онъ прилагалъ его въ своихъ картинахъ. Въмѣстѣ съ Леонардо, Перуджино усовершенствовалъ воздушную перспективу, особенно въ своихъ поэтическихъ, исполненныхъ меланхолическихъ пейзажахъ. Въмѣстѣ съ Леонардо Перуджино дѣлитъ славу завершения опытовъ приложенія масляныхъ красокъ, опытовъ въ продолженіе всего XV столѣтія занимавшихъ мастерскія Пезелли, Поллайuolo, Верроккьо и Пьеро делья-Франческа.

Но при всѣхъ этихъ научныхъ и техническихъ занятіяхъ Перуджино не былъ подавленъ научно-реалистическимъ направлениемъ. Знанія вошли въ его плоть и кровь, и его не покидаетъ глубоко мечтательное, религиозное настроеніе, послѣдовательно развивавшееся въ тихихъ долинахъ Умбріи. Перуджино постоянно держится образовъ преисполненныхъ сладкой мечтательности; онъ доводитъ этотъ религиозный идеалъ своихъ соотечественниковъ до возможной красоты, приобщивъ ему глубокое пониманіе природы и ея явленій. Уже во фрескахъ Сикстинской капеллы онъ блестяще состязается съ Гирландайо и Сильверелли. Въ иконахъ своихъ онъ умѣетъ соединить благородный ритмъ композиціи, характерную передачу изображаемыхъ лицъ, задушевность вдохновенія, искренность чувства и тотъ свойственный Умбрійцамъ мечтательно-религиозный экстазъ съ блестящимъ, глубоко прочувствованнымъ колоритомъ. Въ то время когда Рафаэль вступилъ къ нему помощникомъ, онъ былъ въ полнѣйшемъ развитіи своихъ силъ и могъ передать всю силу своихъ знаній, весь пылъ своихъ вдохновеній гениальному юношѣ, вступавшему въ жизнь со' всею искренностью своего молодого восторга, выросшему подъ тѣми же умбріискими вліяніями.

Когда въ 1500 году совѣтъ банкировъ въ Перуджіи пригласилъ Перуджино украсить залу въ *Cambio* фресками, имъ были уже исполнены его самыя совершенныя произведенія. Икона въ церкви св. Августина въ Кремонѣ, *Успеніе Богоматери* (въ Лионѣ), знаменитое *Положеніе во гробъ* (въ Palazzo Pitti), *Sposalizio* (въ Каннѣ) и наконецъ *Успеніе Богородицы*, написанное для монаховъ Vallombrosa и составляющее одно изъ лучшихъ украшеній, приводили въ восторгъ всю Италію. Предстоящая работа въ *Cambio* была обширна,

сама зала со своими эллиптическими сводами представляла художнику широкое поле выказать свой талантъ съ различныхъ сторонъ. Выборомъ сюжетовъ руководилъ извѣстный намъ Франческо Матуранціо. На главной стѣнѣ противъ входа должны были быть изображены Рождество Христово и Преображеніе; по стѣнѣ надъво—герои и великіе люди, олицетворяющіе добродѣтели правосудія, мудрости, умѣренности и храбрости; по стѣнѣ направо—Богъ-Отець, сивиллы и пророки; по богато расчлененному своду—семь планетъ и знаки зодіака. Все незанятое живописью пространство должно было быть прикрыто рѣзьбой на деревѣ (скамьи для судей, каѳедра), что и предоставлено было извѣстному рѣзчику Antonio di Mercatello изъ Массы.

Для исполненія этой обширной, но болѣе декоративной работы Перуджино долженъ былъ пригласить нѣсколько помощниковъ. Въ числѣ ихъ мы видимъ молодыхъ умбрійскихъ мастеровъ Eusebio di S. Giorgio и Giovanni lo Spagna; въ числѣ ихъ мы видимъ и молодого Рафаэля, хотя документально участіе его въ работахъ Cambio не доказано.

Главные фрески по стѣнамъ исполнены были самимъ мастеромъ, но въ нихъ онъ не проявилъ ничего новаго и оригинальнаго. При изображеніи олицетворяющихъ добродѣтели героевъ и философовъ древности Перуджино ограничился самымъ первобытнымъ приемомъ: онъ помѣстилъ ихъ рядомъ, снабдивъ cadaго легендой съ пояснительною надписью. Взятые отдѣльно, всѣ они выражаютъ подобающее имъ величіе, и ни одна изъ этихъ фигуръ не лишена сладко-умильнаго выраженія, свойственнаго произведеніямъ Перуджино. Напрасно стали бы мы искать въ этихъ Фабіяхъ, Сократахъ, Нумахъ, Леонидахъ и пр. характерныхъ признаковъ ихъ народности, времени и индивидуальности; всѣмъ имъ дана та же поза, спокойная и кроткая. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Лициній, напоминаютъ *Св. Георгія* Донателло. Видимо и написанные Гирландайо въ Sala d'orologio въ Palazzo publico Флоренціи и Fortitudo Сандро Боттичелли вліяли здѣсь на Перуджино. Не достигнувъ ихъ классическаго, мужественнаго выраженія въ своихъ герояхъ, онъ все-таки менѣе женственъ нежели обыкновенно. То же можно сказать о пророкахъ и сивиллахъ, хотя расположеніе ихъ болѣе живописно. Фрески съ религиозными сюжетами принадлежатъ къ удачнѣйшимъ произведеніямъ Перуджино. Исполненіе

всего цикла превосходное; рисунокъ удивительно отчетливъ, стиль широкъ, и изображенія естественны насколько это было возможно при желаніи передать красоту, какъ она рисовалась идеально настроенному воображенію художника.

Живопись богато расчлененнаго плафона Cambio представляетъ для насъ въ настоящее время большій интересъ. Средину его образуетъ удлинненный четырехугольникъ, къ которому примыкаютъ шесть трехъугольныхъ полей, въ коихъ размѣщены медальоны съ изображеніями планетъ; въ срединѣ Аполлонъ; планеты олицетворены изображеніями боговъ и богинь: колесницу Юпитера везутъ орлы; Ганимедъ предлагаетъ ему чашу съ нектаромъ. Марсъ изображенъ воиномъ; на его головѣ пернатый шлемъ; его бигу везутъ кони; колесницу Венеры мчатъ два голубя; амуръ дѣлится въ кого-то изъ лука; въ колесницу Сатурна выражены два змѣя, у него въ рукахъ коса. Луну везутъ двѣ нимфы. Меркурій кадуцеемъ разсѣкаетъ воздухъ при своемъ быстромъ полетѣ. На колесахъ колесницъ изображены знаки Зодіака, и все соединяется фантастическимъ орнаментомъ изъ чудовищъ, звѣрей, дѣвѣтовъ и листьевъ, занимающимъ свободные углы и составляющимъ такое роскошное цѣлое, что по справедливости этотъ плафонъ считается однимъ изъ совершеннѣйшихъ декоративныхъ произведеній. Но роскошный замыселъ сочиненія много утратилъ при исполненіи; не замѣтно въ немъ силы и увѣренной руки опытнаго мастера, какимъ былъ тогда Перуджино, а видна нерѣшительность и какая-то боязливая тщательность неопытной руки молодого, но богато одареннаго художника.

Разноцвѣтные кони быстро мчатъ колесницу Аполлона; онъ едва удерживается на ней, стараясь найти равновѣсіе; одежды его развѣваются; весь онъ тонкій, легкій, живой; голова его какъ будто срисована съ античнаго камня. Но онъ излишне худоцавъ. Въ Юпитерѣ болѣе естественности. Марсъ и Сатурнъ рѣзки, сухи и угловаты. Луна некрасива и жеманна, но сопровождающія ее нимфы нарисованы прекрасно, особенно хорошо передано ихъ движеніе. Венера была бы прелестна еслибы не поза напоминающая танцовщицу. Голова Меркурія совершенно античная. Бѣдная драпировка одеждъ, съ ея рѣзко и угловато вырисованными складками еще болѣе выказываетъ худобу боговъ и богинь; колоритъ сухъ. Но при видѣ этихъ боговъ и богинь васъ

невольно охватываетъ впечатлѣніе чего-то вдохновеннаго, поэтическаго и исполненнаго тонкаго чувства. Невольно вопросъ объ исполнявшемъ ихъ художникѣ раздражаетъ ваше воображеніе; вы припоминаете имена помощниковъ Перуджино, и принуждены сознаться что немногіе изъ нихъ въ состояніи были бы соединить чистоту рисунка и тщательность исполненія съ такимъ изящно выраженнымъ дѣломудреннымъ чувствомъ. Исполненные по эскизамъ Перуджино, эти боги и богини отнюдь не недостойны считаться написанными Рафаэлемъ, этимъ начинающимъ, но гениальнымъ художникомъ.

Какъ бы въ туманѣ еще ненаступившаго утра чувствуется приближеніе свѣта. Едва занимающеюся зарей освѣщенные первые шаги гениальнаго юноши болѣе угадываются нежели видятся ясно.

Подобно изображеніямъ на сводахъ *Cambio*, исполненная въ то же время въ мастерской Перуджино икона для церкви *S. Francesco al Monte* дѣлаетъ то же впечатлѣніе. Она написана на двухъ створахъ; на одномъ изображено *Вѣщаніе Богородицы*; на другомъ—рельефное изображеніе Распятія съ предстоящими и ангелами. Въ этой иконѣ несомнѣнно узнается рука писавшая боговъ и богинь въ *Cambio*. Голова Маріи срисована съ головы Луны; ея ростъ удлинень до невозможности, поза почти неестественна, но при всемъ томъ выраженіе безконечно нѣжнаго и задушевнаго поражаетъ васъ. Весело и мило играютъ кругомъ ангелы; у алостоловъ юныя ясныя лица. Рисунокъ не безъ недостатковъ, но общее впечатлѣніе чистое, юное, целорочное. Видна ученическая рука и въ способѣ окраски, въ ея розоватыхъ тонахъ, въ бѣдныхъ и неясно вырисованныхъ складкахъ одеждъ. Вѣроятно эта икона исполнялась по эскизу, а не по приготовленному уже картону Перуджино, иначе ученикъ не могъ бы сдѣлать такихъ отступленій въ рисунокѣ.

Фигуры предстоящихъ у *Распятія* Маріи, Магдалины, св. Франциска и ангеловъ производятъ то же впечатлѣніе. Пейзажъ совершенно тождественъ съ пейзажемъ *Распятія* Рафаэля, исполненнымъ позднѣе и находящемся въ Лондонѣ.

И въ другихъ произведеніяхъ исполненныхъ Перуджино въ это время можно видѣть слѣды участія Рафаэля. Такова икона изображающая *Воскресеніе Христова*, перешедшая изъ

церкви св. Франциска въ Перуджіи въ Ватиканскую галлерею. Прежде признавали въ ней работу одного Перуджино. Въ настоящее время видать въ ней общее произведеніе учителя и ученика; даже узнають въ двухъ стражникахъ портреты Перуджино и Рафаэля. И въ этой иконѣ композиція вѣроятно принадлежитъ учителю, но исполнена она менѣе опытною рукой ученика. Робкое и сухое исполненіе несоразмѣрно длиннаго торса Христа, скудная драпировка, неправильный ракурсъ, слящихъ стражниковъ, рядомъ съ тонко и правильно исполненными другими деталями иконы, представляютъ смѣшеніе неувѣренности и неолытности съ прелестными мотивами непосредственно выраженнаго чувства. Чарующая юность изображенныхъ лицъ, свѣжесть ихъ и вѣжностъ, удивительно тщательное и старательное исполненіе и что-то лучезарное и прозрачное въ ясныхъ тонахъ окраски, всему этому не было бы названія еслибъ оно не называлось Рафаэлевскимъ.

Пассаванъ и Руморъ думали видѣть участіе молодого Рафаэля въ исполненіи знаменитаго триптиха Перуджино, написаннаго имъ для Чертозы въ Павіи (онъ теперь въ Лондонѣ). Но это лучшее произведеніе Перуджино написано имъ самимъ, безо всякаго участія помощниковъ.

Участіе Рафаэля въ исполненіи описанныхъ выше произведеній узнается только непосредственнымъ чувствомъ наблюдателя. Но тамъ гдѣ одни видать несомнѣнно руку Рафаэля, иные, какъ напримѣръ Морелли, называютъ другаго ученика Перуджино, Сланью. При большомъ сходствѣ произведеній школы такого вліятельнаго учителя какимъ былъ Перуджино легко власть въ ошибку. Одни только документальныя данныя могутъ дать прочную опору всѣмъ этимъ предположеніямъ.

Но тамъ гдѣ особенно вѣжно выражено чувство формы, гдѣ видится юношеское, цѣломудреннаго вдохновеніе, гдѣ слышится гениальный порывъ къ вѣчной красотѣ, гдѣ охватываютъ васъ вѣянія задушевной поэзіи, тамъ невольно узнается и чувствуется рука гениальнаго юноши. Еще ученикомъ Рафаэль превосходилъ всѣми этими свойствами не только своихъ учениковъ, но и самого учителя. Приступая къ описанію иконъ и картинъ несомнѣнно принадлежащихъ Рафаэлю, мы покидаемъ шаткую и туманную почву предположеній.

Предъ нами его первая *Мадонна*.

Умбрійская школа съ особою любовью разрабатывала эту симпатическую тему. Первая Мадонна Рафаэля создавалась имъ по тилу Перуджино и Пинтуриккю; иногда слышится въ нихъ отзвукъ милостивыхъ образовъ Джованни Санти. По душѣ пришлись ему особенно дѣтственныя головки Мадоннъ Перуджино съ ихъ кроткимъ граціознымъ склоненіемъ, съ ихъ выраженіемъ дѣтской застѣчивости, съ ихъ скромнымъ взглядомъ голубицы. Онъ слѣдуетъ за своимъ учителемъ въ изображеніи вѣшнихъ формъ, въ теченіи линій рисунка лица и складокъ одеждъ, въ колоритѣ съ его черными и рыжеватыми тѣнями; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ бы возноситъ этотъ симпатичный образъ въ высшую сферу чистоты и прелести. Въ *Мадоннѣ* бывшей собственностью графини Альфани, а теперь принадлежащей Беатрисѣ Фабриче въ Терни, онъ такъ еще близко къ манерѣ Перуджино что эту небольшую картинку можно считать почти непринадлежащею къ циклу произведеній Рафаэля.

Мадонна собранія Solly, теперь въ Берлинѣ (№ 141), изображаетъ Богоматерь держащую Младенца - Христа на колѣняхъ; Она погружена въ чтеніе книги, Младенецъ занятъ щелчкомъ. Темная въ тѣняхъ, съ леижажемъ исполненнымъ совершенно въ стилѣ Перуджино, и Она наломиняетъ манеру учителя. Младенецъ-Христосъ совершенный *puttino*. Другая *Мадонна* Берлинскаго музея (№ 145) изображена съ двумя святыми: Иеронимомъ и Францискомъ. Рисунокъ этой Мадонны сохраняется въ Альбертинѣ. И эта Мадонна исполнена совершенно въ духѣ Перуджино; только голова Иеронима (рисунокъ въ Лиллѣ) выказываетъ тонкое чувство пониманія формы, свойственнаго юному Рафаэлю.

Рисунокъ этой Мадонны, сохраняющейся въ Альбертинѣ, по мнѣнію Морелли, принадлежитъ Пинтуриккю. Морелли указываетъ на тилъ Младенца часто повторяемый у Пинтуриккю; на дискообразный нимбъ надъ головой Младенца, съ нарисованнымъ въ немъ крестомъ, что ни разу не встрѣчается ни у Перуджино, ни у Рафаэля; на тонкое леро, которымъ исполненъ рисунокъ, наломиняющее рисунки Венеціанскаго собранія и, наконецъ, на то что Младенецъ изображенъ сидящимъ на подушкѣ, чего тоже не видно въ рисункахъ

Перуджино и Рафаэля. Этотъ рисунокъ указываетъ на то что Рафаэль, кромѣ Перуджино, посѣщалъ во время своего пребывания въ Перуджии мастерскую и другаго знаменитаго мастера Умбріи. О сношеніяхъ Рафаэля съ Пивтурікио мы скажемъ ниже, а теперь будемъ продолжать описаніе иконъ исподовенныхъ подъ вліяніемъ Перуджино.

Распятіе. Эта икона находилась прежде въ капеллѣ Garvi у доминиканцевъ Città di Castello. Теперь она въ Лондонѣ у лорда Dudley. Композиція ея заимствована у Перуджино: это извѣстная композиція фрески въ S. Maria Maddalena de'Razzi, только тамъ она распространена въ трехъ отдѣленіяхъ, здѣсь же сосредоточена въ одной картинѣ. Высокій крестъ съ распятымъ на немъ и уже испустившимъ духъ Христомъ помѣщенъ среди грустнаго пейзажа: волнистыя линіи холмовъ, протекающая между ними рѣка, все это постепенно удаляется и исчезаетъ въ туманной дали. Парящіе въ воздухѣ ангелы (ихъ вѣтъ на фрескѣ Перуджино) собираютъ въ сосуды еще струящуюся кровь изъ язвъ Распятаго. У креста Богоматерь и Іоаннъ; Магдалина и Иеронимъ на колѣнахъ. Рафаэль, повторяя композицію Перуджино, слысываетъ съ ея картоновъ и фигуры Богоматери и предстоящихъ, нѣсколько измѣняя линіи и выраженія, благодаря чему превосходитъ своего учителя какъ въ болѣе тонкой модуляціи ихъ движеній, такъ и въ болѣе глубокомъ и искреннемъ изображеніи гнетущаго ихъ горя. Опуская нѣсколько ниже скрещенныя руки Богоматери, онъ глубже трогаетъ выраженіемъ ея вѣмага отчаянія. Эти едва замѣтныя отклоненія играютъ рѣшительную роль въ выраженіи искреннаго чувства; въ нихъ-то и высказывается богато одаренная природа художника.

Нигдѣ не замѣтно большаго отклоненія Рафаэля отъ вліяній Тимотео делла-Вите и совершенное его подчиненіе вліянію Перуджино, какъ въ этой иконѣ. Сѣроватый тонъ въ тѣняхъ совершенно исчезаетъ, замѣняясь чернымъ и даже нѣсколько рыжеватымъ; форма рукъ дѣлается уже, пальцы удлиняются. Ухо Иеронима кругло и мясисто; этотъ признакъ Рафаэль сохранилъ во всю свою жизнь. Форма складокъ одеждъ чисто Перуджиновская, такъ же какъ и пейзажъ. Но несмотря на это совершенное подчиненіе вліянію своего учителя, ясный, вѣжливый и глубокій гений Рафаэля свѣтитса изъ воспроизведе-

денныхъ на этой иконѣ образовъ такъ ярко что при видѣ ихъ мы едва вспоминаемъ Перуджино. *

Въ слѣдующей иконѣ мы видимъ Рафаэля проявляющаго свою самостоятельность не только въ отдѣльныхъ мотивахъ выраженія или въ болѣе тонкой и изящной вырисовкѣ формъ, но и въ самой композиціи. Видимо зрѣлъ въ немъ великій художникъ, и тѣсно становилась ему условная схема композиціи Перуджино. Эта икона изображаетъ *Вънчаніе Богородицы*. Заказанная Магдалиною degli Oddi для церкви св. Франциска въ мастерской Перуджино, подѣ именовъ этого мастера она была сдана закащикѣ. Телерь она находится въ Ватиканской галлерей.

До насъ дошло много подготовительныхъ рисунковъ и этюдовъ для этой иконы; всѣ они несомнѣнно принадлежатъ Рафаэлю. По нимъ можно видѣть какъ онъ изучалъ всѣ нужныя для исполненія иконы подробности. Такъ тонкимъ карандашемъ онъ дѣлаетъ этюды съ юношей, одѣтыхъ въ узкія платья, для ангеловъ (Оксфордъ); такъ особенно затруднявшія его складки онъ вырисовываетъ на отдѣльномъ листикѣ (Венеція); такъ старается онъ правильно изобразить ракурсы лица вверхъ смотрящаго апостола или положеніе его рукъ (Лилль, Оксфордъ).

Выше мы описывали икону Перуджино того же содержанія, и въ ея исполненіи предполагали участіе Рафаэля. Связанный волею закащицы, Рафаэль въ новой иконѣ вѣроятно долженъ былъ повторить композицію прежденаписанной. Но мы видимъ тутъ значительныя отклоненія отъ оригинала. Однообразно скученную въ двухъ группахъ толпу вверхъ смотрящихъ апостоловъ, расположенную симметрично, Рафаэль нарушаетъ, помѣщая среди нихъ саркофагъ только что покинутый Богоматерью, что даетъ ему возможность размѣстить апостоловъ вокругъ опустѣвшаго гроба въ разнообразныхъ и оживленныхъ позахъ. Въ средину группы онъ помѣщаетъ Тому только что подымаемаго оставленный ему Богоматерью поясъ; около него Петръ и Павелъ; Петръ

* О другомъ написанномъ въ это время Рафаэлемъ *Распятіи* и которе нѣкоторые думаютъ видѣть въ триптихѣ галлерей князя Голицына въ Москвѣ мы до появленія болѣе рѣшительныхъ данныхъ сказать ничего не имѣемъ.

восторженно смотритъ на небо. Къ нимъ въ различныхъ позахъ и въ различныхъ моментахъ выраженія удивленія, восторга и благоговѣннн прнмыкають другіе апостолы; нѣкоторые изъ нихъ, подобно Петру, смотрятъ на небо, куда вознеслась внезапно оставившая ихъ Богоматерь, другіе удивленно всматриваются въ опустѣлый саркофагъ, куда только что положено было дорогое имъ тѣло, а теперь поднимаются изъ него красивые стебельки лилій. На лервомъ планѣ по концамъ группы Іаковъ и Іоаннъ; въ ихъ позахъ и экстазѣ повторень, только въ усиленной степени, экстазъ **Θомы**.

Вверху Богоматерь, склонивъ голову и смиренно скрестивъ руки на груди, принимаетъ вѣнецъ, который возлагаетъ на Нее Христось свою десною; другую руку Онъ нѣсколько приподнялъ какъ бы для благословенія. У Перуджино Христось держитъ вѣнецъ обѣими руками; мотивъ Рафаэля живописнѣе. Четыре ангела играющіе на инструментахъ взяты съ Перуджиновской иконы *Успеніе* Богоматери. Ихъ крутящіяся одежды и сладкое выраженіе лицъ вполнѣ принадлежать вліянію школы; но два маленькіе крылатые херувима, выглядывающіе изъ-подъ широкихъ складокъ одеждъ Христа и Богоматери, являютъ собой вдохновенную мысль самого Рафаэля.

Ограниченный волею заказчика и важностію содержанія главной иконы, художникъ былъ свободнѣе въ исполненіи трехъ небольшихъ картинокъ, украшавшихъ ея пределу. На нихъ было изображено: *Благовѣщеніе*, *Срптеніе* и *Поклоненіе волхвовъ*. Рафаэль въ ихъ исполненіи довѣряетъ болѣе своимъ силамъ и является еще самостоятельнѣе нежели въ группѣ апостоловъ нижней части главной иконы. Прекрасно изображено *Благовѣщеніе*. Марія и архангелъ почти теряются въ громадномъ пространствѣ покрытой арками коринѣской колоннады; словно два граціозные цвѣтка блистаютъ они своею цѣломудренною чистотой. Въ архитектурныхъ деталяхъ, въ правильности перспективы Рафаэль является мастеромъ; такимъ же остается онъ въ слѣдующей картинѣ, гдѣ подъ свѣтлымъ куполомъ и аркой опирающихся на іоническія колонны искусно размѣщаетъ онъ композицію *Срптенія Господня*. Подъ среднимъ куполомъ главная сцена: первосвященникъ, убѣленный свѣдами, принимаетъ Младенца Христа изъ рукъ Маріи. Рафаэль повторяетъ традиціонный

мотивъ нежеланія идти на руки незнакомаго старика; Младенцу хочется вернуться къ матери. Благородная фигура Иосифа напоминаетъ то же лицо въ написанномъ позднѣе *Spogliato*. По боковымъ галлереймъ женщины и мужчины, сидятели совершающагося событія. Если въ этой композиціи Рафаэль еще придерживается образцовъ своего учителя (икона въ Гапо), то въ *Поклоненіи волхвовъ* онъ является почти самостоятельнымъ. Принимая въ расчетъ продолговатую форму картины, онъ развертываетъ композицію во всю ея ширину. Семейство подъ кровлею полуразрушенной хижины помѣщено въ правомъ углу картины; тутъ же покланяющіеся ему пастыри. Шестіе волхвовъ съ ихъ свитами занимаетъ все остальное пространство. Тутъ мы видимъ что въ исполненіи отдѣльныхъ фигуръ Рафаэль не исключительно слѣдуетъ Перуджино; замѣтно что многое другое вошло въ сферу его набауденій и знаній. Посмотрите на изображеннаго на переднемъ лавѣ юношу; на немъ плотно сидящая, узкая одежда; она такъ прильнула къ его упругому тѣлу что ясно вырисовываются всѣ его красивыя формы. Это та фигура умбрійскаго юноши которую часто помѣщаетъ Синьйорелли на своихъ картинахъ; еще чаще она встрѣчается у Пинтуриккіо. Съ изображеннымъ событіемъ она не въ связи, но помѣщена какъ образчикъ пластическаго пониманія художника. И Рафаэль, по слѣдамъ Синьйорелли и Пинтуриккіо, счелъ нужнымъ помѣстить виртуозно написанную фигуру въ числѣ свиты покланяющихся царей.

Изображеніе этой фигуры даетъ намъ случай выяснить отношенія существовавшія между Рафаэлемъ и Пинтуриккіо.

Показаніе Вазари, будто Пинтуриккіо рисовалъ свои знаменитыя фрески въ Либреріи Сиенскаго собора по композиціямъ Рафаэля, находитъ и въ наше время многихъ защитниковъ. Въ подтвержденіе факта поѣздки Рафаэля въ Сиену помощникомъ или чуть не руководителемъ Пинтуриккіо обыкновенно ссылаются, кромѣ авторитета Вазари, на три сохранившіеся рисунка. Первый изъ нихъ (въ Уфицияхъ) изображаетъ отъѣздъ Энея Пикколомини на Базельскій соборъ; второй (Англія, въ Chatsworth) назначеніе Энея посломъ, а третій (въ Перуджии, у Baldeschi)—обрученіе Французскаго короля. Эти рисунки, повторяющіе дѣйствительно композиціи фресокъ либреріи, исполненые тушью, приписывались Рафаэлю. Морелли, находя большое сходство этихъ рисунковъ

съ исполненіемъ рисунка въ Венеціанскомъ собраніи, изображающаго „летающаго ангела“, который онъ приписываетъ Пинтуриккіо, съ большою вѣроятностью относитъ и вышеупомянутые рисунки фресокъ въ либреріи, тому же художнику. Въ это время Рафаэль едва рѣшается на самостоятельныя композиціи, какъ это мы видимъ въ описанныхъ нами иконахъ. Въ исполненіи же самихъ фресокъ никто никогда не могъ констатировать участіе Рафаэля. Тонко понимающій Руморъ, изучая эти фрески, называетъ въ числѣ предполагаемыхъ помощниковъ Пинтуриккіо Содому и Паккіарото, но Рафаэля не называетъ.

Есть еще рисунокъ въ Оксфордѣ, изображающій одного и того же юношу въ различныхъ позахъ, несомнѣнно принадлежащій Рафаэлю; этого юношу съ небольшимъ измѣненіемъ находимъ и у Пинтуриккіо на фрескахъ либреріи. Вѣроятно Рафаэль, посѣщая мастерскую Пинтуриккіо въ Перуджіи, дѣлалъ эти этюды съ натуры, срисовывая ту же фигуру въ различныхъ позахъ; одновременно съ нимъ и съ той же натуры могъ дѣлать Пинтуриккіо и свой эскизъ. Навѣроятно чтобы пятидесятилѣтній, уже знаменитый мастеръ, каковымъ былъ въ то время Пинтуриккіо, могъ нуждаться въ композиціяхъ двадцатилѣтняго, едва начинающаго свое художественное поприще, хотя и гениальнаго художника.

Какъ на несомнѣнный фактъ пребыванія въ Сіенѣ Рафаэля указываютъ еще на рисунокъ Венеціанскаго собранія, изображающій копію съ античной группы Трехъ Грацій, найденную въ Сіенѣ. Этотъ рисунокъ, на которомъ нарисованы только двѣ граціи, недовольно изыщенъ для Рафаэля. По мнѣнію Морелли, онъ тоже принадлежитъ Пинтуриккіо. Сравнивая его съ тремя граціями картины лорда Варда, всякій непредубѣжденный убѣдится въ разницѣ между ними.

Между тѣмъ, утверждающіе достовѣрность сіенскаго эпизода (то-есть пребыванія Рафаэля нѣкоторое время въ Сіенѣ) придаютъ ему особое значеніе. Въ исполненіи копіи съ античной группы видать тотъ моментъ когда Рафаэль, пораженный красотой древняго искусства, въ первый разъ почувствовалъ его подавляющее превосходство надъ тѣмъ что онъ считалъ до сихъ поръ совершенствомъ. Особенно французскіе писатели, какъ напримѣръ Gruyer въ своемъ *Raphael et l'Antiquité* и Мюльцъ въ своей обширной біографіи Рафаэля придаютъ этому рисунку „двухъ грацій“ какое-то роковое значеніе.

Впечатлѣнія античнаго искусства воспринимаемы были Рафаэлемъ постепенно и незамѣтно какъ въ Урбино, такъ и въ Перуджіи. За ними незачѣмъ было ему ѣхать въ Сіену. Мы знаемъ обстановку Урбинскаго дворца, его библиотеку и художественныя собранія. Античный духъ Микеланджело сквозилъ въ произведеніяхъ Джованни Санти и Мелоццо да-Форли, въ виду которыхъ текло дѣтство Рафаэля. Въ Перуджіи Рафаэль могъ видѣть не только древнія скульптуры, камни и монеты, но, и развалины классическихъ римскихъ зданій. Участвуя въ исполненіи фресокъ Саломеи, онъ видѣлъ, если не самъ рисовалъ, изображенія античныхъ боговъ и героевъ, и если создавались они не по античнымъ образцамъ, то все-таки въ нихъ выражалось то античное вѣяніе которое созданіями Донателло, Гирландайо, Боттичелли и Верокккіо вносилось въ самостоятельное развитіе италянскаго искусства. Рафаэль будетъ продолжать это данное его великими предшественниками направленіе, стоя постоянно на стражѣ національной самобытности, и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, когда окончательно разовьются его гениальныя силы, рѣшить борьбу между образами возродившейся древности и средневѣковой традиціей. Но это совершится не сниманіемъ копій съ античныхъ статуй и группъ, а послѣдовательнымъ развитіемъ самостоятельнаго творчества. Воспринявъ въ себя все что было сдѣлано въ области искусства со времени Джотто, онъ достигнетъ того что только предчувствовали и къ чему стремились его великіе предшественники. Когда увлеченіе воскресшею древностью, казалось, должно было унести своимъ неудержимымъ потокомъ все создаваемое, какъ уже увнесло литературу и языкъ, явились Донателло и Брунеллески. Эти герои и корифеи Возрожденія оставались вѣрны своему національному идеалу и, сумѣвъ быть самостоятельными, взяли у древности только то что могло усилить и укрѣпить самостоятельный ростъ. Перуджино, ученикъ Верокккіо и прямой наслѣдникъ флорентинскихъ бойцовъ, хотя и держится крѣпко своей мечтательно-религіозной Умбріи, стремится однако облекать свои образы плотію и кровью. И эта плоть его и кровь не символическая, не намекъ, не тѣнь, а дѣйствительная плоть; и въ формахъ ея, и въ линияхъ живетъ то что было принято отъ античнаго міра его великими предшественниками. Его герой въ Саломеи не античный герой, а скорѣе ловкій, красивые

юноши, готовые принять участіе въ той игрѣ которою любилъ забавляться герцогъ Урбинскій, но подъ ихъ граціозными формами сквозить Георгіи Донателло, рисуются классическія фигуры Гирландайо, Поддьяуоли и Боттичелли. Рафаэль, по своей натурѣ болѣе впечатлительный, но несравненно болѣе одаренный, вырастаетъ подъ тѣми же вліяніями. Сказку о Геркулесѣ онъ обрабатываетъ въ романтическомъ духѣ какъ обработалъ бы ее Сандро; но незамѣтно и постепенно воспринимаетъ онъ отъ классическаго міра то что можетъ усвоить себѣ его воспріимчивый гений. И въ послѣдствіи онъ создаетъ образы преисполненные классической красоты древней Греціи, инстинктивно имъ угаданной въ произведеніяхъ греко-римскаго искусства. Онъ угадаетъ какимъ-то чуднымъ и провидѣніемъ сокровенную красоту ихъ первоначальныхъ оригиналовъ; онъ создастъ образы не уступающіе правдой образамъ Фидія и Праксителя, но останется при этомъ самобытнымъ, постоянно вѣрнымъ себѣ Рафаэлемъ.

Рафаэлемъ онъ уже сталъ въ небольшой Мадоннѣ, написанной имъ въ 1502 году въ Перуджіи знаменитой *Madonna della Staffa*, красѣ и славѣ нашего Эрмитажа. Въ этой небольшой картинѣ выразилась наконецъ мощь юноши, чреватая образами невиданной до сихъ поръ красоты и правды. Туманъ разсѣялся, и на фонѣ полнеба охватившей зари блеснулъ давно жданный лучъ солнца, первый проблескъ всеобъемлющаго, всепокоряющаго гениа. Красота души, взлѣбленная и согрѣтая милліонами наивныхъ сердецъ Умбріицевъ, приносившихъ къ алтарямъ своихъ Мадоннъ молитвы и благоуханные порывы кроткаго и мечтательнаго экстаза, и красота просвѣтленной плоти, завѣщанная древностью, обоготворяемая и возведенная ими въ окончательно завершенный образъ, слились здѣсь въ одинъ благозвучный аккордъ. Серіозный, трудолюбивый и многообщающій ученикъ Перуджино явился во всеоружіи своихъ божественныхъ дарованій. Блеснулъ на челѣ его тотъ знакъ по которому въ древности узнавали вочеловѣченнаго бога.

Мадонна Коннестабиле делья Стаффа цѣл, какъ ее еще называютъ, *Madonna del libro*, едва ли подлежитъ описанію. Въ ней Рафаэль не подражаетъ ни Тимотею, ни Перуджино, а создаетъ свой тиль, симпатичный, кроткій тиль умбріиской

Мадонны, свившейся еще Джованни Санти. Она читает книгу на ходу; Младенец на Ея руках; Онъ заглядываетъ въ книгу, какъ будто написанное тамъ привлекло его вниманіе. Этотъ Младенецъ классически прекрасенъ. Сохраняя всю наивность своего возраста, Онъ чудно понятными формами и линиями тѣла является первымъ правильно нарисованнымъ Младенцемъ и, превосходя всѣхъ когда-либо и кѣмъ-либо нарисованныхъ младенцевъ, начинается собою тотъ божественный рядъ блистающихъ небесною красотой существъ коими Рафаэль населить лучезарный міръ своего искусства. И въ пейзажѣ, среди котораго изображена эта симпатическая Мадонна, Рафаэль самобытенъ; видъ какъ будто снятъ съ природы гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Перуджіи: въ отдаленіи цѣль мѣстныхъ горъ; на среднѣмъ планѣ, между меланхолически-пустынными холмами, по которымъ мѣстами высятся лишенные зелени деревья, обширное озеро; по немъ плыветъ лодочка; на берегу двѣ фигурки. Простота линий и ширина плановъ выдѣляютъ этотъ пейзажъ изъ массы другихъ условныхъ пейзажей Перуджино и Пинтуриккьо; онъ грустенъ и меланхолическъ.

Въ то же время написанъ вѣроятно и *Св. Себастьянъ*, перешедшій изъ собранія гр. Lochis въ Бергамскую галерею. Это произведеніе отличается вѣжною законченностью и задушевностью выраженія. Святой, изображаемый обыкновенно нагимъ, нарисованъ въ одеждѣ дьякона. Пейзажъ напоминаетъ Умбрію.

Вотъ произведенія Рафаэля исполненныя имъ во время двухлѣтняго пребыванія въ Перуджіи. Въ 1503 году Перуджино, имѣвшій на Рафаэля такое громадное вліяніе и по праву считающійся его учителемъ, переселяется во Флоренцію, гдѣ живетъ до 1505 года, покидая ее только временами для Città della Pieve, куда призываютъ его домашніа дѣла.

Съ отъездомъ Перуджино оставался ли Рафаэль въ Перуджіи и прервалъ ли онъ сношенія со своимъ учителемъ поселившимся въ столицѣ Тосканы? Надо думать что до 1504 (времени его переселенія во Флоренцію) онъ побывалъ въ этомъ для него завѣтномъ городѣ, куда должны были сильно тянуть его слава и громкія имена его великихъ художниковъ. Положительныхъ свѣдѣній объ этой поѣздкѣ мы не имѣемъ но надо думать что въ это

время его коснулось вліяніе полнаго жизни флорентинскаго искусства, ибо для созданія произведеній, къ описанію которыхъ мы теперь приступимъ, недостаточно было однихъ умбрійскихъ воззрѣній. Намъ извѣстно объ его посѣщеніи Болоньи, гдѣ онъ, отрекомендованный Тимотео делла Вите, знакомится съ Франчіей и не прекращаетъ съ нею въ послѣдствіи дружественныхъ сношеній. Объ его посѣщеніи Сіены, положительно принятомъ многими биографами Рафаэля, мы выше высказали соображенія Морелли, которыя вполнѣ раздѣляемъ.

Съ отъѣздомъ Перуджино Рафаэль сталъ самостоятельнымъ мастеромъ *de jure*; *de facto* онъ уже заявилъ себя нѣсколько ранѣе, въ своей *Madonna della Staffa*. Жители Перуджи и окрестныхъ городовъ узнали его и оцѣнили. Имя его дѣлается извѣстнымъ; ему, какъ самостоятельному мастеру, дѣлаются заказы. Больше всѣхъ полюбилъ его небольшой городокъ *Città di Castello*. Въ этомъ городкѣ, расположенномъ въ верховьяхъ Тибра, богатствомъ, славой своихъ подвиговъ и вліяніемъ выдѣлялась семья Вителли; они, подобно Сфорцамъ, Медичи, Бальйони, Монтефельтро и др., видѣли въ широкомъ покровительствѣ наукъ и искусства политическое средство поддерживать свое вліятельное положеніе. Благодаря имъ, Читта ди Кастелло въ XV столѣтіи украсилась превосходными зданіями; призываемые щедрымъ меценатомъ, художники расписывали ихъ фресками, скульпторы украшали ихъ мраморомъ и произведеніями изъ глазированной глины школы Луки делла-Роббиа, которыя были особенно любимы. Церкви и монастыри не желали отставать отъ общаго движенія; ихъ алтари должны были быть украшены иконами написанными извѣстными художниками. Имя молодого Рафаэля, о которомъ заговорила Перуджія, было у всѣхъ на устахъ. И вотъ церковь св. Августина заказываетъ ему икону съ изображеніемъ *Апогеозы св. Николая Толентинскаго*, церковь Св. Троицы—хоругвь, а церковь св. Франциска—икону съ изображеніемъ *Обрученія Маріи и Іосифа* (*Sposalizio*). Въ церкви св. Доминика уже стояла надъ алтаремъ Рафаэлевская икона, изображающая *Распятіе*, которую мы описали выше.

Всѣ эти заказы исполнены были Рафаэлемъ частью въ Перуджіи, частью на мѣстѣ; въ 1504 году мы видимъ его въ Читта ди Кастелло. Икона изображающая *Апогеозу Николая*

Толентинскаго, до 1789 года была еще на своемъ мѣстѣ. Затѣмъ она была продана лалѣ Пію VI, который велѣлъ распилить ее на нѣсколько отдѣльныхъ картинъ. И эти отдѣльныя картины исчезли безслѣдно; вѣроятно онѣ были проданы съ аукціона. Такимъ образомъ, погибла одна изъ самыхъ краснорѣчивыхъ страницъ юношеской дѣятельности Рафаэля. *Ланци* видѣлъ ее еще на своемъ мѣстѣ. Онъ описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: Рафаэль изобразилъ св. Николая попирающимъ ногами діавола. Въ небесахъ Богъ Отецъ, окруженный херувимами, Богоматерь и св. Августинъ держатъ въ рукахъ уготованные святому вѣнцы. По сторонамъ св. Николая, два ангела божественной красоты, въ ихъ рукахъ легенды со стихами въ честь святаго. Дѣйствіе совершается внутри храма, пиластры котораго украшены орнаментами во вкусъ Мантеньи. Въ драпировкахъ одеждъ замѣтна наклонность къ болѣе широкому стилю. Особенно интересна фигура діавола: не желая придать ему традиціонное безобразіе, художникъ изобразилъ его негромъ (*Histoire de la peinture Italienne*, Lanzi). Для насъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ утратѣ этой интересной иконы составляетъ рисунокъ, сохраняющійся въ Лалѣ. Онъ исполненъ перомъ и представляетъ первоначальный эскизъ иконы. Своды храма и его пиластры едва обозначены. Наверху этудь съ юноши, въ лютно сидящемъ на немъ умбрійскомъ плащѣ. Справа этудь Богоматери, слѣва св. Августина. Внизу св. Николай съ книгой и мечомъ въ рукахъ; фигура его слегка набросана въ самыхъ общихъ очертахъ, такъ же какъ и фигуры поверженнаго на землю діавола и стоящаго слѣва ангела; праваго ангела въ рисунокѣ нѣтъ. Этотъ интересный рисунокъ исполненъ съ невыразимою граціей; нѣкоторая наивность не подавляетъ уже замѣчательнаго знанія и увѣренности. Рафаэль, являясь здѣсь вполнѣ самостоятельнымъ, рѣшительно отступаетъ отъ традиціоннаго изображенія подобныхъ сюжетовъ; онъ ищетъ новыхъ комбинацій, новыхъ сопоставленій, глубоко вдумываясь въ смыслъ предложенной ему задачи. вмѣсто того чтобы помѣстить изображаемаго святаго въ числѣ другихъ святыхъ вокругъ престола, съ возсѣдающею на немъ Богоматерью, и повторить съ нѣкоторыми отступленіями одну изъ такъ-называемыхъ „*Sancta Conversatione*“, онъ сосредоточиваетъ главный интересъ на самомъ святомъ, въ честь котораго заказана икона, и изображая его дѣлаетъ

нась свидѣтелями и его лодвигъ, и той награды которая ожидаетъ его на небесахъ. Этотъ самостоятельный порывъ творчества ярко выдѣляетъ Рафаэля изъ многочисленной толпы современныхъ ему художниковъ. Исполненіемъ и чистотой стила онъ превосходилъ ихъ еще въ самыхъ равныхъ своихъ произведеніяхъ.

Хоругвь написанная Рафаэлемъ для церкви Св. Троицы, сохранилась, но въ совершенно разрушенномъ состояніи. Она расписана съ двухъ сторонъ (въ настоящее время обѣ стороны висятъ отдѣльно): на одной изображена *Троица*, на другой *Сотвореніе Евы*. Объ этой хоругви можно сказать только то что она исполнена совершенно въ духъ Перуджино.

Икона написанная для церкви св. Франциска изображаетъ обрученіе Маріи и Иосифа. Это знаменитое *lo Sposalizio*. До 1798 года она находилась на мѣстѣ; оттуда перешла въ Миланъ, гдѣ и составляетъ въ настоящее время славу и лучшее украшеніе галлерей Брера. По подлиси на ней видно что она была окончена въ 1504 году.

Композиція этой знаменитой иконы принадлежитъ Перуджино. Была ли это воля тѣхъ кто заказывалъ икону, или еще неувѣренность въ своихъ силахъ молодого художника, мы не знаемъ. Но это обстоятельство нисколько не помѣшало Рафаэлю выказать и свою оригинальность, и все то чѣмъ онъ одаренъ былъ свыше, и все что приобрѣтено было имъ ученіемъ. Замѣчательно что при исполненіи этой иконы, несмотря на оригиналъ Перуджино, коего онъ придерживается, его охватываютъ снова первоначальные впечатлѣнія. Чувствуя крѣпнущую въ себѣ самобытность, онъ оглядывается назадъ, какъ бы желая освѣтить себя вліяніями испытанными имъ въ своей свѣжей, ранней юности, казалось уже давно забытыми и пережитыми. Онъ снова призываетъ ихъ и приобщаетъ ко вновь приобрѣтенымъ знаніямъ и опытамъ. Онъ вспоминаетъ своего прежняго учителя Тимотео дела-Вите. Въ *Sposalizio* исчезаютъ черныя, рыжеватая тѣни произведеній исполненныхъ подъ вліяніемъ Перуджино, замѣняясь болѣе свѣловатыми; появляется ясная, свѣтлая карнація и даже форма кистей рукъ снова дѣлается болѣе похожею на форму рукъ Тимотео.

Икона того же содержанія Перуджино, служившая оригиналомъ Рафаэлю, находится теперь въ Канѣ (Caen) во Франціи. Она была написана въ Перуджіи. Во вѣвшихъ

чертахъ обѣ иконы совершенно тождественны: обѣ завершаютъ полукружіемъ; на заднемъ планѣ обѣихъ помѣщенъ многоугольный храмъ, прекрасный предшественникъ сооруженій Браманте. Средию главной группы обѣихъ иконъ занимаетъ первосвященникъ соединяющій руки обручаемыхъ; только Рафаэль помѣстилъ стоящую Марію у Перуджино съ правой стороны на лѣвую, а Іосифа на противоположную сторону. У обѣихъ за обручаемыми толпа молодыхъ дѣвъ и юношей, отверженныхъ жениховъ съ ихъ неразцвѣтшими жезлами; одинъ изъ нихъ въ досадѣ ломаетъ свой о колѣно.

Къ симметрической, искусственной композиціи Перуджино Рафаэль словно прикоснулся волшебнымъ жезломъ, и она ожила, любовно просвѣтлѣла и засіяла ясною, лучезарною красотой. Ожилъ стоящій прямо и неподвижно, какъ безучастный свидѣтель совершающагося, первосвященникъ. Рафаэль заставилъ его только немного склонить голову, и сколько участія и симпатіи къ юной Дѣвственницѣ выразилъ его добрый, старческій взглядъ. Не механически соединяются и руки обручающихся: съ любовью и смиреннымъ уваженіемъ передаетъ свое кольцо Іосифъ, и какъ нѣжно и скромно принимаетъ его Марія! Даже въ рукахъ ихъ, безжизненно и шаблонно написанныхъ у Перуджино, трепещетъ жизнь и выраженіе. Сравните юношу ломающаго свой жезлъ: у Перуджино выражаемое имъ дѣйствіе не натурально; онъ какъ будто лишь „представляетъ“ то что онъ дѣлаетъ. Рафаэлевскій юноша твердо стоитъ на своихъ ногахъ; вы видите его усиліе и напряженіе; онъ дѣйствительно негодуетъ и ломаетъ свой жезлъ о колѣно, и это реально переданное усиліе нисколько не лишаетъ граціи и красоты его мужественную фигуру. Поразительно хороша одна изъ сопровождающихъ Марію дѣвиць, помѣщенная на первомъ планѣ; она какъ бы остановилась на ходу и, сложивъ руки, смотритъ на совершеніе обряда. Этой дѣвицы нѣтъ въ иконѣ Перуджино, да и вообще во всей Умбрійской школѣ ей не нашлось бы мѣста. Она принадлежитъ уже къ болѣе широкой, высшей сферѣ искусства, напоминая собой прелестныхъ Флорентинокъ изображенныхъ Гирландайо и начиная собою тотъ рядъ великолѣпныхъ художественныхъ созданій, въ сомнѣ которыхъ появятся въ послѣдствіи св. Цецилія и Сикстинская Мадонна.

Наконецъ, самый храмъ, помѣщенный на заднемъ планѣ, Рафаэль вмѣсто выступающихъ и увѣчаныхъ куполами

портиковъ, обнесъ кругомъ легкою, сквозною колоннадою, чѣмъ выказалъ болѣе тонкое и изящное пониманіе архитектурныхъ формъ.

Икона Рафаэля поражаетъ спокойною выраженной простотою и благородствомъ. Особенно хорошіи линіи и массы складокъ одежды. Мелочной, часто изысканный стиль Перуджино преобразовывается въ болѣе свободный и величественный. Окраска ясна и гармонична; она исполнена въ тепломъ и нѣжномъ тонѣ, напоминая, какъ мы замѣтили выше, Тимоtheo дела - Витте. Тѣлесность фигуръ не подавляетъ собой идеальное ихъ содержаніе, и всѣ онѣ какъ бы тонуть въ чистой и ясной атмосферѣ воздуха, свободно ласкающаго ихъ прекрасныя лица. Рафаэль въ этомъ произведеніи показалъ свое глубокое пониманіе условій ритмической композиціи, умѣя соединить симметрическое ея построеніе съ элементами полножизненной свободы. Выдержанный въ своихъ гармоническихъ, благородныхъ формахъ, купольный храмъ задняго плана архитектурно завершаетъ композицію, возвышая ея идеальное содержаніе; словно торжественный гимнъ сопровождаетъ совершающійся обрядъ обрученія Маріи.

Въ этой иконѣ Рафаэль исполнилъ то къ чему стремились и только предчувствовали его умбрійскіе предшественники. Вѣроятно и самъ онъ сознавалъ это, ибо въ первый разъ подписываетъ именно подъ этою иконою полное свое имя; и эту надпись онъ помѣщаетъ по карнизу нарисованнаго храма. Тамъ мы читаемъ: *Raphael Urbino MDIII*. Съ этого момента это имя дѣлается нарицательнымъ именемъ всего прекраснаго.

Окончивъ иконы для церквей въ Читта ди Каstellо, Рафаэль въ 1504 году возвращается, послѣ почти четырехлѣтняго отсутствія, въ свой родной Урбино. Оставивъ его юношей, подававшимъ большія надежды, онъ вернулся уже прославленнымъ мастеромъ.

Много бурь и потрясеній испытало въ продолженіе этихъ лѣтъ маленькое герцогство Монтефельтро. Въ борьбѣ съ жестокимъ и коварнымъ Цезаремъ Борджіа Гвидобальдо, побѣжденный и изгнанный, въ концѣ-концовъ вышелъ изъ этихъ испытаний довольно счастливо. Со смертію папы Александра VI, онъ водворяется въ Урбино; ибо новый папа Юлій II былъ родственникъ его племянника и насажденника

Франческо Маріи дела-Ровере. Жители Урбино съ восторгомъ привѣтствовали возвращеніе своего герцога. Обстановка его двора значительно измѣнилась и не походила на трезвое и созидающее время отца его, герцога Федерико. Послѣ періода борьбы и несчастій наступило время отдыха и спокойныхъ, утонченныхъ наслажденій. Вліяніе времени Возрожденія дѣлало свое дѣло, и постепенно и послѣдовательно измѣняло какъ направленіе умовъ, такъ и самыя нравы. Теперь систематическое подражаніе древнимъ и работливое поклоненіе ихъ авторитетамъ осуждалось; обращалось большее вниманіе на требованія современной жизни, и особенно сочувствовали возрожденію и обработкѣ своего роднаго итальянскаго языка. Это направленіе, начавшееся во Флоренціи, поддерживалось какъ патріотическое дѣло герцогомъ Урбинскимъ и его высокообразованною супругой Елизаветой Гонзага. Въ цѣлой Италіи не было болѣе избраннаго и образованнаго общества какъ то которое собиралось при дворѣ Гвидобальдо; нигдѣ болѣе не дѣлились самыя рѣдкія и самыя высокія качества ума и образованія. Душой этого общества была сама герцогиня. Она принадлежала къ тому вновь народившемуся типу женщинъ подобный коему едва ли появлялся когда въ исторіи. Эти женщины, простыя и добрыя, не забывая своихъ домашнихъ и общественныхъ обязанностей, свободно говорили по-латыни и по-гречески, предсѣдали въ ученыхъ собраніяхъ, направляя обсужденіе какого-нибудь тонкаго философскаго вопроса безъ тѣни педантизма. Не владея въ жеманство или сентиментальность, онѣ могли касаться всевозможныхъ вопросовъ сердца, любви идеальной, платонической и страстныхъ увлеченій. Нигдѣ не оставаяли ихъ женская грація и тактъ. Личной славы онѣ не искали; онѣ довольствовались вліяніемъ на окружавшихъ ихъ поэтовъ, художниковъ и ученыхъ, какъ бы ища въ нихъ нравственной опоры и, не замѣчая сами, дѣлались благотворною силой, созидающею новыя формы общественной жизни. Такова была супруга герцога Гвидобальдо.

Зная какое участіе принимала вся герцогская семья въ Джованни Савти, мы можемъ полагать что Рафаэль по своему возвращеніи былъ принятъ ими радушно. Архитекторъ Serlio положительно называетъ Елизавету въ числѣ главныхъ его покровительницъ. Сестра герцога, Иоанна

дела-Ровере дастъ ему рекомендательное письмо къ Сидерини, когда онъ поѣдетъ во Флоренцію.

Для Рафаэля въ самую цвѣтущую пору молодости попасть въ общество герцога Урбинскаго было величайшимъ счастьемъ. Здѣсь онъ сошелся со многими замѣчательными людьми имѣвшими значительное вліяніе на его умственное развитіе. При этомъ дворѣ онъ встрѣчалъ сына Лаврентія Великолепнаго, *Юліана*, брата будущаго папы Льва X, того Юліана Медичи, который станетъ со временемъ во главѣ Флоренціи, которому Фра-Джокондо посвятитъ своего „Витрувія“, Леонардо да-Винчи будетъ его спутникомъ при его поѣздкѣ въ Римъ, самъ Рафаэль со временемъ напишетъ его портретъ, а Микель-Анджело изваяетъ могильный памятникъ. Онъ встрѣчалъ тамъ братьевъ *Fregosso* и будущихъ кардиналовъ и своихъ покровителей *Pietro Bembo* и *Bernardo Dovizi da Bibbiena*, автора первой комедіи написанной на итальянскомъ языкѣ *La Calandra* и въ первый разъ исполненной при дворѣ Гвидобальдо. Тутъ же Рафаэль могъ видѣть графа *Canossa*, будущаго нунція, который въ послѣдствіи закажетъ ему знаменитую мадридскую Мадонну, извѣстную подъ названіемъ *Желчусины*. Наконецъ онъ еще знакомится со знаменитымъ воиномъ, дипломатомъ, поэтомъ и остроумнымъ атеистомъ двора Гвидобальдо, съ будущимъ своимъ другомъ и покровителемъ *Baldassare Castiglione*, который въ своемъ *Libro del Cortegiano* опишетъ все что происходило тогда при этомъ удивительномъ дворѣ, портреты всѣхъ упомянутыхъ нами лицъ, ихъ времяпрепровожденіе, забавы, разговоры, диспуты о философскихъ вопросахъ, объ искусствѣ, любви и пр.

Въ этомъ обществѣ Рафаэль, при своей воспріимчивости, многое могъ себѣ усвоить; тамъ онъ знакомится съ классическою литературой и обогащается многими знаніями. Въ общеніи съ личностями подобными Кастильйоне и другими, съ которыми онъ завязываетъ связи, онъ развиваетъ въ себѣ ту пріятливость и изящество вѣшняго обращенія которыя доставятъ ему со временемъ столько друзей и покровителей. Подобно пчелѣ, онъ собираетъ свой медъ тамъ гдѣ его находятъ, не утрачивая своей собственной самобытности. Все имъ слышанное, видѣнное и перечувствованное входитъ зиждущимъ элементомъ въ необозримую сферу его творческой силы.

Онъ чутко откликается на чувство любви къ родиѣ, охватившее всѣ великодушныя сердца Урбинцевъ, когда послѣ жестокихъ испытаній пережитаго ими владычества Цезаря Борджіа наступила минута освобожденія и столь желаннаго успокоенія. Въ двухъ картинахъ изображающихъ *Св. Георгія* и *Ангела Михаила* онъ поэтически символизируетъ это настроеніе. Эти картины изображаютъ побѣду добра надъ зломъ, то-есть побѣду Гвидобальдо надъ Цезаремъ Борджіа. Lomazzo въ своемъ *Trattato dell'arte della pittura* положительно удостовѣряетъ что обѣ эти картины были написаны Рафаэлемъ для герцога Урбинскаго. Полавъ въ послѣдствіи въ собраніе Мазарина, онъ перешелъ въ коллекцію Людовика XIV. Теперь они составляютъ драгоценное украшеніе Лувра.

Рафаэлю предстояло изобразить драматически выраженное дѣйствіе. Рисунокъ иконы св. Николая Толентинскаго далъ намъ только намекъ на эту сторону генія Рафаэля. *Св. Георгій* и *Ангелъ Михаилъ* представляютъ намъ возможность видѣть насколько эта сторона проявилась въ его раннихъ произведеніяхъ.

Изображая Св. Георгія, онъ вѣроятно припомнилъ Асторре Бальйони, когда тотъ на бѣломъ конѣ, блестящій всакопльнымъ вооруженіемъ, красивый, мощный и ловкій, поражаѣ мечомъ своимъ враговъ на улицахъ Перуджіи. Вѣдь Рафаэль могъ быть личнымъ свидѣтелемъ вышеописанной нами этой сцены. На картинѣ мы видимъ отвратительнаго дракона, пышущаго пламенемъ и злобой; лапой своею онъ уже разбилъ въ три куска поражавшее его кольцо Георгія, и теперь съ новою яростью готовъ ринуться на дерзновеннаго юношу-воина. Ислуганный конь шархнулся въ сторону, но всадникъ крѣпкою рукой осадилъ его и занесъ надъ чудовищемъ свой мечъ... Видимо онъ сейчасъ съ нимъ покончитъ. Освобожденная царица, изображенная на дальнемъ планѣ, въ ужасѣ убѣгаетъ; она еще не знаетъ чѣмъ кончится дѣло, но мы совершенно увѣрены въ побѣдѣ героя. Такъ много выражено въ немъ самообладанія и силы, такъ вѣренъ направленный имъ ударъ, такъ неотразимо прекрасна его блестящая красота, такъ неотразимы правда и добро въ борьбѣ со зломъ и ложью! Все дышетъ страстью, полно жизни и энергіи. Колоритъ яркій и сильный столь же выразителенъ какъ и изящный рисунокъ: нельзя ничего представить себѣ болѣе

гармоническаго, причеъ не забыта ни одна подробность. Ло-
озящіеся отапы бѣлой масти копя, рядомъ съ краснымъ
чепракомъ и блескомъ латы Георгія рисуются на матовомъ
полѣ живописнаго пейзажа и все вмѣстѣ способствуетъ вы-
раженію оживленія.

Другими особенностями отацается *Архангелъ Михаилъ*.
Если въ *св. Георгіи* вполнѣ выразилась мужественная эне-
ргія и сила, то въ *Архангелѣ Михаилѣ* мы видимъ силу кра-
соты нравственной. Георгій борется; архангелъ побѣждаетъ
безъ борьбы. Самое его вооруженіе, его золотыя латы, его
изящный щитъ съ изображеннымъ на немъ крестомъ, все это
служить ему не защитой, а скорѣе украшеніемъ. Небесный
посланецъ, исполнитель высшей воли, легко слетаетъ онъ на
землю; ему стоить коснуться пятой низверженнаго дракона,
и тотъ издыхаетъ въ тщетныхъ усиліяхъ ненужной борь-
бы; чтобы локончить съ нимъ архангелъ только опустилъ
руку вооруженную мечомъ. Красота архангела, что-то жен-
ственное въ его лицѣ и граціозной позѣ, блескъ золотаго во-
оруженія, все это указываетъ на желаніе Рафаэля изобра-
зить нравственную побѣду добра надъ зломъ. А юдоль зла и
нечестія, увеличивая впечатлѣніе сверхъестественнаго, состав-
ляетъ обстановку подвига архангела. Дѣйствіе совершается
среди ужасовъ ада. На заднемъ планѣ горящій городъ, грѣш-
ники, которыхъ кусаютъ змѣи, всевозможныя чудовища и пр.
и пр. По мѣтнію Пассавана, все это изображено по Данту
(*Адъ XXII, XXIV*).

Чуткимъ сердцемъ почувствовалъ Рафаэль возвышенное
настроеніе лучшихъ умовъ и сердецъ своихъ Урбинцевъ. Остав-
ляя на время своихъ Мадоннъ онъ откаркается на призывѣ
изображенія подвиговъ. Героями онъ избираетъ божествен-
ныхъ воиновъ, но въ нихъ угадывается заснувшій „Ры-
царь“ первой его картины, еще не рѣшившій выборъ между
добромъ и зломъ. Теперь мы видимъ что выборъ рѣшенъ,
рыцарь всталъ, отстраняя отъ себя ночныя грезы, схватилъ
свой мечъ и поражаетъ имъ духовъ тьмы, чудовищъ и дра-
коновъ. И какое въ немъ самоеъ превращеніе! Это не мечта-
тательный юноша, но воинъ съ головы до ногъ. Какая эне-
ргія въ его движеніяхъ, какая мощь въ его ударѣ... Все ука-
зываетъ что юноша окончательно сдѣлался мужемъ.

Прекрасный рисунокъ *св. Георгія* исполненный перомъ
сохраняется въ Уфціяхъ.

Кромѣ этихъ двухъ картинъ написанныхъ съ тщательностью миниатюры, Вазари упоминаетъ еще *Моленіе о чашѣ*, исполненное Рафаэлемъ для герцога Гвидобальдо. „Эта картина отличалась такою законченностью что можно было принять ее за миниатюру“, прибавляетъ Вазари. Она долгое время находилась въ Камальдульскомъ монастырѣ Урбино. Затѣмъ она исчезла. Долго думали видѣть ее въ экземплярѣ князя Gabrielli, который въ 1849 году перешелъ къ M. Fuller Maitland, а отсюда въ 1878 году въ Национальную Лондонскую галерею. Кроу и Кавальказелле приписываютъ этотъ экземпляръ Спаальѣ, а Фриццони видитъ въ ней произведеніе Перуджино. Композиція этой картины очень напоминаетъ *Моленіе о чашѣ* Перуджино, находящееся во Флорентійской академіи, а фигуры уснувшихъ апостоловъ перваго плана (по описанію Вазари, на оригинальной картинѣ Рафаэля уснушіе апостолы занимали дальній планъ) совершенно соответствуютъ рисункамъ Перуджино сохраняющимся въ Уффицихъ. Рафаэлевскій оригиналъ надо считать потеряннымъ...

Вѣроятно въ это же свое кратковременное пребываніе въ Урбино Рафаэль написалъ *Трехъ Грацій*, небольшую картину, находящуюся теперь у лорда Дудлея въ Лондонѣ. При исполненіи этой картины у Рафаэля вѣроятно былъ этюдъ съ античной группы „Трехъ Грацій“ Сіенскаго собора, но конечно этотъ этюдъ былъ не тотъ рисунокъ который сохраняется въ Венеціанской академіи. Въ этой тонко исполненной картинѣ, оригинальность которой едва ли сомнительна, Рафаэль рядитъ античныя формы трехъ грацій въ мягкія, прелестныя формы умбрійскаго образа. Каждой изъ грацій онъ далъ по гранатовому яблоку въ руку и шею ихъ украсилъ коралловыми ожерельями. Граціозный пейзажъ гармонически завершаетъ эту античную грезу, восхищавшую вѣроятно его урбинскихъ друзей.

Одно мѣсто въ Libro del Cortegiano Кастильоне бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на положеніе Рафаэля при Урбинскомъ дворѣ. Однажды графъ Лодовико да Коносса, споря съ Кристофоро Романо, утверждалъ что живопись выше скульптуры; въ ихъ спорѣ вмѣшался Кастильоне, воскликнувъ: „Кажется, графъ Лодовико, вы говорите противъ своего убѣжденія, и это въ пользу покровительствуемаго вами Рафаэля! Можеть-быть вы того мнѣнія что его произведенія превосходятъ все

что было когда сдѣлаю въ мраморѣ. Но подумайте, это похвала художнику, а не искусству... На что графъ Калово, улыбаясь, отвѣчалъ: „Мнѣ нечего защищать Рафаэля, и я не настолько невѣжда чтобы не оценить произведеній Микель-Анжелло и другихъ скульпторовъ“ и т. л. Послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Урбино, Рафаэль, снабженный рекомендательнымъ письмомъ Иоанны дельла-Ровере къ гонфаловьеру Содерини, ѣдетъ во Флоренцію. Тамъ онъ вступитъ во второй періодъ своей художественной дѣятельности.

А. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Какъ грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной,
Какой истомой безотрадной
Къ намъ въ душу просятся они.

*
*

Но есть и дни когда въ крови
Золотолиственныхъ уборовъ
Горящихъ осень ищетъ взоровъ
И знойныхъ прихотей любви.

*
*

Молчить стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И замирающей такъ лышно
Ей ничего уже не жаль.

II.

Говорили въ древнемъ Римѣ
 Что въ горахъ, въ лещерѣ темной
 Богоравная Сивилла
 Въ вѣчной юности живетъ,
 Что ей все открыли боги,
 Что въ груди чужой сокрыто,
 Что таить небесный сводъ.

**

Только избраннымъ доступно,
 Хоть не самую богиню,
 А священное жилище
 Чародѣйки созерцать.
 Въ ясномъ зеркалѣ ты можешь,
 Взоръ въ свои вперяя очи,
 Ту богиню увидеть.

**

Неподвижна и безмолвна,
 Для тебя единой зрима
 На порогѣ черной двери—
 На нее тогда смотри!
 Но когда услышишь лѣсню
 Вдохновенную тобою,
 Эту дверь мнѣ отвори.

А. ФЕТЪ.

РУССКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ МОСКВѢ

Три года тому назадъ могло казаться что процвѣтаніе Русскаго Музыкальнаго Общества въ Москвѣ неразрывно связано съ личностью Н. Г. Рубинштейна и что концерты должны были опустѣть въ тотъ день когда онъ перестанетъ стоять во главѣ Общества. Опытъ доказалъ противное. Дѣло созданное гениальнымъ артистомъ и гениальнымъ организаторомъ оказалось живучѣ нежели можно было судить по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ. Число посѣтителей не уменьшилось. Мало того: въ настроеніи публики, ея отношеніи къ исполняемой музыкѣ замѣтенъ весьма ощутительный успѣхъ. Слушатель сдѣлался внимательнѣе и молчаливѣе. Очевидно что процентъ людей вѣдящихъ по субботамъ въ Дворянское Собраніе не ради разговоровъ, а ради музыки, хотя медленно, но непрерывно возрастаетъ, и что бывши въ началѣ дѣломъ поверхностной моды, симфоническія собранія Музыкальнаго Общества съ теченіемъ времени превратятся для Москвы въ настоящую потребность духовной жизни, станутъ для насъ тѣмъ же что концерты Консерваторіи для Парижа или Гевандгауза для Лейпцига.

Счастье солутствовавшее всѣмъ начинаніямъ покойнаго Н. Г. Рубинштейна при жизни продолжаетъ улыбаться имъ и послѣ его смерти. Оно помогло Музыкальному Обществу

найти капельмейстера придаваго его концертамъ новый блескъ и въ настоящее время составляющаго такое же great attraction какое нѣкогда придадо русской оперѣ въ Петербургѣ приглашеніе г. Налравника. Г. Максъ Эрдмансдѣрферъ обладаетъ обширною дирижерскою опытностію и при всей своей молодости долгодѣтнею практикою; но не эти качества составляютъ его цѣнность. Въ его лицѣ, мы имѣемъ дѣло съ талантомъ первокласснымъ и, прибавлю, совершенно оригинальнымъ. Такъ можетъ дирижировать только г. Эрдмансдѣрферъ. Чѣмъ сильнѣе индивидуальность, тѣмъ больше она должна вызывать противорѣчій и несогласія, и эта общая участь постигаетъ конечно и даровитаго главу нашихъ симфоническихъ концертовъ. Многое въ его способѣ истолкованія великихъ произведеній прошлаго и интересныхъ новинокъ настоящаго времени можетъ и должно казаться спорнымъ, порою излишне смѣлымъ, порою излишне изысканнымъ; но и въ самыхъ увлеченіяхъ и крайностяхъ этого симпатичнаго таланта чувствуется его жизненная сила, энергія и самостоятельность.

Я не имѣю притязанія представить здѣсь подробный разборъ всѣхъ сочиненій исполненныхъ въ минувшихъ концертахъ Общества. Я ограничусь однѣми новинками, а новинокъ было не много. Наибольшее вниманіе и въ то же время наибольшее сочувствіе возбудило произведеніе юнаго композитора имя котораго было не совсѣмъ ново для людей ремесла, но едва ли было знакомо многимъ изъ московской публики. Читатель угадываетъ что я говорю объ А. С. Арескомъ, недавно приглашенномъ въ число профессоровъ Московской Консерваторіи, авторѣ небольшой тетради фортепьянныхъ канонновъ въ которыхъ ловкость и виртуозность контрапунктической работы совершенно скрывается за элегантною мелодію. Дебютъ для русскаго артиста не совсѣмъ обыкновенный: за исключеніемъ комической оперы едва ли есть область музыки въ которой мы были бы такъ бѣдны какъ высшія контрапунктическія формы. Ни что впрочемъ не указываетъ въ молодомъ композиторѣ намѣренія посвятить себя исключительно или преимущественно этому роду сочиненій. Въ слышанной нами симфоніи контрапунктистъ на послѣднемъ планѣ; такъ-называемая разработка темъ, чрезвычайно плавная и текучая, во всѣхъ четырехъ частяхъ систематически пренебрегаетъ хитросла-

теніями полифоніи. Слѣдуетъ замѣтить что авторъ также далеко отъ желанія блеснуть необыкновеннымъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Въ его партитурѣ не видно того нагроможденія, той изысканности, той боязни простоты, которой почти всегда грѣшатъ начинающіе композиторы. Такъ же какъ годъ или два тому назадъ въ тѣсныхъ оковахъ канона, г. Аренскій чувствуетъ себя совершенно дома въ широкомъ просторѣ симфоніи и покоряется требованіямъ формы съ тою же легкостію и такъ-сказать градіей, съ которыми онъ въ первомъ своемъ опытѣ превозмогалъ трудности контрапункта. Если я прибавлю что во всей симфоніи, а особенно въ первыхъ ея двухъ частяхъ, виденъ несомнѣнный и чрезвычайно симпатичный мелодическій талантъ, то успѣхъ ея въ публикѣ становится вполнѣ понятнымъ. Но всѣ черты перечисленныя мною легко могутъ дать о новой партитурѣ понятіе превратное. Читатель легко можетъ представить себѣ нѣчто строго классическое въ своей прозрачности, нѣчто въ родѣ Керубини или ранняго Бетховена, возрожденнаго въ восьмидесятыхъ годахъ. Имена имѣютъ то преимущество что съ ними связано опредѣленное представленіе, котораго не вызоветъ самый икусный подборъ отвлеченныхъ терминовъ. Въ симфоніи г. Аренскаго нѣтъ никакого Керубини и вообще никакого подобія классическаго стиля, если считать классическимъ конецъ прошлаго вѣка и начало нынѣшняго; она, странно сказать, гораздо ближе къ стилю такъ-называемой молодой русской школы, смягченному и облагороженному основательною школою чрезъ которую прошелъ молодой композиторъ и, быть-можетъ, еще болѣе собственною натурой артиста, ловидимому обезпечивающею его навсегда ото всего уродливаго, крайняго и безвкуснаго. Прибѣгая еще разъ къ спасительной иллюстраціи моей мысли извѣстнымъ публикѣ именовъ, я скажу что г. Аренскій въ своей симфоніи ближе всего подходитъ къ стилю ранняго Балакирева. У композитора *Тысячи лѣтъ* есть нѣсколько романсовъ отличающихся замѣчательною искренностью и глубиной настроенія и, въ то же время, необыкновенно красивою гармонизаціей, надолго ставшею типичною для длиннаго ряда его учениковъ и послѣдователей. Не будучи подраженіемъ, *andante* новой симфоніи напоминаетъ эти, быть-можетъ, лучшія страницы Балакирева техническими приѣмами и внутреннимъ содержаніемъ. При исполненіи эта часть была замѣчена едва ли не менѣе всего осталь-

наго; можно тѣмъ не менѣе предсказать что со временемъ она сдѣлается наиболѣе популярною. Сдѣланная мною общая характеристика новой партитуры не вполнѣ подходит къ *scherzo*, которому самый текстъ пяти четвертей (при чрезвычайно быстромъ движеніи) препятствуетъ быть пластически-яснымъ наравнѣ съ остальными частями симфоніи; наоборотъ, болѣе всего моя характеристика подходит къ первой части съ ея лѣвучею и граціозною второю темой, съ ея непринужденною и какъ бы небрежною формою, въ коей не только не чувствуется усилій или затрудненій, но которая, своею бойкостью и увѣренностью, переноситъ насъ въ тѣ давно прошедшія времена когда совершенство формы было такъ же естественно присуще композитору какъ процессъ дыханія.

На наибольшую высоту фантазія молодого симфониста вознеслась въ финалѣ, основанномъ на двухъ темахъ русскихъ народныхъ лѣсней. Въ финалѣ этомъ есть могучіе гармоническіе штрихи, далеко уходящіе за предѣлы той духовной сферы въ которой держали насъ остальные три части. Странно притомъ что именно здѣсь чувство формы, до сихъ поръ казавшееся намъ такъ-сказать непогрѣшимымъ въ г. Аренскомъ, измѣнило ему. Дѣло въ томъ что изъ двухъ народныхъ темъ вторая (*Вдоль улицы съ концевъ, 2/4*) имѣетъ характеръ шутливый, разгульный и безцеремонный, какъ бы Теньеровская пляска приземистыхъ Фламанцевъ. Композиторъ же, находясь подъ впечатлѣніемъ первой темы, характера болѣе благороднаго и величественнаго, нѣсколько разъ строитъ гармоническія педали, всегда очень красивыя и лозвучныя, а порой очень громко оркестрованыя, какъ бы съ отбѣнкомъ алооеоза. Но эти педали непродолжительны и послѣ каждаго такого взмаха мы снова слышимъ забубенную кабацкую тему съ ея первоначальною гармонизаціей, инструментованную *пиццикато*. Повеснись на могучихъ крыльяхъ, мы внезапно и прозачески шлепаемъ оземь. Изъ всѣхъ упрековъ которые можно сдѣлать новой симфоніи настоящей—самый тяжкій; но подобный упрекъ можетъ заслужить только высокodarовитый музыкантъ: указаннаго мной противохудожественнаго контраста никогда не было бы еслибы не было того истинно граціознаго содержанія которое порой прорывается въ финалѣ г. Аренскаго.

Если новое произведеніе молодого русскаго музыканта было принято у насъ самымъ теплымъ и всеобщимъ сочувствіемъ,

то произведеіе маститаго европейскаго мастера, до сихъ поръ именно въ Россіи пользовавшагося едва ли не наибольшимъ сочувствіемъ, вызвало въ публикѣ дѣлній хоръ жалобъ, сѣтованій и нападокъ. Я говорю объ ораторіи Листа *Легенда о Святой Елизаветѣ*. Отрывки изъ этой ораторіи исполнялись у насъ лѣтъ четырнадцать тому назадъ подъ управленіемъ Рубинштейна, и тогда были встрѣчены ледянымъ холодомъ; нѣсколько лѣтъ спустя яшащій эти строчки имѣлъ случай слышать ораторію дѣлникомъ въ Петербургѣ, подъ управленіемъ г. Направника. Масса публики быть можетъ подумаеа о Листовской ораторіи то же что и въ нынѣшнемъ году московская, но между посѣтителями Петербургскаго Музыкальнаго Общества имѣется значительный контингентъ музыкантовъ-спеціалистовъ, численность котораго въ Москвѣ ничтожна, и этотъ-то контингентъ къ Листу былъ настроенъ или продолжаетъ быть настроеннымъ весьма сочувственно. Въ Россіи есть дѣлая фракція композиторовъ—отчасти молодыхъ годами, отчасти продолжающихъ называть себя „молодою школою“, вслѣдствіе привычки укоренившейся со времени незаламятныхъ—людей не безъ званій и въ особенности не безъ таланта, находящихся подъ самымъ сильнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ Листа и питающихъ къ нему благоговѣніе вполне искреннее и вполне законное. Не только эта фракція, но и ея поклонники обитаютъ почти исключительно на берегахъ Невы и давать *Святую Елизавету* предъ слушателями этого отрывка со всѣмъ не то что давать ее предъ Москвичами пришедшими въ концертъ, какъ оказалось, безо всякаго предрасположенія къ композитору.

Консервативный образъ мыслей, столь часто мною высказанный на страницахъ этого и другихъ изданій, казалось бы долженъ былъ заставить меня радоваться тому квалифицированному фіаско постигнутому у насъ произведеіе Веймарскаго мастера и вооружить меня съ ногъ до головы сарказмами на счетъ его партитуры. Сожалѣю что не могу въ настоящемъ случаѣ удовлетворить читателя, ищущаго и дѣлшащаго прежде всего прямолинейную послѣдовательность. Францъ Листъ—композиторъ съ огромными и легко находимыми недостатками, композиторъ чрезвычайно односторонній, чрезвычайно манерный, съ запасомъ изобрѣтенія самымъ узкимъ и незначительнымъ; допустимъ и то что недостатки

его далеко не ограничиваются бѣдностью мелодическаго матеріала. Никто болѣе его не имѣетъ излюбленныхъ „комъковъ“ и въ гармоніи, и въ ритмѣ, и въ инструментовкѣ. Лѣтъ тридцать тому назадъ Листъ выдумалъ для своихъ инструментальныхъ сочиненій свою собственную форму, не лишенную оригинальности, которую съ тѣхъ поръ онъ примѣняетъ всегда и вездѣ и которая оказалась несравненно менѣе гибкою и упругою, несравненно болѣе рутинною чѣмъ „казенныя“ классическія формы, на которыя наши радикалы смотрятъ съ высоты своего XIX вѣка. Все это такъ, но среди всей этой условности и искусственности, въ этихъ тѣсныхъ и произвольныхъ рамкахъ сказалась натура до того экзальтированная и пылкая, съ такою страстною жаждой идеала, съ такимъ талантомъ къ блестящему колориту, что и при всѣхъ своихъ недостаткахъ Листъ несомнѣнно сказалъ свое слово и занялъ свое мѣсто въ искусствѣ. Какъ другимъ, а мнѣ всегда казалось что въ болѣзненной экзальтаціи этихъ диссонансовъ, этихъ энгармоническихъ превращеній, этихъ арфъ и скрипокъ въ высокихъ регистрахъ, при всемъ обиліи элемента напускнаго и театральнаго, звучитъ несомнѣнно искренняя нотка. Такъ есть люди для которыхъ сдѣлалось второю натурой выражать свои чувства книжными фразами, риторически, съ сопровожденіемъ патетическихъ жестовъ, но которымъ эта привычка отнюдь не мѣшаетъ чувствовать искренно, глубоко и горячо.

Что именно останется для потомства изъ этой массы похожихъ одно на другое сочиненій, которую въ сравнительно короткое время своихъ зрѣлыхъ и старческихъ годовъ написалъ Листъ, трудно предсказать. Слишкомъ большимъ сходствомъ между собою они вѣроятно взаимно повредятъ другъ другу; то что уже современникамъ кажется застывшею, окостенѣвшею манерою, можетъ въ гораздо большей степени подействовать такимъ же образомъ на потомство. Мнѣ кажется что во всякомъ случаѣ шансы очень сильны въ пользу *Легенды о Св. Елизаветѣ*. Въ этой партитурѣ стиль композитора нашелъ весьма счастливую середину между разнуданностью и неестовствомъ многихъ изъ его инструментальныхъ произведеній (фортепианныхъ и оркестровыхъ) и напускнымъ аскетизмомъ, притворною простотою многихъ изъ позднѣйшихъ хоровыхъ (церковныхъ) сочиненій. Какъ извѣстно, Листъ не признаетъ того кореннаго, принципиальнаго различія

между духовною и свѣтскою музыкой, которое установилось преимущественно въ наше время, то-есть приблизительно съ Мендельсона и съ возрожденія знакомства со старыми классиками—съ Бахомъ, съ Генделемъ и со строгимъ стилемъ. Листъ долгое время писалъ музыку исключительно свѣтскую; къ духовной онъ перешелъ сравнительно поздно, но какъ ревностный католикъ, предался ей съ увлеченіемъ, со рвеніемъ и энтузіазмомъ. Когда совершился этотъ переходъ, даровитый композиторъ въ новую сферу перенесъ всего себя, со всею своею экзальтаціей, напряженностью и нервною, со всѣми причудами и излишествами своего воображенія, со всею роскошью своего освѣщенія и колорита, своей модуляціи и оркестровки. Такъ писали своихъ мадоннъ испанскіе живописцы XVII вѣка, не жалѣя на нихъ блеска и очарованія своей техники, не боясь показывать ихъ въ образѣ обаятельныхъ и чувственно прекрасныхъ женщинъ. Вотъ почему въ духовной музыкѣ Листа (я имѣю здѣсь въ виду преимущественно три замѣчательнѣйшія страницы—*Гранскую мессу, Елизавету и Христа*) мы впервые услышали тѣ излишества гармоніи и инструментовки, то нагроможденіе эффектовъ и причудъ, тотъ нервный, страстный и чувственный стиль который исподоволь подготовился къ свѣтской музыкѣ XIX вѣка и самое типическое выраженіе свое нашелъ въ операхъ Рихарда Вагнера. Не нужно особеннаго глубокомыслія чтобы предусмотрѣть возраженія которыя могутъ быть сдѣланы противъ этого перенесенія *Тристана и Изольды* въ католическій соборъ; дешевая филиппика противъ этого эстетическаго грѣха можетъ быть написана, такъ-сказать, по заказу; для нея не требуется знать ни Тристана, ни Изольды, ни собора. Я, со своей стороны, желалъ бы представить нѣсколько соображеній въ интересъ не обвиненія, а защиты. Дороже всего чтобы художникъ былъ самимъ собою, чтобы творческая дѣятельность его не превратилась въ процессъ разсудочный и механической, чтобъ онъ не кастрировалъ себя сознательно въ угоду той или другой теоріи. По глубокому убѣжденію лишущаго эти строки, духовная или точнѣе сказать церковная музыка никогда не достигала большей высоты чѣмъ въ XVI столѣтіи и въ немногія десятилѣтія предшествовавшія ему и послѣдовавшія за нимъ; но именно въ этотъ періодъ цвѣтущей школы, высokaго общаго уровня и выдающихся отдѣльныхъ гениевъ, не

было того строгаго раздѣленія между родами музыки котораго требуютъ нѣкоторые эстетика нашего времени: въ другихъ рамкахъ, съ другими средствами техники, при другомъ преобладающемъ внутреннемъ настроеніи, композиторы этого классическаго вѣка вокальной музыки, точно такъ же какъ занимающій насъ мастеръ, переносили въ церковь всю роскошь и все богатство искусства свѣтскаго или, какъ это теперь кажется намъ, современнымъ людямъ, переносили въ свѣтскую сферу всю строгость и всю суровость церкви. Если оговориться что симфоническія поэмъ Листа совершенно чужды того игриваго, шутиваго и юмористическаго содержанія которое такъ часто встрѣчается у композиторовъ Вѣнскаго школы, преимущественно у Гайдна и Бетховена то можно сказать что нѣтъ никакого различія между духомъ и техникой симфоническихъ поэмъ знаменитаго мастера и его мессъ и ораторій, несмотря на то что поэмъ „изображаютъ“ языческихъ Орфеевъ и Прометеевъ, романтическихъ Тассо и Гамлетовъ. Едва ли нужно прибавить что этотъ свѣтскій элементъ, столь смѣлою рукою внесенный въ церковную сферу, не имѣетъ въ себѣ ничего фривольнаго, легонькаго или веселенькаго. Листъ грѣшитъ (если приемы его считать погрѣшностью) совсѣмъ не въ томъ смыслѣ какъ итальянскіе органисты играющіе во время Евхаристіи *La donna e mobile* или кадрили изъ *Мадамъ Анго*. Не непристойная веселость, а непривычная страстность и ревность сообщаютъ этой музыкѣ тотъ характеръ который можетъ казаться соблазномъ въ глазахъ ревнителей Мендельсоновыхъ преданій. Слѣдуетъ прибавить что двѣ наиболѣе знаменитыя оперы Вагнера по своимъ сюжетамъ имѣютъ замѣтный католическій отгѣнокъ, а по музыкѣ представляютъ неоднократно попытку пользоваться оборотами Палестриновскаго времени и комбинировать ихъ съ гармоническими правостями нашего времени. Оперный стиль внесенный Листомъ въ ораторію такимъ образомъ имѣлъ уже мистическій отгѣнокъ заранѣе, пока пребывалъ въ театрѣ. Если перейти отъ общаго вопроса стиля и манеры къ вопросу объ индивидуальной цѣнности даннаго произведенія, то прежде всего поражаешься трудностью сказать о немъ что-нибудь такое что не подходило бы въ одинаковой мѣрѣ ко всему написанному композиторомъ. У всякаго художника есть стиль болѣе или менѣе постоянный, есть общій духъ, разлитый надъ всею

совокупностью всего имъ сдѣланнаго, есть недостатки болѣе или менѣе постоянно возвращающіеся; у многихъ есть *манера*—извѣстное количество внѣшнихъ признаковъ независимыхъ отъ внутреннихъ требованій задачи и составляющихъ удобное средство отличать художника отъ всѣхъ другихъ. Но едва ли найдется художникъ у котораго это внѣшніе признаки выработались, если можно такъ выразиться, въ такую послѣдовательную и безошибочную систему, раздѣлись такъ равномерно по всѣмъ его произведеніямъ и наложили на нихъ печать такой энергической монотонности. Публика жаловалась на скуку, на однообразіе произведенія, длившаяся почти три часа. Мы, музыканты, испытывали ощущеніе нѣсколько иное. Въ рамкахъ этихъ трехъ часовъ для насъ однообразія было вѣроятно менѣе чѣмъ для публики; мы наслаждались массой гармоническихъ тонкостей, остроумнымъ примѣненіемъ грегорианскаго хора къ стилю современной музыки, и предельною чистотой голосоведенія, не покидающей автора ни въ какой крайности гармоніи, красивымъ *матовымъ* колоритомъ инструментовки, звучащей мягко и какъ бы *глухо* въ самыхъ блестящихъ *forte*, своеобразною и вдохновенною характеристикой, особенно во второй части (хоръ нищихъ). Но впечатлѣніе однообразія испытали и мы, только въ высшей потенціи. Не ораторія однообразна, а весь композиторъ. Слушая ее, мы въ то же время слышали всѣ четырнадцать симфоническихъ поэмъ, всѣ *Harmonies*, всѣ *Méditations*, всѣ *Prêtres*, всѣ *Invocations*, всѣ *Prédications*, когда-либо написанныя симпатичнымъ музыкантомъ. Предъ нами какъ бы одновременно раскрывалась цѣлая бібліотека созданная его плодовитою рукой; каждая страница этой бібліотеки говорила: „и я тоже Листъ!“ или „другаго Листъ никогда ничего не выдумаетъ!“

Кто, подъ впечатлѣніемъ Вагнеровыхъ оперъ и Вагнеровыхъ книжекъ, ожидалъ отъ предстоящей ораторіи особенной „живенной правды“, особеннаго реализма; кто, напримѣръ, полагалъ что въ рецитативѣ композиторъ будетъ стараться поддѣлываться подъ разговорную рѣчь, хотя бы въ такой степени какъ Вагнеръ въ *Мейстерзингерахъ*, тотъ испыталъ разочарованіе и, быть-можетъ, не мало удивился. Никогда живые люди не разговаривали такъ мѣрно, медленно и торжественно, какъ разговариваетъ Елизавета со своимъ возлюбленнымъ ландграфомъ. Да будетъ мнѣ позволено

прибѣгнуть къ примѣру изъ міра живописи. Никогда живые люди не сдѣлаи, не стояли и не ходили такъ какъ изображаютъ ихъ живописцы такъ-называемаго готическаго періода, поражающіе всѣхъ отсутствіемъ правды, но очаровывающіе многихъ. Мнѣ кажется что въ намѣренной условности и неподвижности декламациі у Листа сквозить тенденція, что онъ добивался не драматизма въ нашемъ современномъ смыслѣ, а своего особеннаго, *іератическаго* письма, что онъ писалъ свои фигуры какъ бы въ видѣ святыхъ на цвѣтномъ окнѣ готическаго собора.

Окончу указаніемъ на нѣкоторыя нумера особенно лѣвившіе меня своимъ Листовскимъ богатствомъ и Листовскою красивостью. Оркестровое вступленіе, почти цѣлкомъ повторяющееся въ одномъ изъ вокальныхъ нумеровъ (чудесное превращеніе хлѣба въ розы), по задачѣ и по плану совершенно сходно съ знаменитою прелюдіей къ *Лоэнгрину*, по исполненію же обличаетъ явное и не безъ остроумія осуществленное намѣреніе сдѣлать *иначе*, избѣгнуть подражанія *Лоэнгрину*. Ласкающая мягкость и нѣжность письма не покидаетъ автора и при самомъ громкомъ *fortissimo*; волны звуковъ растутъ выше и выше, но продолжаютъ сохранять свою женственную грацію и вкрадчивую льстивость. Хорошенькій дѣтскій хоръ, характера самаго общедоступнаго, страннымъ образомъ былъ совсѣмъ не замѣченъ публикой; его должно было рекомендовать ея благосклонности уже и то обстоятельство что онъ какъ нельзя болѣе похожъ на *Spinnerlied* изъ *Моряка-Скитальца*, столь часто покрывавшійся рукоплесканіями той же публики. Свѣжестью и мужественною энергіей отличается хоръ крестоносцевъ и вообще весь воинственный элементъ ораторіи, занимающій въ ней не послѣднее мѣсто; сюда же слѣдуетъ отнести всѣ мѣста имѣющія по тексту патріотическое венгерское содержаніе, а по музыкѣ основанныя на разработкѣ венгерской народной лѣсни маршеобразнаго характера.

Композиторъ имѣлъ счастливую мысль возвратиться къ этому мотиву и вмѣстѣ съ нимъ къ характеру воинственнаго молодечества въ самомъ концѣ ораторіи, среди большаго *религіознаго* торжества въ честь умершей Елизаветы. Такъ и видишь предъ собой людей жившихъ и умиравшихъ въ желѣзныхъ латахъ, людей самая набожность коихъ окрашивалась воинственнымъ пыломъ и беззаботною удалью. Хоръ нищихъ,

основанный на средневѣковомъ церковномъ голосѣ и отличающийся рѣдкою у Листа простотою фактуры, равно лѣнится своею характеристикою и прелестью мелодіи, однообразие которой въ настоящемъ случаѣ не только не надоедаетъ, но составляетъ необходимую ея принадлежность какъ *причитаніе*, не перестающее быть трогательнымъ при всѣхъ своихъ повтореніяхъ.

Отъ Листа самый естественный переходъ къ его другу и бывшему протѣжѣ, Рихарду Вагнеру. Имя его фигурировало у насъ нѣсколько разъ въ программахъ нынѣшней зимы; между прочимъ обратило на себя внимание необычайно блестящее и виртуозное исполненіе общеизвѣстной увертюры къ *Тангейзеру*—общеизвѣстной и, если хотите, слегка заигранной, такъ что она стала для концертовъ нынѣшняго поколѣнія почти тѣмъ же чѣмъ была увертюра къ *Вильгельму Теллю* въ свое время. Собственно новинка была только одна: знаменитое, или *иллюющее* быть знаменитымъ „превращеніе“ (*Chafreitagsgauber*) изъ *Парцивалля*; нѣсколькими вечерами раньше была повторена прелюдія (форшпиль) изъ той же оперы—родъ копіи съ прелюдіи къ *Лоэнгрину*. Всякая копія бываетъ слабѣе и безцвѣтнѣе своего подлинника, но эта сверхъ того натянута и преувеличеннѣе. Тотъ же характеръ, но соединенный на этотъ разъ съ недоживнымъ гармоническимъ интересомъ, я нашелъ и въ *Charfreitagsgauber*, и хотя нецѣлправимая изысканность, ликантность, модничанье и оригинальничанье модуляцій не даетъ ни на минуту установиться простодушному благоговѣйному настроенію, точно такъ же въ *Тристанъ* и *Изольда* это же модничанье не даетъ ни на минуту времени сожалѣть объ участи несчастныхъ любовниковъ, все же техническій интересъ этаго новаго нумера очень великъ. „Какъ-то онъ теперь извернется“? спрашиваетъ себя слушатель послѣ каждаго новаго аккорда и каждый разъ маститый композиторъ изворачивается ловко, красиво, занимательно и неожиданно. Послѣ *Götterdämmerung* это гораздо болѣе чѣмъ мы имѣли право ожидать. Какъ будто бы предъ самою смертію гевій благозвучія и чувственнаго изящества еще разъ посѣтилъ стараго композитора, къ которому онъ былъ такъ благосклоненъ.

Не нужно быть специалистомъ чтобы слышать что *новаго слова* Вагнеръ своимъ *Парциваллемъ* не сказалъ. Музыка новой оперы колеблется между *Лоэнгриномъ*, *Тристаномъ* и *Нюрнбергскими пѣвцами*. Будемъ ей благодарны и за то что

въ ней нѣтъ зіяющей пустынности и притязательнаго ничтожества, которымъ заражены столь многія страницы *Нибелунговъ*. Только въ одномъ Вагнеръ и здѣсь остался вѣренъ грѣхамъ своего старческаго періода—въ крайней несимпатичности и антилогичности сюжета. И здѣсь, какъ въ предшедшемъ своемъ опытѣ, знаменитый глашатай музыкальной драмы какъ бы съ намѣреніемъ вычеркиваетъ всякій человѣческій интересъ, всякую возможность возбудить въ зрителѣ сочувствіе или умиленіе. Ни въ *Нибелунгахъ*, ни въ *Парцивалѣ* нѣтъ ничего похожего на драму, хотя слово драма у автора и у его алостоловъ не сходитъ съ устъ. То чтѣ мы иногда принимаемъ за участіе вызываемое въ насъ фигурами драматурга въ дѣйствительности есть чисто-музыкальное удовольствіе причиненное намъ модуляціями и оркестровыми эффектами композитора. Посредственный какъ поэтъ, поверхностный какъ критикъ, бесполезный какъ эстетическій новаторъ, Рихардъ Вагнеръ былъ феноменально даровитымъ музыкантомъ: онъ создалъ свой особенный міръ, нѣсколько узкій и манерный, со слишкомъ частыми повтореніями однихъ и тѣхъ же или сходныхъ мыслей, но полный своеобразнаго очарованія, раздражающаго и ослѣпляющаго какъ куреніе опиума. Ничего подобнаго этому музыкальному мірку не существовало прежде, и его затѣйливая праность и лестрота долго еще будутъ притягивать къ себѣ слушателя гармонически одареннаго, когда нелѣпыя полемическіе походы на Мейербергера, на Шумана и на инструментальную музыку будутъ подвергнуты давнишнему забвенію.

Какъ лѣто 1882 года смертію Рафа, такъ осень 1883 ознаменовалась потерей Роберта Фолькмана. Въ славной группѣ многочисленныхъ послѣдователей Шумана онъ занималъ одно изъ почетныхъ мѣстъ; выдѣлиться изъ нея и занять совершенно уединенную, издалека видную высоту, ему не было суждено. Печатныхъ сочиненій онъ оставилъ послѣ себя не особенно много, если принять въ соображеніе его долгодѣтельную жизнь; у Фолькмана были сверстники несравненно плодотивѣе его, не говоря уже о предыдущихъ поколѣніяхъ, о Францѣ Шубертѣ, или о неутомимыхъ труженникахъ XVIII столѣтія. Какъ у большинства композиторовъ, даже у первоклассныхъ и, быть-можетъ, въ большей мѣрѣ чѣмъ у первоклассныхъ, и у Фолькмана численностью преобладаютъ сочиненія незначительныя и безцвѣтныя; слава же

его основывается на весьма немногихъ нумерахъ, и только эти-то нумера имѣють шансы пережить его. Покойный, какъ мнѣ кажется, былъ одаренъ главнымъ образомъ къ изображенію настроеній мрачныхъ, моментовъ грозныхъ и потрясающихъ; нѣжное и граціозное давалось ему въ гораздо меньшей степени: здѣсь онъ легко владалъ въ банальность. Три сочиненія составляющія по моему и по общему мнѣнію высшія точки его творчества, каждое въ своемъ родѣ, подтверждаютъ эту мысль. *Первая симфонія* (D-moll) со своимъ знаменитымъ вступленіемъ, грандіознымъ унисономъ смычковыхъ инструментовъ; увертюра къ Шекспировскому *Ричарду III* съ ея энергическою и не лишнею своеобразности характеристикой, выдержанною едва ли не въ ущербъ музыкальной красотѣ и, наконецъ, В-мольное тріо, рандомическое, почти безсвязное, но могучее; всѣ три относятся къ этому кругу мрачнаго, трагическаго, таинственнаго и величественнаго. Если подъ *гениемъ* разумѣть самостоятельное духовное содержаніе, смѣлый полетъ мысли, божественную искру, а подъ *талантомъ*—внѣшнее, формальное дарованіе, способность дѣлать послушный матеріалъ, сообразоваться съ обстоятельствами, примѣняться къ разнообразнымъ требованіямъ, то можно сказать что въ Фолькманѣ было нѣчто гениальное, но что таланта онъ имѣлъ сравнительно мало. Въ сонатной разработкѣ темъ, напримеръ, Фолькманъ не ударялъ лицомъ въ грязь и выказывалъ технику вполне достаточную и приличную; но нигдѣ я не вижу у него той прелестной находчивости, того дара писать такъ чтобы выходило въ одно время и сложно и *складно*, той ловкости, того шика, которыми на каждомъ шагѣ лѣвнвалъ Іоакимъ Раффъ. Для композитора нашихъ дней вообще, а для Шуманиста въ особенности, у Фолькмана даже очень мало гармоническихъ послѣдованій, на которыхъ можно было бы останавливаться какъ на отдѣльныхъ красотахъ, какъ мы привыкли это дѣлать съ Бахомъ и Моцартомъ, съ Глинкой и Берліозомъ. За то такое сочиненіе какъ В-мольное тріо съ первыхъ своихъ тактовъ поднимаетъ васъ въ высшую духовную сферу, далекую отъ будничной музыки; чувствуется присутствіе смѣлаго и могучаго духа, умѣющаго говорить съ вами и потрясать васъ не прибѣгая къ щегольству техники и не ослѣвляя васъ блескомъ фактуры.

Замѣчательно было вліяніе на Фолькмана послѣдняго періода Бетховена. Изъ всей извѣстной мнѣ музыкальной

литературы я не знаю ни одного сочиненія которое стояло бы такъ близко къ „Голлицынскимъ“ квартетамъ, какъ сейчасъ названное мною В-мольное тріо. Сродство одинаково сказывается и въ духѣ произведенія, и въ его вышней отдѣлкѣ. Не безъ основанія было замѣчено что и D-мольная симфонія если не въ общемъ, то по крайней мѣрѣ начальными тактами (основною мыслию, многократно повторенною въ послѣдствіи) напоминаетъ *десятью* Бетховена.

Въ исторіи искусства часто бываетъ что сынъ владѣльца хорошей галлеріи или свѣдущаго торговца картинами выходитъ знаменитымъ живописцемъ, сынъ образованнаго журналиста или учителя словесности,—талантливымъ поэтомъ, сынъ органиста или ученаго теоретика—даровитымъ композиторомъ. Примѣръ послѣдняго представляетъ и Фолькманъ. Отецъ его былъ „канторомъ“, то-есть органистомъ и учителемъ хора мальчиковъ въ школѣ, въ безвѣстномъ провинціальномъ городкѣ Ломмачѣ, въ королевствѣ Саксонія. Робертъ родился 6 апрѣля 1815 года и такимъ образомъ принадлежалъ къ одному поколѣнію съ Шопеномъ, Мендельсономъ, Шуманомъ и Листомъ, будучи лишь на немного дѣтъ моложе ихъ. Предназначенный отцомъ къ ученой карьерѣ, онъ кончилъ курсъ въ гимназій и затѣмъ обучался въ педагогической семинаріи, во Фрейбергѣ; здѣсь калельмейстеръ Анакеръ, увлеченный его музыкальнымъ дарованіемъ, убѣдилъ его посвятить себя композиціи. Вслѣдствіе этого Фолькманъ въ 1836 году отправился въ Лейпцигъ. Ему такимъ образомъ уже былъ 21 годъ, когда окончательно рѣшилась его участь; но я забылъ сказать что талантъ его развился очень рано, такъ что онъ уже двѣнадцати лѣтъ замѣнялъ своего отца за органомъ. Композиторскіе дебюты его, сколько мнѣ извѣстно, не были блестящи: я тщательно просмотрѣлъ его раннія произведенія и, не усматривая въ нихъ ни напыщеннаго притязанія, ни грубаго безвкусія, въ то же время не нашелъ ничего такого что оправдывало бы ихъ напечатаніе. В-мольное тріо, обратившее на Фолькмана вниманіе всего музыкальнаго міра, вышло въ 1852 году, когда Фолькману было 37 лѣтъ, другими словами, когда онъ достигъ такого возраста до котораго не дожили ни Шубертъ, ни Моцартъ. Возвращаясь къ его личнымъ обстоятельствамъ, я скажу что съ 1839 по 1854 годъ онъ жилъ въ Венгріи, съ 1854 до 1858—въ Вѣнѣ, а затѣмъ безвыѣздно въ Пештѣ;

огромное большинство его сочиненій, начиная отъ первыхъ опытовъ, принадлежитъ тамошнему издателю Гекенасту. Не слѣдуетъ думать чтобы въ странѣ привольнаго житья и баснословно богатыхъ помѣщиковъ нашему композитору жилось особенно хорошо въ матеріальномъ отношеніи: люди близко знавшіе покойнаго говорятъ, напротивъ, что онъ крайне нуждался въ деньгахъ. Вѣроятно немногимъ изъ моихъ читателей извѣстно что Фолькмана однажды выручила Москва и что онъ литалъ къ ней за это сердечную благодарность. Въ 1865 году, вслѣдъ за исполненіемъ здѣсь его D-мольной симфоніи, тогдашній профессоръ консерваторіи Антонъ Дооръ, не задолго предъ тѣмъ видѣвшійся съ композиторомъ, въ обществѣ нѣкоторыхъ своихъ товарищей по консерваторіи и нѣсколькихъ музыкальныхъ меценатовъ разказалъ въ какихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ находится симпатичный музыкантъ и тутъ же предложилъ подписку въ его пользу. Подписка дала триста рублей, которые и были отправлены въ Пешть. Цифра довольно скромная, но Фолькманъ до того былъ тронутъ неожиданнымъ вниманіемъ что слѣдующую свою симфонію посвятилъ московскому отдѣленію Русскаго Музыкальнаго Общества.

Кто концертировала наши учрежденія цѣнить по мѣрѣ того насколько они служатъ распространенію композицій такъ-называемой молодой русской школы, тотъ о нашемъ Музыкальномъ Обществѣ и его директорахъ долженъ быть мнѣнія самаго низкаго. Молодыхъ орловъ петербургской музыки въ нашихъ программахъ почти не было видно. Надѣюсь, читатель извинить меня если я по этому поводу не выкажу особаго сокрушенія. Были исполнены, и то въ одномъ и томъ же концертѣ, *Скерцо* Мусоргскаго и *Вз Средней Азии* г. Бородина. Нѣтъ большей противоположности какъ эти два музыканта. Г. Бородинъ созданъ природою для того чтобы придумывать красивыя сочетанія аккордовъ, затѣливые, куріозные, но въ самой куріозности своей изящные, и никакія съ толку сбивающія вліанія, никакое безуміе тенденціи не могло окончателно убить въ этомъ даровитѣйшемъ изъ диллетантовъ прирожденную красоту, составляющую его основную стихію. Покойный Мусоргскій никогда не могъ связать трехъ аккордовъ такъ чтобы выходило не то чтобы поразительно красиво, но хотя бы мало-мальскіи спосно. Повторять зады, смиренно сидѣть на товикѣ и доминантѣ

претило его смѣлой и безлокойной натурѣ, а выдумать что-нибудь новое и въ то же время порядочное ему было нельзя. Слѣдствіемъ этого явились тѣ диковинныя произведенія которыя озадачили насъ, музыкантовъ, около половины семидесятихъ годовъ и которыя многимъ изъ насъ, чтобы не сказать большаиству, импонировали своею отвратительностью. Мы какъ бы сразу превратились въ наивныхъ Нѣмцевъ, которымъ философская система внушаетъ тѣмъ болѣе почтенія чѣмъ менѣе въ ней здраваго смысла. Характеристическія черты двухъ пионеровъ русской музыки влодѣ сказались въ двухъ отрывкахъ исполненныхъ подъ жезломъ г. Эрдмансдѣрфера.

Третье за нынѣшній сезонъ и самое объемистое произведение „могучей кучки“ не было исполнено въ Музыкальномъ Обществѣ, а появилось въ видѣ статьи въ октябрьской книжкѣ *Вѣстника Европы* и подписано именемъ В. В. Стасова. Не только по внѣшнимъ размѣрамъ, но и по творческой силѣ оно значительно превосходитъ два остальные. Если въ музыкальной части своихъ ралсодій, въ той которая назначена для театра и концертной залы, „могучая кучка“ гордится своимъ реализмомъ, стараясь звуками какъ можно ближе воспроизвести дѣйствительную жизнь, то напротивъ въ своихъ литературныхъ фантазіяхъ она предается самому смѣлому и беззавѣтному идеализму, вдохновенно поднимаясь надъ прахомъ дѣйствительности, горделиво отвергая даже правдоподобіе и витая въ области чистой грезы. Самый матеріалъ послужившій г. Стасову для его критическаго обзора состоитъ изъ вещества менѣе грубаго и реальнаго чѣмъ тотъ о коемъ пишутъ рецензенты. Всѣ мы пишемъ о произведеніяхъ существующихъ. Эта желѣзная необходимость, приковывающая насъ къ землѣ, такъ сильна что дѣйствіе ея отчасти испыталъ и г. Стасовъ: и его обзоръ въ значительной степени посвященъ произведеніямъ дѣйствительно задуманнымъ, сочиненнымъ, написаннымъ и напечатаннымъ. Но богъ живущій въ его груди такъ силенъ что по временамъ вызываетъ его изъ этой низменной сферы. Мы узнаемъ изъ его октябрьской поэмы что высшее произведеніе русской камерной музыки—квартетъ г. Анатолія Лядова, финалъ котораго еще не написанъ. Одинъ изъ героевъ другой великой русской поэмы Поздревъ въ *Мертвыхъ душахъ*, показывая гостямъ достопримѣчательности своего имѣнія, между прочимъ повелѣлъ ихъ въ конюшню смотрѣть лустыя стойла въ которыхъ

прежде стояли очень хорошія лошади. Г. Стасовъ показываетъ намъ двѣственную нотную бумагу, на которой будетъ написанъ очень хорошій финаль. Этотъ поэтический характеръ произведенія объясняетъ почему почтенный авторъ могъ пренебречь условіями времени, угнетающими обыкновенныхъ критиковъ. Большею частью бываетъ такъ: сначала является художественное произведеніе, а потомъ чрезъ большій или меньшій промежутокъ времени пишется о немъ критическая статья; бываетъ и такъ что о немъ ничего не пишется. Здѣсь же мы наблюдаемъ порядокъ иной: сначала пишется восторженный отзывъ г. Стасова, потомъ можетъ-быть чрезъ многія лѣта появится вполнѣ законченный квартетъ г. Лядова, а можетъ-быть и совсѣмъ не появится.

Не представляя читателю полнаго анализа новой поэмы, я довольствуюсь указаніемъ на это одно ея украшеніе. Могу не погрѣшая противъ истины сказать что вся она на одномъ уровнѣ съ выбраннымъ мною эпизодомъ. Есть люди способные читать только полезное, серьезное, фактически-вѣрное, логически-правильное; люди не умѣющие ни „надъ вымысломъ слезами облитъ“, ни похотать надъ юмористическою выходкой. Такіе люди едва ли найдутъ для себя лицу въ новой былинѣ г. Стасова. Но я желаю бы вѣрить что на Руси продолжаетъ существовать и другаго сорта читатель, веселый, смѣшливый, чуждый ледяности, чуткій на остроуміе и порою способный найти удовольствіе даже въ фарсѣ. Вотъ такому-то читателю я ото всей души рекомендую злосѣ г. Стасова; какъ легкому чтенію, желаю новому произведенію самой обширной всероссійской популярности, надѣясь что не одно поколѣніе моихъ соотечественниковъ найдетъ въ немъ неисчерпаемый источникъ увеселенія.

ЛАРОШЬ.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Въ открытыя окна душистое ночи дыханье
Врывалось въ серебряномъ блескѣ лучей;
И шелестъ весенній, и трепетной ночи сіянье
Манили и звали на волю скорбѣи.

Надъ міромъ невнятныхъ, страстныхъ лѣсни звенѣли,
Сквозила прозрачная зелень садовъ,
Качали вѣтвями задумчиво старыя ели,
Алмазами искрился неба покровъ...

И вдругъ я почувалъ что новая дивная сила
Во мнѣ, что ничѣмъ я не связанъ съ землею,
И въ чудное царство, куда меня ночь такъ манила,
Свободный помчался сквозь мракъ голубой.

Тамъ легкою тѣнью, какъ вѣтеръ летая безъ крылій,
Въ холодномъ, серебряномъ блескѣ луны
И въ морѣ звенящемъ и свѣтломъ лывя безъ усилій,
Я весь отдавался теченью волны.

А ночь благовонная выше и выше манила,
Быстрѣи и быстрѣи становился полетъ;
Казалось, изъ неба на встрѣчу бѣгутъ мнѣ свѣтила
И радужный блескъ ихъ все ярче растетъ.

И были такъ ясны, такъ стройны тогда всѣ видѣнья,
Какъ будто, они обмануть не могли,
Какъ будто, вся жизнь была сонъ, а тотъ сонъ пробужденье,
Порвавшее тяжкія узы земли!

Все что лучами надежды манило,
Что озаряло такъ ярко нашъ путь,
Все что блаженство когда-то сулило
Вновь не пытайся ты къ жизни вернуть.

Прежніе сны не прогрезятся снова,
Счастье блеснувъ не вернется назадъ,—
Крѣпки желѣзныя двери былаго,
Времени жатву на вѣки хранять.

Если жь въ безумномъ порывѣ желанья
Ты и проникнешь до царства тѣней,—
Тамъ въ этотъ мигъ роковаго свиданья
Ты не узнаешь святыни своей!

Кл. Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I.

Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць:

Въ С.-Петербургѣ:

Исторія царствованія Императора Александра II. (Въ картинахъ.) 104 стр. 4 д. л. и 68 рисунковъ.

Доклады и приговоры состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изданные Императорскою Академіею Наукъ подъ редакціей Н. В. Калачова. Томъ II. Годъ 1712. Книга II (іюль—декабрь). 551 стр. 8 д. л.

Богданъ Хлѣльницкій. Историческая монографія Николая Костомарова. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Т. I. XII+378 стр. Т. II 445 стр. Т. III 455 стр. 8 д. л.

Н. И. Гродековъ. *Война въ Туркменіи.* Походъ Скобелева въ 1880—1881 годахъ. Томъ III. Съ приложеніемъ пяти полиграфій, двухъ чертежей и пятнадцати плановъ. 95+55 стр. 8 д. л.

Бауценское или Вурменское сраженіе. 8 (20) и 9 (21) мая 1813 года. Составилъ П. А. Орловъ. 18 стр. 12 д. л.

Покореніе Туркменъ-Текинцевъ русскими войсками подъ начальствомъ генерала Скобелева въ 1880—81 годахъ. Составилъ Л. К. Артамоновъ. Съ портретомъ генерала Скобелева и рисунками. 31 стр. 8 д. л.

Сочиненія Н. И. Гнѣдича. Томъ I. Первое полное изданіе. 376 стр. 12 д. л.

Сочиненія А. Писемскаго. Посмертное полное изданіе. Т. III. 558 стр. 12 д. л.

Сочиненія Глыба Успенскаго. Томъ IV. Съ портретомъ. 336 стр. 8 д. л.

Полное собраніе сочиненій Д. В. Григоровича. Томъ VI. Переселенцы. Романъ изъ народнаго быта, въ пяти частяхъ. 439 стр. 8 д. л.

Пахѣрь. Повѣсть Д. В. Григоровича. 57 стр. 12 д. л.

Д. Л. Мордовцевъ. *Царь и гетманъ.* Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Изданіе второе. 429 стр. 8 д. л.

Чистое искусство. Литературно-критическій журналъ-альманахъ. № 1. Редакторы-издатели О. Ю. Шрейеръ и Н. Н. Кометадиусъ. 31 стр. 8 д. л.

Лицейскій мудрецъ. Альманахъ. Изданіе литографированное. 127 стр. 8 д. л.

А. Михайловъ. *Надъ обрывомъ.* 348 стр. 12 д. л.

Дешевая бібліотека. *Историческія повѣсти Н. В. Кукольника.* Книга первая. I. Авдотья Петровна Лихончина. II. Купецъ Калустинъ. III. Прокуроръ. Изданіе А. С. Суворина. 94 стр. 12 д. л.

Иностранная критика о Тургеневѣ. Содержаніе: Ренанъ.—Абу.—Шмидтъ.—Брандесъ.—Де-Вогюе.—Пигъ.—Рольстонъ.—Додъ.—Монассанъ.—Крашевскій.—Меримэ. Съ портретомъ И. С. Тургенева. V+222 стр. 8 д. л.

Библіотека европейскихъ писателей и мыслителей, издаваемая В. В. Чуйко. *Фосколо.* Романъ: Послѣднія письма Якопо Ортиса. 164 стр. 8 д. л.

Мольеръ. *Собраніе сочиненій въ трехъ томахъ.* Съ біографіей составленной А. Веселовскимъ. Т. I. LXIV+422 стр. Т. II. 482 стр. Т. III. 478 стр. 8 д. л.

Жизнь дѣтей. Собраніе разказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ третій. 108 стр. 12 д. л.

Разказы дѣдушки Василія. Велико родительское благословеніе. 69 стр. 16 д. л. Учи лѣниваго не молотомъ, а голодомъ. 16 стр. 16 д. л.

Рельефныя картинки животныхъ Гальберта, съ ихъ описаніемъ. Изданіе третье. 8 д. л.

Досужное чтение пригодное для каждаго. Составлено В. Золотовымъ. Четвертое изданіе. 156 стр. 12 д. л.

Вытинки. Сборникъ разказовъ, сказокъ и стихотвореній для дѣтскаго чтенія съ иллюстраціями. 196 стр. 8 д. л.

Къ праздникамъ. Разказы двѣнадцати челоуѣку. В. В. Михайлова. 29 + 27 + 32 + 33 + 22 стр. 8 д. л.

Емеля охотникъ. Повѣсть Д. Н. Мамина. 23 стр. 8 д. л.

Гнѣздо. Разказъ Н. П. Ахшарумовой. 32 стр. 8 д. л.

Приключенія въ Африкѣ торговца слоновою костью. Разказъ Г. Д. Княгстова. Съ полугипажами. 99 стр. 8 д. л.

Сверженіе татарскаго ша. Драматическое представленіе въ трехъ дѣйствіяхъ. (Для дѣтскаго театра начальной школы.) Соч. Д. Травина. 18 стр. 8 д. л.

Обученіе грамотѣ и родному языку по „первой учебной книжкѣ“. Дидактическое руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ. Часть первая. Съ полугипажами и нотами. Второе исправленное изданіе. XI + 304 + 64 стр. 8 д. л.

Книга для первоначальнаго чтенія. Часть вторая. Составилъ В. Водовозовъ. Изданіе второе. VIII + 604 стр. 8 д. л.

Солдатская азбука для совѣстнаго обученія письму и чтенію. Составилъ Н. П. Столянскій. 48 стр. 12 д. л.

Vade-mecum. Guide pratique de conversation usuelle en langue française С. Vocguillon. 152 р. 12°.

Задача и организація школьнаго дня въ уездѣ. В. Александрова. 96 стр. 8 д. л.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ. Доктора физики О. Хвольсона. Съ 203 рисунками въ текстѣ. III + IV + 231 стр. 8 д. л.

Элементарное объясненіе явленій природы. Сост. А. Игнатовичъ. Десятое исправленное изданіе. 175 стр. 8 д. л.

Электролитическое свѣченіе. Изслѣдованіе Николая Случнова. 66 стр. 8 д. л.

Фауна юрскихъ образованій Рязанской губерніи. I. Лагузена. 94 стр. 4 д. л.

Выпускъ третій. *Оспа.* Предупрежденіе и лѣченіе съ гомеопатическими средствами. 40 стр. 12 д. л.

Что такое электрометрия? Переводъ и изданіе Я. К. 60 стр. 8 д. л.

Prof. Dr. R. V. Mosetig-Mooghof въ Вѣнѣ. *Объ антисептическихъ повязкахъ на войнѣ.* Перевелъ Ѳ. Б. Гейденрейхъ. 17 стр. 8 д. л.

Руководство къ изученію болъзней, профессоровъ Гебры и Капоза. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Дг. А. Полотебнова. Томъ II. Выпускъ II. 489 стр. 8 д. л.

О клеточности. (Врожденной наклонности къ воровству.) Николая Пашкаго. 40 стр. 8 д. л.

Устройство дезинфекціонныхъ камеръ и аппаратовъ для обезвреживанія заразныхъ вещей. Составилъ инженеръ М. Антоновъ. 151 стр. 8 д. л.

Цѣнность жизни. Исслѣдованіе П. В. Макіевскаго. 258 стр. 8 д. л.

Красный Крестъ во время чумной эпидеміи въ Астраханской и Саратовской губерніяхъ въ 1879 году. Отчетъ уполномоченнаго Общества В. М. Юзефовича. 32 стр. 16 д. л.

А. М. Бутлеровъ. *Антиматериализмъ въ наукѣ, нейтральный анализъ Зегера и гомотанія*. 30 стр. 12 д. л.

А. М. Бутлеровъ. *Къ-что о медунизмѣ и объ изученіи медулическихъ явленій*. 55 стр. 12 д. л.

Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ. Составлена подъ главною редакціей генералъ-лейтенанта Г. А. Лера. Т. I. Выпускъ III. (Баллистическіе приборы—Боремаль). 321—480 стр. 8 д. л.

Сборникъ командъ для производства уставнаго ротнаго ученія. Составилъ штабсъ-капитанъ Бужинскій. 73 стр. 12 д. л.

Осмотръ винтовокъ въ ротѣхъ и командахъ. 22 стр. 16 д. л.

Солдатская кухня или наставленіе артельщикамъ, кашеварамъ и альбопекамъ. Составилъ В. И. Межаковъ. Одобрено Главнымъ комитетомъ по устройству и образованію войскъ. Изданіе четвертое. 60 стр. 12 д. л.

Памятная книжка для унтеръ-офицеровъ пѣхоты. Генералъ-адъютанта Г. И. Черткова. Изданіе девятое. 420 стр. 8 д. л.

Записки о военныхъ сообщеніяхъ. Составилъ П. Андреевъ. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. 160 стр. 8 д. л.

Военный календарь со свѣдѣніями знаніе которыхъ обязательно для каждаго рядоваго пѣхоты и кавалеріи въ первый годъ ихъ службы. 1884 года. 77 стр. 12 д. л.

Сборникъ командъ для производства уставнаго полковаго ученія. Составилъ штабсъ-капитанъ Бутинскій. 19 стр. 12 д. л.

Сборникъ командъ для производства уставнаго бригаднаго ученія. 15 стр. 12 д. л.

Сборникъ командъ для производства уставнаго баталіоннаго ученія. 43 стр. 12 д. л.

Объ исполненіи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній въ Россіи. Сочиненіе И. Е. Энгельмана. 49 стр. 8 д. л.

Обзоръ нынѣ дѣйствующихъ исключительныхъ законовъ о Евреяхъ состоящихъ въ подданствѣ Россіи. VII+89 стр. 8 д. л.

Сборникъ постановленій С.-Петербургскаго губернскаго земскаго собранія съ 1880 по 1883 годъ. Составилъ Ф. И. Шмигельскій. V+437+5 стр. 8 д. л.

Описаніе усовершенствованія новаго привилегированнаго строительнаго матеріала подъ названіемъ „Большановскій кирпичъ“, представляющаго радикальное и возможное средство для пресѣченія пожаровъ въ Россіи какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ и деревняхъ. Съ 32 чертежами. 93 стр. 8 д. л.

Газовое нефтяное производство и свѣтильный газъ вообще. Составилъ П. К. Унгельмейеръ. 62 стр. 8 д.

По вопросу о способахъ управленія лошадью. Съ чертежами. Д. Д. 42 стр. 8 д. л.

Списокъ лицъ служавшихъ по почтовому ведомству и почтовыхъ учрежденіяхъ. 262 стр. 8 д. л.

Двадцатипятилѣтіе Василье-Островской Женской гимназіи 1858—1883 года. 39+VIII стр. 8 д. л.

Краткій обзоръ дѣятельности Телеграфнаго ведомства и телеграфная статистика за 1882 годъ. Изданіе Телеграфнаго Департамента. 4 д. л.

Календарь и справочная книжка русскаго сельскаго хозяина на 1884 годъ. Подъ редакціей Э. А. Баталина. Въ двухъ частяхъ. 174+371+44 стр. 12 д. л.

П. Марковъ. *Объ акварели или живописи водяными красками.* Съ приложеніемъ чертежей. Второе изданіе. 11+168+11 стр. 8 д. л.

Историческая портретная галлерей. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипія съ лучшихъ оригиналовъ. Выпуски I и II. Изданіе А. С. Суворина. 4 д. л.

Типы изъ Записокъ Охотника И. С. Тургенева въ силуэтахъ Елизаветы Бѣмъ. 4 д. л.

Владиміръ Стасовъ. *Славянскій и восточный орнаментъ по рукописамъ древняго и новаго времени.* Издано съ Высочайшаго соизволенія Императора Александра II. 14 стр. и 40 табл.

Альбомъ двенадцати портретовъ замѣчательныхъ лошадей рысистыхъ и скаковыхъ. 4 д. л.

Генеральная карта Азии. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина.

Въ Москвѣ:

Recueil de lettres de Sa Majesté l'Impératrice Marie Feodorowna aux tuteurs honoraires et aux supérieures des instituts de Moscou. Première livraison. 61 p. 8°.

Будда, его жизнь, ученіе и община. Сочиненіе Германа Ольденберга. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе К. Т. Солратенкова. 317+XLIV стр. 8 д. л.

Руководство къ изученію исторіи музыки. Аррей фонъ-Доммеръ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Желябужской, подъ редакціей и съ приложеніемъ очерка исторіи музыки въ Россіи З. Дурова. 635 стр. 8 д. л.

Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Т. I. Изданіе пятое. 475 стр. 8 д. л.

Бурное время. Историческій романъ Т. Т. Ежа. Переводъ съ польскаго. 416 стр. 8 д. л.

Неронъ. Опера А. Рубинштейна. 267 стр. 12 д. л.

Дѣтская христоматія. Для подарка, съ 8 хромолитографированными картинами. 128 стр. 8 д. л.

Учебникъ нѣмецкой грамматики изложенной сравнительно съ грамматикой русскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Въ трехъ концентрическихъ курсахъ. Составилъ А. А. Аллендорфъ. Изданіе третье, вновь пересмотрѣнное. 223 стр. 8 д. л.

Лекціи современныхъ нѣмецкихъ клиницистовъ издаваемые подъ редакціей Ю. Гольдендаха. Новый рядъ. Книжка первая. 167 стр. 8 д. л.

Руководство къ оперативной хирургіи. 280 стр. 8 д. л.

Учебникъ физиологіи животнаго организма. 326 стр. 8 д. л.

Къ вопросу о предѣлахъ индивидуальных и племенныхъ видоизмѣненій типическихъ бороздъ и извилинъ мозга. Проф. Д. Зернова. 31 стр. 8 д. л.

Уроскопія. Обработалъ для врачей Dr. Alfred Buchwald. Съ 20 рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго. 75 стр. 8 д. л.

Запѣтки объ акушерско-гинекологическихъ клиникахъ въ Вѣнѣ. Др. А. А. Муратова. 23 стр. 8 д. л.

Справочная книга для инженеровъ, механиковъ, техниковъ и строителей. Составилъ инженеръ-механикъ П. И. Мальцовъ. Выпускъ II. 240+170 стр. 12 д. л.

Отчетъ по Императорскому Московскому Воспитательному Дому за 1882 годъ. 49 стр. 8 д. л.

Речь и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12 января 1884 года. III+309 стр. 8 д. л.

Отчетъ Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества за 1882—83 годъ. 149 стр. 8 д. л.

Конвенція о прямомъ товарномъ сообщеніи между желѣзными дорогами второй группы. IV+258 стр. 8 д. л.

Въ Кіевѣ:

Памяти перваго русскаго типографа Ивана Федорова. 20 стр. 8 д. л.

Этюды изъ области новой чешской литературы. А. Степовича. Выпускъ 1. 65 стр. 8 д. л.

Сборникъ статей по классической древности, издаваемый для учениковъ гимназій кіевскимъ отдѣленіемъ Общества Классической Филологіи и педагогики. Выпускъ 1. 146+141 стр. 8 д. л.

О нерономъ швъ. Dr. А. Л. Равы. 14 стр. 8 д. л.

Значеніе низшихъ организмовъ въ этиологіи инфекціонныхъ болѣзней. З. Х. Зенкевича. 199 стр. 8 д. л.

Протоколы засѣданій Общества Кіевскихъ Врачей за 1882—83 годъ. 72 стр. 8 д. л.

Коневодство въ Кіевской губерніи. Сост. В. Г. Мозговой. 30 стр. 8 д. л.

Справочная книга для заемщиковъ Кіевского Земельнаго Банка, составленная на основаніи устава Банка. 105 стр. 12 д. л.

Въ Казани:

Задачи и элементы науки гражданскаго процесса. Е. А. Нефедьева. 22 стр. 8 д. л.

Налогъ съ наследства по современному ученію финансовой науки. Д. М. Львова. 57 стр. 8 д. л.

Матеріалы для полнаго собранія сочиненій И. С. Тургенева. Составилъ И. Агафоновъ. 31 стр. 8 д. л.

Ө. И. Ружичка. Сельско-хозяйственныя фермы. 55 стр. 12 д. л.

Труды създа сельскихъ хозяевъ Казанской губерніи, бывшаго въ декабрь 1882 года при Императорскомъ Казанскомъ

Экономическомъ Обществѣ. Редактировалъ А. Чугуновъ. 132 стр. 8 д. л.

О соотношеніяхъ между составомъ и светопреломляющею способностью химическихъ соединений. И. И. Кановникова. Часть первая. 110 стр. 8 д. л.

Объ атмосферной пыли. Проф. Н. В. Сорочкина. 43 стр. 8 д. л.

Полевая служба по уставу 1881 года съ примѣрами выполненія ея въ видѣ тактическихъ задачъ на планахъ. Съ большимъ чертежомъ и планомъ. Задачи составлены подполковникомъ В. Паруцкимъ. 126 стр. 8 д. л.

Пособіе для веденія зимнихъ занятій со старослужащими и молодыми солдатами пѣхоты. Составилъ. В. Паруцкій. 80 стр. 8 д. л.

Пособіе для веденія тактическихъ занятій согласно инструкціи для занятій съ офицерами. Часть I. Составилъ В. Паруцкій. 300+IV стр. 8 д. л.

Казанскій календарь на 1884 годъ. 105+41 стр. 8 д. л.

Годичный актъ въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 5 ноября 1883 года. 98 стр. 8 д. л.

Въ Харьковѣ:

В. Рихтеръ. *Химія углеродистыхъ соединений или органическая химія.* Выпускъ II. 241—432 стр. 8 д. л.

Синтаксисъ древне-индійскаго языка, В. И. Шерца. I. О согласованіи частей рѣчи, объ употребленіи чиселъ и падежей. XXI+369 стр. 8 д. л.

Харьковскій календарь на 1884 годъ. Изданіе Харьковскаго статистическаго губернскаго комитета, подъ редакціей П. С. Ефименки. 455+161+41 стр. 8 д. л.

Въ Одессѣ:

Физическія лица какъ правовые субъекты. Д. Н. Азаревича. 116 стр. 8 д. л.

Опытъ новаго опредѣленія понятія прогресса. Н. Я. Грота. 21 стр. 8 д. л.

Прогрессъ и наука. Н. Я. Грота. 16 стр. 8 д. л.

Worte der Erinnerung an Seine Eminenz den in Gott ruhenden Erzbischof Dimitri von L. Schwabacher. 15 s. 8°.

А. И. Холмскій. *Сводъ постановленій Черниговскаго губернскаго земскаго собранія 1865—1882 годъ.*

Списокъ студентовъ и постороннихъ слушателей Императорскаго Новороссійскаго Университета за 1883—84 академическій годъ. 84 стр. 8 д. л.

Адресъ-календарь Одесскаго градоначальства на 1884 годъ. 288 стр. 12 д. л.

Въ Варшавѣ:

Значеніе электричества какъ боль утѣляющаго средства. Соч. Л. Френкеля. 109 стр. 8 д. л.

Руководство къ обученію грамоты и началамъ русскаго букваря для начальныхъ училищъ. Составлено И. Соломонскимъ. 110 стр. 8 д. л.

Раціональный методъ обученія письменному изложенію мыслей. И. Соломонскаго. 29 стр. 8 д. л.

Въ Новгородѣ:

Памятная книжка для земскихъ гласныхъ. Составилъ гласный Крестецкаго уѣзда А. И. Алексѣевскій. 305 стр. 8 д. л.

Во Псковѣ:

Опытъ статистическо-географическаго словаря Псковскаго уѣзда, Псковской губерніи. И. И. Васильева. Изданіе Псковскаго губернскаго статистическаго комитета. 353 стр. 8 д. л.

Объ осады города Пскова польскими королями Стефаномъ Баторіемъ. Разказъ составленный С. А. Хорошавинымъ. 23 стр. 12 д. л.

О физическомъ устройствѣ неподвижныхъ звѣздъ по спектральнымъ наблюденіямъ. Публичная лекція В. А. Полова. 25 стр. 8 д. л.

Волостное правленіе какъ органъ земской статистики. 22 стр. 8 д. л.

Въ Твери:

Сборникъ матеріаловъ для исторіи Тверскаго губернскаго земства. 1866—1882 годы. Томъ III. Выпускъ I. Подъ редакціей П. А. Корсакова. 1—250 стр. 8 д. л.

Въ Архангельскѣ:

Полный систематический указатель статей и замѣтокъ о въ Архангельской губернии полтыщенныхъ въ неофициальной части Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1869—1881 годъ. Составленъ Э. Ахаткинымъ подъ редакціей Н. В. Санчурскаго. 77 стр. 8 д. л.

Въ Ригѣ:

Д. И. Нагуевскій. *Учебное изданіе специальныхъ латино-русскихъ словарей къ римскимъ классикамъ.* Выпускъ III—V. Специальный учебный словарь къ *Энеидѣ* Виргилія. Кн. I, II, III. 60 стр. 12 д. л.

Въ Гроднѣ:

Памятная книжка Гродненской губернии на 1884 годъ. Адресъ-календарь и статистическо-справочныя свѣдѣнія. XXXVI+220+143+22 стр. 8 д. л.

Въ Вильнѣ:

Памятная книжка Виленской губернии на 1884 годъ. Изданіе Виленскаго губернскаго статистическаго комитета. 283+LXXV стр. 12 д. л.

Въ Ковнѣ:

Памятная книжка Ковенской губернии 1884 года. Изданіе Ковенскаго губернскаго статистическаго комитета. Съ картою Ковенской губернии. 396 стр. 8 д. л.

Въ Черниговѣ:

Материалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскими статистическими отдѣленіями при губернской земской управѣ. Томъ VIII. Стародубскій уѣздъ, съ двумя литографированными картами. Изданіе Черниговскаго губернскаго земства. 66+193 стр. 8 д. л. Томъ IX. Суражскій уѣздъ съ двумя литографированными картами. Къ этому тому прилагается подворная опись. 110+94 стр. 4 д. л.

Въ Вяткѣ:

Руководство для вѣсть частей войскъ и военныхъ управленій о составленіи интендантской полковой и ротныхъ табелей

требованій срочнаго вещеваго довольствія съ приведенными практическими примѣрами основанными на законоположеніяхъ. 2е изданіе. Составилъ А. Аписимовъ. 38 стр. 8 д. л.

Въ Нижнемъ Новгородѣ:

Блгошевица Лиза Кадина. Разказъ изъ народнаго быта. Соч. И. А. Жукова. 96 стр. 12 д. л.

Въ Орлѣ:

Политки. Незабвенной памяти В. А. Жуковскаго. Стихотворенія И. Ливанскаго. 142 стр. 8 д. л.

Въ Тифлисѣ:

Кавказскій календарь на 1884 годъ. Изданъ, по распоряженію главноначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ, Кавказскимъ статистическимъ комитетомъ. XXXIX годъ. 356+203 стр. 8 д. л.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ третій. 350+168+23 стр. 8 д. л.

Святая Нина. Повесть П. А. Олочицина. 17 стр. 8 д. л.

Въ Житомирѣ:

Фаустъ. Трагедія Гёте. Часть вторая. Переводъ Т. Ансовою. 368 стр. 8 д. л.

Въ Крившгадтѣ:

Криволинейная геометрія. Краткій элементарный курсъ. Составилъ А. Пароменскій. 71 стр. 8 д. л.

Въ Константиновѣ:

Описание города Староконстантинова отъ начала основанія до нашихъ дней. (1561—1884.) Составилъ поручикъ Н. И. Зудъ. V+85 стр. 12 д. л.

Въ Мариуполѣ:

Мариупольскій народный настольный на 1884 годъ календарь. Изд. А. А. Франтова. 8 д. л.

II.

Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и издаваемый учениками В. И. Ламанскаго по случаю двадцатипятилѣтія его ученой и профессорской дѣятельности. С.-Петербургъ. Типографія Императорской Академіи Наукъ. 1883 (стр. XX+495.)

Въ *Сборникъ* напечатаны статьи слѣдующихъ лицъ: директора Каляинской гимназіи, бывшаго окружнаго инспектора въ Москвѣ А. Г. Семеновича, профессоровъ Варшавскаго университета А. С. Будиловича, К. Я. Грота и Ф. Ф. Зигеля, профессора Одесскаго университета Ф. И. Успенскаго, профессора Кіевскаго университета Т. Д. Флоринскаго, профессоровъ Нѣжинскаго историко-филологическаго института Р. Ф. Брандта и М. И. Соколова, профессоровъ духовныхъ академій: Московской—Г. А. Воскресенскаго, Кіевской—В. Н. Малицкина и С.-Петербургской—И. С. Пальмова; преподавателей: Ю. С. Анненкова, И. И. Соколова, С. Л. Пташницкаго, П. А. Сырку, И. Ф. Анненскаго, В. Э. Регеля, Ф. М. Истомина, Г. М. Князева, В. А. Кракау, А. Л. Петрова. Этотъ списокъ учениковъ В. И. Ламанскаго составившихъ *Сборникъ статей* ко дню его юбилея, въ знакъ уваженія къ своему почтенному профессору, показываетъ какъ широко и многосторонне было его вліаніе. Петербургъ, Варшава, Нѣжинъ, Кіевъ, Одесса въ числѣ преподавателей своихъ высшихъ учебныхъ заведеній имѣютъ учениковъ В. И. Ламанскаго или учившихся у него въ университетѣ, или пользовавшихся его указаніями и помощью въ своихъ специальныхъ занятіяхъ. Старшій изъ участниковъ *Сборника* — Ф. Ф. Зигель, профессоръ по кафедрѣ исторіи славянскихъ законодательствъ въ Варшавѣ (кандидатъ выпуска 1867 года); младшіе—кандидаты 1880 года (гг. Истоминъ, Князевъ, Кракау и Петровъ). Между этими учениками профессора Ламанскаго нѣкоторые сами уже имѣютъ почетное имя въ наукѣ и пользуются извѣстностью, какъ напримѣръ: профессоръ Будиловичъ, докторъ славянской филологіи, профессоръ Успенскій, докторъ всеобщей исторіи, извѣстный своими изслѣдованіями по исторіи Болгарь и Славянъ вообще. Всѣ эти обстоятельства придаютъ сборнику статей учениковъ профессора Ламанскаго

особенный интересъ не только въ научномъ отношеніи, но и какъ наглядное свидѣтельство о той школѣ которую профессоръ создалъ и воспиталъ въ Россіи.

Сборникъ составленный учениками В. И. Ламанскаго есть также свидѣтельство того какъ славянская наука на Руси разрослась, какъ много новыхъ вопросовъ затронуто, какъ быстро раскрывается все болѣе и болѣе широкое поле славистики.

Въ краткихъ словахъ для ясности мы коснемся исторіи славянскихъ кафедръ въ русскихъ университетахъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, по мысли знаменитаго П. И. Шафарика, славный въ дѣтописи русскаго просвѣщенія министръ С. С. Уваровъ задумалъ основать въ нашихъ университетахъ кафедры славянскихъ нарѣчій. Для этой цѣли онъ послалъ за границу нѣсколько молодыхъ русскихъ ученыхъ: Преиса, рано умершаго, Срезневскаго, Григоровича и Бодянскаго. Въ сороковыхъ годахъ они открыли курсы славистики въ университетахъ. Шафарикъ незадолго предъ тѣмъ издалъ свой громадный по научной важности трудъ: *Славянскія древности* (1837), а почти одновременно съ тѣмъ какъ покойный О. М. Бодянский началъ свои лекціи въ Московскомъ Университетѣ, вышелъ и другой „панславянскій“ трудъ Шафарика: *Славянская народопись* (1842). Русскимъ славистамъ предлежало широкое и маловоздѣланное славянское поле. Шафарикъ своими трудами намѣтилъ массы задачъ: онъ открылъ цѣлый міръ, новый для науки.

Задача русскихъ славистовъ опредѣлялась довольно ясно и просто; предстояло собирать и издавать матеріалы для исторіи Славянъ: слѣдовательно нужно было изучать памятники рукописные и живой языкъ многочисленныхъ славянскихъ народностей, собирать народныя пѣсни и сказанія, описать бытъ, нравы, вѣрованія, изслѣдовать природу славянскихъ жилищъ, вынести на свѣтъ остатки старой литературы воскресающихъ послѣ вѣковаго усыпленія славянскихъ народностей. И мы видимъ что первые русскіе слависты по преимуществу обратили вниманіе на собраніе и изданіе матеріаловъ. Они должны были стать какъ бы энциклопедистами въ такъ-называемой славистикѣ: и славянская филологія, и исторія политическая, и исторія литературы, и славянская археологія, все входило въ кругъ ихъ спеціальныхъ занятій. Такъ у насъ начиналось изученіе Славянъ...

Прошан года, и являются ученики этихъ первыхъ русскихъ славистовъ. Мы встрѣчаемся тутъ съ большою специализаціей. Являются слависты-историки, слависты-филологи, слависты-археологи и т. д. Славянская наука такъ разрослась что не по силамъ одному человѣку стало овладѣть одинаково ея разнообразными областями.

Къ этому второму поколѣнію славистовъ принадлежитъ профессоръ С.-Петербургскаго Университета В. И. Ламанскій. По главнымъ своимъ трудамъ онъ—славистъ-историкъ, хотя мы находимъ въ спискѣ 163 его „сочиненій и изданій“, помѣщенномъ на первыхъ страницахъ *Сборника*, и труды чисто-филологическаго свойства. Славистъ втораго періода развитія славянской науки въ Россіи не могъ оставаться хладнокровнымъ и къ современнымъ явленіямъ и движеніямъ славянской жизни. Исслѣдованіе В. И. Ламанскаго *Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ* опредѣлило сущность его воззрѣній на славянскій міръ и можетъ служить объясненіемъ главныхъ воззрѣній той школы которую онъ создалъ въ русской славянской наукѣ.

Обратимся теперь къ самому *Сборнику* изданному ученикамъ профессора. Мы остановимся на нѣкоторыхъ выдающихся, по нашему мнѣнію, статьяхъ, характеризующихъ и самую область славистики ставшей теперь столь обширною.

Сборникъ начинается статьей профессора Одесскаго Университета Федора Успенскаго: *Значеніе византійской и южно-славянской пронія* (стр. 1—52). Проніей, какъ извѣстно, называлось „пожалованіе служилымъ людямъ населенныхъ земель и другихъ приносящихъ доходъ угодій въ награду за оказанную услугу и подъ условіемъ исполненія опредѣленной службы съ пожалованія“ (стр. 1). Статья распадается на три отдѣла: 1) Исторія пронія въ Византіи; 2) Попытка объясненія терминовъ: аффиктъ и пронія; 3) Общіе выводы о значеніи пронія. По мнѣнію профессора, въ Византіи въ X вѣкѣ „пронія (πρόνοια) обозначала уже не просто отвлеченную идею попеченія, заботы, завѣдыванія и т. д.“: указанія на надѣленіе землями въ видѣ пронія имѣются уже въ концѣ XI вѣка. Авторъ статьи находитъ въ памятникахъ свидѣтельство что пронія существовала въ Византіи и въ XV вѣкѣ. Она во время крестовыхъ походовъ была не то же что ленъ, хотя итааліанскіе владѣтели приходившіе на службу въ Византію во время

императора Мануила старались отождествить проноію съ левомъ, придавая ей характеръ наследственнаго владѣнія. Последняя фаза, до которой дошла проноія,—„наследственное владѣніе, но только въ мужскомъ колѣнѣ и подъ условіемъ майората“ (стр. 15). Г. Успенскій находитъ что проноія—„подготовительная стадія развитія западныхъ феодальныхъ порядковъ, слѣдовъ которой почти не сохранилось въ западной исторіи“.

Изъ Византіи проноія перешла какъ политическое учрежденіе къ южнымъ Славянамъ, гдѣ она однако не развилась въ феоде по вѣншимъ причинамъ.

Вторая статья въ этомъ *Сборникѣ* принадлежитъ профессору Кіевскаго Университета Т. Д. Флоринскому: *Къ вопросу о богомилахъ* (стр. 33—40). Богомилы, ихъ ученіе, ихъ происхожденіе, ихъ вліяніе на судьбу юго-Славянъ давно занимаютъ выдающихся славянскихъ изслѣдователей и ученыхъ; но несмотря на значительное число изслѣдованій имъ посвященныхъ они представляютъ до сихъ поръ явленіе „не вполне разгаданное въ своей сущности“, какъ справедливо замѣчаетъ г. Флоринскій, который напечаталъ отрывокъ о богомилахъ изъ рукописи принадлежавшей Палаузову и теперь перешедшей въ народную бібліотеку въ Софію.

Профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи И. С. Пальмовъ напечаталъ весьма интересную статью: *Памятники Кирилло-Меѳодіевской старины въ Чехіи и Моравіи* (40—56), въ которой сообщаетъ свѣдѣнія о матеріальныхъ остаткахъ Кирилло-Меѳодіевской проповѣди въ Чехіи и Моравіи. Такъ въ обѣихъ этихъ странахъ попадаются бронзовые кресты, „такъ-называемые Кирилло-Меѳодіевскіе“. Какъ по изображеніямъ и формамъ своимъ, такъ и по греческимъ надписямъ эти кресты служатъ яснымъ доказательствомъ какъ неправы тѣ западно-славянскіе ученые которые хотятъ приписать проповѣди славянскихъ апостоловъ въ Чехіи и Моравіи католическій характеръ. Г. Пальмовъ, недавно путешествовавшій по славянскимъ странамъ, замѣчаетъ что и въ народныхъ преданіяхъ и даже обычаяхъ въ Чехіи и Моравіи сохранилась Кирилло-Меѳодіевская традиція. Замѣтимъ что г. Пальмовъ имѣетъ уже почетную извѣстность къ славянской наукѣ замѣчательнымъ своимъ изслѣдованіемъ: *Вопросъ о чистѣ въ гусситскомъ движеніи* (С.-Петербургъ, 1881). Г. Пальмовъ замѣчаетъ что „нѣкоторые памятники (которые могутъ свидѣтельствовать о православномъ характерѣ

проповѣди Кирилла и Меѳодія) можетъ-быть еще очень ревниво оберегаются отъ взора и свѣдѣнія отнюдь уже не фальшивыхъ читателей Кирилло-Меѳодіевской старины, изъ боязни сдѣлать ихъ предметомъ можетъ-быть точно такого же возбужденія въ народѣ какъ, напримѣръ, это было въ памятную гусситскую эпоху*.

Профессоръ Варшавскаго Университета К. Я. Гротъ, составившій себѣ почетную извѣстность въ наукѣ своими трудами: *Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербіи и Хорватіи* (1880) и *Моравія и Мадьяры съ половины X до начала XI вѣка* (1881) и недавно занявшій кафедру славянскихъ нарѣчій, опустѣвшую со смертью В. В. Макушева, помѣстилъ статью: *Новыя труды по исторіи Венгріи*, въ которой съ полною основательностью разсматриваетъ два новыя сочиненія по исторіи Венгріи г. Пича и Марцала (стр. 57—98).

Другой профессоръ того же университета О. О. Зигель, занимающій кафедру славянскихъ законодательствъ, помѣстилъ статью: *Историческій очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправленія въ Чехіи и Польшѣ* (стр. 99—118). Авторъ этого очерка имѣлъ, между прочимъ, въ виду „прослѣдить дальнѣйшее развитіе старо-славянскихъ порядковъ во времена историческія“ (стр. 117). До XIII вѣка, когда въ Чехію нѣмецкіе колонисты занесли нѣмецкое право, деревня пользовалась автономическимъ устройствомъ. Въ послѣдствіи это управленіе замѣняется войтомъ и присяжными. Въ XIV вѣкѣ безслѣдно исчезаетъ эта „древне-славянская форма деревенскаго самоуправленія“. Вторая древнѣйшая форма чешскаго самоуправленія, жула, во главѣ которой стоялъ жуланъ, исчезаетъ въ XIV вѣкѣ, замѣнившись дѣленіемъ на края составившіеся изъ соединенія нѣсколькихъ жуль. Постепенно и эта форма самоуправленія падаетъ, а со вступленіемъ Габсбурговъ на престолъ мѣстное чешское самоуправленіе подверглось различнымъ стѣсненіямъ и дѣлалось попытки даже совершенно уничтожить крайскіе съѣзды, на которыхъ распредѣлялись налоги и подати. Борьба обществъ, стремившихся къ полной автономіи краевъ, съ правительствомъ желавшимъ совершенно уничтожить самоуправленіе не окончилась до 1620 года, когда Чехія потеряла окончательно свою самостоятельность. Второй отдѣлъ статьи г. Зигеля занимаетъ очеркъ мѣстнаго самоуправленія Польши.

Авторъ говоритъ что Польша до половины XII вѣка (до 1138 года) имѣла только одну форму самоуправленія, а именно: „ополе“. Подъ ополемъ разумѣется „административная община состоящая изъ нѣсколькихъ деревень и имѣющая свои собранія и можетъ-быть даже своихъ выборныхъ властей“. Созывъ собраній ополя производился посредствомъ передачи изъ дома въ домъ посоха. Въ Чехіи раньше возникли деревни съ густымъ населеніемъ, между тѣмъ какъ въ Польшѣ дольше существовала разбросанность жилищъ. Ополя исчезаетъ въ концѣ XIII вѣка. Въ Польшѣ рано стала выдѣляться аристократія, и потому земское самоуправленіе рано получаетъ характеръ аристократическій. Слѣдя за развитіемъ основныхъ чертъ самоуправленія Польши, авторъ останавливается на характерѣ сеймиковъ, въ которыхъ „сосредоточивалась жизнь воеводства и уѣзда“, и сеймовъ, которые преслѣдовали исключительные интересы шляхты. Статья г. Зигеля очень интересна, а по своей основательности, выражающейся между прочимъ и въ большомъ количествѣ ссылокъ на сочиненія польскія, чешскія и нѣмецкія, и по сжатости этотъ „Очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправленія въ Чехіи и Польшѣ“ занимаетъ видное мѣсто въ русской литературѣ, бѣдной изслѣдованіями о древнемъ правѣ Польши и Чехіи.

Г. Юрій Анненковъ помѣстилъ въ *Сборникъ* статью: *Мистръ Протива, новый чешскій писатель* (стр. 119—126). Имя этого Протива упоминается въ сочиненіяхъ Петра Хельчицкаго, извѣстнаго чешскаго писателя XV вѣка. Г. Анненковъ давно уже занимается изученіемъ сочиненій этого знаменитаго Чеха, и его статьи о Хельчицкомъ уже печатались въ *Часопись* Чешскаго музея.

Дѣло въ томъ что былъ другой Протива Янъ изъ Новой Веси, который былъ первымъ проповѣдникомъ при Вицелемской часовнѣ въ Прагѣ и извѣстенъ какъ ярый врагъ Гуса съ 1408 года до конца его жизни. Нѣкоторые чешскіе ученые смѣшиваютъ вслѣдъ за г. І. Иречкомъ обоихъ Противовъ и считаютъ ихъ однимъ лицомъ. Г. Анненковъ, составляя мѣста изъ сочиненій Хельчицкаго, въ которыхъ онъ цитируетъ мѣста изъ сочиненій Противы съ мѣстами изъ сочиненій Виклефа, по изданію Лехлера, приходитъ къ заключенію что Мистръ Протива Хельчицкаго не кто иной какъ самъ Виклефъ. Самое прозваніе Виклефа Противой въ сочиненіяхъ Хельчицкаго объясняется обычаемъ существо-

вавшимъ въ Средніе Вѣка—ссылаться на разныхъ духовныхъ писателей, употребляя для нихъ прозвища по особенно выдающимся ихъ качествамъ.

Г. Станиславъ Пташицкій, кандидатъ историко-филологическаго факультета выпуска 1877 года, помѣстилъ *Новыя данныя для біографіи Николая Рея* (стр. 127—148). Въ исторіи польской литературы XVI вѣка Николаю Рею изъ Нагловиць отводится видное мѣсто за его сочиненіе *Зеркало или Жизнь честнаго человека*, но до сихъ поръ польскіе историки литературы вообще давали ему меньшее значеніе чѣмъ слѣдовало бы: причина та что онъ былъ протестантъ и сатирически рисовалъ современные ему типы польской шляхты. Г. Пташицкій относится къ нему иначе: онъ говоритъ что около Рея должно сосредоточиваться изученіе всей литературы этого (XVI) вѣка, и онъ долженъ служить исходнымъ пунктомъ новыхъ изслѣдованій о такъ-называемомъ золотомъ періодѣ польской литературы. Поэтому авторъ статьи сталъ изучать Рея и напечаталъ нѣсколько статей на польскомъ языкѣ объ этомъ предшественникѣ Яна Кохановскаго въ ряду писателей золотого вѣка польской письменности. Въ этой статьѣ, помѣщенной въ *Сборникъ*, г. Пташицкій напечаталъ нѣкоторыя данныя извлеченныя имъ изъ архивовъ Краковскаго и Львовскаго и ими освѣтилъ происхожденіе и родъ Рея, а также и нѣкоторые факты его жизни. Замѣтимъ что жизнь Рея описана его современникомъ Андреемъ Тржецескимъ, съ которымъ Рей находился въ дружескихъ отношеніяхъ, но эта біографія писателя требуетъ значительныхъ поправокъ.

Слѣдующая статья: *Валентинъ Водникъ, очеркъ изъ исторіи славянской литературы* (стр. 149—155) принадлежитъ г. Григорію Воскресенскому, профессору Московской Духовной Академіи. Валентинъ Водникъ (1758—1819) пользуется славой перваго поэта у Словинцевъ. И дѣйствительно его пѣсни проникнутыя патріотизмомъ, какъ *Slirija oživljena*, навлекшая на него преслѣдованіе со стороны Австрійскаго правительства за выраженіе радости и благодарности Наполеону I создавшему „Иллирію“, принадлежать къ первымъ и лучшимъ произведеніямъ словинской литературы. Валентинъ Водникъ, какъ основательно отмѣчаетъ Г. А. Воскресенскій, при всякомъ удобномъ случаѣ старался пробудить въ своихъ сопле-

меншикахъ сознание единства съ Русскимъ народомъ, что должно было помочь Словинцамъ въ ихъ борьбѣ за свою национальность. Сжатый, но ясный очеркъ жизни и дѣятельности этого писателя, написанный г. Воскресенскимъ, даетъ ясное понятие о предметѣ всякому кто хоть сколько-нибудь интересуется славянскою литературой. Г. Воскресенскій извѣстенъ въ наукѣ своимъ изслѣдованіемъ: *Древне-славянскій Апостолъ и Славянскою христоматіей*, которой до сихъ поръ вышло два выпуска; третій же выпускъ, въ который войдутъ образцы польской, словацкой и лужицкой литературы уже печатается.

Г. Будиловичъ, ученые заслуги котораго оцѣнены нашею Академіею Наукъ, избравшею его въ свои члены-корреспонденты, принадлежитъ къ числу старѣйшихъ учениковъ В. И. Ламанскаго. Онъ напечаталъ въ *Сборникъ* статью: *Героизмъ Каваньина, полузабытый старо-далматинскій панславистъ начала XVIII вѣка* (156—178). Поэма Каваньина, изданная г. Кукулевичемъ подъ заглавіемъ: *О богатствѣ и убожествѣ*, даетъ профессору Будиловичу достаточное основаніе и матеріалъ чтобы отмѣтить „большое сходство между Каваньиномъ и хорватскимъ панславистомъ XVII вѣка, Юріемъ Крижаничемъ“ (стр. 177). „Оба смотрѣли на славянство, говоритъ А. Будиловичъ, какъ на одноплеменное и историческое тѣло, котораго главой предназначено быть Россіи; оба видѣли въ ней освободительницу славянства поработеннаго; оба желали соединенія церкви греко-славянскою съ римско-католическою съ удержаніемъ лишь обрядовыхъ особенностей церкви восточной“ и т. д. Впрочемъ, что касается послѣдняго, то Каваньинъ, какъ явствуетъ и изъ тѣхъ мѣстъ которыя приводитъ изъ его поэмы почтенный авторъ статьи, былъ крайнимъ католикомъ, и въ этомъ отношеніи едва ли можетъ быть сравненъ съ Юріемъ Крижаничемъ, считавшимъ споръ между восточною и западною церковью ссорой латинскаго Рима и греческой Византіи, почему, по его мнѣнію, намъ, Славянамъ, слѣдуетъ относиться къ нему вполне спокойно и предоставить латвѣ и патріарху ссориться между собой сколько имъ угодно. Изъ поэмы Каваньина, современника Петра Великаго, видно что въ Далматіи патріоты ясно сознавали что лишь Россія можетъ сохранить и спасти славянство и что роль Польскаго государства въ мірѣ уже сыграна.

Слѣдующая статья: *Грамматика Іоанна ѳзарха Болгарскаго* принадлежит профессору Кіевской Академіи Василю Малинину (стр. 179—195). Эта статья, какъ видно изъ заключительныхъ словъ ея автора, въ которыхъ онъ обѣщаетъ въ недалекомъ будущемъ дать разборъ самаго текста грамматики Іоанна ѳзарха Болгарскаго, составляетъ отрывокъ изъ цѣлаго изслѣдованія предпринятаго авторомъ по вопросу крайне интересному. Калайдовичъ, открывшій и изданный сочиненія Іоанна ѳзарха Болгарскаго въ 1824 году, переводчикомъ книги *о осми частяхъ слова* считаетъ того же Іоанна, современника царя Болгарскаго Симеона. Г. Малининъ рассказываетъ какъ возникло сомнѣніе о принадлежности этихъ переводовъ современнику столь древняго Болгарскаго царя, причемъ Каченовскій и Строевъ указывали что подъ царемъ Симеономъ понимается здѣсь Сербскій король Стефанъ Неманя, названный въ монастырѣ Симеономъ. Горскій и Невоструевъ въ *Описаніи рукописей Синодальной бібліотеки* говорятъ что „переводъ грамматики несправедливо усволяется Іоанну ѳзарху“ и, не находя въ числѣ твореній Іоанна Дамасківа грамматики, переводъ которой до сихъ поръ приписывался Іоанну ѳзарху Болгарскому, полагаютъ что этотъ переводъ грамматическихъ понятій встрѣчающихся въ грамматикѣ другихъ греческихъ грамматистовъ сдѣланъ въ Сербіи. Г. Малининъ довольно удачно защищаетъ мнѣніе Калайдовича и приводит достаточно вѣскія соображенія, которыя даютъ право держаться того мнѣнія что Іоаннъ ѳзархъ Болгарскій дѣйствительно и есть переводчикъ этой грамматики.

Далѣе идетъ статья г. Инокентія Авненскаго: *Изъ наблюденій надъ языкомъ и поэзіей Русскаго Сѣвера* (стр. 196—211). Авторъ, пользуясь сборниками народныхъ лѣсенъ, рассматриваетъ какъ выражаются въ нашихъ народныхъ произведеніяхъ явленія холода и тепла, а также и метафорическое употребленіе этихъ понятій и выраженій.

А. Г. Семеновичъ напечаталъ статью: *Объ особенностяхъ угрорусскаго говора* (стр. 212—238). Нужно замѣтить что въ нашей ученой литературѣ можно указать лишь весьма мало сочиненій, изслѣдованій или изданій народныхъ произведеній Угроруссовъ. Г. Семеновичъ приходитъ къ заключенію что угрорусскій говоръ „находится въ ближайшемъ сред-

ствѣ съ сѣверно-маалорусскимъ“, именно черниговскимъ. Угроссы переселялись постепенно отсюда издавна на теперешнія свои мѣста, особенно въ XV вѣкѣ подъ водительствомъ князя Феодора Кориатовича. Г. Семеновичъ различаетъ три говора Угроссовъ: горѣшчанъ (жителей горъ), долѣшчанъ (жителей долины) и сосѣдей Словаковъ: у первыхъ господствуетъ *шо*, у вторыхъ *што* или *шо*, а послѣдние, ословаченныя Русскіе, дѣлятся на *чотаковъ* выговаривающихъ *чо* и *сотаковъ* употребляющихъ *со* вмѣсто *что*. Авторъ этой статьи даетъ грамматическія особенности угросскаго нарѣчія и затѣмъ лексикальныя особенности. Какъ тѣ, такъ и другія имѣютъ чрезвычайно большой интересъ для русскаго филолога. Въ этомъ словарчикѣ мы находимъ весьма древнія слова и общія съ сербскими и вообще югославянскими. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ могутъ быть причислены къ заимствованіямъ изъ одного источника, какъ на примѣръ, *пануча*—туфля у Сербовъ и Угроссовъ и др. Въ концѣ своей статьи авторъ даетъ нѣсколько образцовъ языка Угроссовъ.

Г. Петровъ, одинъ изъ младшихъ учениковъ В. И. Ламанскаго, кандидатъ вылука 1880 года, помѣстилъ историческій очеркъ: *Князь Константинъ Бодина* (стр. 239—264).

Бодина былъ въ качествѣ собирателя сербскихъ земель однимъ изъ предшественниковъ Стефана Немани, впервые объединившаго Сербовъ. Дѣятельность его относится къ послѣдней четверти XI вѣка. Вслѣдствіе сравнительной бѣдности источниковъ и запутанности извѣстій объ этомъ времени въ сербской исторіи, г. Петрову предстояла трудная критическая задача оцѣнить по достоинству источники и разобраться въ запутанныхъ извѣстіяхъ. Авторъ этого очерка изъ исторіи Сербовъ XI вѣка вполне удачно умѣлъ устранить затрудненія и обнаружилъ научное остроуміе, которое бываетъ часто очень важно для разрѣшенія темныхъ историческихъ вопросовъ: такъ онъ дѣлаетъ очень основательную догадку о тождествѣ лицъ Бодина и Волкана Анны Комнины. Время княженія Бодина важно въ исторіи Сербовъ особенно потому что именно тогда впервые „большая часть Сербскаго народа стала свободною и объединилась подъ верховенствомъ Зеты“, какъ вполне справедливо замѣчаетъ г. Петровъ (стр. 258). Эта статья г. Петрова представляетъ важныя дополненія къ извѣстному труду Рачкаго: *Borba južnih Slovena za državnu neodvisnost XI v.*

За статьей г. Петрова слѣдуетъ довольно обширное изслѣдованіе: *Учредительныя грамоты Пражской епархіи* г. Вассіаля Регеля, кандидата выпуска 1879 года (стр. 265—330). Извѣстно какое важное значеніе для опредѣленія предѣловъ владѣнія князей и государей старыхъ славянскихъ государствъ имѣютъ грамоты которыми опредѣлялись предѣлы власти того или другаго епископскаго престола. Особенную важность получаютъ эти грамоты: тамъ гдѣ сталкивались двѣ славянскія державы: такъ для исторіи Сербіи и Болгаріи эти грамоты составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, коими рѣшаются вопросы о предѣлахъ и границахъ этихъ государствъ въ различныя эпохи. Одна изъ такихъ важныхъ для исторіи Чехіи грамотъ, сообщенная Козьмой Пражскимъ, данная императоромъ Генрихомъ III на Майнцкомъ соборѣ 1086 года архіепископу Пражскому Яромиру, брату короля Вратислава, восстанавливаетъ предѣлы Пражской архіепископіи времени Болеслава II, то-есть второй половины X вѣка. Палацкій говоритъ, на основаніи этой грамоты, что территоріальное расширеніе Чехіи во время правленія Болеслава II достигло такихъ размѣровъ какихъ никогда потомъ не имѣло въ славныя времена Чешской исторіи. Чехіи принадлежали, кромѣ моравскихъ и словацкихъ земель, еще Силезія и нынѣшнее Царство Польское и Чешское королевство граничило съ владѣніями русскихъ кievскихъ князей. Польскіе нѣмецкіе историки старались доказать что эта грамота составлена на ложныхъ данныхъ представленныхъ пражскимъ архіепископомъ Яромиромъ, имѣвшимъ свои интересы желать расширенія области подлежащей его власти.

Г. Регель опровергаетъ вполнѣ основательными доводами эти сомнѣнія и доказываетъ фактами и изслѣдованіями несомнѣнную подлинность документа. Авторъ этой статьи, полной остроумныхъ соображеній, даетъ свои толкованія даннымъ почерпнутымъ изъ этой грамоты.

Молодой ученый В. А. Кракау (выпуска 1880 года), читающій лекціи по исторіи Славянъ на высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ, помѣстилъ статью: *Данническая и ленная зависимость восточныхъ окраинъ Германской имперіи въ X и XI вѣкахъ* (стр. 331—347). Авторъ, задавшись вопросомъ, въ какую зависимость отъ себя поставили германскіе императоры славянскія и угорскія страны граничившія

съ имперіей, слѣдуетъ по фактамъ занесеннымъ въ хроники за отношеніемъ между Германскою имперіей и славянскими племенами. Факты эти относятся къ X и XI вѣкамъ. Въ заключеніе г. Кракау даетъ слѣдующій выводъ своихъ разысканій: „не оружіемъ локорала себѣ имперія варварскіе народы, а своею цивилизаціей и культурой, этими просвѣдительными идеями носительницей которыхъ она была. Она налагала свое вѣроученіе, которымъ связывала крѣпче левной присяги, такъ какъ это вѣроученіе несло съ собою особня воззрѣнія на частную и общественную жизнь. Вѣра приносила и чуждый языкъ латинскій, общій въ Западной Европѣ для литературы, богослуженія и официальныхъ дѣлъ. Духовенство являлось главнымъ носителемъ просвѣщенія и образованности; оно играло важную роль и въ государственной жизни; оно же учило что всѣ христіане-католики члены одной христіанской имперіи.“ (стр. 346.) Далѣе авторъ указываетъ на вліяніе иноземнаго духовенства и монастырей, поддерживавшихъ связи съ германскими монастырями, а также и на то что какъ Чехи и Полаки, такъ и Угры, искавшие учености, находили ее въ Германіи и Италіи; все это несомнѣнно сильно вліяло на постепенное исчезновеніе Славянъ при ихъ столкновеніи съ латино-Германскою имперіей. Наконецъ, иноземки, жены князей славянскихъ, приводили съ собою ко дворамъ княжескимъ своихъ единосемцевъ, которые вліяли на самое управленіе. Всѣ эти выводы г. Кракау обставилъ данными почерпнутыми изъ источниковъ.

Г. Полихроній Сырку, недавно защищавшій въ Петербургскомъ Унивѣрситетѣ диссертацию: *Византійская повесть объ убіеніи императора Никифора Фоки въ старинномъ болгарскомъ перекладѣ про venia legendi*, напечаталъ: *Нѣсколько замѣтокъ о двухъ произведеніяхъ Терновскаго (Тырновскаго) патриарха Евѣмѣя*, который принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ писателей болгарской литературы. Онъ былъ свидѣлемъ окончательнаго паденія Болгарскаго царства и присутствовалъ при взятіи Тернова Турками (17 іюля 1393). Г. Сырку, извѣстный многими своими учеными и критическими статьями, помѣщенными въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, *Archiv für Slavische Philologie*, *Филологическія Записки* и др., хорошо знакомъ со староболгарскою, а также и новоболгарскою литературами.

Въ началѣ этой своей статьи авторъ указываетъ крупныя „дѣятельности“ въ изслѣдованіи г. Качановскаго: „къ вопросу о литературной дѣятельности болгарскаго патріарха Евѳимія“ (*Христіанское Чтеніе* 1882). Указавъ въ общихъ чертахъ значеніе и распространенность сочиненій патріарха Евѳимія, даетъ полный списокъ его трудовъ, до сихъ поръ открытыхъ и несомнѣнно ему принадлежащихъ, но останавливается на двухъ изъ нихъ: на житіяхъ Св. Іоанна Рилскаго и св. Параскевы. Авторъ со всею научною точностью и основательностью рассматриваетъ упомянутыя житія и ихъ редакціи. На стр. 387—393 онъ напечаталъ новоболгарскій переводъ по рукописи конца XVII или начала XVIII вѣка житія преподобной Петки или Параскевы, которая, какъ извѣстно, пользуется особеннымъ почитаніемъ на Балканскомъ полуостровѣ. Переводъ этотъ сдѣланъ съ житія составленнаго патріархомъ Евѳиміемъ, но имѣетъ нѣкоторыя интересныя вставки.

Профессоръ Нѣжинскаго историко-филологическаго института Матвѣй Соколовъ помѣстилъ въ этомъ сборникѣ очеркъ изъ исторіи Словацкой литературы: *Стихотворенія Яна Ботто*. Авторъ очерка совершенно справедливо указываетъ на малую извѣстность у насъ словацкой литературы вообще и въ частности почти полной неизвѣстности Яна Ботто (1829—1881), хотя Словаки представляютъ для насъ, Русскихъ, во всѣхъ отношеніяхъ немаловажный интересъ. Несмотря на свое положеніе почти центральное въ славянскомъ мірѣ и на свою значительную многочисленность (около двухъ съ половиною милліоновъ), Словаки однако угнетены болѣе чѣмъ другіе Славяне, живущіе въ Австро-Венгріи. Мадьяры лишили ихъ своихъ школъ и всячески мѣшаютъ ихъ заботамъ о поднятіи въ народѣ славянскаго самосознанія. И этотъ угнетенный народъ далъ многихъ поэтовъ, дѣятелей и ученыхъ, получившихъ всеславянскую извѣстность: такъ-вы Шафарикъ, Штуръ, Колларъ. Недавно умершій Янъ Ботто былъ по своему спеціальному образованію инженеръ и окончилъ курсъ въ Пештскомъ Университетѣ. Вліяніе Штура, знаменитаго дѣятеля Словаковъ, отразилось и на Ботто, впрочемъ не непосредственно, и Ботто принадлежитъ къ числу лучшихъ словацкихъ поэтовъ, проникнутыхъ любовью къ своей народности. Онъ воспѣвалъ въ своихъ лѣсныхъ родину и указывалъ что спасеніе Словаковъ лежитъ въ

славянской взаимности. Стихотворенія Ботто отличаются художественностью и выражаютъ глубокую вѣру въ лучшее славянское будущее. Г. Соколовъ говоритъ: „Утраченную, но имѣющую вѣкогда вернуться вольность своего народа, возрожденіе его и всего славянскаго племени Ботто любитъ изображать въ лицѣ дѣвицы, „золотой ланна“, убѣгающей отъ молодца, который однако не лишается надежды ее современемъ поймать“. Г. Соколовъ излагаетъ содержаніе одного изъ стихотвореній Ботто „Сказка безъ конца“, въ которой поэтъ изображаетъ какъ эта „золотая ланна“, выпорхнувъ изъ золотого яблочка, убѣжала отъ безроднаго сироты, который гоняется за ней, но не можетъ поймать, хотя она не скрывается изъ его глазъ. Въ другомъ произведеніи Ботто возлагаетъ надежды на Русскій народъ, который возвратитъ свободу Словакамъ. „Видите ли вы этого великана? спрашиваетъ поэтъ, какъ онъ ступаетъ съ горъ на горы, какъ около него блещутъ миллионы сабель, а надъ его головой шумятъ знамена. Когда на Западѣ солнышко догорать начнетъ и приблизится конецъ свѣта, тогда онъ воспламенитъ свѣту надежды, выведетъ новое солнце“. Г. Соколовъ особенно подробно останавливается на обширномъ произведеніи Ботто „Смерть Яношикова“, написанномъ въ 1846 и давшемъ поэту большую извѣстность въ родной странѣ; Словаки въ лицѣ Яношика, извѣстнаго гайдука-разбойника въ первой четверти прошлаго столѣтія, въ своихъ сказаніяхъ представляютъ безкорыстнаго патріота, защищавшаго бѣдныхъ отъ богатыхъ насильниковъ, наказывавшаго сильныхъ за всякое утѣсненіе слабыхъ и т. д. Поэтъ изъ этого героя народныхъ сказаній взялъ только тѣ въ которыхъ описывается смерть Яношика и въ своей „лирико-эпической элегіи“ изобразилъ подъ видомъ страданій Яношика страданія всего Словацкаго народа (стр. 411). Стихотворенія Ботто составляютъ первый томъ изданія *Knihovna cesko-slovenskii* въ 1880. Замѣтимъ кстати что въ 1881 году вышла въ Прагѣ довольно хорошая исторія словацкой литературы г. Ярослава Велчка (*Literatura na slovensku*).

Кандидатъ выпуска 1880 года, г. Гавриилъ Князевъ, помѣстилъ отрывокъ изъ своего сочненія которое онъ готовитъ къ печати подъ заглавіемъ: *Маеръ Ветраничъ, Дубровицкій поэтъ XVI столѣтія* (стр. 421—439). Авторъ въ своихъ „историко-литературныхъ замѣткахъ“ объ этомъ поэтѣ даетъ

краткія свѣдѣнія о жизни Ветранича и говоритъ о мотивахъ, заимствованіяхъ и содержаніи главнѣйшихъ произведеній Мавра Ветранича.

Г. Иванъ Соколовъ, кандидатъ вылука 1878 года, одинъ изъ редакторовъ *Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Петербургѣ*, напечаталъ очень обстоятельное описаніе *Мукачевской Псалтири XV вѣка*, которую онъ изучилъ, будучи зимою 1882 года въ Пештѣ, куда она была доставлена въ Национальный музей изъ Мукачевскаго монастыря (Мѹнкаса въ Угорской Руси). Эта Псалтирь среднеболгарскаго письма на пергаментѣ. И. И. Соколовъ сдѣлалъ ея краткое описаніе по просьбѣ г. Човтоши, хранителя музея, для каталога выставки, которую тогда устраивали въ Пештѣ. Авторъ описанія останавливается какъ на палеографическихъ такъ и на грамматическихъ данныхъ, основательно разсматривая особенности языка рукописи фонетическія, формальныя, синтаксическія и лексическія. Г. Соколовъ обратилъ вниманіе и на самое начертаніе буквъ и отмѣтилъ нѣкоторыя характерныя его особенности.

Вслѣдъ за этою статьей идетъ филологическая статья профессора Нѣжинскаго института Романа Брандта объ аористѣ *биль*. Профессоръ Брандтъ принадлежитъ къ числу молодыхъ ученыхъ славистовъ (онъ окончилъ курсъ въ 1875) и составилъ себѣ почетное имя въ области славянской филологіи своимъ изсѣдованіемъ: *Начертаніе Славянской Акцентологии* (1880) и учеными статьями помѣщаемыми имъ въ *Извѣстіяхъ Нѣжинскаго института* и въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ*. Въ настоящей своей статьѣ почтенный филологъ рядомъ остроумныхъ соображеній доказываетъ что „*биль* находится въ связи съ повелительнымъ наклоненіемъ, что оно содержитъ ту же примѣту *и*, и наравнѣ съ повелительнымъ представляетъ форму наклоненія желательнаго или условнаго“ (стр. 472). Этотъ взглядъ г. Брандта на *биль* объясняетъ почему это слово никогда не обозначаетъ прошедшаго времени, какъ замѣтилъ это самъ авторъ статьи.

Послѣднія страницы *Сборника* учениковъ профессора В. И. Ламанскаго (475—489) заняты статьей г. Федора Истомина: *По поводу тонической теории въ славянскомъ народномъ творчествѣ*. Авторъ задакъ очень интереснымъ вопросомъ о размѣрѣ приложимомъ къ народному стихосложенію Славянъ.

Прослѣдивъ развитіе теоріи стихосложенія у насъ и у южныхъ Славянъ, г. Истомина указываетъ что тоническая теорія по приложенію къ русскому стиху не выдерживаетъ критики. Онъ признаетъ особенно замѣчательной новую теорію которая строитъ теорію народнаго русскаго стиха на основаніи напѣва и музыки. Рядомъ остроумныхъ соображеній авторъ приходитъ къ предположенію что „удареніе хотя и играетъ нѣкоторую роль въ опредѣленіи славянскаго народнаго творчества, но роль эта не самая главная; все говорить за то что назначеніе ударенія служебное: оно располагается извѣстнымъ образомъ, но не само по себѣ, а во имя чего-то другаго въ его лежащаго, по требованію какой-то главной основы-руководящей всѣмъ складомъ поэтическаго народнаго творчества Славянъ.“

Сдѣланное нами перечисленіе статей *Сборника по славяновѣдѣнію* и краткое указаніе ихъ содержанія позволитъ читателю замѣтить что онъ лодонъ содержанія: читатель найдетъ въ немъ и чисто-филологическія статьи, и описаніе рукописей, и изслѣдованія по древнеславянскому праву и исторіи и очерки выдающихся старыхъ и современныхъ писателей. Очевидно ученики В. И. Ламанскаго, пользуясь руководствомъ учителя, занимаются всѣми частностями славяновѣдѣнія съ равнымъ успѣхомъ, хотя каждый имѣетъ своей кругъ спеціальности. Этотъ *Сборникъ* доказываетъ какъ широко развилось у насъ въ послѣдніе годы славяновѣдѣніе и какъ много задачъ предстоитъ всякому слависту, какой бы области науки онъ ни посвятилъ свои силы. Множество вопросовъ ждетъ его всюду, а интересъ къ славянству, возрастающій въ русскомъ обществѣ, долженъ былъ бы вызвать и общедоступные популярныя труды о Славянахъ, ихъ исторіи и литературѣ. Можно сказать что мы стоимъ предъ потребностью не только строго научныхъ изслѣдованій о славянствѣ, но и популярныхъ для широкаго круга читателей. Русскіе слависты, воспитанные въ строгой школѣ, несомнѣнно скоро дадутъ удовлетвореніе и этой потребности.

Сборнику предпосланъ адресъ учениковъ В. И. Ламанскаго, посвятивъ ему въ день юбилея. „Сравнивая послѣднее двадцатилѣтіе русской жизни“, такъ онъ начинается, „съ предшествовавшими эпохами, мы замѣчаемъ въ числѣ многихъ другихъ отличій одно особенно рѣзкое и знаменательное: быстрое и широкое развитіе славянскаго самосознанія въ

области нашей современной науки, литературы и общественной мысли.“ Обращаясь затѣмъ къ юбиляру, его ученики говорятъ: „Славянская исторія, литература, археологія, этнографія, языковѣдѣніе, словомъ, всѣ отдѣлы историко-филологическихъ знаній о славянствѣ получили цѣнные вклады отъ вашего дѣятельнаго и высокодаровитаго пера“. „Рѣдко встрѣчается учитель который имѣлъ бы силу и волю дѣйствовать на учениковъ столь разнообразными сторонами: и въ академическихъ чтеніяхъ, и въ домашней бесѣдѣ, и собственнымъ примѣромъ,—обаяніемъ своей личности“.

Въ виду такихъ заявленій, *Сборникъ статей* составленныхъ учениками В. И. Ламанскаго получаетъ особенное значеніе какъ доказательство этого широкаго и плодотворнаго вліянія на развитіе славистики въ Россіи со стороны почтеннаго петербургскаго профессора В. И. Ламанскаго.

П. К.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Новый годъ.—Дворянскіе выборы въ Москвѣ.—Наши аномаліи и судебная республика.—Гражданская свобода и политическая свобода.— По поводу способа погашенія нашихъ государственныхъ займовъ.— По поводу финансоваго плана на текущій годъ.— Столкновение Порты съ константинопольскою патріархіей.

I.

Моск. Вѣд. № 1.

Минувшій годъ ознаменовался для Россіи торжествомъ освященія самодержавной власти вступившаго на ея престолъ Государя. Это великое торжество было знаменательно еще и тѣмъ что раскрыло предъ изумленнымъ міромъ истинную, народную, историческую Россію, столь мало похожую на то чѣмъ представлялась она чрезъ свою же интеллигенцію. Всѣ, даже чужіе,—и чужіе быть-можетъ болѣе чѣмъ многіе свои,—почувствовали какою здоровою, мощною и плодотворною жизнію могла бы жить Россія, еслибъ она умѣла понимать себя и управлять собою согласно строю своего организма, еслибъ она была такъ же здорова въ своемъ мѣтвѣннѣ какъ и въ своей физикѣ. Но болѣзни мнимыя также болѣзнь, и могутъ также вести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Дай Богъ намъ бодрости духа и силу начинанія чтобы стряхнуть съ себя всякую дурь и подъ новымъ солнцемъ начать новую жизнь. Дай Богъ чтобы наступающій годъ былъ благодатнымъ поворотомъ въ нашихъ дѣлахъ, чтобы они вышли изъ неопредѣленности и смуты въ которой доселѣ находятся, чтобы яснѣе обозначилась черта между прошедшимъ и будущимъ. Мертващее бездѣйствіе и гнилое броженіе, это одно и то же, или одно ведетъ къ другому.

Все пошло бы хорошо еслибы мы наконецъ согласили наше разумѣніе съ реальными условіями нашего существованія. Все благопріятствуетъ нашимъ дѣламъ. Европейское положеніе наше не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ намъ относятся съ уваженіемъ и доброжелательствомъ. Всѣ ищутъ нашей дружбы, и никому не нужно ссориться съ нами. Россію перестали выставлять лугаломъ будто бы грозящимъ европейской цивилизаціи. Начинаютъ понимать что ея могущество служить, напротивъ, однимъ изъ главныхъ олоатовъ цивилизаціи. Ошибки и неясности ея прежней политики, которыми пораждались недоразумѣнія между ею и Германіей, кончились и уступили мѣсто полному взаимному довѣрію, которое лучше обезпечиваетъ сохраненіе мира чѣмъ всякая *лига мира*.

Въ истекшемъ году всѣ заботы европейской политики именно клонились къ обезпеченію установившагося въ Европѣ порядка отъ возможныхъ случайностей. Центромъ этой мирной политики весьма естественно была Германія, болѣе всѣхъ заинтересованная въ упроченіи нынѣшняго состоянія Европы. Ея канцлеръ умѣлъ вовлечь въ сферу своей политики всѣ тѣ государства которыхъ положеніе, въ случаѣ событій, могло бы стать сомнительнымъ. Дѣлалось это, конечно, въ виду того что въ европейской системѣ есть одинъ недовольный членъ, есть держава которая, испытавъ страшный погромъ, ищетъ возвратить себѣ утраченное значеніе. И вотъ Франція, изолированная и безсильная предпринять что-либо въ Европѣ, бросается то въ Африку, то въ Азію. Въ Египтѣ она столкнулась съ Англіей, которая употребляетъ теперь всѣ усилія чтобы помѣшать ей и на Мадагаскарѣ и въ Тонкинѣ. Если это соперничество не приняло болѣе опредѣленной формы, не вовлекло еще Францію въ войну съ подстрекаемымъ Англичанами Китаемъ, то развѣ потому что сама Англія запуталась въ дѣлахъ Египта. Полтора года назадъ, послѣ легкой побѣды при Тель-эль-Кебирѣ, Англія считала свое положеніе въ Нильской долинѣ и на Суэзскомъ каналѣ вполне упроченнымъ. Фактически управляя владѣніями хедива, Англія теперь застигнута врасплохъ религиозно-національнымъ движеніемъ въ Верхнемъ Египтѣ и Суданѣ. Новый годъ застаетъ Англію на распутьи: ей предстоитъ или снова употребить въ дѣло желѣзо, или оставить Египетъ за Турціей.

Англія не ждала такого поворота между прочимъ и потому что смотрѣла на Турцію все еще глазами времени Кипрской конвенціи, забывая что пять лѣтъ протекшія съ тѣхъ поръ поставили ее въ новыя отношенія къ Европѣ. Подъ руководствомъ рекомендованныхъ изъ Берлина нѣмецкихъ дѣльцовъ, Турція оправилась отъ понесенныхъ ею пораженій, уладила свои отношенія къ вассаламъ и ближайшимъ сосѣдямъ и теперь уже ищетъ формально примкнуть къ мирному союзу центральной Европы. Съ нами она въ добрыхъ отношеніяхъ.

Австрія замѣтно умѣрила свои претензіи на такъ-называемую культурную миссію на Балканскомъ полуостровѣ. Политика ея на Востокѣ подавала поводъ къ толкамъ. Въ этой политикѣ хотѣли видѣть *casus belli* для Россіи. Но Россія увѣрена что народности Востока, какова бы ни была временная политика ихъ правительствъ, не измѣнятъ самими себѣ. Россіи только это и нужно. Она не искала и не ищетъ пріобрѣтеній для себя. Въ Вѣнѣ между тѣмъ начинаютъ понимать что Габсбургской монархіи лучше и надежнѣе искать искренняго сближенія съ Россіей чѣмъ соперничать съ ней и пускаться въ опасную политику приключеній.

У Италіи нѣтъ враговъ въ Европѣ. Но неладны ея отношенія къ Римской куріи, созданныя событіями 1870 года. Еще недавно возникъ было призракъ „Римскаго вопроса“, но онъ исчезъ какъ только Италія присоединилась къ Австро-Германскому Союзу.

Война, которую князь Бисмаркъ съ 1870 года такъ энергически велъ съ владыкой Ватикана, близится повидимому къ окончанію. Войну эту предпринялъ руководитель германской политики въ видахъ упроченія государственнаго объединенія Германіи; теперь, въ тѣхъ же видахъ, онъ ищетъ поладить съ противникомъ. Ища соглашенія съ католическою церковью, германскій канцлеръ надѣется разстроить такъ-называемую партію центра, расторгнуть коалицію клерикаловъ съ партикуляристами. Когда „культурная борьба“ окончится миромъ, элементы раздвоенія утратятъ силу которую придавали имъ католическая церковь. Германскій канцлеръ дѣлаетъ то чего, къ сожалѣнію, не удалось намъ сдѣлать при нашемъ соглашеніи съ папой.

Прегражденіе культурной борьбы развязало бы князю Бисмарку руки и для проведенія его социальныхъ реформъ, направленныхъ къ развитію внутренняго благосостоянія Германіи и къ подавленію революціоннаго социаль демократизма.

Итакъ, новый годъ начинается подъ мирными для Европы знаменіями. Миръ Европы, дѣйствительно, обезпеченъ, и императоръ Вильгельмъ, при пріемѣ поздравленій, не счелъ даже нужнымъ констатировать, какъ бывало прежде, этотъ очевидный фактъ, ограничившись простымъ выраженіемъ своего удовольствія по поводу веденія дѣлъ его правительствомъ. Пожелаемъ чтобъ и въ другихъ странахъ государи имѣли основаніе быть также довольными своимъ правительствомъ!

II.

Моск. Вѣд. № 10.

10 января открылись дворянскіе выборы въ Москвѣ. Московское дворянство собралось впервые послѣ Священнаго Коронованія Государя Императора. Въ тѣ торжественные дни дворянству былъ явленъ знакъ особаго благоволенія и довѣрія Монарха начинающаго новый періодъ жизни Россіи. Неужели оно не почувствуетъ въ себѣ духа и силы для новой службы среди новыхъ обстоятельствъ? Неужели это передовое сословіе, по преимуществу государственное, не сумѣетъ отозваться на нужды государства? Неужели эта историческая русская сила не обнаружитъ чуткости и усердія среди затрудненій которыя теперь переживаетъ наше отечество? Когда врагъ угрожалъ Россіи, не слѣшило ли дворянство всегда первое на зовъ отечества, готовое на всѣ жертвы для общаго блага: оно не думало тогда о сословныхъ и мѣстныхъ нуждахъ; оно видѣло только нужды отечества и заботилось только о царской службѣ. Нестроенія, которыя мы въ настоящее время переживаемъ, могутъ грозить своего рода опасностями. Тотъ же государственный духъ, который поднималъ всегда дворянство на царскую службу, долженъ бы и теперь оторвать его отъ исключительно частныхъ интересовъ и указать ему путь какъ съ пользой дѣйствовать въ настоящихъ обстоятельствахъ для поддержанія государственной власти, въ усиленномъ дѣйствіи которой нынѣ болѣе всего нуждается наше отечество. Если дворянская организація остается способною къ жизни, то теперь пора ей доказать это, и она докажетъ это и произведетъ полезное дѣйствіе когда дастъ почувствовать въ разслабленномъ и распатавшемъ обществѣ тотъ крѣпкій государственный духъ которымъ эта организація создана, который всегда оживлялъ и отличалъ ее.

Моск. Вѣд. № 14.

10 января, по открытіи Московскаго Губернскаго Дворянскаго Собранія, дворянство поставило себѣ первымъ долгомъ выразить одушевлявшее его чувство во всеподданнѣйшемъ адресѣ.

Въ этомъ адресѣ, котораго текстъ сообщается вслѣдъ за симъ, московское дворянство засвидѣтельствовало что живетъ не въ фантастической странѣ, а въ Россіи. Оно обращается къ Царю Самодержавному, ломня долгъ каждаго вѣрно-подданнаго охранять права Его верховной власти; оно чтитъ эти права какъ краеугольный камень существованія Россіи. Оно знаетъ что въ Россіи не можетъ быть власти не подвластной Царю. Оно возлагаетъ всѣ надежды на Него, — и въ государственномъ домостроительствѣ, и въ обезпеченіи общественной безопасности, и также въ пресѣченіи неправосудія. Оно, очевидно, не понимаетъ чтобы въ Россіи могли быть суды отъ Него независимые, и чтобы Самодержавный Царь, именемъ котораго творится правосудіе среди Его народа, не имѣлъ власти пресѣкать неправосудіе.

Всеподданнѣйшій адресъ Московскаго дворянства.

Всемиловѣннѣйшій Государь!

Московское дворянство, вмѣстѣ съ выраженіемъ безпредѣльной преданности, повергаетъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и всеподданнѣйшее благодареніе свое за тѣ руководительныя, исполненныя мудрости и милости слова, которыя во дни торжествъ Священнаго Вѣнчанія Вашего на Царство имѣли счастье соединенно слышать изъ царскихъ устъ представителя дворянства и крестьянства.

Ободренное высокими призывомъ и движимое долгомъ, московское дворянство дерзаетъ свидѣтельствовать о своей готовности служить, какъ всегда, вѣрой и правдой Самодержавному Царю, свято блюдя Его законъ и охраняя права Его верховной власти, въ которыхъ чтитъ завѣтъ истории, залогъ благосостоянія отечества, краеугольный камень его могущества и цѣлости.

Господь да благословитъ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, на царскій луть, да поможетъ Вамъ въ трудѣ государственнаго домостроительства и въ заботахъ о благѣ народномъ, да укрѣпитъ Вашу руку въ огражденіе общественной безопасности и всякаго законнаго права, въ утвержденіе государства, въ пресѣченіе неправосудія, нестроений и всякаго беззаконія.

Мы радуемся что въ правительственной мысли Вашей, Государь, сблизаются два сословія соединенныя естественными узами взаимной пользы и общаго дѣла. Ихъ доброе согласіе есть вѣрнѣйшее обезпеченіе внутренняго мира. Упроченіе отношеній указанныхъ въ достопамятныхъ словахъ 21 минушаго мая создастъ твердыню, которая будетъ Вашему Величеству непоколебимой опорой во всѣхъ благихъ начинаніяхъ и несокрушимой силой противъ козней враговъ государства.

III.

Моск. Вѣд. № 12.

Не такъ давно, въ разныхъ иностранныхъ газетахъ, читали мы нелѣпныя вѣсти изъ Россіи о якобы готовящихся измѣненіяхъ ея государственнаго устройства. Никакого повода къ такимъ вѣстямъ не имѣется; все, напротивъ, должно бы кажется убѣждать въ противномъ. Правда, года за два, за три предъ симъ, надъ Русскою землею носились такъ-называемыя „новыя вѣянія“. Все казалось тогда возможнымъ, всякое безуміе и всякая глупость выступали тогда съ увѣренностію въ скоромъ и неукоснительномъ исполненіи ихъ вождедвій. Но теперь все спокойно; съ правительственныхъ высотъ уже не стремятся бурные потоки; лица стоящія у дѣлъ не будоражатъ страну фантазіями. Зачѣмъ же понадобилось возвѣщать міру что люди „новыхъ вѣяній“ готовятся снова выступить на сцену, что фракціи такъ-называемой либеральной партіи въ нашихъ правительственныхъ сферахъ пришли въ движеніе и пустились кто во что гораздъ? Что въ настоящую минуту подаетъ поводъ къ этимъ, ни на чемъ не основаннымъ, слухамъ? Поводъ есть, и заключается онъ именно въ томъ затихнѣ котораго водворилось у насъ послѣ бурныхъ вѣяній. Теперь страну сверху не будоражатъ, но за то и не видно куда направляются ея дѣла, что ждетъ ее впереди, какой

порядокъ вещей утверждается и будетъ господствовать въ ней, въ какую систему должны войти всѣ тѣ новыя учрежденія которыми было такъ обильно минувшее царствованіе? Мудрено ли что умы находятся въ броженіи, ждутъ чего-то и вѣрять всякому слуху. Никакими опроверженіями, ни офиціозными, ни офиціальными, нельзя прекратить эти непрерывно возникающіе слухи, порождаемые неопредѣленностію положенія. Надо дѣйствовать на причину, надо прекратить эту неопредѣленность. Но прекратить ее можно не словесными заявленіями какого бы то ни было свойства, а яснымъ образомъ дѣйствій въ опредѣленномъ направленіи; надо чтобы страна знала подъ какимъ солнцемъ она живетъ, какое начало управляетъ ея судьбами, куда она должна смотрѣть и въ какомъ направленіи предстоить ей далѣе строиться.

Минувшее царствованіе, столь обильное нововведеніями, возбудило много вопросовъ и оставило много недоразумѣній. Возникла мысль что реформы минувшаго царствованія вели къ тому что на языкѣ политической доктрины называется конституціей. Этого мало; въ умахъ распространилось мнѣніе что уже дѣло почти сдѣлано, только слово не произнесено, что новое государственное устройство уже создано, но только не увѣнчано, только задержано въ своемъ окончательномъ выраженіи. Отсюда чувство нетерпѣнія, и досада на задержку дѣла готоваго расслухиться. Напрасны всѣ увѣренія въ противномъ. Только факты могутъ разубѣдить людей. Требуется чтобы правительство своими дѣйствіями показало какъ оно понимаетъ новыя учрежденія и въ какую систему ихъ ставить; необходимо чтобы все ошибочное въ нихъ было устранено, все смутное и неопредѣленное приведено въ ясность, и чтобы не оставалось въ нихъ внутренняго противорѣчія. Требуется, прежде всего, чтобы въ правительственныхъ мѣрахъ общаго характера и въ законахъ вызываемыхъ государственною необходимостію ясно обозначилось какъ правительство понимаетъ себя и свои задачи среди новаго положенія созданнаго реформами минувшаго царствованія. Вотъ почему въ настоящее время менѣе всего желательно затишье и болѣе всего требуются бодрія, сильныя и послѣдовательныя дѣйствія, законодательныя и административныя. Прежде всего должно исчезнуть мнѣніе будто реформы минувшаго царствованія ограничили въ нашемъ отечествѣ монархическую власть и лишили ее свободы дѣйствій. Но

исчезнетъ это мнѣніе не вслѣдствіе того что кто-нибудь напишетъ объ этомъ статью или брошюру, а когда общество убѣдится въ этомъ изъ образа дѣйствій самого правительства. Нельзя остановиться на результатахъ завѣщанныхъ двадцатилѣтнемъ реформъ которыя всего коснулись, все подвергли вопросу; въ такомъ положеніи страна долго оставаться не можетъ. Вѣрно то что требуется рядъ законовъ, отчасти преобразовательныхъ, отчасти объяснительныхъ и согласительныхъ. Дѣло преобразованія должно идти впередъ; вопросъ только въ томъ куда, въ какую сторону.

Между Россіей старою, дореформенною, какою оставилъ ее императоръ Николай, и Россіей нынѣшней, какою оставилъ ее Императоръ Александръ II, лежитъ бездна. Измѣнились всѣ условія быта, и возникъ цѣлый міръ новыхъ потребностей и отношеній. Но реформы Петра Великаго еще глубже измѣнили Россію его времени, однако историческое существо ея перешло въ новую фазу своей жизни не потрясенное, не ослабленное, напротивъ усиленное. Мы надѣемся что и въ наши дни переходъ изъ одной фазы существованія въ другую не убилъ нашего отечества, но возвысилъ его и призываетъ его къ новымъ задачамъ; мы надѣемся что начала которыя народъ нашъ вынесъ изъ своей исторіи способны къ развитію, что они, и только они, могутъ удовлетворить наши народныя потребности, обезпечить порядокъ и свободу внутри государства, его достоинство среди другихъ державъ. Такъ надѣемся мы, но другіе думаютъ иначе. Кто же рѣшить споръ? Намъ ли согласиться съ противнымъ мнѣніемъ что жизнь нашего отечества изсякла, что государственное начало которое намъ завѣщено исторіей отжило свое время, и что намъ ничего не остается какъ отдать себя въ руки политическихъ шарлатановъ? Или же, наоборотъ, призракъ который носится надъ Россіей и мѣшаетъ ей жить долженъ наконецъ исчезнуть? Но исчезнетъ ли онъ пока будетъ длиться то затишь въ которомъ мы пребываемъ, и не затишьемъ ли этимъ деморализуется общество?

Монархическое начало расло одновременно съ Русскимъ народомъ. Оно собирало землю, оно собирало власть, которая въ первобытномъ состояніи бываетъ разлита повсюду гдѣ только есть разниа между слабымъ и сильнымъ, большимъ и меньшимъ. Въ отобраніи власти у всякаго надо всякимъ, въ истребленіи многовластія состоялъ весь трудъ и

вся борьба Русской исторіи. Борьба эта, которая въ разныхъ видахъ и при разныхъ условіяхъ совершалась въ исторіи всѣхъ великихъ народовъ, была у насъ тяжкая, но услѣпшая, благодаря особенному характеру Православной Церкви, которая отреклась отъ земной власти и никогда не вступала въ соперничество съ государствомъ. Тяжкій процессъ совершился; все покорилось одному верховному началу, и въ Русскомъ народѣ не должно было оставаться никакой власти отъ Монарха независимой. Въ его единовластіи Русскій народъ видитъ завѣтъ всей своей жизни, въ ней полагаетъ всѣ свои чаянія.

Съ развитіемъ и утвержденіемъ монархическаго начала отечество наше заняло великое положеніе въ мірѣ. Въ немъ открылась возможность гражданственности, обезпеченіе личности, законности, общественнаго благоустройства. Какая неизмѣримая бездна отдѣляетъ не только наши дни, но и старое Московское царство, отъ эпохи Ярославовой Правды, когда убить человѣка значило менѣе чѣмъ теперь собаку, и отъ той поры когда дѣла рѣшались лоббищами, стѣна шла на стѣну и непокорное меньшинство бросалось въ Волховы!

Тяжкая государственная необходимость требовала долгое время закрѣпленія народа; но вотъ мы были свидѣтелями великаго торжества самодержавной освободительной власти, поставившей всѣхъ и каждого въ прямые отношенія къ единой государственной власти.

Отмѣна крѣпостнаго права неизбежно влекла за собой и другія реформы. Отобраніе помѣщичьей власти должно было вызвать взамѣнъ ея новые органы управленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, монархическій принципъ, отбирая и подчиняя себѣ всякую власть, требуетъ чтобъ и органы его не были самовластны, чтобъ они были только его слугами.

Но въ пылу реформъ клявившихся къ тому чтобы всякую служебную власть отвести въ ея границы и поставить на ея мѣсто, возникло смутное мнѣніе что при этомъ дѣло идетъ о переходѣ отъ единовластія ко многовластію, что было бы пятнымъ ходомъ и началомъ разладженія. Потребностию было поставить параллельно съ администраціей другіе служебные органы, а между тѣмъ, подъ вліяніемъ чужихъ доктринъ, померещилось будто движеніе реформъ несетъ насъ къ ограниченію верховной власти олицетворяемой Монархомъ, причемъ забывалось что въ Русскомъ народѣ нѣтъ и не можетъ быть

никакой параллельной ей силы которая могла бы ограничить ее. Самъ Монархъ не могъ бы умалить полноту своихъ правъ. Онъ воленъ не пользоваться ими, подвергая черезъ то себя и государство опасностямъ, но онъ не могъ бы отмѣнить ихъ еслибъ и хотѣлъ; да народъ и не понялъ бы его.

Люди привыкшіе безъ смысла и надобности обо всемъ какъ дѣти спрашивать, пожалуй, спросятъ: а въ чемъ же должно быть огражденіе отъ произвола самаго лица облеченнаго верховною властью. Произволъ Монарха ограничивается только его совѣстью, тѣмъ что называется страхомъ Божиимъ, силою вещей, логикой событій. Гарантія заключается въ положеніи Самодержца возвышенномъ надо всѣми сословіями и партіями, въ совершенной общности его интересовъ съ государственною пользою и благомъ народнымъ.

Таково дѣйствительное положеніе, таково господствующее у насъ положительное государственное право. Но ложная мысль сбиваетъ съ толку умы и портитъ самыя лучшія учрежденія. Наши затрудненія въ настоящее время происходятъ главнѣйшимъ образомъ отъ этой лжи, и пока мы отъ нея не избавимся, никакое улучшеніе въ нашихъ дѣлахъ не будетъ возможно.

Благодаря этой смутѣ понятій, возникли у насъ удивительныя аномаліи. Самая чудовищная есть конечно водворившаяся у насъ судебная доктрина, въ силу которой новосозданные суды должны составлять изъ себя какъ бы нѣкую самодержавную республику въ предѣлахъ Русскаго Царства, обязаннаго содержать и чествовать ее, предоставляя ей полную власть надъ своимъ народомъ. Законами Русскаго Царства она можетъ не стѣсняться. Не подается законъ, она можетъ расширить и сузить его, перешагнуть черезъ него и распорядиться по усмотрѣнію, или, какъ говорятъ, по убѣжденію. Судебные чины, по своему убѣжденію, могутъ интернировать и заключать въ тюрьму до суда, отдавать подъ судъ и судить на всей своей волѣ, располагая всѣмъ арсеналомъ каръ, и лишеніемъ чести, и тюрьмой, и каторгой, не обязанные никому отчетомъ кромѣ своей же корпораціи въ порядкѣ подчиненія ея инстанцій и оставаясь безответственными по существу дѣла, лишь бы только были соблюдены извѣстныя формальности. Народу и всѣмъ властямъ его, съ верховною включительно, предоставляется благоговѣнно присутствовать при этихъ священнодѣйствіяхъ. Судебная республика караетъ

и милуетъ, можетъ оправдать не только преступника, но и преступленіе, отказывая въ правосудіи потерпѣвшему; устами своихъ прислѣзниковъ можетъ колебать всякое право, позорить людей подъ судомъ не состоящихъ и проповѣдывать ученія недопускаемыя въ Русскомъ Царствѣ. Она можетъ имѣть свою политику съ политикой Русскаго Царства не согласную. Правда, имѣется министр Юстиціи, но доктрина предоставляетъ ему только безобидную роль экзекутора въ притворахъ храма Фемиды, да еще обязанность состоять дипломатическимъ агентомъ судебнаго вѣдомства при Дворѣ Императора Всероссийскаго. Министръ Юстиціи, иначе генераль-прокуроръ, распоряжается только своими прокурорами; но если простой прокуроръ можетъ протестовать противъ рѣшеній низшихъ и среднихъ судебныхъ инстанцій и переносить дѣло въ высшую, то генераль-прокуроръ, каково бы ни было опредѣленіе высшей инстанціи, не имѣетъ права и, стало-быть, не обязанъ протестовать въ виду несправедливости, и не можетъ переносить дѣло, какъ бывало прежде, чрезъ Государственный Совѣтъ къ Императорскому Величеству, хотя ничто не мѣшаетъ тому же генераль-прокурору негласными способами, не подвергаясь ни отвѣтственности, ни нареканію, по своему произволу, направлять рѣшеніе въ ту или другую сторону, тѣмъ болѣе что для окончательнаго рѣшенія въ общемъ собраніи судебнаго Сената достаточно перевѣса однимъ голосомъ или, при раздѣленіи поровну, голосомъ первоприсутствующаго. Половина самихъ судей можетъ находить рѣшеніе несправедливымъ, но оно должно считаться абсолютнымъ, и никакая жалоба на него не допускается. Жаловаться на несправедливость суда можно только самому же суду въ порядкѣ подчиненія его инстанцій, но на высшую инстанцію жаловаться некому кромѣ Бога.

По доктринѣ которая отчасти отпечатлѣлась въ самомъ учрежденіи, а отчасти только бродитъ въ мысляхъ, выходитъ такъ что, подъ видомъ льготъ и обезпеченій, граждане отданы на произволъ самодержавной корпораціи должностныхъ лицъ. Кому же льготы, и кто отъ чего обезпеченъ? Цѣлью реформъ было оградить людей отъ самовластия служебныхъ органовъ государства, а съ этою доктриной мы какъ разъ очутились на обратномъ пути.

Самоуправленіе стало у насъ грубымъ двусмысліемъ. Быть хозяиномъ въ своихъ дѣлахъ, это то что называется свободой;

но то ли это что распорядиться участію и дѣлами другихъ? Расширеніе гражданской свободы и ея обезпеченіе, вотъ что желательно, въ этомъ цѣль реформъ. Это путь прогресса. Но предоставленіе кому бы то ни было своей воли въ распорядженіи участію другихъ, учрежденіе корпорацій съ государственнымъ функціями, но не регулируемыхъ государственною властію и мнящихъ себя отъ ней независимыми, развѣ это не полатное шествіе, ведущее къ разложенію и паденію государства?

Въ числѣ дѣятелей судебнаго вѣдомства есть достойныя во всѣхъ отношеніяхъ лица, которыя исполняютъ обязанности своего званія съ глубокимъ чувствомъ нравственной отвѣтственности. Но вопросъ не въ лицахъ, а въ духѣ корпораціи, которой люди покоряются невольно. Требуется необыкновенная сила убѣжденія и энергія характера чтобы противиться деспотизму коллективной силы которая со всѣхъ сторонъ охватываетъ своего человѣка. Горе непокорнымъ! Ихъ ожидаютъ ужасы нравственной пытки; ихъ выбросятъ за бортъ, обезславятъ, оклеветаютъ предъ цѣлымъ міромъ, благо есть для этого въ распорядженіи печать; съ него взыщутъ всѣ грѣхи міра, ему вмѣнятъ всѣ слабости человѣческой природы, ему не дадутъ покоя даже въ могилѣ.

Нѣтъ ничего ревнивѣе, ничего нелиберальнѣе корпорацій, особенно такихъ какъ наша судебная, при ея самодержавіи, какъ истолковала ее ходячая доктрина. Почему же считаютъ ее и сама она выдаетъ себя за какое-то по преимуществу либеральное учрежденіе? Потому что это учрежденіе явилось и возрасло въ духѣ оппозиціи. Оно сначала ограничивало служебную администрацію, что требовалось, но потомъ и самый принципъ правительственной власти, что не требовалось; а всякая оппозиція, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, считается ео ipso либерализмомъ. Вотъ почему у насъ все оппозиціонное примкнуло къ судебному учрежденію, въ немъ нашло себѣ опору, съ нимъ вмѣстѣ крѣпло, входило въ силу и распространялось. По мѣрѣ успѣховъ оппозиціоннаго духа, и административные органы подчинялись ему. Появились либеральные администраторы которые сочли своею священною обязанностію дѣйствовать вопреки правительственному долгу и въ подрывъ государственной власти.

Съ точки зрѣнія той же доктрины, почему бы и полиціи не предоставить самодержавныхъ правъ, почему бы и ей не

составить изъ себя корпорацію, которая слѣдовала бы своей политикѣ независимой отъ государства, и въ дѣйствіяхъ своихъ отвѣтствовала бы только Богу?

Открыть наукѣ просторъ, дать свободу научному изслѣдованію, предоставить ученымъ обществамъ выборъ своихъ членовъ и распоряженіе своими занятіями, это значитъ дать свободу или самоуправленіе. Но поручить коллегіямъ должностныхъ лицъ образованіе отборнаго юношества страны, тысячами стекающагося въ университеты, будущихъ слугъ государства и руководителей народа: это совершенно другое дѣло; тутъ не самоуправленіе, а служба, не свобода, а обязанности. Спрашивается, можно ли смѣшивать два столь разнородныя дѣла и переносить на преподавательскія коллегіи университетовъ то что имѣетъ смыслъ лишь по отношенію къ какимъ-либо ученымъ обществамъ? Можно ли, не оскорбляя смысла, подводить университеты подъ категорію самоуправления и организовать ихъ въ этомъ качествѣ, предоставляя имъ право дѣйствовать по произволу, самимъ выбирать своихъ членовъ, безконтрольно распоряжаться своими служебными занятіями, такъ или иначе моделировать молодые умы, учить и не учить ихъ, учить такъ или иначе, тому или другому, и наконецъ именемъ государства обязывать учащихся къ усвоенію возрѣвній преподаваемыхъ безъ вѣдома и указанія государства, ибо преподавательскія коллегіи у насъ не только преподаютъ науки, но и сообщаютъ своимъ слушателямъ права государственной службы. Развѣ это самоуправленіе?

Есть науки точныя, которыя въ своемъ существенномъ содержаніи мало зависятъ отъ личности преподающаго, лишь бы онъ владѣлъ своею спеціальностію; но есть доктрины которыя существенно измѣняются и въ характерѣ, и въ самомъ содержаніи, смотря по личности преподавателя, особенно тѣ которыя касаются предметовъ политическихъ, юридическихъ, историческихъ, философскихъ, религіозныхъ. Но нельзя обязывать учащихся къ усвоенію чего бы то ни было сверхъ необходимаго, сверхъ того что государствомъ должно требоваться при современномъ состояніи знанія. Свои права оно можетъ давать окончившимъ курсъ ученія не иначе какъ посредствомъ особаго испытательнаго учрежденія, на основаніи хорошо взвѣшенныхъ и ясно опредѣленныхъ по каждой части требованій.

Можно допускать болѣе или менѣе широкую свободу преподаванія и слушанія, но нельзя придавать свободѣ обязательную силу. Зло не въ простой свободѣ, а въ элементѣ власти который къ ней неправильно примѣшивается и ее извращаетъ. Законодательство и правительство въ своихъ мѣрахъ болѣе всего должны остерегаться скачка отъ свободы къ обязательности, который дѣлается иногда незамѣтно и портитъ самыя лучшія начинанія. Нѣтъ надобности запрещать любознательнымъ умамъ интересоваться предметами не составляющими необходимости, знакомиться съ недоказанными гипотезами, съ неустановившимися воззрѣніями; но нельзя ставить въ обязанность что-либо сверхъ необходимаго, всѣмъ міромъ принятаго и безспорнаго. Вотъ этой-то черты отдѣляющей простую свободу отъ власти обязывающей и вынуждающей многіе не замѣчаютъ и требуютъ съ одной стороны стѣсненія свободы, а съ другой, придаютъ обязательную силу тому что можетъ быть предметомъ только простой свободы.

Фальшивая мысль будто путь реформъ ведетъ насъ къ ограниченію верховной власти, мысль эта, безотчетно и смутно бродящая, оказываетъ свое дѣйствіе даже на ходъ законодательства. Дѣла въ законодательномъ порядкѣ восходятъ до Государя чрезъ Государственный Совѣтъ, который есть только путь къ законодателю, а самъ отнюдь не можетъ считаться законодательнымъ учрежденіемъ. Къ тому же дѣятельность его, до послѣдняго времени, не исчерпывалась рассмотрѣніемъ законодательныхъ проектовъ. По своему первоначальному назначенію, онъ долженъ быть путемъ къ Императорскому Величеству также для дѣлъ судебныхъ, по жалобѣ пострадавшихъ отъ неправосудія лицъ или по протесту генералъ-прокурора. Это не есть корпорація имѣющая опредѣленный составъ и какую-либо сферу власти, не есть политическая индивидуальность, организованное собраніе, выражающее свои изволенія большинствомъ голосовъ. Совѣтъ состоитъ изъ неопредѣленнаго числа лицъ, не представляющихъ собою никакихъ сословій, никакихъ партій, никакихъ общественныхъ интересовъ съ порученіемъ или полномочіемъ поддерживать ихъ. Они призваны довѣріемъ Монарха служить Ему совѣтомъ: высокое назначеніе, возлагающее на призванныхъ священныя обязанности. Каждый изъ этихъ совѣтниковъ долженъ говорить Царю свое истинное мнѣніе, по крайнему разумѣнію, стараясь

просвѣтить себя всѣми возможными способами, хотя бы только относительно главныхъ основаній приготавлиаемаго къ законодательному рѣшенію дѣла. Какая же тутъ надобность избѣгать во что бы то ни стало разногласій? Разногласіямъ, конечно только добросовѣстными, разъясняется дѣло со всѣхъ сторонъ. Какая надобность уснаенно заботиться о составленіи большинства? Хорошо если, при совокупномъ обсужденіи вопроса, всѣ участвующіе сойдутся въ одномъ мнѣніи, но онъ черезъ это не приобрететъ большой основательности, и будетъ ли невѣрное мнѣніе вѣрнѣе отъ того что къ нему присоединится большинство случайнаго числа ничего не представляющихъ лицъ, изъ которыхъ каждое должно говорить только отъ себя и за себя?

Игра въ парламентъ, въ большинство и меньшинство, не остается однако безъ серьезныхъ послѣдствій. Старанія избѣгать разногласія ведутъ къ соглашеніямъ которыя портятъ законъ. вмѣсто того чтобы возводить на законодательное рѣшеніе проектъ закона въ его чистотѣ, его иногда передѣлываютъ, подвергаютъ урѣзкамъ и прибавкамъ не въ видахъ улучшения, а въ избѣжаніе разногласія для пріобрѣтенія большинства, и въ результатѣ иногда получается полумѣра, не способная дѣйствовать или вносящая новую смуту въ дѣло которое предполагалось устроить. Вслѣдствіе смѣшенія разносистемныхъ понятій и образующейся отъ того неправильной складки въ умахъ, инымъ въ самомъ дѣлѣ мерещится что лучше испортить законъ нежели допустить возможность рѣшенія несогласнаго съ большинствомъ. Иные готовы видѣть въ этомъ *coup d'état* и скандалъ. Законъ прошедшій такимъ образомъ кажется имъ какъ бы лишеннымъ внутренней обязательной силы. Какое заблужденіе! Законъ именно и потерялъ бы для народа свою внутреннюю силу, великій скандалъ и произошелъ бы именно тогда когда бы намъ удалось въ самомъ дѣлѣ увѣрить народъ что законодательство наше есть дѣло изволенія большинства неизвѣстныхъ ему лицъ. Народъ чтитъ законъ и повинуется ему лишь въ увѣренности что онъ исходитъ отъ Царя, и чѣмъ яснѣе для народа признакъ его воли въ законѣ, тѣмъ обязательнѣе и священнѣе для него законъ.

Итакъ, надо рѣшиться на что-нибудь. Должна ли оставаться Россія Россіей, съ ея церковію и съ ея государственнымъ правомъ въ которыхъ состоитъ ея существо? Или же вмѣсто

известной намъ Россіи должно явиться нѣчто новое, намъ неизвѣстное и чуждое? Въ промежуточномъ состояніи, которое мы теперь переживаемъ, аномалія возникаетъ за аномаліей, и люди умные иногда кажутся помѣшанными. У насъ двоится, троится, десятерится въ глазахъ. вмѣсто одного самодержавія, котораго достигли мы великимъ трудомъ всей нашей исторіи и которое для всѣхъ здравомыслящихъ и наяву живущихъ людей остается непоколебимымъ, намъ мерещится призракъ многихъ самодержавій, все болѣе и болѣе овладѣвающихъ нашими дѣлами. Пора освободиться отъ этого призрака. Для этого не требуется ни особенныхъ усилій, ни ломки. Требуется только отрезать учрежденія созданныя не для фантастической, а для дѣйствительной Россіи. Требуется только привести ихъ къ правдѣ, тѣ-есть согласить ихъ съ Русскимъ государственнымъ правомъ, въ систему котораго они должны входить пока Россія остается Россіей. Все пойдетъ иначе когда путаницѣ понятій положенъ будетъ конецъ, когда недосказанное будетъ досказано и неясное разъяснено. Тѣ же учрежденія будутъ дѣйствовать иначе, и тогда только всѣ оцѣнятъ благотворное значеніе реформъ обновившихъ Россію въ минувшее царствованіе.

IV.

Моск. Вѣд. № 24.

Рѣшенія Сената считались всегда безапелляціонными, и дѣйствительно въ порядкѣ подчиненія судебныхъ инстанцій нѣтъ дальнѣйшей инстанціи. Но надъ судебными, какъ и надъ всякими инстанціями, есть верховная власть Монарха. „Нарѣшеніе Сената нѣтъ апелляціи“ изображено въ ст. 240 учрежденія Правительствующаго Сената, „но могутъ быть крайности, въ коихъ возбранить всякое приближеніе къ Императорскому Величеству было бы отнять избавленіе у страждущаго“. Или въ настоящее время не бываетъ страждущихъ отъ неправосудія? Или Императорское Величество уже не приближеніе для притѣсненныхъ? Рѣшенія Сената прежде имѣли силу лишь при условіи единогласія или двухъ третей Общаго Собранія. Это была существенная гарантія правосудія; однако законодатель находилъ ее недостаточною. Сенать не могъ и не долженъ былъ мнить себя подобіемъ

вѣрховной власти. За нимъ былъ надзоръ; за его рѣшеніями слѣдило „око Царево“. Генераль-прокуроръ, или министръ Юстиціи былъ обязанъ протестовать въ случаѣ всякаго рѣшенія нарушающаго правосудіе. При помощи состоящей при немъ консультаціи, онъ былъ обязанъ по каждому производившемуся въ Сенатѣ дѣлу составлять мотивированное заключеніе. Навязывать Сенату свое предложеніе онъ не могъ, и сенаторы могли протестъ его не уважить. Но генераль-прокуроръ былъ обязанъ возводить опротестованное имъ дѣло къ Императорскому Величеству, и не прямо отъ себя, но чрезъ Государственный Совѣтъ, который отнюдь не былъ высшею надъ Сенатомъ судебною инстанціей, ибо Государственный Совѣтъ рѣшеній ни по какимъ дѣламъ, ни законодательнаго ни судебного свойства, не постановляетъ, а есть только путь къ Монарху. Члены Государственного Совѣта, независимые отъ обѣихъ сторонъ, разсматривая дѣло, высказывались такъ или иначе, и мнѣніе ихъ, единогласное или разногласное, поступало на Высочайшее усмотрѣніе и рѣшеніе. Итакъ, если при единогласіи или при двухъ третяхъ голосовъ общаго собранія Сената находилось нужнымъ для обезпеченія правосудія чтобъ „око Царево“ слѣдило за ходомъ дѣла; почему же оно должно быть закрыто, когда по новому судебному уставу сенатское рѣшеніе считается состоявшимся даже при равномъ раздѣленіи голосовъ, лишь въ силу одного предсѣдательскаго голоса?

Вопросъ не въ томъ чтобъ отнять что-нибудь у кого-нибудь, но напротивъ возвратить страждущему отнятое у него право прибѣжища. Рѣнь идетъ прежде всего не объ измѣненіи дѣлопроизводства въ Сенатѣ и вообще въ судебныхъ учрежденіяхъ, но о возвращеніи русскимъ подданнымъ права въ чрезвычайныхъ случаяхъ обращаться съ жалобой на не-правосудіе къ Императорскому Величеству чрезъ Коммиссію Прошеній организованную для этой цѣли, и также о томъ чтобы генераль-прокуроръ не считалъ себя безответственнымъ въ дѣлахъ правосудія. Остался ли бы нынѣшній Сенатъ тѣмъ что онъ есть или оказалось бы нужнымъ въ чемъ-либо преобразовать его, нельзя ни въ какомъ случаѣ оставлять его подъ открытымъ небомъ; нужно ввести его, а за нимъ и всѣ судебныя установленія, въ общую государственную систему чтобъ исчезло нечлѣное, сводящее людей съ ума недоразумѣніе будто судебная власть въ Россіи независима

отъ общей государственной власти, а Русскій Царь будто бы находится по отношенію къ ней въ положеніи японскаго микадо бывшихъ временъ. Этимъ никакой ломки не дѣлается; только пресѣкается ложь которая надъ однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ учрежденій носится.

Быть-можетъ скажутъ что Сенатъ, при нынѣшнемъ судоустройствѣ, самъ не судить дѣлъ по существу, а только регулируетъ дѣйствія судовъ и кассируетъ ихъ рѣшенія въ случаѣ нарушенія законовъ и установленныхъ для судопроизводства правилъ, почему судебные департаменты Сената и называются кассационными. Не говоря уже о томъ что кассационный Сенатъ рѣшаетъ дѣла и по существу, и что нельзя смотрѣть за примѣненіемъ законовъ не обращая вниманія на существо судимыхъ дѣлъ, но еще важнѣе именно то что Кассационный Сенатъ входитъ въ истолкованіе законовъ. Иное истолкованіе бываетъ равносильно новому закону. Кассационныя рѣшенія становятся для судовъ какъ бы новымъ законодательствомъ, съ которымъ они считаютъ себя обязанными согласоваться почти не менѣе чѣмъ со статьями Свода Законовъ. Кассационныя рѣшенія такимъ образомъ становятся источникомъ права; кассационные сенаторы не только судятъ и регулируютъ суды, но и законодательствуютъ. Если ужъ это такъ, то неужели за всѣмъ этимъ не должно слѣдить „око Царево?“ Допустимъ что Сенатъ, даже при нынѣшнемъ своемъ устройствѣ и составѣ, даетъ всегда безусловно справедливыя опредѣленія; допустимъ что и впредь никогда не будетъ повода къ основательной жалобѣ на его рѣшенія, и что прокурорскій надзоръ въ свою очередь никогда не будетъ имѣть основательнаго повода къ протесту; но вѣрно то что дѣла не могутъ идти хорошо въ той странѣ гдѣ какія-либо власти мнятъ себя независимыми отъ общей и единой государственной власти и не знаютъ своего мѣста въ системѣ своего государства. Всякая неясность въ постановкѣ учрежденій, подающая поводъ къ фальшивому мнѣнію объ ихъ значеніи, портитъ ихъ духъ и неизбѣжно вызываетъ болѣзненные явленія въ составѣ государства.

А что можетъ быть фальшивѣе и вмѣстѣ нелѣпѣе распространявшагося мнѣнія о значеніи нашей судебной реформы? Отъ разныхъ лицъ, даже въ правительственныхъ сферахъ, приходится слышать будто вслѣдствіе судебной реформы власть Монарха лишилась части своихъ верховныхъ правъ!

Одни говорятъ объ этомъ съ наивнымъ прискорбiемъ, другiе съ не менѣе комическою радостiю. Итакъ, вотъ вамъ и конституція! Какимъ же баронамъ дарована эта magna charta? Господамъ правовѣдамъ состоящимъ по судебному вѣдомству. Заключенъ Государемъ съ его чиновниками контрактъ коимъ предоставляется имъ безконтрольно и самоуправно распоряжаться въ Русскомъ государствѣ, а Государь со своей стороны обязывается ни въ чемъ имъ не прекословить! Вотъ приведенная къ своей правдивой формулѣ эта пресловутая конституція. Вотъ какая нелѣпость можетъ засѣсть въ мысляхъ людей которые однако не считаютъ себя глупѣе другихъ.

Не только въ этомъ случаѣ, гдѣ нелѣпость бросается въ глаза, но и вообще, возможно ли думать чтобы какимъ бы то ни было частнымъ закономъ отмѣнялось основное начало на которомъ зиждется все законодательство страны? Если оказывается въ чемъ-либо несоотвѣтствiе между отдѣльнымъ узаконенiемъ и общими основанiями государственнаго права Россiи, то изъ этого не слѣдуетъ что отмѣняется Россiя, а слѣдуетъ только то что оказавшееся несоотвѣтствiе должно быть устранено и законъ долженъ быть немедленно исправленъ.

Опытъ и здравый смыслъ указываютъ на нѣкоторыя ошибки въ нашемъ судоустройствѣ, требующiя исправленiя. Сюда главнымъ образомъ относится несчастный институтъ присяжныхъ засѣдателей, этотъ выжившiй изъ смысла остатокъ чужой средневѣковой старины, при томъ въ искаженномъ и извращенномъ видѣ пристегнутый къ нашему судоустройству. Нелѣпость этого учрежденiя чувствуется вездѣ въ Европѣ, между тѣмъ какъ глупцы и шарлатаны у насъ молятся на него какъ на святыню. Такъ или иначе, этотъ безобразный институтъ, при томъ сопряженный съ обременительною для бѣднаго люда повинностiю, волнуетъ объ отмѣнѣ или замѣнѣ его чѣмъ-либо болѣе рациональнымъ. Окажутся можетъ-быть и другiя еггата или desiderata въ нынѣшнемъ судоустройствѣ; однако не слѣдуетъ клеветать на него и подлагать подъ нѣкоторыя узаконенiя нашихъ судебныхъ уставовъ значенiе котораго они по мысли законодателя не имѣютъ и по здравому смыслу имѣть не могутъ. Такъ, невинное положенiе о несмѣняемости судебныхъ чиновъ безъ суда возведено въ какой-то бессмысленно трансцендентальный догматъ. Благодаря одной безобидной строчкѣ въ Судебномъ Уставѣ будто бы теперь выходитъ что дважды два уже не четыре...

Припоминаемъ случай бывшій спустя нѣсколько лѣтъ по введеніи новыхъ судебныхъ установленій. Одинъ изъ кассационныхъ сенаторовъ произнесъ, въ земскомъ или городскомъ собраніи, неумѣстную рѣчь которая произвела тягостное впечатлѣніе на Государя. Его Величество нашелъ невозможнымъ оставить въ званіи сенатора лицо которое публично высказалось несоответственно своему званію и приказалъ уволить его. Ислуганный въ своемъ простодушіи министръ, заикаясь, замѣтилъ что по силѣ закона сдѣлать это невозможно, такъ какъ судебныя чины несмѣняемы. „Для тебя несмѣняемы, сказалъ Государь, но не для Меня.“ Фактъ этотъ, относящійся къ минувшему царствованію и принадлежащій уже исторіи, извѣстенъ намъ изъ достовѣрнаго источника. Министру однако удалось, благодаря добротѣ Государя, замѣять дѣло, и сенаторъ не былъ уволенъ. Добродушный генераль-прокуроръ конечно вѣнчалъ себя въ важную государственную заслугу то что ему удалось предотвратить такимъ образомъ un grand coup d'état. И вотъ, въ самомъ дѣлѣ (до чего однако можетъ доходить абerraція умовъ!) образовалась доктрина и распространилась не только во храмъ Феиды, но и въ правительственныхъ сферахъ Россійской Имперіи, будто судебныя чины абсолютно несмѣняемы, будто судебный чинъ, еще не зарѣзавшій человѣка или не совершившій другаго подобнаго скандала подлежащаго суду, не можетъ быть удаленъ отъ должности, при какой бы то ни было неспособности и негодности, что онъ неотвратимъ какъ Божій гнѣвъ, и что избавить отъ него людей той мѣстности на которую этотъ бичъ насланъ нѣтъ другой возможности какъ развѣ повисить его, произвести въ генеральскій чинъ, облечь въ сенаторскую тогу, а отъ кассационнаго сенатора уже нѣтъ никакой возможности отдѣлаться, развѣ перевести его въ Государственный Совѣтъ если только онъ не сочтетъ это за униженіе себя, такъ какъ члены Государственного Совѣта не входятъ въ сферу судебной конституціи, а потому не считаются въ принципѣ несмѣняемыми, также какъ и сенаторы другихъ департаментовъ, также какъ и всѣ должностныя лица въ государствѣ. Заботы избѣгать coup d'état въ этомъ отношеніи доходили до куріозовъ, превышающихъ вѣроятіе. Чтобы не очутиться въ безвыходномъ положеніи, министръ Юстиціи не рѣшался назначать судебныхъ слѣдователей, а назначалъ только исправляющихъ должность судебного слѣдователя,

дабы имѣть возможность удалить оказавшагося негоднымъ. Болѣе смѣлые умы позволяютъ себѣ нѣсколько болѣе либеральное толкованіе священнаго догмата. Судебные чины могутъ де быть смѣняемы не по одному уголовному суду, а также и по дисциплинарному производству. Изъ такого толкованія слѣдуетъ что судебный чинъ можетъ быть удаленъ, но не иначе какъ по усмотрѣнію самой же судебной корпораціи, независимой и самодержавной, которой политика не всегда можетъ сходиться съ видами правительства Россійской Имперіи: что государственная власть находила бы негоднымъ, то судебная корпорація можетъ признавать, напротивъ, очень пригоднымъ. Выходитъ такъ что отъ судебного чина, каковъ бы онъ ни былъ, можетъ быть избавлено население гдѣ онъ владычествуетъ и государство которому онъ не соответствуетъ только по изволенію самой судебной респубки.

Въ послѣднее время, поклонниковъ догмата несмѣняемости судебныхъ чиновъ смутилъ скандалъ случившійся во Франціи. Тамъ сразу смѣнены безо всякаго суда около 800 судебныхъ чиновъ потому только что они своимъ политическимъ образомъ мыслей не соответствуютъ государственному строю страны. Изъ этихъ смѣняемыхъ судей многіе отличаются высокими достоинствами, которыя признаютъ за ними и противники; но они лишены власти столь существенной и важной какъ судебная въ государствѣ, съ основаніями и политикой котораго ихъ воззрѣнія не сходятся. Наша интеллигенція тѣмъ болѣе должна быть смущена этимъ фактомъ что догматъ о несмѣняемости судей въ своемъ нелѣпо раздутымъ значеніи имѣетъ французскій штемпель. Интересно то что во Французской палатѣ министръ прѣводившій законъ о преобразованіи судебной организаціи сказалъ возражавшимъ то же самое что покойный Государь своему министру. Судьи, говорилъ г. Martin Feuillée, несмѣняемы для министровъ, но не для государя (*l'inamovibilité ne peut être une garantie contre le souverain lui-même*). Государь нынѣшней Франціи, каковъ бы онъ ни былъ, есть парламентъ который даетъ законы и отъ котораго всѣ власти исходятъ. Этотъ *souverain* Франціи даже не самъ смѣнилъ такую массу судебныхъ чиновъ, а просто уполномочилъ министровъ удалить всѣхъ тѣхъ судей которыхъ они признаютъ несоответствующими нынѣшнему государственному положенію страны. А у насъ все еще бродитъ ребяческая мысль будто верховная власть Русскаго Царя

беспильна избавить своихъ подданныхъ и свое государство отъ неспособнаго, недостойнаго или ненадежнаго въ политическомъ отношеніи судебного дѣятеля! Нѣтъ ни малѣйшей надобности измѣнять ту статью Судебныхъ Уставовъ гдѣ выговорена несмѣняемость судебныхъ чиновъ. Мы можемъ даже оставить безъ возраженія ту доктрину которая опирается на этой статьѣ. Мы охотно признаемъ что судебные чины не должны быть смѣняемы административнымъ порядкомъ, безъ суда. Судьи должны быть независимы отъ административныхъ властей, точно такъ же какъ и административныя отъ судебныхъ, но вѣрно то что какъ тѣ, такъ и другія безусловно и вполне зависятъ отъ верховной власти. Монархъ въ Россіи не есть только глава администраціи; онъ единственный надъ страной законодатель и его воля выше всѣхъ законовъ. Будучи законодателемъ, онъ есть и верховный правитель; будучи верховнымъ правителемъ, онъ есть и верховный судія. Если, по силѣ нашего государственнаго права, слово Русскаго Монарха есть законъ, то слово его есть и судъ.

Моск. Вѣд. № 26.

Пресловутый догматъ несмѣняемости судей есть французское издѣліе. Любопытно припомнить откуда онъ вышелъ, а также какъ онъ соблюдался въ исторіи французской магистратуры, и какъ теперь разъяснился.

Въ дореволюціонное время Франціи, при старой монархіи, судебныя должности покупались. Кулечное мѣсто было гарантировано за судьей пока на престолъ не вступалъ новый король, не связанный инвеститурой данною его предшественникомъ на занятіе судебныхъ должностей. Случалось однако что французскіе короли отправляли въ ссылку членовъ судебныхъ парламентовъ не стѣсняясь пріобрѣтенною ими за деньги несмѣняемостью. Вмѣсто распуценныхъ парламентовъ, короли, для отправленія правосудія, назначали своихъ комиссаровъ.

Итакъ, вотъ происхожденіе этого священнаго догмата несмѣняемости судейской: мѣста покупались, и потому весьма естественно что купившій считалъ кулечное своею собственностью, и согнать его съ мѣста значило нарушить право пріобрѣтенное куплей.

При обсужденіи закона 30 августа минувшаго года во французскомъ сенатѣ, нынѣшній министръ юстиціи г. Мартенъ-Фабье и докладчикъ комиссіи г. Тенайлъ-Саливьи припомнили въ рѣчахъ, сказанныхъ ими въ защиту предложеннаго правительствомъ судебнаго закона, главнѣйшія событія изъ исторіи французской магистратуры въ настоящемъ столѣтіи. „Во время Первой Имперіи никакой несмѣняемости судей не было, сказалъ министръ, да мы тщетно будемъ искать ея и въ позднѣйшей исторіи Франціи. Правда, въ эпоху реставраціи, въ конституціонной хартіи 1814 года значится принципъ несмѣняемости судей: *les magistrats des juges nommés par le roi sont inamovibles*, судьи назначенные королемъ несмѣняемы. Но тотъ же король, въ теченіе четырехъ лѣтъ отъ 1814 до 1818, смѣнилъ болѣе тысячи судей.“

Послѣдовавшее за тѣмъ правительство Франціи не захотѣло удержать на судебныхъ должностяхъ лицъ назначенныхъ прежнимъ правительствомъ, и статья 58 хартіи 1814 года нисколько не помѣшала ему удалить нежелательныхъ судей. Французскіе судьи, думая предотвратить нерасположеніе къ себѣ правительства Людовика XVIII, еще до отреченія Наполеона I послали королю адресъ съ изъясненіемъ покорности, и хотя они не были опасными противниками новаго режима, правительство однако смѣнило ихъ.

Итакъ, при самомъ занесеніи несмѣняемости судей во французскую конституцію, законодатели не понимали его въ нелѣпомъ смыслѣ отнятія у государства права отрѣзать отъ должности его же властію назначенныхъ судей.

То же самое повторяется при Юльской монархіи. Положеніе о несмѣняемости судей значилось въ законѣ, но болѣе трехсотъ судей были разомъ смѣнены по политическимъ мотивамъ.

Кратковременный республиканскій строй, смѣнившій въ 1848 году монархію, нисколько не ослабилъ правительственнаго авторитета въ судебномъ мірѣ. Въ виду необходимости назначить новыхъ судей соответствующихъ совершившемуся измѣненію въ общей системѣ государственнаго управленія, статья 114 конституціи 1848 года опредѣляетъ порядокъ ихъ назначенія и предоставляетъ это право исполнительной власти.

Итакъ, ни въ монархическомъ, ни въ республиканскомъ законодательствѣ Франціи принципъ несмѣняемости судей не признавался въ смыслѣ эманципаціи судей отъ государ

ственной власти. Назначая судью, правительственная власть отнюдь не вступала съ нимъ въ *договоръ* обезпечивающій за назначаемымъ его мѣсто.

Пренія происходившія во французскомъ сенатѣ по поводу закона о преобразованіи судоустройства во Франціи обострились въ толкахъ о значеніи какое сѣдуетъ придавать несмѣняемости судей. Министръ юстиціи, доказывая что несмѣняемость судей устанавливаетъ гарантію для судящихся, а не для судей, замѣтилъ: „Безъ сомнѣнія, нельзя поставить судей въ зависимость отъ исполнительной власти; они не должны зависѣть отъ прихоти или перемѣны министровъ. Но возможно ли гарантировать судей отъ законодательной, то-есть верховной власти? Несмѣняемость никогда не ограждала отъ законодательной власти. Она не можетъ быть гарантіей отъ самого государя.“ *

Принявъ въ засѣданіи 1 августа законъ о преобразованіи судоустройства во Франціи, французское законодательство покончило съ фальшивымъ принципомъ несмѣняемости судей, который выросъ на французской почвѣ и былъ лишь пустою фразой забывшею свой смыслъ.

Приведеніе въ исполненіе новаго закона объ удаленіи около 800 французскихъ судей было возложено на министра юстиціи и окончено къ декабрю минувшаго года. „При смѣнѣ судей мы, говорилъ министръ, будемъ имѣть въ виду соответствуетъ ли судья своему званію и какой у него политическій образъ мыслей.“

Послѣднія слова указываютъ на ближайшую причину побудившую французскія палаты принять новый судебный законъ. Онъ направленъ противъ тѣхъ судей которые неприязненно относятся къ настоящему государственному строю Франціи.

„Общественный порядокъ требуетъ прекращенія этой вражды, говорилъ въ сенатѣ докладчикъ комиссіи г. Тенаиль-Саливи. Съ того дня когда у насъ будутъ судьи которые скажутъ себѣ что правительство ничего не можетъ съ ними сдѣлать, что они могутъ поступать по своей волѣ, что ихъ нельзя смѣнять если они не совершили преступленій, то это означало бы безсиліе государственной власти.“

* *Journal Officiel* 1883, № 197.

Но во Франціи, гдѣ есть политическія партіи состоящія изъ людей сохранившихъ вѣрность правительству господствовавшему въ странѣ, гдѣ верховная власть переходила отъ одной династіи къ другой и принимала исключавшія одна другую государственныя формы, гдѣ правительство есть только партія не соответствующая цѣлой націи, тамъ еще понятны ревнивыя заботы объ огражденіи независимости судебныхъ чиновъ. Какой же смыслъ можетъ имѣть недѣльный догматъ принципиальной независимости судебныхъ чиновъ отъ государственной власти въ Россіи, которая, слава Богу, не имѣетъ никакихъ претендентовъ и въ которой не было иного государственнаго права кромѣ нынѣ дѣйствующаго? Независимость судебныхъ чиновъ требуется не для нихъ самихъ, а для ищущихъ правосудія, и независимость эта состоитъ единственно въ томъ чтобы судья могъ правдиво примѣнять законы своей страны и служить вѣрнымъ органомъ государственной власти дающей законъ. Дѣло правосудія должно быть прежде всего ограждено отъ произвола самихъ судей, и къ этому главнымъ образомъ должно быть направлено судоустройство. Судья долженъ быть обезпеченъ отъ постороннихъ вліяній которыя могутъ покровить вѣсы правосудія; но потому-то онъ и долженъ подлежать строжайшей отвѣтственности предъ государствомъ, предъ Государемъ.

Моск. Вѣд. № 27.

Развращенное воображеніе и испорченные вкусы нашихъ ревнителей прогресса не могутъ понять что истинно-либеральное начало требуетъ не представительства интересовъ, а чтобы законные интересы могли сами, такъ сказать самолично, живьемъ, о себѣ свидѣтельствовать и заявлять свои нужды предъ законодателемъ. Представительство по прокуратурѣ есть то же что чиновничество и по своей безотвѣтственности еще гораздо хуже. Въ интересахъ законодательства и въ видахъ лучшаго управленія желательно чтобы все шире и доступнѣе становились пути для раскрытія дѣйствительныхъ нуждъ народныхъ, чтобы всякая законная дѣятельность, всякій полезный промыселъ и честная профессія были въ своей сферѣ обезпечены, и чтобы въ этомъ обезпеченіи каждаго въ своей сферѣ состояло то что называется

самоуправленіемъ и свободой, а отнюдь не въ распоряженіи чужими дѣлами. И замѣтите: именно тѣ самые что кричатъ о представительствѣ, о парламентаризмѣ, о правовыхъ порядкахъ и толорщатся въ либеральныхъ фразахъ, всегда и окажутся по инстинкту отъявленными противниками всякаго свободнаго проявленія жизни. Либеральный дурманъ которымъ насъ угощаютъ клонится къ порабощенію и насилию, а не къ освобожденію и оживленію. Наша интеллигенція забралась на ложные пути, а потому весьма естественно что и инстинкты у нея ложные.

Желательно чтобы дѣла наши устраивались все болѣе и болѣе въ смыслѣ гражданской свободы и избавились отъ призрака такъ называемой политической свободы: первая есть то что поистинѣ называется свободой, а вторая носить свое имя фальшиво и есть не что иное какъ погоня за властью.

Желательно чтобы нужды народныя раскрывались во всей своей правдѣ предъ законодателемъ, и чтобы правительство имѣло ихъ всегда въ виду. Но, съ другой стороны, никакой интересъ не имѣетъ права навязывать себя законодательству. Правительственная мудрость должна взвѣшивать интересы и заботиться чтобы удовлетвореніемъ одного не повредить другимъ и тѣмъ не нарушить справедливости и не внести смуты въ народное хозяйство; но для вѣрнаго обезпеченія всякаго интереса въ его собственномъ дѣлѣ ничего не можетъ быть лучше какъ его же содѣйствіе.

V.

Моск. Вѣд. № 6.

Раскрытія нѣкоторыхъ сторонъ установившейся у насъ системы погашенія государственныхъ долговъ не могутъ остаться безъ послѣдствій. Значеніе относящихся сюда статей * заключается не въ разсужденіяхъ. Вся ихъ сила въ простомъ краснорѣчии цифръ. Напрасно было бы возражать

* См. послѣднюю книжку *Русскаго Вѣстника* за 1883 и *Московскія Вѣдомости* отъ 5 января.

противъ нихъ; съ цифрами спорить нельзя, и фактъ слѣдуетъ признать. Цифры эти были найдены въ официальныхъ и несомнѣваемыхъ источникахъ, къ которымъ обращались мы обыкновенно для справокъ при повѣркѣ своихъ соображеній по возбуждавшимся финансовымъ вопросамъ. За открытiемъ слѣдовало открытiе. Изученiе источниковъ потребовало усидчиваго труда. Данные найденныя однимъ провѣрялись другимъ, и только по тщательной неоднократной провѣркѣ рѣшились мы заявить ихъ, ожидая не возраженій, но подтвержденiя и соответственныхъ распоряженій. Наши раскрытiя клонятся не къ тому чтобъ искать отвѣтственныхъ лицъ; это не наше дѣло, да и не въ этомъ сила. Зло на которое слѣдовало обратить серiозное вниманiе заключается въ системѣ издавна установившейся. Многoго уже давнымъ - давно и слѣдъ простылъ; но система котрая сама себя изобличаетъ не должна быть долѣе терпима. Всего менѣе можно считать отвѣтственнымъ за нее нынѣшняго министра. По краснорѣчiе контрольныхъ цифръ должно убѣдить его въ необходимости измѣнить систему; оно должно сообщить ему бодрость для рѣшительныхъ мѣръ. Прoшедшаго не воротить, чтò съ возу упало то пропало; но предъ нами будущее, и во имя самыхъ дорогихъ для каждаго интересовъ нельзя не желать энергическихъ мѣръ къ улучшенiю тѣхъ сторонъ нашего финансоваго управленiя (какъ, впрочемъ, и всякаго управленiя) которыя требуютъ улучшенiя. Остатки суммъ ассигнованныхъ на погашенiе нашихъ государственныхъ долговъ, остатки, которые за многiе-многiе годы должны бы составить дѣйствительно громадный капиталъ, въ сундукахъ Государственнаго Казначейства едва ли окажутся. Долги которые давно, очень давно, должны быть погашены, продолжаютъ отягощать нашъ бюджетъ. Гдѣ же, спрашивается, эти миллiоны израсходованные, по контрольнымъ отчетамъ, до послѣдней копѣйки, но не исполнившiе своего назначенiя? Какъ ихъ искать? Быть-можетъ они перешли въ кассы иностранныхъ банкировъ; которые пользовались отсутствiемъ строгаго и правильнаго контроля надъ означенными суммами. На эту часть финансовыхъ операцiй не обращалось должнаго вниманiя, которое входило бы во всѣ подробности и слѣдило бы за погашенiемъ каждаго займа. Ни разу вопросъ объ этомъ не возбуждался, и все шло рутиннымъ порядкомъ. Для парада призывались къ ревизиi сословные депутаты, но

дѣйствительной ревизіи не было; цифры записывались безъ провѣрки и препровождались въ Государственный Контроль, который помѣщалъ ихъ въ свои отчеты также безъ провѣрки, такъ какъ эта часть финансовыхъ операцій изъята изъ его вѣдѣнія. Должны ли эти операціи и на будущее время оставаться внѣ вѣдѣнія Государственного Контроля, будетъ ли и въ послѣдствіи финансовое управленіе безъ должной строгости слѣдить за ходомъ этихъ операцій, въ этомъ весь практической интересъ вопроса. Мы были бы счастливы еслибы наши раскрытія повели къ серіознымъ результатамъ. Ничѣмъ такъ нельзя возстановить нашъ государственный кредитъ и поправить наши финансы какъ исправленіемъ всего что оказывается несостоятельнымъ и негоднымъ въ нашихъ финансовыхъ порядкахъ. Строгая дисциплина и контроль, вотъ душа всякой хорошей администраціи. Первые рѣшительные шаги въ этомъ смыслѣ немедленно отзовутся улучшеніемъ нашего финансоваго положенія. Исчезнетъ надобность прибѣгать къ хитро-сплетеннымъ комбинаціямъ для того чтобы какъ-нибудь держаться на балансѣ, и не пришлось бы лѣчить наше народное хозяйство рецептами отъ которыхъ оно хирѣетъ при всемъ своемъ природномъ здоровѣ.

Когда среди смутныхъ обстоятельствъ нашего времени намъ случается взывать къ сильному дѣйствию власти, то мы разумѣемъ при этомъ ея собственные органы. На нихъ-то должна быть обращена ея энергія. Правильная постановка учреждений, выборъ лицъ для служебныхъ функций сверху до низу, строгій надзоръ за исполненіемъ ими своихъ обязанностей, вотъ что прежде всего требуется; а когда органы власти будутъ вѣрно служить ей, то окажется что и все вокругъ обстоитъ благополучно и признаки болѣзненнаго состоянія исчезнутъ. Напрасно было бы бороться съ растлѣніемъ замѣчаемымъ въ обществѣ, а также съ подпольными дѣятелями, пока органы власти, судебные, административные и всякіе другіе не будутъ должнымъ образомъ подтянуты и не перестанутъ считать себя независимыми и самоуправными, не имѣя никакого страха. Дезорганизация властей неизбежно сопровождается дезорганизацией общества, упадкомъ нравственности и патриотическаго духа.

VI.

Моск. Вѣд. № 15.

Докладъ которымъ сопровождается министръ Финансовъ бюджетныя предположенія на текущій годъ не похожъ на доклады прежнихъ лѣтъ. Предъ нами изложеніе обширной финансовой программы, рассчитанной не только на начавшійся 1884 годъ, но частію и на цѣлый рядъ предстоящихъ лѣтъ. Каждый пунктъ этой программы имѣетъ громадное значеніе для государства, можетъ отозваться для всей страны неисчислимыми послѣдствіями.

На первый разъ мы остановимся лишь на одномъ изъ выраженныхъ въ этой программѣ взглядовъ, который и сами не разъ высказывали и къ которому не можемъ не отнестись почти съ полнымъ сочувствіемъ: разумѣемъ взглядъ на подъемъ русской валюты, другими словами, на возвышеніе цѣнности кредитнаго рубля.

Мы переживаемъ нынѣ моментъ перелома въ общихъ взглядахъ на государственныя финансы и народное хозяйство вообще. Какъ тридцать лѣтъ тому назадъ подвергались строгой критикѣ всѣ прежніе финансовые порядки, такъ нынѣ подвергаются критикѣ порядку возобладавшіе благодаря тогдашнимъ увлеченіямъ и показавшіе на дѣлѣ свою несостоятельность. Каждое разрушеніе прежняго, несогласнаго съ тогдашними тенденціями устоя, съ замѣной или безъ замѣны оного новымъ, казалось тогда услѣхомъ, которымъ слѣшили восторгаться не озираясь по сторонамъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ какъ отзовется мнимый услѣхъ на соприкасающихся частяхъ финансоваго механизма и народнаго хозяйства, на всѣхъ отправленияхъ подвергнутой ломкамъ и переделкамъ государственной машины. Было бы очень печально, еслибъ и торжество здравыхъ воззрѣній стало проявляться урывками, въ видѣ разныхъ частныхъ мѣръ, не соображенныхъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ, которыя могутъ получить должный смыслъ и значеніе лишь въ ихъ совокупности, служа выраженіемъ одного общаго глубоко обдуманнаго плана, соответствующаго нуждамъ страны и ея дѣйствительному положенію. Безъ выработки же такого общаго плана слишкомъ легко впасть въ ошибки, такъ что большіе зубцы новыхъ колесъ и шестерней не будутъ соответствовать другъ другу и потому будутъ производить не ту работу

Какой отъ нихъ ожидаютъ. Радуюсь каждому успѣху здравыхъ возрѣвій, мы опасаемся неосмотрительныхъ примѣненій. Радуюсь выразившемуся въ докладѣ министра торжеству здравыхъ возрѣвій на подъемъ русской валюты, мы боимся какъ бы этотъ успѣхъ не подалъ цѣнымъ повода къ увлеченіямъ въ крайности, къ настояніямъ на принятіе какихъ-либо одностороннихъ мѣръ.

Есть, однако, и могутъ быть безотлагательно приняты нѣкоторыя мѣры безъ опасенія вреда въ какомъ бы то ни было отношеніи, безъ опасенія что онѣ могутъ помѣшать исполненію какой бы то ни было части того общаго обдуманнаго финансоваго плана который предстоитъ еще выработать. На одну изъ такихъ мѣръ и считаемъ долгомъ указать, подъ впечатлѣніемъ выраженнаго въ докладѣ министра Финансовъ взгляда.

Есть въ нашемъ государственномъ счетоводствѣ—и въ приходо-расходныхъ смѣтахъ, и въ контрольной отчетности объ ихъ исполненіи, и въ кассовой бухгалтеріи—одна странность, ведущая къ немалымъ неудобствамъ и невыгодамъ. Эта странность заключается частію въ смѣшеніи кредитныхъ рублей съ металлическими, въ суммированіи тѣхъ и другихъ по кассовымъ счетамъ какъ бы величинъ однозначныхъ, частію (въ бюджетахъ и контрольныхъ отчетахъ) въ перечисленіи металлическихъ рублей въ кредитные по произвольно заранѣе устанавливаемому, не соответствующему дѣйствительности курсу. Странно складывать 5 аршинъ и 3 метра, ставя въ суммѣ 8 неизвѣстно какихъ единицъ длины, а между тѣмъ нѣчто подобное дѣлается въ нашемъ кассовомъ счетоводствѣ съ кредитными и металлическими рублями. Странно при расходѣ въ 1 руб. 50 коп. кредитныхъ считать израсходованнымъ безъ остатка цѣлый металлическій рубль, когда онъ по курсу стоить дороже, и когда поѣтому должна съ него получаться сдача...

Эта странность допускалась, полагаемъ, лишь въ виду ожидавшагося чуть не со дня на день (въ теченіе слишкомъ 25 лѣтъ) возстановленія цѣнности кредитнаго рубля, подъема его до парі, когда суммирование кредитныхъ и металлическихъ рублей стало бы дѣломъ нормальнымъ. Но указанной фикціи, думаемъ, долженъ быть положенъ конецъ, какъ скоро подъемъ валюты до парі отсрочивается на неопредѣленное время, какъ скоро министромъ Финансовъ въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ возвышеніе цѣнности кредитнаго рубля ставится въ

зависимость отъ возрастанія народнаго благосостоянiя и развитiя отлусковой торговли, какъ скоро официально признается что подъемъ курсовъ при обстоятельствахъ подобныхъ тѣмъ въ какихъ мы теперь находимся былъ бы даже не особенно желателенъ, такъ какъ могъ бы вызвать паденiе хлѣбныхъ цѣнъ и безъ того невыгодныхъ земледѣльцамъ производящимъ хлѣбъ для продажи. Признаю, и нельзя не признать, что намъ не день, не годъ, но неопредѣленное время предстоитъ жить при неравенствѣ кредитнаго рубля съ металлическимъ. Къ этому неравенству должно быть правильнымъ образомъ приспособлено и государственное счетоводство. *Строгое* различенiе кредитныхъ и металлическихъ рублей должно быть проведено и въ бюджетахъ, и въ контрольныхъ отчетахъ, и въ кассахъ. Должны быть, такъ сказать, два рядомъ стоящiе бюджета, кредитный и металлическiй: лишь такимъ путемъ были бы устранены серьезныя неудобства и невыгоды нынѣшняго порядка.

Одно изъ такихъ неудобствъ заключается въ безпрестанно возникающихъ и крайне вредно отзывающихся на государственномъ кредитѣ толкахъ о томъ что у русской казны оказывается по временамъ недостатокъ въ металлической наличности для ея металлическихъ платежей, главнымъ образомъ для уплаты по купонамъ металлическихъ займовъ. Недавно, когда шла рѣчь о золотой рентѣ, намъ приходилось указывать на подобные толки и вредное ихъ значенiе. Такихъ толковъ не было бы, они стали бы невозможны, еслибы публиковался балансъ особой *металлической* государственной приходо-расходной смѣты и ея исполненiя. Въ какомъ видѣ представляется эта смѣта можно видѣть,—правда, съ немалымъ трудомъ, котораго, кажется, до сихъ поръ никто на себя не бралъ,—напримѣръ, изъ послѣдняго *Отчета Государственнаго Контроля* за 1882 годъ. Изъ сопоставленiя и суммированiя многихъ цифръ (числомъ 71) приведенныхъ въ примѣчанiяхъ разбросанныхъ по 43 разнымъ страницамъ * оказывается что въ 1882 году:

Въ государственный доходъ металломъ поступило	77.423.817 р. 63 к.
Израсходовано металломъ.....	48.729.559 „ 36 „
Избытокъ металлическаго дохода надъ металлическимъ расходомъ.....	28.694.258 „ 27 „

* Стр. 5, 9, 39, 41, 49, 53, 57, 59, 61, 69, 73, 83, 85, 87, 99, 101, 145, 159, 189, 191, 193, 195, 197, 201, 205, 207, 209, 221, 229, 239, 289, 293, 297, 331, 399, 403, 431, 451, 453, 459, 539, 543 и 579.

Какой вѣсъ при такомъ металлическомъ балансѣ могутъ имѣть толки о мнимои несостоятельности русской казны по лежащимъ на ней уплатамъ золотомъ,—толки приравнивающие искусственно обѣдняемую Россію къ дѣйствительно разореннымъ Турціи и Египту?

Какой вмѣстѣ съ тѣмъ богатый источникъ для увеличенія государственнаго запаснаго металлическаго фонда, значительная часть коего была такъ неразумно растрочена наканунѣ послѣдней Восточной войны!

Вторая важная выгода отъ публикованія особаго бюджетнаго металлическаго баланса заключалась бы въ томъ что онъ разбилъ бы въ прахъ измышленія разныхъ проповѣдующихъ во имя науки шарлатановъ, залугивающихъ публичку увѣреніями будто низкіе вексельные курсы ведутъ у насъ къ обремененію государственнаго бюджета лишними расходами на платежи по металлическимъ займамъ. Ясно что эти господа могли бы быть правы лишь въ томъ случаѣ есaubы металлическіе расходы приходилось производить изъ кредитнаго фонда. Но когда есть налицо 77милліонный металлическій доходъ, для израсходованія 48 милліоновъ изъ этого дохода нѣтъ ни малѣйшей надобности заглядывать въ таблички вексельныхъ курсовъ: тутъ рубль идетъ за рубль при всякомъ курсѣ, и при высокомъ, и при низкомъ, независимо отъ берлинской и домашней биржевой игры въ колебаніе нашей валюты, — игры принявшей грандіозные размѣры благодаря 30лѣтнему слѣдованію совѣтамъ финансовыхъ доктринеровъ.

Уровень вексельныхъ курсовъ можетъ имѣть значеніе лишь для избытка поступившаго въ доходъ металла надъ металлическимъ расходомъ. Если этотъ избытокъ необходимо употребить на покрытие расходовъ въ кредитной валютѣ, металлические рубли должны быть въ такомъ случаѣ проданы, но проданы, конечно, по дѣйствительному, а не по мечтательному курсу. Средній курсъ на Лондонъ (на 3 мѣсяца) въ 1882 году былъ $24\frac{5}{32}$ пенсовъ, причемъ (считая 1 р. мет. = $38\frac{1}{8}$ пенс.) 1 р. мет. стоилъ минимумъ 1 р. 57,₈ к. (при курсѣ à vue цѣна металлическаго рубля опредѣлилась бы болѣе крупною цифрой). При такомъ курсѣ, 28.694.258 р. 27 коп. металлическихъ перешли бы изъ металлическаго бюджета въ кредитный въ суммѣ 45.279.539 р. 55 к.

Къ сожалѣнію, наши бюджеты и контрольная провѣрка ихъ исполненія основываются не на дѣйствительныхъ, но на

воображаемыхъ, условно принятыхъ курсахъ. Такимъ условнымъ курсомъ для 1882 года былъ 1 р. 50 к. кредитныхъ за 1 р. металлической. Благодаря этому условному курсу 28.694.258 р. 27 к. металлическихъ, стоившіе 45.279.539 р. 55 к. кредитныхъ, пошли сплона на уплату расхода только въ 43.041.387 р. 40 к. кредитныхъ. Употребляя въ 1882 году свой металлическій избытокъ на означенный кредитный расходъ, *казна должна была получить сдачи 2.238.152 руб. 15 коп. кредитныхъ, но таковой сдачи не получила.*

Можетъ-быть эта сумма въ 2.238.152 р. 15 к. и не пропала для казны, но, къ сожалѣнію, нигдѣ въ *Отчетъ Государственного Контроля* нѣтъ на нее яснаго указанія.

Такихъ неясностей не было бы, счетоводство и отчетность были бы правильны, еслибы на ряду съ кредитнымъ былъ установленъ особый металлическій бюджетъ. Каждый кому приходится вести крупное хозяйство, дѣлать ежегодно значительные денежные обороты, знаетъ какъ важна ясная, отчетливая и точная бухгалтерія и къ какимъ послѣдствіямъ могутъ вести недостатки и упущенія по этой части. Тѣмъ важнѣ благоустроенная бухгалтерія въ такомъ великомъ дѣлѣ какъ государственное хозяйство, государственные денежные обороты. Но какой правильной бухгалтеріи можно ожидать при суммированіи кредитныхъ рублей съ металлическими, при расчетахъ не по дѣйствительнымъ, а по мнимымъ курсамъ?

VII.

Моск. Вѣд. № 14.

Во внутренней политикѣ Оттоманской имперіи, съ нѣкотораго времени, на первый планъ выдвинулась своего рода „культурная борьба“, причиняющая не мало заботъ турецкимъ министрамъ и заставляющая опасаться серьезныхъ усложненій. Между Высокою Портою и Константинопольскимъ патріархомъ завязалась упорная распря, вслѣдствіе обнаруженнаго Турецкимъ правительствомъ намѣренія упразднить юрисдикцію патріарха для православныхъ христіанъ, существующую еще со временъ завоевателя Константинополя, султана Мурада. Какъ сообщалось въ свое время, Порта мотивировала свое желаніе упразднить эти привилегіи тѣмъ что въ послѣднее время, при содѣйствіи Европы, во всей

имперіи „введены реформы“ и что въ виду этого было бы де весьма справедливо чтобы благами этихъ реформъ пользовались не одни мусульмане, но и всѣ безъ исключенія подданные султана. Особенное значеніе при этомъ придавалось судебнымъ реформамъ.

Какъ извѣстно, издревле дарованныя привилегіи предоставляли христіанскимъ общинамъ нѣкоторую автономію подѣ властію Константинопольскаго патріарха. Автономія эта выходила за предѣлы чисто духовныхъ и церковныхъ дѣлъ; нѣкоторыя гражданскія дѣла подлежали вѣдѣнію патріаршаго синода, гдѣ имѣють совѣщательный голосъ и нѣкоторые міряне. Въ свое время автономія эта оказывала дѣйствительную пользу христіанамъ.

Порта отбираетъ у патріарха и его синода собственно юрисдикцію въ дѣлахъ касающихся браковъ и наслѣдства. Противъ этого рѣшительно возстало какъ духовенство, такъ и міряне Греки. Протесты православныхъ не произвели однако никакого впечатлѣнія на турецкихъ правителей, вслѣдствіе чего патріархъ сложилъ съ себя санъ, а синодъ прекратилъ свои функціи. Созданное такимъ образомъ положеніе продолжается уже довольно давно, а среди христіанъ, въ особенности на островѣ Критѣ, обнаруживается сильное броженіе. Не только турецкіе министры, но и самъ султанъ неоднократно обращались къ патріарху съ предложеніями компромисса; но онъ рѣшительно отказывается входить въ какіе бы то ни было переговоры, ссылаясь на то что онъ, удалившись отъ дѣлъ, есть простой епископъ, не имѣющій никакого права предпринимать что-либо отъ имени церкви, во главѣ управленія кою онъ болѣе не стоитъ. Невозможны переговоры и съ синодомъ, который не можетъ и не желаетъ принимать какое-либо рѣшеніе безъ своего предсѣдателя, патріарха.

Наканунѣ праздника Рождества Христова, султанъ снова обратился къ патріарху съ просьбой совершить на слѣдующій день торжественное богослуженіе и поручить епископамъ сдѣлать въ своихъ епархіяхъ то же самое. Просьба султана мотивировалась, и притомъ вѣроятно совершенно искренно, тѣмъ что правительство опасается беспорядковъ. Патріархъ снова сослался на то что не управляетъ болѣе дѣлами Константинопольской церкви и, слѣдовательно, не имѣетъ права давать кому бы то ни было предписанія. При этомъ патріархъ заявилъ что онъ станетъ во главѣ церковныхъ дѣлъ лишь въ

томъ случаѣ если правительство выдастъ ему брать вполнѣ сходный съ тѣми какіе выдавались его предшественникамъ, съ подтвержденіемъ всѣхъ привилегій духовенства. Хотя праздники Рождества прошли, благодаря заранѣ принятымъ полицейскимъ мѣрамъ, совершенно спокойно, султанъ тѣмъ не менѣ велѣлъ сообщить патриарху что уже отдаю приказаніе изготовить требуемый имъ брать. По настоящее время однако еще ничего не сдѣлано, хотя, по сообщеніямъ корреспондентовъ, совѣтъ министровъ обсуждалъ вопросъ о брать.

Очевидно что турецкимъ министрамъ не совѣмъ ловко отказать отъ своихъ требованій и такимъ образомъ обнаружить для всѣхъ свою неудачу; но иного рѣшенія вопроса пока не предвидится. Это хорошо поняли представители великихъ державъ въ Константинополѣ, настойчиво совѣтующіе турецкимъ министрамъ быть уступчивыми и согласиться на возстановленіе прежняго порядка. Безсиліе европейскихъ дипломатовъ когда Турція въ чемъ-либо заупрямится есть фактъ общеизвѣстный. Если турецкіе министры въ концѣ концовъ уступятъ,—а на это, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, можно разчитывать,—то они сдѣлають это не вслѣдствіе настояній дипломатовъ, а главнымъ образомъ изъ опасенія что броженіе среди христіанъ приметъ опасные размѣры.

Австрійская печать, внимательно слѣдящая за столкновеніемъ между Турецкимъ правительствомъ и патриархатомъ, не скрываетъ своихъ опасеній касательно исхода столкновения и совѣтуетъ Турецкому правительству уступить чтобы не вызвать новыхъ затрудненій на Востокѣ... Христіанскія населенія Турціи безъ различія племени непоколебимо увѣрены въ силѣ заступничества Россіи во всемъ что касается Православной церкви. Объ этомъ, въ настоящемъ случаѣ, свидѣтельствуютъ и корреспонденты вѣнскихъ газетъ. Благодаря добрымъ отношеніямъ между нашимъ правительствомъ и Портой и довѣрію которое внушаетъ ей нашъ нынѣшній посолъ можно надѣяться что возникшее затрудненіе будетъ скорѣ улажено.

ПОПРАВКА. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этого номера *Русскаго Вѣстника* вкрались слѣдующія опечатки. На стр. 334, стр. 20 сверху, напечатано *Tater*, слѣдуетъ читать *Vater*; стр. 13 снизу, напечатано *Winor* слѣдуетъ читать *Windsor*.

При семъ № прилагается особое объявленіе для всѣхъ подписчиковъ отъ единственнаго склада настоящаго шоколата Ретабльеръ у А. Л. ШТУММЕРЪ, въ Москвѣ.

ВО ИЗБѢЖАНІЕ ПОДѢЛОКЪ.
НАСТОЯЩІЙ
ШОКОЛАТЪ РЕТАБЛІЕРЪ
DR. СИМСОНА И К^о.

Употребленіе коего приноситъ несомнѣнную пользу.
Можно получать **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** у главнаго агента

А. Л. ШТУММЕРЪ въ Москвѣ,

НИЖНЕ-КИСЕЛЬНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ ШИГАЕВА.

Требованія исполняются съ первою отходящею почтой.

Цѣна за фунтъ 1 р. 20 к.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а равно для учительскихъ и ученическихъ библіотекъ, учительскихъ семинарій, городскихъ и народныхъ училищъ. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ, составленный по современнымъ латинскимъ словарямъ Анальевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ и изданный П. Леонтьевымъ. Ц. 4 р., пересылка за 5 фунтовъ.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78) ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно и для городскихъ уѣздныхъ училищъ. 1878. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

НЮМА РУМЕСТАНЪ. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ Чарлза Диккенса. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы. Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЙ ВКЛАДЪ. Статьи, записки, чтенія, записки Н. А. Любимова профессора Московскаго Университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва. 1881. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ. Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей. Варволомея Кочнева. Цѣна: выпускъ первый 75 коп., выпускъ второй 75 к., I и II выпуски вмѣстѣ 1 р. 50 к., за пересылку прилагать 25 коп.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1884 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1884 году, стоить въ Москвѣ, безъ доставки, пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ; съ доставкой на домъ въ Москвѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву:

Въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германию, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 руб. Въ прочія мѣста, за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1884 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1884 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ четырнадцать рублей 50 коп.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
на Страстномъ Бульварѣ.

